Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

1879 — 1881

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

Д.А. Милютин

ДНЕВНИК

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1879–1881

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

2-е издание,
исправленное и дополненное

Москва
РОССПЭН
2010

ББК 63.3(2)51
М60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а и 08-01-16064д

Предисловие *Л. Г. Захаровой*

Подготовка текста, комментарии и указатели
М. А. Волхонского, Л. Г. Захаровой, А. В. Мамонова,
Т. А. Медовичевой, Л. И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
А. В. Мамонова

Милютин Д. А.
М60 **Дневник. 1879–1881** / под ред. Л. Г. Захаровой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 600 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1381-9

Настоящий том продолжает издание «Дневника» Д. А. Милютина и охватывает последние годы его деятельности на посту военного министра и конец царствования Александра II (1879–1881). «Дневник» содержит ценные сведения о внешней и внутренней политике самодержавия после завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг., о развитии народовольческого террора и реакции власти и всех слоев населения на это явление общественно-политической жизни, о борьбе группировок в правительственных сферах и трагических событиях 1 марта 1881 г. Как во всех томах опубликованного ныне мемуарного наследия Д. А. Милютина, и в этой книге содержатся яркие, глубокие, меткие характеристики государственных деятелей России, западноевропейских стран и членов императорской фамилии Романовых; особенно обстоятельно и проникновенно представлена личность царя-освободителя — человека и монарха. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями и указателями и предназначено как профессиональным исследователям, так и всем интересующимся историей России.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-8243-1381-9

© Волхонский М. А., Захарова Л. Г., Мамонов А. В., Медовичева Т. А., Тютюнник Л. И., составление, предисловие, комментарии, указатели, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикация этой книги «Дневника» Д.А. Милютина (за 1879–1881 гг.) продолжает две предыдущие и вместе с тем отличается от них. Как военный министр и государственный деятель, по-прежнему фиксируя в дневнике состояние военных сил, события внешней и внутренней политики, настроение в обществе и развитие террора, Милютин, уходя в отставку в связи с трагической кончиной Александра II 1 марта 1881 г., подводит черту не только своей карьере, но и эпохе Великих реформ. 15 июня 1881 г. он с семьей уже в Симеизе, в «своем любезном приюте». Спустя несколько дней, посетив в Ореанде великого князя Константина Николаевича, говорит ему: «Грустно не наше личное положение "в опале", а то, что делается вдали и помимо нас, грустно, действительно, положение России» (с. 349). Как мемуарист он отмечал и неизбежное изменение характера своего дневника: «С тех пор, как я сошел со сцены государственной деятельности и скрылся почти от мира в свой уединенный уголок... дневник мой, носивший до сих пор характер вполне объективный, неизбежно примет преимущественно оттенок субъективный» (с. 351). Это действительно произойдет с середины 1881 г., однако «Дневник» не перестанет быть интересным, не ограничится «рамками домашней жизни». Из многочисленных писем по почте, но в основном с оказией, из газет и журналов, из почти ежедневных посещений друзей и бывших коллег Дмитрий Алексеевич узнавал о современной политической ситуации в России и в мире и записывал свои впечатления. И хотя он писал, что старался «забыть все прошлое», но, начав разбирать свой архив, невольно признавался: «Многое, уже забытое, воскресает в памяти, как будто покойники восстают из своих могил» (с. 377). А через несколько месяцев, в конце 1881 г., писал: «Большую часть дня провожу за своим письменным бюро: перечитываю письма и бумаги, сохранившиеся от прежних времен, и понемногу привожу в порядок свои воспоминания» (с. 394). Сожалея, что не вел с молодых лет дневник, видимо, под впечатлением ожившего прошлого, Милютин и решает писать свои «Воспоминания». Не будь отставки, вряд ли мы бы имели бесценный мемуарный труд, недавно опубликованный в семи томах[1].

Итак, о содержании «Дневника» за 1879–1881 гг. Он регулярный, пропуски за две (редко за три или четыре) недели встречаются, но всегда с пояснением автора, что не было ничего заслуживающего внимания. Многие строки дневника свидетельствуют, что автор писал под непосредственным

впечатлением от пережитых событий или полученной информации. Например, о своей беседе с германским императором Вильгельмом I, которая длилась $^3/_4$ часа, Милютин отмечал в записи 23 августа 1879 г., что она сделана «по горячим следам» (с. 85). О таких важных сюжетах, как этот, или более значительных Милютин писал подробно, по несколько страниц, и в тот же день. В своих записях о событиях 1 марта — 29 апреля 1881 г. он прямо адресовался к «будущему историку», который воспользуется приведенным «драгоценным материалом» для изображения «переживаемой нами эпохи» (с. 339). Историк и мемуарист, Милютин понимал, как важно для исследователя не только знать факты, но и почувствовать прошлое хотя бы через переживания людей (участников или свидетелей), непосредственно причастных к минувшим событиям.

Хотя русско-турецкая война 1877–1878 гг. и решения Берлинского конгресса остались за рамками этой книги «Дневника», однако, как свидетельствуют записи Милютина, восточный вопрос не утратил своей остроты. 26 ноября 1879 г. в «довольно продолжительном разговоре» с русским послом в Германии П.А. Сабуровым Милютин старался доказать, что переговоры с Бисмарком «не представляли бы для нас никакой положительной цели, если б оставлен был в стороне вопрос восточный. Для нас это самое больное место, и вся наша забота именно в том и должна состоять, чтобы не допустить никаких изменений в настоящем status quo на Балканском полуострове каким-нибудь новым сюрпризом со стороны Англии или Австрии, помимо нас» (с. 144). Спустя почти год Милютин вновь отмечал, что многие вопросы о территориальном разграничении на Балканах, «истекающие из Берлинского договора», остаются невыполненными, и никакие европейские декларации великих держав на Порту не действуют. На исходе 1880 г. Милютин называл восточный вопрос «нескончаемым» (с. 247). Он даже составил особую записку «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи»[2].

С конца апреля 1879 г. в «Дневнике» регулярно отражается еще один аспект ситуации на Балканах — положение Болгарии в связи с введением конституционного устройства, избрание на престол принца Александра Баттенберга, сына родного брата императрицы Марии Александровны, которая, впрочем, несмотря на родственные узы, не одобряла кандидатуру своего племянника и небезосновательно высказывала беспокойство за прочность занятого им трона. Одновременно возникли разные вопросы, «преимущественно же касательно ликвидации нашего управления и оккупации Болгарии», — отмечал Милютин.

Далеко не только трудности пограничного размежевания на Балканах после Берлинского конгресса, но гораздо более «обширные и важные задачи современной политической обстановки» вызывали беспокойство и тревогу Александра II и его военного министра, привлеченного императором к делам внешнеполитического ведомства. Это — враждебная позиция Австро-Венгрии, препятствовавшей продлению «Союза трех импера-

торов», возможная изоляция России и создание коалиции против нее в случае европейской войны (с. 76, 77, 82–85). В дневниковой записи 9 августа 1879 г. подчеркивается «исключительное значение» письма Александра II к Вильгельму I от 3(15) августа. В нем «с обычной откровенностью» высказано неудовольствие на образ действий берлинского кабинета, совершенно несогласный с установившимися издавна дружественными отношениями между Россией и Пруссией. Последовавшая затем встреча Александра II с Вильгельмом, а вскоре и длительная беседа Вильгельма с Милютиным, подробно зафиксированная в «Дневнике», представляют большой интерес для понимания напряженных отношений, сложившихся в этот период между двумя соседними странами.

Не менее интересны многие страницы «Дневника», посвященные характеристике дипломатической деятельности П.А. Сабурова, его сложным, регулярным, плотным контактам с Бисмарком, направленным на поддержку дружественных добрососедских отношений с Германией и «Союза трех императоров».

И вообще Милютина тревожило, что «все более и более проявляется общее во всей Европе враждебное к нам отношение», что «во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком». Он отмечал, что «Германия уже положительно является везде заодно с Австрией» (с. 74). Подозревая Бисмарка в фальши и лукавстве, Милютин был вынужден признать: «Тем не менее было бы с нашей стороны неполитично обнаружить какое-либо недоверие или сомнение; надобно во что бы ни стало восстановить наши дружественные отношения с Германией, хотя бы для виду; другого союзника нет у нас в Европе. Если б не удалось нам сойтись с Германией, то нам грозила бы коалиция целой Европы против нас: Россия очутилась бы одна против всех» (с. 95).

Милютина очень настораживал тот факт, что переговоры о «Союзе трех императоров» (России, Германии и Австро-Венгрии) продвигались очень трудно. Несговорчивость особенно проявляла Австро-Венгрия. В феврале 1880 г. она не соглашалась на предложенные условия восстановления «Союза». Это касалось в первую очередь распределения сфер влияния между Россией и Австро-Венгрией на Балканах по итогам русско-турецкой войны. В сентябре того же года австрийский министр иностранных дел выразил согласие на эти условия, заверив Бисмарка, что при отказе России от немедленного объединения обеих Болгарий (Болгарского княжества и Восточной Румелии) Австрия не будет стремиться к окончательной аннексии Боснии и Герцеговины. Однако в новых международных обстоятельствах (падение кабинета лорда Биконсфильда и приход к власти либерального правительства в Великобритании) и Александр II, и Министерство иностранных дел в лице Н.К. Гирса, и Милютин нашли, что февральские условия стали выгодны только австрийской стороне. Переговоры вновь затягивались, и «Союз трех императоров» будет заключен только после смерти Александра II. Уже в отставке в Симеизе, в июле 1881 г., Милютин получил письмо от Гирса (конфиденциально с курье-

ром) об окончании переговоров. Занося это важное известие в дневник, мемуарист называл курьезной ситуацию, когда самодержец просит отправить письмо о заключении договора о «Союзе трех императоров» не по почте (с. 368).

Именно в этой книге «Дневника» читатель может узнать особенно много интересного о внешней политике, о международном положении, о месте России в мире после Берлинского конгресса. Престарелый канцлер А.М. Горчаков, сохраняя свой пост, фактически уже не управлял делами, а военный министр приобрел большое влияние на решение всех вопросов, относящихся к ведомству иностранных дел. Он обычно присутствовал на всеподданнейших докладах товарища министра иностранных дел Гирса и по предложению Александра II высказывал свое мнение. Ему представлялись и его приглашали к себе послы иностранных держав, они также часто спрашивали его советов, как, впрочем, и послы России. Особенно тесные контакты были у Милютина с П.А. Сабуровым, после назначения его в Берлин. Можно сказать, что Милютин консультировал Сабурова в его трудных и важных переговорах о восстановлении «Союза трех императоров» и по восточному вопросу. Из иностранных послов особенно считался с Милютиным лорд Ф. Дефферин, представлявший Великобританию, часто беседовал с военным министром французский посол А.Э.А. Шанзи. Александр II не раз посылал Милютину проекты инструкций российским послам для просмотра, желая знать его мнение. Дмитрий Алексеевич вообще считал, что император, понимая состояние Горчакова, сам руководил внешней политикой, а Гирс был при нем в роли секретаря.

И, как характерно для государственной деятельности Милютина и для его мемуаров, всякое явление, событие рассматриваются им многогранно и всесторонне. Не только главное европейское направление внешней политики России находится под его пристальным вниманием, но и отношения с Китаем — страной очень отдаленной, но пограничной с Сибирью и Дальним Востоком. Долгие и мучительные переговоры по так называемому кульджинскому вопросу[3] завершаются подписанием 12 февраля 1881 г. договора, который не вполне удовлетворил Россию. Однако Милютин считал, что возвращение Китаю столицы Илийского края необходимо, так как «достоинство государства требует от нас честного исполнения обещания, неоднократно повторенного, — возвратить Кульджу», конечно, добившись от Китая определенных уступок (с. 38). Вместе с тем, узнав о намерении «нашего гигантского соседа» развить и преобразовать свои военные силы, Милютин дал распоряжение разработать план будущего военного устройства пограничных с Китаем окраин империи. Его тревожило, что «уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад; а кто знает, каким будет он впредь чрез 15 лет» (с. 255). В очередной раз Милютину нельзя отказать в прозорливости.

Другой важный вопрос на отдаленной окраине империи — дальнейшее продвижение в Средней Азии с целью присоединения Текинского

оазиса к российским владениям. В дневниковых записях Милютина раскрывается позиция сотрудников Министерства иностранных дел, военного ведомства и лично Александра II, которые единодушно высказывались за решительные действия в Закаспийском крае. Тем более, что по соседству, в Афганистане, Великобритания одерживала успехи. Однако первые ахалтекинские экспедиции 1879–1880 гг. не имели успеха. И только с назначением М.Д. Скобелева цель была достигнута, взяты Геок-Тепе, Ашхабад, и текинцы изъявили покорность, о чем красочно повествует «Дневник». Успехи англичан и русских как бы уравновесились в этом регионе, что имело значение для внешнеполитических отношений и контактов России и Великобритании в целом.

Обобщая впечатления от прочитанного, можно сказать, что исследователь не только внешней политики России, но и международных отношений 1870-х гг. в целом вряд ли сможет обойтись без «Дневника» Милютина (этой и двух предыдущих книг), так много в них интересных наблюдений, оценок, характеристик, невосполнимых никакими официальными документальными материалами.

Занятый управлением Военным министерством, участвуя в решении важнейших вопросов внешних отношений России с иностранными государствами, Милютин остро реагировал и чутко воспринимал внутриполитическую ситуацию в стране. Именно эта книга «Дневника» Милютина передает атмосферу тревоги и все растущего напряжения в обществе, серьезно обеспокоенном террористическими актами и неспособностью власти справиться с террористами. Так, после покушения А.К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г. близ Певческого моста Милютин записал спустя несколько дней: «В городе только и разговоров, что о преступных замыслах... Как будто самый воздух пропитан зловещими ожиданиями чего-то тревожного» (с. 53). В конце мая, сопровождая Александра II при возвращении из Крыма в столицу, Милютин отмечал, что «везде бросались в глаза принятые чрезмерные полицейские предосторожности; на платформах не было толпы, которая в прежние времена бросалась с одушевлением приветствовать царя: везде пусто, везде гробовое молчание» (с. 68).

Как современник и деятельный политик, чувствуя ответственность за правящую власть, Милютин был категорически не согласен с предпринимаемыми попытками подавить крамолу исключительно полицейскими мерами. Он полностью солидаризировался с мнением историка права и известного публициста А.Д. Градовского, высказанным в «замечательной» статье «Социализм на Западе Европы и в России». Ученый и общественный деятель «мастерски разъясняет» отличие, особенность русских «социалистов», которые заимствовали на Западе только имя, а действовали и думали совершенно в ином смысле. И главное, автор статьи «верно» указывал причины, создавшие в России «нигилизм»; далее уже от себя Милютин заключал: «Дело в том, что при всей чудовищности проповедуемых ими (революционерами. — *Л. З.*) принципов они не только

не встречают отпора в обществе, но, напротив того, даже находят благоприятствующую почву в массе недовольных существующим порядком вещей» (с. 58). Эти мысли и наблюдения не раз высказывались в «Дневнике». А далее вполне логично Милютин признавал, что «все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху», имея в виду: устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, центральных и высших учреждений. «Все отжило свой век, все должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах», — это заключение сделано в апреле 1879 г., спустя год после окончания войны (с. 58). В ряду необходимых преобразований Милютин видел и сферу народного просвещения, особенно высшей школы. С самого начала 1879 г. (4 января) появляется запись о совещании у П.А. Валуева по «студенческим делам». Как и в предыдущие годы, студенческое движение продолжало вызывать тревогу и беспокойство правительства. Только с назначением в апреле 1880 г. министром народного просвещения Андрея Александровича Сабурова (брата посла П.А. Сабурова) Милютин нашел поддержку и понимание в своем видении решения давно назревшего вопроса. Считая установившиеся после отставки А.В. Головнина с середины 1860-х гг. правительственные меры по отношению к студентам «драконовскими», Милютин и Сабуров совместно в октябре 1880 г. подготовили записку, в которой высказали свое «воззрение на настоящее положение учащейся молодежи, на совершенную необходимость организации этой массы на корпоративных и товарищеских началах». Одобрение Александром II предложенных в докладе министра народного просвещения мер открывало перспективы решения студенческого вопроса путем постепенного введения «новых правил» отдельно для каждого университета (с. 237–238). Этим планам не суждено было сбыться. Прийдя к власти, Александр III 24 марта 1881 г. убрал А.А. Сабурова с поста министра.

Именно в этой книге «Дневника» Милютина читатель может увидеть, как сплачивались в конце 1870-х гг. деятели Великих реформ в группу единомышленников, стремившихся к созданию «однородного министерства». С приходом к власти М.Т. Лорис-Меликова это станет совершенно очевидным. Вернувшись из Крыма в июне 1879 г. в «безобразный омут петербургской жизни», Милютин с удивлением отмечал, что «нашел в Петербурге странное настроение: даже в высших правительственных сферах толкуют о необходимости радикальных реформ» (с. 69). В конце 1879 г. великий князь Константин Николаевич говорил о «настоящем невыносимом положении», министр финансов А.А. Абаза «высказывал мысль о совершенной необходимости новых существенных реформ в государстве» (с. 114, 118).

1880 год начинается с тех же опасений Милютина по поводу развития террора. Он продолжает утверждать, что трудно «искоренить зло», когда правительство действует одними полицейскими мерами и не имеет поддержки «ни в одном слое общества». После взрыва в Зимнем дворце

5 февраля и назначения М.Т. Лорис-Меликова председателем Верховной распорядительной комиссии Милютин отмечал, что беспокойство в населении продолжается, что «есть малодушные, уезжающие из Петербурга» (с. 161). А в мае 1880 г. писал о том, каким угрюмым стал Царскосельский дворец: «все подъезды, кроме одного церковного, заперты; ворота в сад заперты; везде кишат городовые, полицейские, переодетые мушары» (с. 198). Еще более мрачная запись от 22 августа о поездке Александра II в Ливадию, уже после смерти императрицы, с морганатической женой княгиней Екатериной Михайловной Долгорукой: «На всем пути были приняты чрезвычайные меры охранения. Многие тысячи солдат и крестьян были поставлены на ноги непрерывною цепью вдоль всего пути» (с. 225). На обратном пути из Ливадии в столицу в конце ноября 1880 г. меры «для охранения пути от всяких злодейских покушений доведены до крайности». Кроме войск вдоль дороги были расставлены тысячи обывателей, конных и пеших. Александр II нигде не выходил из вагона; на станциях не позволяли быть на платформах ни одному постороннему человеку; боялись даже за переезд в самом Петербурге от вокзала до дворца, так что в столице никто не знал часа приезда императора. И даже молебствие по приезде совершалось не в Малой церкви, как бывало обыкновенно, а в приемной комнате «пред государевым кабинетом» (241, 242). И все же через три месяца террор народовольцев настиг Царя-Освободителя.

Под впечатлением этих трагических событий Милютин 13 марта 1881 г. вел разговор с наследным германским принцем о необходимости каких-либо общеевропейских мер для ограждения существующего общественного и государственного строя от угрожающей опасности анархизма. «Никакое правительство, — внушал он принцу, — не в силах справиться у себя с подпольными злодеями, пока они имеют безопасные убежища в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и доставляются денежные средства» (с. 287). Опять нельзя отказать Милютину в проницательности. Подмеченное явление действительно грозило России большими опасностями в грядущие времена.

С воцарением Александра III атмосфера мрачного противостояния власти террору еще более усилилась. «В Гатчине поражает приезжего, — записал мемуарист 31 марта 1881 г., — вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя» (с. 304). Спустя несколько дней Лорис-Меликов уговорил Александра III хотя бы показаться в Петербурге, чтобы прекратить разные нелепые толки в народе (с. 310). Сам Лорис-Меликов был уверен, что «террористическая» партия вовсе не многочисленна, что «гораздо важнее для будущности государства то, что среда, сочувствующая революционной партии, умножается с

каждым днем» (с. 307). Выслушав это компетентное мнение, Милютин добавлял от себя: «В этом-то отношении и прискорбно настоящее бездействие высшей власти и принимаемое ею ложное направление» (с. 307).

Об этом направлении нового царствования достаточно известно и по литературе, и по свидетельствам современников (дневникам А.Е. Перетца, П.А. Валуева, по письмам К.П. Победоносцева и др.). Однако запись Милютина по «горячим следам» дополняет знакомую картину яркими мазками, придающими происходившим событиям особенный колорит и значимость. 3 марта 1881 г. по поводу проекта депеши П.А. Сабурову Александр III заявил Гирсу в присутствии Милютина «свое намерение ни в чем не отступать от политики своего почившего родителя». Об этом предстояло заявить и канцлеру Бисмарку (с. 273). А уже 8 марта на судьбоносном заседании Совета министров, созванном для подтверждения одобренной Александром II программы преобразований, призванной продолжить и завершить Великие реформы, «нежданно-негаданно» узнали собравшиеся о сильной оппозиции делу Царя-Освободителя. «Недоумение» относительно цели присутствия на заседании графа Строганова, которому император предоставил первое слово, сразу разрешилось. С первых же слов речи Строганова стало ясно, что в программе мирных законодательных работ Лорис-Меликова «прозреваются призраки революции, конституции и всяких бед». Но сказанное было «бледно и ничтожно» в сравнении с «иезуитской речью» Победоносцева, который «осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой!». Заключительные слова Милютина о впечатлении, произведенном этой речью, заслуживают особого внимания историков: «...Это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть *нервного вздрагивания* от некоторых фраз фанатика-реакционера» (с. 281–283). Подчеркнутые нами слова написаны генералом, не раз видевшим сражения в войнах или участвовавшим в боях. Так могли реагировать он и его коллеги, люди, умудренные жизненным опытом и долгим служением государственным интересам, не просто на слова, интуитивно они, видимо, чувствовали конец эпохи, с которой связывали надежды на обновление и развитие России, начатое освободительными реформами. Точность, адекватность их субъективной, чувственной реакции вскоре подтвердилась конкретными политическими заявлениями и делами новой власти.

После очередного совещания 28 апреля, достигшего компромиссного решения (за исключением одного Победоносцева), «даже по щекотливому вопросу» о привлечении земцев к законодательной работе, не прошло и нескольких часов, как произошло главное событие этих двух месяцев. «Совещание окончилось в первом часу ночи, — записал в дневнике свои впечатления Милютин, — ...но тут только *вдруг* узнаем мы с удивлением от министра юстиции, что на завтрашний день приготовлен высочайший манифест, который он и показал в печатном оттиске. *Такая неожиданная*

новость поразила нас, как громом...» (здесь и далее выделено мной. — *Л. З.*; с. 318). Этот «театральный трюк», как выразился мемуарист, имел вполне конкретные и значительные последствия — 29 апреля 1881 г. вышел Манифест о «незыблемости самодержавия» вместо одобренной Александром II программы преобразования и развития Великих реформ. В разговоре с Лорис-Меликовым Александр III назвал его, Милютина и Абазу представителями «либеральной партии», не сочувствующими принципу самодержавия (с. 327).

Для современного читателя очень интересна реакция государственных деятелей эпохи Великих реформ на такой перелом внутриполитического курса. Все два месяца (март–апрель), видя мрачную перспективу будущего и признавая «положение дел нестерпимым *для министра, дорожащего общественным мнением**», Лорис-Меликов тем не менее убеждал своих единомышленников не покидать служебной деятельности, пока остается какая-то надежда на реализацию одобренной Александром II программы. Возможность остаться в правительстве они связывали с определенными условиями: «если Государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие», устранив всякое «посредствующее влияние» (подразумевалось вмешательство Победоносцева); другое условие — «чтобы *министерство было однородное*, чтобы все министры действовали в одном смысле, а не противудействовали один другому». Лорис-Меликов, Милютин, Абаза хотели «вывести дело начистоту, чтобы разъяснить, наконец, можем ли мы, с *нашими понятиями и убеждениями*, еще долее тянуть лямку, не зная, куда тянем» (с. 310, 311). Это запись 20 апреля, а 29-го, с выходом Манифеста, стало ясно, что их представления о личном достоинстве, чести, долге служения Отечеству не позволяют оставаться у власти и разделять с ней ответственность за будущее России. Интересна сама форма подачи в отставку. Лорис-Меликов и Абаза, узнав о Манифесте, тут же послали всеподданнейшее письмо об отставке, но не явились со своей просьбой в Гатчину; Милютин просил об отставке на очередном, последнем докладе у императора. Карьера реформаторов закончилась. В конце года — 30 декабря — Милютин подведет итог: «Завтра последний день 1881 года, года тяжелого для всей России. Трагическая катастрофа 1-го марта произвела резкий перелом в нашей государственной и общественной жизни». Заглядывая в будущее, один из выдающихся государственных деятелей России видел «полную безнадежность» (с. 396). Конечно, это личное мнение мемуариста, оставшегося не у дел после напряженного труда на ответственных постах в течение четверти века. Оно требует сопоставления с другими свидетельствами современников и документальными сведениями, но именно субъективность восприятия событий дав-

---

* Здесь уместно отметить, что Д.А. Толстой, призванный Александром III в мае 1882 г. на пост министра внутренних дел, провозгласил прямо противоположный принцип — не считаться с общественным мнением[4].

но прошедших времен позволяет почувствовать сегодня знаменательную для России эпоху, когда так высоко было представление о долге и ответственности государственного деятеля.

Кроме этих значительных событий и сюжетов политической истории России (внутренней и внешней), как всегда, мемуарист не прошел мимо отдельных фактов, казалось бы второстепенных, которые, однако, ярко характеризуют специфические особенности государственной системы, уклада повседневной жизни, менталитета народа или отдельных людей.

Еще в предыдущей книге «Дневника» Милютин отмечал, что одним из главных предметов прений в Комитете министров в 1876 г. было представление министра внутренних дел об «ограничении празднования юбилеев, размножившихся в последнее время до смешной мании»[5]. Ситуация, однако, не изменилась. В октябре 1879 г. Милютин вновь констатировал: «У нас что ни день, то какое-нибудь торжество, какая-нибудь церемония». И если можно понять юбилеи в честь побед (взятие Плевны, городов Средней Азии), то совсем нелепо выглядит празднование 25-летнего юбилея «первого бомбардирования Севастополя». Мемуарист сокрушался: «Кажется, что тут праздновать? Лучше бы позабыть эту печальную эпоху. Но у нас не пропускается никакой случай отслужить молебствие, выстроив роты пред аналоем, и прокричать ура» (с. 99).

Среди новостей столицы сообщается в дневниковой записи, что в октябре 1879 г. открылся новый мост через Неву напротив Литейной улицы, названный именем Александра II. Это не первое прижизненное увековечение имени императора — характерный штрих времени. А вот другой — уже о нравах придворной жизни. 1 апреля 1879 г., в день Светлого Воскресения, Милютин с удивлением отмечал, что давний обычай христосоваться с Государем у заутрени отжил свой век. Когда об этом было объявлено съехавшимся, многие были «озадачены и недовольны», и почти вовсе уже не христосовались между собой (с. 50). Реакцию придворных можно понять, ведь в начале своего царствования Александру II приходилось совершать до 800 «чмокаций», о чем он сообщал брату Константину Николаевичу.

Как всегда, и в этой книге «Дневника» Милютин много писал о людях, щедро говоря об их достоинствах и деликатно — о недостатках, например, о «всемогущем в настоящее время графе Лорис-Меликове» (запись 10 января 1881 г.). Признавая недостатки характера великого князя Константина Николаевича, резкость тона, бестактные выходки, Милютин считал, что он «оказал России такие заслуги, за которые... можно простить ему многие личные недостатки», что он «постоянным и горячим участием в великом деле освобождения крестьян» навлек на себя злобу крепостников; что, председательствуя в Государственном совете, «с настойчивостью и часто с увлечением проводил он, наперекор ретроградной оппозиции, всякую благую меру в смысле легальности и прогресса» (с. 294). Однако есть в «Дневнике» персонажи, для которых не нашлось у Милютина смягчающей тональности, например, А.М. Горчаков. Высказывая о нем самое

нелицеприятное мнение, Милютин не находил оправдания для престарелого канцлера, который бездействует, но не подает в отставку. Это обстоятельство как будто выводит автора «Дневника» из присущего ему состояния уравновешенности, тем более, что российскому внешнеполитическому ведомству приходилось иметь дело на Западе в первую очередь с могучим железным канцлером — О. фон Бисмарком.

Больше, чем о других, писал Милютин об Александре II, всегда доброжелательно, о его благодушии и кротости, о его человечности. Отмечая заслуги Царя-Освободителя в проведении Великих реформ, не забывал отметить и его нерешительность, колебания в некоторые периоды царствования, а в связи с морганатическим браком после смерти императрицы с Е.М. Долгорукой (светлейшей княгиней Юрьевской) не мог избежать и осуждения любимого монарха. А в целом со страниц этой книги (и всего мемуарного наследия Милютина вообще) личность Царя-Освободителя — человека и монарха — возникает перед читателем по-новому, иногда и неожиданно.

Много интересного узнает читатель о жизни Милютина в Симеизе, которая, несмотря на уединенность, оказалась связана многими нитями не только с Россией, но и с миром: через многочисленных посетителей, включая иностранцев, через регулярно поступающую корреспонденцию, газеты. Любопытно ознакомиться с распорядком дня, укладом жизни, повседневностью покинувшего высокий пост государственного деятеля. В отставке, вдали от столичной жизни, Милютин продолжал размышлять о политическом положении России и ее месте в мире. Читая на досуге А. де Токвиля, «L'ancien regime et la révolution», он заключал: «Как много для нас поучительного в изучении истории Западной Европы во времена, предшествовавшие Французской революции 1789 г.!». И далее продолжает: «То же самое поразило меня, когда я читал известное сочинение Тэна "Les origines de la France contemporaine". На каждой странице находил я черты сходства с нашими порядками и спрашивал себя: на чем же основывают наши русофилы и славянофилы свою теорию о каких-то мнимых особенностях русского народа, предназначенного будто бы Провидением итти... к решению каких-то особых исторических задач...» (с. 369).

Размышляя о судьбах Родины, не утратив интерес к современной ему политической жизни, Милютин совсем не думал о своих заслугах перед страной, которой служил верой и правдой. Об этом свидетельствует его реакция на одно из писем А.В. Головнина, в котором содержалась «выписка» из полученной от великого князя Константина Николаевича корреспонденции с прекрасной характеристикой Милютина. «Головнин называет это письмо матерьялом для моей биографии, — записал на следующий день, 17 сентября 1881 г., Милютин. — Сомневаюсь в том, чтобы когда-нибудь и кто-нибудь вздумал заниматься моей биографией; однако ж почему не приложить этот документ к моему дневнику в виде pièce justificative» (оправдательный документ, с. 377). Если о чем и заботился Дмитрий Алексеевич, то не о собственном величии, а об ответственности

перед современниками и потомками, что было одинаково характерно для всех деятелей Великих реформ. И оказался прав. В литературе предпринимаются попытки возложить вину за просчеты военной политики и неудачи в войнах начала XX века на ошибки, стратегически неверный курс всей деятельности Д.А. Милютина как военного министра. А вот в отношении своей биографии Милютин явно ошибся. Пройдет менее полувека, и его дневник с большим биографическим очерком о нем и фундаментальная монография о его военных реформах 1860–1870-х гг. увидят свет благодаря трудам П.А. Зайончковского[6]. Хочется надеяться, что полное издание всего мемуарного наследия Д.А. Милютина в 12-ти томах, осуществляемое нами, будет способствовать дальнейшему непредвзятому, взвешенному изучению жизни и трудов этого выдающегося государственного деятеля XIX века и замечательного человека.

Л.Г. Захарова

[1] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой; То же. 1843–1856; То же. 1856–1860; То же. 1860–1862; То же. 1863–1864; То же. 1865–1867; То же. 1868 — начало 1873. М., 1997–2006.

[2] См. Приложение IV.

[3] См. об истории «кульджинского» вопроса: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 329, 330, 433–435, 542 и др.

[4] См. об этом в дневнике Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 6. Ед. хр. 5) запись за 6 июня 1882 г.

[5] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. 2-е изд. М., 2009. С. 39.

[6] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. 2-е изд. М., 2008. С. 338–404; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. С. 5–72.

ОТ РЕДАКТОРА

Книга «Дневника» Д.А. Милютина за 1879–1881 гг., как и две предыдущие[1], является 2-м исправленным и дополненным изданием. В отличие от 1-го издания, осуществленного под редакцией профессора П.А. Зайончковского, она заканчивается не 1882-м, а 1881-м годом[2]. Этот рубеж — завершение деятельности Д.А. Милютина на посту военного министра и конец царствования Александра II — представляется более оправданным. Начиная с 18 июня 1881 г. и до 1900 г. Д.А. Милютин вел свой дневник уже в отставке, вдали от Петербурга, от официальной жизни, в уединенном, своем любимом имении Симеиз.

При подготовке настоящего издания использовались те же принципы, что и при переиздании двух первых книг «Дневника» Милютина за 1873–1875 и 1876–1878 гг. В основу положен текст, опубликованный П.А. Зайончковским, дополнительно сверенный с автографом, хранящимся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 168. Карт. 3. Ед. хр. 3, 4, 5; список: Там же. Карт. 6. Ед. хр. 2, 3, 4). Сверка еще раз показала высокое качество подготовки текста П.А. Зайончковским и его сотрудниками. Все сделанные ими вынужденные пропуски, продиктованные обстоятельствами времени, восстановлены (записи дневника за 27 января, 4 февраля, 18 сентября, 2, 15 и 18 декабря 1879 г., 20 января, 1 марта и 6 мая 1881 г.). В подстрочнике приводятся наиболее существенные фрагменты первоначального текста, зачеркнутые и исправленные затем Милютиным, а также перевод иностранных слов и выражений. В угловых скобках воспроизводятся отдельные слова и фразы, зачеркнутые или исправленные Милютиным при редактировании первоначального текста. Перевод цитируемых Милютиным фрагментов из статьи А. Леруа-Болье дан в квадратных скобках непосредственно в тексте «Дневника», чтобы не перегружать подстрочник. Авторская правка Милютина, носившая сугубо стилистический характер, не оговаривается.

Текст дневника печатается в соответствии с современной орфографией. Абзацы даны согласно оригиналу. Подчеркивания, сделанные в автографе, передаются курсивом. Сохраняются присущие эпохе и самому автору особенности написания отдельных слов (насупротив, мемуар, портфейль, Авганистан, Симеис, Кокан, Урзуф), а также грамматических форм (на посте, в роле, вышед из дома, настегнуть на мундире, не пошел в карман за словом и т. д.). Сокращения, сделанные автором в тексте, раскрываются без оговорок. Не оговаривается также исправление явных описок.

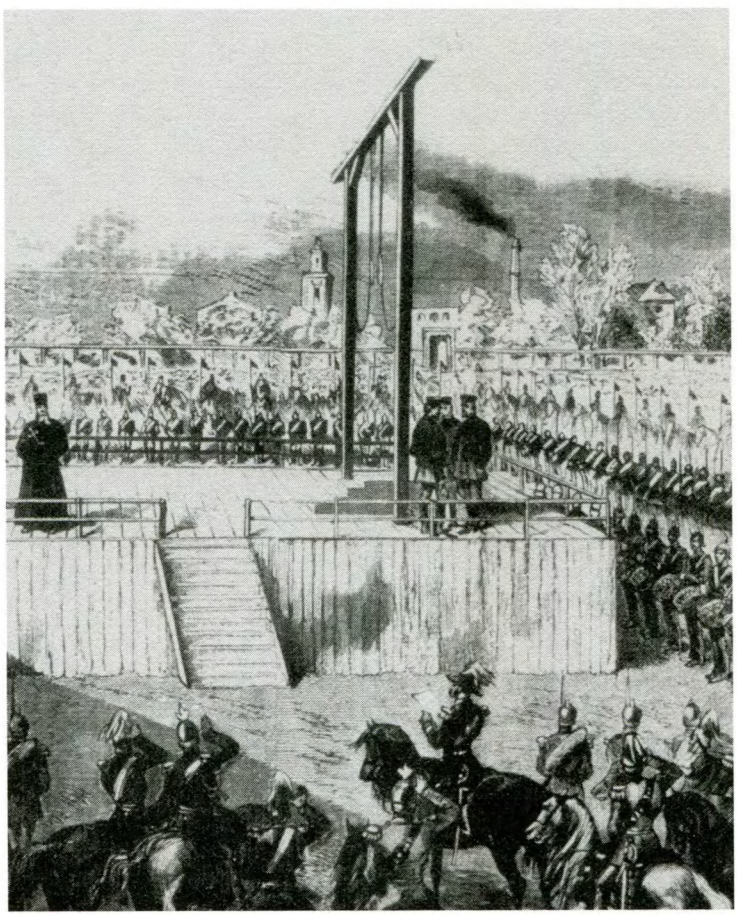
По сравнению с первым изданием были существенно расширены комментарии к «Дневнику» (комментарии П.А. Зайончковского сохранены и особо отмечены), а также уточнен аннотированный указатель имен, составлен указатель географических названий. Издание иллюстрировано.

Публикаторы выражают глубокую благодарность за поддержку и содействие изданию Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ), за помощь в иллюстрировании издания Государственному архиву Российской Федерации (ГА РФ), лично его директору С.В. Мироненко и сотрудникам архива А.А. Литвину, М.В. Сидоровой, Е.А. Чирковой, а также К.А. Цыковой и С.А. Экштуту. Особую благодарность приносим Отделу рукописей Российской государственной библиотеки, в котором бережно хранится фонд Д.А. Милютина.

[1] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2008; То же. 1876–1878. М., 2009.

[2] В первом издании (под редакцией проф. П.А. Зайончковского) материал «Дневника» Д.А. Милютина за 1879–1881 гг. вошел в два тома, см.: *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3: 1878–1880. М., 1950; То же. Т. 4: 1881–1882. М., 1950.

1879-й год



4-го января. Четверг. — Год начался с надеждами на мирный оборот политических дел. Во все последние дни, каждое утро, собирались у Государя: князь Горчаков, Гирс и я в присутствии наследника цесаревича; читались телеграммы князя Лобанова о переговорах его с турецкими министрами и проекты ответов. Посол наш уже теряет терпение; он объявил туркам, что не допускает более споров по тем статьям, по которым* состоялось уже соглашение. По всем вероятиям, на днях договор будет подписан[1].

На второй день года, при докладе моем, Государь показал мне телеграмму, полученную императрицею от моей старшей дочери из Костромы. Она просит настоятельно разрешения отправиться на нижнюю Волгу, чтобы от имени императрицы, председательницы Общества Красного Креста, помогать больным в местностях, где свирепствует эпидемия или, как многие называют, чума[2]. Императрица пожелала лично со мною переговорить по этому предмету**; после обедни и завтрака я пошел к Ее Величеству и был совершенно успокоен ею: она решила отвечать моей дочери, что не считает своевременным ее предположение и советует ей выждать разъяснения обстоятельств. Надеюсь, что дело тем и кончится.

Вчера, 3-го числа, был во дворце большой обед по случаю годовщины прошлогодних блестящих битв гвардии под Филиппополем[3]. Приглашены были все офицеры Преображенского полка и гвардейской артиллерии.

Сегодня, после моего доклада, была встреча на железнодорожной станции великого герцога и герцогини Мекленбург-Шверинских[4]. Прямо со станции отправился я на совещание, назначенное у Валуева по студенческим делам[5]. Мы сидели до 6-го часа; говорили много и пришли к решению никаких новых мер не принимать.

---

* окончательно

** Я не мог не разделять ее мнения.

6-го января. Суббота. — Ни вчера, ни сегодня не было дипломатических известий, а потому не было и* совещаний у Государя. Сегодня утром происходила обычная крещенская церемония; но Государь, по нездоровью, не выходил на Иордань[6]. К обеду был я приглашен во дворец вместе с несколькими служившими на Кавказе генералами по случаю полкового праздника Кабардинского пехотного полка[7]. Само собою разумеется, что предметом разговора был исключительно Кавказ. Императрица не вышла к столу.

8-го января. Понедельник. — Вчера был официальный (первый) прием у турецкого посла. Я не счел нужным явиться к нему на поклон; да кажется и не я один воздержался от посещения представителя падишаха.

Сегодня утром, во время моего приема в канцелярии Военного министерства, Государь прислал за мной. Я нашел во дворце князя Горчакова и Гирса. Мы были приглашены по поводу полученных вчера донесений от генерала Кауфмана, который доставил копии с полученных им писем Шир-Али-хана и генерала Разгонова с пути их из Кабула к нашим границам. Генерал Кауфман придает особенную важность прибытию эмира авганского в русскую столицу и видит в этом факте знамение русского влияния на востоке. Канцлер и Гирс не разделяют этого взгляда и настаивают, чтобы не дозволять Шир-Али продолжать путешествие. Я высказал мнение, что можно, конечно, под какими-нибудь предлогами замедлить его путешествие, пока граф Шувалов не выяснит намерений Англии относительно новых границ индийских ее владений, но что было бы невыгодно** для нас теперь же, безусловно, оттолкнуть владетеля Авганистана, кинувшегося под крыло России. Если б мы получили категорическое обязательство от английского кабинета не распространять ост-индской границы к северу Гиндукуша и сохранить независимость Авганистана, если б мы могли устранить всякие сомнения насчет враждебных против нас планов Англии, то, конечно, лучше избегнуть всякого нового повода к раздражению нашей соперницы на востоке. Если же, напротив того, окажется необходимым готовиться к предстоящему рано или поздно разрыву с Англией, то было бы нерасчетливо прервать начавшиеся связи с Авганистаном. Так и порешили: не отказывая прямо авганскому эмиру в приезде в Петербург, предложить генералу Кауфману задерживать его сколько можно, пока генерал-адъютант граф Шувалов выяснит намерения Англии, особенно же степень достоверно-

---

* обычных

** преждевременно

сти полученного от генерала Горлова известия о предположенной новой границе Ост-Индских владений до самой реки Аму[8].

В Государственном совете заседание было весьма короткое и незанимательное. К 5 часам члены Военного совета собрались в ресторане Бореля к обеду в честь двух товарищей, праздновавших на днях свои 50-летние юбилеи[9]: генералов Резвого и Гана. Последний сам не мог приехать по болезни.

9-го января. Вторник. — По окончании моего доклада в присутствии наследника цесаревича и великого князя Михаила Николаевича был доклад князя Горчакова и Гирса. Читан и одобрен проект телеграммы к генералу Кауфману. Я прочел полученное вчера письмо генерал-адъютанта Дондукова о положении дел в Македонии, где явно обнаружены происки Австрии[10].

В Комитете министров было длинное заседание по поводу внесенного наместником кавказским представления о сети железных дорог на Кавказе[11] . Кроме лиц, обыкновенно принимающих участие в рассмотрении железнодорожных дел, сегодня присутствовали наследник цесаревич, великие князья Константин и Михаил Николаевичи. После многоречивых и длинных диссертаций Грейга и Посьета и высказанных другими членами соображений, пришли к такому решению: 1) не задаваться начертанием целой железнодорожной сети на многие годы вперед, а ограничиться определением только наиболее нужных и неотложных линий; 2) считать решенным уже делом, что при первой возможности и, вероятно, вскоре будет приступлено к постройке Тифлис-Бакинской линии и одновременно с нею допустить постройку линии к Батуму и улучшение Ростово-Владикавказской линии; затем уже 3) иметь в виду прежде других дорогу от Владикавказа в Петровск и от Тифлиса к Александрополю с ветвью в Эривань, с тем чтобы впоследствии продлить обе эти ветви до Карса и Джульфы*. Таким решением вопроса, по-видимому, остался доволен и сам наместник кавказский.

10-го января. Среда. — Большой парадный обед во дворце в честь немецких гостей[12]. Вечером раут у германского посла**.

12-го января. Пятница. — Целый день посвящен торжеству бракосочетания великой княжны Анастасии Михайловны с наследным принцем Мекленбург-Шверинским[13]: утром выход, обряд бракосочетания, поздравления; затем обед в Николаевской зале; вечером опять съезд во дворце на бал.

---

* если надобность в этом подтвердится.

** но я не был.

Граф М.Т. Лорис-Меликов

21-го января. Воскресенье. — Вся прошлая неделя была посвящена свадебным празднествам: в воскресенье — spéctacle gala, во вторник — бал в Аничковском дворце, в среду — большой бал в Зимнем дворце, в четверг — бал у великого князя Владимира Александровича, сегодня наконец — бал в Дворянском собрании. Кроме сегодняшнего я должен был показываться на всех прочих, хотя на короткое время. Завтра часть немецких гостей уезжает восвояси, именно владетельный великий герцог с великой герцогиней и братом[14]. Молодые остаются еще до конца недели.

Рядом с балами и праздниками предметом городских толков* была астраханская чума. Не столько известия с низовей Волги, сколько** чрезчур предусмотрительные распоряжения венского и берлинского правительств произвели у нас переполох[15]. Во вторник в Комитете министров обсуждалось представление управляющего Министерством внутренних дел о принятии решительных

---

* и забот

** тревожные

мер не только против распространения заразы, но и для искоренения ее в местах, зараженных посредством сожжения целых станиц и селений. В заседание Комитета были приглашены некоторые лица в качестве экспертов; в том числе врачи Боткин, Здекауер, Розов. Комитет не только одобрил предложенные Маковым меры, но признал нужным принять и другие; между прочим — послать на места доверенное лицо, с обширными полномочиями. После заседания были между нами разговоры о выборе этого лица; называли трех кандидатов: Трепова, графа Лорис-Меликова и Гурко.

На другой день заседания, в среду, я был приглашен во дворец вместе с Маковым и Дрентельном для доклада Государю о вчерашнем решении Комитета и для выбора лица, командируемого на низовья Волги. Государь сначала высказался в пользу Трепова, но потом склонился на выбор Лорис-Меликова. В пользу его мы все трое подали голос. В тот же день граф Лорис-Меликов был позван во дворец; чрез два дня готова была ему инструкция, и на днях он отправляется на места с многочисленной свитой[16]. Между тем приняты меры и по военному ведомству для оцепления всей Астраханской губернии, хотя, по последним известиям, болезнь почти прекратилась.

Политические дела все остаются в прежнем неразрешенном виде. В Константинополе все еще не подписывают мирного договора[17]; передача Подгорицы и Спужа черногорцам все еще не исполнена; на греческой границе съехались комиссары греческие и турецкие, но никаких еще переговоров не было. Между тем румыны самовольно, без всякого предварения наших властей, выдвинули свои войска на спорную еще границу Добруджи с Болгарией, опираясь на решение большинства комиссии, против которого протестовал русский комиссар Боголюбов. Вчера было по этому поводу совещание у Государя; решено потребовать, чтобы румыны отвели свои войска по крайней мере из под стен Силистрии[18].

Сегодня, после развода, было совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о действиях, предстоящих в нынешнем году в Закаспийском крае. Кроме меня были Гирс, граф Гейден, Генерального штаба генерал-майоры Гурчин и Глуховской и полковник Куропаткин. Объяснения, высказанные Глуховским и Куропаткиным, привели нас всех к заключению в пользу решительных действий с целью занятия пункта среди самого оазиса Текинского[19] . Даже осторожный Гирс подал мнение в пользу такого образа действий, который, впрочем, не противоречит последним соображениям и нашего посла в Тегеране Зиновьева.

23-го января. Вторник. — Вчера утром меня потребовали во дворец, где я нашел князя Горчакова и Гирса. Получено известие, что последовало соглашение между черногорскими и турецкими комиссарами о передаче 27-го числа Подгорицы, Спужа и других пунктов. После этих благоприятных известий читались депеши из Вены и Берлина о распоряжениях, сделанных нашими соседями по поводу воображаемой чумной заразы. В распоряжениях этих явно проглядывает недружелюбное к нам расположение и желание всячески причинять нам затруднения*. Кроме того, канцлер прочел проект циркуляра, который, по мысли самого Государя, предполагается адресовать ко всем большим державам после подписания нашего мирного договора с Портой. В циркуляре этом предлагается войти в общее соглашение на тот случай, если б все старания Европы поддержать распадающееся здание турецкой империи оказались** тщетными. Цель циркуляра заключается в том, чтобы «Европа» не допустила *ни одну* из больших держав и ни в каком случае завладеть Константинополем и Дарданеллами. О Босфоре умолчено с умыслом, по приказанию самого Государя. (Проект этого циркуляра оставлен был без последствий.)

Вчера утром ездил я проститься с великим герцогом Мекленбург-Шверинским, который вчера же и уехал. Молодые уезжают завтра!

Заседания в Государственном совете не было, а вместо того у великого князя Константина Николаевича собралось особое присутствие по воинской повинности[20]. Просидели почти до 5 часов.

На днях получены от генерала Тотлебена соображения его на тот случай, если б армия наша должна была остаться в Турции и готовиться к новой войне. По этому вопросу я должен был иметь сегодня доклад у Государя. Также назначен был мне сегодня же доклад в присутствии великого князя Михаила Николаевича о предположенной экспедиции в Закаспийском крае. Последние эти предположения в том виде, в каком они были постановлены в бывшем в воскресенье совещании, утверждены государем безусловно. Что же касается до соображений генерала Тотлебена, а также и полученных от князя Дондукова, касательно земского войска Южной

---

* *Первоначальный текст после слов «По поводу воображаемой чумной заразы»*: «По этому поводу поручено нашим послам заявить обоим императорским кабинетам неудовольствие Государя, как действия их нелюбезны в отношении нас».

** недействительными.

Болгарии, то я счел своею обязанностью, в присутствии трех великих князей, высказать Государю всю опасность нашего положения в том случае, если б наша армия осталась в Европейской Турции и если б в самом деле мы вовлечены были в войну с большею частью Европы. Я откровенно доложил о доходящих разными путями сведениях относительно распространяемого будто бы нашими же русскими властями в болгарском населении убеждения, что русские войска не выйдут из этого края и что от самих болгар зависит вынудить нас остаться наперекор Берлинскому трактату*. В Болгарии ходит по рукам прокламация, в которой дается совет будущему болгарскому земскому собранию отказаться от выбора князя до тех пор, пока не объединится вся Болгария в том составе, в каковом она была предположена Сан-Стефанским договором. Если б осуществилась подобная макиавеллическая комбинация, то мы были бы поставлены в самое трудное положение пред Европой. Без сомнения, нас обвинили бы в интриге, в нарушении Берлинского договора[21]. Государь вполне согласился с этим мнением, хотя и высказывал, с другой стороны, опасение, что войска наши не могут остаться равнодушными свидетелями новых зверств и новой резни, которые могут возобновиться при первом обратном шаге нашей армии из теперешнего ее расположения. Как ни веско подобное соображение, однако ж, Государь разрешил мне сегодня же шифрованной телеграммой известить генерала Тотлебена, что Государь не допускает ни в каком случае и мысли о дальнейшем оставлении армии в Европейской Турции, ни о продлении оккупации долее постановленного Берлинским договором срока. Притом предложено генералу Тотлебену немедленно начать отвод армии и возвращение ее в Россию, лишь только князем Лобановым будет подписан договор с Портой и Подгорица будет передана черногорцам. Из полученной вчера от князя Лобанова телеграммы видно, что** переговоры его с турецкими уполномоченными приведены к окончанию, так что остается только подписать договор, что надеется он исполнить завтра.

---

* *Первоначальный текст после слов «...высказать Государю всю опасность нашего положения в том случае,»*: «если б наша армия осталась в Европейской Турции и если б в самом деле мы были вовлечены в войну с целою Европою. Я откровенно доложил о доходящих всеми путями сведениях о двуличном образе действий как самого князя Дондукова, так и большей части подчиненных его, поддерживающих в болгарском населении уверенность, что русские войска не выйдут из Болгарии и Румелии, и что от самого населения зависит вынудить нас остаться наперекор Берлинскому трактату».

** все последние разногласия

В Комитете министров сегодня обсуждалась составленная в Министерстве внутренних дел инструкция графу Лорис-Меликову*, в его присутствии[22].

27-го января. Суббота. — В прошлую среду я был приглашен к обеду во дворец. Кроме меня были: баварский принц Арнульф, граф Лорис-Меликов, Маков, князь Голицын (уральский атаман) и Крыжановский. Главным предметом разговора были, конечно, воспоминания о недавней кампании[23] и настоящая зараза на низовьях Волги. Принимаемые в Европе предохранительные карантинные меры имеют вид враждебного против России заговора. Даже Румыния со свойственным ей нахальством ограждается от нас карантинным кордоном не только по Пруту, но и по нижнему Дунаю, прерывая таким образом наши сообщения с войсками, остающимися за Дунаем. По этому предмету были суждения (в четверг) при совместном нашем докладе с канцлером и Гирсом. Представителям России в Берлине, Вене и Бухаресте поручено протестовать против преждевременных и ненужных стеснений русской торговли и международных сношений.

В четверг происходил во дворце (в Концертном зале) бал, на который был приглашен почти весь дипломатический корпус**; Государь держал себя со всеми холодно и сдержанно. Напрасно ждали мы в среду и четверг телеграммы из Константинополя о подписании мирного договора. Вечером во время бала пришло известие, что подписание отложено до субботы, вследствие, будто бы, желания самого султана изменить одно слово в ноте, которая по условию должна служить дополнением к договору.

Вчера, в пятницу, утром отслужена панихида в годовщину смерти покойного моего брата Николая. Потом было у меня совещание по некоторым вопросам, возбужденным следственною комиссией, учрежденною под председательством генерала Глинки-Маврина, по интендантским делам действующей армии в минувшую войну[24]. В совещании этом участвовали государственный контролер Сольский и полевой контролер при действующей армии Черкасов.

Сегодня утром, по обыкновению, после своего доклада присутствовал я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читались депеши графа Шувалова по авганским делам[25]. Посол наш находит неудобным заводить теперь речь с английскими министрами в том смысле, как было ему отсюда указано. И канцлер и сам Государь согласились с этим мнением, но после некоторых моих объяснений по-

---

* который сам был приглашен в заседание.

** но

ложено редактировать новую инструкцию графу Шувалову для устранения всякого недоразумения.

Опять день прошел и все еще нет телеграммы из Константинополя о подписании договора.

28-го января. Воскресенье. — Наконец сегодня утром получены по телеграфу известия как о подписании мирного договора в Константинополе, так и о передаче турками черногорцам Подгорицы, Спужа и других пунктов. Оба события совершились вчера. Известия эти быстро распространились в среде военной публики, собравшейся к разводу, по окончании которого Государь подозвал к себе всех присутствовавших генералов и офицеров, объявил им радостную новость и снова выразил свою благодарность войскам за подвиги, совершенные ими в последнюю войну.

На разводе французский посол Лефло объявил мне, что он покидает свой пост, не желая служить с новым президентом республики (Греви). Вместо него назначается к нам французским послом генерал Шанзи, имя которого сделалось весьма известно во второй период Прусско-французской войны[26]. Старика Лефло будут жалеть в Петербурге; его здесь любили и уважали.

29-го января. Понедельник. — Сегодня утром, после обычного моего приема (по понедельникам) в канцелярии Военного министерства, я был во дворце вместе с князем Горчаковым и Гирсом. Несмотря на вчерашние хорошие известия, Государь был в мрачном расположении духа и обошелся весьма неласково с канцлером. Когда мы вошли в кабинет, Государь, передавая князю Горчакову письмо, полученное им от Биконсфильда с разными льстивыми фразами, сказал ему с неудовольствием: «À Votre place je me serais offensé d'une telle flatterie; évidemment il se moque de Vous»* . Канцлер проглотил эту горькую правду и начал объяснять, что назначаемый к нам на место лорда Лофтуса новый английский посол всегда был другом России и притом принадлежит к либеральной партии, следовательно, не из числа приверженцев теперешнего торийского министерства. Однако ж Государь сказал, что, несмотря на то, ничего хорошего не** ожидает от Биконсфильда. Затем канцлер прочел заготовленный ответ на последние депеши графа Шувалова по авганскому делу. Были еще объяснения по разным второстепенным вопросам.

В Государственном совете были сегодня весьма продолжительные прения по двум серьезным делам: об отмене узаконений

---

* «На Вашем месте я был бы оскорблен подобной лестью; очевидно, он насмехается над Вами» (*фр.*).

** может ожидать

относительно предельного роста (процентов) и заключения в тюрьму за долги. Значительное большинство высказалось в пользу отмены по обоим делам, несмотря на веские возражения меньшинства[27].

4-го февраля. Воскресенье. — В течение всей прошлой недели не было ничего заслуживающего внесения в дневник. Ожидали присылки заключенного 27-го января мирного договора, который и получен в прошлую пятницу (2-го февраля). На другой день, т. е. вчера, Государь собрал у себя на совещание: канцлера с его товарищем, великих князей — наследника цесаревича и Владимира Александровича, графа Адлерберга и меня. Прочитан был еще раз редактированный графом Адлербергом проект манифеста о заключении с Турцией договора и решено не отлагать предположенного по этому случаю* торжества, так как по телеграфу известно, что султанская ратификация договора уже отправлена из Константинополя. Известны теперь из прочитанных депеш князя Лобанова и все подробности установившегося, наконец**, соглашения.

Предположенное торжество состоялось сегодня. От всех участвовавших в походе частей войск Петербургского гарнизона расставлены были взводы в залах Зимнего дворца. В Николаевской зале был поставлен амвон; митрополит прочел манифест и затем отслужено благодарственное молебствие.

Сведения с низовей Волги совершенно успокоительные; больных с признаками заразы уже нет. Паника, кажется, угомонилась; самое слово «чума» уже начинают произносить почти с улыбкой. Только румыны все еще пользуются чумою как предлогом, чтобы дразнить и раздражать нас, ссылаясь прямо на получаемые из Вены указания.

6-го февраля. Вторник. — Сегодня получено из Бухареста сведение, что румынское правительство, по-видимому, образумилось, узнав о приказании, данном барону Стуарту, выехать из Бухареста; временно останется там статский советник Якобсон*** для ведения текущих дел. Кажется, на румын подействовали и назидания из Вены и Берлина. Братиану объявил Стуарту, что, согласно нашему требованию, Добруджа не будет включена в карантинную сферу и останется свободною для прохода наших войск; румынские же войска, занявшие было под Силистрией форт Араб-Табия, отойдут назад[28]. При этом румынский министр выразил**** сожаление кня-

---

* торжественного объявления о заключении мира

** <хотя с большими трудами>

*** только

**** желание правительства загладить

жеского правительства о том, что оно навлекло на себя неудовольствие российского императора и желание снова заслужить его милостивое расположение.

Как ни мало доверия заслуживают льстивые речи румынских министров, однако же, все-таки хорошо, что мы избегнем лишних затруднений и неприятностей. Заметна и в Вене, и в Берлине некоторая перемена в тоне*: австро-венгерский посол барон Лангенау заявил Гирсу, что граф Андраши дал румынам положительный совет держать себя скромнее и не вызывать нас на ссору. Из Берлина пишут в том же смысле и, кроме того, поддерживают наше требование, чтобы консул наш в Софии, Давыдов, принимал наравне с консулами других больших держав участие в совещаниях, установленных Берлинским трактатом для наблюдения за введением в Болгарии нового политического устройства[29].

Государственный канцлер наш, видя такую перемену в настроении Европы относительно нас, снова начинает уже** хорохориться, приписывая себе успешный оборот дел, между тем как в действительности он во все время оставался вовсе в неведении происходившего в политике. Даже с послами он уже не входит в личные сношения, предоставляя всю обузу Гирсу***.

После заседания Комитета министров был я на совещании у великого князя Михаила Николаевича по поводу предстоящей передачи Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов новым лицам в**** коммерческое управление. В совещании этом участвовали генерал Баранцов и несколько артиллерийских генералов. Великий князь вмешался***** в это дело потому, что оно уже подало повод к городским пересудам и толкам. Надобно придумать, как оградить артиллерийское ведомство от новых нареканий и подозрений[30]. Я лично очень рад тому, что великий князь, несмотря на временное только пребывание свое в Петербурге, взялся за такое щекотливое дело: он один мог, по своим личным отношениям с почтенным****** А.А. Баранцовым, подействовать на его убеждения, не возбуждая его раздражительности.

---

* в отношении к нам

** нахально хвастаться

*** и оставляя за собою только право важничать, хвастаться и пускать по временам пустозвонные фразы. Бедный Гирс в отчаянии, но несет с покорностью тяжелое ярмо.

**** прежнее

***** лично

****** и добрым

Вечером получил я телеграмму от князя Дондукова о том, что сегодня он выезжает из Софии в Тырново для открытия там народного собрания[31].

10-го февраля. Суббота. — В среду был бал во дворце, в Концертном зале, а завтра опять бал в Эрмитаже, несмотря на то что в четверг скончался граф Григорий Александрович Строганов после долгой и мучительной болезни; сегодня же происходило погребение его. Я не был на этом обряде, чувствуя себя нездоровым, и завтра также не намерен выезжать.

Вчера получено известие, что румын заставили очистить Араб-Табию и отойти от Силистрии. Но и тут не преминули они выставить свое отступление, как будто добровольную и временную уступку пред Европой, в надежде благоприятного для них решения спорного вопроса о новой границе*. Канцлер прочел вчера Государю проектированные циркулярные депеши к нашим послам относительно** всех вообще вопросов, касающихся будущих границ Княжества Болгарского. Но едва ли удастся логическими доводами опровергнуть преднамеренное, с враждебною против нас целью, направление всего дела международными комиссиями. Сегодня назначено открытие народного собрания в Тырнове, куда прибыл для этого князь Дондуков. Наше Министерство иностранных дел опасается какой-нибудь демонстрации, которая может расстроить весь план действий; недоверие к самому князю Дондукову заставило Государя поручить генералу Тотлебену иметь высшее наблюдение за точным исполнением данных императорскому русскому комиссару инструкций. К тому же неожиданное появление генерала Черняева в Филиппополе заставляет опасаться каких-нибудь новых затей этого сумасбродного честолюбца. Государем дано повеление генералу Тотлебену распорядиться о немедленном возвращении Черняева в Россию.

***Также получена от генерала Кауфмана из Ташкента телеграмма, что Шир-Али, остановленный болезнью в пути, находится в безнадежном состоянии: у него открылась гангрена в ноге.

---

* *Первоначальный текст после слов «от Силистрии»*: «Правительство румынское по обычаю своему и тут сплутовало, выставив свое отступление пред Европой в виде добровольной и временной уступки, как заслугу, за которую надеется получить впоследствии благоприятное <окончательное в его пользу> решение спорного вопроса о новой границе».

** пограничных

*** Вчера

Великий князь Вячеслав Константинович

12-го февраля. Понедельник. — Чувствуя себя не совсем здоровым, я не выезжал два дня и избежал вчерашнего бала в Эрмитаже.

Из Тырнова получены сведения об открытии болгарского Народного собрания: торжество совершилось в полном порядке, и князь Дондуков заявил надежду на беспрепятственное выполнение нашей программы. Вчера же был смотр собранным в Тырнове болгарским войскам (5 дружин пехотных, сотня конная и батарея). По свидетельству нашего комиссара, эти зачатки болгарской армии представились весьма удовлетворительно к изумлению собравшейся многочисленной публики и европейских консулов.

17-го февраля. Суббота. — Истекшая неделя (первая Великого поста) должна быть отмечена двумя событиями: кончиной великого князя Вячеслава Константиновича и тревогою, вызванною в городе поступившим в клинику Боткина больным, у которого ученый наш профессор нашел признаки чумы.

Великий князь Вячеслав Константинович скончался неожиданно для всех, после нескольких дней сильных страданий в голове. По вскрытии тела нашли во внутренней части черепа нарост, от

которого произошел туберкул в оболочках мозга. Сегодня тело перевезено в Петропавловскую крепость с обычным церемониалом, а завтра будет погребение.

Профессор Боткин, первый объявивший, что болезнь в станице Ветлянской есть чума, нашел ту же чуму и в заболевшем дворнике Артиллерийского училища. Такое внезапное открытие, конечно, всполошило весь Петербург; управляющий Министерством внутренних дел Маков поспешил в Зимний дворец и здесь, вместе с Боткиным, пред глазами самого Государя, сочинена была статья для «Правительственного вестника» о появившейся чуме. Эта страшная весть в официальной газете разом произвела переворот на бирже; все иностранные дипломаты переполошились. Но каково было общее удивление, когда на другой день целая врачебная комиссия, освидетельствовав больного, отвергла положительно чуму и признала болезнь его — сифилисом. Тогда все опрокинулось на Боткина; в одной из газет появилась резкая передовая статья, озаглавленная крупными буквами: «Разоблачение авторитета Боткина»[32]. Только что принятые карантинные меры отменены, и умы успокоились; хотя сам Боткин все-таки продолжает считать болезнь чумою.

Вчера я узнал, что Их Величества собираются ехать в Крым 20-го марта, как кажется, только на весеннее время. Сегодня же, при докладе, Государь объявил мне свое желание, чтобы я сопровождал его.

26-го февраля. Понедельник. — Опять длинный пробел в моем дневнике. В течение прошлой недели приехал в Петербург новый английский посол лорд Дефферин. С первых свиданий с нашим канцлером он успел обольстить его своею беззастенчивою лестью; князь Горчаков в восторге от нового представителя Великобритании, так же как и от посланницы, которая не менее своего супруга горазда на комплименты. Канцлер уже мечтает о сближении нашем с Англией. Государь не увлекается этими иллюзиями, но со своей стороны высказывает некоторые надежды на сближение с Францией. Приезд нового посла французского генерала Шанзи ожидается в скором времени; о нем слышны отзывы весьма благоприятные; но время приезда его выбрано не совсем удачно, — как раз пред отъездом Государя в Крым, назначенным уже 17-го марта.

Сегодня получена телеграмма о внезапной смерти фельдмаршала князя Барятинского. Он скончался от апоплексического удара в Швейцарии, где жил в последнее время с несчастною помешаною женой. Новость эту я узнал в Аничковском дворце, куда ездил утром поздравить наследника цесаревича с днем его рождения.

27-го февраля. Вторник. — После моего доклада присутствовал я при обычном докладе канцлера и Гирса. Первый из них прочел меморию, в которой был записан разговор его с лордом Дефферином, и потом обсуждались разные вопросы, которые Государь имел в виду затронуть в своем разговоре с английским послом в назначенной сегодня же аудиенции. Князь Горчаков, с наивностью юноши, надеется на лучший оборот дел от нашего сближения с Англией. Но когда мы вышли из государева кабинета, Гирс сказал мне, что все это простое ребячество; что из разговоров канцлера ничего путного не выйдет. Государь сегодня прямо объявил князю Горчакову о своем желании, чтобы он остался в Петербурге и чтобы в Ливадию ехал Гирс. Старик сумел скрыть свою досаду.

В 12 часов в Большой церкви Зимнего дворца отслужена панихида по умершем фельдмаршале князе Барятинском. Кабардинский полк продолжает называться и впредь его именем, несмотря на то, что звание шефа полка принимает сам Государь.

Сегодня же был во дворце обед по случаю отъезда французского посла Лефло*.

Утром сегодня приехала из Костромы старшая моя дочь, Елизавета, после 6-месячной разлуки с семьей.

1-го марта. Четверг. — Сегодня я закончил свой доклад Государю прочтением записки о предположенном преобразовании Медико-хирургической академии, которой считаю необходимым придать характер специального *военного* заведения, имеющего целью приготовление врачей собственно для военного ведомства[33]. Предполагается (по крайней мере на первое время) откинуть первые два курса, принимать прямо на третий курс студентов, прошедших первые два курса в университетских факультетах, и, вместе с тем, предоставить всем учащимся стипендии, дабы всех их сделать обязательно-служащими в военном ведомстве. Этими мерами имеется в виду достигнуть двух выгод: во-первых, усилить годичный выпуск, при гораздо меньшем общем числе учащихся и, во-вторых, при двухлетнем перерыве приема на первые два курса, облегчить водворение между учащимися старших курсов нового** порядка и более строгой дисциплины.

Государь одобрил эти главные основания преобразования и разрешил рассмотреть их в особом совещании под председательством Валуева, дабы этим путем ускорить разрешение основных начал

---

* но я не был в числе приглашенных.

** внутреннего

преобразования, которые необходимо опубликовать в ближайшее время еще до окончания текущего учебного года.

К концу моего доклада доложили Государю о графе Толстом, министре народного просвещения. Его позвали в кабинет в моем присутствии и, когда Государь высказал ему в общих чертах мои предположения о преобразовании Медико-хирургической академии, граф Толстой, совершенно нежданно для меня, выразил полное свое сочувствие этому проекту. Затем он докладывал Государю о странной, по воззрению министра, выходке Совета Петербургского университета, который, по поводу бывших в последнее время студенческих волнений, представил графу Толстому записку, приписывающую вину этих беспорядков самому правительству, а именно принятой системе полицейского над студентами надзора, с устранением всякого влияния университетского начальства и профессоров. По предложению графа Толстого, положено объявить Совету университета, что он вышел из пределов законной компетенции, и поставить ему на вид неуместное его заявление.

Во все продолжение доклада графа Толстого я слушал молча. При всем моем несочувствии к настоящему университетскому режиму, основанному исключительно на полицейском надзоре за учащеюся молодежью с безусловным воспрещением всякой корпоративной связи между студентами, я, однако же, затруднился бы сказать что-либо в защиту ученого сословия профессоров, выказавшего достаточно свою несостоятельность в деле поддержания порядка и дисциплины в массе учащихся и противодействия ее увлечениям. С самого начала студенческих волнений профессора вместо того чтобы дружно бороться с опасными и губительными для молодежи влияниями, сами либеральничали, искали популярности между студентами и, враждуя между собой, потеряли всякий авторитет*.

---

* *Первоначальный текст после слов: «с устранением всякого влияния университетского начальства и профессоров»*: «Записка составлена совершенно односторонняя, чисто студенческая. Почтенное сословие ученых и преподавателей взглянуло на дело слишком поверхностно. Хотя и я далеко не одобряю настоящий университетский режим, ставящий учащуюся молодежь исключительно под ферулу полиции и строго воспрещающий всякую между студентами корпоративную организацию, однако ж, с другой стороны, не могу признать компетентность профессоров в деле администрации и дисциплины. Самый опыт достаточно доказал уже, что само ученое сословие не в состоянии совладать с массою молодежи, подстрекаемой невидимыми органами политической и социалистической пропаганды. Профессора вместо того чтобы дружно противодействовать этим опасным, губительным для молодежи влияниям, сами либеральничают, рисуются пред студентами в роли защитников их и часто сами не отдают себе отчета в том, куда они ведут эту бедную молодежь.

Из дворца заехал я к Валуеву, чтоб уговориться с ним относительно предстоящего совещания по делу преобразования Медико-хирургической академии; затем заехал в Константиновское военное училище, а позже было у меня совещание с генералом Крыжановским и генералом-майором Голицыным (атаманом Уральского казачьего войска) относительно высланных в Туркестанский округ в 1874 году уральских казаков[34].

Заезжал ко мне Набоков (министр юстиции) с объяснениями по делам одесской следственной комиссии (генерала Глинки-Маврина)[35]. Набоков хороший человек, знающий свое дело, но чиновник до мозга костей.

4-го марта. Воскресенье. — Вчера после моего доклада происходил обычный доклад князя Горчакова и Гирса. Из секретных источников вполне выяснилось, что Англия действует двулично: в то время как новый посол лорд Дефферин расточает здесь всякие любезности и обещает сближение, маркиз Солсбери дает Порте советы, как подготовить вступление турецких войск в Восточную Румелию. Государь очень озабочен будущим положением дел по выступлении наших войск из Румелии и Болгарии. Уже и теперь в присутствии наших войск население в Ямполи и Сливне воспрепятствовало Шмидту принять тамошние кассы; произошли беспорядки, выведены были войска, в том числе дружины местные, которые, по свидетельству генерала Столыпина, исполнили свою обязанность превосходно[36].

После доклада Государь ездил осмотреть вновь построенный для гвардейского саперного батальона манеж вместе с церковью. Там встретил я Его Величество вместе с инженерным начальством и всеми офицерами батальона. Государь нашел, вопреки доходившим до него сетованиям духовных лиц (в особенности протопресвитера Бажанова), что нет никакого неудобства в соединении церкви с манежем. Однако ж я намерен просить Государя отказаться от употребления манежа для учебных строевых занятий батальона, чтоб успокоить благочестивых прихожан.

Сегодня после развода поехал я отдать визит английскому послу, который заезжал вчера ко мне, предупредив меня о своем

Поэтому, при всем моем отвращении от тенденций графа Толстого, я, однако же, на сей раз должен был слушать молча его доклад и ничего не мог сказать в пользу университетских педагогов. Решение министра объявить Совету университета, что он вышел из пределов законной компетенции и поставить ему на вид неизменные его заявления, кажется мне решением умеренным и вполне заслуженным».

желании познакомиться со мной. Я нашел лорда Дефферина в самом любезном настроении; почти целый час мы беседовали, сперва о предметах житейских, но потом перешли на политику, а, наконец, он вызвал свою жену и представил меня леди Дефферин. Если б можно было придавать серьезное значение маниловским речам английского посла, то нечего было бы и желать лучшего: Россия и Англия были бы как Барбос и Полкан крыловской басни. Но, к сожалению, между этими речами посла и действительною политикой английских министров нет ничего общего. Когда я уходил от лорда Дефферина, он настойчиво просил меня, чтобы между нами установился откровенный и дружеский обмен мыслей.

После визита английскому послу было у меня совещание по китайским делам. Принимали в нем участие: Грейг, Гирс, барон Жомини, Бютцов (посланник наш в Пекине) и Мельников (управляющий Азиатским департаментом); со стороны же военной — граф Гейден, Обручев, Казнаков (генерал-губернатор Западной Сибири), полковники Куропаткин и Каульбарс. Совещание продолжалось почти 3 часа. Главный вопрос состоял в том: должны ли мы непременно возвратить Кульджу китайцам и, если должны, то какие за то выговорить для себя выгоды в наших отношениях с Китаем. Пришли к заключению, что достоинство государства требует от нас честного исполнения обещания, неоднократно повторенного, — возвратить Кульджу, но не прежде как добившись от китайцев положительных уступок, как по некоторым вопросам торговым и по удовлетворению многих прежних наших претензий, так и по исправлению нашей границы с Китаем к северу от Тянь-Шаня, а в особенности по обеспечению участи народонаселения уступаемой нами китайцам Илийской области[37].

5-го марта. Понедельник. — Во время обычного моего по понедельникам приема в канцелярии министерства приехал ко мне граф Шувалов, только что прибывший из Лондона на короткое время. Он пробыл у меня довольно долго и, конечно, разговор шел исключительно о настоящем положении дел на Балканском полуострове. Граф Шувалов горячо поддерживает необходимость смешанной оккупации (occupation mixte) Восточной Румелии, против чего восстает канцлер. Может быть, граф Шувалов и прав; до сих пор не придумали другого средства, чтобы устранить вступление в Румелию турок немедленно по выходе оттуда наших войск. Я возражал только против слишком уж ничтожной цифры предположенных союзных контингентов: говорено было всего о 10 тысячах человек от всех государств вместе. Вопрос этот будет обсуждаться завтра в кабинете Государя. Я обещал поддерживать мнение графа Шувалова. Между

прочим он рассказал мне интересные подробности своих разговоров с маркизом Солсбери и князем Бисмарком. Последний явно отвернулся от нас и всецело связался с графом Андраши[38]. По словам графа Шувалова, лорд Дефферин отправился из Лондона в Петербург вовсе без инструкций, почти не видевшись ни с Биконсфильдом, ни с Солсбери, и сам признавался Шувалову, что не имеет определенной программы; в свою очередь он высказывал, какое встречает затруднение вести дела в Петербурге, не зная с кем говорить и кто собственно ведет дела политические. По-видимому, вчерашний наш разговор, хотя сам по себе весьма поверхностный, показался ему все-таки содержательнее, чем объяснения его* с канцлером.

6-го марта. Вторник. — После моего доклада было у Государя совещание, в котором, кроме всегдашних участников, присутствовал граф Шувалов. Главным предметом суждений было предложение последнего относительно occupation mixte[39]. Граф Шувалов отлично развил свою мысль; напротив того, князь Горчаков, горячо возражавший, выказал более чем когда-либо совершенную свою немощь. Он горячился, путался и не в состоянии был выразить ни одной определенной мысли. Гирс не разделял мнения графа Шувалова, но молчал. После довольно продолжительных прений Государь решил вопрос согласно с предположениями графа Шувалова и против канцлера. Графу Шувалову поручено, вместе с Гирсом, редактировать циркулярную телеграмму** в смысле согласия на приведение в исполнение предусмотренной Берлинским конгрессом меры для обеспечения Восточной Румелии по выступлении русских войск (occupation mixte). Князь Горчаков заявил, что предоставит Гирсу подписать циркуляры, так как принятое решение противно его убеждению.

В Комитете министров происходили сегодня продолжительные и горячие прения о предположенных министром путей сообщения мерах к усилению Харьково-Николаевской железной дороги. Адмирал Посьет отличается замечательною*** неумелостью в делах; ни одно представление его в Комитет министров и в Государственный совет не проходит благополучно****: или сильно переиначивается, или вовсе опрокидывается.

8-го марта. Четверг. — У статс-секретаря Валуева было продолжительное совещание по двум вопросам: во-первых, по предполо-

---

* со всеми прочими компетентными лицами.

** в которой предложить на обсуждение соглашение между кабинетами

*** неспособностью вести дела

**** почти всегда оно

жению моему о преобразовании Медико-хирургической академии, а во-вторых, по предположению графа Толстого о недопущении семинаристов в университеты и другие высшие учебные заведения, без особого гимназического экзамена[40]. Предположение об академии принято всеми весьма сочувственно; однако ж и тут Грейг не мог пропустить случая, чтобы своими* мудрствованиями, высказанными обычным докторальным тоном, напустить тумана в деле совершенно простом и ясном. Напротив того, граф Толстой был неимоверно сговорчив и любезен. Мы с Исаковым не надивимся такой перемене в настроении его. Дело о преобразовании Академии, так давно нас заботившее, может теперь считаться решенным.

10-го марта. Суббота. — Вчера воспользовался я свободным утром, чтобы посетить Академию Генерального штаба и Военно-юридическую. К обеду был приглашен во дворец.

Сегодня после моего доклада было совещание по политическим делам, с участием графа Шувалова. По прочтении некоторых полученных уже ответов на циркулярную телеграмму нашу о союзной оккупации (occupation mixte) граф Шувалов высказал новые свои соображения о том, чтобы предложить занятие Восточной Румелии только австрийскими и английскими** контингентами; с тем чтобы турецкие войска не вступали вовсе в Восточную Румелию, а русские — продолжали бы занимать южную полосу Княжества Болгарского. Князь Горчаков и Гирс возражали на это предложение, настаивая на предлагавшихся прежде канцлером платонических гарантиях неприкосновенности и самобытности Восточной Румелии. Мое мнение состояло в том, чтоб оставаться при прежнем предложении «occupation mixte»; в случае же положительного отказа со стороны некоторых из государств принять участие в этой совместной оккупации и допустить, согласно предложению графа Шувалова, ограничение оккупации лишь некоторыми контингентами, однако ж, ни в каком случае не менее, как трех государств***. Государь высказывался в том же смысле, но

---

* финансовыми соображениями

** войсками

*** *Первоначальный текст после слов: «Князь Горчаков и Гирс возражали на это предложение»*: «и настаивали на том, чтобы ограничиться теми <условиями> предложениями, которые были прежде заявлены канцлером и которые имеют характер совершенно теоретический, бумажный. Я, со своей стороны, согласился с мнением князя Горчакова о невыгодах оставления в Восточной Румелии одних австрийцев с англичанами, но, с другой стороны, высказал полное недоверие мое к тем средствам, которые канцлер считает достаточ-

потом перешел на другой вопрос, который уже несколько времени преимущественно занимает его, а именно: на предложение державам постановить, с общего соглашения, что в случае окончательного распадения Турецкой империи, не будет допущено занятие Константинополя и проливов ни одною из больших держав. Граф Шувалов находит, что подобное предложение не может быть сделано в форме* письменного циркуляра; что необходимо предварительно ощупать расположение каждого из заинтересованных кабинетов путем конфиденциальных разговоров. С этим мнением и я вполне согласен; но думаю притом, что в настоящее время инициативу подобного предложения нам принять на себя было бы опасно даже и в простом разговоре. Да если б даже и осуществилось наше предложение, можно ли подобному дипломатическому соглашению придать серьезное значение. При теперешнем положении дел Англия уже владеет фактически и Константинополем, и проливами[41]. Настоящий хозяин в столице Турции уже не султан, а представитель Англии; все идет к тому, чтобы власть султана окончательно обратилась в одну** фикцию, подобно тому, как в Египте хедив уже взят вполне под опеку Англии и Франции[42]. Флот английский, хотя бы и вышел из Мраморного моря, может во всякое время снова войти в проливы и даже в Черное море; никто ему воспрепятствовать не может. Турецкие батареи на берегах Босфора и Дарданелл, конечно, не откроют огня по британскому флоту. Следовательно, никакие дипломатические соглашения не могут уже восстановить прежнего порядка вещей, основанием которого были: во-первых***, пресловутая неприкосновенность (integrité) империи Оттоманской и, во-вторых, замкнутость проливов. Оба эти основные начала прежнего международного права по восточному вопросу уже рушились; осталась только вывеска «Турецкой империи»****.

ными гарантиями для неприкосновенности и самобытности Восточной Румелии. Мое заключение состояло в том, чтобы продолжать настаивать на прежнем предложении нашем «occupation mixte»; в случае же положительного отказа большей части держав, попробовать новое шуваловское предложение, но с тем чтобы в Восточной Румелии расположены были контингенты по крайней мере трех держав (а не двух)».

* гласного

** простую

*** знаменитая

**** фактическая же действительность — Англия уже забрала в свои руки и ключ Черного моря и полновластную опеку над дряхлыми остатками империи Османа.

Сегодня был большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора Вильгельма. День этот празднуется ежегодно; но мне показалось, что в нынешний раз не было уже той задушевности, которая систематически выказывалась на этом торжестве в прежние годы: обед прошел как-то холодно, и заздравного тоста почти не было слышно.

15-го марта. Четверг. — Во все последние дни происходили у Государя совещания по политическим делам в присутствии графа Шувалова. Почти исключительным предметом этих совещаний был вопрос о смешанной оккупации (occupation mixte) Восточной Румелии. Дело* затрудняется разными оговорками, по которым не может установиться соглашения. До сих пор только Австрия и Англия изъявили согласие на посылку своих контингентов; прочие же одобряют наше предложение в принципе, но уклоняются от участия в оккупации. Мы же не можем допустить австро-английской оккупации; не можем допустить и турецких войск, так как главная цель нашего предложения в том именно и заключалась, чтобы устранить вступление их в пределы Восточной Румелии. Англичане предлагают ограничить расположение турецкого контингента двумя пунктами: в Бургасе и Ихтимане. Как ни неприятно для нас согласиться на такое предложение, все-таки в нем можно видеть большой выигрыш, если мы чрез это устраним занятие Балканского хребта турками. По всем этим вопросам граф Шувалов имеет ежедневные совещания с лордом Дефферином, который продолжает любезничать с нашими дипломатами; беседуя то с графом Шуваловым, то с князем Горчаковым, то с Гирсом, часто путает дело и сообщает в Лондон отчеты не всегда точные. Да как и ожидать, чтоб английский посол передавал точно все, что слышит у нас, если наш государственный канцлер не знает, где Бургас, где Ихтиман и не хочет никогда взглянуть на карту. Все перепутано в его старческой голове.

На днях приехал новый французский посол генерал Шанзи**, сегодня он представлялся Государю. Я не видал еще его; но сегодня, возвратившись домой около 6 часов, нашел у себя записку с приглашением приехать запросто к английскому послу к обеду, чтобы познакомиться с генералом Шанзи; однако ж я уклонился от этого приглашения.

Во вторник был опять случай покушения на убийство генерала Дрентельна[43]. На этот раз преступление неизвестных злоумышлен-

---

* еще

** вчера

А.Р. Дрентельн

ников отличалось особенною дерзостью*: среди белого дня, когда генерал Дрентельн ехал в карете в Комитет министров вдоль Летнего сада, злоумышленник обогнал его верхом, выстрелил в карету и ускакал вдоль набережной Большой Невы. Генерал Дрентельн погнался за ним в карете; городовые так же поскакали на извощиках; но, конечно, не могли нагнать всадника. Только у Воскресенского проспекта генерал Дрентельн увидел лошадь злоумышленника; ее водил городовой, который показал, что всадник, упал с лошади, сел на извозчика и уехал, обещав прислать за лошадью. Злоумышленник был до того дерзок, что после совершенного им преступления спокойно доехал до какой-то табачной лавочки, купил там папирос и потом пошел пешком. До сих пор его не открыли; лошадь же была куплена им у содержателя манежа, где он несколько недель приучался к верховой езде. Город сильно взволнован; безнаказанность злоумышленников и неспособность полиции возбуждают общее негодование. На другой же день появились печатные листки, в которых с цинизмом выставляется это новое покушение в виде кары за

* и нахальством

самоволие администрации и предрекается исполнение в другой раз приговора подпольного судилища.

Мы сидели в Комитете министров, когда распространилась весть о случившемся происшествии. Генерал Дрентельн, после напрасной погони за преступником, сам приехал в Комитет и рассказал нам, что и как было. По приказанию Государя было сегодня* же у Валуева совещание о том, какие меры принять против повторяющихся преступлений тайных злодеев. Вопрос этот уже столько раз обсуждался, что казалось бы лишним снова терять время на совещания. Но на этот раз поводом к возобновлению суждений послужило присутствие в Петербурге графа Шувалова, который, по своей прежней опытности в должности обер-полицеймейстера, а потом шефа жандармов, вызвался предложить некоторые придуманные им меры. Мы выслушали эти предложения и затем произошел** продолжительный обмен мыслей, подавший повод к горячему пререканию между министрами внутренних дел и юстиции. Маков с некоторым укором отозвался о вмешательстве прокурорского надзора в полицейские дела; Набоков счел своим долгом защитить свое ведомство. Дельнее всех говорил Дрентельн, который вообще выказывает замечательную умеренность и спокойствие. Все участники совещания признали полезным и важным одно из трех предложений графа Шувалова: предоставление городской полиции некоторых прав для водворения более строгого надзора за живущими в столице и некоторых больших городах. Другая из предложенных им мер — обещание денежных наград и освобождения от всякого наказания тех из соумышленников преступлений, которые откроют виновных, — не нашла себе сочувствия ни в ком из присутствовавших. Что же касается до третьей меры — высылки разом из столицы всех подозрительных людей, то мера эта подала повод к разнообразным суждениям. В пользу ее высказались Маков и граф Толстой сомневались в пользе ее Набоков и Грейг; Дрентельн и я — мы решительно возражали против предоставления подобного произвола полицейским властям, составляющего уже и теперь главный повод к справедливому неудовольствию и ропоту даже между людьми самыми благоразумными и спокойными. Я высказал, что перемещение из столицы хотя бы нескольких сот людей, состоящих на дурном замечании у полиции, нисколько не достигнет*** цели и даже не уменьшит зла, а

---

* вчера

** весьма

*** помогает делу

только восстановит окончательно общественное мнение против правительства.

Председатель (Валуев) не высказал своего личного мнения; он должен был прекратить заседание по причине позднего часа; чтобы придти к какому-нибудь положительному заключению, положено вторично собраться завтра.

Сегодня был у нас в доме маленький музыкальный вечер: пели Прянишников и старик Опочинин; первый — как артист, второй — как любитель.

17-го марта. Суббота. — Вчера новый французский посол генерал Шанзи сделал мне визит, но не застал меня дома. Сегодня, после доклада, я отдал ему визит. Беседа наша продолжалась с полчаса, но ограничилась обычным светским разговором. Генерал Шанзи имеет симпатичную наружность, любезен, но сознается, что совершенно новичок в дипломатии.

Вечером был я на лекции подполковника Плюцинского в зале Инженерного училища.

18-го марта. Воскресенье. — На разводе присутствовал новый французский посол генерал Шанзи. После развода заехал ко мне великий князь Николай Николаевич вместе со своим начальником штаба[44] графом Павлом Андр[еевичем] Шуваловым.

20-го марта. Вторник. — Сношения дипломатические касательно Восточной Румелии подвигаются туго. Италия подается на то, чтобы принять участие в смешанной оккупации, хотя и обставляет свое согласие* разными оговорками. Но Порта ртачится. Вопрос идет о том, где можно с меньшими неудобствами допустить присутствие турецкого контингента. Мы уже согласились было на занятие им Бургаса; но Столыпин, на сделанный ему запрос, ответил, что отнюдь не следу́ет туда допускать турок, а указывает на некоторые пункты близ южной границы Восточной Румелии в горах Родопских.

Сегодня во дворце был большой парадный обед в честь обоих новых послов английского и французского.

21-го марта. Среда. — Большую часть утра провел я в осмотре картографических работ, приготовленных в залах Зимнего дворца для осмотра их завтра Государем; поэтому не поехал в заседание Военного совета. Обедал во дворце с графом Шуваловым и Гирсом. После обеда, за чашкой кофе, читались полученные новые телеграммы и дипломатические депеши.

22-го марта. Четверг. — После моего доклада было обычное совещание по делам политическим с участием графа Шувалова.

---

* длинными теоретическими

Решено взять с нашей стороны* почин относительно** плана предстоящей оккупации Восточной Румелии. Полагаем предложить распределение районов для каждого из пяти контингентов.

После совещания Государь осматривал картографические и съемочные работы.

23-го марта. Пятница. — В бывшем сегодня совещании у Государя заявлены были вновь полученные предложения от Порты и от лондонского кабинета: является мысль, чтобы вместо смешанной оккупации удовольствоваться тем, что Порта согласится на назначение генерал-губернатором Восточной Румелии нашего кандидата Алекопашу (Вогоридес), на оставление при нем на годичный срок международной комиссии и обещает не вводить своих войск ни в Балканы, ни в другие части Румелии, за исключением занятия одного только пункта, например, Бургаса. Предложение это обсуждалось сравнительно с прежним предположением о смешанной оккупации в том случае, если б контингенты были только от Англии, Австрии, России и Турции. Граф Шувалов продолжает отдавать предпочтение этому последнему предположению. Канцлер и Гирс, как и прежде, не сочувствуют вообще оккупации и склонны к принятию турецкого предложения[45]. Я не высказал положительного мнения. Решено отложить вопрос до завтра, в ожидании приезда генерала Тотлебена, который и прибыл вечером. Прямо с железной дороги он поехал к Государю, а потом заехал ко мне[46]. Я объяснил ему в коротких словах, как теперь поставлен вопрос, подлежащий обсуждению в завтрашнем совещании. Тотлебен решительно высказался против смешанной оккупации и в пользу турецкого предложения. Такое мнение он основывает на том соображении, что румелийские болгары уже настолько оперились, что турки не посмеют уже и вступить в Восточную Румелию. По мнению Тотлебена, Турция в полном распадении; болгары же вооружены и*** готовы к борьбе, так что турки, в случае вступления в Восточную Румелию, встретят упорное сопротивление. Тотлебен в рассказах своих выставляет настоящее положение болгарского народа весьма в утешительных красках.

24-го марта. Суббота. — Обсуждавшийся во вчерашнем совещании вопрос относительно Восточной Румелии был снова предметом совещания сегодня в присутствии генерала Тотлебена. Пришли к тому заключению, что настаивать на прежнем предложении нашем о смешанной оккупации во всяком случае было бы беспо-

---

* инициативу

** предположения

*** уже

лезно; остается принять новые гарантии, предлагаемые Портой и Англией; но при этом выторговать все, что возможно для большего обеспечения Южной Болгарии от вторжения турок.

27-го марта. Вторник. — В прошлое воскресенье весь день потратил на полковое празднество конной гвардии: парад, завтрак у полкового командира (флегель-адъютанта полковника барона Фредерикса), обед во дворце.

Вчера и сегодня происходили обычные совещания по делам политическим с участием графа Шувалова и Тотлебена. Продолжаем обсуждать разные меры к устранению замешательств после выхода наших войск из Восточной Румелии. Еще неизвестно, как приняты в Лондоне и Константинополе наши оговорки к сделанным Портой и Англией новым предложениям. Являются новые затруднения и опасения: с одной стороны, в Восточной Румелии, по мнению Тотлебена и Столыпина*, появление не только турецких войск, но и турецкого генерал-губернатора не обойдется без сопротивления. С другой — в Тырнове Народное собрание постановило, вопреки прежним надеждам нашим, не приступать к избранию князя, предоставив это решение особому, усиленному собранию выборных депутатов. Чрез это избрание князя значительно** отдаляется и почти нет уже возможности ввести окончательное правительство в Княжестве Болгарском прежде истечения срока, назначенного Берлинским трактатом для русского управления. Что же будет в промежуток времени от 23 апреля до прибытия будущего князя Болгарского и до принятия им бразд правления? Решено телеграфировать князю Дондукову, чтобы старался ускорить открытие нового чрезвычайного собрания и настоял на выборе князя ранее срока нашей оккупации. Также телеграфировано ему и Столыпину, чтобы настойчиво велось дело вооружения болгар по обеим сторонам Балкан и развития образовавшихся в среде их «гимнастических дружеств»[47].

28-го марта. Среда. — Отъезд в Крым*** еще отложен на 11-е апреля; предлогом выставляется холодная погода. Сегодня совещание у Государя было назначено позже обыкновенного, в 1 $^1/_2$ часов, по случаю церковной службы, хотя Государь не говеет на этой неделе. Рассуждали опять о положении дел в Болгарии и Восточной Румелии, по поводу полученных донесений от князя Дондукова и разговоров, которые вчера имели канцлер и граф Шувалов с лордом Дефферином. Генерал Тотлебен, как оказывается, внушил

---

* не обойдется без вооруженного сопротивления.

** замедлится

*** опять

особенное доверие к себе английскому послу, который высказывал мысль, что для полного успокоения Европы было бы полезно, чтобы окончательная эвакуация Болгарии и Румелии была поручена Тотлебену. По всему видно, что к князю Дондукову никто не имеет доверия, его заподозрили в неискренности действий и подстрекательстве болгар к сопротивлению исполнения Берлинского договора. Были также сегодня рассуждения о том, полезно ли графу Шувалову ехать обратно в Лондон чрез Вену: граф Шувалов высказывает надежду склонить графа Андраши на нашу сторону в вопросах, предстоящих делимитационным комиссиям[48]; князь Горчаков опасается попытки графа Шувалова оторвать Австрию от Англии или, как он сам выражается, изолировать Англию.

Пред самым выездом моим из дому на совещание получил я записку от английского посла с просьбой назначить ему час свидания, по возможности немедленно. По окончании совещания я сам заехал к лорду Дефферину. Он встретил меня с большою предупредительностью и объяснил цель нашего свидания желанием узнать мои личные мнения, прежде чем отправить курьера в Лондон с донесением о последних своих разговорах с князем Горчаковым, графом Шуваловым и Тотлебеном. По словам лорда Дефферина, он задался целью убедить свое правительство в искренности и прямоте намерений русского правительства относительно Восточной Румелии и* побороть общее недоверие к нашей политике. После всего уже слышанного им от названных лиц, ему хотелось еще иметь мое заявление о наших видах. Само собой разумеется, что я подтвердил ему все, что было решено в последних наших совещаниях и формулировал по возможности конкретно наши соображения о мерах к предупреждению нового кровопролития и беспорядков на Балканском полуострове, по выходе наших войск и прекращении нашей администрации в крае. Я перечислил ему и разъяснил следующие пункты: 1) турецким войскам оставаться лишь в местностях ныне ими занимаемых на южной окраине Восточной Румелии в Родопских горах и не занимать никаких других пунктов; 2) в дружинах румелийских удержать наших офицеров; 3) поспешить работами делимитационных комиссий, особенно в Балканах, пока там еще находятся наши войска; 4) распределить выступление наших войск таким образом, чтобы ариергард их оставался в одном из центральных пунктов Восточной Румелии по возможности долее, — почти до истечения трехмесячного срока, данного нам Берлинским трактатом** на самое исполнение движения; наконец

---

* поколебать

** после начала движения

Б.Г. Глинка-Маврин

5) поспешить назначением генерал-губернатора в Восточную Румелию, водворением его и введением Органического устава к сроку нашей оккупации, т. е. к 3-му мая нового стиля, равно как и водворением к тому же времени княжеского правительства в Северной Болгарии. По всем этим пунктам лорд Дефферин вполне соглашался со мной, il abondait dans mon sens* и даже сознавался в том, что упорное желание Англии дать Турции оборонительную линию по Балканам есть такая же фикция, как прежде был пресловутый принцип всей восточной политики — l'intégrité de l'Empire Ottomane**. Слушая медоточивые речи великобританского посла, сожалеешь только о том, что они не имеют ничего общего с решениями и действиями великобританского правительства.

31-го марта. Суббота. — В последние три дня не произошло ничего нового; дипломатические соглашения не подвинулись ни на шаг. Не было даже обычных совещаний у Государя. Взамен того у меня собирались два дня сряду совещания по особым вопросам: вчера — о направлении устраиваемого морского канала от Крон-

---

* Он был одного со мной мнения (*фр.*).

** Целостность Оттоманской империи (*фр.*).

штадта до Петербурга и расположении порта на Гутуевском острове; а сегодня — об инструкции, составляемой в руководство комиссии, назначенной под председательством генерал-адъютанта Глинки-Маврина[49] для расследования злоупотреблений в действиях бывшего во время минувшей войны полевого интендантства и товарищества для продовольствования армии*.

На днях приехал опять в Петербург великий князь Михаил Николаевич. Сегодня я просидел у него с час времени.

1-го апреля. Светлое Воскресение. — Давнишний** обычай христосования с Государем у заутрени отжил свой век. Когда все съехались во дворец, к общему удивлению, объявлено было, что Государь христосоваться не будет. Многие озадачены и недовольны. Тем не менее почти вовсе уже и не христосовались между собой.

В течение дня по городу ходили слухи о том, будто бы ночью ожидали каких-то беспорядков. В действительности же только найдены*** были в разных местах новые противуправительственные печатные воззвания.

2-го апреля. Понедельник. — Опять покушение на жизнь Государя! Утром, когда я только что встал и оделся, дежурный фельдъегерь вошел сказать мне, что желает видеть меня полковник князь Трубецкой, чтобы передать что-то важное о случившемся с Государем. Вышед поспешно в приемную, я увидел князя Александра Васильевича Трубецкого, только что приехавшего из Ташкента, того самого, который в молодости был блестящим кавалергардским офицером, потом мужем знаменитой Тальони, консулом в Марселе, а затем впал в долги, в нищету и нашел снова пристанище в военной службе, в Туркестанском крае. Он рассказал мне, что был очевидцем, как во время прогулки Государя, близ Певческого моста, шедший навстречу ему неизвестный человек сделал из револьвера несколько выстрелов и немедленно был схвачен; что Государь остался невредим и, сев в первый попавшийся экипаж, доехал до дворца. Пораженный таким известием, я немедленно поехал во дворец, где нашел уже нескольких министров, в том числе князя Горчакова, Валуева, Дрентельна; вслед затем постепенно съехались и другие. Государь позвал к себе Валуева, Дрентельна, Макова и меня****; чтобы обсудить меры, какие нужно принять по случаю настоящего ненормального положения

---

* Оба совещания продолжались с 2 и до 6 часов.

** порядок

*** <снова> опять

**** в присутствии наследника

А.К. Соловьев

дел. Государь приказал нам сегодня же собраться и составить предположение об учреждении в обеих столицах и других больших городах временных военных генерал-губернаторов с применением правил военного положения[50]. Государь казался спокойным и судил в умеренном смысле; присутствовавший при этом наследник цесаревич высказывался гораздо энергичнее и круче. К 11 часам собралась уже целая толпа в коридорах дворца и в ротонде. Пока шла обедня в Малой церкви и потом молебствие, вся Белая зала наполнилась съехавшимися «особами обоего пола», как пишется в гоф-фурьерских повестках. Государь с императрицей и всей царской семьей прошел из Малой церкви в Белую залу и на всем пути встречал восторженные изъявления преданности, а когда показался в Белой зале, то раздались* громовые крики «ура». Потом Его Величество показался на балконе** пред собравшейся на площади толпой народа. Мгновенно улицы запестрились флагами, и целый день не было другого разговора, кроме

---

* неумолкаемые

** и собравшаяся на площади толпа приветствовала его.

рассказов об утреннем событии. Разумеется, более всего толковали о личности преступника, который, как говорили, принял яду; но его заставили принять противоядие и полагают, что он не ускользнет от судебного возмездия. При первых допросах он назвал себя* Соловьевым, отставным чиновником[51].

В два часа назначено было у Валуева совещание. Кроме лиц, уже принимавших участие в прежних совещаниях по тому же предмету, приглашен был, по моей просьбе, главный военный прокурор статс-секретарь Философов. После трех часов споров и суждений пришли к тому заключению, чтобы Философов, вместе с министром юстиции Набоковым, проектировал к завтрашнему дню указ Сенату относительно учреждения временных военных генерал-губернаторов и в руководство им инструкцию.

Вечером был у меня генерал-адъютант граф Лорис-Меликов, только что приехавший сегодня с низовей Волги[52]. Хотя, по-видимому, там все успокоилось, однако ж он намерен еще возвратиться туда в конце Святой недели, чтобы сделать окончательные распоряжения о снятии карантинов и роспуске войск, собранных для оцепления Астраханской губернии.

4-го апреля. Среда. — Вчера утром, пред моим докладом, было у Государя совещание с участием генерала Дрентельна относительно предстоящих назначений на должности временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове, Одессе и отчасти в Москве. Государь еще колебался. К 2-м часам опять съехались к Валуеву для совещания относительно проектированного статс-секретарем Философовым указа Сенату. Проект был одобрен с неважными редакционными поправками. Тем не менее было не мало разглагольствования по вопросу о соединении власти гражданской с военною и затруднительности решения вопроса о выборе лиц для Петербурга.

Сегодня утром представил я Государю вчерне проектированный указ в присутствии генерала Дрентельна. Тут же окончательно решены все назначения: в Петербурге генерал Гурко назначается временным генерал-губернатором и вместе с тем помощником главнокомандующего войсками округа вместо барона Бистрома, назначаемого в Военный совет. В Москве остается генерал-губернатором князь Долгоруков; но вместо Гильденштуббе (назначаемого в Государственный совет) командующим войсками округа назначается генерал-адъютант Казнаков, вместо которого начальство в Западной Сибири возлагается на генерал-адъютанта графа

* Соколовым.

Бреверн де Лагарди, много уже лет остающегося вне действительной службы. В Харьков назначается генерал-адъютант граф Лорис-Меликов на обе должности: генерал-губернатора и командующего войсками; занимавший эту последнюю должность генерал Минквиц — в Военный совет. Наконец, в Одессе права генерал-губернатора предположено предоставить генерал-адъютанту Тотлебену, которому и без того предстояло пробыть некоторое время в Одессе для докончания дел по управлениям бывшей действующей армии. Таким образом, разрешился трудный вопрос о перестановке личностей. Кроме того, предположено командиром Гренадерского корпуса назначить графа Шувалова (Павла) вместо генерал-адъютанта Ганецкого I, назначаемого в Военный совет, а начальником штаба Петербургского округа — генерал-адъютанта князя Имеретинского.

После доклада моего я остался во дворце для молебствия в память 2-го апреля; а к 6-ти часам приглашен был к обеду с генерал-адъютантом Шуваловым и Тотлебеном и статс-секретарем Гирсом. Главным предметом разговоров за обедом было событие 2-го апреля. Государь* объяснял некоторые подробности, неверно передаваемые в газетных известиях. Отовсюду получаются бесчисленные телеграммы с выражениями сочувствия и преданности императору, чудесно спасенному от руки злодея. Говорят, что преступник (Соловьев), сначала упорно молчавший и смотревший угрюмо, начинает понемногу проговариваться.

7-го апреля. Суббота. — В городе только и разговоров, что о преступных замыслах, о новых будто бы попытках против служащих лиц, о бесчисленных арестах. Как будто самый воздух пропитан зловещими ожиданиями чего-то тревожного. Ходят самые неправдоподобные слухи и выдумки. Высшая полиция встревожена получаемыми секретными предостережениями. Одновременно в Москве и здесь были намеки на то, что злоумышленники, видя неудачу одиночных покушений, намереваются произвести новую попытку уже «скопом». Поэтому в прошлую ночь приняты были чрезвычайные меры по войскам Петербургского гарнизона. В разных местах города секретно расположены части войск; полки удержаны в казармах. Сегодня подписан приказ о назначении временных генерал-губернаторов в Петербург (Гурко), Харьков (Лорис-Меликов) и Одессу (Тотлебен).

Вчера Государь показывал мне пальто, которое было на нем 2-го апреля; оказывается, что оно было прострелено; на ноге Государя

---

* подробно

заметно пятно в том месте, где, по-видимому*, ударила пуля; не пробив, однако, сапога.

Политика в застое. Хотя вчера было совещание, последнее пред отъездом графа Шувалова, однако ж, никаких новых сведений не предъявлено. Продолжается только назойливое со стороны англичан препирательство с нами о том, что считать пунктами принципиальными при определении новых границ Болгарии и Румелии и что частностями (détails), предоставляемыми решению делимитационных комиссий** большинством голосов. При этом, разумеется, главное внимание обращено на балканскую границу. Мы считаем принципиальным условием проведение границы по гребню хребта (la crête), по водоразделу; англичане домогаются, чтобы мы предоставили большинству комиссии окончательно решать все вообще отступления от означенной нормальной линии; но мы не можем согласиться на такое широкое толкование слова: question de détails***. На этом пока и остановились препирательства между лордом Дефферином и Гирсом.

Сегодня отправлен фельдъегерь прямо в Тырново к князю Дондукову с инструкцией относительно порядка эвакуации Болгарии и Румелии[53]. Кроме официальных бумаг я послал своеручное длинное письмо, в котором старался выяснить князю Дондукову те затруднения, которые можно предвидеть в случае замедления в выборе князя Болгарии и предстоящий нам после**** зарочного 23 апреля / 3 мая образ действий.

Сегодня было у меня совещание с генерал-адъютантом Крыжановским и Казнаковым, в присутствии графа Гейдена и генерал-лейтенанта Богуславского, по вопросу о применении воинской повинности к инородческому населению азиатских округов. Вопрос этот почти нисколько не подвинулся со времени введения Устава о воинской повинности в империи*****[54], даже не установился взгляд на основные начала, которых следует держаться.

15-го апреля. Воскресенье. — Ливадия. 12-го апреля Их Величества с великой княгиней Александрой Иосифовной выехали из Петербурга в Крым. Кроме всегдашних лиц свиты ехали в царском поезде и мы с Гирсом. Путешествие совершилось со всеми обычными удобствами и сегодня мы уже обедали в Ливадии. Крым нашли мы в восхитительном виде: деревья в цвету, зелень свежая,

---

* пуля коснулась тела

** простым

*** Вопрос о деталях (*фр.*).

**** рокового

***** и до сих пор

яркая. Какая противуположность с природой, только что покинутой нами на севере.

В последнюю неделю пред отъездом из Петербурга все еще продолжались толки о назначении новых временных генерал-губернаторов и определении предоставляемых им чрезвычайных прав. Против первоначального предположения последовали лишь немногие перемены: командующим войсками Московского военного округа решено назначить генерал-адъютанта графа Бреверн де Лагарди, а Казнакова оставить на своем месте в Западной Сибири. Объявление в приказе обо всех новых назначениях и перемещениях отложено на 17-е апреля.

По внешней политике также продолжался обмен телеграмм по вопросу о предоставлении больших или меньших полномочий разграничительным комиссиям*[55]. Граф Шувалов, проездом через Вену, без надобности вошел в объяснение с графом Андраши, который нахально восстал даже против того, что уже было окончательно улажено и с англичанами и с Портой относительно Восточной Румелии.

Между тем Тырновское народное собрание закончило возложенное на него составление Органического статута для Болгарии и затем закрыто. Сегодня же должны уже собраться там новые депутаты в чрезвычайное собрание для выбора князя[56].

18-го апреля. Среда. — В понедельник ездил я в Симеис, чтобы взглянуть, все ли готово к приему ожидаемой вскоре семьи. Я наслаждался, как в дни юности, осматривая все уголки дома, все чаиры, огороды, фонтаны. Возвратился в Ливадию к обеду, т. е. к 7 часам. В этот день ожидали приезда греческой королевы Ольги Константиновны; но она прибыла только в полночь, когда перестали уже ожидать ее.

---

* *Первоначальный текст после слов «Какая противуположность с природой, только что покинутой нами на севере»*: «Пред отъездом из Петербурга время прошло хлопотливо, более всего было толков и распоряжений по случаю назначения новых временных генерал-губернаторов и определения предоставляемых им чрезвычайных прав. По этому же поводу решены многие другие назначения и перемещения в военных должностях. Генерал Гильденштуббе назначается в Государственный совет; на его место командующим войсками Московского округа графа Бреверн де Лагарди (Казнаков остается на своем месте в Западной Сибири), Минквиц, Ганецкий, Ралль — в Военный совет; граф Шувалов (Павел) — командиром Гренадерского корпуса, Свечин — командиром 10-го корпуса, князь Имеретинский начальником штаба Петербургского округа. Все эти перемещения отложены до 17-го апреля. По внешней политике все тот же застой; продолжается обмен телеграмм о том, какие вопросы по разграничению предоставить решению большинства голосов в комиссиях. Англичане торгуются».

Вчера утром был съезд в Ливадии по случаю торжественного дня рождения императора. Поздравительных телеграмм масса; мне пришлось отправить множество ответных от имени Его Величества. Пред самым обедом получена телеграмма от князя Дондукова, который, со свойственною ему ловкостью, пригнал к этому дню выбор князя только что съехавшимся новым Народным собранием. По нашему указанию выбран единогласно принц Александр Баттенберг, племянник императрицы, участвовавший с нами в кампании 1877 года в Болгарии[57]. Эту весть Государь принял с видимым удовольствием; в тот же вечер разосланы телеграммы ко всем дворам и к отцу принца, брату императрицы. По окончании обеда меня позвали в гостинную императрицы вместе с графом Адлербергом и Гирсом. Здесь мы нашли великую княгиню Александру Иосифовну и царственную ее дочь королеву Ольгу. Императрица не совсем довольна выбором ее племянника на болгарский престол; по-видимому, она мало доверяет прочности и счастливой будущности этого нового государства.

Сегодня утро было свободно, и я съездил в Ялту навестить бедного больного Александра Алексеевича Зеленого. Я нашел его еще более в печальном состоянии, чем был он в прошлом году. Потрясающее влияние произвела на больного беспощадная суровость, с которою Государь обошелся с ним в день своего приезда в Ливадию, когда Зеленый встретил Его Величество на крыльце ливадского дворца: проходя мимо Зеленого и едва приостановившись, Государь гневно сказал ему, что злодейское покушение 2-го апреля совершено его родственником — мужем его племянницы. Такой неожиданный упрек совершенно ошеломил больного, который сначала даже ничего не понял и растерялся*; с трудом вспомнил он, что лет шесть назад одна из дочерей его родной сестры Челищевой покинула родительский дом и с тех пор о ней не было в семье никаких сведений. Сегодня Зеленый объяснил мне, что эта девушка, совращенная нигилистами, вышла за какого-то неизвестного ему человека, которого, однако же, после короткого времени бросила. Этот человек и оказался злодеем, покусившимся на цареубийство.

---

* *Первоначальный текст после слов «Я нашел его еще более в печальном состоянии, чем был он в прошлом году»*: «Притом же на него имело сильное влияние странное обращение к нему Государя при встрече, когда Зеленый, больной и слабый, встретил его на крыльце ливадского дворца: совершенно неожиданно и непонятно для всех при этом находившихся Государь сердито объявил, что преступник, покусившийся на жизнь Его Величества — муж племянницы Зеленого. Это заявление ошеломило больного, который не имел никакого понятия о том, о какой племяннице и каком муже идет речь».

А.Д. Градовский

20-го апреля. Пятница. — С приезда в Ливадию я пользуюсь непривычным мне досугом. Только по утрам, на какой-нибудь час времени, мы с Гирсом и графом Адлербергом являемся в кабинет Государя, для прочтения полученных новых известий по делам политическим и для обсуждения ответов. Чтение это происходит отчасти в кабинете императрицы или на ее балконе. Затем, кроме обязательного присутствия за обедом, все остальное время свободно: пользуюсь им для прогулки и чтения, — два удовольствия, которые я могу себе позволить только теперь, как редкое исключение из обычной моей жизни.

Прочел я замечательную статью профессора Градовского, помещенную в одном из ежемесячных журналов: «Социализм на западе Европы и в России»[58]. Автор мастерски разъясняет ненормальное явление наших русских «социалистов», которые заимствовали на Западе только имя, но действуют и думают совершенно в ином смысле. То, что называется в Европе социализмом, совершенно чуждо нам; у нас это — экзотическое растение, для которого нет пригодной почвы*. Градовский весьма верно указывает причины,

* ни соответствующего климата.

создавшие у нас «нигилизм», и обстоятельства, помогающие безобразным деяниям наших пропагандистов и революционеров. Дело в том, что при всей чудовищности проповедуемых ими принципов они не только не встречают отпора в обществе, но* даже находят благоприятствующую почву в массе недовольных существующим порядком вещей. И я, со своей стороны, постоянно высказывал и высказываю эту самую мысль; но Градовский изложил ее с большим умением и тактом; он умел высказать много таких истин о настоящем нашем, можно сказать, хаотическом положении, которые в другой форме не могли бы появиться в печати.

Действительно, нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу до верху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицеймейстера или даже городового. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных полицейских мерах, вместо того чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза, и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни.

Высказывая эти грустные мысли, невольно задаешь себе самому вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе** высшего правительства. Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрс; но что же делать? Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон Кихотом, если бы вздумал проводить взгляды, совершенно противуположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли бы ровно никакой пользы делу; я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее. Для успокоения же собственной совести было бы одно средство — удалиться от правительственной деятельности, что и составляет уже*** давно предмет задушевной моей мечты; но возможно ли

---

* напротив того,

** этого

*** многие годы

было предпринять такой шаг в последние годы и скоро ли можно будет осуществить свою давнишнюю мечту?

22-го апреля. Воскресенье. — Сегодня утром приехал в Ливадию князь Дондуков. После обедни и завтрака Государь принял его доклад в присутствии моем, также Гирса и графа Адлерберга. Разумеется, главным предметом доклада было избрание на болгарский престол принца Александра Баттенберга, соображения о его прибытии в Болгарию, о приеме им депутации, даже о том, в каком мундире должен он явиться и какую русскую ленту следует на него надеть. Впрочем, князь Дондуков привез с собой целую кипу докладных записок по разным вопросам, преимущественно же касательно ликвидации нашего управления и оккупации в Болгарии. Завтра он уже намерен отплыть обратно в Варну.

24-го апреля. Вторник. — Вчера праздновался в Ливадии день рождения короля эллинов[59], день именин великой княгини Александры Иосифовны. Это не помешало длинному докладу князя Дондукова в присутствии моем и Гирса*. Более всего было толков о приезде и вводе во владение нового князя Болгарского Александра. Телеграф не перестает действовать. Между тем из Константинополя известия удовлетворительные: в субботу генерал Обручев представлялся султану, был принят очень** благосклонно и сегодня должен был продолжать путь в Филиппополь; он везет, кроме русской прокламации к населению Восточной Румелии, также официальное заявление от имени султана о том, что Порта, сохраняя за собою права, предоставленные ей Берлинским трактатом, не намерена воспользоваться ими относительно ввода турецких войск в Балканы или какие-либо другие части Восточной Румелии[60]. Такое заявление много успокоит взволнованные умы болгар и, что весьма важно, делает вовсе излишними все неприятные объяснения с Англией и Австрией; обе они останутся в стороне с нахальными своими*** домогательствами.

Сегодня князь Дондуков-Корсаков уехал обратно в Варну.

30-го апреля. Понедельник. — В прошедшую пятницу, 27-го числа, ездил я навстречу моей семье, которая от Симферополя приехала в Ялту в экипажах. Проведя несколько времени в Ялте со

---

* Сегодня князь Дондуков уехал обратно в Болгарию.

** радушно

*** требованиями. Жаль только, что слишком много с ними возятся и болтают в Петербурге, Вене и Лондоне. В особенности портит дело болтовня князя Горчакова и барона Жомини, которые толкуют с Дефферином о том, что в Константинополе уже давно улажено.

своими, я возвратился к вечеру в Ливадию. В субботу утром жена и дети, по пути в Симеис, заехали ко мне в Ливадию. Когда я пришел с докладом, Государь объявил мне, совершенно для меня неожиданно, что требует, чтобы я не иначе ездил в Симеис, как в сопровождении казака. Как ни отговаривался я от* этой охраны, однако ж не мог отклонить высочайшую волю; ко мне прислан кавказский казак из Собственного Е. В. конвоя для сопровождения меня в тот же день в Симеис. Другая новость была для меня приятная: Государь, узнав чрез графа Адлерберга, о желании моем избегнуть поездки с Его Величеством в Берлин и Варшаву, чтобы провести некоторое время на отдыхе в своей семье, весьма любезно изъявил на это полное свое согласие. Перспектива поездки в Германию, в свите Государя, была для меня вовсе непривлекательна**. После доклада моего и чтения дипломатических известий у императрицы, я поспешил отправиться в Симеис. На пути под разными*** предлогами старался отсылать от себя вперед провожавшего меня казака.

В Симеисе провел я время до сегодняшнего вечера в совершенном бездействии. Это dolce far niente****, среди прелестной местности, в дорогой семье, есть действительный отдых не только физический, но и душевный.

Возвратившись к обеду в Ливадию, я нашел уже здесь принца Александра Баттенберга, нового князя Болгарского. Когда собрались к обеду, Государь объявил, что производит князя Александра в генералы русской службы и назначает его шефом 13-го стрелкового батальона, в воспоминание участия принца в первом походе генерала Гурко за Балканы, причем особенно отличилась 4-я стрелковая бригада[61]. Князь***** высказал мне свои опасения предстоящих ему затруднений. В четверг прибудет сюда болгарская депутация.

4-го мая. Пятница. — Князь Болгарский всю неделю знакомился с положением дел и предстоящею ему задачей. Приехавшая вчера болгарская депутация представлялась сегодня князю в столовой дворца. Она состоит из епископа, гг. Стоилова, Бурмова, Караконосова, одного мусульманина и одного крестьянина. Князь был в мундире русского уланского полка (Вознесенского), в генеральских эполетах, в ленте Белого Орла и с болгарской шапкой******. После

---

* такой неудобной

** А потому у меня как гора свалилась с плеч.

*** ухищрениями

**** Приятное безделье (*итал.*).

***** еще очень молод; однако ж

****** папахой

взаимного обмена* приветствиями и речами депутацию повели в гостинную, где принял ее Государь. Хотя большая часть депутации говорит по-русски, однако ж Государь сказал им речь по-французски с тем, чтобы слова его были понятны и для самого князя Александра. Епископ отвечал прекрасною речью по-русски. После этого официального приема болгар пригласили к общему завтраку, а потом к обеду. Болгары держали себя весьма прилично и непринужденно; даже крестьянин, в своем национальном костюме, выказал необыкновенный такт. Депутация намерена пробыть здесь дня три; князь же Александр отправляется завтра в Одессу, откуда объедет все большие дворы. В этом путешествии сопровождает его Стоилов.

5-го мая. Суббота. — Утром отслужено в дворцовой церкви напутственное молебствие с провозглашением многолетия князю Болгарскому, потом болгарскому войску и болгарскому народу. Сам князь и болгарские депутаты были тронуты до слез. После завтрака князь сел на пароход «Пендераклия» и отплыл в Одессу, где ожидает его торжественная встреча.

8-го мая. Вторник. — Воскресенье и утро понедельника провел я в Симеисе в полном отдыхе. Вчера возвратился в Ливадию к обеду и нашел груду привезенных из Петербурга бумаг. Сегодня имел я продолжительный доклад у Государя, после чего Его Величество принял только что приехавшего из Константинополя посла князя Лобанова-Ростовского. После короткого с ним разговора глаз на глаз приглашены были в кабинет граф Адлерберг, Гирс и я. Читалось в присутствии самого князя Лобанова любопытное письмо его, в котором выставлены ясно проделки Австрии и коварные виды ее на** преобладание на Балканском полуострове. Князь Лобанов в частном разговоре с султаном имел случай раскрыть ему глаза и предостеречь его от замыслов Австрии, поддерживаемых Англией и Германией. Разговор этот произвел такое впечатление на султана, что он приостановился было подписанием уже заключенного с австрийцами договора касательно Новобазарского санджака и согласился на утверждение этого странного договора только тогда, когда австрийцы согласились на уничтожение подписанных уже пред тем секретных условий, имевших целью установить тесный союз между Австрией и Портой*** против России. Князь Лобанов случайно открыл существование**** этой секретной сделки и успел еще вовремя расстроить ее[62].

---

* речами и любезностями

** утверждение ее

*** на случай какого-либо покушения

**** этого секретного договора

Князь
А.Б. Лобанов-Ростовский

Пред обедом князь Лобанов просидел у меня более часа. С ним вести дело приятно; он человек живой, хотя несколько поверхностный. Ему готовится какое-то новое назначение; догадываюсь, что в Лондон на место графа Шувалова; в Константинополе его заместит Сабуров, а вместо последнего в Афины назначается Нелидов, наш сотоварищ в Болгарской кампании 1877 года.

10-го мая. Четверг. — Сегодня рано утром прибыли в Ялту генерал-адъютант Тотлебен из Одессы и турецкий чрезвычайный посол Намык-паша из Константинополя. Государь принял Тотлебена сейчас после моего доклада, а турецкого посла в 1 час, после обедни, которую Их Величества слушали в большой ливадской церкви, по случаю храмового праздника (Вознесения). Намык-паша уже 80-летний старик; говорит по-французски, хотя с трудом; он

когда-то был в Петербурге; несколько раз занимал пост верховного визиря и был одним из уполномоченных при подписании Сан-Стефанского договора. Рассказывают о нем, что, подписав этот тяжелый для Турции трактат, он заплакал. Государь принял его в кабинете, наедине; вся свита была собрана на подъезде дворцовом, в мундирах и походной форме. Аудиенция продолжалась недолго; после нее паша был приглашен к завтраку, а потом и к обеду. Привезенное Намыком-пашой султанское письмо в ответ на посланное с Обручевым письмо нашего Государя не заключает в себе ничего другого, кроме* банальных фраз. Не того ожидали у нас от этого посольства: князю Лобанову было заявлено султаном, что вместе с Намык-пашой приедет домашний секретарь султана Зиат-бей, пользующийся неограниченным доверием падишаха. Присылка такого лица придавала посольству характер конфиденциального, важного поручения, и сам султан предварял князя Лобанова, что посылает такое лицо именно с тою целью, чтобы передать чрез него самые сокровенные личные мысли свои. Князь Лобанов предполагал, что предметом этих таинственных объяснений может быть та же несбыточная мечта, о которой наш посол слышал еще осенью прошлого года и тогда же докладывал о том Государю в Ливадии. Однако ж все эти предположения не осуществились: почти в самый момент выезда Намык-паши из Константинополя поездка Зиат-бея была отменена. Можно догадываться, что султан в последнюю минуту спохватился, сообразив, что посылка в Ливадию такого доверенного лица возбудит подозрения западных друзей Порты, которых султан боится, хотя и не доверяет им.

Последние сведения из Восточной Румелии и даже из Болгарии были несколько тревожны: по донесениям наших дипломатических агентов, начиная с князя Цертелева, можно было опасаться сильного брожения умов и нарушения порядка при введении нового Органического статута. Дипломаты прямо обвиняют наших военных в умышленной агитации и даже в рассылке прокламаций. Наиболее подозреваемый в этих происках служащий в наших войсках болгарин полковник Кесяков был даже переведен по особому высочайшему повелению на службу в Княжество Болгарское. Между тем полученные сегодня телеграммы от Столыпина, а также и Обручева, совершенно успокоительны. Появление Обручева как в Сливне, так и во всех других местах Восточной Румелии — Хаскиойе, Чирпане и других — повсюду встречается с восторгом, с заявлениями преданности русскому царю. Генерал Столыпин положительно оправдыва-

* любезных

Великая княгиня Мария Павловна

ет Кесякова, утверждая, что волнение умов вызвано исключительно несочувственным для народа назначением Виталиса начальником румелийской милиции и жандармерии[63]. Отец Виталиса, Перот, служил некогда при русском посольстве в Константинополе, сын же служил во французских войсках в Алжирии и офранцузился.

Вся сегодняшняя суета в Ливадии по случаю приезда разных гостей не помешала мне между завтраком и обедом съездить часа на два в Симеис, по случаю дня рождения дочери Надежды. Короткое это посещение семьи, вне урочного воскресного отпуска, разумеется, доставило мне более удовольствия, чем обычные, ежедневные мои пешеходные прогулки по ближайшим окрестностям Ливадии.

17-го мая. Четверг. — В последние дни сведения из Петербурга о состоянии здоровья великой княгини Марии Павловны, после ее родов, были не совсем благоприятные; сегодня же получена

телеграмма, что она в опасном положении. Известие это внезапно произвело переворот во всех планах: решен отъезд Их Величеств в субботу утром, прямо в Петербург. Таким образом, разлетелись и мои мечты об отдыхе в Симеисе на время поездки Государя в Берлин и Варшаву. Не знаю даже, удастся ли завтра проститься со всеми членами семьи моей. Жена с некоторыми из дочерей намеревалась приехать в Ялту и остаться до воскресенья, чтобы представиться императрице. Теперь приедет она, чтобы проститься со мной.

Политических новостей не было за последние дни, кроме благополучного вступления Александра Вогоридеса в управление Восточною Румелией. И тут едва не случилась беда: по приказанию султана Вогоридес выехал из Константинополя в феске; известие об этом взволновало горячие головы болгарских патриотов. Столыпин послал навстречу Вогоридесу дипломатического чиновника Неклюдова, чтобы убедить его не являться в Филиппополь в феске, так как он, Столыпин, не отвечает за благополучный прием его. Вогоридес послушался; надел болгарскую шапку и все обошлось к общему удовольствию. Новый правитель Восточной Румелии очень был доволен, благодарил Столыпина, который на другой же день выехал из Филиппополя в Сливно, чтобы оставить Вогоридеса хозяином в новом его звании.

18-го мая. Пятница. — Все распоряжения были уже сделаны к отъезду двора из Ливадии на завтрашнее утро; уже перевозился багаж на пароход. Ко мне приехала вся семья моя, чтобы проститься. Жена, имевшая намерение представиться императрице в воскресение, получила разрешение представиться сегодня же, в своем дорожном туалете. Каково же было удивление и радость, когда после завтрака вдруг узнали, что отъезд отменен и что все остается по прежнему предположению, т. е. что Государь едет 24-го числа в Берлин, а императрица 2-го июня — в Петербург. Телеграммы из Петербурга успокоили вполне на счет здоровья великой княгини Марии Павловны.

Вчера вечером приехал в Орианду великий князь Константин Николаевич; сегодня же прибыл из Константинополя генерал Обручев с полковником Шепелевым. Миссия их имела полный успех. Последние известия, сообщаемые князем Лобановым по возвращении его* из Ливадии, представляют отношения наши с Портой в самом розовом цвете. Депеши из Лондона и Вены также свидетельствуют о существующем там примирительном настроении. Гирс, которого я всегда называю оптимистом, торжествует.

---

* и Намык-паши.

21-го мая. Понедельник. — В субботу утром, придя к докладу, нашел я Государя снова в беспокойстве на счет здоровья великой княгини Марии Павловны: полученная телеграмма сильно встревожила Их Величества и заговорили опять об отъезде* в Петербург, если не на другой же день, то в понедельник, т. е. сегодня. Несмотря на то, после своего доклада, я все-таки отправился, по своему обыкновению, в Симеис, сделав однако же распоряжение, чтобы своевременно быть извещенным о решении часа отъезда. В ежеминутном ожидании такого извещения, я провел весь вечер субботы среди своей семьи, на террасе дома, любуясь очаровательной картиной моря при свете полного месяца**.

В воскресенье утром прискакал*** ожидаемый казак с письмом от генерала Салтыкова, но с успокоительным известием о состоянии больной великой княгини. Об отъезде в Петербург, как пишет Салтыков, опять перестали говорить. Однако же несколько позже посетившая нас соседка наша княгиня Мария Васильевна Воронцова привезла нам свежую новость из Ливадии, что по-прежнему назначен на 24-е число отъезд Государя в Берлин и что вслед за ним уезжает императрица в Петербург****.

Сегодня возвратился я в Ливадию ранее обыкновенного, чтобы поспеть к обедне по случаю дня именин великого князя Константина Николаевича. Вместе со мной приехала в Ливадию и жена моя, получившая ранее приглашение от Государыни императрицы. В Ливадии нашли мы многочисленный съезд моряков русских и греческих; также двух приезжих дипломатов наших: Ионина, министра-резидента в Черногории, и Хитрово — генерального консу-

---

* прямо

** *Первоначальный текст после слов «часа отъезда»*: «Несмотря на тяжелое впечатление, под которым я выехал из Ливадии, приехав к себе домой, я мгновенно все позабыл и наслаждался всяким кустиком, всяким камнем. Вечер просидели мы на террасе, любуясь видом моря при полной луне. Нельзя оторвать глаз от этой очаровательной картины».

*** нетерпеливо.

**** *Первоначальный текст после слов «перестали говорить»*: «Однако ж несколько позже соседка наша княгиня М.В. Воронцова, приехав к нам с визитом, рассказала, что хоть отъезд Государя в Берлин предположен по-прежнему на 24-е число, однако ж план императрицы изменился: Ее Величество уже не намерена оставаться в Ливадии после Государя и уезжает вслед за ним в Петербург. Вечером в воскресенье уже в сумерках сделали мы пешеходную прогулку к стороне Лимена, а сегодня встали несколько ранее обыкновенного, чтобы ехать в Ливадию и поспеть туда к обедне: я — по случаю дня именин великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича, а жена — вследствие приглашения, полученного ею еще в пятницу от императрицы».

ла в Македонии*. Сведения, вчера сообщенные нам княгиней Воронцовой, подтвердились, но никто не может объяснить, что именно побуждает императрицу ускорить свой отъезд, если последние известия о больной успокоительны, тогда как для собственного ее здоровья возвращение в Петербург в теперешнее время весьма нежелательно.

К обеду царскому было много приглашенных; императрица не вышла; за то были — королева греческая, ее родители и братья, затем моряки греческие и русские. После обеда les habitués** были приглашены в гостиную императрицы. Ее Величество очень любезно извинялась, что утром, озадаченная видом множества новых лиц, не была достаточно внимательна к моей жене. Чем ближе узнаешь императрицу, тем более ценишь ее внимательность и обходительность.

23-го мая. Среда. — Вчера телеграммы из Петербурга снова были в тревожном смысле; опять заговорили об отмене поездки в Берлин; однако ж до вечера не было*** решения. Эта продолжительная**** неизвестность и колебания сделались для всех невыносимы, так что сегодня утром, когда Государь потребовал к себе графа Адлерберга и меня и объявил нам об окончательном решении своем отказаться от поездки в Берлин и выехать 25-го числа утром, вместе с императрицей, в Петербург, даже и я почти обрадовался, несмотря на все прежнее желание мое провести какую-нибудь недельку на отдыхе в Симеисе. Государь при нас отправил на телеграфную станцию телеграмму к императору Вильгельму и немедленно же сделаны все распоряжения к отъезду. Я воспользовался свободным днем, чтобы съездить еще раз в Симеис проститься со всеми своими. К тому же сегодня годовщина нашей свадьбы[64]. Большую часть дня провел я в семье и возвратился в Ливадию уже к вечернему собранию. Грустно было покидать Симеис в такое восхитительное время года, имея в виду чрез четыре дня погрузиться снова в безотрадный омут петербургской***** жизни.

29-го мая. Вторник. — (Петербург). — Утром 25-го числа, в пятницу, покинули мы благословенный берег Крыма. Их Величества с великою княгиней Александрой Иосифовной и великими князьями Сергеем Александровичем и Дмитрием Константиновичем, с

---

* Обычные поздравления, расписывания у швейцаров, после обедни завтрак.

** Обычные гости (*фр.*).

*** окончательного

**** нерешильность и

***** несносный омут петербургской чиновничьей жизни.

многочисленною свитой отплыли от Ялты на пароходе «Эреклик». До Севастополя сопровождали их королева греческая Ольга Константиновна, отец и брат ее (великие князья Константин Николаевич и Константин Константинович). Плавание и все дальнейшее путешествие до Петербурга совершилось вполне благополучно и с обычными удобствами. Часть пути сопровождали Государя временные генерал-губернаторы: одесский — генерал-адъютант Тотлебен и харьковский — граф Лорис-Меликов. Везде бросались в глаза принятые чрезмерные полицейские предосторожности; на платформах не было толпы, которая в прежние времена бросалась с одушевлением приветствовать* царя: везде пусто, везде гробовое молчание. Чрез Москву проехали ночью; все спали крепким сном. В понедельник, около 6 часов вечера, императорский поезд остановился у царскосельской станции. Наследник и цесаревна встретили Государя еще в Гатчине. На царскосельской платформе нашел я старшую дочь Елизавету, с которой и доехал до Петербурга.

В самый день приезда, т. е. 28-го мая утром, совершена казнь Соловьева, покусившегося на жизнь Государя 2-го прошлого апреля. Он был повешен на Смоленском поле, в виду большой толпы народа**.

Сегодня утром ездил я в Царское с докладом, представлялся особам императорской фамилии, присутствовал при обычном молебствии и, возвратившись к 3 часам в Петербург, нашел у себя всех начальников главных управлений Военного министерства и многих других лиц. Само собою разумеется, что, кроме разговоров, я завален массою ожидавших моего возвращения бумаг и писем. Нужно несколько дней, чтобы сколько-нибудь разобраться.

31-го мая. Четверг. — Сегодня 25-летняя годовщина назначения Государя шефом Прусского уланского полка. По этому случаю прислана от этого полка депутация. Государь принял ее утром, а потом в честь ее был дан в Царском Селе большой парадный обед. Поэтому и я должен был оставаться там весь день; возвратился только в 9-м часу вечера. Вместе с тем праздновалась и золотая свадьба императора Вильгельма, взамен вчерашнего дня***.

12-го июня. Вторник. — Давно не заглядывал в свой дневник; ничего не было заслуживающего воспоминания. В политике спокойствие; исключение составляет только неслыханная циничная расправа трех или четырех держав с несчастным хедивом египетским Измаил-

---

* своего царя: на платформах

** при совершенной тишине и спокойствии.

*** Зато петербургские немцы вчера же отпраздновали этот день гулянием на Озерках (близ Парголова).

пашой. Из-за денежных интересов западных спекулянтов Англия и Франция решили свергнуть с престола вассала Порты! Германия, желая везде играть первенствующую роль, также прихлопнула приговоренного к низвержению. Хедив пока еще противится, но, по всем вероятиям, уступит свое место новому ставленнику Европы[65].

Дела греческие и по разграничению Черногории не подвинулись ни на шаг[66]. В Восточной Румелии созданной нами милиции угрожает распадение, благодаря* непригодности Виталиса к роли начальника военных сил новой автономной области. Князь Болгарский уже объехал всю Европу и собирался прибыть в Константинополь; но, к общему удивлению, султан отклонил его посещение из опасения каких-нибудь народных манифестаций в столице оттоманской. Князь Александр, думаю, не будет плакать и проедет incognito мимо Цареграда.

Внутренние наши дела, так же как и политика, в каком-то застое. Но будущее представляется в мрачном цвете. По возвращении из Крыма я нашел в Петербурге странное настроение: даже в высших правительственных сферах толкуют о необходимости радикальных реформ, произносится даже слово конституция; никто не верует в прочность существующего порядка вещей. В числе нескольких правительственных лиц и я получил из-за границы экземпляр печатного анонимного письма, адресованного на имя Государя, где на 60 страницах in 4°, на хорошем французском языке, указывается опасность настоящего положения России, необходимость решительного изменения системы управления, предлагается ввести конституцию, с двумя палатами**, а вместе с тем советуется полное примирение с Польшей***[67]. Государь, получив этот панфлет и узнав от князя Горчакова, что прислан и мне экземпляр, спрашивал меня, читал ли я его. В то время я не успел еще прочесть, а после Его Величество уже не заговаривал об этом.

В городе сильное и неприятное впечатление произвело дело убийства одного старого ростовщика Власова и его кухарки. Обнаружено, что убийца — гвардейский офицер, прапорщик лейб-гвардии Саперного батальона, Ландсберг. Побуждением к преступлению послужили долги и векселя.

Сегодня в Царском Селе происходила церемония крестин новорожденного великого князя Андрея Владимировича.

---

* неспособности и просто

** т. е. с Боярскою Думою

*** Читая этот панфлет, невольно вспоминаешь воззрения Валуева и Компании. Письмо это было в руках самого Государя.

16-го июня. Суббота. — Вчера в Царскосельском дворце был большой обед в воспоминание переправы чрез Дунай в 1877 году: приглашены были в походной форме наличные участники этой кампании и преимущественно находившиеся в императорской Главной квартире. Героем дня был Драгомиров[68].

Египетский хедив низложен как будто султанским фирманом, но в действительности распоряжением Англии и Франции. Хотя личность Измаила-паши и не заслуживает никакого сочувствия, однако ж настоящий случай есть небывалый пример наглого самоволия Англии, подкрепленной угодливостью Франции. Две западные державы решают вопрос о низложении и возведении государей; султан является исполнительным орудием их*. Германия и Австрия дали свое согласие; но они были спрошены уже тогда, когда вопрос был решен; Италия еще не давала своего заключения, а со стороны России было прямо заявлено, что дело требует общеевропейского соглашения. Несмотря на то, факт совершился; Измаил-паша вынужден был отречься; старший сын его Тевфик провозглашен хедивом, но с некоторым ограничением прежних политических прав наместников султана в Египте.

18-го июня. Понедельник. — Сегодня было у меня длинное совещание по китайским делам: Гирс, посланник наш в Китае — Бютцов, генерал Кауфман, Мещеринов, Обручев и полковник Куропаткин обсуждали условия предстоящего нового договора с китайцами, по случаю возвращения им Кульджи. Переговоры с китайским послом давно уже ведутся здесь Бютцовым, но теперь генерал Кауфман заявляет такие предположения, которые совершенно идут в разрез с бывшими доселе объяснениями[69]. Кауфман предлагает отказаться лучше от всякого изменения прежней нашей границы, а зато взять с китайцев крупный денежный куш — до 60 миллионов рублей, которые употребить на постройку Среднеазиатской железной дороги. Его поддерживал один Куропаткин. Все прочие находили предосудительным входить с китайцами в** подобную торговую сделку.

Вопрос о пути князя Болгарского наконец решен. Настояние самого князя видеться с султаном, хотя бы приватно на несколько минут, понравилось падишаху, который и пригласил своего вассала в загородный дворец. Князь Александр 19-го числа садится в Бриндизи на русский пароход (вопреки всем интригам Англии) и будет в Константинополе в пятницу или субботу, а в Варне в воскресение. Таким образом все улаживается по нашей программе.

---

* хотя

** подобный торг, а бедный Бютцов вышел совсем сконфуженный.

М.П. фон Кауфман

19-го июня. Вторник. — После своего доклада присутствовал я при докладе Гирса. Кроме вопроса египетского и депеш Зиновьева из Тегерана, мы доложили о вчерашнем нашем совещании по китайским делам. Предложение генерала Кауфмана, по-видимому, понравилось Государю, но никакого решительного мнения не высказано. Я был приглашен к царскому обеду вместе с Гирсом и с генералом Баранцовым, представлявшимся по случаю отъезда за границу.

21-го июня. Четверг. — Опять провел почти весь день в Царском по случаю полкового праздника гвардейского Кирасирского полка. Виделся с Н[иколаем] Павл[овичем] Игнатьевым, вызванным по высочайшему повелению из деревни, он был несколько озадачен, узнав, что вызван для назначения на временную должность генерал-губернатора в Нижнем на время ярмарки. Он вовсе к этому делу не подготовлен; а между тем предположенное назначение это оскорбило московского генерал-губернатора князя Долгоруко-

ва, только что вступившего в генерал-губернаторские права в районе Московского военного округа*.

Сегодня утвержден Государем приказ о закрытии полевых направлений бывшей действующей армии[70], об учреждении временной комиссии для окончания дел и счетов этих управлений, а вместе с тем о назначении генерала Тотлебена членом Государственного совета с оставлением временным одесским генерал-губернатором, генерал-лейтенанта Скворцова (бывшего полевого интенданта армии) — главным интендантом на место генерал-адъютанта ф[он] Кауфмана 2, назначенного товарищем генерал-инспектора по инженерной части. Я рад этим перемещениям. Михаил Петрович Кауфман давно тяготится своею должностью и, каков бы он ни был на новом месте, для меня легче и приятнее будет вести дело с ним, чем с Тотлебеном**. Для интендантской же части Скворцов — свежий человек.

30-го июня. Суббота. — На этой неделе два раза оставался я после доклада в Царском Селе, по случаю приглашений к царскому обеду (во вторник и сегодня); в прошлый же четверг, после доклада, присутствовал там на учении гвардейского Финского стрелкового батальона.

В политике не было ничего замечательного. Более всего продолжаются толки о египетском вопросе; дела же Румелии и Болгарии, также*** по разграничению Черногории и Сербии, по греческой границе — все это отошло на задний план и подвигается весьма медленно или, лучше сказать, совсем не двигается. Между тем князь Александр Болгарский**** удачно дебютировал в новой своей роли: присягал в Тырнове, произносил речи на болгарском языке, везде принимается с восторгом и теперь должен быть уже в своей столице — Софии; князь же Дондуков, назначенный шефом одной из болгарских дружин, уже отправился чрез Варну в Одессу и затем с болгарскою депутацией едет в Петербург.

9-го июля. Понедельник. — Опять десять дней промежутка в моем дневнике. В прошлую неделю не было ничего заслуживающего внимания. Сегодня было у меня продолжительное совещание по китайским делам: генерал Кауфман настаивает на своей мысли

---

* и нижегородского губернатора графа Кутайсова. Последнему ставят в недостаток и вину слабость не всегда говорить правду и хвастать; но если дело в этом, то, конечно, Игнатьев заткнет Кутайсова за пояс.

** тяжелым до крайности

*** недоразумения

**** весьма

о том, чтобы Кульджу не иначе уступать китайцам, как наложив на них 60 миллионов рублей контрибуции, в виде штрафа за все самодурства их пограничных властей. С этим мнением никто не согласился. Положено продолжать начатые Бютцовым переговоры по прежней программе.

18-го июля. Среда. — Вчера оставался я весь день в Царском Селе и обедал у Их Величеств в самом тесном обществе: только великий князь Алексей Александрович и Гирс. Государь озабочен ходом политических дел; особенно опасается, чтобы с выходом наших войск из Восточной Румелии турецкие войска, по наущениям Англии и Австрии, не вступили в эту область. Генерал Столыпин 15-го числа телеграфировал из Бургаса, что в этот же день покидает берег Румелии с последнею оставшеюся там частью русских войск. Стало быть, окончательное очищение нами Румелии исполнено даже неделею ранее обязательного срока. Из Княжества Болгарского последние войска наши также выступают на днях. Теперь-то и настанет критический момент: английские и австрийские агенты подстрекают турок* ввести свои войска в Румелию, а с появлением там турок снова может вспыхнуть пожар. Из тайных источников известно, что Германия положительно во всем поддерживает Австрию. До чего опозорилась и унизилась европейская политика, можно судить по тем гнусным побуждениям, которыми объясняется настойчивость германского канцлера в еврейском вопросе в Румынии. Достоверно известно, что князь Бисмарк в руках банкира Блейхредера, который понес большие убытки на румынских железных дорогах**.

19-го июля. Четверг. — Сегодня, после доклада моего и потом вместе с Гирсом, я снова был приглашен остаться в Царском Селе к обеду. Пользуясь первым днем хорошей погоды, я сделал большую прогулку в парке. За обедом, кроме Гирса и меня, были великий князь Алексей Александрович и граф Адлерберг. После обеда императрица завела разговор о поездке своей в Югенгейм, и только теперь узнал я об этом новом предположении. Впрочем, поездка эта, как говорят, не изменяет прежнего плана поездки в Крым.

22-го июля. Воскресенье. — Вчера приехал мой сын[71] с кавказских минеральных вод, где лечился после тяжкой болезни. Я не виделся с ним с самого отъезда моего в Крым в апреле месяце.

---

* к вторжению

** Не менее гнусны побуждения и австро-венгерского канцлера и английского первого министра.

Сегодня ездил я в Царское, по случаю дня именин императрицы; после обедни, за завтраком, сидел я насупротив Ее Величества и был поражен болезненным ее видом. Она заметно опустилась в последние два дня. Отъезд ее назначен 27-го вечером; в Крым Ее Величество поедет только в средине сентября.

26-го июля. Четверг. — В прошлый вторник, по обыкновению после моего доклада, я присутствовал при докладе Гирса. Хотя в политических делах нет ничего важного и нового, однако же, в мелочах все более и более проявляется общее во всей Европе враждебное нам настроение. Во всех комиссиях наши делегаты не находят поддержки ни в ком. Германия уже положительно является везде заодно с Австрией. Государь продолжает быть озабоченным.

Во вторник я опять был приглашен к царскому обеду и потому должен был остаться в Царском Селе до вечера и прямо оттуда отправиться на лошадях в Красное. Здесь пробыл вчерашний весь день и сегодня до 3-х часов пополудни. Учения утром и вечером* в жаркий день очень утомили меня. На всех смотрах, учениях и маневрах присутствует много иностранцев и в том числе два посла: германский (генерал Швейниц) и французский (генерал Шанзи). Заметно отсутствие германских и австрийских офицеров, которые в прежние годы всегда составляли** главный контингент иностранных военных гостей.

Отъезд императрицы за границу отложен до 30-го числа.

В Красном Селе представлялся Государю князь Дондуков-Корсаков; прибывшая вместе с ним болгарская депутация будет принята в воскресенье.

1-го августа. Среда. — В прошлую пятницу ездил я в Царское Село, чтобы поздравить императрицу, а вечером в Красное Село, где опять были учения в субботу утром и вечером. Едва отдохнув дома утром воскресенья, вечером снова в Красное Село. В понедельник и во вторник были там большие учения: всей кавалерии, небольшого отряда, действовавшего с боевыми патронами, и, наконец, общее всех войск лагерного сбора. В эти два дня в числе приглашенных были английский и турецкий послы; также присутствовал австрийский генерал Кальноки, прибывший для временного замещения посла барона Лангенау. Все заметили, что Государь, подъехав к послам, подал им всем руку, кроме турецкого, с которым во все время был весьма нелюбезен.

---

* под припеком солнца и с непривычки к верховой езде

** большинство

Утомительный день понедельника окончательно привел меня в распадение, так что во вторник я уже не имел сил присутствовать на ученьи и уехал из Красного прямо в Царское на лошадях, чтобы проститься с Государыней императрицей, которая вечером того же дня уехала за границу. Она имела такой болезненный истощенный вид*, что все мы провожавшие смотрели на нее со стесненным сердцем, думая про себя, что, быть может, прощаемся с нею навеки.

Переночевав в Царском, я имел сегодня доклад вместо завтрашнего дня. Государь заметил, как худо я переношу утомление и в особенности верховую езду, с обычною своей внимательностью и благосклонностью спросил меня, не пожелаю ли я быть освобожденным от сопровождения Его Величества в Варшаву и ехать прямо в Крым. Я благодарил Государя за такое милостивое предложение, но сказал, что до отъезда его надеюсь еще поправиться и укрепиться в силах.

После своего доклада присутствовал я при докладе Гирса. По-прежнему продолжаются недоразумения и пререкания в делимитационных комиссиях, как черногорской, так и азиатской. Лето пройдет и не будет границ ни для Черногории, ни для наших новоприобретенных областей закавказских[72]. Германские делегаты во всех комиссиях явно и систематически действуют заодно с австрийскими, что значит заодно с англичанами и турками; таким образом**, всегда наши делегаты остаются в меньшинстве, даже в тех случаях, когда на их стороне Франция и Италия.

Сегодня вечером скачка в Красном Селе; в последние годы я освобождал себя от этого удовольствия; а теперь, вдобавок, и состояние здоровья оправдывает мое отсутствие.

9-го августа. Четверг. — С 4-го по 8-е число происходили большие маневры в окрестностях Царского Села с перерывом по случаю празднества лейб-гвардии Преображенского полка 6-го августа. В первый день маневров (в субботу) я, по нездоровью, не присутствовал; но с 5-го числа до нынешнего дня находился в Царском Селе, откуда во вторник и среду сопровождал Государя на маневрах.

В продолжение этого времени*** политические дела, конечно, отодвинулись на второй план. Однако ж в этот промежуток времени заслуживает исключительного внимания написанное Государем

---

* такую худобу

** везде

*** все

письмо к императору Вильгельму. В нем с обычною откровенностью высказано неудовольствие на образ действий берлинского кабинета по восточным делам, совершенно не согласный с установившимися издавна дружественными отношениями между Россией и Пруссией. При этом прямо указывается на недостойные истинно государственного человека личные побуждения германского канцлера (намек на враждебное расположение князя Бисмарка к князю Горчакову)[73]. В то же время Государь имел случай высказать свой взгляд английскому послу Дефферину, который во все время с замечательным любопытством присутствовал на маневрах вместе с послами германским, французским и турецким, а также генералом Кальноки, временно заступающим место австро-венгерского посла*. Ко всем им вообще Государь относился очень сдержанно; но в последний день маневров (вчера), прощаясь с ними на привале, беседовал долее, чем с другими, с лордом Дефферином. Позже, уже в Царском Селе, и я имел с ним длинный разговор: сначала рассуждали мы о спорных вопросах, возникших в комиссии по новой азиатской границе; но потом речь перешла на общие вопросы восточной политики**. Если б верить буквально заверениям британского посла, то можно бы заключить, что мы теперь в самых дружественных отношениях.

11-го августа. Суббота. — Вчера я был на дипломатическом обеде у французского посла. Генерал Кальноки сказал мне, что увольнение графа Андраши решено и только остается еще неизвестным выбор ему преемника.

Сегодня после моего доклада был продолжительный доклад Гирса. Главным предметом было безвыходное, запутанное положение вопросов по разграничению как Черногории, так и Добруджи и в Азии. По всем этим трем вопросам предложено мною дать новый оборот делам. Гирс взял назад заготовленные им проекты депеш, чтобы переделать их. Несколько времени спустя он зашел ко мне, и мы*** снова обсуждали высказанные мною предположения.

Заходил ко мне также в Царском Селе наш посланник в Афинах П.А. Сабуров. От него узнал я любопытные вещи, до сих пор мне неизвестные. Недели три тому назад Сабуров в Киссингене обедал у Бисмарка, который выразил ему сетования на русское правительство, то есть преимущественно на князя Горчакова[74]. По словам

---

* Вообще Государь был со всеми ими холоден и сдержан.

** Англии и России.

*** долго

Сабурова, германский канцлер пред последнею войною предлагал нашему канцлеру войти в ближайшее с нами соглашение; но последний будто бы не дал этому предложению никакого хода. Не зная подробностей дела, не могу судить, насколько справедлив упрек князя Бисмарка; но не вижу тут ничего невероятного: в последние годы князь Горчаков выезжал исключительно на фразах, отписываясь по возможности в общих выражениях, как будто боясь затронуть самое существо дела и потому избегая всякого категорического соглашения*. Очень может быть, что и на предложения Бисмарка дан был какой-нибудь уклончивый, бессодержательный ответ.

По возвращении моем в город заехал ко мне князь Орлов; он также говорил мне, что, по его убеждению, князь Бисмарк был бы не прочь опять сойтиться с нами и что для этого стоило бы только Убри заменить графом Шуваловым. Известно, что наш посол в Берлине не пользуется расположением германского канцлера**.

Государь говорил, что в Варшаву прибудет фельдмаршал Мантейфель с поручением от императора Вильгельма. Можно полагать, что посольство это вызвано письмом Государя к императору германскому. Любопытно, какое произвело оно действие.

Сегодня обедал у меня один из товарищей юности — Ник[олай] Ив[анович] Свечин, с которым мы не видались много лет[75].

15-го августа. Среда. — В воскресенье ездил я в Царское Село для представления Государю вновь выпущенных из военно-учебных заведений офицеров; а в понедельник из Царского Села в Усть-Ижорский лагерь, по случаю высочайшего осмотра работ 1-й саперной бригады. Все утро этого дня шел сильный дождь. Возвратившись в Царское Село, остался там ночевать, а во вторник имел продолжительный доклад, начавшийся в Царскосельском дворце, продолжавшийся на железной дороге и оконченный уже совместно с Гирсом в Зимнем дворце. Вчера во весь день был сильно занят делами и приемами, а сегодня почти исключительно приготовлениями к путешествию. Выезжаю из Петербурга в 10 часов вечера; с Александровской же станции (т. е. из Царского Села) отъезд Государя назначен в полночь.

---

* *Первоначальный текст после слов «никакого хода»*: «В этом истолковании, может быть, есть много правдоподобного: князь Горчаков и прежде избегал всякого категорического, положительного соглашения».

** Бисмарк также нерасположен к нашему послу в Берлине, как и к самому канцлеру.

Всегда с удовольствием покидаю Петербург; но тем более, когда в перспективе пробыть месяца два или три на прелестном южном берегу Крыма*.

В последние дни политические дела по-прежнему ограничивались кляузными препирательствами по** разграничительным комиссиям и толкам о министерском кризисе в Австрии. Вчера получил я частную записку от английского посла с просьбою дать ему указания для решения вопроса о спорном пункте азиатской границы, близ Караургана. Лорд Дефферин, уезжая завтра же в Лондон, очень желал бы уладить там это дело. Я ответил ему сегодня утром, советуя совсем устранить участие английского делегата от решения вопроса об означенном пункте, выбор которого должен решиться без его участия в русско-турецкой комиссии. Не знаю, понравится ли этот совет в Лондоне.

Этими строками заканчиваю пребывание свое в Петербурге. Чрез час выезжаю.

18-го августа. Суббота. Варшава. — Выехали из Царского Села в полночь с 15-го на 16-е число; 16-го остановка в Динабурге на 2 часа: смотр и учение 25-й пехотной дивизии; в 7 $^1/_2$ часов приезд в Вильну на ночлег; мне отведено помещение во дворце; вечер у генерала Альбединского на даче.

17-го утром смотр под Вильной 27-й пехотной дивизии и шести полкам кавалерии. После смотра генерал Драгомиров показывал свой оригинальный способ обучения роты и эскадрона без команды, по злаку саблей; по-моему, это пустое фиглярство. В 11 часов утра выезд из Вильны. В 3 часа дня остановка в Гродне: смотр 26-й пехотной дивизии. Во всех трех пунктах войска представились в блестящем виде. В 11 часов вечера приезд в Варшаву.

Массы народа у станций и на улицах.

Сегодня утром встретился в приемной у Государя (в Бельведере) с прусским фельдмаршалом Мантейфелем. Он привез ответное письмо от императора Вильгельма и уверения в прежних дружественных отношениях[76]. Прибыла также депутация австрийская с командующим войсками в Галиции генералом Нейперг во главе. Здесь же нашли мы наших красносельских приятелей французов и итальянцев и самого посла французского Шанзи.

---

* вблизи моей семьи. Предстоящий нелегкий путь с несколькими смотрами, с тяжелым 4-дневным пребыванием в Варшаве перенесу охотно, в ожидании желанной цели.

** делимитационным

Э. фон Мантейфель

В полдень Государь поехал в собор. Я не сопровождал его, чтобы избегнуть лишнего утомления, так как со вчерашнего дня опять чувствую себя не совсем здоровым и берег свои силы к смотру. В час пополудни смотр всем собранным под Варшавой войскам (70 $^{1}/_{2}$ батальонов) на Макатовском поле. Обед в Бельведере; приглашены главные военные начальники, фельдмаршал Мантейфель и австрийский генерал. Вечером театр, куда я однако ж не поехал; остался дома, чтобы* заняться бумагами, привезенными фельдъегерем из Петербурга.

20-го августа. Понедельник. — Вчера, в воскресенье, Государь был в Лазенках у обедни и на церковном параде от гвардейских улан и гусар; затем в Бельведере завтрак и мой доклад; большой

* отдохнуть и

обед в Лазенках; наконец, вечером спектакль в так называемой Померанчарне, куда, однако ж, я не поехал.

Сегодня утром учение всей кавалерии на Макатовском поле*, потом завтрак в Бельведере; после того имел я доклад вместе с Гирсом; сделал визит здешнему архиерею Леонтию; обедал в Бельведере; вечером предстоит бал в замке у графа Коцебу.

Между тем произошла неожиданная перемена в планах Государя: в ответ на привезенное фельдмаршалом Мантейфелем письмо императора Вильгельма Государь предложил по телеграфу своему дядюшке свидание на границе, в Александрове. Ответ получил только вчера вечером: император германский с удовольствием принимает предложение, и в среду оба императора съедутся и объяснятся лично по поводу возникшей размолвки**.

Государь передавал нам (мне и Гирсу) свои разговоры с фельдмаршалом Мантейфелем, который всегда считался*** другом России. Он не особенно сочувствует германскому канцлеру и его политике и употребит возможное влияние свое на то, чтобы устранить поводы к охлаждению между двумя родственными императорами. Опасаюсь, что все эти медоточивые речи останутся только речами. Личные объяснения и уверения во взаимной дружбе между монархами не изменят ни на волос планов**** железного канцлера.

С Кавказа получено печальное известие о внезапной смерти генерала Лазарева: он умер в Чате, от карбункула. Старшим в отряде[77] остается пока генерал Ломакин; но великий князь главнокомандующий кавказский намерен заменить Лазарева генералом Тергукасовым. Кто бы ни был назначен, во всяком случае перемена главного начальника отряда среди самого исполнения трудного предприятия против ахалтекинцев не может не произвести некоторого, хотя временного, расстройства в ходе экспедиции.

21-го августа. Вторник. — Вчерашний день закончился балом в замке. Я оставался недолго в удушливой атмосфере битком набитых зал и ранее полуночи уехал домой.

Сегодня утром происходил двухсторонний маневр на Повонзском и Белянском полях. Государь выразил войскам свое удовольствие, назначил начальника окружного штаба князя Шаховского

---

* Учение было весьма удачное.

** Таким образом, дальнейшее наше путешествие в Крым отсрочится на двое суток.

*** человеком искренно преданным

**** упрямого и настойчивого

Император Вильгельм I

генерал-адъютантом. К обеду в Лазенках были приглашены все военные начальники и иностранные офицеры, с которыми Государь и простился. Вечером опять спектакль, и опять я остался дома.

23-го августа. Четверг. — Вчера мы выехали из Варшавы в 8 часов утра и в 1-м часу пополудня прибыли на пограничную станцию Александруво, где все уже было приготовлено к приему германского императора. Ему назначено было помещение на самой станции железнодорожной; нашему же Государю в соседнем доме таможенного ведомства. Я остался в вагоне, также как и большая часть государевой свиты.

Около 2-х часов прибыл поезд императора Вильгельма. На платформе была выстроена привезенная сюда накануне из Варшавы рота С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка. После обычных приветствий и представлений оба императора удалились в покои, приготовленные для высокого гостя, и оставались там глаз на глаз около часа. Когда же наш Государь возвратился к себе, император Вильгельм пошел отдать ему визит; а в 5 часов все собрались к обеду, приготовленному в помещении германского императора. После обеда император Вильгельм обо-

шел всех присутствовавших; подошел и ко мне*, любезно беседовал несколько минут, затем мы разошлись, а императоры опять остались вдвоем.

С императором Вильгельмом прибыл опять фельдмаршал Мантейфель (успевший съездить из Варшавы навстречу императору); в свите были также генерал-адъютанты Альбедиль (заведующий военною канцелярией императора), Лендорф и князь Радзивилл и лейб-медик Лауер. Между пруссаками я имею репутацию немцофоба; на беду только за несколько дней пред сим в немецких газетах появились статейки, в которых высказывалось, будто ныне, за устранением канцлера князя Горчакова от дел, в России нет собственно министра иностранных дел, а что я один, находясь безотлучно при Государе, имею влияние на политику России, чем и объясняется происшедшее с некоторого времени охлаждение между нами и Германией. Как ни нелепы подобные газетные сплетни, однако ж они производят впечатление, и потому немудрено, что во всех случаях при встречах с германскими государственными людьми я слышу намеки, правда иногда в виде шутки, на мои враждебные замыслы против Германии. Такие намеки не раз слышал я и от фельдмаршала Мантейфеля, который и в Варшаве и в Александрове выражал мне с каким-то особенным удовольствием, что не нашел во мне того неприязненного настроения, которое мне приписывают. Он, по-видимому, был даже удивлен, когда услышал от Государя в первый же день пребывания в Варшаве, что может откровенно говорить со мной о политических делах, так же как и с Гирсом и графом Адлербергом. Об этом было немедленно передано Мантейфелем по телеграфу и Бисмарку в Гаштейн и самому императору.

Сегодня утром Государь передавал Гирсу и мне некоторые отрывки из своих бесед с императором Вильгельмом. Прежде всего нужно было объясниться на счет письма, которое Государь писал своему дяде и которое в первое время несколько озадачило последнего. Государь успокоил его, объяснив, что письмо написано им собственноручно и вовсе не имеет значения официального. Затем беседа шла уже совершенно в дружественном тоне; император Вильгельм** уверял Государя в своей неизменной дружбе к нему и готовности на соглашение по всем политическим вопросам, по которым интересы наши не противоречат интересам Германии. Государь в особенности напирал на противудействие, оказываемое нашим видам германскими делегатами во всех меж-

---

* очень

** <обещал> обнадежил, что употребит свое влияние

дународных комиссиях на Балканском полуострове. Император Вильгельм обещал* устранить поводы к подобным с нашей стороны упрекам.

Генерал Вердер по поручению императора Вильгельма принес мне знаки ордена Черного Орла и передал мне, что император приглашает меня к себе в 11 часов утра. В назначенный час явился я к нему в новой ленте и благодарил за этот знак внимания. Император посадил меня и продержал около трех четвертей часа, так что я имел возможность высказать ему многое, что, по словам, сказанным мне потом фельдмаршалом Мантейфелем, было совершенно ново для императора. Он начал разговор с выражения полной своей надежды уладить те «три пункта», которые озабочивают нашего Государя (1-й — разграничение Черногории, 2-й — исходный пункт на Дунае новой границы между Румыниею и Болгариею и 3-й — предоставление туркам военной дороги чрез территории Восточной Румелии и Болгарии). Я ответил, что благоприятное разрешение этих трех вопросов, конечно, весьма желательно, но что вопросы эти совершенно частные, местные; тогда как дружественное содействие Германии нужно для России в других, гораздо более обширных и важных** задачах современной политической обстановки. Император сначала как будто не понял меня или хотел дать другой оборот разговору: «Теперь, — сказал он, — все заключается в скорейшем приведении в действие Берлинского трактата и потому-то особенно важно решение означенных трех вопросов, о которых были разговоры с Государем». — «Но разве Ваше Величество, — сказал я, — действительно полагаетесь на прочность и долговечность того порядка вещей, который придуман на Берлинском конгрессе?» — На это император, как бы с испуганным видом, спросил: «А разве вы задумываете снова переделывать постановления Берлинского трактата?» — «Конечно, не с нашей стороны, — сказал я, — будет попытка к этой переделке; Россия, кажется, представила довольно доказательств своего бескорыстия; но вопрос в том, удовлетворено ли Берлинским трактатом христианское население Турции; долго ли будет оно сдерживаемо в нынешних*** ненормальных условиях существования; рано или поздно появятся снова признаки неудовольствия; могут возникнуть беспорядки; быть может, даже вызовут их сами представи-

---

* что впредь

** случаях предстоящих политических усложнений

*** изуродованных

тели и агенты заинтересованных держав, которые не преминут воспользоваться предлогом для вмешательства и снова поднять страшный восточный вопрос. Может ли тогда Россия, при всем своем миролюбии и уступчивости, остаться равнодушною зрительницей того, что будет делаться на Балканском полуострове?». Император подтвердил мои слова о бескорыстии России; отозвался с похвалами о той роли, которую Россия приняла на себя в последнюю войну; он даже прямо сказал, что Россия одна решилась поддержать мечем честь Европы; сделала то, чего не решились сделать все прочие державы. Тогда я сказал ему: «И какое же получила она за это вознаграждение? Ей возвратили оторванный от нее же ничтожный клочек Бессарабии и, вместе с тем, заставили поспешно очистить занятые войсками области Турции, а между тем Австрия и Англия свободно хозяйничают на Балканском полуострове, и все прочие державы поддерживают их* в нарушениях международного права». «Но ведь Россия изъявила заранее согласие на присоединение Боснии к Австрии», — возразил император. «Но разве Австрия довольствуется одною Боснией; она прямо заявляет свои притязания на всю Старую Сербию и на доступ к Эгейскому морю». При этом я обратил внимание императора Вильгельма на странные, небывалые в истории конвенции, заключенные в последнее время Австрией и Англией с Портой: «Занятие в мирное время стратегических позиций в пределах чужого государства может быть понято не иначе, как разве в смысле приготовления к предвидимой новой войне или даже на случай окончательного распадения Оттоманской империи. Если действительно можно опасаться такой катастрофы в близком будущем, то будет ли вся Европа до конца поддерживать те державы, которые явно посягают на беззаконные захваты и противудействовать во всем России, которая одна остается верною трактатам и политическим традициям. — Вот в каком смысле осмелился выразить пред Вашим Величеством мой личный взгляд на то дружественное содействие, которое Россия может ожидать со стороны Германии**».

---

* в честолюбивых затеях всегда в разрез честным стремлениям России.

** *Первоначальный текст после слов «...заявляет свои притязания на всю Старую Сербию и на доступ к Эгейскому морю»*: «При этом я обратил внимание императора Вильгельма на странные, невиданные во всей истории конвенции, которые в последнее время заключали с Портой и Австрия и Англия. Это не трактаты о присоединении той или другой чужой, завоеванной территории, нет, это какое-то временное занятие войсками австрийскими и английскими стратегических позиций в пределах Турции. Это можно объяснить себе толь-

Император Вильгельм очень внимательно слушал; иногда прерывал вопросом или знаком согласия; затем начал объяснять политическое положение самой Германии, поставленной как бы между двух огней. Объяснения его похожи были на извинения; по словам его, Германия, постоянно имея пред собой угрозу со стороны Франции, не может явно разорвать ни с Австрией, ни с Англией, а потому вынуждена сохранять нейтральное положение и действовать весьма осторожно. На это я позволил себе возразить, что подобная пассивная политика недостойна Германии, которая ныне довольно могущественна и довольно высоко стоит во мнении целой Европы, чтобы одним своим голосом, не обнажая меча, не допустить общеевропейской коалиции против векового своего друга и союзника.

Продолжительный наш разговор закончился самыми любезными со стороны императора Вильгельма заявлениями; он простился со мной весьма радушно; но в результате осталось во мне неутешительное впечатление: по всему видно, что Германия слишком уже далеко зашла в своем сближении с Австрией и Англией; что нам нечего ожидать от нее искренней поддержки, что притом личные заявления императора, хотя бы и самые чистосердечные, останутся одними платоническими* уверениями в дружбе, между тем как на деле политику ведет железная рука германского канцлера, озлобленного лично против князя Горчакова и против самой России.

(Занесенный мною в дневник, по горячим следам, разговор с императором Вильгельмом I не сходен с тем, в каком виде передан он самим императором князю Бисмарку в письме от 5 сентября (нового стиля), помещенном в книге Буша: «Bismark. Some secret pages of his history». По-видимому, внимание императора остановилось преимущественно на той части разговора, которой я, со

ко разве приготовлениями к новой, близкой войне. Затем я развил императору мысли об опасном положении, угрожающем миру Европы, в случае более или менее близкого распадения Турции; я указал на возможность занятия проливов англичанами; на их явные и тайные проделки в Малой Азии, между тем как Австрии предоставлено распоряжаться в западной половине Балканского полуострова. И что же — вся Европа поддерживает их в этих беззаконных <нарушениях международного права> планах захвата обломков Оттоманской империи и вся Европа становится против России, которая одна остается верною трактатам и политическим традициям. Вот эта перспектива и озабочивает нашего императора; России угрожает одиночество (isolement) пред общеевропейским заговором, — и вот где важно знать вперед, на чьей стороне будет Германия: будет ли она участницею заговора или примет сторону правого дела и останется верною традиционной своей политике».

* объяснениями в любви

своей стороны, придавал наименьшее значение*. В дневник занесена, конечно, лишь небольшая доля всего того, что говорилось в продолжение трех четвертей часа.

В приведенной выше книге Буша сохранены драгоценные для истории документы, разоблачающие тогдашние козни князя Бисмарка, опутавшие престарелого императора)[78].

Выходя от императора германского, я встретил нашего Государя, шедшего к своему дяде, чтобы вместе позавтракать пред расставанием. Я успел показать свою новую ленту и доложить Государю, что только что имел продолжительный разговор с императором Вильгельмом. На платформе станции увидел я Гирса, разговаривавшего с фельдмаршалом Мантейфелем; я подошел к ним и в присутствии Гирса сказал Мантейфелю, что считаю своим долгом передать ему в нескольких словах сущность нашей беседы с императором. Мантейфель очень одобрил сказанное мною и обещал, со своей стороны, поддержать пред императором тот тезис, который я развивал ему[79]. Не знаю, в какой степени можно положиться на искренность фельдмаршала-дипломата.

Вскоре платформа станции приняла оживленный вид; снова стояла рота гренадерского Петербургского полка; мало-помалу скучились все лица обеих свит и на рельсах уже стояли два императорские поезда: немецкий и русский. Около часа по полудни оба императора вышли на платформу; Государь наш ввел своего дядю в вагон, распростился с ним; немецкий поезд тронулся в прусскую сторону, а мы немедленно же расселись в свои вагоны и покатили обратно на Варшаву.

Приехав туда около 6 часов вечера, отобедали в Бельведерском дворце, пока перевозился багаж с одной станции на другую; около 8 часов собрались на станции Тереспольской железной дороги, где нашли множество военных, чиновников, дам, съехавшихся провожать Государя. Вагон императорский был буквально завален букетами цветов. Во втором часу ночи поезд наш остановился в Бресте.

24-го августа. Пятница. — Переночевав в вагоне, Государь в 9 $^1/_2$ часов утра произвел смотр 2-й бригаде 17-й пехотной дивизии, в составе которой Бородинский полк Его Величества. Я испросил разрешение употребить время на осмотр крепости, строющихся передовых фортов и вновь выстроенных помещений для интендантского склада. Вот уже третий день погоды ясной и теплой после продолжавшихся до сих пор постоянных дождей как в Петербурге, так и на всем нашем пути до Варшавы включительно.

---

* считая ее только вступлением в беседу — entrée en matière.

В пути я имел доклад у Государя; читались также полученные дипломатические депеши[80]. Много говорилось о вчерашнем свидании с императором германским. Я доказывал Гирсу, что все бывшие разговоры не будут иметь никаких результатов, если князь Бисмарк останется в стороне. В немецких газетах уже появилось заявление (повидимому, официозное) о том, что свидание двух императоров произошло помимо канцлера и не имеет никакого политического характера. Гирс также думает, что надобно теперь обратиться к князю Бисмарку и что всего удобнее было бы поручить объяснение с ним тому же Сабурову, который уже имел с ним разговор и который передал содержание этой беседы в замечательной записке, заслужившей полное одобрение Государя. Его Величество счел даже возможным показать Мантейфелю и самому императору Вильгельму некоторые места этой записки, где Сабуров мастерски развивал мысли свои о необходимости сближения нашего с Германией[81]. Записка эта была приведена в доказательство того, что наши правительственные взгляды совершенно расходятся с ярыми статьями русской журналистики, на которую постоянно жалуются немецкие государственные люди. Не только Мантейфель, но и сам император Вильгельм в разговорах и с Государем, и с Гирсом, и со мной приписывали большую долю охлаждения между двумя империями журнальной полемике. Они не хотят верить, что, несмотря на самодержавное правление, у нас журналистика может иметь известную свободу в выражении мнений о вопросах внешней политики. Напрасно мы старались вразумить немцев в том, что они напрасно придают важность нашим газетным статьям; немцы твердят одно: если б ваши газеты не позволяли себе задевать нас, то и наши газеты прекратили бы враждебную России полемику. На это я сказал императору, что кроме германских газет есть другие — еще более нам враждебные — австрийские и английские. Можно ли заставить русскую журналистику скромно молчать, когда за границей* ежедневно появляются статьи самые обидные для русского достоинства и чести.

26-го августа. Воскресенье. Ливадия. — Вчера приехали в Одессу в 4 часа пополудни и немедленно отправились на лагерное место, где выстроены были войска. После обычного смотра и церемониального марша произведен небольшой маневр; все кончилось к 6 часам, а в 7 часов мы были уже на пароходе и отчалили от пристани при громких криках толпы, треска ракет и фейерверка.

На границе Одесского округа Государя встретил генерал Тотлебен; во время пути он нажаловался Государю на генерала Семеку

---

* появляется самая обидная журнальная брань.

за то, что последний не хотел вполне подчиниться ему, Тотлебену. Государь обошелся очень холодно с генералом Семекой и, когда мы были уже на пароходе, сказал мне, что надобно положить конец этим неправильным отношениям двух начальств. Я отвечал, что единственный способ состоит в том, чтобы устранить генерала Семеку и соединить в лице генерала Тотлебена должности генерал-губернатора одесского и командующего войсками округа.

Переход от Одессы до Херсонского маяка был довольно беспокойный; особенно ночью сильно качало. Только обогнув Херсонес, мы отдохнули от качки и прибыли в 5 часов вечера в Ялту. В Ливадии у дворца была выстроена рота гренадерского Эриванского полка; после обычной встречи было отслужено молебствие, и затем я отпросился к себе в Симеис.

28-го августа. Вторник. — Пробыв сутки в своем* мирном затишье, я вполне насладился спокойствием среди семьи. Вчера вечером, возвратившись в Ливадию, нашел у себя груду привезенных фельдъегерем бумаг. Сегодня был длинный доклад и вместе с Гирсом, и отдельно. Получено важное известие о восстании в Кабуле: английская миссия истреблена и в голове ее майор Каваньяри, имя которого сделалось так известным в последнее время. Сам Якубхан арестован инсургентами[82]. Такой неожиданный оборот дел в Авганистане поведет к новым усложнениям; но во всяком случае Англия на некоторое время будет поставлена в трудные обстоятельства и понизит тон своего голоса.

Гирс доложил Государю о нашем разговоре относительно поручения Сабурову войти в официальные объяснения с князем Бисмарком. Мысль эта вполне одобрена Государем; Сабурову уже телеграфировано, чтобы скорее прибыл сюда. Одно затруднение — как обойти нашего старца — канцлера? Посвятить его в предположенный план, — можно опасаться, что он испортит дело, если не прямым противудействием, то болтовней своей; скрыть же от него можно только не надолго, а потом можно еще более опасаться противудействия с его стороны. В бывших в последнее время беседах и фельдмаршал Мантейфель и сам император Вильгельм прямо высказывали, что одною из серьезных помех в отношениях наших с Германией — личности князя Горчакова и посла нашего в Берлине Убри. Государю это вполне известно.

4-го сентября. Вторник. — Неделя прошла спокойно, почти незаметно. В политике затишье. Получено чрез Персию известие о

---

* прелестном

П.А. Сабуров

том, будто бы наш Закаспийский отряд имел жаркое дело с текинцами, разбил их и рассеял[83].

Вчера получено от императрицы известие, что она окончательно отказалась от приезда в Крым, вследствие настоятельных требований доктора Боткина, убежденного в лихорадочном свойстве здешнего климата. А между тем погода восхитительная. Я провел субботу, воскресенье и понедельник в Симеисе.

7-го сентября. Пятница. — Вечером в понедельник возвратился я из Симеиса в Ливадию. На другой день приехал сюда бывший наш посланник в Греции П.А. Сабуров, вызванный сюда из-за границы с тою целью, чтобы поручить ему возобновить разговоры с князем Бисмарком и попытаться извлечь практическую пользу из бывшего свидания двух императоров в Александруве. В среду утром я зашел к Гирсу и застал у него Сабурова. Мы имели втроем продолжительное совещание; надобно было ознакомить Сабурова с подробностями происходивших в последнее время объяснений, словесных и письменных, разъяснить и проверить разные соображения относительно будущей нашей политики. После этого разговора я уехал в Симеис, по случаю дня рождения одной из дочерей,

и возвратился в Ливадию в тот же вечер. В этот короткий промежуток времени Сабуров успел, на основании бывшего утром разговора, редактировать целый мемуар, который мы и прочли вместе в четверг утром[84] . Сегодня же приехал из Константинополя князь Лобанов-Ростовский. В присутствии его, Гирса, Сабурова, графа Адлерберга и моем записка Сабурова была прочитана Государю и вполне им одобрена. Но тут встретилось новое неожиданное усложнение. Жомини сообщает из самого секретного источника (перлюстрированной телеграммы), что князь Бисмарк изъявляет *согласие* на свидание с князем Горчаковым. Известие это несколько удивило нас: можно догадываться, что сам канцлер и клеврет его барон Жомини вызвали такое заявление со стороны Бисмарка. Но чего же хорошего можно ожидать от встречи двух канцлеров, особенно под впечатлением только что пропечатанной во всех европейских газетах статейки о разговоре, происходившем* в Бадене между князем Горчаковым и редактором газеты «Le Soleil ». В этом разговоре князь Горчаков будто бы произнес какую-то фразу в том смысле, что он всегда питал высокое уважение к Франции и тем приобрел честь быть врагом Бисмарка**. Такого рода заявления со стороны русского канцлера, хотя бы даже и не буквально верно переданное печатью, конечно, не может облегчить сближение его со злопамятным и*** крутым канцлером германским. А вдобавок князь Горчаков так отстал от дел и так ослабел умственными способностями, что даже опасно допустить его входить в серьезные разговоры с Бисмарком. Он может окончательно испортить дела наши с Германией и расстроить предположения наши относительно свидания Сабурова с Бисмарком.

Сегодня утром отслужена панихида в память покойного наследника Николая Александровича[85], а потом произведены Государем смотр и учение находящейся здесь роте Эриванского гренадерского полка.

11-го сентября. Вторник. — Пробыв три дня в Симеисе, возвратился, по обыкновению, в Ливадию вчера вечером. Князь Лоба-

---

* будто бы

** *Первоначальный текст после слов «...статейки о разговоре, происходившем в Бадене между князем Горчаковым и редактором газеты «Le Soleil»*: «В этом разговоре князь Горчаков будто бы произнес такую фразу: “Je m'honore de l'inimitié dont Bismarc m'honore, est la suite de l'admiration que j'avais toujours pour la France”. “Я горжусь ненавистью, которой Бисмарк почтил меня, являющейся следствием моего постоянно восторженного отношения к Франции” (*фр.*). Он гордится ненавистью к нему Бисмарка».

*** резким

нов и Сабуров уже уехали: один — обратно в Константинополь, другой — на свидание с Бисмарком, в Берлин. Я виделся с ними обоими в последний раз в Алупке у соседки нашей княгини Воронцовой.

18-го сентября. Вторник. — В течение недели не было ничего замечательного. В субботу прибыло в Ялту китайское посольство с русским посланником в Пекине Бютцовым для окончательного подписания трактата и прощального приема Государем. Приехал также туркестанский генерал-губернатор генерал-адъютант Кауфман, для личных объяснений по поводу настоящего оборота дел в Авганистане. Он предлагает выпустить проживающего у нас уже много лет Абдурахман-хана, претендента на авганский престол, весьма популярного, в особенности в авганском Туркестане. Мысль эта высказывалась многими и прежде; в этих видах и держали мы Абдурахмана; вопрос только в выборе момента, когда выгоднее для нас воспользоваться этим политическим орудием против англичан.

Между тем получена не совсем приятная телеграмма от генерала Ломакина о действиях Текинского отряда. Можно догадываться, что передовой его отряд наткнулся неосторожно на многочисленное скопище текинцев, укрепившихся близ Геок-Тепе, и понес значительную потерю[86]. Телеграмму эту вместе с несколькими другими привез мне Гирс в Симеис в прошлое воскресенье. Вчера же, возвратившись оттуда вечером в Ливадию, узнал я еще о полученной телеграмме Сабурова, спрашивающего разрешение прибыть обратно в Ливадию, что ему и разрешено. Видно, что объяснения его с князем Бисмарком настолько были важны, что Сабуров не счел возможным сообщить о результате в телеграмме или письменно.

Вчера вечером Государь отправился в Севастополь. Пароход «Эреклик» снялся с якоря ровно в полночь. Сегодня утром произведены в Севастополе смотр и учение 13-й пехотной дивизии. К 5 часам вечера мы уже были обратно в Ливадии.

*Сегодня же вечером приехал сюда генерал-майор Паренсов, занимающий должность военного министра в Болгарии, с письмом князя Александра Болгарского к Государю. Он привез и мне письмо от флигель-адъютанта Шепелева[87].

Говорят, что прибыл также в Ялту князь Дондуков-Корсаков.

21-го сентября. Пятница. — Полученные в течение недели известия из Текинского отряда показывают, что дело 28-го августа

---

* Со срочным пароходом

было положительно неудачно. Урон наш оказывается более значительным, чем было заявлено в первой телеграмме, а несоразмерно большое число убитых (173 на 230 раненых нижних чинов и 7 убитых офицеров на 16 раненых) подтверждает слух, дошедший чрез Тегеран, что отряд наш подвергся ночному нападению врасплох. По другим слухам, из Бухары, после кровопролитного боя 28-го числа, наши войска будто бы овладели Карызом. Надобно ожидать более подробных и точных сведений, чтобы судить, в какой степени это дело было для нас невыгодно. Во всяком случае неудача наша поднимет дух противника, уронит наш престиж в крае и будет радостью для наших европейских врагов, если только дела не поправятся новыми блестящими успехами с прибытием генерала Тергукасова.

В продолжение недели, кроме обычных докладов, были у Государя совещания по азиатским делам с генералом Кауфманом и по болгарским делам. Письмо князя Болгарского к Государю и, служащее ему дополнением, письмо Шепелева показывают, что в новорожденном княжестве начались уже политические усложнения ради соперничества двух партий, называемых консервативною и либеральною. Можно ожидать, что с открытием нового Народного собрания нынешнее консервативное министерство не удержится. У князя заметна наклонность к мерам крутым, к coup d'état*. Шепелев, напротив того, старается удерживать его на конституционной почве. В совещании между Гирсом, князем Дондуковым и мною единогласно положено советовать князю действовать осторожно, согласно с мнением Шепелева. Государь сам склоняется к тому же образу действий, но отвечать князю Александру отложил до ожидаемого приезда сюда Давыдова, нашего генерального консула в Софии.

Вчера подписан договор с Китаем — Гирсом и китайским послом Чун Хоу; сегодня китайское посольство откланялось Государю[88].

25-го сентября. Вторник. — В субботу после доклада я уехал из Ливадии и, как обыкновенно, пробыл в Симеисе до вечера понедельника. Сегодня, при докладе, Государь сказал мне, что по полученным в мое отсутствие телеграммам и по рассказам приехавших из Болгарии и Восточной Румелии Давыдова и князя Цертелева, дела с Портой идут недурно, но что касается до германской политики, то на всяком шагу обнаруживается все более недоброжелательство к нам и враждебность князя Бисмарка. Он продолжает

* Государственный переворот (*фр.*).

при всяком случае сваливать на русское правительство вину происшедшего охлаждения между Россией и Германией и для этого выставляет факты ложные или извращенные. Так, например, он не раз высказывал, будто мы сосредоточиваем значительные силы на прусской границе, причем ссылался даже на мои объяснения с императором Вильгельмом в Александрове, тогда как в действительности не было говорено об этом ни слова, речь была только о новом устройстве у нас резервных батальонов.

После докладов моего и Гирса происходил смотр и потом учение вновь прибывшей в Ливадию для караулов роте Литовского пехотного полка. Вечером прибыл фельдъегерь из-за границы с письмом от императрицы из Югенгейма. Он же привез записки князя Орлова и Сабурова о разговорах их с Бисмарком[89]. Записка Сабурова ожидалась нами с особенным нетерпением. Я не прочел еще ни той, ни другой.

Из Закаспийского края все еще нет письменных известий в дополнение и пояснение телеграммы о деле 28-го августа[90]. С тех пор прошел уже почти целый месяц.

26-го сентября. Среда. — Утром Государь позвал меня вместе с Гирсом, чтобы прочитать полученные вчера записки Сабурова и князя Орлова о разговорах их с князем Бисмарком. Обе записки весьма интересны, особенно же сабуровская. Князь Бисмарк излил пред ними все обвинения и упреки, которыми старается выказать, будто само русское правительство подало повод к охлаждению между Германией и Россией. Некоторые из этих упреков были просто нелепы: например, будто массы нашей кавалерии сосредоточены на германской границе, угрожают Восточной Пруссии быть отрезанною от остальной части государства; при этом ссылался на мои объяснения в Александрове, приписывая мне слова, которых я вовсе не говорил. Также повторялись жалобы на русскую журналистику; но в особенности жаловался Бисмарк на письмо нашего Государя к императору Вильгельму[91] и снова напоминал, что сделанные им будто бы пред самою войной предложения о заключении союза были отклонены князем Горчаковым. Однако ж все эти упреки высказаны были Сабурову* в мягких формах** таким тоном, как будто Бисмарк желал только мотивировать свои подозрения и опасения на счет намерений России. После этих предварительных объяснений разговор перешел на более практическую почву: разобраны были важнейшие вопросы

---

* гораздо более

** чем прежде

Князь
О. фон Бисмарк

современной политики; Бисмарк, с обычным своим видом прямоты и откровенности, сам заводил речь и об отношениях своих к Австрии и о последнем своем посещении Вены. Он уверял, что целью этой поездки было оторвать Австрию от союза с западными государствами и что в этом отношении он достиг полного успеха. Общий результат разговора был, по донесению Сабурова, более благоприятен, чем можно было ожидать. Бисмарк обещал восстановить дружественные отношения Германии к России. Первым вопросом, по которому Бисмарк обещал свою поддержку, постановлено было недопущение вступления турецких войск в Восточную Румелию. Германский канцлер был заметно польщен вниманием, выказанным лично к нему русским императором присылкою Сабурова. Личное его раздражение смягчилось. Он даже выразил готовность встретиться с князем Горчаковым и предать

забвению прошлые размолвки. Впрочем, в разговоре с Сабуровым, Бисмарк коснулся таких интимных вопросов, относительно некоторых личностей, в том числе и* особ германского императорского семейства, что Сабуров не решился все высказанное изложить на бумаге и предоставил себе дополнить свое донесение личным докладом Государю в Ливадии. Вообще признано необходимым все это дело держать в совершенной тайне от нашего *канцлера и Министерства иностранных дел*!!**

Несмотря на успокоительный результат поездки Сабурова, мне сдается, что все-таки не следует слишком полагаться на мнимую прямоту и откровенность германского канцлера. В*** объяснениях его слышится фальшь и лукавство. Тем не менее было бы с нашей стороны неполитично обнаружить какое-либо недоверие или сомнение; надобно во что бы ни стало восстановить наши дружественные отношения с Германией, хотя бы для виду; другого союзника нет у нас в Европе. Если б не удалось нам сойтиться с Германией, то нам грозила бы коалиция целой Европы против нас: Россия очутилась бы одна против всех.

Сегодня получена, наконец, из Тифлиса телеграмма, в которой упоминается о прибытии генерала Тергукасова к действующему в Закаспийском крае отряду. В телеграмме упоминается, что войска найдены им в отличном состоянии, что дивизион Переяславских драгун отослан назад в Чикишляр (для чего неизвестно), — вот и все; ничего о деле 28-го августа[92] и последствиях его. Можно предположить, не затерялось ли какое-либо донесение.

Из Югенгейма получены известия о выезде оттуда императрицы в Канн.

2-го октября. Вторник. — Из полученных с Кавказа телеграмм видно, что Закаспийская экспедиция решительно не удалась. После**** дела 28-го августа Ломакин счел необходимым отойти к Беурме, как он говорит, из опасения недостатка в боевых припасах. Расстройство же перевозочных средств, вследствие падежа верблюдов, заставило Ломакина совсем отвести отряд назад, так что Тергукасов, по прибытии к отряду, доносит по телеграфу только об обратном движении войск, как будто экспедиция окончена. Таким образом, судьба судила Ломакину во второй раз показать пред полудикими туркменами свое бессилие и неспособность, вместо того

---

* наследни<ка?>

** В каком другом государстве может существовать подобный порядок вещей!

*** <быстрой перемене> быстром повороте его завере<ний>

**** неудачного

чтобы поправить прошлогодние свои промахи, он и в нынешнем году повторил то же позорное отступление пред этой сволочью и тем окончательно уронил честь и обаяние русского оружья в Средней Азии.

Счастливее нас англичане: все невзгоды для них обращаются в выгоду. Есть известия уже о вступлении английских войск в Кабул, по-видимому, без сопротивления[93]. По всем вероятиям они легко справятся с Авганистаном и порешат его судьбу так, как заблагорассудят.

Сегодня приехал опять Сабуров. Вероятно, завтра услышим его рассказы о разговорах с князем Бисмарком и узнаем, насколько можно ожидать от них серьезного, практического результата.

3-го октября. Среда. — После непродолжительного приема Сабурова наедине Государь пригласил в кабинет Гирса, графа Адлерберга и меня, чтобы выслушать дополнительные донесения Сабурова о его разговорах с Бисмарком. Чтение было весьма интересное и достигнутые результаты оказываются весьма удовлетворительными. Князь Бисмарк даже формулировал письменно основные пункты предлагаемого им соглашения или конвенции. Сущность их заключается в том, что каждая из договаривающихся держав обязывается, в случае столкновения другой с которою-либо третьею державой, воспрепятствовать образованию коалиции против союзной державы. При этом категорически высказано, что покушение всякой державы к овладению Дарданеллами и Босфором считается враждебным действием против России. Князь Бисмарк не остановился на такой общей формуле: он предлагал даже войти в ближайшие соглашения на случай могущего быть распадения Турции. Притом брался привлечь и Австро-Венгрию к предположенному соглашению, уверяя, что постоянною его* идеей, во все его политическое поприще, был и будет тройственный союз России, Германии и Австрии. Недавно подписанный в Вене протокол имеет главною целью — оторвать Австро-Венгрию от** сближения с западными державами.

Государь, вполне одобрив начала, положенные в основание совещаний Сабурова с князем Бисмарком, заявил, что еще в 1873 году*** были заключены на подобных же началах секретные соглашения — сперва в Петербурге, лично с императором германским, а потом в Вене — с императором австро-венгерским. Государь вынул из своего

---

* основною

** <всякого соглашения> <союза>

*** уже

портфеля два запечатанных конверта, на которых была надпись: «В случае моей смерти, вручить Государю императору». Вскрыв конверты, Государь прочел нам обе конвенции: одна была подписана в Петербурге двумя фельдмаршалами: графом Бергом и Мольтке и ратифицирована подписями и печатями императоров Александра II и Вильгельма. Другая конвенция, редактированная графом Андраши, была подписана императорами Александром II и Францем-Иосифом. В обеих сущность заключалась во взаимном обязательстве военной помощи в случае *нападения* какой-либо враждебной державы. В конвенции с Германией был даже определен размер этой помощи — именно в 200 тысяч войска[94].

О существовании этих двух конвенций до сих пор известно было только наследнику цесаревичу, князю Горчакову и мне; в Германии знали только князь Бисмарк и граф Мольтке; император Вильгельм не решился даже показать наследному принцу германскому. Гирс и Сабуров были несколько удивлены таким неожиданным для них открытием; невольно вырвался у них вопрос: почему же в последнее время, при возникновении недоразумений с нашими соседями, не напомнили им о существовании этих конвенций? Государь сказал, что князь Горчаков постоянно противился тому и не сочувствовал заключенным конвенциям, может быть, только потому, что они были заключены помимо его.

Сабуров при докладе Государю о своей поездке в Баден упомянул, что князь Горчаков, которого он там встретил, даже не поинтересовался узнать о цели приезда Сабурова; по своему обыкновению, канцлер забросал Сабурова пустозвонными фразами о какой-то *своей* политике, о своем намерении по приезде в Петербург дать делам новый оборот и т. п. Все это говорилось при посторонних лицах, так что не могло быть и речи о разговорах Сабурова с князем Бисмарком.

По окончании совещания Гирс остался на несколько минут в кабинете Государя с тем, чтобы наедине поднять щекотливый вопрос, который уже неоднократно был предметом наших с ним разговоров; а именно — о необходимости, для успеха предпринятых переговоров, выбора вполне способных искусных органов. Если ведение дела будет поручено настоящему нашему послу в Берлине, под высшим руководством князя Горчакова, то, по нашему убеждению, лучше вовсе и не начинать. По словам Гирса, Государь был видимо озадачен такою откровенною постановкой вопроса; но сказал, что подумает и поговорит в другой раз.

В течение дня два раза мы сходились втроем: Гирс, Сабуров и я для совещания о том же предмете: как вести затеянное дело.

Мы все одного мнения, что ничего путного не выйдет, если Государь не решится, наконец, откинуть в сторону всякие церемонии с князем Горчаковым, Убри, Новиковым и* Компанией. При том, по моему мнению, и медлить нельзя; il faut battre le fer quand il est chaud**. События политические бегут с необычайною быстротой. Если нельзя ранее декабря взяться решительно за переговоры с Бисмарком, то, по крайней мере, следует, для начала, завести с ним переписку, по его же собственному предложению отклонить вступление турецких войск в Восточную Румелию***.

Сегодня ездил я в Ялту навестить бедного больного — Александра Алексеевича Зеленого и отдать визит князю Дондукову-Корсакову.

4-го октября. Четверг. — После моего военного доклада, пока не вошел еще Гирс, Государь заговорил со мной о вчерашнем докладе Сабурова: «Я очень доволен им; мне кажется, дело начато им хорошо». На это я отвечал, что теперь успех будет зависеть от того, кому будет поручено вести далее это дело; что трудно ожидать хорошего результата, если переговоры будут возложены на Убри, под руководством князя Горчакова. На это Государь сказал: «Знаешь, какая пришла мне мысль? — Назначить его же, Сабурова, на место Убри». Та же мысль была и у меня; я высказывал ее не раз Гирсу, который, однако же, как мне казалось, не очень сочувствовал ей. Когда вошел Гирс, Государь продолжал тот же разговор о перемещении Убри в Вену или в Рим, а Новикова в Константинополь. О Горчакове же, хотя Государь и отзывался не раз как о человеке, выжившем из ума и впавшем в детство, однако ж не высказал никакого решительного намерения. Между тем все вышеозначенные перемещения и самое ведение секретных переговоров**** невозможны, пока князь Горчаков во главе Министерства иностранных дел. Ни Гирс, ни я, конечно, не могли высказать этой правды во всей ее полноте; но при удобном случае постараюсь навести речь на этот

---

* подобными.

** Нужно ковать железо, пока горячо (*фр.*).

*** *Первоначальный текст после слов «События политические бегут с необычайною быстротою»*: «Если нельзя никак снова и решительно взяться за переговоры с Бисмарком ранее декабря месяца, то, по крайней мере, следует, для начала, завести переписку с ним, по его же предложению употребить совокупные условия для ограждения Восточной Румелии от вступления в нее турецких войск».

**** с Бисмарком немыслимо исполнить, пока князь Горчаков будет считаться в голове Министерства иностранных дел.

Князь
А.М. Горчаков

щекотливый предмет. Во всяком случае предположенные перемещения не могут быть приведены в исполнение ранее возвращения Государя в Петербург. До того же времени может еще многое измениться и разъясниться.

Сабуров сегодня не показывался; у него сильная мигрень.

По случаю праздника казачьих войск было сегодня молебствие, потом угощение обедом казаков Собственного конвоя.

5-го октября. Пятница. — У нас что ни день, то какое-нибудь торжество, какая-нибудь церемония. Сегодня, кроме дня рождения герцогини Эдинбургской (великой княгини Марии Александровны) и праздника ливадской школы, праздновали 25-летний юбилей первого бомбардирования Севастополя[95]. Кажется, что тут праздновать? Лучше бы позабыть эту печальную эпоху. Но у нас не пропускается никакой случай отслужить молебствие, выстроив роты пред аналоем, и прокричать ура. Нынешний юбилей ознаменовался возведением генерала Тотлебена в графское достоинство и возложением Св. Андрея на адмирала Новосильского. Генерал

Тотлебен в восторге. После молебствия Государь скомандовал на «караул» новому графу и провозгласил ему «ура».

Приехал сюда знаменитый строитель мостов военный инженер Струве, только что произведенный в генерал-майоры по случаю происходившего на днях в Петербурге открытия нового моста чрез Неву против Литейной улицы, названного именем императора Александра II. Он вызван по случаю командирования его делегатом в специальную комиссию, предположенную для решения на месте вопроса: есть ли действительно пункт, удобный для постройки моста чрез Дунай восточнее Силистрии. Я имел с ним довольно продолжительное свидание и объяснил ему все дело, для которого он вызван.

Также приехал сюда государственный контролер статс-секретарь Сольский. С ним я имел длинные совещания* о ходе дела комиссии, учрежденной в Одессе для расследования действий полевого интендантства и товарищества по продовольствию армии в последнюю войну. Назначение председателем этой комиссии генерал-адъютанта Глинкин-Маврина оказывается решительно неудачным.

11-го октября. Четверг. — Ничего замечательного ни в политике, ни в нашей ливадской жизни, кроме разве перемены министерства в Константинополе и приезде сюда полковника Боголюбова, который, отдав отчет в исполнении поручения по разграничению Болгарии, едет опять в Софию, чтобы там наладить предстоящие работы по обозначению на местности новой границы. Сабуров уехал в понедельник[96].

19-го октября. Пятница. — В последнее время все внимание и толки в целой Европе были обращены на странную, нахальную речь, произнесенную в Манчестере маркизом Солсбери. Не было еще примера, чтобы среди мира министр иностранных дел позволил себе так бесцеремонно высказать враждебное отношение к другому государству. Солсбери, так сказать, открыл карты в политической игре, происходящей со времени Берлинского конгресса. Он прямо объяснил своим слушателям, что все проделки больших государств были направлены против России. Конечно, мы вполне чувствовали и понимали это; но не ожидали такого цинического объявления во всеуслышание со стороны наших** завзятых противников. Вчера, при докладе, я спросил Государя, удобно ли после этой речи нашему послу оставаться в Лондоне. К тому же сам

---

* по поводу неудачного состава

** недоброжелателей

Шувалов настойчиво просит об отозвании его и нетерпеливо ожидает увольнения, под предлогом болезни. Вчера же разрешено ему выехать из Лондона. Не худо, если на некоторое время пост русского посла не будет замещен.

Сегодня же получено от князя Лобанова неожиданное извещение о том, что Лаярд, взбешенный переменою турецкого министерства во время его поездки в Сирию и особенно назначением Махмуда-Недим-паши, считаемого другом России, угрожает Порте прибытием английского флота в Безику под тем предлогом, что обещанные реформы в Малой Азии не приводятся в исполнение. Что за цинизм! Что за нахальство! Это разбой среди белого дня. И вся Европа смотрит на это беспрекословно, даже поддерживает британское самодурство.

Сегодня приехал с Кавказа флигель-адъютант князь Долгоруков (Николай Сергеевич), командир Кабардинского полка. Он командовал авангардом Ахалтекинского отряда. Рассказы его неутешительны. По всему видно, что генерал Ломакин потерял голову и упал духом. Князь Долгоруков думает, что возобновить экспедицию будет очень трудно, по причине недостатка верблюдов в самой стране.

Вчера ездил я с Государем на ялтинский рейд осматривать прибывшую сюда «поповку»[97]. Сам адмирал Попов показывал* и демонстрировал свое детище. В особенности** хитро устроены подъемные станки под орудиями (12-ти дюймовые), приводимые в движение паром. В техническом отношении превосходно; но в морском никто не верует в «поповки»; общее мнение громко порицает, что заказанная в Англии новая императорская яхта строится с применением типа «поповок». Постройка эта будет стоить громадных денег; а к воссозданию флота нашего в Черном море и не думают приступать.

23-го октября. Вторник. — Возвратившись вчера вечером из Симеиса в Ливадию, узнал я, что вчера же приехал из Константинополя посол наш князь Лобанов. Накануне отъезда своего он имел аудиенцию у султана, который высказывал ему свои неудовольствия на англичан, под впечатлением новой угрозы Лаярда. Впрочем, по известиям из Лондона, тревога, возбужденная в Константинополе этою угрозою, успокаивается. Английское министерство объясняет, будто английская эскадра получила приказание итти на зимовку в один из портов Малоазиатского берега, вовсе без поли-

---

* все свои ухищрения

** искусно

тической цели, а по заблаговременно принятому Адмиралтейством предположению. Но как же согласовать такое объяснение с угрозою Лаярда? Стало быть, посол, по собственному произволу, воспользовался случайным передвижением флота, чтобы запугать турецкое правительство?

Сегодня утром после моего военного доклада был доклад Гирса. Кроме мелких текущих дел речь была опять о предстоящих соглашениях с Германией*. Гирс прочел набросанные им мысли об основных пунктах, которые следовало бы постановить при предстоящих переговорах с Бисмарком, в особенности для достижения главной нашей цели — обеспечения неприкосновенности Дарданелл и Босфора. Я высказал мнение, что предполагаемые условия не дают** действительной гарантии против захвата проливов англичанами. Государь соглашается со мной; он желал бы, чтобы неприкосновенность проливов была признана общеевропейским договором. Ввиду возможности совершенного разложения Турецкой империи, я наводил на мысль о*** коллективной оккупации проливов. Вопрос так сложен и труден, что нужно обдумать его не торопясь, пока еще можем спокойно обсуждать, до прибытия нашего государственного канцлера из-за границы. Гирс постоянно озабочен этим пугалом.

Погода вдруг переменилась: с утра и во весь день проливной дождь.

25-го октября. Четверг. — Вчера Гирс прочел Государю составленную им дельную записи по поводу предстоящих переговоров Сабурова с князем Бисмарком, а вечером мы собрались втроем — Гирс, князь Лобанов и я, чтобы проектировать самые условия предполагаемого договора с Германией****. Мы старались так формулировать взаимные обязательства, чтобы договор***** доставил нам действительное, насколько возможно, обеспечение на случай войны с Англией, в особенности относительно покушения последней на проливы******. Я советовал князю Лобанову и Гирсу, при докладе Государю, настоять на неотлагательном отправлении Сабурова в Варцин, дабы направить дело до приезда Государя и князя Горчакова в Петербург.

---

* Сабуров уже вызывается ехать в Варцин к князю Бисмарку: Гирс сдерживает прыткость молодого кандидата на пост русского посла в Берлине.

** никакой

*** союзной оккупации

**** в том виде, в каком мы желали бы достигнуть соглашения.

***** не обратился в пользу одной лишь Германии, а доставил бы и нам

****** Мы редактировали эти условия в 6 пунктах. Я уговорил князя Лобанова и Гирса

Так и было сделано сегодня утром. После моего доклада Государь пригласил нас троих вместе; проектированные нами 6 пунктов были прочитаны и одобрены; затем решено не отлагать отправление Сабурова; но тут представился вопрос: как уладить дело в отношении Убри? Ведение переговоров в Варцине посторонним лицом, в то время как Убри оставался бы в бездействии в Берлине, было бы не только обидно для него лично, но и несовместно с достоинством посла. Притом Убри пользуется особым расположением Государя. Придумано было — вызвать его сюда в Ливадию, под видом личных с ним совещаний; здесь открыть ему предположенный план действий, а пока он будет в отсутствии из Берлина, отправить туда Сабурова с чрезвычайной миссией*. Сегодня же телеграфировано в Берлин и получен уже от Убри ответ.

К сожалению, князь Лобанов уезжает сегодня же в ночь обратно в Константинополь, с дозволением вслед затем отправиться в отпуск. Я не мог не выразить ему, при прощании, крайнего сожаления, что в такую важную минуту пост русского посла в Константинополе будет вакантный. Интригам Лаярда оставляется свободное, бесспорное поле.

Из Бухареста получены известия о благоприятном результате работ технической комиссии на Дунае: всеми делегатами единогласно признан удобным для постройки моста пункт, указанный генералом Струве и Карышевым, в 26 верстах от Силистрии. Теперь предстоит уже путем дипломатической переписки решить самый вопрос о пограничной болгаро-румынской линии[98]. Единственный предлог к проведению границы у самых ворот Силистрии теперь устранен формальным образом.

Со вчерашнего дня вдруг наступила холодная погода; вершины гор покрылись снегом и термометр сегодня вечером спустился до нуля.

31-го октября. Среда. — Еще в конце прошлой недели получено было известие об отправлении из Берлина сюда курьера с письмом от императора Вильгельма. Курьера этого мы ждали с нетерпением, он приехал в прошедшую ночь и привез собственноручное письмо императора германского с приложением меморандума, подписанного в Вене канцлерами германским и австро-венгерским[99]. Меморандум этот, как оказывается, не заключает в себе ничего прямо враждебного России и, если только не был заключен кроме того какой-либо секретный договор, то пресловутое свидание Бисмарка с Андраши, наделавшее столько шума в Европе, повело только к довольно невинному обмену мыслей о** взаимной

---

* Так и сделано.

** совокупном стремлении к поддержанию мира в Европе

поддержке, в видах охранения мира и приведения в исполнение условий Берлинского договора. Государь потребовал к себе утром Гирса, графа Адлерберга и меня, чтобы вместе прочесть письмо императора Вильгельма. Оно написано в дружеском тоне и, по-видимому, с тою главною целью, чтоб оправдать политику Германии за последнее время в отношении Австрии и России*. По словам императора Вильгельма, ему было крайне прискорбно, что случайное совпадение свиданий императоров в Александруве и канцлеров в Вене было истолковано многими органами печати как признак двуличности германского правительства. Тем не менее император Вильгельм возвращается к прежним нелепым упрекам в наших будто бы враждебных действиях против Германии, именно в** мнимом сосредоточении нашей кавалерии на прусской границе, в усилении нашей армии, в неприязненном настроении нашей печати. Все это, казалось, было уже достаточно разъяснено и опровергнуто в Александруве; однако же выходит, что император Вильгельм остается и доселе под влиянием*** коварных внушений Бисмарка. Государь вспомнил, что в 1866 году, пред войной австро-прусскою, князь Бисмарк точно также уверил короля Вильгельма в том, будто Австрия угрожает Пруссии войной и, не смотря на все фактические опровержения этой неправдоподобной**** выдумки, король, нынешний император германский, остался и до сих пор при том убеждении, что война была вызвана Австрией.

После короткого обсуждения письма императора Вильгельма Государь поручил Гирсу редактировать проект ответа.

1-го ноября. Четверг. — Сегодня утром, до моего доклада, Гирс пришел ко мне, чтобы прочесть набросанный им проект ответного письма императору Вильгельму. Я присоветовал ему сделать некоторые дополнения. После же доклада моего проект был прочитан Государю, который в свою очередь приказал добавить о предположенном замещении нашего посла в Берлине другим лицом, более***** подходящим к настоящим требованиям, именно — Сабуровым. Таким образом, вопрос этот решен бесповоротно и нечего уже опасаться расстройства дела с возвращением князя Горчакова. Можно полагать, что император Вильгельм примет с удовольствием назначение Сабурова. Однако ж решение это не совсем по вкусу

---

* Император Вильгельм прямо говорит, что

** каком-то

*** умышленно придуманных князем Бисмарком внушений.

**** басни

***** сподручным для желаемых соглашений с германским канцлером.

Гирса, который только исполняет беспрекословно приказания Государя, не решаясь откровенно высказывать свои убеждения.

Погода сегодня ненастная, так что я должен был отказаться вовсе от обычной прогулки и воспользовался свободным временем, чтобы набросать свои мысли по поводу вновь выраженных императором Вильгельмом укоров[100]. Мне кажется, что было бы опасно оставить эти странные укоры без категорического опровержения. То, что теперь есть не более как воображаемый призрак, фантом, может потом укорениться в понятиях престарелого императора и превратиться в реальный повод к разрыву. Записку свою по этому предмету я передал Гирсу.

2-го ноября. Пятница. — Ответное письмо императору Вильгельму сегодня переписано набело Государем и должно быть отправлено завтра утром с тем же прусским фельдъегерем, который привез письмо германского императора[101].

Продолжается дождливая погода; два дня сряду я не выходил из комнаты, кроме перехода чрез двор во дворец.

7-го ноября. Среда. — Во время моего отсутствия из Ливадии (3, 4 и 5-го — дни моего пребывания в Симеисе) приехал генерал Струве с отчетом о результате работ международной технической комиссии, собранной для решения вопроса о том, есть ли на Дунае, к востоку от Силистрии, такой пункт, где можно устроить переправу для соединения Румынии с новоприобретенною ею областью Добруджи? Генерал Струве и инженер путей сообщения Карышев указали такое место, вполне удобное для устройства моста, даже железнодорожного, если б когда-нибудь могло возникнуть предположение о таком сооружении. Все делегаты вынуждены были признать возможность устройства здесь переправы; но они не остановились па этом прямом решении вопроса, поставили еще другой вопрос: где сравнительно удобнее устроить переправу, — в указанном ли русскими делегатами пункте или против самой Силистрии. Разумеется, все пришли к единогласному заключению о преимуществе последнего пункта. Но такая постановка вопроса совершенно выходит из задачи комиссии специально-технической. Очевидно, делегаты съехались уже с предвзятым, тенденциозным заключением в интересах Румынии*.

---

* *Первоначальный текст после слов «Разумеется, все пришли к единогласному заключению о преимуществе последнего пункта»*: «Но такая постановка вопроса совершенно выходит из компетенции комиссии. Если б дело шло о выборе *лучшего места* для переправы чрез Дунай, то, конечно, можно было бы выбрать еще выгодные пункты; но разве вопрос был о лучшем сообщении между Румынией и Болгарией? Очевидно, что делегаты съехались с предрешенным ответом на предложенный вопрос; они позабыли свое звание техников

Возвратившись в понедельник вечером из Симеиса, я должен был, кроме приготовления обычного своего доклада к следующему дню, заняться чтением привезенных генералом Струве протоколов и приложенных к ним записок и мнений, чту заняло половину ночи. Во вторник утром я переговорил лично с генералом Струве и вместе с ним зашел к Гирсу, а после моего доклада мы с Гирсом совместно доложили Государю привезенные генералом Струве сведения, при чем он лично представился Его Величеству. Вечером я зашел к Гирсу, чтобы прослушать набросанный им наскоро проект циркулярной депеши*, в которой сообщается другим кабинетам наше заключение по вопросу, обсуждавшемуся на месте техническою комиссией на Дунае. Проект этой депеши прочитан сегодня Государю и высочайше одобрен; но вместе с тем положено предварительно послать депешу только в Берлин с тем, чтобы заручиться по крайней мере поддержкою** одной Германии, прежде чем входить в соглашение с прочими кабинетами. Такое обращение к берлинскому двору будет пробным камнем для испытания на деле искренности князя Бисмарка в переговорах его с Сабуровым. Любопытно знать, произведет ли влияние на расположение берлинского кабинета ответное письмо нашего Государя императору Вильгельму и заявленное ему намерение заменить Убри новым послом, более приятным Бисмарку. Предположение это уже перестало быть тайной: о нем извещены и Сабуров и Убри; вероятно будет написано и самому князю Горчакову, а это равнозначительно опубликованию во всеобщее сведение.

Сегодня являлись ко мне камергер Прокудин-Горский с полковником Струве (Густавом, братом генерала, владельцем известного механического завода в Коломне). Они оба вместе разработали проект постройки железной дороги от Оренбурга до Аральского моря, в связи с пароходством по рекам Сыр и Аму. Проéкт этот мне более нравится, чем другой, патронируемый Кауфманом — узкоколейной дороги прямо от Оренбурга до Ташкента. По моему мнению, узкоколейную дорогу ни в каком случае допустить нель-

---

и зашли в область политических тенденциозных соображений, давших решению комиссии оборот, неблагоприятный интересам Болгарии, тогда как в сущности настоящий вопрос, предлежавший комиссии, решен единогласно в пользу нашего предложения».

* к большим дворам в том самом смысле, как выше изложено, а сегодня Государь одобрил этот проект.

** хотя

зя; а ширококолейная* до Ташкента потребует громадных сумм и пойдет по** необозримым пустыням! Дорога же к Аральскому морю сравнительно удобоисполнимее; пароходство по рекам Сыр и Аму, во всяком случае необходимое, свяжет с русскою железнодорожною сетью наиболее населенные и производительные части Средней Азии, лежащие по долинам обеих этих рек. Полковник Струве внушает доверие; это человек практичный, доказавший свою разумную опытность. Я обещал поддержать его проект.

Брат его генерал Струве вчера же уехал в Петербург.

8-го ноября. Четверг. — Сегодня, после моего доклада, Государь, предупрежденный мною о проекте полковника Струве, принял его весьма милостиво и пожаловал ему орден Св. Владимира 4 степени. Замечательно, что полковник Струве до сих пор не имел ни одного ордена, также как и брат его генерал Струве, знаменитый строитель мостов.

Князь Лобанов, пользуясь разрешенным ему отпуском, выехал из Константинополя. Крайне неудачно выбрано время; не понимаю, как Государь согласился допустить отсутствие посла в Константинополе именно в такой момент, как теперь. Англия продолжает свои угрожающие демонстрации. Получено известие, что по требованию Лаярда султан уже согласился на назначение Бекерапаши на какую-то странную должность — инспектора реформ в Малой Азии. Очень опасаюсь*** нового, неожиданного со стороны Англии coup de main****. Я говорил с генералом Тотлебеном о том, какие меры можно было бы нам принять на случай, если б Порта просила нашей помощи для преграждения английскому флоту***** вторжения в Мраморное море и подступа к Цареграду. Также и Гирсу дал я мысль воспользоваться первым моментом паники в серале, чтобы предложить султану нашу дружескую помощь.

Такой оборот дел напомнил бы время, наступившее после войны 1828–1829 годов, когда русский десантный корпус занял берега Босфора для защиты Константинополя от угрожавшей опасности со стороны египетского паши[102]. Было бы в высшей степени замечательно, если б Россия из врага Турции обратилась бы в защитницу ее против****** отъявленной ее покровительницы.

---

* хорошая железная дорога

** огромным пустынным пространствам

*** какого-нибудь

**** Удара (*фр.*).

***** нападения

****** той державы, которая до сих пор выдавала себя за ярого ее покровителя.

Сегодня приезжала ко мне в Ливадию дочь Ольга; с нею ездил я в Ялту навестить Дондуковых-Корсаковых.

16-го ноября. Пятница. — В истекшую неделю не было в политике ничего замечательного. Князь Лобанов уехал из Константинополя, передав дела первому драгоману Ону и оставив свободное поле нахальству британского посла. Последние донесения Ону довольно успокоительны; казалось, и дело о передаче Гусиньи и Плавы черногорцам вполне улаживалось; Порта уже дала положительные повеления Мухтару-паше двинуться с войсками в Гусинью, чтобы обезпечить мирную передачу страны в управление черногорского комиссара Божо-Петровича. Но сегодня получена телеграмма о новой катастрофе: Мухтар-паша убит! Таким образом, оправдалось опасение его подвергнуться участи Мехмета-Али. Опять новые* усложнения.

С другой стороны, получаются ежедневно тревожные сведения из Софии. Народное собрание оказалось совершенно враждебным существующему министерству и выбрало своим председателем Каравелова — главу оппозиции. От нашего правительства даны князю Александру благие советы: держаться на почве законной и стараться образовать новое министерство. Хотя князь и обратился к Каравелову, однако ж, по всему видно, что так называемая «либеральная» партия не внушает князю ни сочувствия, ни доверия. Кроме наших русских представителей при князе, прочие иностранные агенты, а в особенности австро-венгерский, подстрекают молодого, неопытного князя к coup d'état, к роспуску собрания и даже к уничтожению конституции[103]. Наш военный агент флигель-адъютант Шепелев старается всеми силами предостеречь князя от опасных последствий таких резких действий. Шепелеву разрешено приехать в Петербург для личных объяснений.

Мой сотоварищ Гирс на днях уехал для осмотра пожалованной ему земли в Мелитопольском уезде и для ввода во владение. Он присоединится к нашему поезду на пути, в Мелитополе. Что касается меня, то я провел обычным порядком первые два дня недели в Симеисе, а в среду, 14-го числа, вся моя семья приехала сюда: часть ее (две дочери и сын) продолжала путь на Симферополь, в Петербург; а жена с одною из дочерей (Надей) возвратилась еще на некоторое время в Симеис. Вчера я ездил к ним, чтоб окончательно проститься. Погода во всю неделю отвратительная; на горах выпал снег; проливной дождь размыл дороги, так что я с трудом доехал до Симеиса и возвратился в Ливадию только сегодня утром, прямо к

* компликации

докладу. Государь на прощание с ротами, отбывающими здесь караульную службу, сделал им смотр. В Ливадии уже два дня суетятся: укладываются, отправляют тяжести на пароход, а завтра, 17-го числа, уезжаем отсюда сухим путем на Симферополь*.

С грустью покидаю Крым. Не только жаль расстаться с югом, но страшно подумать о переходе к петербургской жизни**.

20-го ноября. Вторник. — (Москва). Выехав из Ливадии 17-го числа утром, Государь и вся свита доехали уже поздно вечером до Симферополя, откуда по железной дороге благополучно прибыли в Москву вчера, около 10 часов вечера. Въезд Государя в первопрестольную сопровождался обычными восторженными криками толпы, ожидавшей царского проезда по иллюминованным улицам. Но едва въехали мы в Кремлевский дворец и не успели еще разобраться в своих помещениях, как узнали с удивлением, что второй поезд, шедший на полчаса сзади первого, с частью свиты, прислугой и багажем, при самом въезде в предместие Москвы, потерпел крушение от взорванной мины. Очевидно, злодейское это покушение было приготовлено против царского поезда; совершенно случайные обстоятельства ввели злоумышленников в заблуждение: царский поезд обыкновенно идет на полчаса позади другого, так называемого «свитского» поезда; на сей же раз он был пущен от самого Симферополя получасом ранее, чем было назначено по маршруту, впереди «свитского». Взрыв произведен был в то самое мгновение, когда к месту заложенной мины подходил второй поезд. Паровоз успел проскочить; а шедшие за ним два багажные вагона повалились на бок; все прочие вагоны от толчка сошли с рельсов, но, к великому счастью, остались неповрежденными и ни один человек не пострадал. Сегодня утром только и разговоров о подробностях злодейского покушения. По предварительной разведке оказалось, что близ места взрыва находится домишко, который месяца два тому назад куплен каким-то приезжим, выдававшим себя за саратовского мещанина. Он жил в доме вдвоем с женщиной, повидимому, очень скромно. После взрыва, когда вошли в дом, никого уже там не было, но в подвальном этаже найдены явные следы подкопа[104].

Государь взволнован этою новою варварскою попыткой. При парадном «выходе» он обратился с обычной речью к многочисленным представителям городских сословий и упомянул с сокруше-

---

* Я выпросил разрешение отложить свой субботний доклад и намерен выехать пораньше, чтобы проехать засветло трудные места дороги.

** в омут петербургской служебной жизни.

нием о вчерашнем событии. В то же время получено было из Петербурга неприятное известие, что преступник Мирский, присужденный военным судом к смертной казни за покушение против Дрентельна и за участие в противоправительственной агитации, получил от генерала Гурко смягчение наказания: смертная казнь заменена каторгой.

Общее* впечатление, произведенное в городе вчерашним событием и чудесным спасением Государя, не расстроило программы дня. После выхода во дворце и шествия в Успенский собор произведен смотр части московского гарнизона в манеже (по случаю значительного мороза); потом Государь ездил по разным заведениям; в 7 часов обед во дворце, затем театр и, наконец, раут у генерал-губернатора князя Долгорукова**.

Сюда вызван посол наш в Вене Новиков. Государь объявил ему о своем намерении переместить его в Константинополь. Новиков вышел из кабинета Государя, видимо, смущенный и недовольный. Это бы еще ничего; но беда в том, что и в Константинополе мало прока можно ожидать от такого вялого посла.

Были у меня Фадеев и потом здешний городской голова Третьяков для объяснений по предположению их образовать русскую компанию для торговли с Болгарией и судоходного с нею сообщения. Я советовал им привлечь к этому делу московское купечество***. Завтра соберутся у меня некоторые из главных тузов.

24-го ноября. Суббота. — (Петербург). Второй день пребывания нашего в Москве был еще утомительнее первого. Утром доклад, затем два смотра в манеже, в промежутке между ними осмотр Храма Христа Спасителя и посещение почтенных стариков Мельниковых; потом завтрак у Государя для всех военных начальников, вечером русский театр, откуда прямо на станцию железной дороги и отъезд из Москвы в 11 часов вечера.

Происшествие 19-го ноября положило на все наше пребывание в Москве какой-то мрачный колорит. Под этим же тяжелым впечатлением совершился и наш переезд в Петербург. Принимались все возможные меры для предохранения царского поезда от какой-нибудь новой опасности; в этих видах даже не было дано

---

* прискорбное

** Что касается до меня, то я сделал несколько визитов и отказался от театра, а на рауте был только несколько минут.

*** Я дал эту мысль Фадееву направить на это дело московских купцов. Кажется, они подаются.

Н.К. Гирс

знать в Петербург о часе прибытия туда, отчего войска петербургского гарнизона, все офицерство, начальство и даже Императорская фамилия ожидали несколько часов на улицах и на воксале при морозе в 16°. Всякие телеграфные сообщения были приостановлены. На беду, ночью поднялась мятель, так что пришлось на некоторых станциях остановить поезд и ждать расчистки пути. Таким образом, мы прибыли в Петербург только около 3-х часов пополудни и прямо со станции отправились все в Зимний дворец, где отслужено было благодарственное молебствие. При этом находились почти все наличные члены царского семейства (кроме наследника и цесаревны, которые по болезни оставались в Царском Селе) и главные лица придворного синклита. Государь был грустен и серьезен; настроение его отражалось и на всех присутствовавших.

Приехав домой, я нашел у себя ожидавших уже несколько часов начальников главных отделов Военного министерства, адъютантов

и некоторых других лиц. Впрочем, они не задержали меня; остальную часть дня я провел с тремя дочерьми и сыном; занимался разборкой привезенных с собою и ожидавших меня бумаг.

Вчера, в пятницу, назначен был смотр всем войскам петербургского гарнизона; но он был отменен по причине сильного мороза, и я употребил часть утра на разъезды по дворцам. Застал только великого князя Владимира Александровича, который говорил исключительно о неудачной Текинской экспедиции[105]. По возвращении домой я принимал большую часть начальников главных управлении и разговоры с ними продлились до 6 часов*. Вечером завален бумагами.

Сегодня имел я доклад у Государя в присутствии великого князя Владимира Александровича. О политике почти не было разговора. Гораздо позже, как потом я узнал, Государь принял князя Горчакова с Гирсом. Я же между тем почти все утро провел в разъездах: поздравил великую княгиню Екатерину Михайловну, по случаю ее именин; посетил 3-ю военную гимназию и сделал несколько визитов; между прочим — государственному контролеру Сольскому, с которым встретилась надобность переговорить по делу одесской следственной комиссии[106] и Валуеву, у которого просидел довольно долго. Беседа была** интересная: о настоящем натянутом положении и внутренней и внешней политики, о ненормальном ведении дел дипломатических и проч. Валуев коснулся давнишних своих проектов преобразования Государственного совета[107]; рассказал кое-что о недавнем пребывании своем в Баден-Бадене, где виделся с нашим государственным канцлером. Среди этого разговора нашего приехал Гирс, который передал нам интересные подробности своей первой встречи с канцлером и бывшего сегодня его доклада у Государя. Князь Горчаков в присутствии барона Жомини хотел было озадачить Гирса, приняв грозный, начальственный тон; по словам Гирса, произошла сцена довольно бурная: Гирс разгорячился, поднял голос, и канцлер укротился. К удивлению, Государь как будто не замечает слабоумия князя Горчакова; и надобно сказать, что последний пред Государем умеет удивительным образом подтянуться на какие-нибудь четверть часа: но после такого кратковременного напряжения своих*** душевных сил, едва вышед из дверей царского кабинета, снова опускается и начинает обычное свое самовосхваление,

---

* Обедали у нас Алекс[андра] Никол[аевна] Мухортова и Эмилия Львовна Прахова.

** довольно

*** <умственных> <духовных>

доходящее до предела, близкого к той форме умственного расстройства, которая называется горделивым умопомешательством. Для него не существует ничего в мире, кроме его собственной особы; делами он не занимается, да и не в состоянии заниматься. Если он останется официальным главою Министерства иностранных дел, а Гирс будет негласным работником, если на главных дипломатических постах будут оставаться прежние личности, то едва ли можно ожидать лучшего оборота дел, даже несмотря на перемещения их одного на место другого*. Убри едва ли будет в Вене действовать успешнее, чем действовал до сих пор в Берлине; Новиков окончательно уронит наше положение в Константинополе; князь Лобанов будет нулем в Лондоне, да и** Сабурову удастся ли уладить дело в Берлине. Недаром в публике острят: «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь».

С Сабуровым я встречался уже два раза***, мы сговорились съехаться, чтобы потолковать**** о программе предстоящих ему переговоров с князем Бисмарком. Но я начинаю опасаться, что и тут ничего не выйдет; потому, во-первых, что секрет уже нарушен, а во-вторых, что Сабуров, как мне кажется, несколько легко относится к***** своей задаче.

В самый день приезда в Петербург я имел во дворце коротенький разговор с великим князем Константином Николаевичем о современном нашем внутреннем положении. Он просил меня заехать к нему на днях, чтобы****** докончить начатую беседу.

Между тем из Болгарии и Черногории получены известия не совсем благоприятные. Князю Александру не удалось составить новый смешанный кабинет, во главе которого стал бы Каравелов; Народное собрание не согласилось изменить свой адрес; решено распустить собрание. Шепелев предсказывает важные усложнения[108]. Из Черногории же получено известие о кровопролитном

---

* *Первоначальный текст после слов «...делами он не занимается, да и не в состоянии заниматься»*: «а занят исключительно собою. Если он останется по-прежнему официальною главою Министерства иностранных дел, а действительным работником будет Гирс, если по-прежнему будет продолжаться болтовня барона Жомини, если на главных дипломатических постах будут оставаться те же личности — Убри, Новиков, князь Лобанов, князь Орлов, то едва ли можно ожидать лучшего оборота дел, какие бы ни были испробованы перемещения».

** Сабуров едва ли сделает что-нибудь серьезное в Берлине.

*** первоначально в день моего приезда, во дворце, а потом он заехал вчера ко мне.

**** основательно

***** тем вопросам, разрешение которых от него ожидается.

****** потолковать основательнее.

столкновении турок (?) с черногорцами в Гусинье. Подробности еще не известны, но, кажется, черногорцы одержали верх с большими, однако же, потерями.

26-го ноября. Понедельник. — Вчера утром я сделал несколько визитов, между прочим, Сабурову, А.А. Абазе, Грейгу и др. С Сабуровым мы имели довольно продолжительный разговор, в котором я, со своей стороны, старался выяснить, что переговоры его с Бисмарком не представляли бы для нас никакой положительной цели, если б оставлен был в стороне вопрос восточный. Для нас это самое больное место, и вся наша забота именно в том и должна состоять, чтобы не допустить никаких изменений в нынешнем status quo на Балканском полуострове каким-нибудь новым сюрпризом со стороны Англии или Австрии, помимо нас. Сабуров, в присланной мне накануне записке своей[109], возлагает слишком большие надежды на предполагаемое усиление наших морских средств в Черном море. Я доказывал, что создание флота не может быть делом двух, трех лет, особенно при настоящем взгляде Морского министерства и настоящих финансовых средствах*.

С Ал[ександром] Аг[геевичем] Абазой также имел я продолжительный разговор о настоящем внутреннем положении России; он высказывал мысль о совершенной необходимости новых существенных реформ в государстве; я возражал, что не имею никакой надежды на осуществление такого желания в близком будущем, так как необходима для того полная перемена и в личном составе, и в настроении высшей правительственной власти**.

---

* *Первоначальный текст после слов: «если б оставлен был в стороне вопрос восточный»*: «Для нас это единственное больное место, и вся наша забота именно в том и должна состоять, чтобы не допустить решения этого векового вопроса по произволу одной Англии или Англии вместе с Австрией; или, говоря иначе, мы должны настоять, чтобы всякое изменение в нынешнем status quo не было иначе допускаемо, как по общему европейскому соглашению. Записка, накануне присланная мне Сабуровым для прочтения, возлагает слишком много надежд на усиление наших морских средств в Черном море. Я доказывал, что создание флота не может быть делом двух-трех лет, особенно при настоящем взгляде Морского министерства и настоящих финансовых средствах. Сабуров приходит в своей записке к заключению о необходимости совещания по вопросу о средствах самозащиты нашей в Черном море; я же того мнения, что все совещания ни к чему не приведут при известном упрямстве и своеобразных взглядах нашего генерал-адмирала».

** *Первоначальный текст после слов «я возражал, что не имею никакой надежды»*: «на осуществление в близком будущем какой бы то ни было существенной меры к устранению угрожающего России гибельного положения. Для этого нужна полная перемена и в людях и в настроении высшей правительственной сферы».

Грейга не застал дома; но едва возвратился я к себе, как он сам приехал ко мне. Мы переговорили только о средствах к сокращению расходов военных, чтобы уравновесить смету будущего 1880 года. При заявленных Военным министерством цифрах ожидается в общей росписи дефицит до 25 миллионов, чего допустить невозможно.

Нынешний день прошел весь в торжествах по случаю георгиевского праздника[110]. Утром обычный выход и внутренний парад в залах Зимнего дворца; потом обед на 750 кувертов. Все обошлось по заведенному порядку. За столом Государь произнес сначала тост в честь императора Вильгельма, старейшего из георгиевских кавалеров 1-й степени; затем тост всем кавалерам этого ордена, после чего я принял на себя (как старший из кавалеров 2-й степени) поднять бокал за здравие и долгоденствие самого Государя. Как следовало ожидать, тост этот вызвал шумные и продолжительные возгласы «ура» при звуках народного гимна.

Сегодня нашел я у себя в числе визитных карточек и карточку князя Горчакова.

27-го ноября. Вторник. — После моего доклада Государь приказал мне подождать прибытия князя Горчакова с Гирсом, на случай, если б у них в докладе оказалось что-либо требующее моего присутствия. Однако ж Гирс предварил меня, что у них нет вовсе никаких дел, кроме канцелярских мелочей, а потому я и не остался, а воспользовался свободным утром, чтобы сделать еще несколько визитов; между прочим министру внутренних дел Макову. По дороге заехал в Военно-юридическую академию и в приготовительные классы Пажеского корпуса. Позже был у меня генерал Гурко. Он выражал сетования свои на настоящие неловкие отношения его с наследником цесаревичем, который, будучи корпусным командиром, следовательно подчиненным главному начальнику округа, не хочет войти в свою роль и ставит его, Гурко, в самое фальшивое положение. С самого назначения генерала Гурко в настоящую его должность, наследник цесаревич не скрывал своего к нему нерасположения.

Сегодня в манеже было угощение обедом нижних чинов, кавалеров Военного ордена. Я не присутствовал при этом; пропустил также и заседание Комитета министров, в котором заседать — значит терять время. По болезни генерала Игнатьева (отца) председательствует принц Петр Георгиевич Ольденбургский*.

---

* Можно представить себе, что это за комическое заседание.

Принц
П.Г. Ольденбургский

28-го ноября. Среда. — Сегодня, по случаю годовщины взятия Плевны[111], было утром молебствие в Малой церкви Зимнего дворца, а в 6 часов большой обед, к которому были приглашены все лица, находившиеся в свите Государя во время кампании и все наличные начальники частей войск, участвовавших в обложении Плевны.

Торжества эти не помешали мне заехать утром в Пажеский корпус, а позже председательствовать в Военном совете.

29-го ноября. Четверг. — Принц Петр Георгиевич Ольденбургский несколько раз заявлял мне, что имеет надобность видеться со мной, и требовал, чтобы я назначил ему час свидания*. Условлено было, что я приеду к нему сегодня после моего доклада**. Оказалось, что цель этого свидания состояла в том, чтобы*** убедить

---

* наконец

** И что же! Вся цель

*** еще раз

меня в необходимости общего разоружения Европы и установления вечного мира. С горячностью и всегдашнею бессвязностью принц повторял все, что я много раз уже слыхал от него: и о письмах его к Наполеону III, Тьеру, Бисмарку[112], и о произнесенных им в разных случаях спичах о мире и даже о сочиненной им самим, для своего памятника, эпитафии и проч., и проч. Можно бы подумать, что* находишься в психиатрической больнице. Продолжительная эта аудиенция принца не избавила меня от обеда у него же, к которому я получил вчера приглашение. Обеды принца по четвергам бывают обыкновенно очень изысканны и при том место хозяйки занимает принцесса Евгения Максимилиановна — женщина чрезвычайно милая и симпатичная**.

Утром посетил я Инженерную академию и училище.

30-го ноября. Пятница. — Ездил в Аничковский дворец расписаться у наследника цесаревича, который только вчера переехал в Петербург из Царского Села, где удержан был болезнью долее, чем предполагал. Затем большую часть утра провел я в осмотре военно-учебных заведений.

1-го декабря. Суббота. — После моего доклада происходило у Государя совещание по делам политическим. Участвовали, кроме наследника цесаревича и великого князя Владимира Алекс[андровича], князь Горчаков, Гирс, Убри, Сабуров и я. Дело шло о программе предстоящих переговоров Сабурова с Бисмарком. Хотя проект был составлен Гирсом еще до приезда канцлера и хотя последний до сих пор не усвоил себе существа дела, однако ж у него хватило ловкости, чтобы в присутствии Государя разыграть роль главного руководителя: он сам прочел проект программы и***, воздержавшись от рассуждений, довольно искусно скрыл отсутствие мысли и**** знакомства с делом. Сабуров несколько возражал на включение в программу вопроса о проливах; Гирс и я доказывали, что выпустить этот важнейший для нас вопрос значило бы заключать с Германией условия без всякой для нас выгоды. Государь одобрил программу. Сабуров успокоился объяснением, что резуль-

---

* всю эту белиберду слышишь от сумасшедшего в больнице душевных болезней.

** *Первоначальный текст после слов «...я получил вчера приглашение»*: «Обеды эти обыкновенно бывают скучны, но надобно отдать справедливость, что у принца la maison est bien montée. Притом заменяющая у него хозяйку принцесса Евгения Максимилиановна — милая женщина, к которой нельзя не питать сочувствия».

*** ничего не высказал своего, так что

**** сведений

тат соглашения относительно проливов будет, конечно, зависеть от большей или меньшей податливости германского канцлера, большей или меньшей искренности его желания сблизиться с нами.

Сегодня, в час пополудни, происходил в манеже первый Высочайший смотр войскам гвардии, именно Преображенскому полку и лейб-гвардии Саперному батальону. Такие смотры будут повторяться по три и четыре раза в неделю, вплоть до рождества. Государь освободил меня от присутствования на этих смотрах в те дни, когда будут у меня другие служебные обязанности.

Визит турецкому послу.

2-го декабря. Воскресенье. — На разводе Государь был как-то особенно не в духе; подъехав к турецкому послу, высказал ему неудовольствие свое по поводу новых замедлений в передаче Гусиньи черногорцам. Перед обедом был у меня профессор санскритской словесности Минаев. Он отправляется в Индию с секретным поручением и спрашивает, не будет ли дано ему от меня словесных инструкций.

По сведениям из Авганистана положение там англичан принято* неблагоприятный оборот[113].

3-го декабря. Понедельник. — Прием в канцелярии Военного министерства представляющихся и просителей был сегодня особенно многочисленный.

Потом в заседании Государственного совета. Обменялся несколькими словами с Валуевым опять по поводу любимой его мысли о преобразовании Государственного совета. После же заседания и особого присутствия по делам воинской повинности остался я наедине с великим князем Константином Николаевичем. Тот же вопрос — что нам делать, чтобы выйти из настоящего невыносимого положения? Я высказал великому князю мнение, что при настоящем общем неудовольствии в России нельзя ограничиться какою-либо одною мерой, и притом такою фиктивною, как предлагаемое, например, привлечение в состав Государственного совета некоторого числа временных делегатов от земств. Что будут делать эти представители земства в составе Государственного совета, когда все заботы высшего правительства направлены к усилению мер строгости, когда предоставлен администрации, на всех ее ступенях, полный произвол, когда вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении. При настоящем настроении Государя было бы совершенно несвоевременно возбуждать вопрос о какой

---

* довольно

бы то ни было реформе, имеющей характер либеральный*. Великий князь не противоречил мне и, по-видимому, соглашался с моим взглядом.

В субботу во время моего доклада Государь рассказал новый анекдот о принце Петре Георгиевиче Ольденбургском. Он просил у Государя аудиенции по особо важному делу; Государь подумал, что действительно могло встретиться какое-нибудь дело по Комитету министров, в котором принц временно председательствует, за болезнью генерала Игнатьева. Принц начал свой доклад с того, что в настоящих трудных обстоятельствах каждый верноподданный должен помогать правительству и со всею откровенностью высказывать свои мысли о средствах к спасению царя и государства; что он, принц Ольденбургский, нашел это средство. Оно состоит в том, чтобы Государь объявил торжественно манифестом, что отныне вместе с императорской короной и скипетром будет храниться под общим колпаком (sic) экземпляр Свода законов!!! Каково было удивление Государя, когда он выслушал такой мудрый совет!

4-го декабря. Вторник. — После своего доклада Государю я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса, а потом участвовал во вторичном совещании по тому же предмету, который обсуждался в субботу[114] и из тех же лиц. Канцлер прочел составленную бароном Жомини инструкцию для Сабурова; в ней объяснено довольно верно** и со свойственным барону мастерством изложения соотношение настоящих интересов Германии и России, при чем указано, в чем именно для нас наиболее желательно получить от Германии обеспечение. Очевидно, что на первом плане поставлено ограждение Черного моря от вторжения английских эскадр***. Однако ж Сабуров продолжает пугаться такой постановки вопроса;

---

* *Первоначальный текст после слов «...привлечение в состав Государственного совета некоторого числа временных делегатов от земств»*: «Притом есть ли возможность предложить какую бы то ни было меру, имеющую сколько-нибудь характер либеральный, в такое время, когда совершенно все заботы высшего правительства направлены на чрезвычайные меры строгости, когда вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении. Что будут делать представители земства в собрании Государственного совета, когда администрации во всех ступенях ее предоставлено право действовать с полным произволом, устраняя всякую легальность. К тому же я убежден, что при настоящем настроении Государя было бы совершенно несвоевременно возбуждать вопрос о какой бы то ни было реформе или улучшении».

** и с обычною легкостью

*** чрез Дарданеллы и Босфор

он как будто боится затронуть его в предстоящих переговорах с Бисмарком. Составленный бароном Жомини проект инструкции не был предварительно показан ни Сабурову, ни Гирсу, а потому Государь отложил утверждение инструкции[115], под предлогом ожидаемого прибытия английского посла Дефферина, который, проездом чрез Берлин, получил неожиданно приказание от своего правительства заехать в Варцин к князю Бисмарку.

После совещания я посетил Академию Генерального штаба и Павловское военное училище. Обедал во дворце.

Сегодня утром приехали из Крыма жена с дочерью Надеждой. Теперь вся почти семья в сборе, кроме одной из младших дочерей, находящейся еще у тетки в Бессарабии.

6-го декабря. Четверг. — Получена телеграмма о том, что английские войска вынуждены были очистить Кабул и занять позицию в некотором от него расстоянии, где они окружены большими скопищами авганцев. Сообщения их прерваны.

После доклада Государя ездил я в Аничковский дворец для поздравления наследника цесаревича и цесаревны по случаю именин старшего их сына[116] .

О здоровье императрицы известия неблагоприятные. Вчера доктор Боткин отправился в Канн.

Военный наш агент в Париже барон Фредерикс вызван в Петербург, по случаю добытых им секретных сведений о военных приготовлениях в Австрии чрез одного отставного австрийского офицера. Барон Фредерикс показал мне эти сведения; нельзя не признать их весьма важными и для нас полезными. В них обнаруживается целая система тайных разведок, производимых австрийскими агентами в наших пределах.

8-го декабря. Суббота. — После своего доклада Государю я присутствовал при докладе князя Горчакова вместе с Гирсом. Читался проект дополнительной инструкции Сабурову. Государь прочел несколько строк из своего письма к императрице, где он сообщает ей сущность разговора графа Шувалова с Бисмарком во время недавнего проезда нашего бывшего посла в Лондоне. Бисмарк с цинизмом открыл Шувалову все свои проделки: раздраженный письмом Государя к императору Вильгельму[117], а затем свиданием в Александрове, Бисмарк немедленно же вошел в соглашение с Австрией, заручился со стороны Франции и запросил Англию, пошлет ли она свои флоты в Балтийское море в случае войны между Германией и Россией. Таким образом, Бисмарк прямо составлял коалицию против нас. Граф Шувалов, бывший до сих пор ярым приверженцем Бисмарка и рассчитывавший на дружеские с ним отношения,

Граф П.А. Шувалов

теперь говорит, что, при настоящем его настроении, не предвидит никакой возможности восстановить* соглашение между Россией и Германией. Вместе с тем граф Шувалов** потерял всякие иллюзии и в отношении Англии: с теперешним министерством, пока оно держится, не может быть никаких соглашений.

Князь Горчаков перебивал рассказ Государя передачею своих разговоров с приехавшим на днях английским послом лордом Дефферином и чтением своей переписки с Биконсфильдом. И в разговорах этих и в переписке ничего не было, кроме общих фраз, не ведущих ни к какому практическому результату. По всему видно, что английское министерство в настоящее время чувствует

---

* какое-либо близкое

** вполне

себя непрочным; неудачи в Авганистане, волнения в Ирландии, расстройство экономическое — ставят министерство в затруднительное положение. Государь слушал канцлера без особенного внимания; даже несколько раз отвечал ему с неудовольствием. Невозможно не замечать ослабления умственных способностей в этом старце, несмотря на все усилия его казаться бодрым, еще способным к работе.

После доклада я отдал визит графу Шувалову и просидел у него часа полтора. Он передал мне много любопытных подробностей о своих разговорах с английскими министрами пред отъездом из Лондона, а также с Бисмарком в Варцине. Затем мы перешли к настоящим предположениям о сближении с Германией и миссии Сабурова.

11-го декабря. Вторник. — В воскресенье и понедельник я не выезжал из дома, чтобы отделаться от гриппа, преследующего меня почти с самого приезда в Петербург. Это дало мне возможность вчера собрать у себя совещание для обсуждения предположений об укреплении Ковны, Гродны и Осовца. К обеду же я пригласил съехавшихся случайно наших военных агентов в Вене, Париже и Софии — генерал-майора Фельдмана, флигель-адъютантов барона Фредерикса и Шепелева. Барон Фредерикс привез любопытные сведения, которые он добыл секретно за деньги от одного отставного австрийского офицера, относительно приготовлений Австрии к войне с Россией. Шепелев же привез письмо болгарского князя Александра к нашему Государю и два письма Паренсова ко мне. В обоих этих письмах дело идет о возникших в последнее время столкновениях и затруднениях в юном княжестве. Кроме усложнений парламентских, возникла и размолвка между князем и его военным министром. Притом оказывается различие во взглядах между Давыдовым и Шепелевым. Первый, верный своей роли дипломата, поддерживает в князе наклонности к самовластию и, вместе с иностранными дипломатами, особенно австрийским, даже подстрекал молодого, неопытного князя к роспуску палаты. Напротив того, Шепелев вместе с Паренсовым старались отклонить князя от всякого противуконституционного действия; советовали ему не связывать своего имени с тою или другою партией и не бояться так называемых либералов или радикалов. Дипломатические интриги и* немецкие тенденции самого князя взяли верх: он распустил Народное собрание; но этого мало: по внушению Давыдова, он задумал произвести настоящий coup d'état, и какое же

* собственные германские

для этого предполагалось средство? Чтобы князь немедленно приехал в Петербург и отсюда пустил в Болгарию манифест об* отмене конституции. Можно ли придумать что-либо более нелепое, особенно со стороны русского дипломата. Шепелев вчера имел продолжительную аудиенцию у Государя; он откровенно и подробно объяснил положение дел в Болгарии[118].

Сегодня же, после моего доклада, было совещание с Гирсом по болгарским делам. Князь Горчаков не приехал по болезни, действительной или притворной — не известно**. Без канцлера*** дело идет удобнее. Государь прочел нам письмо князя Александра Болгарского, а Гирс — письмо Давыдова. Хотя Гирс сам замечал противоречия и несообразности в мнениях Давыдова, однако ж не совсем избежал его влияния и, как кажется, уже готов был, согласно с его взглядом, поддержать наклонность князя Александра к насильственной мере (coup d'état); я же, напротив того, горячо настаивал на необходимости держаться на почве легальной. Мое мнение взяло верх; Государь, вероятно уже подготовленный вчерашними объяснениями Шепелева, приказал заготовить ответное письмо князю Болгарскому в том смысле, чтобы советовать ему действовать в конституционном порядке. Если изменения в конституции оказываются действительно необходимыми, то они должны быть проведены законным путем, чрез Народное собрание****.

По выходе нашем из государева кабинета мы встретились в приемной с князем Дондуковым-Корсаковым, который только что приехал из Крыма. Он вполне поддержал мое мнение и намерен был в том же смысле говорить Государю.

Мы обменялись с Гирсом еще несколькими мыслями о других современных вопросах и между прочим о предположенных переговорах в Берлине. Крайне прискорбно, что между Гирсом и Сабуровым уже началась рознь. Гирс жалуется на Сабурова, что он действует исподтишка, помимо Гирса, стараясь провести чрез слабоумного канцлера свое желание выделить ***** из программы

---

* уничтожении

** Государь сказал, что князь <будирует его> дуется (il boude) за своего сына. Старший сын канцлера князь Михаил Горчаков, бывший посланником в Мадриде, только что уволен от этой должности и заменен Кудрявским.

*** во всяком случе

**** Но для этого, конечно, нужно взяться за дело умеючи и употребить в пользу магическое влияние в крае слова и воли русского царя.

***** вопрос о проливах из своих соглашений с Бисмарком.

переговоров вопрос о проливах. Гирс справедливо думает, что с устранением этого самого важного для нас условия не стоит и вести переговоры. В этом мы все трое согласны: Гирс, граф Шувалов и я. Сабуров же, по-видимому, боится заговорить с Бисмарком о проливах, может быть потому только, что не догадался коснуться этого вопроса при своих прежних беседах с ним. Опасаюсь, что из-за этого все начатое дело пойдет вкривь и вкось; проку из него не будет.

Сегодня являлась ко мне многочисленная депутация от новообразовавшегося общества воспособления лицам военного духовенства с поднесением мне звания почетного члена. В голове депутации был престарелый, почтенный протоиерей Покровский, главный священник армии и флота.

15-го декабря. Суббота. — После моего доклада я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса (правильнее было бы сказать — одного Гирса, ибо канцлер ограничился простым заявлением, что «mon portefeuille est vide; permettez à Girs de vider le sien»*). Сущность этого доклада состояла в чтении составленного в Министерстве иностранных дел проекта ответного письма от Государя к принцу Болгарскому. Ответ редактирован в смысле записки Шепелева, то есть принцу советуется действовать легально, без coup d'état, несмотря на то, что отец молодого принца — принц Александр Гессенский — в письме к Государю выражает противоположное желание. Государь утвердил проектированный ответ и приказал Шепелеву быть готовым к обратному отъезду в Софию в будущий понедельник. Давыдов, узнавший из телеграмм, в каком смысле будет ответ, конечно, не может оставаться представителем России в Софии, на первый раз положено уволить его в отпуск и на то время командировать в Софию Кумани (из Парижа)[119]. Гирс и сам князь Горчаков не** в пользу этой кандидатуры, поддерживаемой почему-то императрицей и наследником.

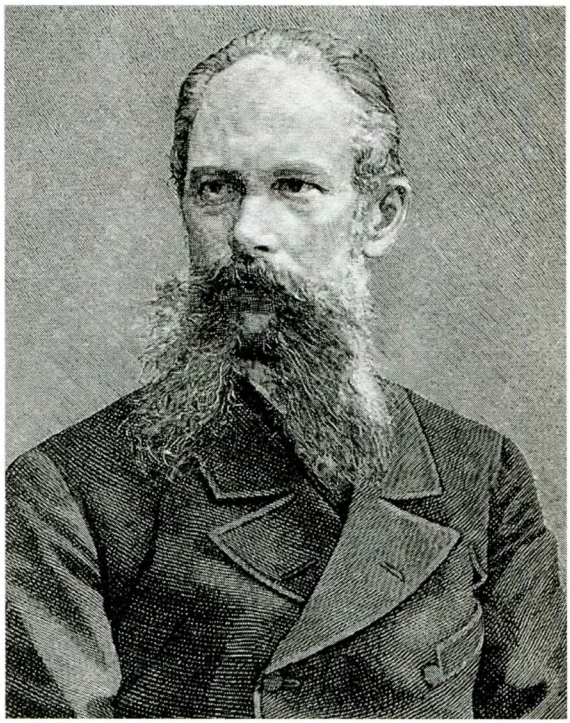
От Кауфмана получена телеграмма о том, что Абдурахман-хан *будто бы* бежал из Ташкента за Аму-Дарью. К этому мнимому побегу ему открыли свободную дорогу, с выдачей притом порядочной денежной подмоги. Появление в Авганистане этого давнишнего претендента на*** наследие Дост-Магомета, вероятно, произведет там немалое усложнение для англичан и послужит им новым поводом к упрекам и жалобам на нашу коварную политику.

---

* Мой портфель пуст, разрешите Гирсу освободить свой (*фр.*).

** совсем

*** авганский престол



А.И. Нелидов

Перед обедом был у меня Нелидов, приехавший из Дрездена, где он находится временно, в качестве русского посланника, в ожидании назначения в Афины. Нелидов развитой и даровитый человек, прекрасно говорит и пишет, но, сколько мне кажется, склонный к увлечениям и парадоксам. Я расспрашивал его мнение о том, какие побуждения можно предполагать к неприязненным отношениям Бисмарка к России за последнее время. Нелидов думает, что Бисмарк не имеет* прямо в виду воевать с нами и объясняет его беспокойную политику желанием вывести Германию тем или другим путем из настоящего экономического кризиса**. Такое объяснение кажется мне очень парадоксальным: странный способ вывести государство из экономического кризиса, раздражая общественное мнение против сильного соседа***.

---

* положительного плана воевать с нами

** в котором она ныне находится, по мнению Нелидова,

*** *Первоначальный текст этой фразы*: «Такое объяснение кажется мне несколько парадоксальным: странный способ привести государство к улучшению экономического своего положения и даже к сокращению военных расходов,

17-го декабря. Понедельник. — Обедал я во дворце с послами князем Лобановым и Новиковым, с Гирсом, князем Дондуковым и Валуевым.

Телеграмма из Индии возвещает какую-то победу англичан над авганцами[120]. В какой мере заслуживает доверия это известие, покажут последствия.

18-го декабря. Вторник. — После своего доклада присутствовал я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читалась между прочим записка барона Жомини о том, следует ли при предстоящих переговорах Сабурова с Бисмарком ставить условием sine qua non, чтобы включена была в один общий акт статья о проливах, или можно заключить договор, ограничиваясь только тремя пунктами, прежде намеченными самим князем Бисмарком при разговоре его с Сабуровым в Варцине[121]? Сабуров настаивает на том, чтобы не усложнять и не затруднять возлагаемого на него дела требованием добавочного условия о проливах; канцлер подается на это мнение, и в том же смысле редактировано заключение в записке барона Жомини. Мы с Гирсом продолжаем доказывать, что вопрос о проливах есть существеннейший, если не единственный наш интерес, обеспечение которого может вознаградить нас за принимаемые нами обязательства в отношении Германии. Я объяснил, что требования наши по этому вопросу от Германии могут ограничиться хотя бы только ее признанием общеевропейского значения принципа закрытия проливов, установленного прежними трактатами. А признание это необходимо потому, что без этой оговорки останется неизвестным, в каких именно случаях Германия сочтет себя обязанною поддержать Россию: будет ли прорыв какого-либо флота в Черное море или занятие Босфора считаться одним из тех casus belli, в которых Россия* воспользуется выгодами предполагаемого нового договора с Германией. Государь решил, чтобы в инструкции, уже изготовленной для Сабурова, оставалось указание на вопрос о проливах, с предоставлением Сабурову, в случае положительного отказа Бисмарка включить эту статью в договор, просить новых высочайших указаний.

Еще обсуждался вопрос — объявить ли английскому послу полученное из Ташкента известие о бегстве Абдурахман-хана (которого, впрочем, решено было уже прежде выпустить со дво-

---

раздражая общественное мнение против соседнего сильного государства! Государства!»

* может воспользоваться

ра). Я предложил вместо дипломатического, официального заявления — ограничиться напечатанием известия в газетах. Так и решено.

В Комитете министров было сегодня продолжительное заседание. Я редко бываю в Комитете; но на сей раз надобно было присутствовать при обсуждении нескольких дел, более интересных, чем обычные комитетские дела. Во-первых, щекотливый вопрос о запрещении декабрьской книжки «Вестника Европы», в которой напечатана остроумная и колкая статейка в ответ на помещенное в предыдущей книжке того же издания официальное заявление от Министерства народного просвещения по поводу выходок «Вестника» против нынешней системы гимназического образования[122]. Министр внутренних дел остановил книжку, и так как «Вестник Европы» славится аккуратным появлением его номеров в первый же день каждого месяца, то неполучение до 18-го числа книжки обратило на себя общее внимание, и публика с напряженным любопытством ждала решения Комитета министров. К общему удивлению, граф Толстой не только не настаивал на запрещении книжки, но даже признал распоряжение министра внутренних дел неправильным на том основании, что само Министерство народного просвещения напечатанным официальным заявлением подало повод к возражению. После продолжительных разговоров решено было Комитетом выпустить книжку*. Другое дело, по поводу которого приехал в Комитет и великий князь Константин Николаевич (появляющийся только в исключительных случаях), касалось чрезвычайных прав, временно предоставленных генерал-губернаторам по охранению в крае порядка и безопасности. По этому предмету проектированы некоторые новые правила по соглашению министра внутренних дел с управляющим Министерством юстиции и шефом жандармов. Великий князь попробовал было поднять вопрос о ненормальности предположенных широких полномочий, но** докторальное возражение Валуева против всякого ограничения полно-

---

* *Первоначальный текст после слов «и публика с напряженным любопытством ждала решения Комитета министров»*: «К общему удивлению, граф Толстой не только не настаивал на запрещении книжки, но вместо того упрекнул министра внутренних дел в том, что не было причины к такому распоряжению, и сознался, что напечатанное официальное заявление от Министерства народного просвещения подало повод к нападке на нее. После продолжительных разговоров по поводу этой неловкой официальной статьи решено было Комитетом выпустить книжку».

** диктаторская выходка

властия генерал-губернаторов так озадачило всех, что проект прошел почти без прений[123].

Точно так же не было обсуждаемо и третье дело: всеподданнейший отчет генерал-адъютанта графа Игнатьева (бывшего посла) за время исправления им должности генерал-губернатора на Нижегородской ярмарке[124]. Записка эта вполне характеризовала автора ее: первая половина заключала в себе беззастенчивое самовосхваление, доходившее до колоссальных размеров; в этой же части записки безжалостно принесен в жертву губернатор Нижнего граф Кутайсов (которому уже и приказано просить увольнение от должности). В другой же половине записки граф Игнатьев счел себя вправе перебрать все недостатки и болячки нашего современного государственного строя и указать лекарства против этих болячек. Записка эта напечатана и разослана членам Комитета, однако ж без резолюции, положенной Государем на подлиннике. Мне говорили, что резолюция эта была неодобрительная. Крайне было бы трудно и щекотливо обсуждать все пункты, затронутые запискою Игнатьева. Если б это и было возможно допустить при настоящем настроении в высших сферах, то для этого потребовалось бы целое заседание или даже несколько заседаний; а Комитет приступил к этому делу только в пятом часу, когда все присутствующие, уже утомленные, с нетерпением ожидали конца заседания. К тому же немыслимо было вести серьезные прения под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Записка Игнатьева прошла почти без всяких разговоров; удовольствовались заявлением министра внутренних дел, что указываемые графом Игнатьевым меры относительно устройства ярмарки обсуждаются в министерстве; тем и закончилось заседание.

19-го декабря. Среда. — Сегодня двойное торжество: годовщины назначения Государя шефом лейб-гвардии Павловского полка и боя под Ташкисеном в 1877 году[125]. На происходившем утром параде Павловского полка я не присутствовал, не столько по случаю заседания Военного совета, сколько потому, что был озабочен весьма серьезною работой: пересмотром военной сметы на 1880 год, для изыскания средств к сокращению ее на крупную цифру до 17 миллионов рублей, вследствие настоятельного требования Департамента экономии, в видах уравновешения государственной росписи*. Задачу эту удалось разрешить, конечно, не без чувствительного пожертвования некоторыми интересами военного ведомства.

---

* Мне удалось достигнуть этой цели предложением некоторых чрезвычайных мер.

П.А. Валуев

Годовщина боя под Ташкисеном была отпразднована большим парадным обедом в Николаевском зале Зимнего дворца, на 300 приглашенных, с обычными в таких случаях тостами и воспоминаниями.

Вчера вечером был официальный прием у английского посла. Мое появление на этом приеме было буквально моментальное. Английские физиономии прояснились вследствие успокоительных известий из Авганистана: по официальным донесениям*, генерал Робертс, соединившись с колонною генерала Гау, отбросил окруживших его укрепленный лагерь авганцев и намеревался снова занять Кабул.

20-го декабря. Четверг. — Доклад у Государя. Известие о покушении на жизнь испанского короля и королевы[126]. В 2 часа дня кончина председателя Комитета министров генерал-адъютанта графа Павла Николаевича Игнатьева.

---

* англичан

После доклада я заехал к Алекс[андру] Вас[ильевичу] Головнину и просидел у него довольно долго. Как всегда наслышался много любопытных рассказов о закулисных делах в высшем административном и придворном мире. Головнин — редкий и оригинальный субъект: сидит почти безвыходно дома, а между тем все знает, все читает, со всеми переписывается.

Снова было у меня совещание по вопросу о сокращении сметы. Завтра предложения наши будут заявлены Департаменту экономии; надеюсь, что наши финансисты возрадуются.

22-го декабря. Суббота. — Вчера, после смотра в манеже, был я на панихиде по графу Павлу Николаевичу Игнатьеву. Сын его, Николай Павлович, говорил мне, что пред самою смертью покойник написал письмо к Государю с просьбой об увольнении от должности. Он не решился отправить это письмо, утешая себя надеждою, что получив облегчение, сам поедет во дворец и лично будет просить Государя. По словам Николая Павловича, покойник намеревался убедительно просить, чтобы заместителем его не был Валуев, которого направление признавал вредным и опасным. А между тем в городе уже говорят именно о назначении Валуева, что и весьма вероятно*. Ему удалось приобрести доверие Государя своими демосфеновскими фразами и замечательною гибкостью. Возвратившись вчера с панихиды, я нашел у себя визитную карточку Валуева с довольно странною надписью карандашом: «Приезжал просить благосклонного расположения вашего сиятельства». Взглянув на эту загадочную карточку, я подумал: не есть ли это иносказательное извещение о новом назначении?

Сегодня последовали один за другим, обычным порядком, доклады у Государя: сперва военный, а потом — по делам иностранной политики. Затем я был на смотру, последнем из всей длинной серии высочайших смотров войскам петербургского гарнизона.

24-го декабря. Понедельник. — Утром был на отпевании покойного графа Павла Николаевича Игнатьева в его домовой церкви, откуда тело перевезено на Петергофскую железную дорогу.

25-го декабря. Вторник. — После обычного моего доклада я остался во дворце у обедни. Тут я встретился с Валуевым — новым председателем Комитета министров и князем Ливеном — новым министром государственных имуществ. Оба, кажется, очень довольны.

26-го декабря. Среда. — Вследствие личного приглашения, полученного мною от председателя съезда естествоиспытателей и от

---

* Он умел вкрасться в доверие Государя.

ученого зоолога Северцова, я присутствовал сегодня во втором общем собрании этого общества, в актовой зале университета[127]. Зала была полна; читали рефераты профессора Менделеев, Тимирязев, Доброславин, Меншуткин. Обедал я во дворце.

29-го декабря. Суббота. — Вчера, пользуясь свободным утром, я делал обязательные визиты и, между прочим, французскому послу, у которого несколько засиделся. Генерал Шанзи полагает, что новое французское министерство Ваддингтона на место Дюфора будет в умеренном духе и постарается поддержать мирные отношения ко всем державам; что дипломатические представители Франции останутся на своих местах.

Сегодня, после моего доклада, был я при докладе князя Горчакова и Гирса. Читался проект инструкции князю Лобанову-Ростовскому, назначенному послом в Лондон. Проект этот редактирован в одну ночь бароном Жомини со свойственными его перу легкостью и изяществом. Гирс жаловался, что канцлер не дает времени не только, чтоб обдумать основательно подобный серьезный проект, но даже чтобы перечитать написанное: выдергивает буквально из-под пера* пишущего и кладет в свой портфейль, отправляясь к докладу в Зимний дворец. Когда, по прочтении проекта, Государь спросил — не имею ли я что-либо заметить — я отвечал, что в таком серьезном деле трудно отдать себе полный отчет по беглому чтению; но что мне показалось не совсем правильною постановка вопроса средне-азиатского, именно сопоставление образа действий англичан и наших при разных гипотезах; мне кажется ошибочным класть на весы, как равные грузы, Герат и Мерв. Государь приказал передать мне прочитанный проект, дабы я мог обсудить его на досуге, что я и сделал; сегодня же вечером доставил Гирсу мои замечания.

В Государственном совете было сегодня же заседание, в котором утверждена финансовая роспись на 1880 год[128]. Утверждение это составляет в сущности одну формальность, так как рассмотренные и сведенные в Департаменте экономии сметы всех министерств всегда утверждаются целиком в общем собрании. Но в последние годы великий князь, председатель, вместе с государственным секретарем стараются обставить эту формальность чем-то похожим на парламентские прения: главным запевалой в заседании почти всегда является Александр Васильевич Головнин — единственный член Совета, дающий себе огромный труд изучать всю массу сметных цифр и приготовлять к этому дню небольшую

* своего любезного барона

коллекцию замечаний или запросов, которые дают повод министру финансов и председателю Департамента экономии произнести целые речи в назидание безмолвных слушателей*. Сегодня речь эту произнес председатель департамента — Александр Аггеевич Абаза: речь была блистательная; оратор выставил заслуги и министра финансов и государственного контролера, благодаря которым достигнуто на будущий 1880-й год уравновешение расходов с доходами; министр финансов, в свою очередь, воспользовался случаем, чтобы покадить и председателю Департамента экономии. Впрочем, при этом выпала некоторая частица восхваления и на министра военного, которому поставлено в главную заслугу то, что он испросил высочайшее дозволение допустить в личном составе армии некомплект на 36 тысяч человек. Действительно я нашел необходимым прибегнуть, между прочим, и к этой мере, для доведения во что бы ни стало итога военной сметы до назначенной мне предельной цифры; но собственно эта одна мера дала сбережения всего около 1 400 000 рублей, тогда как всего урезано из военной сметы до 17 миллионов рублей. На самом деле, вероятно, такое сокращение и не осуществится вполне: придется все-таки издержать значительную часть урезанных миллионов, только под рубрикой сверхсметных или чрезвычайных ассигнований. Это вполне известно и нашим финансистам; но им хотелось во что бы ни стало подвести баланс в итогах расходов и доходов; цель эта достигнута, эффект произведен, и при этом признано политичным указать в особенности на сокращение армии на 36 тысяч человек. Председатель Совета (великий князь Константин Николаевич) в своем заключительном слове** подкрепил заявление председателя Департамента экономии и министра финансов в том смысле, что принятая нами мера должна быть выставлена перед Европой как первый шаг к сокращению наличного числа войск, как пример другим державам, наконец, как фактическое опровержение поддерживаемых за границей толков о мнимых воинственных намерениях наших. Окончательно постановлено обратить на этот факт внимание русской и иностранной печати.

Вечером я присутствовал вместе с двумя дочерьми в 3-й военной гимназии на драматическом представлении, после которого были танцы. Это второй вечер, устраиваемый начальством гимназии для воспитанников. Будет еще третий в будущую среду для старшего возраста. Мне приходится показываться на всех этих трех

---

* вовсе не знакомых с делом.

** поддержал

вечерах, чтобы не обидеть ни того, ни другого возраста, так как появление мое среди этих милых юношей, по-видимому, ценится ими. Заведение это идет превосходно, и я посещаю его всегда с особенным удовольствием.

31-го декабря. Понедельник. — Сегодня не мой докладный день, однако ж я получил приказание быть во дворце к 11 $^{1}/_{2}$ часам. Приглашены были князь Горчаков, Гирс и новый посол в Лондоне — князь Лобанов. Канцлер доложил Государю сделанные вследствие моих замечаний изменения в* проекте инструкции князю Лобанову; но доклад старика был так бессвязен и так сбивчив, что вызвал вопросы со стороны самого князя Лобанова и побудил меня** войти в довольно длинные разъяснения вообще нашего положения в Средней Азии по отношению к Англии. Государь много помог мне и облегчил эту задачу, резюмировав весьма ясно и отчетливо мои объяснения. Я знал, что мое мнение по этому предмету противуположно*** взгляду наследника цесаревича, который не раз высказывался резко против всяких соглашений с англичанами. Я же, напротив того, старался объяснить, что нам нет**** расчета предоставлять нашим противникам полную свободу действий, и что ошибаются те, которые воображают себе, будто мы можем что-либо выиграть, сохраняя за собою такую же свободу действий. По географическим и другим условиям все выгоды, какие могли бы мы в будущем иметь в виду в тех краях, не могут уравновесить невыгод, которые могут нанести нам новые, ненасытные и ничем не стесняемые захваты англичан. Соображение это я развивал настойчиво в присутствии наследника цесаревича; Государь вполне усвоил себе ту же точку зрения, также как и Гирс и князь Лобанов; последний благодарил меня за то, что я категорически постановил вопрос о том, чего должны мы домогаться от Англии в отношении Средней Азии*****. Князь Лобанов намеревается 3-го числа января выехать из Петербурга к новому посту.

---

* читанном прежде

** снова

*** тому, который внушен не знаю кем наследнику цесаревичу.

**** никакой выгоды оставлять

***** *Первоначальный текст после слов «сохраняя за собою такую же свободу действий»*: «По географическим и другим условиям мы не можем воспользоваться такою свободой действий, не можем приобрести в тех краях таких новых выгодных положений, которые уравновесили бы наше положение с теми приобретениями, которые могут быть достигнуты англичанами. Эту точку зрения я настойчиво объяснил в присутствии наследника цесаревича; Государь, так же как и князь Горчаков, и Гирс, и князь Лобанов, вполне усвоил себе ту

Между тем предположенное назначение Нелидова в Афины расстроилось вследствие его собственного отказа от такого назначения. Придумывают новые комбинации.

Конец 1879 года я провел тихо с семьей. Истекший год был для всех преисполнен забот и волнений всякого рода. Что-то принесет нам наступающий год?

же точку зрения, и хотя сделанные в проекте инструкции редакционные изменения далеко не исправили эту инструкцию в изложенном смысле, однако же уже довольно и того, что князь Лобанов выслушал лично и понял, как кажется, сущность дела. Он благодарил меня за то, что я категорически поставил вопрос о том, какого именно относительного положения должны мы желать и домогаться в Средней Азии».

1880-й год

3-го января. Четверг. — Первые два дня нового года прошли бесследно. Вчера вечером я был опять в 3-й военной гимназии на драматическом представлении воспитанников старшего возраста.

Сегодня, после доклада, заехал я в Министерство иностранных дел, чтобы повидаться и переговорить с Н.К. Гирсом, а к полудню пригласил меня к себе наследник цесаревич, чтобы переговорить по поводу поданной Его Высочеству записки флигель-адъютантом капитаном 1-го ранга Барановым о средствах борьбы нашей с Англией на море. Баранов, на днях только приговоренный морским военным судом к отставлению от службы за дерзкие его выходки против морского начальства[129], находится под покровительством наследника цесаревича; он был главным деятелем в деле устройства «добровольного флота»[130] и навлек на себя* гонение со стороны Морского министерства систематическою оппозицией «поповкам». Баранов полагает, что в случае войны самым чувствительным для Англии орудием в наших руках будут крейсеры; а потому предлагает значительно увеличить число их, иметь несколько быстроходных, вооруженных подводными самодвижущимися минами. С этой целью рекомендуются вновь изобретенные одним русским механиком подводные лодки, которые, по уверению Баранова, превосходят все, что до сих пор было изобретаемо в этом роде, простотою конструкции, дешевизной и действительностью. Одна такая лодка, сделанная для образца, показывается в Гатчине на пруде перед дворцом[131]. Баранов очень уговаривал меня съездить посмотреть эту лодку; сам наследник намерен ехать в Гатчину на будущей неделе.

Его Высочество пожелал посоветоваться со мной о том, каким путем можно было бы провести предположение Баранова, минуя Морское министерство. После довольно продолжительного обмена мыслей мы пришли к заключению, что собственно подводными лодками может заняться и Военное министерство,

* явное

в видах усиления обороны приморских крепостей; раз что эти лодки будут приняты в инженерном ведомстве и окажутся действительно удачными, Морское министерство несомненно воспользуется ими, тем более что в этом деле имя Баранова может быть совершенно устранено. Расходов значительных на это дело не потребуется, и потому инженерное ведомство не затруднится принять его на свою смету. Гораздо труднее решить вопрос о приобретении новых крейсеров по значительности требуемых на это денежных средств. Я все-таки советовал попробовать, не удастся ли и в этом деле оставить на первое время в стороне имя Баранова, а приготовить записку от Общества добровольного флота и прямо представить ее Государю. Наследник цесаревич при этом сказал мне, что генерал-адъютант Лесовский оставляет должность управляющего Морским министерством и что его место вероятно займет контр-адмирал Пещуров. В таком случае, по мнению Его Высочества, может быть, удастся подействовать и на самого генерал-адмирала в пользу предпринимаемого развития средств добровольного флота.

Кроме этого дела наследник цесаревич разговорился о разных других предметах, не исключая и вопросов политических. В первый раз случилось мне иметь с Его Высочеством продолжительный и серьезный разговор*.

5-го января. Суббота. — Вчера был у меня К.П. Победоносцев, с которым имел я длинный разговор по делу, обратившему на себя** внимание наследника цесаревича. Во время этого разговора получил я от Государя для прочтения телеграмму, которою английское министерство сообщает лорду Дефферину известие о том, будто бы туркмены в больших силах напали на гарнизон наш в Чикишляре и*** вытеснили его из этого поста. Известие это как-то подозрительно: трудно себе объяснить, как и куда могла отступить эта горсть людей, оставленных на Чикишлярском посту, если неприятель был так многочислен, что выбил наш гарнизон. Вероятно, узнаем вскоре, как было в действительности.

Сегодня, после своего доклада, присутствовал я при докладе Гирса. Сам канцлер не приехал по болезни; может быть, сказался

---

* *Первоначальный текст после слов «...цесаревич разговорился о разных других предметах»*: «даже о политических вопросах. В первый раз случилось мне слышать от Его Высочества продолжительный и связный разговор и, признаюсь, я был предельно изумлен слышать от него дельные и разумные суждения».

** особенное

*** принудили его покинуть этот пункт

больным, как полагает и Гирс. Потом участвовал в заседании соединенных департаментов Государственного совета, а к обеду был приглашен в Зимний дворец. Обед был почти фамильный: наследник с цесаревной, великий князь Владимир Александрович с Марией Павловной и великий князь Алексей Александрович; затем были, кроме меня, приглашены граф Адлерберг и Гирс. Пред самым обедом получена телеграмма из Канна: состояние здоровья императрицы возбуждает большие опасения. На днях едет туда граф Адлерберг, чтобы распорядиться о возвратном переезде больной в Петербург. Все спрашивают себя: как выдержит она такое путешествие в настоящую суровую зиму. Не везут ли ее только для того, чтобы здесь похоронить?

6-го января. Воскресенье. — Обычного крещенского *парада* не было; Государь, по нездоровью, слушал обедню в Малой церкви с великими княгинями* и небольшим числом близких лиц; все же прочие особы Императорской фамилии были в Большой церкви, где служил митрополит и откуда направился своим порядком крестный ход на Иордань.

Заезжал ко мне Сабуров, чтобы проститься пред отъездом к новому посту в Берлин. Мы имели продолжительный разговор, преимущественно** касательно постановки, при предстоящих переговорах с Бисмарком, вопроса о проливах.

Обычный воскресный вечер у нас в доме был на сей раз закончен появлением наряженных, которые протанцовали весело под импровизованную музыку на фортепиано.

9-го января. Среда. — В понедельник было первое в новом году заседание Государственного совета. Вновь назначенный членом Совета великий князь Алексей Александрович занял, по особому высочайшему указанию, место против председателя с правой стороны столика, заменяющего трибуну; слева сел Валуев, также по особому повелению, хотя прежний председатель Комитета министров имел место свое вместе с прочими членами Государственного совета, по старшинству.

Вчера, во вторник, после моего доклада я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Читался проект общей инструкции новому послу в Берлине Сабурову[132], приготовленной независимо от той частной и секретной инструкции, которая была уже прежде составлена собственно относительно предстоящих перего-

---

* где был и я с небольшим числом близких лиц.

** о том, как должен быть поставлен вопрос о проливах при предположенных переговорах с Бисмарком.

воров с князем Бисмарком. Эта общая инструкция написана бароном Жомини также изящно и также легковесно, как все, что выходит из-под его плодовитого пера. Это мастерской очерк настоящих политических отношений, но без всяких положительных, категорических указаний; это могло бы служить прекрасною передовою статьею для № газеты на новый год. Барон Жомини, со своей стороны, жалуется на то, что он не получает ни от кого положительных указаний о видах* нашей политики, а потому пишет наобум, по внушению собственного своего размышления. Гирс сказал мне, что в последние дни барон даже не виделся с князем Горчаковым и «будирует» старика, который, без своей правой руки, чувствует полную беспомощность и вовсе перестал заниматься делами. Барон Жомини начал присылать ко мне на просмотр свои работы прежде отсылки их к канцлеру. Так он сегодня прислал мне черновой проект инструкции, приготовленной для нового посла в Вену — Убри. Этот проект совершенно** сходен с утвержденным вчера же проектом инструкции Сабурову. Я возвратил его барону без всяких замечаний.

В присланной мне вчера Гирсом телеграмме Зиновьева из Тегерана сообщается секретное сведение, переданное ему сепесаларом о предложениях, сделанных персидскому правительству английским посланником Томсоном занять Герат, но на таких условиях, которые поставили бы Персию в вассальные отношения к Англии и во враждебные к нам. По желанию Гирса я сообщил ему мое мнение о том, в каком смысле посланнику нашему в Тегеране следовало бы отвечать персидскому первому министру. Мнение это принято Гирсом и сегодня же отправлена ответная телеграмма Зиновьеву, редактированная по обоюдному нашему соглашению. Вместе с тем согласились мы и относительно ответа персиянам на заявления их относительно мнимого их права на Мерв. Очевидно, что англичане очень хитро стараются втянуть персиян в сферу своих замыслов, явно направленных против нас[133].

В понедельник я был приглашен на обед к английскому послу вместе с моей женой; но мы оба уклонились от этого приглашения под вымышленными предлогами, отчасти чтобы избегнуть скучных, натянутых и неискренних разговоров, отчасти же и потому, что вечером того же дня была назначена генеральная репетиция представления, которое затеяли мои домашние и друзья. Я пригласил на это представление до 40 воспитанников 3-й военной

---

* и намерениях

** в том же духе и стиле

гимназии, — именно всех тех, которые были действующими лицами в разных драматических и музыкальных пьесах на бывших в гимназии трех вечерах. Мне хотелось чем-нибудь побаловать этих милых* ребятишек. Один из них, Сеславин, прекрасно продекламировавший на последнем вечере в гимназии стихотворение Пушкина «Скупой рыцарь», предложил мне повторить это представление у нас; мигом съездил он за костюмом и, неожиданно для всех присутствовавших, мастерски сыграл свою пьесу. Вчера же, во вторник, было уже настоящее представление пьесы «Осадное положение»; приглашенное общество, по-видимому, осталось довольно исполнением.

Сегодня, после обычного заседания в Военном совете, я опять обедал во дворце с Гирсом, барон Шернвалем и генерал-адъютантом Аминовым. За обедом были великие князья Алексей и Павел Александровичи; последний только что возвратился из Канна; здоровье императрицы продолжает возбуждать большие опасения. Тем не менее решено** перевезти ее в Петербург.

11-го января. Пятница. — Вчера после доклада заехал в Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища[134] — заведение вновь устроенное или, лучше сказать, преобразованное***. Сегодня же объехал Пажеский корпус, приготовительные его классы и Юридическую академию, где слушал лекцию профессора Кавелина.

По случаю оставления бароном Лангенау поста австро-венгерского посла в Петербурге, сегодня, в честь его, дан обед в Зимнем дворце; я был в числе приглашенных.

Телеграммы, полученные из Тифлиса и Тегерана, положительно опровергают пущенное английскими газетами известие о нападении текинцев на Чикишляр. Было только в конце декабря нападение на транспорт с провиантом, верстах в 80 от Чикишляра; но дело это не имеет никакой важности, — очень обыкновенное в туркменских степях.

12-го января. Суббота. — После доклада я был в заседании соединенных департаментов Государственного совета; потом посетил меня граф Комаровский, только что приехавший из-за границы и желавший передать мне собранные им сведения относительно военных приготовлений Германии. Граф Комаровский — москвич, но больше живет за границей; построил православную

---

* детей и юношей, к которым чувствую особенную нежность.

** окончательно

*** оно составляет как бы sucursale Пажеского корпуса.

церковь в Праге, а теперь намерен основать в Вене газету в славянском направлении. Он убежден в том, что Германия вместе с Австрией готовится к войне с нами; слышал, будто Бисмарк во время пребывания своего в Вене заводил речь о присоединении Саксонии к Пруссии, с вознаграждением саксонской династии другим престолом, что сходится с рассказом генерала Тухолки, приехавшего на днях из Царства Польского и передавшего мне распущенные между поляками слухи о намерении Бисмарка восстановить Королевство Польское в пользу Саксонского дома.

От князя Бисмарка можно ожидать самых* несбыточных затей. Но, по мнению многих (разделяемому, кажется, Государем и великими князьями), все воинственные демонстрации германского канцлера против России имели целью только подготовить общественное мнение к** решенному усилению германской армии 11-ю новыми полками и 32 батареями.

14-го января. Понедельник. — В Общем собрании Государственного совета прошли наконец два дела, которые тянутся уже несколько лет, несмотря на все настояния Военного министерства: о выдаче ссуд городам и земствам на постройку казарм и положение об офицерах запаса[135]. По обоим делам были заявлены в собрании лишь неважные замечания. После же общего собрания обсуждались три дела в Особом присутствии по воинской повинности.

Был у меня генерал Скобелев; мы имели довольно длинный разговор о приготовлениях и планах новой экспедиции против текинцев в случае, если б состоялось предположение о назначении его, Скобелева, начальником отряда[136].

15-го января. Вторник. После своего доклада присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Не было ничего важного; теперь более всего для нас интересно узнать, как встретит Бисмарк Сабурова.

После доклада был я на смотру Кирасирского Е. В. полка в манеже и*** потому пропустил заседание Комитета министров.

Вечером ездил на первый официальный прием у французского посла.

21-го января. Понедельник. — Ровно неделю не заглядывал в свой дневник. Не было ничего заслуживающего внимания: в политике какое-то затишье; идет переписка об обмене для черногорцев Гусиньи и Плавы на другие участки, прилегающие к

---

* смелых

** объявленному ныне решению германского правительства.

*** под этим предлогом

южной границе[137]. У нас здесь ежедневные смотры полкам, приведенным из загородного расположения; смотры крайне однообразные и бесполезные.

Сегодня я должен был обедать у германского посла; но вместо того был приглашен к обеду в Зимний дворец. Ожидают послезавтра приезда императрицы, которая уже выехала из Канна и благополучно проследовала чрез всю Францию. Сегодня были известия о проезде ее чрез Кёльн.

22-го января. Вторник. — Первые известия, которых ожидали мы с нетерпением из Берлина от Сабурова, наконец, получены, но увы — весьма неуспокоительные. Сабуров жалуется, что Бисмарк, приехавший как нарочно в Берлин, прислал к нему Радовица сказать, что не может принять Сабурова ранее, как чрез несколько дней. Это уже одно кажется Сабурову дурным знаком. К тому же Радовиц завел речь опять о дислокации наших войск в Царстве Польском, упрекая нас в том, что, несмотря на заявления германского правительства по этому предмету, мы все-таки не сделали никакого изменения в наших распоряжениях. Сабуров пишет, что он сделал резкое возражение на такое нахальное притязание, отказавшись совершенно входить в объяснения по делам нашего внутреннего военного управления. Тем не менее подобный разговор Радовица, при одном из первых свиданий с нашим новым послом, кажется недобрым предзнаменованием. Такой прием представляется особенно странным и неожиданным после предшествовавших дружеских бесед Бисмарка с Сабуровым[138]. По прочтении письма Сабурова (князем Горчаковым) Государь, по-водимому, все еще успокаивает себя предположением, что германский канцлер считает нужным* продолжать разыгрывать комедию мнимой враждебности России к Германии для того, чтоб вернее провести закон об усилении армии, зная, как эта мера непопулярна в Германии. На днях король Саксонский, в разговоре с Нелидовым, не скрыл своего недоверия к германскому канцлеру и его политическим затеям; но объяснил усиление армии преимущественно опасениями со стороны Франции и Италии.

На днях, при ночном обыске в одном доме, в Петербурге, случайно напали на типографию во время самой работы; печатались листки революционного издания «Народная воля». В квартире находились пятеро, в том числе две женщины; все они пробовали обороняться револьверами, но все-таки были взяты, кроме одного, успевшего застрелиться[139]. Случай этот составляет предмет общих

---

* еще

толков в городе уже несколько дней. Предполагают, что лишивший сам себя жизни был одним из главных деятелей подпольной работы. Однако ж до сих пор еженочные обыски и беспрестанные аресты не привели ни к какому положительному результату и только увеличивают общее неудовольствие и ропот. Никогда еще не было предоставлено столько безграничного произвола администрации и полиции*. Но одними этими полицейскими мерами, террором и насилием едва ли можно прекратить революционную подпольную работу, принявшую уже такие значительные размеры. Трудно искоренить зло, когда ни в одном слое общества правительство не находит ни сочувствия к себе, ни искренней поддержки. Грустно видеть, какими мерами считается необходимым охранять особу Государя, который ездит не иначе, как окруженный конвоем; шеф жандармов, генерал-губернатор, градоначальник и даже министр внутренних дел также ездят по городу с казаками.

Сегодня в манеже был последний смотр войскам гвардии.

23-го января. Среда. — Императрица прибыла благополучно в Петербург в 4 часа; Государь с сыновьями и невестками встретил больную в Гатчине. Строго было запрещено кому-либо находиться на воксале или во дворце, чтобы не обеспокоить императрицу. Однако ж граф Э.Т. Баранов, исправлявший в отсутствие графа Адлерберга обязанности министра двора, видел больную в то время, когда ее вынесли из кареты и внесли во дворец. Приехав ко мне прямо из дворца, он говорил, что был поражен ее худобою и истощенным видом. С императрицей приехали великий князь Сергей Александрович и герцогиня Эдинбургская Мария Александровна.

24-го января. Четверг. — После доклада ездил я в Аничковский дворец. К обеду был приглашен в Зимний дворец вместе с Гирсом и князем Сергеем Николаевичем Урусовым. Императрица, конечно, не выходила из своей комнаты; она слишком слаба и никого еще не видит. За столом же были герцогиня Эдинбургская Мария Александровна и три брата ее: Алексей, Сергей и Павел Александровичи. Государь опять чувствует лихорадочное состояние.

От Сабурова получено второе письмо, в котором он дает отчет о своем первом свидании с князем Бисмарком[140]. По-видимому, свидание это было холодное и бесцветное. Германский канцлер, предупрежденный, без сомнения, Радовицем, не затронул вопроса о дислокации русской кавалерии на прусской границе; но Сабуров сам навел речь на этот предмет и выразил свое удивление, что подобный неосновательный упрек со стороны германского прави-

* Думают, что можно одними этими

тельства, несмотря на данные нами неоднократные объяснения, возобновляется сызнова при каждом случае. Князь Бисмарк свалил все на прусский Генеральный штаб (подразумевая, собственно, графа Мольтке), которому будто бы наша дислокация не дает спать по ночам.

26-го января. Суббота. — Вчера мой сын[141] отправился в Англию, куда командирован для испытания новых приспособлений к паровозам (рутьерам), двигающимся без железных рельсов. Если испытание даст хорошие результаты, то предполагается употребить такие паровозы в значительном числе на первый раз в Закаспийской степи для перевозки тяжестей.

Сегодня, после моего доклада, я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Получены новые известия от Сабурова, которые, впрочем, немедленно по получении князем Горчаковым посланы им к Государю и от него к наследнику цесаревичу, так что ни я, ни даже Гирс не видали еще этих бумаг; по словам же Государя, Сабуров, донося о своих разговорах с князем Бисмарком, не затрагивал еще вопросов, составлявших предмет прежних его частных бесед с германским канцлером, который, по-видимому, не хочет теперь возобновлять переговоров, начатых им самим несколько месяцев ранее. Князь Горчаков прибавил, будто Бисмарк даже высказал Сабурову, что не слишком и дорожит удержанием за Германиею Эльзаса и Лотарингии[142]. Такому заявлению трудно поверить; можно полагать, что наш старик понял как-нибудь вкривь прочитанные наскоро донесения Сабурова. Непостижимо, как человек с такою репутацией ума и способностей может в старости добровольно снизойти со своего пьедестала и утратить даже чувство собственного достоинства. Князь Горчаков вовсе перестал заниматься делами; он только продолжает разыгрывать пред посторонними роль великого государственного человека; но уже не в силах сообразить самое простое дело. Приходя к докладу вместе с Гирсом, он приносит в своем портфейле две, три бумажонки о пожаловании кому-нибудь ордена или о перемещении какого-нибудь чиновника и затем передает Гирсу дальнейший доклад Государю и только тут впервые слышит сам докладываемые дела. Вся эта комедия повторяется при каждом докладе; но каково было мое удивление, когда сегодня, по окончании доклада, мы вышли из кабинета Государя и, когда князь Горчаков удалился, Гирс показал мне полученное им от Сабурова секретное, частное письмо, в котором он просит успокоить Государя относительно начатых с Бисмарком переговоров, но отнюдь не говоря о них ни слова нашему канцлеру. Недоверие Бисмарка князю Горчакову и его

камарилье так велико, что малейшая нескромность может расстроить все дело. Сабуров убедительно просит никому не говорить о начатых переговорах, кроме Государя и меня. Вот до чего доходит ненормальное положение нашей политики: серьезные дела дипломатические не иначе могут идти, как при условии совершенного устранения от них самого канцлера и его приближенных!!

Вместе с Гирсом ходил я в апартаменты императрицы, чтобы наведаться об ее здоровье. Нам дали прочесть утренний бюллетень, довольно успокоительный. Камердинер императрицы дополнил его некоторыми словесными рассказами и подал лист бумаги, чтобы записать наши имена. После того я заехал к баронессе Нине Карловне Пиллар, которая сообщила мне некоторые крайне грустные подробности о состоянии императрицы. По словам баронессы, императрица обратилась в скелет; не имеет сил даже двигать пальцами; ничем не может заниматься. Надобно полагать, что первая встреча с нею должна была произвести тяжелое впечатление на Государя, который с того дня также чувствует себя нехорошо, жалуется на лихорадочное состояние и слабость. Сегодня я нашел его заметно изменившимся*: лицо бледное, впалое, глаза поблекшие.

Сегодня была панихида по моему брату Николаю[143], но я не поспел к панихиде. Заехал в Военно-топографическое училище, чтобы сделать отеческое внушение юношам по случаю найденной на днях у одного из них пачки подпольных листков «Народная воля». Я счел нужным предостеречь их от вредных знакомств и влияния людей злонамеренных. Не знаю, произвели ли мои слова впечатление на юношей; не разыграл ли я роли повара в басне «Кот и Повар».

Пред обедом заехал ко мне министр финансов Грейг. Мы имели с ним продолжительный разговор о настоящем политическом положении. Грейг постоянно отвергает возможность войны. Не знаю, говорит ли он в этом смысле по убеждению или для того только, чтобы отказывать в отпуске сумм на военные расходы, вызываемые** возможною близостью войны.

28-го января. Понедельник. — Вчера Государю так нездоровилось, что отменены были и воскресный развод и прием представлявшихся. Сегодня ему лучше.

Вчера я присутствовал в Военно-юридической академии на защите диссертации одного молодого преподавателя гражданского права Гольмстена. Диссертация оказалась слабою.

---

* он бледен, опустился и слаб.

** неминуемо

Сегодня, после обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, присутствовал я в заседании Государственного совета. Оно кончилось очень рано; а на будущий понедельник, как нам объявлено, и совсем не будет заседания — «по неимению дел»!!* Чего же желать лучшего?

Бароном Жомини прислан мне на просмотр сочиненный им проект инструкции новому послу в Константинополе — Новикову, возвращенный мною с неважными лишь замечаниями. В препроводительном письме барон Жомини снова жалуется на свое положение: не получая никаких указаний от канцлера, не присутствуя при докладах у Государя, он должен** импровизовать по собственному вдохновению инструкции и ответы послам. Очевидно, барона гложет желание быть приглашаемым, вместе с Гирсом, к докладам в кабинет Государя.

Я прочел сегодня присланные мне Гирсом последние депеши Сабурова[144] . В одной из них нашел я следующие замечательные строки: князь Бисмарк, говоря о возможности войны с Россией или Австрией, сказал Сабурову: «Nous avons toujours la ressource de désintéresser la France en lui rendant le morceau que nous lui avons pris. Mais vous comprenez que c'est la une ressource à laquelle on n'a recours que dans les cas désespérés»***. — К этому Сабуров от себя прибавляет: «Je crois devoir relever cette réflexion que est riche d'enseignements pour les partisans de l'alliance franco-russe», etc.****

29-го января. Вторник. — В прошедшую ночь, в Петербурге, полиция еще накрыла одну подпольную типографию; захватили трех мужчин и одну женщину во время самой работы: они готовили новый листок, под нелепым заглавием «Черный передел»[145].

Здоровье Государя поправляется; он возвратил мне сегодня составленную генералом Обручевым дельную записку о распределении наших сил в случае войны с Германией и Австрией; изложенные в ней соображения одобрены Его Величеством[146]. По этому случаю Государь снова выразил свое мнение, что не верит воинственным намерениям, приписываемым Германии, тем не

---

* Вот до какого апатического и пассивного усыпления дошла наша высшая администрация!

** писать, редактировать инструкции послам и депеши.

*** «У нас есть верное средство вывести Францию из игры, вернув ей тот кусок, который мы у нее взяли, но вы понимаете, что это средство таково, что к нему можно прибегнуть только в крайнем случае» (*фр.*).

**** «Я думаю, что я должен раскрыть это соображение, которое может быть поучительно для всех сторонников франко-русского союза» (*фр.*).

менее соглашается в необходимости заняться неотлагательно приведением наших западных крепостей в большую готовность к обороне.

В Комитете министров я должен был отстаивать представление Военного министерства о дозволении ввозить беспошлинно заграничную калиеву селитру, насколько это будет признано необходимым для пополнения всей годичной потребности нашей в селитре. Как и следовало ожидать, представление это встретило сильное возражение со стороны министра финансов. Однако ж Комитет постановил довольно благоприятное решение. Я должен был оставить Комитет среди заседания, по случаю полученного приглашения от наследника цесаревича приехать к нему в $2^1/_2$ часа. Его Высочество снова советовался со мной по делу, лично его занимающему, о развитии добровольного флота в видах увеличения числа крейсеров. Я советовал предварительно переговорить с министром финансов и затем уже подать Государю составленную Барановым записку[147].

30-го января. Среда. — В Военном совете сегодня обсуждался проект учреждения в мирное время корпусных интендантских управлений, в виде приготовительной меры для формирования в военное время органов полевого интендантского управления. После долгих споров предложено мною отложить окончательное решение вопроса до рассмотрения нового положения об устройстве полевых управлений в военное время[148].

Обедал я во дворце с графом Барановым и прибывшими из разных мест генералами: графом Лорис-Меликовым, Скобелевым и Гурчиным. Последний привез с Кавказа предположения о будущих военных действиях в Закаспийском крае[149].

2-го февраля. Суббота. — В ожидании приезда князя Александра Болгарского, возобновились суждения о положении дел в том крае. Полученные мною письма от Шепелева и Паренсова предвещают, что князь едет с намерением убедить Государя в необходимости неотлагательного coup d'état, т. е. отмены конституции, а вместе с тем будет просить о* назначении кого-либо другого на место Паренсова, с которым князь и его приближенные не ладят. Шепелев и Паренсов, предвидя эти происки, подкрепляемые последними донесениями Давыдова, просят отвратить удар, могущий быть бедственным для юного княжества[150]. Письмо Шепелева я давал прочесть Гирсу и прочел самому Государю; но, к сожалению, заметил, что последняя депеша Давыдова, писанная им

* замене

как бы на прощание с Болгарией, произвела впечатление как на Государя, так и на наследника. Последний сильно предубежден против Паренсова. Конечно, я старался разъяснить дело иначе. Сегодня при докладе князя Горчакова и Гирса возобновился разговор о разномыслии между дипломатическим и военным агентами нашими в Софии. Гирс, конечно, выгораживает Давыдова. Государь, однако же, решил, чтобы мы втроем: Гирс, князь Дондуков и я собрались для совещания по болгарскому вопросу. Сегодня же происходило это совещание у меня пред обедом. Князь Дондуков* горячо доказывал Гирсу односторонность взглядов Давыдова и вредные для нашего влияния в Болгарии последствия всякого насильственного переворота. Отнять у Болгарии дарованное ей под русским знаменем политическое устройство значит играть в руку австрийцам и другим врагам славянства и нашим. Гирс защищался слабо; но мы отложили письменное изложение результатов нашего совещания до приезда Шепелева. Ожидали его сегодня, так как он намеревался приехать за день до князя. Утром было даже во дворце фальшивое известие, будто и сам князь уже приезжает сегодня. Великий князь Сергей Александрович поспешил поехать навстречу ему на станцию железной дороги; однако ж возвратился один, а вечером получена из Москвы телеграмма, что князь Болгарский приедет только 4-го февраля, т. е. в понедельник, вместе с Шепелевым.

Был у меня граф Тотлебен, приехавший из Одессы, и министр юстиции Набоков, лечившийся за границей. В Петербург съезжаются все власти к 19 февраля. Из всех генерал-губернаторов и командующих войсками в округах останутся на своих местах только двое: Казнаков — в Омске и Кауфман — в Ташкенте.

Гирс показывал мне частное письмо, вновь полученное им от Сабурова, который на днях должен уже приехать сюда с личным докладом о своих переговорах с Бисмарком; он просит держать в полной тайне от канцлера цель приезда.

Из Ташкента получена телеграмма, что Абдурахман-хан утвердился** в Бадахшане и намерен двинуться на Кундуз[151].

Сегодня же утром заезжал я к Победоносцеву, чтобы переговорить по делу о развитии «добровольного флота» и о подводных лодках Джевецкого, а потом осматривал в Главном инженерном управлении, привезенные инженер-генерал-майором Берхом, модели грюзоновских башен и батарей[152].

---

* конечно

** целом

3-го февраля. Воскресенье. — Были у меня болгарин Минков и посол наш в Берлине Сабуров. Первый, приехавший сюда из Николаева, по случаю ожидаемого прибытия князя Болгарского, пространно объяснял мне свои мнения о настоящем положении Болгарии и необходимость для князя оставаться на легальной почве конституции, держась нейтрально между разными партиями, интригующими друг против друга, т. е. подтверждал все то, что постоянно толкую я Гирсу, на основании сведений, получаемых от Шепелева и других наших русских военных, и вопреки воззрениям Давыдова. Мнение Минкова в этом случае должно иметь вес, потому что это человек умеренный, не принадлежащий ни к которой партии.

Сабуров сидел у меня очень долго и подробно сообщил мне, в чем состояли его объяснения с князем Бисмарком. По словам нашего посла, можно надеяться на заключение самых выгодных для нас условий с Германией; князь Бисмарк сам* склонен к установлению полной солидарности между нами, как относительно Эльзаса и Лотарингии, так и по вопросу, особенно нас заботящему — о проливах в Черном море, то есть с обоюдным обеспечением Германии против Франции и России против Англии. Но Бисмарк ставит два непременных условия**, чтобы втянуть в наше соглашение Австрию, от которой он не может отделиться, и чтобы держать переговоры совершенно в тайне от князя Горчакова. Последнее условие всего труднее будет исполнить: захочет ли Государь устранить нашего канцлера? Еще в Ливадии он сказал как-то Гирсу: «Je ne veux rien faire derrière le dos du chancelier!»*** В этом-то, по-видимому, второстепенном условии Сабуров и видит главный камень преткновения для дальнейшего хода начатого дела. Он приготовил записку для Государя и предполагает просить, чтобы записку эту не показывать князю Горчакову[153]. Я советовал Сабурову даже не представлять записку, пока не получит согласия Государя на ведение дела в тайне от князя Горчакова.

4-го февраля. Понедельник. — После обычного своего приема в канцелярии Военного министерства заехал расписаться у приехавшего сегодня утром князя Болгарского, а затем был на панихиде по умершем вчера бароне Ливене. Служба свела меня с ним еще в 1835 году, когда, по окончании курса в Военной академии, я поступил в Гвардейский генеральный штаб. Тогда полковник барон Ливен был уже обер-квартирмейстером всей пехоты Гвардейского

---

* вызывается на установление

** осуществления этого соглашения

*** «Я ничего не хочу делать за спиною канцлера» (*фр.*).

Барон В.К. Ливен

корпуса[154]. Он был любим всеми товарищами и подчиненными; отличался добродушием и приятным обращением; но не имел твердых убеждений, в душе был остзейский барон. Его любил покойный Государь Николай Павлович, который почему-то считал его большим стратегом и давал ему нередко политические поручения за границу, требовавшие ловкости и гибкости. При настоящем Государе барон Ливен обратился более на придворную службу и в последние годы занимал должность обер-егермейстера. Он пережил всю свою семью: жену, двух дочерей и сына. Скончался он на 80-м году жизни.

Были у меня приехавшие с князем Болгарским флигель-адъютант Шепелев и подполковник Тимлер, занимающий в Болгарии должность товарища военного министра. Они подтвердили все то, что было уже* мне известно об отношениях князя Алек-

* отчасти

сандра к Паренсову, к русским офицерам и вообще о положении дел в крае.

5-го февраля. Вторник. — 10 часов вечера. Сейчас возвратился из Зимнего дворца, где нашел страшный переполох по случаю взрыва в самом дворце, произведенного, как надо полагать, миною, подложенною под помещением главного караула[155]. Караульное это помещение приходится как раз под теми двумя залами, где, в отсутствие императрицы и во время ее болезни, накрывается обеденный стол для царской семьи. Сегодня назначен был общий фамильный обед по случаю приезда принца Александра Гессенского — брата императрицы и отца князя Болгарского. Взрыв произведен в 6 часов 20 минут, т. е. в такое время, когда обыкновенно сидят за обедом; взрывом этим пробит свод караульного помещения, приподнят пол той залы, где обыкновенно сидят после обеда, а в самой столовой треснула стена; вместе с тем разбиты окна во всех трех этажах; перебита посуда на обеденном столе, но, что прискорбнее всего, убито 9 солдат караула (лейб-гвардии Финляндского полка) и ранено более 40 человек. По счастливой случайности обед был сегодня назначен несколько позже обыкновенного, в ожидании прибытия принца Гессенского с 6 часовым поездом, так что взрыв произошел именно в то мгновение, когда Государь встретил и обнял принца в Фельдмаршальском зале. Взрыв был так силен, что его слышали не только в окрестных зданиях, но и живущие на Мойке. Вместе со взрывом погасло в залах и коридоре газовое освещение. Другое счастливое обстоятельство: императрица почивала так крепко, что даже не слышала взрыва и до сих пор не знает об этом страшном происшествии; ей сказали, что случился взрыв газа.

Фельдъегерь прискакал ко мне из дворца с известием о случившемся происшествии. Немедленно же я поехал во дворец; на площади и на дворцовом дворе находились пожарные части; во дворце, по лестнице и в коридоре — суета, беспорядок, грязь, запах газа. В коридоре я нашел большую часть царской семьи; тут же встретился с принцем Гессенским и обоими его сыновьями: князем Болгарским и младшим его братом, служащим в английском флоте. Государь позвал меня в кабинет*. Как и в других, прежде бывавших подобных случаях, он сохранил полное присутствие духа, видя в настоящем случае новое проявление перста Божьего, спасающего его в пятый уже раз от злодейских покушений. Настоящий случай как-то особенно поразителен. Всякому приходит

* он был спокоен и, как всегда бывало в подобных случаях, спокоен и грустен.

на мысль — где же можно искать спокойствия и безопасности, если в самом дворце царском злоумышленники могут подкладывать мины. Постепенно коридор дворца наполнялся приезжавшими, спешившими выказать свое участие и удовлетворить любопытство. Мне надоело слышать и говорить все одно и то же со всяким вновь приезжавшим; я пошел осмотреть залы, под которыми произведен взрыв, а потом* спустился и в самое помещение караула. Там усердно работали при свете факелов и фонарей**, чтобы открыть следы подкопа или мины. Тут же были лица судебного ведомства, сам министр юстиции, генерал Дрентельн и множество всякого люда. Все толковали, расспрашивали, высказывали разные предположения. Ходили уже разные легенды и сплетни. От многих я слышал (в том числе от принца Гессенского), будто кто-то выстрелил из пистолета в одну из придворных карет, когда принц и сопровождавшие его особы царской фамилии подъезжали ко дворцу. Говорили, что карета, к счастью, была пустая, что выстреливший арестован. Были и другие, еще более сомнительные рассказы. Думаю, что все это только выдумки: у страха глаза велики***.

Возвращаюсь, однако же, к сегодняшнему утру. После своего доклада у Государя я оставался при докладе князя Горчакова и Гирса. Государь сказал нам, что князь Болгарский, узнав о совещаниях наших по делам Болгарии, выразил желание, чтобы мы переговорили с ним прежде, чем докладывать Государю о результате наших суждений. Кроме того, говорилось о делах персидских, китайских, а также о том, что по первым донесениям князя Лобанова из Лондона видно нежелание английских министров входить с нами в объяснения по азиатским делам. Они не находят нужным связывать себя в действиях, ils veulent avoir les coudées franches****.

Когда мы все трое вышли из государева кабинета Гирс шепнул мне на ухо, что ему приказано подождать в приемной после удаления канцлера. Чрез несколько минут его позвали опять в кабинет, и тут Государь, глаз на глаз, стал говорить ему о том, что накануне доложено было Сабуровым. По-видимому, Государь сам убедился в невозможности вести успешно переговоры с Бисмарком иначе, как с устранением князя Горчакова. Гирсу приказано приехать

---

* и самое место взрыва под помещением караула.

** раскапывали и разбирали это место, где <можно б> предполагалось

*** Тем не менее не скрою от себя, что и я возвратился домой с тяжелыми впечатлениями.

**** Они хотят иметь развязанные руки (*фр.*).

снова во дворец к 2-м часам, чтобы прочесть секретную записку, представленную Сабуровым[156]. Условлено ничего не говорить об этой записке князю Горчакову и сообщить ее только мне одному.

Из дворца заехал я в Комитет министров, где у меня было дело; но я пробыл там не более получаса и поехал к Сабурову, с которым снова имел продолжительный разговор. Мы обменялись мыслями и предположениями относительно дальнейших переговоров в Берлине и Вене.

К 3 $^{1}/_{2}$ часам предположено было второе совещание по делам болгарским. С этою целью съехались ко мне Гирс, князь Дондуков и Шепелев. Пришлось опять поспорить с Гирсом, который не может высвободиться из-под влияния ложных воззрений Давыдова. Гирс считает достаточным повторить князю Болгарскому прежний совет — оставаться на легальной почве; мы же все трое доказывали ему, что подобная слишком общая фраза ничего не определяет в практическом исполнении; что нужно водить молодого князя на помочах; что необходимо его отклонить от разных вредных и невыгодных для нас стремлений и затей. После долгих и горячих споров было условлено, что Гирс повидается с князем Александром и постарается сперва выведать от него, с какими вопросами, предложениями и желаниями прибыл он в Петербург; затем уже обсудить, в каком смысле нужно составить записку для представления Государю. На этом мы разошлись; но я все-таки просил Шепелева неотлагательно приступить к редактированию записки по условленной между нами программе.

После совещания Гирс сказал мне à parte*, что был у Государя, что записка Сабурова была прочитана**, что по приказанию Государя, она будет мне сообщена с тем, чтобы потом нам собраться у Государя для обсуждения записки, в присутствии самого Сабурова. Вечером я получил записку от Гирса и прочел ее. В ней изложена сущность разговоров Сабурова с Бисмарком и приложены набросанные предварительно условия, на которых германский канцлер считает возможным установить соглашение между тремя империями. Если Бисмарк ведет дело искренно, без каких-либо задних мыслей, то, по моему мнению, мы не можем желать ничего лучшего.

6-го февраля. Среда. — В 11 часов утра я поехал на вынос тела покойного барона Ливена; лютеранский пастор своею длинною немецкою речью продержал нас довольно долго, так что, едва

---

* По секрету (*фр.*).

** и одобре<на>

возвратившись с печальной церемонии, я поспешил во дворец, где был назначен в час пополудни съезд к молебствию. Залы запасной половины дворца переполнились военными и гражданскими чинами и дамами; Государь и царская семья были приветствованы восторженными криками «ура». О вчерашнем происшествии узнал я некоторые новые подробности, между прочим, что взрыв произведен из помещения, где жили мастеровые, из числа которых один столяр, получивший в тот самый день расчет, ушел и скрылся[157]. Полагают, что мина была положена им в печку. По окончании церемонии императрица позвала к себе мою дочь и поручила ей съездить в госпитали и осмотреть вчерашних раненых.

Из дворца отправился я в Военный совет, где обсуждался проект нового положения об эмеритальных пенсиях. Блестящее состояние эмеритальной кассы позволяет ввести в положение многие* новые льготы и увеличить самый размер пенсий. Вновь составленное положение предполагается объявить в день 19-го февраля. Поэтому необходимо было неотлагательно рассмотреть проект и для этого мы просидели в Совете до шестого часа. Было много споров, но в конце концов проект прошел почти без изменений[158].

8-го февраля. Пятница. — Пользуясь свободным утром по пятницам, я и сегодня с 10 часов утра ездил по военно-учебным заведениям. В 1-м часу, когда я был в Юнкерском училище на Петербургской стороне, прискакал дежурный при мне фельдъегерь с известием, что Государь требует меня к себе к 12 часам. Назначенный час уже прошел; я поспешил прямо во дворец, как был в сюртуке. Приехав туда узнал, что Государь назначил совещание о мерах, какие нужно принять вследствие последнего злодейского покушения. В совещании участвовали, кроме наследника цесаревича, Валуев, Дрентельн, Маков, граф Адлерберг и я. Государь, объяснив цель совещания и невозможность терпеть долее такое ненормальное положение в самой столице, предложил на обсуждение предположения, возбужденные *некоторыми* лицами (кто эти лица — не знаю; догадываюсь, что должен быть Трепов, а, может быть, и граф Адлерберг**), а именно: 1) нужно ли сохранить в Петербурге должность временного генерал-губернатора, учрежденную в прошлом году в видах усиления местной власти, но, к сожалению, не оправдавшей ожиданий, и 2) не следует ли учредить особую следственную комиссию или принять другие чрезвычайные (экстралегаль-

---

* важные

** или другие

ные — как выразился Государь) меры по случаю последнего злодейства. На эти вопросы высказались различно: Дрентельн и Маков — в пользу упразднения генерал-губернаторства, но против следственной комиссии; кроме того, Маков говорил о каких-то мерах строгости, не определяя, каких именно; Валуев — очень длинно и с обычною своею фразеологиею говорил в защиту и генерал-губернатора, и градоначальника, и полиции; с пафосом призывал на помощь все «общественные силы» и предлагал подобные отвлеченные, неуловимые меры; граф Адлерберг что-то отрывочно говорил против формальностей, против стеснительности существующих законов и судебного порядка, в особенности настаивал на том, чтобы арестованным но политическим преступлениям* на допросах не дозволять отмалчиваться, а *заставлять* их высказываться; Государь прервал его, спросив с неудовольствием: каким же образом заставлять? разве пыткою? Мне говорили, что слово — пытка было действительно не только на уме некоторых господ, но даже на языке; и кто же первый имел смелость произнести это страшное слово? — Принц Петр Ольденбургский!! Наследник, со своей стороны, настаивал на учреждении следственной комиссии, ссылаясь на пример бывшей комиссии под председательством графа Муравьева[159], и явно высказывал недоверие свое к III отделению. Я опровергал пользу следственной комиссии** и вообще бесполезность всяких экстралегальных мер, которые не ведут к желанной цели, как достаточно убеждает опыт. Вместе с тем объяснял свое мнение о неудобстве в столичном управлении двух инстанций — генерал-губернатора и градоначальника и пришел к тому заключению, что самая слабая наша сторона заключается в низших органах полиции, в исполнителях и ближайшем надзоре; что не следует жалеть денег и поощрений, чтобы иметь способных и надежных агентов тайной и явной полиции.

Привожу только сущность говоренного в этом совещании, но касались еще многого: и разрозненности полицейских властей и строгого обыска *всех* живущих в столице и ответственности домохозяев за квартирантов и проч., и проч. Трудно поверить, до каких нелепостей доходят люди, когда хотят во что бы ни стало выказать свое усердие и государственный взгляд, не имея в голове никакой ясной мысли. Государь заключил совещание, приказав нам опять собраться и потолковать между собой, а пока пригласил в кабинет генералов Гурко и Зурова, чтобы прочесть при них формальный

---

* <понуждать> <на следствиях>

** при настоящих обстоятельствах

акт произведенного дознания о происшествии 5-го февраля, с показанием экспертов относительно взрыва. Тут опять говорилось о разных подробностях, о личностях, живущих в подвалах и нижнем этаже дворца, об исчезнувшем столяре и т. д. Государь показывал нам найденные, при арестовании некоторых личностей, кроки[160] расположения Зимнего дворца. О том же, что главная вина случившейся катастрофы должна пасть на дворцовое начальство*, о беспорядке во дворце, о беспечности министра двора, конечно, не могло быть и речи в присутствии самого графа Адлерберга — друга царского.

Расходясь после совещания, мы сговорились опять сойтиться завтра в помещении Комитета министров.

9-го февраля. Суббота. — По окончании моего доклада приглашены были в кабинет Государя князь Горчаков и Гирс. В докладе их не было ничего любопытного: прочтены телеграммы из Пекина и Тегерана и ответы на них, составленные по предварительному между Гирсом и мною соглашению. Дела с Китаем усложняются; в Пекине не хотят ратификовать договор, заключенный китайским послом в Петербурге[161].

Гирс имел разговор с князем Болгарским, который уверял, что вовсе не имел приписываемых ему намерений ни относительно насильственного переворота (coup d'état), ни о допущении в болгарские войска немецких офицеров и уверял в полной своей преданности России. Впрочем, князь Александр сказал, что при настоящих обстоятельствах считает вовсе неуместным даже заводить речь о болгарских делах не только с Государем, но даже и с отцом своим.

После доклада князя Горчакова и Гирса Государь приказал мне остаться и пригласил в кабинет генерала Дрентельна для прочтения записки, представленной следственной комиссиею о бывшем 5-го февраля происшествии[162]. Дело это начинает несколько выясняться. Есть довольно явные признаки того, что лицо, скрывшееся в день взрыва, было в самом деле не простым мастеровым, а, повидимому, умышленно вкралось во дворец, под видом мастерового, вследствие заранее задуманного преступного плана.

Я уехал из дворца около полудня, когда съезжались туда Валуев, Маков, Гурко, Набоков и, сверх того, находился в качестве дежурного генерал-адъютанта граф Лорис-Меликов. Так как мне не было приказано оставаться, то я и удалился, а к 1 часу, как было вчера условлено, приехал в помещение Комитета министров, куда вскоре

---

* на беспорядок и нелепое устройство, на беспечность самого министра двора.

после меня приехали Валуев, Дрентельн и Маков, а несколько позже и граф Адлерберг. С удивлением узнал я от них, что они были собраны во дворец для того, чтобы выслушать решение Государя, совершенно противуположное тем мнениям, которые были им высказаны во вчерашнем совещании; а именно: генерал-губернаторство в Петербурге упраздняется; но учреждается новая «верховная» распорядительная комиссия под председательством графа Лорис-Меликова[163], на место которого назначается в Харьков князь Дондуков-Корсаков. Такое неожиданное решение изумило не одного меня. Очевидно, был вчера сильный напор на Государя; мнение, внушенное наследнику цесаревичу, взяло верх. «О чем же теперь остается нам рассуждать?», спросил я у моих коллегов. Нашлось, однако же, достаточно тем для нашего совещания часа на полтора. Валуев выложил весь собранный им запас разных мер, большею частью маловажных, отчасти неисполнимых и даже странных. Так, например, он снова настаивал на том, чтобы домохозяева несли ответственность за неблагонадежных квартирантов (в чем поддерживал его сильно граф Адлерберг); предлагал запретить всякие увеселительные сборища, под предлогом благотворительных целей и т. п. Существенная мера была принята одна — усилить число околоточных в Петербурге и подчинить пригородные местности начальству городской полиции. Любопытно было выслушать объяснения графа Адлерберга о существующих в Зимнем дворце порядках; с его точки зрения, все устроено прекрасно и быть иначе не может.

В городе много ходит толков и пересуд; публика и народ в напряженном состоянии; говорят о подметных письмах, угрожающих поджогами на 19-е февраля[164].

10-го февраля. Воскресенье. — Утром, после развода, было у меня совещание с Гирсом и Сабуровым относительно условий предполагаемого соглашения с Германией и Австрией. Придумывали, каким порядком может быть ведено это дело без участия государственного канцлера князя Горчакова.

Прежде чем кончилось наше совещание, приехал ко мне граф Лорис-Меликов. Когда мы остались с ним вдвоем, он сообщил мне о вчерашнем неожиданном для него решении Государя. По словам его, Валуев, Маков, Набоков и Дрентельн были, видимо, поражены, услышав это решение, но Валуев нашелся и не пошел в карман за словом; с обычною своею важностью, расстановкою и густым басом он произнес следующую фразу: «Хотя вчера я выражал свое мнение против меры, ныне решенной Вашим Величеством, но теперь, узнав, что выбор председателя выпадает на такое лицо, как граф Лорис-Меликов — я вполне сочувствую такому решению...»

и т. д. Граф Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной комиссии, а в смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры. Оказывается, что в таком именно смысле проповедывали «Московские ведомости» несколько дней тому назад; а известно, что «Московские ведомости» имеют влияние в Аничковском дворце и что многие из передовых статей московской газеты доставляются Победоносцевым — нимфой Эгерией Аничковского дворца[165]. Вот и ключ загадки.

Лорис-Меликов, как человек умный и гибкий, знающий, в каком смысле с кем говорить, выражался с негодованием о разных крутых, драконовских мерах, которые уже навязывают ему с разных сторон. Думаю, что он и в самом деле не будет прибегать к подобным мерам, обличающим только тех, которые испугались и потеряли голову. Но достигнет ли он того, чего от него ожидают, — не знаю.

В городе распускают всякие толки. Воскресные мои гости привозили каждый какое-нибудь известие, более или менее тревожного характера. Завтра, вероятно, узнаю, что из всей этой белиберды правда и что выдумка. Странно, что в народе ходит* недобрая молва о великом князе Константине Николаевиче; выводят какие-то подозрения из того случайного факта, что в день взрыва во дворце великий князь был в Кронштадте.

11-го февраля. Понедельник. — Во время приема моего в канцелярии Военного министерства приехал от князя Болгарского адъютант (болгарин Увалиев) с вопросом, застанет ли меня князь дома завтра между 3 и 5 часами. Я отвечал, что в эти часы буду занят, но постараюсь сам зайти к нему после утреннего доклада у Государя.

В заседании Государственного совета великий князь Константин Николаевич сделал предложение поднести Государю в день 25-летнего юбилея его царствования адрес от Государственного совета. Заседание было очень непродолжительное.

После заседания было у меня длинное совещание по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. Прочли прежде всего записку графа Гейдена, в которой выставлены все невыгоды и бесплодность наших действий в этом крае и, в заключение, предлагалось не только ничего там не предпринимать, но даже совсем очистить Закаспийский край. С таким мнением никто, конечно, из участвовавших в совещании не согласился; напротив того, многие убедительно доказывали, что всякий шаг назад в Азии был бы

---

* подозрение

гибельным, что даже остановиться нельзя без больших опасений в будущем в виду предприимчивости и наступательной политики Англии. Дельнее всех говорили Скобелев и Обручев. Значительное большинство высказывалось в том смысле, что на первое время задачею нашею должно быть прочное устройство базы на линии Чат–Доз–Олун–Кизыл–Арват. Однако ж мы не успели договориться до конца и отложили окончание совещания на завтра[166].

12-го февраля. Вторник. — Государь при докладе моем объявил мне для внесения в приказ о новых назначениях графа Лорис-Меликова и князя Дондукова и об увольнении генерала Гурко от должности петербургского временного генерал-губернатора; никаких объяснений при этом не было так, как будто я уже должен знать все, что было решено без меня. На вопрос, был ли я вчера в совещании, я ответил, что у меня было особое совещание по азиатским делам. После моего доклада вошел Гирс без портфейля; князь Горчаков совсем не явился. Затем вошел генерал Дрентельн, в присутствии которого Государь опять повторил приказание о внесении в приказ новых назначений.

Прямо от Государя зашел я к князю Болгарскому; но заметив, что он уже торопился идти к завтраку, оставался у него недолго; мы сговорились, что он приедет ко мне в пятницу.

Опять было совещание по вопросу о предстоящих нам действиях в Закаспийском крае. Мы все пришли к одному заключению, что в нынешнем году задача наша должна заключаться в прочном утверждении на линии Кизыл–Арвата и в устройстве железнодорожного сообщения этого пункта с Красноводском. Много было споров. Граф Гейден остался при своем прежнем мнении.

Во время совещания заехал ко мне Сабуров; я принял его в особой комнате. Он прочел мне переделанную им редакцию проектированных условий нового тройственного союза.

Вечером Государь уехал в Лисино на охоту.

13-го февраля. Среда. — Утром продолжительное заседание в Военном совете. Вечером, в 10-м часу, ездил на станцию Московской железной дороги встречать великого князя Михаила Николаевича, который со своею семьей приехал в одном поезде с Государем, возвратившимся с охоты. Затем был на бале у французского посла Шанзи; впрочем, только показался хозяевам и сейчас же уехал.

15-го февраля. Пятница. — Вчера объявлено в приказе о новых назначениях графа Лорис-Меликова и князя Дондукова-Корсакова и об увольнении генерал-адъютанта Гурко от должности временного петербургского генерал-губернатора, по случаю упразд-

Князь Александр Баттенбергский

нения этого звания. В городе много толков о назначении графа Лорис-Меликова; ожидают от него чего-то необыкновенного; читают красноречивое воззвание его к обывателям столицы. Но вместе с тем являются всякого рода вопросы, которых пока никто решить не может: из кого будет состоять новая верховная *распорядительная* комиссия? Чем она будет распоряжаться? Какое соотношение ее с III отделением? и проч., и проч. Прежние толки и легенды об ожидаемых бедствиях все-таки не прекращаются; есть малодушные, уезжающие из Петербурга.

Сегодня утром, когда я, по обычаю своему, собирался выехать для посещения некоторых учебных заведений, фельдъегерь приехал с приказанием от Государя, чтобы я был во дворце в 10 часов утра. Так как пятница не мой день доклада, то я подумал, не случи-

лось ли что-нибудь важное; но оказалось, что Государь потребовал меня только для того, чтобы дать некоторые приказания относительно наград, предназначаемых по случаю предстоящего празднования несколькими полками 50-летия шефства Его Величества.

Едва возвратился я домой, приехал ко мне великий князь Михаил Николаевич: он просидел с час времени; мы переговорили о многом, но преимущественно о предстоящих действиях в Закаспийском крае и вообще о положении наших азиатских дел. Великий князь рассуждает разумно, хотя заметен в нем недостаток твердых убеждений. Впрочем, недостаток этот все-таки гораздо предпочтительнее излишней самоуверенности*.

В 4 часа, как было условлено, приехал ко мне князь Александр Болгарский, который просидел почти два часа. Кроме некоторых маловажных вопросов, по которым он намеревается просить Государя, более всего князь Болгарский говорил мне о двух своих задушевных заботах: во-первых, о том, что в военном ведомстве как у него в Болгарии, так и у нас в России, продолжают титуловать его светлостью, тогда как дипломаты всех стран, не исключая и русских, дают ему титул «Высочества». Князь убедительно просил меня устранить такую аномалию и доложить о его просьбе Государю. Другим предметом нашей беседы были генерал Паренсов и так называемая радикальная партия в Болгарии. Князь горько жаловался на своего военного министра и заявил, что считает невозможным долее оставить его в этой должности. Если все то, что рассказывал мне князь Александр справедливо, то я должен буду признать его правым, а Паренсова человеком в высшей степени бестактным и пристрастным. Князь очень молод, не имеет никакой выдержки и положение его действительно трудное среди борьбы партий, при крайней неразвитости народа, которым призван он править. Я старался сколько мог навести князя на более спокойное отношение к такому положению вещей; советовал терпеливо переждать эпоху брожения в стране, только что начинающей жить своею жизнью после многовекового рабства. Но юный князь** себе на уме, хочет идти напролом и угрожает, в случае неудачи, совсем сбросить корону!

16-го февраля. Суббота. — Сегодня был у меня очень продолжительный доклад у Государя: кроме подробностей и мелочей по поводу предстоящего торжества 19-го февраля и предположенных в этот день наград, много времени заняло новое Положение об

---

* некоторых других

** видно

эмеритуре военного ведомства, о котором предположено объявить в означенный день. Потом я оставался при докладе князя Горчакова и Гирса. Государь, вследствие моего доклада о вчерашнем моем разговоре с князем Болгарским, спросил мнение канцлера и его товарища касательно его титулования и решил употреблять в нашем военном ведомстве титул «Высочества», несмотря на то, что в болгарской конституции, нами же проектированной[167], положительно установлен титул «Светлости». Были еще рассуждения о болгаро-румынской границе (об Араб-Табии), о выдаче французским правительством Гартмана, уличаемого в подкопе под железною дорогой в Москве[168], и проч.

Наступил уже полдень, когда я вышел из кабинета Государя. Я успел заехать к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы расписаться, и к графу Гейдену, чтобы передать ему некоторые из приказаний Государя. По возвращении домой принимал известного немецкого заводчика Грюзона, предлагающего нам свои услуги для постройки броневых батарей особой его системы. Еще приезжал Ростислав Фадеев[169], желающий вновь поступить на службу.

17-го февраля. Воскресенье. — На разводе видел приехавших вчера великого князя Николая Николаевича и герцога Эдинбургского; после же развода сделал им обоим визит.

18-го февраля. Понедельник. — Вместо вторника, ездил я сегодня во дворец с докладом и потому отменил обычный свой прием в канцелярии Военного министерства. Доклад был продолжительный и касался преимущественно распоряжений и наград на завтрашний торжественный день. В первом часу представлял я Государю разные работы, приготовленные в Военном министерстве к 19 февраля. Первое место занимало сочинение в пяти больших томах, заключающее в себе исторический очерк деятельности Военного министерства за 25-летие; труд этот представил генерал-лейтенант Богданович с сотрудниками: генерал-майором свиты Шильдером, полковником Хорошхиным и Евреиновым. Затем представлен был генерал-майором Лалаевым исторический очерк военно-учебных заведений, а полковником Стрельбицким — карта России в масштабе 10 верст и атлас карт, изображающих постепенное приращение территории России в настоящее царствование[170]. Наконец, инженерное ведомство представило планы крепостей, виды разных местностей театра последней войны и акварель генерал-лейтенанта Клема, изображающую эпизод из детских игр Государя. Все эти работы были осмотрены Его Величеством внимательно и благосклонно, а потом я испросил награды авторам.

По случаю панихиды в Петропавловском соборе заседание Государственного совета было назначено позже обыкновенного — в 3 часа. Оно продолжалось недолго; между прочим прочитан был и утвержден проект адреса, который предположено завтра поднести Государю от Совета. После этого заседания происходило другое в Комитете министров*, в котором адмирал Посьет подвергся сильным нападкам за бездействие Министерства путей сообщения относительно состояния железных дорог; сверх того обсуждался** проект правил обращения со взрывчатыми веществами. Заседание Комитета окончилось в 6-м часу. В обоих заседаниях присутствовал в первый раз граф Лорис-Меликов.

Вечером приехал из-за границы мой сын. Результат осмотренных им новых изобретений в Англии оказался мало удовлетворительным[171].

19-го февраля. Вторник. — 25-летний юбилей настоящего царствования отпразднован с особенною торжественностью. В 10-м часу утра я уже был в приемной Государя и около 10 часов Его Величество со всею своей семьей вышел на балкон дворца, обращенный к разводной площадке и к Адмиралтейству. На этой площадке были выстроены музыканты и певчие всех частей петербургского гарнизона, а за ними команды от тех же частей. Генералы и офицеры стояли ближе к балкону. Хор исполнил несколько торжественных гимнов; в промежутках между пьесами раздавались крики «ура», сливавшиеся с гулом выстрелов артиллерии, поставленной на набережной Васильевского острова. В исходе 11-го часа представлялась Государю вся многочисленная свита его, наполнившая приемную и соседнюю с нею бильярдную комнату. Государь сказал несколько задушевных слов, обратив особенное свое внимание на немногих стариков, носящих еще вензель императора Николая. Они стояли особняком: граф Сергей Григорьевич Строганов, граф Коцебу, Клюпфель, князь Суворов, адмирал граф Гейден, князь Меншиков, граф Ржевуский, барон Притвиц. Затем в Белой зале собраны были офицеры всех гвардейских полков, шефом которых сделался Государь 25 лет тому назад. В числе их стал и я с офицерами лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Государь опять высказал несколько слов и благодарил за службу, а потом прошел чрез всю залу к депутациям, прибывшим в Петербург от армейских

---

* где происходили довольно колкие препирательства с адмиралом Посьетом по поводу бездействия Министерства путей сообщения относительно улучшения положения железных дорог.

** наскоро составленный

полков, которых Государь также считается шефом. Нужно ли говорить, что при всех представлениях ответом на приветственные слова Государя были восторженные «ура».

В 11 $^1/_2$ часов собрались опять в приемной комнате члены Государственного совета. Председатель наш, великий князь Константин Николаевич, прочел приготовленный адрес, на который Государь отвечал выражением благодарности Совету за его законодательные труды.

Ровно в полдень большой выход в церковь к молебствию. Редко бывало такое многолюдное собрание, особенно дам. По возвращении из церкви был завтрак собственно для царской фамилии и, наконец, привезены были во дворец представительницы от всех женских институтов*.

День прошел благополучно, без всяких страшных** злодеяний, о которых ровно две недели слышалось столько нелепых толков и предсказаний. Полицейские меры были приняты с избытком; даже, кажется, пересолили.

Ожидали на нынешний день великих милостей: манифеста, наград и проч.; но не слышно ничего замечательного, кроме возведения Валуева в графское достоинство. Зато он выступал сегодня еще с большею, чем обыкновенно, важностью и торжественностью.

20-го февраля. Среда. — Опять новое злодеяние поддельных деятелей: какой-то Млодецкий, еврей по рождению, мещанин г. Слуцка, бросился на графа Лорис-Меликова и выстрелил в упор в ту минуту, когда он выходил из кареты у своего подъезда. Преступник не побоялся совершить покушение возле двух стоявших у подъезда часовых, вблизи двух верховых казаков, конвоировавших экипаж, и торчавших тут же городовых. К счастию, пуля не задела графа, а только пробила шинель и вырвала клочек мундира на спине. Злодей пробовал убежать, но тут же был схвачен.

Узнав об этом происшествии во время заседания Военного совета, немедленно по окончании его поехал я к графу Лорис-Меликову и нашел его дом полным посетителей, приезжавших осведомиться о его здоровье и показать свое сочувствие. При мне приезжали наследник цесаревич, почти все великие князья, министры, даже дамы, Лорис-Меликов был спокоен и должен был каждому поочередно рассказывать случившееся.

---

* Но при этом последнем акте торжества, конечно, я уже не счел себя обязанным присутствовать.

** покушений

21-го февраля. Четверг. — После своего доклада присутствовал я при начале доклада графа Лорис-Меликова с генералом Дрентельном. Прочли составленный акт о вчерашнем происшествии. Сегодня же военный суд уже приговорил преступника к смертной казни, которая и будет приведена в исполнение завтра, на Семеновском плацу. В первый раз дело решается с такой быстротой. Любопытно знать, какое впечатление произведет такая спешная расправа: наведет ли она страх на злодейскую шайку или еще более озлобит ее.

Граф Лорис-Меликов держит себя превосходно: сохраняет полное спокойствие и присутствие духа, вовсе не озлоблен и не испуган. Он говорил мне, что по разным признакам и сведениям, надобно полагать, что настоящее время избрано революционерами для осуществления решительных их злоумышлений и что надобно ожидать неотлагательно новых покушений самого резкого характера.

Сегодня же вечером, рассказывают, будто при проезде Государя по Дворцовой набережной какой-то человек устремился к карете Его Величества, но был своевременно схвачен сопровождавшими казаками. Не знаю еще никаких подробностей этого случая.

С 2-х часов до 5-ти продолжалось совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. В совещание это были приглашены все те же лица, которые участвовали в прежних совещаниях у меня[172]; только вместо действительного статского советника Мельникова от Министерства иностранных дел был Гирс, а сверх того еще новые два лица: генерал-адъютант князь Святополк-Мирский и адмирал Свинкин, командир бакинского порта. Говорено было очень много; большею частью повторялись те же мнения, которые высказывались в прежних совещаниях и точно также ни к какому положительному заключению не пришли. Условились ожидать от Государя назначения окончательного у Его Величества совещания, с участием министра финансов.

25-го февраля. Понедельник. — Вчера воскресный развод был отменен по случаю нездоровья Государя. Я провел весь день дома, что случается со мною очень редко. Сегодня же, вместо обычного своего приема в канцелярии Военного министерства, я должен был утром участвовать в совещании, назначенном Государем по вопросу о предстоящих действиях в Закаспийском крае. Кроме великих князей — наследника цесаревича и Михаила Николаевича — участвовали граф Гейден, Грейг, Обручев, Скобелев, Гирс и барон Жомини. Первоначально я объяснил сущность дела, пред-

положения кавказского начальства с изменениями, предложенными генералом Скобелевым, расчеты издержек и, в заключение, необходимость устройства железной дороги от Красноводска до Кизыл-Арвата, от которой можно впоследствии ожидать даже значительных сбережений в расходах. Когда я кончил, граф Гейден повторил все прежние свои доводы против всяких новых предприятий в Закаспийском крае. Зато генерал Обручев очень дельно и рельефно выставил необходимость серьезных мер в Азии, в виду агрессивной политики англичан; он мастерски обрисовал общее положение дел. Генерал Скобелев подтвердил эти соображения; затем и Гирс, хотя с некоторыми изворотами и оговорками, признал необходимость утверждения нашего на рубеже Ахалтекинского оазиса, а барон Жомини прочел приготовленную им в том же смысле записку. После всех поднял голос министр финансов. Можно было вперед предвидеть, в каком смысле он будет говорить: по обычаю своему, он начал так резко критиковать все, что делалось до сих пор в Азии, так докторально доказывал, что мы своими затеями задираем Англию и вызываем ее на борьбу, что Государь прервал его и довольно строго перевел вопрос на практическую почву[173]. Но так как Грейг заявил, что до настоящего заседания не имел никаких сведений о предположениях, подлежащих обсуждению, то Государь, спешивший покончить совещание, приказал еще раз собраться у великого князя Михаила Николаевича, чтобы окончательно сговориться с министром финансов и затем уже представить дело на окончательное решение Его Величества.

Мы разошлись недовольные друг другом и сговорились снова собраться у великого князя в среду. Прямо из дворца поехал я в Государственный совет, где, впрочем, заседание было непродолжительно.

Государь крайне раздражен на французское правительство, решившее не выдавать негодяя Гартмана, главного виновника московской катастрофы 19-го прошлого ноября. Французы мотивируют свой отказ тем, что будто бы не представлено нами достаточных улик против преступника. Настоящею же причиною считают, — с одной стороны, слабость нынешнего французского правительства пред угрозами радикалов, а с другой — подстрекательство Биконсфильда, у которого, как говорят, Фрейсинэ спрашивал совета[174].

26-го февраля. Вторник. — После доклада у Государя я присутствовал при докладе князя Горчакова и Гирса. Прочитаны были телеграммы князя Орлова по делу о Гартмане, заявление генерала Шанзи по этому предмету, затем английское предложение о международной комиссии для решения вопроса греко-турецкого[175].

Из Зимнего дворца поехал я в Аничковский дворец для поздравления наследника цесаревича с днем его рождения. Потом было у меня совещание с командующим войсками трех пограничных округов — Виленского, Варшавского и Киевского, относительно плана распределения наших сил, в случае войны с Германией и Австрией. Генерал Обручев прочел вкратце составленное им и предварительно уже одобренное Государем предположение, которое должно быть принято в основание для подробной разработки полного плана устройства театра войны[176]. Все три начальника округов одобрили предположения наши без всяких изменений.

Вечером приехал ко мне генерал Дрентельн с неожиданным известием, что сегодня же утром, вследствие доклада графа Лорис-Меликова, III отделение подчинено сему последнему, а Дрентельн уволен от должности шефа жандармов с назначением членом Государственного совета. Существование одновременно III отделения и вновь учрежденной «верховной комиссии» было бы, конечно, несообразностью; Лорис-Меликов уже несколько дней приговаривался к тому, чтобы подчинить ему III отделение. Но решение Государя по этому предмету последовало так внезапно и так резко в отношении Дрентельна, что этот честный, добросовестный, вполне почтенный человек не может скрыть своего огорчения. Еще более обидело его предложение, сделанное ему Государем, принять место помощника главнокомандующего Петербургского округа великого князя Николая Николаевича, взамен генерала Гурко, который решительно отказался от этой должности. Дрентельн уже многие годы был сам начальником военного округа, затем на правах министра и после того занять второстепенное место помощника значило бы «из попов в дьяконы». Вопрос о замещении Гурко остается открытым. Великий князь Николай Николаевич желал иметь помощником графа Павла Шувалова; но выбор этот не понравился Государю. Я указал на другого кандидата — генерала Костанда, нынешнего начальника артиллерии Петербургского округа.

27-го февраля. Среда. — Еще продолжительное совещание у великого князя Михаила Николаевича по вопросу о Закаспийском крае. Министр финансов произнес длиннейшую речь, доказывая, что мы должны оставаться в Азии в совершенном бездействии, что всякое наше предприятие грозит в будущем бедствиями. Однако ж он никого в этом не убедил; один граф Гейден остался вместе с Грейгом при прежнем своем мнении. Барон Жомини говорил немного, но дельно и высказал одну новую мысль: что было бы

желательно, в виду новых выборов в Англии и открытия новых палат, выждать до мая месяца и не предпринимать до того времени ничего такого, что могло бы укрепить положение настоящего министерства Биконсфильда.

28-го февраля. Четверг. — После доклада у Государя я зашел к князю Александру Болгарскому, чтобы на словах дать ответ на письмо, в котором он очень настойчиво просил изменить награду, пожалованную Государем, состоящему при князе в должности гофмаршала, поручику прусскому Ридезелю. Князь Александр опять жаловался на Паренсова[177], высказывал свое затруднительное положение и свои желания. Он не может найти преемника Паренсову и продолжает мечтать о том, чтобы Государь сам назначил кого-либо из генерал-адъютантов с авторитетом для исполнения должности болгарского военного министра. По всему видно, что пребывание в Петербурге не отрезвило юного князя; даже кажется мне, что в нем более прежнего укоренилось самодурство, которое не доведет его до добра.

Гирс заехал ко мне, чтобы переговорить о делах китайских и о прощальной аудиенции Сабурова у Государя. Решено, что Сабуров будет вести в Берлине переговоры втайне от князя Горчакова и доносить прямо Государю. Сабуров, как сказал мне Гирс, озабочен теперь продолжающимися со стороны Бисмарка домогательствами об отводе нашей кавалерии от границы. Он опасается, чтобы этот, по-видимому, пустой предлог к пререканиям, не послужил камнем преткновения для* предположенного соглашения нашего с Германией. В таком смысле составлена им записка, которую Гирс передал мне, предоставив этот вопрос на мое усмотрение[178]. Мне кажется, что Сабуров увлекается излишними опасениями; но если б даже германское правительство и в самом деле придавало серьезное значение этому вопросу, то, по моему мнению, все-таки мы не можем сделать ни малейшей уступки, унизительной для достоинства России. Дальнейшая настойчивость Бисмарка в подобном вопросе была бы признаком намерения его искать предлога для разрыва.

1-го марта. Суббота. — Я докладывал Государю, в присутствии великого князя Михаила Николаевича, о результате последнего совещания по вопросу о действиях в Закаспийском крае. Несмотря на поданную вчера министром финансов длинную записку, в которой подробно изложены все аргументы, приведенные им в самом совещании, против всяких предприятий в том крае,

---

* предстоящего

Государь утвердил заключение большинства и окончательно назначил генерал-адъютанта Скобелева начальником Закаспийского отряда[179].

После военного доклада я оставался при докладе Гирса. Прочитана была записка Сабурова, по мнению которого следовало бы, для устранения всякого предлога к неприятным отношениям между Германией и Россией, сделать уступку в вопросе о расположении нашей кавалерии по границе. Я представил дислокационную карту, которая наглядно выказывает всю неосновательность немецких домогательств. Государь выразил решительно, что нечего и толковать о каком-либо изменении дислокации в угоду Бисмарку.

Читано было любопытное письмо Убри из Вены. Он сообщает слышанное им совершенно конфиденциально от одного лица (которого не называет) объяснение политики австрийской за последние два года и обстоятельства удаления графа Андраши. Оказывается, что заключение Сан-Стефанского мира до такой степени раздражило австрийского канцлера, что он непременно требовал объявления войны России; но император Франц-Иосиф положительно воспротивился и с этого времени началось охлаждение между императором и канцлером. Князь Бисмарк, также злобствовавший на Россию, поддерживал графа Андраши как своего вернейшего союзника и старался всеми силами отсрочить удаление его от дел. Свидание обоих канцлеров в Гаштейне и потом приезд Бисмарка в Вену были последними попытками германского канцлера удержать своего друга у кормила правления Австрии; но это не удалось ему, и результат всей этой дипломатической кампании далеко не соответствовал* замыслам Бисмарка[180].

Вчера был у меня полковник граф Ростовцев, приставленный дядькой к великому князю Николаю Константиновичу[181]. Ростовцев говорит, что он окончательно убедился, во время прошлогоднего путешествия по реке Аму, в ненормальном состоянии умственных способностей Николая Константиновича; но, к сожалению, бывшее недавно свидание его с отцом, в Твери, принесло скорее вред, чем пользу, потому что великий князь Константин Николаевич не хочет признавать психическое расстройство в своем сыне и в своих с ним объяснениях внушил ему новые сумасбродства. Ростовцев рассказывал мне проделки Николая Константиновича с ханом хивинским, который в угоду племянника русского падишаха пустил воду из Аму в старое русло, но, к счастью, воды этой было так мало, что никаких дурных

* затеям

Принц Александр Гессенский

последствий от того не произошло; эта комедия только потешила Николая Константиновича и удовлетворила его сумасбродную жажду славы.

3-го марта. Понедельник. — Вчера опять отменен был развод; Государь потребовал меня во дворец в 1-м часу, чтобы отдать мне некоторые приказания. Тут, во дворце, узнал я от великого князя Николая Николаевича, что он, переговорив со своим братом Михаилом Николаевичем, доложил уже Государю, не спросив моего мнения, о назначении генерал-адъютанта Столыпина начальником артиллерии Петербургского округа на место генерала Костанда, назначенного помощником главнокомандующего Петербургского округа. Я был крайне удивлен и такому выбору и бесцеремонному обращению со мной как военным министром. Столыпин, правда, начал службу в артиллерии; но оставил ее уже 30 лет и, следовательно, вовсе не знаком с нынешним ее материальным и техническим состоянием. Я прямо высказал это и

великому князю и самому Государю. Считаю такое назначение совершенною несообразностью.

Вчера вечером молодежь забавлялась у нас в доме танцами до поздней ночи и весело встретила наступивший Великий пост.

Сегодня пришлось мне видеть множество разнородных личностей. С утра обычный прием в канцелярии Военного министерства; был между прочим и Столыпин, узнавший уже от генерала Баранцова о моем сопротивлении его назначению. Я откровенно высказал ему свое мнение и посоветовал ему отказаться самому от предлагаемого места. Прямо от меня поехал он к обоим великим князьям. По возвращении моем домой приехал ко мне и сам великий князь Михаил Николаевич с объяснениями; однако же я все-таки не поддаюсь и прямо сказал нашему почетному «генерал-фельдцейхмейстеру», что буду решительно противиться назначению Столыпина.

Приезжал ко мне еще принц Александр Гессенский и довольно долго сидел; предметом разговора, конечно, было тяжелое положение его сына в Болгарии и желание его тем или другим способом изменить настоящий неудобный порядок вещей в этой стране. Принц просил меня сколько можно поспешить* приготовлением, совместно с Гирсом, инструкций и руководств для дальнейшего ведения дела в Болгарии.

Посещения великого князя и принца одновременно с множеством других личностей, приезжавших по делам, не помешали назначенному у меня совещанию о будущем устройстве военно-санитарной части в составе полевого управления действующей армии. Совещание продолжалось более двух часов и кончилось лишь в шестом часу, когда уже было пора собираться к обеду во дворец. Обед был почти исключительно семейный: кроме Государя, его детей (в том числе Марии Александровны), принц Гессенский и оба сыновья его; посторонних же было только двое: Гирс и я. Мне пришлось сидеть между великой княгиней Марией Александровной (герцогиней Эдинбургской) и великим князем Алексеем Александровичем. После обеда, когда Государь удалился со всеми своими детьми, мы остались вчетвером: принц Гессенский, князь Болгарский, Гирс и я. Около часа еще мы толковали о том, как вести далее дело в Болгарии, каким порядком добиться столь желанного изменения болгарской конституции. Мы с Гирсом старались сколько могли склонить обоих принцев к умеренности и терпению; но юный князь Александр изливал бесконечные жалобы и упреки;

---

* обсуждением

ему хотелось бы скорее порешить дело; у него в кармане уже есть готовый проект новой конституции. Все более и более убеждаюсь, что ничего хорошего ожидать нельзя.

4-го марта. Вторник. — Доклад у Государя. Потом присутствовал при докладе Гирса; князь Горчаков болен, слег в постель. Заезжал и к великому князю Николаю Николаевичу, чтобы переговорить о выборе лица на должность начальника артиллерии Петербургского округа; он не настаивал на Столыпине, выбор которого принадлежит Михаилу Николаевичу. Затем заехал я к генералу Баранцову, больному; он кается в том, что дал свое согласие на такой странный выбор. Еще навестил генерала Дрентельна, которого нашел в обычном невозмутимо-спокойном настроении. В Комитете министров не мог быть, так как назначен был прием нескольким лицам: графу Тотлебену — по случаю отъезда его обратно в Одессу, князю Оболенскому, комиссару нашему в Румынии, генералу Эрнроту, рекомендованному князю Болгарскому для замещения Паренсова в должности болгарского военного министра и, наконец, Стоилову, секретарю князя Болгарского. Стоилов — очень молодой человек, образованный и, как кажется, разумный. Его мнения и суждения о настоящем положении дел в Болгарии и предстоящем князю образе действий нахожу* умеренными и основательными.

Получены телеграммы из Китая весьма неблагоприятные: в Пекине сильное возбуждение против иностранцев. Посланники европейских дворов потребовали присылки эскадр к берегам Китая[182].

6-го марта. Четверг. — После доклада у Государя я зашел к принцу Александру Гессенскому, который завтра уезжает из Петербурга. Опять настойчивые просьбы о снабжении его сына инструкциями и оказании ему поддержки. Из дворца заехал в Министерство иностранных дел, чтобы переговорить с Гирсом о составлении такой инструкции для Кумани[183], которая послужила бы и самому князю Болгарскому указанием пути действия. Затем были у меня Шепелев и Эрнрот; последний, кажется, соглашается принять должность военного министра в Болгарии. Шепелев показал мне собственноручную заметку князя Александра о том, что требует он от русского генерала, который примет означенную должность. Записка эта редактирована ребячески и вместе с тем с** неуместными претензиями. На месте Эрнрота я не принял бы должности на таких условиях.

---

* вполне

** неприличными

Прочитанная мною в переводе статья Раулинсона, помещенная в одном из английских журналов, о настоящих планах англичан в Азии, привела меня в крайнее негодование: нахальство и цинизм старого руководителя английской политики в Азии переходит все границы; выводы его основаны на самых ложных сведениях и на клеветах против наших действий. Очень кстати приехал ко мне генерал Столетов; я передал ему статью Раулинсона и присоветовал написать резкое опровержение, так как в статье много говорится лично о нем и посольстве его в Кабуле в 1878 году[184].

8-го марта. Суббота. — Вчера опять приезжали ко мне Шепелев и Тимлер с поручениями от князя Болгарского. Вечером же получил я от Гирса черновой проект инструкции для Кумани. Инструкция написана мастерским пером барона Жомини; общее ее направление я одобрил, но сообщил Гирсу только некоторые частные замечания.

Сегодня перед докладом (который был назначен несколько позже обыкновенного по тому случаю, что Государь приобщался) я заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы переговорить по одному неважному делу, о котором мне приходилось сегодня же докладывать Государю. Тут узнал я от великого князя, что дело о назначении начальника артиллерии в Петербургском округе, наконец, улажено: Столыпин уехал обратно в свой корпус, а на открывшуюся вакансию решено представить генерал-лейтенанта Штадена, начальника артиллерии Одесского округа. На него указывал я с самого начала; но выбор этот почему-то не нравился обоим великим князьям; теперь они сами предлагают его. Я слышал, что предположение о назначении Столыпина оскорбило всех артиллеристов. Тем более я доволен, что мне удалось расстроить эту неудачную комбинацию.

При докладе моем Государю коснулась речь назначения генерала Эрнрота взамен Паренсова; Государь уже предупрежден князем Болгарским и настроен в смысле той записки, которую вчера читал мне Шепелев и которую князь Болгарский намеревался представить Государю «на утверждение». Я не мог воздержаться от возражения против притязаний юного князя, чтобы русский генерал, облеченный званием болгарского министра, был не более, как беспрекословным исполнителем приказаний князя, и чтобы всякое ослушание его считалось равносильным ослушанию повеления самого императора российского. А в черновой записке князя так именно и было выражено.

После моего доклада вошли в кабинет Гирс и барон Жомини; последний прочел составленную им инструкцию для Кумани*, с изменениями по вчерашним моим замечаниям. Надобно отдать справедливость редакторскому искусству барона; он не только пишет изящно, но еще имеет необыкновенный талант из небольшого запаса данных ему основных идей с быстротою создать целое стройное изложение. Государь одобрил проект, однако ж сказал Гирсу, чтобы прежде утверждения прочесть князю Александру. Опасаюсь, что ему проект не понравится; он составлен совсем не в том духе, в каком настроен князь.

Шепелев опять был у меня и уже по поручению князя прочел мне записку, радикально переделанную из той, которая первоначально была набросана самим князем. В этом измененном виде требования его от военного министра болгарского делаются возможными; так что, вероятно, Эрнрот не встретит затруднения принять должность. Тем не менее положение его в Болгарии будет незавидное.

Столетов принес и прочел мне составленное им опровержение статьи Раулинсона; я сделал некоторые замечания и предложил Столетову прочесть статью Гирсу, чтобы уговориться с ним, где и как напечатать**. Вечером же Гирс прислал мне секретное письмо нашего посла в Лондоне о том, что в Англии продолжают, по-видимому, рассчитывать на эффект, который произведет опубликование найденных будто бы в Кабуле документов, компрометирующих нашу политику в отношении Авганистана. Князь Лобанов случайно узнал, что в числе этих документов, оставляемых пока в глубокой тайне, заключается какой-то договор наш с авганским владетелем. Можно догадываться, что дело идет о том проекте договора, который был замышляем Столетовым во время пребывания его в Кабуле в 1878 году[185] , но который оставлен был в проекте, без всяких последствий. Гирс, сообщая мне письмо князя Лобанова, выражает желание, чтобы по поводу этого мнимого договора с Шир-Али-ханом было представлено Столетовым категорическое объяснение. Я дал знать Гирсу, что желание его предугадано мною и что требуемое объяснение уже изложено Столетовым в прочитанной мне сегодня утром статье, в ответ на клеветы Раулинсона.

10-го марта. Понедельник. — Сегодня, по случаю дня рождения императора германского[186], был большой парадный обед во двор-

---

* с двумя импровизованными им вставками, написанными вследствие моих вчерашних замечаний.

** Как будто я предугадал, что возражение окажется нужным.

це, в концертном зале, с музыкой и обычным тостом, произнесенным Государем во имя дружбы двух родственных императоров. Обед этот был вместе с тем и прощальным для князя Болгарского, который завтра уезжает со всею своею свитой. Дела его, наконец, улажены: инструкция, приготовленная для Кумани, окончательно утверждена; генерал Эрнрот принял назначение на должность военного министра в Болгарии и завтра в приказе будет объявлено об увольнении его из русской службы. Однако ж Эрнрот имел довольно неприятные объяснения с князем Александром, который прямо заявлял требование, чтобы военный министр обязался беспрекословно исполнять приказания князя, даже и в том случае, если б дело дошло до насильственного переворота (coup d'état). Эрнрот отклонил такое условие; на это князь выразил ему уверенность, что он получит повеление прямо от Государя. Однако же сегодня Государь, приняв Эрнрота и выслушавшего сомнения относительно образа действий, в случае экстралегального решения князя, не дал ему никакого положительного ответа и сказал только, что подобное решение не может быть принято князем без испрошения особых указаний Государя. Так, по крайней мере, передал мне Эрнрот, приехав ко мне после представления Государю. Впрочем, эти слова вполне соответствуют и смыслу данной Кумани инструкции. Теперь дело лишь в том, чтобы сам князь искренно подчинился* мудрым и умеренным советам своего высокого дяди и покровителя, чтобы он не испортил всего дела** какими-нибудь юнкерскими выходками и порывами нетерпения. Из некоторых переданных мне слов его, догадываюсь, что я не в милости у него; он*** видит во мне главного противника его противуконституционных стремлений и заступника за тех из русских**** и болгар, которых он считает красными.

Вчера на разводе Государь обошелся очень сухо с послами: никому из них не подал руки, а генералу Шанзи даже высказал строго свое неудовольствие по случаю освобождения Гартмана. По газетным сведениям, последний***** открыто объявил себя в Англии главным виновником московского преступления[187], а вследствие того английское правительство щедро наделяет его деньгами, чтобы дать ему возможность удрать за океан.

---

* советам нашего дипломатического представи<теля> и

** своею кипучею, нетерпеливою горячностью

*** подозревает

**** офицеров и чиновников.

***** письменно заявил в Англии, что он главный виновник

11-го марта. Вторник. — При докладе моем Государь передал мне свои разговоры с князем Болгарским и с генералом Эрнротом и между прочим упомянул, что князь Александр, в числе многих жалоб на Паренсова, упрекает его в том, что он, будучи болгарским министром, продолжал обращаться ко мне за инструкциями и разрешениями. После докладов, моего и Гирса, я зашел к князю Болгарскому и имел с ним объяснение по поводу переданного мне Государем. Я заявил ему категорически, что Паренсов* не получил от меня ни единого ответа на его письма, ни единого разрешения, и только раз было ему телеграфировано мною, чтобы он не забывал, что он министр Болгарского княжества. Князь Александр все это сам признал и удостоверял меня в том, что упреки его относились исключительно к Паренсову. Князь спешил к Государю в полной форме, и мы наскоро распростились с ним. Вечером он уехал.

Из дворца заехал я к князю Дадиану, чтобы поздравить его со днем 50-летнего его юбилея и назначения генерал-адъютантом. Старик рассыпался в благодарностях и выражениях удовольствия.

В Исакиевском соборе была панихида по умершем 9-го числа генерал-адъютанта Зеленом. Он умер в Ялте после долгих и тяжких страданий. Мы были с ним очень дружны; могу сказать даже, что Александр Алексеевич Зеленый был один из весьма немногих** моих коллегов, с которым я был в приятельских отношениях.

Обедал я у Веры Аггеевны Абазы с Ив. С. Тургеневым и П.Ф. Самариным.

15-го марта. Суббота. — В последние три дня отовсюду получались сведения неутешительные. Китайцы, по-видимому, готовятся не на шутку к войне с нами[188]; начальству трех округов — Туркестанского, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского — даны по телеграфу приказания готовиться на случай разрыва и быть осторожными на границе. Из Константинополя телеграфируют, что суд над убийцей нашего подполковника Куммерау не приговорил его к смертной казни, так что представители всех держав сочли нужным вмешаться в дело и обратились к Порте с коллективным, энергичным протестом[189]. Дела по греко-турецкой и черногорской границам не подвигаются вперед.

Вчера я получил два любопытных письма: одно из Бухареста, от полковника Тугенгольда, который изображает в черных красках настоящее положение дел в Румынии и враждебное там настроение против нас. Румынское правительство также решилось уси-

---

* ни разу

** наших государственных людей, с которыми я <сблизился>

лить свою армию и мечтает воспользоваться предполагаемою войною Германии и Австрии против России, чтобы округлить себя на наш счет. Так-то забывается все, чем Румыния обязана России[190].

Другое письмо из Берлина от Сабурова в ответ на мое письмо, в котором я объяснял ему, почему все упреки князя Бисмарка за дислокацию нашей кавалерии в пограничной с Пруссиею полосе нельзя принимать иначе, как придуманный им предлог к ссоре. Сабуров, признавая вполне верность моих объяснений и, по-видимому, поняв всю неосновательность этих упреков* германского канцлера, продолжает, однако же, убеждать меня, что из-за этого пустого предлога могут незаметно для нас родиться серьезные поводы к разрыву. Хотя в первых разговорах с Сабуровым князь Бисмарк не возобновлял вопроса о нашей кавалерии и даже запретил Швейницу поднимать этот вопрос в Петербурге**, однако ж Сабуров сам возвратился к нему, желая своими объяснениями окончательно устранить всякое сомнение в голове германского канцлера. Несмотря на то, у Бисмарка, по замечанию Сабурова, не может искорениться запавшая злоба. Он видит в расположении нашей кавалерии не столько серьезную опасность для Германии, сколько угрозу с нашей стороны, недоверие к соседу, и приписывает эту враждебную, по его мнению, меру, конечно, не самому Государю нашему, а тем близким к нему личностям, которым в Германии приписывают неизлечимую немцофобию. Личность эта, конечно, русский военный министр. Не знаю, кому я обязан такою репутациею; но что бы я ни делал, уже не выбьешь из головы каждого немца убеждение, что я — главный враг Германии и виновник охлаждения между двумя родственными императорами. Вот слова Сабурова: «Бисмарк вас не любит; он считает вас своим настоящим соперником. Он отуманен самыми ложными о вас сведениями, которые я стараюсь и буду продолжать стараться рассеять»... и т. д.[191] Моему же влиянию приписывает он*** попытки сближения России с Франциею: несмотря на все опровержения, Бисмарк продолжает уверять, что из достоверных источников ему известно, будто генерал Обручев в бытность свою в прошлую осень во Франции имел поручение («хотя не от самого правительства») завязать связи с французским правительством «au moins de sonder le terrain»****. Обручев положительно отвергает это ложное на него

---

* немецкого

** тем не менее у него осталось в голове

*** мысль о сближении

**** По крайней мере, зондировать почву (*фр.*).

показание Ваддингтона, который, по-видимому, хотел выслужиться пред германским канцлером, уверив его, будто отверг предложенный Россиею союз. Если это не поклеп на Ваддингтона со стороны самого Бисмарка, то становится гадко, до чего унизилась ныне Франция.

Сегодня я взял с собою к докладу письма Сабурова и Тугенгольда, а также полученные из Иркутска и Омска телеграммы. Но прежде чем я доложил их Государю, приглашен был Гирс, который прочел полученные им от Сабурова более обстоятельные сведения о происходивших у него беседах с Бисмарком. Сабуров нашел в последнем гораздо меньшее желание войти с нами в тесное сближение, чем выказывал он за месяц пред сим. Бисмарк ссылался на встреченное им со стороны австро-венгерского министра барона Гаймерле нерасположение к сближению с нами. По уверению германского канцлера, было бы ему легче в прежнее время уладить дело с графом Андраши. Сабуров, как кажется, начинает опасаться неудачи начатых им переговоров, по крайней мере далеко не так верует, как прежде, в чистосердечие Бисмарка и даже пугает нас затаенными замыслами его вести дело к войне. Впрочем, во всей Европе также считают войну между нами и Германией неизбежною. Из-за чего — никто не скажет.

Доклад мой кончился довольно поздно; после того я присутствовал в Академии Генерального штаба при разборе стратегических задач, решаемых офицерами дополнительного курса, а затем в Медико-хирургической академии — на пробной лекции доктора Чирьева по физиологии. Это один из немногих удавшихся стипендиатов баронета Вилье. Лекция его была весьма занимательна; масса слушателей, большею частью студентов, держала себя совершенно прилично. Вообще между учащеюся моложью замечается как бы успокоение*, давно уже не было никаких скандалов.

18-го марта. Вторник. — После доклада моего и доклада вместе с Гирсом зашел я в Николаевский зал Зимнего дворца, где выставлены для Государя картины Верещагина, наделавшие столько шуму и возбудившие ожесточенные споры между поклонниками его таланта, большею частью ультра-реалистами, и противниками, признающими эти картины не воспроизведением сцен минувшей войны, а профанацией** войны, злобною карикатурой того, чть составляет гордость и святыню для народного чувства. Действительно, Верещагин, неоспоримо талантливый

---

* умов.

** этой

художник, имеет странную наклонность выбирать сюжеты для своих картин самые непривлекательные; изображать только* неприглядную сторону жизни и, вдобавок, придавать своим картинам надписи в виде ядовитых эпиграмм с претензиями на** остроумие. Так, например, изобразив на трех картинах часового, занесенного снегом и замерзающего, он над всеми этими изображениями пишет: «На Шипке все спокойно». На картине, изображающей Государя и свиту его под Плевной в виду кровопролития, он надписывает «Царские именины». Впрочем, эта надпись, красовавшаяся в Париже, здесь, конечно, исчезла. Не имев возможности быть на выставке, привлекавшей массы народа, я рад был удобному случаю, чтобы лично проверить слышанные мною бесконечные толки об этих картинах; и должен сознаться, что, обойдя весь ряд картин, вынес грустное впечатление. Самого художника не было в зале; Государь, пожелав видеть*** картины, не желал видеть самого автора.

Из дворца отправился я в Академию Генерального штаба и вторично слушал чтение задачи одного из выпускных офицеров. Затем сидел в двух комитетах: Кавказском[192] и Комитете министров. Последний продолжался весьма долго, по случаю споров о железнодорожном вопросе[193]. Возвратившись домой в пятом часу, я должен был к 6 часам ехать к обеду во дворец, куда приглашен был вместе с Гирсом и князем Орловым, послом нашим в Париже. Отъезд его оттуда, вслед за прискорбным делом Гартмана, принят в целой Европе за выражение неудовольствия и охлаждения между Россией и Францией, к великой радости князя Бисмарка. Это случайное охлаждение неизбежно повлияет на успех переговоров Сабурова в Берлине. Германский канцлер, успокоенный на счет возможного сближения России с Францией, будет иметь менее побуждений искать сближения с Россией.

Возвратившись вечером домой, я нашел свой стол заваленным бумагами и телеграммами. С самого утра я не мог подойти к своему письменному столу; были спешные дела, а тут, как нарочно, меня вызывали в залу слушать пение Прянишникова. Мне пришлось попеременно то слушать музыку и болтовню собравшихся гостей, то урывками работать в кабинете и чрез это простоять потом за своей конторкой до глубокой ночи.

---

* тяжелую и

** мизантропическое

*** сам картины, приказал, чтобы самого Верещагина не было.

19-го марта. Среда. — После заседания Военного совета заехал ко мне князь Орлов. Он передал мне некоторые разговоры свои с князем Бисмарком в проезд чрез Берлин и подтвердил то, что писал Сабуров в последних своих письмах. В Германии приписывают лично мне воинственные стремления, считают меня главным подстрекателем к войне с Германией. Кто и почему сделал мне такую репутацию?

21-го марта. Пятница. — Утром присутствовал на практических занятиях в Военно-юридической академии, а затем заехал в приготовительные классы Николаевского кавалерийского училища. В 2 часа назначено было у меня совещание о мерах к приведению крепостей наших в большую готовность на случай войны. Совещание продолжалось за 5 часов. В продолжение его приезжал ко мне министр финансов Грейг, чтобы убедить меня в необходимости, по его политическим соображениям*, не приступать в нынешнем году к постройке предположенных новых укреплений в Ковне, Гродне и Осовце. По этому поводу он вошел в пространные рассуждения о наших финансах, о политике и т. д.

23-го марта. Воскресенье. — Известия из Англии составляют главный предмет разговоров: на выборах в парламент либеральная партия (виги) получила сильное большинство; полагают, что торийский кабинет уступит место либеральному министерству, в котором главными действователями будут Гренвиль, Дерби, Гладстон и Гартингтон. Сегодня на разводе лорд Дефферин с довольным видом напомнил мне, что несколько недель тому назад он уже пророчил мне такой исход дела.

Приехал в Петербург наследный принц Мекленбург-Шверинский с прелестною его супругой Анастасиею Михайловною. После развода я заехал расписаться у них.

24-го марта. Понедельник. — В 10 часов утра заехал я на короткое время в Военно-топографическое училище, где происходят теперь экзамены; а потом, вместо обычного своего приема в канцелярии министерства, отправился во дворец на совещание**, по вопросу, возбужденному наследником цесаревичем, о развитии добровольного крейсерского флота, как главного орудия для нашей борьбы с Англией. По приказанию Государя я прочел вслух записку, составленную для наследника цесаревича капитаном 1-го ранга Барановым под руководством Победоносцева[194]. В совещании присутствовали, кроме великих князей — наследни-

---

* отложить хотя до будущего года

** назначенное в присутствии самого Государя

ка, Константина Николаевича и Алексея Александровича — министр финансов Грейг, управляющий Морским министерством Лесовский и я. Само собою разумеется, что морякам записка была не по нутру; они объясняли, что и сами постоянно имели в виду, в случае войны с Англией, действовать посредством крейсеров, но что не могут согласиться с мнением, будто Россия* должна ограничиться одними только крейсерами, отказавшись вовсе от броненосных судов. В этом отношении они, конечно, правы; в записке Баранова, действительно, заметно некоторое увлечение; но вопрос, который затрагивал наиболее самолюбие моряков и который, между тем, не высказывался гласно, тот: будут ли наши новые крейсеры строиться Морским министерством или Управлением добровольного флота. Решено было, что второе совещание будет происходить у великого князя адмирала, уже без участия самого Государя.

Из дворца поехал я в Государственный совет. После весьма короткого заседания Общего собрания происходило заседание Особого присутствия по воинской повинности. Здесь пришлось мне несколько поспорить с нашим председателем, великим князем Константином Николаевичем. После заседания был разговор о нашем положении в Приморской области и Тихом океане, в случае разрыва с Китаем. Из некоторых выражений великого князя заметно, что в голове его уже твердо запала мысль о перенесении военного порта из Владивостока в залив Ольги. Я доказывал нерасчетливость такого предположения: если находят затруднительным оборонять подступы к Владивостоку, то еще труднее будет оборонять и новый порт Ольгу и Владивосток, который все-таки совсем забросить нельзя.

26-го марта. Среда. — Вчерашний день весь был затрачен на обычные торжества полкового праздника конной гвардии. Утром доклад, потом церковный парад, завтрак у полкового командира, обед во дворце.

Сегодня во время заседания Военного совета получил я приглашение к обеду во дворец. Приглашенных было более обыкновенного: кроме домашних особ царской семьи, были великий князь Владимир Александрович и наследный принц Мекленбургский, оба с супругами, затем граф Адлерберг, Гирс, Тимашев и Литвинов (как дежурные) и я.

27-го марта. Четверг. — Утром доклад. К 1 часу совещание у великого князя Константина Николаевича для** вторичного обсуж-

---

* может обойтиться одними крейсерами

** обсуждения более подробного

дения прочитанной в понедельник записки о развитии крейсерного флота. Приняли участие в совещании: великие князья — наследник цесаревич и Алексей Александрович, Грейг, Лесовский и я. Спорили до 5 часов и все-таки никакого соглашения не достигли. Моряки, подкрепленные министром финансов, отстаивали свою программу, доказывая необходимость постройки больших броненосцев. Наследник цесаревич спокойно и с видимым хладнокровием поддерживал свою тему и до конца остался при своем. Я*, со своей стороны, старался примирить оба крайние мнения, поддерживая необходимость развития средств крейсерства; но в то же время не исключая и необходимости соразмерного числа броненосцев. По окончании совещания, когда великие князья — наследник цесаревич и Алексей Александрович уехали, великий князь генерал-адмирал начал мне объяснять новые проекты свои для постройки будущих броненосцев. Оказывается, что Морское министерство намерено продолжать и впредь строить нечто в роде «поповок»[195], несколько видоизмененных, по образцу строющейся в Англии императорской яхты (новой «Ливадии»). Великий князь с восторгом говорит об этих измышлениях адмирала Попова и ожидает только результата первых испытаний со строющейся яхтой, чтобы заложить на наших штабелях громадный броненосец, который должен превзойти все существующие в мире суда, на удивление** Европы. Страшно подумать, сколько еще миллионов будет потоплено на эти фантазии.

30-го марта. Воскресенье. — Барон Жомини прислал мне проектированную им инструкцию князю Лобанову по поводу ожидаемой перемены английского министерства. Одобрив этот проект, я сделал только одно замечание, что в случае новых соглашений с Англией относительно Авганистана, при настоящих обстоятельствах, уже было бы для нас невозможно установить демаркационную линию между районами влияния британского и русского по Аму-Дарье. Замечание это было принято; указанное мною место инструкции исправлено, а сегодня барон Жомини прислал мне на просмотр дополнительную депешу нашему послу в Лондоне, более обстоятельно развивающую мысль о разграничении означенных районов влияния хребтом Гиндукуша. Мысль эта была высказана мною еще пред отъездом князя Лобанова, при последней его аудиенции у Государя.

---

* старался по мере возможности поддержать его мнение о необходимости развития средств крейсерства.

** всей

Сегодня в 10 часов утра ездил я на вынос умершего на днях тайного советника Киттары. Смерть его есть чувствительная потеря для Военного министерства: этот человек, как ученый и опытный технолог, был весьма полезен для нашего интендантства; ему обязаны мы введением у нас научного элемента в делах, касающихся довольствия войск.

После печальной церемонии поехал я во дворец, по случаю представления Государю выпущенных вновь из Академии Генерального штаба офицеров, а затем был, по обыкновению, на разводе.

1-го апреля. Вторник. — Вчера был приглашен к обеду во дворец. Сегодня после доклада был в двух заседаниях: Комитета министров и Комитета по делам польским[196].

В последние два дня озабочен я более всего семейными делами: в воскресенье вечером, когда разъехались гости, обыкновенно собирающиеся у нас в этот день, младшая дочь моя Елена поразила меня неожиданной новостью: капитан Генерального штаба Гершельман (сын генерал-адъютанта) сделал ей предложение. Во весь вчерашний день семья была в волнении: обдумывали, обсуждали, а вечером решили дать согласие. Сегодня были у нас родители и братья жениха, а вечером, когда молодежь собралась для репетиции пьесы, разыгрываемой на нашем домашнем театре, все гости узнали нашу семейную* новость.

3-го апреля. Четверг. — Вчера, после заседания Военного совета, посетил я семейство Гершельман и познакомился с матерью и сестрой жениха. Вечером опять собралось шумное общество молодежи для репетиции театрального представления.

Сегодня, после доклада, заехал я в Министерство иностранных дел и имел продолжительное совещание с Гирсом, бароном Жомини и Мельниковым, в особенности по двум вопросам; во-первых, по так называемому вопросу об Араб-Табии, то есть о разграничении Болгарии с Румынией в окрестностях Силистрии и, во-вторых, о возобновлении работ по разграничению нашему в Малой Азии**[197]. По обоим вопросам, особенно по второму, я старался подстрекнуть наших дипломатов, чтобы не поддавались наглости англичан, которые в обращения с нами позволяют себе возмутительную бесцеремонность.

---

* радость

** По первому вопросу, в особенности затрудняющему нас, я предложил дать делу новое направление, так чтобы покончить его, сохранив наше достоинство, что называется pour tirer notre épingle du jeu.

4-го апреля. Пятница. — Утром было у меня продолжительное совещание по делу о мерах для обороны Восточно-Сибирской окраины в случае разрыва с Китаем. В совещании участвовали, кроме лиц Военного министерства, вновь назначенный восточно-сибирским генерал-губернатором генерал-лейтенант Анучин, прибывший на днях из Приморской области тамошний губернатор адмирал Эрдман и начальник инженеров Восточно-Сибирского округа полковник Унтерберггер. Военное положение того края представляется в* неутешительном виде; отсутствие правильной местной администрации, неспособность прежнего главного начальства в Иркутске, скудость всех средств в крае привели дела в такое положение, что трудно что-нибудь сделать в короткое время для обеспечения этой отдаленной окраины от какого-либо враждебного покушения, даже одних китайцев.

Обедал я во дворце с Гирсом, послом Новиковым и генерал-адъютантом графом Игнатьевым.

7-го апреля. Понедельник. — В субботу, после моего доклада, высочайший смотр в манеже Донскому казачьему № 1 полку, прибывшему на время в Петербург. Вчера на разводе имел разговор с австрийским послом Кальноки о румыно-болгарской границе; при этом я прямо высказал ему, что весь этот несчастный вопрос «Араб-Табии» возбужден Австрией. Вечером воскресное у меня общество было многочисленнее, чем обыкновенно; в числе гостей был Ив[ан] Серг[еевич] Тургенев.

Сегодня все утро провел во дворце, по случаю высочайшего осмотра картографических и топографических работ военного ведомства.

9-го апреля. Среда. — Вчера, после доклада моего и потом вместе с Гирсом, был я у Баранцова, чтобы наведаться о больном и переговорить по некоторым делам. При мне приехал к нему великий князь Михаил Николаевич. Мы просидели втроем часа два.

Сегодня все утро провел в разъездах по заведениям, отказавшись и от Военного совета и от осмотра работ ведомства путей сообщения во дворце. Я успел побывать в Инженерной академии и училище, в приготовительных классах Пажеского корпуса и, наконец, в Николаевском госпитале, где обошел несколько палат, а потом присутствовал на экзамене слушательниц медицинских курсов.

11-го апреля. Пятница. — Вчера, после доклада, заехал на экзамен в Военно-топографическое училище; потом принимал множе-

---

* независимом

ство разных лиц по службе, а вечером был на музыкальном вечере во 2-й военной гимназии[198].

Сегодня утром осматривал некоторые новые образцы повозок для полкового обоза; потом посетил Константиновское училище, а затем был на совещании у великого князя Константина Николаевича по вопросу о мерах обороны Приморской области на случай разрыва с Китаем.

14-го апреля. Понедельник. — Вчера полковой праздник Лейб-гренадерского полка; по этому случаю утром парад, а потом обед во дворце. Сегодня утром заехал к великому князю Михаилу Николаевичу с поздравлением по случаю дня рождения великого князя Николая Михайловича, который заболел скарлатиной и отделен от семьи. Потом обычный прием представляющихся и просителей, а затем совещание у великого князя Константина Николаевича по вопросу о новом административном устройстве Приморской области. После продолжительных толков пришли к единогласному заключению о необходимости учреждения особого начальника области по гражданской и военной части, независимо от морского начальства во Владивостоке, остающегося исключительно в звании главного командира над портом[199].

15-го апреля. Вторник. — Утром при докладе* Государь завел речь о записке, поданной вновь наследником цесаревичем о развитии «добровольного флота», т. е. об увеличении числа крейсеров; его высочество цесаревич высказывается против постройки больших броненосцев, которые, по расчету самого Министерства морского, должны обходиться не менее 8 миллионов рублей каждый. Государь передал мне для прочтения представленную Морским министерством записку, в подтверждение его плана постройки больших броненосцев с ежегодным ассигнованием чрезвычайного кредита, по 8 миллионов в год[200].

После своего доклада я остался и при докладе Гирса. Теперь главная забота сосредоточивается на делах черногорских: вероломный, предательский образ действий турок при передаче черногорцам уступленной части территории к стороне Скутари привел, наконец, всю Европу в негодование. Так же как и по делу убийства подполковника Куммерау, все представители больших держав в Константинополе действуют единодушно, заодно с нашим, не исключая даже и Лаярда. Перемена министерства в Англии сильно повлияла уже на общие отношения между державами, и наше положение заметно улучшилось. Германский канцлер, по-видимому,

* сперва

побуждает Австрию присоединиться к предположенному соглашению нашему с Германией. В своих интимных беседах с Сабуровым Бисмарк* выражается с неудовольствием о Геймерле, преемнике графа Андраши. К 17-му числу ожидаем прибытия сюда военных депутаций, как из Берлина, так и Вены.

В заседании Кавказского комитета были продолжительные прения в присутствии великого князя наместника кавказского по двум крупным делам: о сложении с грузинского дворянства старых долгов в Закавказский приказ и об устройстве майората князя Дадиана-Мингрельского[201]. Великий князь почти ничего не говорил; за него поддерживал интересы грузинского дворянства князь Святополк-Мирский против велеречивого министра финансов, поддерживаемого, как всегда, государственным контролером Сольским и почти всегда председателем Департамента экономии Абазой.

19-го апреля. Суббота. — В четверг, в день рождения Государя[202], не было никакого празднования, по случаю Страстной недели. Я имел обычный доклад, а после представлялись Государю военные депутации — прусская и австрийская. Во главе первой прислан генерал Тресков, а второй — генерал Рамберг.

Вчера был у меня итальянский посол Нигра; он привозил ко мне рекомендовать назначенного вновь итальянским агентом капитана Vicino Pallavicini. Был у меня также некто Schacher — француз, женатый на русской, владелец значительных фабрик и заводов в России, Румынии и Франции. Он изобрел аппарат для автоматического шифрования секретных телеграмм и депеш. Я пригласил генерала Мещеринова и Величко (специалистов Главного штаба по части шифрования), чтобы показать им замечательный прибор и чтобы испытать употребление его; мы попробовали сравнить действие прибора с обычным нашим способом шифрования; с первого же раза оказалось явное преимущество прибора. Изобретатель оставил в мое распоряжение несколько экземпляров этого остроумного изобретения для дальнейшего испытания.

Вчера же было у меня вторичное совещание по делу обороны Приморской области. Много спорили и разошлись почти в 6 часов.

Сегодня был у меня обычный доклад, после которого я был призван снова в кабинет Государя вместе с министром финансов, который продолжает противиться начатию в нынешнем году инженерных работ, предположенных в Ковне, Гродне и Осовце. Видя

---

* уже выражается с некоторым неудовольствием

недоумение, в которое был поставлен Государь нашими противуположными взглядами, я решился сделать уступку и согласился отложить начатие работ до будущего года, тем более, что Грейг уверял, будто подобное наше распоряжение может расстроить его планы по какой-то предпринятой им кредитной операции.

Во дворце, несмотря на Страстную субботу, был сегодня парадный обед для прусской военной депутации. Государь и великие князья, как водится, были в прусских мундирах; никаких тостов не было. Австрийской депутации будет дан обед в другой день.

Собираюсь теперь отправиться снова во дворец на обычную встречу Пасхи.

21-го апреля. Понедельник. — Сегодня праздновался официально день рождения Государя, взамен 17-го апреля, который пришелся на Страстной четверг.

Во дворце был опять обед для австрийской военной депутации: точное повторение субботнего обеда.

Утром было у меня опять совещание о мерах обороны Приморской области. Предположения об усилении там войск, о сформировании стрелковой бригады, об устройстве военных управлений обсуждены во всех подробностях и теперь остается только редактировать всеподданнейший доклад.

23-го апреля. Среда. — Вчера, после своего доклада, присутствовал я при докладе Гирса, который, между прочим, представил свою переписку с Сабуровым[203], доложил о своих разговорах с лордом Дефферином. С переменой английского министерства наши отношения уже начинают заметно улучшаться: германский канцлер* переменил тон, по-видимому опасаясь, чтобы сближение наше с Англией не охладило нашего желания сблизиться с Германией. Новое же английское министерство вызывает нас на соглашение по разным стоящим на очереди вопросам, особенно по черногорскому. В виду таких благоприятных обстоятельств, барон Жомини, по мысли Гирса, редактировал новую меморию, в которой напоминает предшествующие бесплодные попытки европейских держав водворить лучший порядок вещей на Балканском полуострове, указывает главную тому причину — недостаток понудительных мер исполнению Портою постановлений Европы и приходит к тому заключению, что и в настоящее время главные условия Берлинского трактата могут остаться мертвою буквой, если все большие державы не примут действительных мер к понуждению Порты. Такою мерою барон Жомини считает совместное действие

---

* несколько

Граф Д.А. Толстой

морских сил европейских держав на берегах Албании и Эпира, а в случае надобности, и с дессантными войсками. Государь одобрил эту черновую меморию и приказал иметь ее в виду для заявления державам, когда наступит удобный момент, а именно, когда* выкажется окончательно, какое последствие будет иметь только что предъявленная Порте представителями больших держав в Константинополе коллективная нота по черногорскому делу.

Граф Лорис-Меликов заехал ко мне и долго сидел среди моей семьи. Он торжествует свою победу над графом Толстым, увольнение которого от должности министра народного просвещения и обер-прокурора Синода произвело всеобщую радость. Известие это мгновенно распространилось повсюду; все ликуют и с любопытством расспрашивают о преемнике его. Предназначается на пост министра народного просвещения тайный советник Андрей Александрович Сабуров — попечитель Дерптского учебного окру-

---

* коллективная нота, поданная на днях в Константинополе представителями больших держав, останется без положительного результата.

га, брат посла в Берлине. О нем слышны хорошие отзывы, но говорят, что он человек слабого характера. На место же обер-прокурора Синода назначен Победоносцев, который, говорят, в восторге от этого назначения. Граф Лорис-Меликов не без больших затруднений достиг своей цели; Государь упорно поддерживал Толстого, но вынужден был, наконец, решиться на удаление министра, умевшего заслужить всеобщую ненависть. Мера эта, несомненно, произведет хорошее впечатление во всей России и Лорис-Меликову скажут все искреннее спасибо.

Вчера был у нас родственный обед для семейства жениха — Гершельмана.

Сегодня утром ездил я поздравлять именинниц: великих княгинь Александру Иосифовну и Александру Петровну. Обеих я не видел уже давно, по случаю их болезненного состояния. И сегодня первая из них не принимала; вторую же я видел во время обедни; она давно уже совсем без ног; ее возят в подвижном кресле. В продолжении обедни она сидела посреди церкви, окруженная плотно теснившеюся толпою всяких старух, стариков, детей, которые по окончании службы подходили к ней и с любовью целовали ее руки, иные же христосовались. Я был тронут этою картиной, особенно при совершенном отсутствии членов великокняжеской семьи; в церкви не было даже ни одного чиновного лица.

Перед обедом приехал ко мне английский посол толковать о том, как уладить затруднения, возникшие по поводу возобновления работ делимитационной комиссии на азиатской нашей границе[204]. Английский делегат генерал Гамлей настаивает на том, чтобы приступить неотлагательно к этим работам на месте, начав их с определения пункта новой границы у Караургана. Мы же с Гирсом настаиваем на том, чтобы английский делегат приступил к работе на южной половине границы только тогда, когда означенный пункт у Караургана будет окончательно определен первою комиссией, состоящею исключительно из делегатов русского и турецкого. Лорд Дефферин прямо высказал мне, что не видит возможности притти к какому-либо соглашению с Гирсом, который в подобных вопросах ни на что не решается без меня. После продолжительных объяснений мы, наконец, пришли, повидимому, к такому компромиссу, который удовлетворил английского посла; он намерен сообщить мое предложение генералу Гамлею.

Был у меня еще барон Кёне, специалист наш по части геральдики. Уже с прошлого года он настаивает, чтобы получить от меня согласие на проектирование нового графского герба. До сих пор я

старался, под разными предлогами, отклонить эти пустяки; но Кёне уверяет, что составление нового герба обязательно, что* он должен представить проект на высочайшее утверждение. Я просил его убедительно избавить меня от заботы сочинять себе герб и, если уже необходимо, чтобы кто-нибудь сочинил его, то чтобы он сам проектировал и при том сколь возможно проще, без всяких вычур и эмблематических затей.

25-го апреля. Пятница. — Немало был я удивлен сегодня посещением графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого, который многие годы не ступал ко мне ногой. Он сказал мне, что приехал проститься, покидая должность министра, и прибавил, что с радостью прекращает навсегда** препирательства со мной. Я дал шутливый оборот его словам, и мы дружелюбно побеседовали с полчаса, как будто всегда были друзьями. Он с цинизмом доказывал неосновательность всех упреков и жалоб против него и его управления. Назначения Сабурова и Победоносцева уже объявлены в газетах.

Вечером был я на музыкальном вечере в 1-й военной гимназии.

26-го апреля. Суббота. — Граф Коцебу пишет мне, что решился, наконец, просить у Государя увольнения от должности, чувствуя ослабление здоровья. Сегодня же, при докладе, Государь передал мне прошение графа Коцебу и высказал свое намерение заместить его графом Тотлебеном, на место которого*** назначить графа Игнатьева. Я выразил сомнение относительно административных способностей графа Тотлебена и пригодности его для Варшавы, заметив притом, что ему было бы вероятно сподручно быть в Вильне, по близости его имений, тогда как Альбединский, по моему мнению, более соответствовал бы трудному посту правителя в Царстве Польском. Вместе с тем я напомнил о генерале Дрентельне, которого жаль оставлять долго в бездействии и который, вероятно, принял бы охотно пост в Одессе. Государь возразил, что Тотлебену было уже объявлено о предстоящем перемещении его в Варшаву, что этот пост особенно важен в военном отношении; но что во всяком случае, прежде решения вопроса, посоветуется с министром внутренних дел и некоторыми другими лицами.

27-го апреля. Воскресенье. — Утром ездил я расписаться в Аничковском дворце по случаю дня рождения одного из детей наследника. Развод и осмотр новобранцев были отменены по нена-

---

* ему велено

** всякие

*** предполагал

стной погоде; но в половине второго я был приглашен во дворец вместе с графом Валуевым, графом Лорис-Меликовым и Маковым. Предметом совещания было замещение графа Коцебу; сегодня Государь уже не так положительно, как вчера, выражал намерение свое назначить графа Тотлебена в Варшаву, а допускал возможность назначения его в Вильну; но приказал вызвать сюда Тотлебена, чтобы лично переговорить с ним. О назначении в Одессу графа Игнатьева уже не было речи, а возникла мысль об учреждении временного генерал-губернаторства в Поволжье с тем, чтобы граф Игнатьев, по примеру прошлого года, был сначала назначен временным генерал-губернатором в Нижний, на время ярмарки, по окончании которой мог бы переместиться в Казань. По поводу всех этих соображений граф Валуев вздумал высказать свое мнение о том, что, в случае назначения Тотлебена в Варшаву было бы весьма нежелательно, чтобы он взял с собою туда тайного советника Панютина, оставившего по себе нехорошую память как в Варшаве, так и в Вильне. С этим мнением вполне согласны были и Лорис-Меликов и Маков. Но Государь, переменив мгновенно тон, строго спросил: «Почему это?». Когда же граф Валуев заметил, что Панютин слишком крутого нрава, то Государь с большею еще строгостью сказал: «Это-то и нужно с поляками». Затем начал объяснять свой взгляд на систему действий относительно Польши. После исторического вступления, начиная со времен Александра I и до последней польской смуты[205], Государь резюмировал так свою систему: «Я знаю вполне, что поляков нельзя никогда сделать русскими; я этого и не добиваюсь; но надобно, чтобы управление в Польше было русское и, пока я жив, не переменю своей политики». Государь напомнил, что было сделано в его царствование для Польши, миссию моего брата Николая[206] и, в заключение, сказал: «Я желаю, сколько возможно, улучшить быт народа в Царстве Польском, но не допущу ни малейшего послабления в правительственной системе». Тем кончилось совещание. Когда мы вышли из кабинета Государя, я заметил графу Валуеву, что напрасно он употребил в отношении Панютина выражение «крутого нрава»; в сущности, не столько крут его нрав, сколько ограничен его разум; Панютин, просто говоря, самодур и притом желающий выслуживаться и подслуживаться. Как в Варшаве, так и во всяком другом месте он вреден не по своей крутости, а по узкости понятий и односторонности. Благодаря этим свойствам его и при ограниченности ума графа Тотлебена, из Одессы высылаются сотни людей в другие местности России только потому, что они кажутся «неблагонадежными». Как будто

с переменою места жительства они перестанут быть неблагонадежными. Эта система административной высылки, доведенная в последние годы до крайности, всегда казалась мне какою-то несообразностью.

29-го апреля. Вторник. — После моего доклада Гирс доложил Государю о полученной от английского посла ноте, которою новое английское министерство приглашает большие державы к коллективному действию для понуждения Порты к исполнению условий Берлинского договора. Нота еще переводится, а потому пока невозможно и рассуждать, в каком смысле ответить.

По случаю дня рождения великого князя Сергея Александровича принимал он после обедни поздравления.

30-го апреля. [Среда]. — Судя по газетным известиям, дела в Албании принимают угрожающий вид[207]. Можно опасаться возобновления общей передряги на Балканском полуострове.

К обеду был я приглашен во дворец с Гирсом, Маковым и приехавшим с Кавказа генерал-адъютантом Свистуновым.

2-го мая. Пятница. — Утром ездил с поздравлением к великому князю Владимиру Александровичу. Вечером был у меня граф Тотлебен, только что приехавший из Одессы. Он рассказывал мне многое о своих распоряжениях и, между прочим, по университету, в котором все беспорядки приписывает вине самого начальства учебного и неспособности попечителя Голубцова[208]. По настоянию Тотлебена, граф Толстой сменил Голубцова, но перевел его попечителем же в Киев; как будто там он будет менее неспособен*.

3-го мая. Суббота. — После моего доклада Государь принял графа Тотлебена; но, по-видимому, колебался еще, которое из двух мест предложить ему: в Варшаву или в Вильну. В 12 часов назначен был большой смотр войскам: Государь сел верхом у «собственного» подъезда и проехал сначала мимо всей артиллерии, стоявшей на дворцовой площадке и вдоль набережной до самого Летнего сада; затем по саду выехал на Марсово поле к правому флангу войск, стоявших на плацу. Смотр удался вполне; погода была прекрасная. После парада был обычный завтрак у принца Ольденбургского.

Сегодня я был приглашен к обеду у английского посла; но, незадолго до обеденного часа, получил другое приглашение — во дворец. Кроме меня были за обедом граф Тотлебен и Гирс. Выйдя из-за стола, Государь уселся с Тотлебеном у углового окна, из

---

* Дело в том, что Голубцов управляет имениями графа Толстого.

П.П. Альбединский

которого открывается прекрасный вид на Неву, поговорил с ним несколько минут и потом, подозвав меня, объявил о своем решении: Тотлебена назначить в Вильну на место Альбединского, которого переместить в Варшаву; в Одессу же назначается Дрентельн. Таким образом, все уладилось так, как мы желали с Лорис-Меликовым и Маковым. Думаем, что Альбединский, со* своею ловкостью и гибкостью, лучше справится в Варшаве, чем узковзглядный Тотлебен. Однако же, кажется, по разным приметам, что сам Тотлебен не совсем польщен назначением в Вильну. Пост в Варшаве, по-видимому, более льстил его честолюбию и тщеславию. Но он покорился непринужденно воле Государя, утешая себя удобством

* своим тонким умом

Вильны для его домашней обстановки, так как его возлюбленное имение в Кейданах будет под рукой.

6-го мая. Вторник. — Сегодня* собрал я у себя начальников здешних военно-учебных заведений среднего разряда и инспекторов классов, чтобы в присутствии главного начальника генерал-адъютанта Исакова передать им мои замечания по рассмотренным мною письменным ответам выпускных учеников (VII-х классов) на испытаниях из математики, русского и иностранных языков. Вообще, я остался недоволен этими работами: результаты** усиленных и многолетних трудов для поднятия учебной части в наших общеобразовательных военно-учебных заведениях оказываются, к крайнему моему сожалению, неблестящими. С некоторым удивлением я должен был признать, что из всех пяти петербургских заведений означенной категории лучшие письменные ответы — в VII классе Пажеского корпуса; а всех слабее — в 1-й военной гимназии.

В прошедшее воскресенье я был приглашен осмотреть механическую выставку Технического общества в так называемом Соляном городке[209]. Председатель общества П.А. Кочубей с любезностью показывал мне самые любопытные из выставленных новых машин и аппаратов. Более всего интересны были осветительные аппараты Яблочкова (с которым я здесь и познакомился), электрические машины Теплова и особенно электромагнитные опыты Крукса, составляющие современную новость в науке.

8-го мая. Четверг. — Положительно можно сказать, что наш «политический горизонт проясняется». Новое английское министерство заискивает в нас. Лорд Гренвиль говорит князю Лобанову, что Англия не намерена посягать на независимость Авганистана и готова признать владетелем даже Абдурахмана, хотя он и считается преданным России. В то же время Гренвиль заявил персидскому посланнику, что новое министерство английское не намерено продолжать переговоров об уступке Персии Герата на условиях враждебных России[210]; что, напротив того, оно желает*** в отношении Персии действовать совершенно заодно с Россией. В таком же смысле поручено и лорду Дефферину высказать при первом удобном случае лично Государю. По делам Балканского полуострова новое английское министерство**** с первых шагов своих показы-

---

* было у меня продолжительное совещание с некоторыми начальниками.

** наших

*** поддерживать дружественное свое влияние в Персии.

**** также

Лорд Гренвиль

вает желание действовать энергично для понуждения Порты к выполнению условий Берлинского трактата, но не особняком, а совместно со всею Европой. Таким образом, либеральное министерство как будто хочет возвратиться к нашей политике 1876 года[211], — поправить ту ошибку, которая была тогда сделана консервативным министерством и которая была исходною точкой всех дальнейших политических усложнений в Европе*.

При сегодняшнем моем докладе разрешено Государем несколько довольно значительных вопросов: об увольнении графа Коцебу от должностей варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского округа; о перемещении на место его гене-

* продолжавшихся до настоящего времени.

рала Альбединского, а на место последнего в Вильну генерала Тотлебена; о назначении на место последнего в Одессу генерала Дрентельна; об увольнении генерала Зурова от должности петербургского градоначальника; о назначении генерал-майора Тихменева военным губернатором Приморской области, а генерал-майора Красовского — начальником новоформируемой Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Сегодня же утвержден Государем коллективный доклад мой с министром финансов и с государственным контролером об упразднении существующих в Одессе разных комиссий по делам бывшей действующей армии и перенесении всех этих дел сюда в Петербург, где следственная часть отойдет в ведение военно-судебного ведомства, а расчетная — сосредоточится в новой комиссии, независимой от Военного министерства, под председательством тайного советника Старицкого. Вся эта новая организация дела комиссий решена по инициативе его же, Старицкого, и по взаимному соглашению между Военным министерством и государственным контролером. Я, со своей стороны, очень доволен тому, что устраняю себя от непосредственного вмешательства в неприятные расчетные дела, завещанные жалкою и беспорядочною администрацией бывшей действующей армии.

После доклада я присутствовал на выпускном экзамене Военно-юридической академии, а затем были у меня генерал Альбединский, вызванный сюда по случаю предстоящего перемещения его в Варшаву, великий князь Михаил Николаевич, по случаю отъезда его в Тифлис, и еще многие другие лица.

9-го мая. Пятница. — Утром ездил я в Соляной городок, где показывали мне, для сравнения, образцы легких железных дорог: француза Дековиля и нашего маститого заводчика Мальцева. Потом долго был на экзаменах в Инженерной академии и Инженерном училище, а после в Пажеском корпусе. В настоящий сезон экзаменов во всех учебных заведениях приходится мне посещать их чаще обыкновенного.

Вечером был я на станции Московской железной дороги, чтобы проститься с великим князем Михаилом Николаевичем.

Государь собирается переехать в Царское Село; но переезд откладывается со дня на день, частью по причине холодной погоды, частью* потому, что положение императрицы становится все хуже и хуже.

13-го мая. Вторник. — В прошедшую субботу Государь переехал в Царское Село, несмотря на холодную и дождливую погоду.

---

* может быть из приличия

Императрица все в том же безнадежном положении остается с младшими сыновьями в Зимнем дворце. Сегодня первая моя поездка в Царское. Дворец царскосельский показался мне еще* более угрюмым, чем в прежнее время: все подъезды, кроме одного церковного, заперты; ворота в сад заперты; везде кишат городовые, полицейские, переодетые мушары[212]. Государь удерживал меня к обеду, но я отпросился, по случаю предстоящей завтра свадьбы моей дочери. В доме суета, хлопоты.

14-го мая. Среда. — Свадьба моей дочери Елены. День тяжелый и в отношении физическом** и еще более нравственном. После раннего обеда молодые уехали в деревню.

В прошедшую ночь окончен суд над 11-ю обвиненными в государственном преступлении: двое из них (Михайлов и неизвестный, называющий себя Сабуровым) приговорены к смертной казни, прочие все, в том числе и доктор Веймар и несколько женщин, — к каторжным работам***[213].

15-го мая. Четверг. — Утром ездил в Царское Село: доклад свой докончил в вагоне на обратном пути в Петербург. Государь приезжал в город часа на два, чтобы посетить больную императрицу.

У А.А. Абазы было совещание по поводу записки, поданной Государю генерал-адъютантом графом Барановым относительно дальнейших работ председательствуемой им Высшей комиссии по железнодорожному делу[214]. В совещании участвовали, кроме меня, министры путей сообщения и финансов, государственный контролер, графы Баранов и Лорис-Меликов. По своему обыкновению Посьет отвергал предположения комиссии, считая их незаконным вмешательством в специальный круг действий Министерства путей сообщения. Все прочие участвовавшие в совещании доказывали ему, что железнодорожное дело не есть исключительная специальность одного этого министерства, а дело общее, государственное, затрогивающее разнородные интересы народа и

---

* гораздо более унылым,

** материальном, а в особенности нравственном.

*** Во время вечернего заседания, когда был дан на несколько минут перерыв, произошел немалый скандал: исправляющий должность шефа жандармов генерал-майор Черевин, известный своею наклонностью к веселой жизни, приехав в суд с какого-то обеда (говорят, у князя Юрия Максимилиановича Лейхтенбергского) позволил себе в нетрезвом виде какие-то неприличные шутки с подсудимыми и вызвал с их стороны дерзкие выходки. Можно ли ожидать хороших результатов, когда такие должности, какова должность заведующего секретною полициею, вверяется подобным легкомысленным личностям.

К.Н. Посьет

правительства. Все наши аргументы, конечно, не могли успокоить раздражение Посьета против ненавистной ему комиссии графа Баранова. Тем не менее председатель, благодаря своему примирительному и мягкому характеру, привел к соглашению на счет редакции окончательного нашего заключения, устранив предрешение всяких частностей, наиболее возбуждавших разномыслие.

Прямо с совещания граф Лорис-Меликов приехал ко мне на скромную семейную трапезу.

19-го мая. Понедельник. — В прошедшую пятницу утром заехал я к князю Горчакову, считая приличным проститься с ним пред отъездом его за границу. За два дня до того он еще выезжал и был у Государя, который был удивлен его бодрым и здоровым видом. Но

в пятницу я не мог уже видеть канцлера; мне сказали, что он снова занемог; а впоследствии узнал я, что в ту самую ночь с бедным стариком приключился весьма прискорбный случай: он вдруг впал в старческое расслабление рассудка (dementia senilis); разбудив своего камердинера, велел ему осветить комнаты и сел с ним играть в карты, но без карт, в воображении. Потом в продолжение дня он называл все предметы тою или другою картою. В субботу, когда я возвращался из Царского Села с Государем, Гирс доложил о странном болезненном перевороте в князе Горчакове, но вместе с тем привез от него письмо, написанное им в то же утро, на имя Государя, совершенно складно и разумно. Тем не менее мания карт возвращалась к нему при каждом случае. Его уговаривали отказаться от поездки за границу; но старик упорно настаивал и сегодня утром уехал в сопровождении сына Михаила (посланника в Мадриде) и врача. Он непременно хочет представиться императору Вильгельму и видеться с Бисмарком. Желательно, чтобы не допустили его до какого-нибудь скандала. Печальный будет эпилог для такой блестящей биографии.

С отъездом князя Горчакова значительно облегчилось трудное положение Гирса, который избавляется от необходимости исполнять личные приказания Государя украдкой от своего прямого начальника, дабы не раздражать старика и беречь его, как балованного ребенка. Но в сущности роль* Николая Карловича едва ли изменится. Государь уже привык смотреть на себя как на настоящего министра иностранных дел и, без сомнения, Гирсу останется попрежнему скромная роль секретаря, на котором лежит редактирование депеш по указаниям Государя, да по временам личные объяснения с иностранными дипломатами.

Такой способ ведения иностранной политики лично самим монархом представляет большие неудобства и опасность. Даже и при мягком, нерешительном характере императора Александра II вообще недоверчивого ни к другим, ни к самому себе, дела ведутся не путем спокойного обсуждения, а под влиянием минутных, случайных впечатлений. Наскоро прочитанная Государем депеша, возвращаемая в министерство с собственноручными высочайшими отметками, часто предрешает направление дела даже без личного доклада министра или заместителя его. Но и при личном докладе не всегда бывает возможно обсудить вопрос с достаточным спокойствием и основательностью, не всегда докладчик (особенно такой скромный, каков Николай Карлович Гирс) может высказать

* <доброго> <скромного>

свое мнение с полною откровенностию и независимостью. Поставленное наскоро решение приводится в исполнение и за последствия никто ответственности не несет.

20-го мая. Вторник. — Вчерашнее заседание Государственного совета было последнее перед наступлением летнего перерыва.

Сегодня, приехав по обыкновению в Царское Село рано утром, я остался на станции, чтобы докладывать Государю в вагоне на пути в Петербург. Поезд был назначен в 10 часов утра, ранее обыкновенного, по случаю дня именин великого князя Алексея Александровича. Возвратившись в Петербург, я должен был немедленно облачиться в парадную форму и ехать во дворец к обедне, чтобы поздравить именинника. Там видел только что приехавшую королеву греческую Ольгу Константиновну и сыновей ее, которые уже большие мальчики. Королева недавно разрешилась вновь шестым уже ребенком, но остается все по-прежнему моложавою и цветущею. С нею приехал тот же адмирал, с которым я познакомился в Ливадии; но фрейлина другая, — весьма некрасивая. Та красавица, которая так забавляла нас в прошлом году в Ливадии своими наивными выходками (Хризула Анаргиро), как говорят, совсем потеряла рассудок.

К обеду приехали к нам из деревни наши «молодые», счастливые и веселые.

21-го мая. Среда. — Почти весь день провел вне дома: утром ездил поздравить августейшего именинника великого князя Константина Николаевича, который показался только на минуту в приемной комнате перед самою обедней. Зато великая княгиня Александра Иосифовна, несмотря на свою слабость после продолжительной болезни, и королева греческая очень любезно обошли всех собравшихся для поздравлений. Великую княгиню я не видел с весны прошлого года, со времени пребывания ее в Ливадии.

К полудню вся наша семья собралась на новоселье к «юной чете» на пирог, по случаю именин молодой. Потом заседание Военного совета и семейный обед у родителей молодого.

22-го мая. Четверг. — Печальный день: императрица кончила свою мученическую жизнь.

Обыкновенным порядком я отправился утром в Царское Село; но, прибыв туда, на станции узнал, что Государь только что отъехал на экстренном поезде по случаю полученного известия о кончине императрицы. Немедленно же я возвратился в город, где получил приказание приехать в Зимний дворец. Был уже 12-й час, когда я вошел с докладом к Государю. Он был печален, в нервном состоянии, но имел терпение выслушать мой обычный доклад,

Императрица Мария Александровна

хотя с несколькими перерывами. Присутствовал при докладе и наследник цесаревич. Государь передал мне то, что ему рассказали о кончине императрицы: никто не был при ней в самый момент смерти; неотлучная ее камер-фрау Макушина, войдя в спальню в девятом часу утра, нашла уже бездыханный труп. Можно полагать, что больная кончила жизнь спокойно, без агонии, как бы заснула. При мне Макушина принесла показать Государю разные перстни и ожерелья, которые покойная государыня обыкновенно носила на себе; Государь сам разобрал эти вещи и распорядился, которые надеть на покойницу и которые пожелал сохранить у себя на память. Доклад мой протянулся до исхода первого часа, когда уже съезжались во дворец все члены царской семьи на первую панихиду.

23-го мая. Пятница. — Утром ездил я во дворец поклониться праху усопшей императрицы. Тело еще покоится на постели в спальной; публика пока не допускается; приходят только немногие из людей близких. С чувством сердечной скорби приложился я к холодной руке покойницы, лицо ее необыкновенно благообразно, выражение совершенно спокойное. Вид ее тем более поразил меня, что я не видел покойную императрицу с августа прошлого года; и тогда она имела вид печально-болезненный, крайне истомленный; а с тех пор, конечно, она еще много выстрадала*. Я был глубоко растроган, увидев пред собою бездыханный труп женщины, которая в последние годы внушила мне** чувство благоговейного почтения.*** Она имела благотворное влияние на всю семью, для которой кончина ее будет очень чувствительной утратой. И мы все, близко знавшие обстановку двора, будем нередко вспоминать и скорбеть**** об отсутствии усопшей.

24-го мая. Суббота. — Утром, в обычный час, доклад в Зимнем дворце; около полудня торжественное перенесение тела усопшей императрицы из спальной ее в Большую дворцовую церковь. Вечером опять съезд во дворец к панихиде.

Железнодорожное дело получило неожиданно скорое разрешение: несмотря на сопротивление Посьета, отказавшегося подписать журнал бывшего совещания, Государь утвердил этот журнал[215]. Возможно ли после этого министру оставаться на своем месте? Граф Лорис-Меликов уже заговорил о приискании кандидата для замещения Посьета и называет Обручева. На вопрос Лорис-Меликова я ответил, что считаю Обручева способным занять любое место в высшей администрации.

К погребению императрицы ожидают приезда многих иностранных принцев и депутаций. Между прочим приезжает завтра наследный принц Германский с многочисленною свитой; затем великий герцог Саксен-Веймарский, принц Александр Гессенский и его сын — князь Болгарский.

25-го мая. Понедельник. — С утра погода дождливая, сильный ветер, на воде почти буря. Несмотря на то, процессия перенесения тела покойной императрицы в Петропавловскую крепость совершалась вполне удачно; к полудню дождь прекратился, на несколь-

---

* много изменилась, поэтому я был крайне удивлен теперь, увидев покойницу.

** можно сказать поистине

*** Это была святая женщина в нравственном отношении душевных свойств и, вместе с тем, высокого ума и образования.

**** сожалеть

ко минут даже выглянуло солнце. За колесницей с гробом ехал Государь верхом, в мундире Лейб-Кирасирского Ее Величества полка; за ним, также верхом, наследный принц Германский — эрцгерцог Вильгельм, принц Александр Гессенский и затем свита государева; вся же царская семья (мужского пола) шла пешком. При самом входе процессии в крепость Государь и мы все сошли с коней, и тут мне удалось обменяться приветствиями с приезжими иностранными принцами.

Вечером я был наряжен в число дежурных при гробе с 8 до 10 часов; простояв час до панихиды, потом всю панихиду и после, я был сменен только в 11 часов князем Воронцовым, который не получил своевременно повестки о дежурстве. И не он один был в том же положении; общая жалоба на беспорядок и нераспорядительность в церемониальной комиссии. Когда в 12-м часу ночи я возвращался домой, у входа в крепость уже собралась толпа народа; в крепость впускали только небольшими группами.

27-го мая. Вторник. — Доклад обычным порядком в Зимнем дворце, — сперва военный, а потом вместе с Гирсом. Еще с вечера получил я от наследного принца Германского приглашение быть у него в 11 часов утра, но доклад мой окончился не ранее 11 $^{1}/_{2}$ часов. Принц уже совсем одетый встретил меня в своей приемной. Я извинился, что опоздал, и мы вошли в гостиную. После нескольких обычных фраз, сказанных принцем стоя, он вдруг, abrupto* озадачил меня таким неожиданным и странным вопросом: «Dites moi, cher comte, est-ce vrai que vous êtes ennemi de l'Allemagne et que vous voulez nous faire la guerre?»**.

– J'espère que Votre Altesse n'y croit pas, car il faut être un idiot pour vouloire faire la guerre à l'Allemagne, surtout dans les circonstances actuelles***.

Принц улыбнулся и, пригласив меня сесть, начал говорить о необходимости поддержания и на будущее время традиционной дружбы между Россией и Германией, на что я ответил, что в этом вполне убеждены у нас все сколько-нибудь обладающие здравым смыслом, что если в Германии так распространилось

---

* Внезапно (*лат.*).

** «Скажите мне, дорогой граф, правда ли, что вы враг Германии и что вы хотите начать с нами войну?» (*фр.*).

*** — Я надеюсь, что Ваше Высочество не верит этому, потому что надо быть идиотом, чтобы хотеть войны с Германией, особенно при современных обстоятельствах (*фр.*).

Германский кронпринц Фридрих-Вильгельм в окружении своей семьи

убеждение во враждебном к ней настроении в России, то главным образом способствовала тому журнальная полемика, которая постоянно раздувает и преувеличивает всякое возникающее в политике недоразумение. К этому прибавил я, что и созданною мне репутациею немцофоба обязан я той же прессе, особенно благодаря нашим балтийским немцам. Слова эти были поняты принцем совсем в ином смысле, в каком были мною высказаны; он начал было отрицать всякие помыслы Германии на прибалтийские наши губернии; конечно, я поспешил объяснить, что об этом не могло быть и речи, что, упомянув о балтийских немцах, я имел в виду исключительно их нерасположение ко мне лично, так как в вопросах внутренней политики, относительно Прибалтийского края, я стою открыто и неуклонно за объединение государства и, следовательно, противником всяких притязаний

остзейских баронов на сохранение* средневековых феодальных привилегий. На этом должен был оборваться наш разговор, так как принц спешил к Государю на завтрак и, прощаясь со мною, выразил твердую надежду на сохранение между Россией и Германией лучших отношений**.

К часу пополудни поехал я в крепость на панихиду, а по окончании службы оставался на дежурстве при гробе до 4-х часов. Жена моя также дежурила и вчера, и сегодня; дочь Елизавета более времени проводит в крепости, чем дома. Сегодня прибыл князь Александр Болгарский, а вчера герцог Альфред Эдинбургский и великий князь Михаил Николаевич. Также прибыли депутации шведская и французская; во главе последней сам посол Шанзи, возвратившийся из отпуска. Опоздали к погребению баварский принц Арнульф и итальянская депутация.

29-го мая. Четверг. — Вчера совершился обряд погребения императрицы с обычною торжественностью в присутствии многочисленных иностранных принцев и депутаций. Вскоре после печаль-

---

* их

** *Первоначальный текст после слов «вошли в гостиную»*: «Разговор был непродолжительный, стоя, но довольно знаменательный. Принц, высказав несколько фраз <от которых как-то естественно речь перешла на самый щекотливый вопрос>, почти abrupte завел о том, что в Германии я прослыл немцофобом. Когда я прямо высказал, что надеюсь на то, что принц не разделяет этого мнения обо мне; я не мог не заметить по улыбке его, что он <совсем противного мнения> не совсем уверен в противном. Он сказал как о необходимости поддержания и на будущее время традиционной дружбы между Россией и Германией, для поддержания общего мира, — на что я ответил, что надобно быть безрассудным человеком, чтоб быть противного мнения, особенно при настоящем брожении умов, как у нас, так и во всей Европе; я прибавил, что недоразумения, проявившиеся в последнее время, вызваны журналистикой, и, между прочим, упомянул, что и я лично заподозрен в немцофобии, как полагаю, благодаря нашим балтийским немцам. Принц <понял эти слова по-своему> не понял сначала моей мысли, он начал было опровергать всякие помыслы Германии на прибалтийские наши губернии; но я поспешил объяснить, что об этом не могло быть и речи, что, упомянув о балтийских немцах, я имел в виду исключительно <их нерасположение ко мне лично, так как в вопросах внутренней политики относительно Прибалтийского края я стою открыто и неуклонно за объединение государства и, следовательно, противником всяких притязаний остзейских баронов на сохранение их средневековых феодальных привилегий> сепаратистские их наклонности в делах внутренней политики, и что в этом отношении я открыто и искренно принадлежу к числу тех, которые неуклонно и всегда стоят за объединение государства. Принц торопился и закончил наш разговор несколькими фразами, в которых выразил надежду на сохранение лучших отношений между нами».

ной церемонии Государь уехал в Царское Село. Сегодня я ездил туда с докладом. В отсутствие мое заезжали ко мне великий князь Михаил Николаевич, принц Арнульф Баварский, герцог Эдинбургский и князь Болгарский. Завтра предстоит отдать им всем визиты.

30-го мая. Пятница. — Сегодня, в 9-й день после кончины императрицы, был опять съезд в Петропавловский собор на панихиду*. Заезжал я к принцу Арнульфу Баварскому, герцогу Эдинбургскому и князю Александру Болгарскому. У последнего просидел я около получаса; опять жалуется на свое, будто бы, унизительное положение пред полномочным Народным собранием и в то же время озабочен мыслью о возможности близкого движения в Восточной Румелии, с целью соединения с Болгарией[216]. Князю, как кажется, улыбается перспектива стать во главе этого движения; но рядом с честолюбием заметна неуверенность в свои силы и сознание недостаточности средств. Впрочем, князь Александр теперь гораздо спокойнее духом, чем был в прежний свой приезд в Петербург; он отзывался с похвалою о генерале Эрнроте и русских офицерах.

После панихиды было у меня много посетителей и, между прочим, бельгийские офицеры, прибывшие сюда по случаю погребения.

31-го мая. Суббота. — Утром был в Царском Селе. После моего доклада присутствовал при докладе Гирса. Отношения наши с Англией становятся все более дружественными. Сабуров, приезжавший также в Царское, чтобы откланяться пред возвращением в Берлин, уже менее прежнего хлопочет о своих тайных соглашениях с Бисмарком. Он сам говорит, что при теперешнем положении наших дел уже нет особенной нам выгоды настаивать на восстановлении тройственного союза.

По возвращении в Петербург я нашел у себя ожидавших меня французских офицеров, прибывших с генералом Шанзи в качестве чрезвычайной депутации. В числе их приехал и старинный наш приятель Гальяр, уже в генеральских эполетах.

4-го июня. Среда. — В последние дни ничего замечательного. Город пустеет; все приезжие по случаю погребения императрицы разъехались; завтра уезжает великий князь Михаил Николаевич, с которым сегодня я имел продолжительный разговор о разных делах по Кавказу. Наступает летний застой в делах; всякий старается

---

* Пред отправлением туда я заехал расписаться у принца Арнульфа Баварского и герцога Эдинбургского.

под каким-нибудь предлогом вырваться из столицы. Доклады мои Государю я должен почти каждый раз сокращать, откладывая все, что не слишком спешно. Иногда доклад назначается на переезде из Царского Села в Петербург, как например, вчера. У Государя заметно утомление, скука; он мало интересуется делами.

23-го июня. Понедельник. — Более двух недель не раскрывал своего дневника. Не было ничего замечательного ни в политических делах, ни в личной моей обстановке. День проходил за днем; ездил я с докладами в Царское Село; раза два оставался там к обеду. Правда, дипломатическая переписка за это время продолжалась с прежнею деятельностью; даже была плодовитее за последние два месяца; но, в существе дела, мало подвинулась вперед. Берлинская конференция окончила свое дело благополучно: новая граница Греции определена единогласным приговором шести держав[217]; но, вместе с тем, никто не доверяет осуществлению этого решения европейского ареопага. Порта* открыто, с некоторым нахальством, протестует против этого решения и заявляет заранее, что воспротивится ему даже силою оружия. Неужели снова Европа стерпит такой позор? Когда же князь Лобанов в своей** беседе с Гренвилем выразил лично свое мнение о необходимости поддержания решения Европы не одною морскою демонстрацией, но десантом, силою не менее 20 тысяч человек, то одно это*** личное мнение его уже произвело повсюду переполох. Берлинская конференция, между прочим, открыла Европе неожиданный для нее факт****, — что Россия не только не относится враждебно к Греции, но, напротив того, покровительствует ей искреннее и настоятельнее, чем те державы, которые до сего принимали на себя официальную роль покровительниц.

Сегодня Государь ездил в Кронштадт смотреть суда, отправляющиеся в Тихий океан. Смотр этот был назначен еще в прошлую пятницу; но был отложен по случаю зубной боли у Государя. Ради этого случая крейсер добровольного флота «Россия» с посаженными войсками, назначенными для образования кадра новоформируемой в Приморской области стрелковой бригады, не мог дожидаться долее и отплыл по назначению. На смотру же сегодня были только крейсер «Европа» и клипера «Пластун» и «Стрелок».

---

* даже

** частной

*** частное

**** *Первоначальный текст этой фразы*: «Берлинская конференция, между прочим, дала повод к открытию в глазах Европы неожиданного для нее факта».

Начальником всей эскадры, собирающейся в Тихом океане, назначен адмирал Лесовский, который вместе с тем увольняется от должности управляющего Морским министерством.

Кроме русских судов, Государь посетил стоявшие на Кронштадтском рейде иностранные военные суда: итальянское и шведское. Так как осмотр флота кончился довольно рано, то я предложил Государю посетить один из вновь отстроенных фортов; именно тот, которого Его Величество еще не видел в оконченном виде, — форт № 3 или башенный. Государь, обойдя форт, обратился ко мне и приказал назвать этот форт моим именем.

27-го июня. Пятница. — Вчера после доклада я остался в Царском Селе к обеду. Опять стол был накрыт на террасе между дворцом и Камероновской галлереей. Приглашены были княгиня Барятинская с дочерью, Грейг и граф Адлерберг.

Сегодня ездил в Красное Село: ровно в полдень прибыл Государь из Царского Села. После лагерного развода в Преображенском полку был объезд всего лагеря; затем я завтракал у Государя, заехал к дочери моей Гершельман и возвратился к обеду в Петербург. Погода жаркая; порядочно устал.

28-го июня. Суббота. — После доклада в Царском Селе ездил я в Павловск, где было назначено под председательством великого князя Константина Николаевича совещание о том, какая инструкция должна быть дана генерал-адъютанту Лесовскому, назначенному начальником русской эскадры в Тихом океане. В совещании приняли участие, кроме меня, Гирс, Бютцов, Лесовский и вновь назначенный управляющим Морским министерством адмирал Пещуров. На обсуждение предложен был вопрос: какой образ действий может быть допущен для нашей эскадры, в случае разрыва с Китаем, против китайских берегов и портов, при условии наименьшего нанесения ущерба европейским интересам в тех морях. Исходным пунктом служило заявление Гирса о разговоре, который он уже имел по этому предмету с лордом Дефферином. Прочитано было мнение нашего специалиста по международному праву Мартенса. Вопрос настолько выяснился, что не оказалось разномыслия и положено составить записку совместными силами министерств иностранных дел и морского.

Из последних сведений, полученных из Китая, можно полагать, что настроение тамошнего правительства становится менее воинственным. Есть сведение, будто бы Чун-Хоу, приговоренный к смертной казни, помилован, как бы в угоду России. Кояндер пишет от первых чисел мая, что английский посланник употребляет все старания, чтобы отклонить китайцев от войны и для того

запугивает их[218]. Можно надеяться, что, когда китайцы увидят развитие наших сил и на море и на сухом пути, то воинственный их пыл несколько укротится. Тем не менее принимаемые нами меры должны приводиться в исполнение энергично.

В Константинополе положение дел не обещает ничего хорошего. Порта хитрит и, видя в первый раз единодушное действие Европы, выразившееся в коллективной ноте, в которой должно быть предъявлено на будущей неделе решение Берлинской конференции, пытается теперь задобривать и Россию, и Англию, чтобы войти в отдельные с ними договоры и тем расстроить единство европейской политики. Султану пришла еще более странная мысль: не решаясь казнить убийцу подполковника Куммерау[219] и получив несколько уже отказов от русского императора на просьбу о помиловании преступника, султан вздумал теперь просить, чтобы этого фанатика отправить в Россию и там снова подвергнуть врачебной экспертизе. Само собою разумеется, что предложение это отвергнуто.

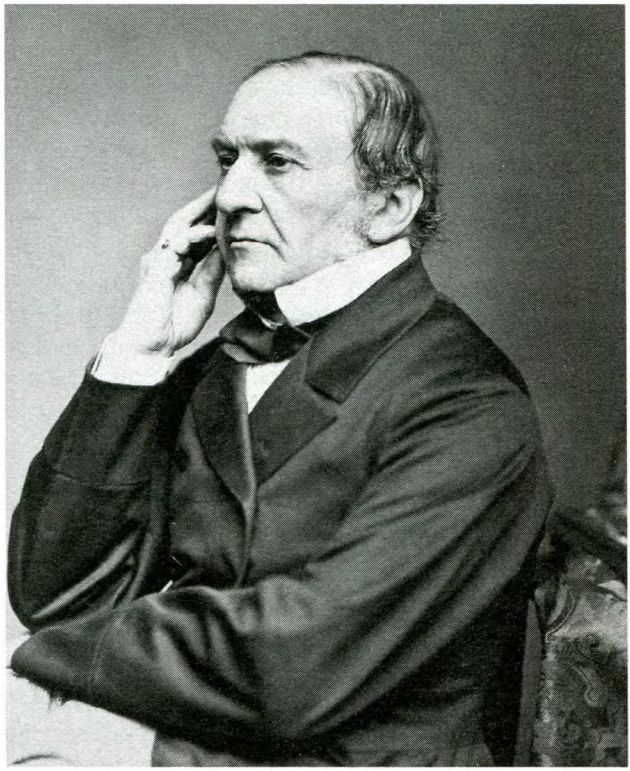
В последние дни прочел я статью, помещенную в двух книжках французского ежемесячного издания: «La nouvelle Revue» под заглавием «La guerre russo-turque»[220]. Статья эта возбуждает много толков своим тенденциозным содержанием: это панегирик великому князю Николаю Николаевичу, написанный как будто под его диктовку. Чтобы выставить его* великим полководцем, вся вина неудач в последнюю войну сваливается на Государя, на Военное министерство, на князя Горчакова. Приводятся такие подробности, которые не могли быть никому известны иначе, как из рассказов самого великого князя, как например — разговоры его с Государем; но все эти факты извращены и** перетолкованы. Я нашел статью до такой степени возмутительной, что намерен, если только буду иметь небольшой досуг, набросать кое-какие материалы для составления опровержения.

1-го июля. Вторник. — Вчера в Петропавловском соборе была панихида по случаю 40-го дня после кончины императрицы, а сегодня в Красном Селе праздновалось 50-летие со времени зачисления Государя в Квалергардский полк. Наличные и прежние кавалергарды поднесли Государю серебряную статуэтку императрицы Александры Федоровны. Блестящий праздник будет стоить немало и, вероятно, для многих из офицеров будет не по карману. Я не мог воздержаться от выражения пред великим князем Николаем

---

* героем

** тенденциозно



В. Гладстон

Николаевичем сожаления о том, что в гвардии так пренебрегают не раз повторенными приказами по военному ведомству о воспрещении всяких подпасок и складчин между офицерами. Но замечания эти ни к чему не ведут; мне всегда отвечают одно: да, это правда, но ведь Государь любит это.

8-го июля. Вторник. — Сегодня после доклада остался я в Царском Селе по случаю приглашения к обеду. За столом были великий князь Алексей Александрович (только что возвратившийся из поездки в Лондон и Штутгарт), граф Лорис-Меликов, Гирс и я. Прочие наличные члены царской семьи: великие князья Сергей и Павел и герцогиня Эдинбургская заключены в карантин по случаю кори; но дети герцогини все время бегали и играли вокруг обеденного стола. Главным предметом разговора было прискорбное известие об убийстве вблизи от Филиппополя г-жи Скобелевой, матери нашего героя. Прискорбно в особенности, что убийцами оказываются, как пишут, черногорцы, под предводительством русского офицера подпоручика Узатиса, который прежде

служил в саперах, отличался храбростью в последнюю кампанию, был под особенным покровительством генерала Скобелева и награжден орденом Св. Георгия. По окончании войны он поступил на службу в Восточной Румелии, в звании инженер-капитана. Когда убийцы были схвачены, Узатис тут же застрелился. Непонятно, что побудило русского офицера к такому гнусному преступлению. Надобно выждать результата расследования[221].

Политические дела не представляют пока ничего решительного: все продолжаются переговоры между кабинетами о мерах для понуждения Порты к исполнению решений Европы по греческому и черногорскому вопросам. Англия до сих под ведет дело добросовестно, по-видимому, с искренним желанием достигнуть результатов; во всем мы с нею соглашаемся и готовы на меры решительные; напротив того, в Париже и Вене не очень желают употребления насильственных мер; особенно боятся их в Вене; в Берлине же* говорят, что Германия не имеет прямых интересов на Востоке. Италию подозревают все в своекорыстных тайных сношениях с албанцами. Сегодня Гирс докладывал Государю о любопытных заявлениях, сделанных ему английским послом о предлагаемом лондонским кабинетом подписании всеми шестью державами протокола, которым обязались бы все заодно, с устранением всяких частных своих целей, заставить Порту исполнить требования Европы. Кабинет Гладстона до сих пор действует энергично и честно, как в делах европейских, так и в азиатских. Он намерен вместе с другими державами убеждать китайское правительство покончить миролюбиво недоразумения свои с Россией и уже приступает к выводу английских войск из Кабула. Нам оставалось бы только желать долголетия кабинету Гладстона. Но, к сожалению, на это трудно рассчитывать. В Англии уже начинает усиливаться оппозиция либеральному кабинету. Говорят, Гладстон устарел и способности его видимо ослабевают; он заходит слишком далеко в своих ультра-либеральных стремлениях в трудном вопросе ирландском[222], так что некоторые из его** сторонников уже покинули его; можно опасаться распадения кабинета.

12-го июля. Суббота. — Сегодня опять остался в Царском Селе к обеду с графом Лорис-Меликовым и Черевиным. Нового ничего нет. Подтверждаются официально известия о признании англичанами эмиром авганским нашего protégé Абдурахман-хана; любопытно знать, на каких условиях[223].

---

* прямо

** сочленов кабинета

19-го июля. Суббота. — В продолжение истекшей недели не было ничего такого, что заставляло бы открыть мой дневник. По обыкновению ездил я с докладами в Царское Село, присутствовал при докладах Гирса и занимался своими военными делами. В политике продолжается тот же «концерт» между шестью большими державами, но, к сожалению, с большими диссонансами и фальшивыми нотами. Гладстон ведет оркестр; все прочие показывают желание итти вместе с ним, чтобы застращать Порту «единодушием» Европы. Даже согласились все на предложение Гладстона подписать протокол, подобный тому, который был некогда подписан пред экспедицией Франции в Сирию[224], — именно с обязательством всех держав действовать исключительно для достижения общей цели, не преследуя никаких частных, эгоистичных* интересов. Однако же не все соглашаются на этот протокол** без оговорок и задних мыслей; у каждого кабинета, как говорится, свое на уме. Австрия даже прямо заявила условие, чтобы даваемое обязательство «бескорыстия» относилось исключительно к настоящему частному случаю, т. е. к понуждению Турции исполнить обязательства свои в отношении Черногории и*** новой греческой границы[225].

Еще более заметна рознь в вопросе о самых мероприятиях для побуждения Порты к исполнению требований «Европы». Кроме России, никто не хочет предпринять что-либо серьезное. Согласились на морскую демонстрацию; но и тут с оговорками: Австрия поставила непременным условием, чтобы не было на эскадре десантных войск (тогда как та же Австрия пред тем заявляла**** готовность принять на себя un mandat de l'Europe для приведения в исполнение силою оружия обязательств Турции относительно Черногории); Франция же, которая сначала выступила вперед в греческом вопросе и взяла на себя роль привилегированной покровительницы Греции, теперь совсем пошла вспять и уже заявляет, что согласна участвовать в морской демонстрации только с условием, чтобы не было ни одного выстрела! Спрашивается — к чему же эта демонстрация? — разве для того, чтобы окончательно осрамить Европу перед азиатским государством, чтобы***** дать Порте полное право издеваться над так называемым «Европейским ареопагом»? Впрочем******, и теперь уже, не-

---

* целей

** добросовестно и без задних мыслей.

*** постановления Берлинской конференции о новой греческой границе.

**** что не прочь

***** окончательно

****** оно и теперь уже так и есть

смотря на полную дезорганизацию и расслабление государства, на бездарность правителей его, Порта нисколько не пугается грозных коллективных нот европейских послов: ответные ноты ее по обоим вопросам — и черногорскому и греческому — явно выказывают нежелание Порты подчиниться решению Европы. Султан, признавая себя бессильным совладеть с необузданным своеволием и возбуждением албанцев, в то же время сам, за кулисами, поддерживает их, употребляя* вымышленную «лигу» албанскую[226] как маску для прикрытия своих попыток спасти ветхий корабль османов от конечного крушения.

Во всей дипломатической переписке за последнее время ясно проглядывает недоверие всей Европы к долговечности** порядка вещей на востоке, установленного знаменитым Берлинским конгрессом***. Хотя все в унисон провозглашают твердое намерение поддержать исполнение Берлинского трактата, однако ж, каждый про себя приготовляется на случай катастрофы, чтобы не упустить своей доли добычи. Более всех в этом отношении озабочена Австро-Венгрия, которая, очевидно, обуреваема честолюбивыми замыслами на всю западную половину Балканского полуострова: она уже и теперь всячески старается подчинить себе Сербию и Черногорию, мечтает об открытии пути к Эгейскому морю. Замечательно, что один из видных австрийских дипломатов — Каллай, игравший видную роль в делах восточных за последнее время, не раз заводил весьма конфиденциальные и как бы откровенные разговоры то с князем Цертелевым, то с послом нашим в Вене о возможности соглашения между Австрией и Россией для окончательного и радикального решения восточного вопроса. Он не скрывал при этом желания Австрии присвоить себе западную половину Балканского полуострова. Но**** в этих вожделениях Австрии является тайным ее конкурентом Италия, которая не совсем бескорыстно держит себя в отношении к албанцам. Здесь, в албанских делах, встречаются и сталкиваются интересы двух этих соперников.

Что касается Франции и Германии, то они обе держат себя в делах восточных крайне пассивно, как будто опасаясь более всего слишком ввязаться в эти дела и быть застигнутыми врасплох друг другом. Притом обе они озабочены внутренними своими делами. Весьма замечательны последние конфиденциальные депеши

---

* фикцию

** существующего

*** Никто не доволен этим порядком и хотя

**** этим жадным стремлениям

посла нашего в Берлине Сабурова, который выводит из своих бесед с английским послом Одо Росселем довольно странные предположения о новой политике князя Бисмарка в отношении к Франции. По предположениям Одо Росселя и Сабурова, германский канцлер как будто желал бы изгладить следы последней Франко-прусской войны и оставшееся после нее взаимно-враждебное отношение. Эти предположения подробно развиты в секретной депеше Сабурова от 10/22 июля, № 169, и в частном письме его к Гирсу от того же числа[227].

Между тем дела англичан в Авганистане снова запутываются. Получено известие о полном истреблении одного английского отряда, выступившего из Кандагара, под начальством генерала Барроу, навстречу авганским толпам, приведенным Эюб-ханом из Герата[228]. Поражение это заставит Англию послать в Авганистан новые подкрепления, чтобы отомстить авганцам и поддержать prestige британской силы. Таким образом в то время, когда войска английские начали уже очищать Кабул, когда наследие Дост-Мухаммеда и Шир-Али-хана, по-видимому, утверждалось за Абдурахман-ханом, война вспыхивает вновь и судьба Авганистана становится опять вопросом.

22-го июля. Вторник. — Вчера ездил я в Смольный (так называемый «Собор всех учебных заведений») по случаю панихиды по усопшей императрице. Церковная служба совершалась с особенною торжественностью; здание великолепное, хотя стиль внутренней отделки не соответствует внешней архитектуре.

Сегодня, по случаю царского дня[229], я остался после своего доклада к завтраку, а потом должен был вторично притти в кабинет государев к докладу Гирса. Пока мы вдвоем ждали в приемной комнате, Государь позвал к себе великого князя Николая Николаевича и оставался с ним вдвоем с полчаса. Я догадался, что поводом к этому tête-á-tête была неприличная статья, появившаяся недавно в издании «La nouvelle Revue», о которой, кажется, я уже упоминал прежде в своем дневнике. При последнем докладе я представил Государю, для предварительного просмотра, составленную генералом Обручевым ответную статью, в которой мастерски опровергнуты все неприличные выходки хвастливого панегирика великому князю Николаю Николаевичу[230]. Сегодня Государь сказал мне, что прочел статью Обручева, одобрил ее и передал для прочтения графу Лорис-Меликову; но прибавил, что намерен еще лично поговорить с Николаем Николаевичем. Впоследствии я узнал, что разговор был очень крупный, что, впрочем, я мог и сам заметить, застав еще конец этого разговора, когда вместе с Гирсом вошел в государев

Великий князь
Николай Николаевич

кабинет. Как Государь, так и великий князь были разгорячены; последний поспешил выйти. Граф Лорис-Меликов рассказал мне, что получил письмо от наследника цесаревича, выражающее крайнее негодование по поводу статьи французского журнала*.

На днях приехал наконец новый посол китайский «маркиз» Цзен. Гирс представил Государю копию и перевод привезенного им письма богдыхана к русскому императору. Письмо это написано в умеренном и дружелюбном тоне, но в нем прямо высказывается невозможность утверждения Ливадского трактата[231]. Гирс испросил у Государя разрешение выслушать Цзена, но объявить ему, что настоящие переговоры должны быть ведены в Пекине. Я про-

---

* несомненно внушенной самим великим князем Николаем Николаевичем. Наследник, который обыкновенно не церемонится в своих выражениях, выразился так о своем дяде: «Если бы я не знал, что он <так глуп> такой дурак, то я назвал бы его подлецом».

сил только вести дело так, чтобы не слишком долго оставаться нам в неопределенном выжидательном положении, которое может истощить нас даже прежде начатия войны.

26-го июля. Суббота. — В среду вечером я переехал на два дня в Красное Село. В четверг, 24-го числа, был общий смотр войскам Красносельского лагеря, в присутствии иностранных послов и великих княгинь; в пятницу 25-го — утром и вечером — учения военно-учебным заведениям и учебным частям войск; а сегодня утром боевая стрельба артиллерии. Все прошло весьма удачно. Дни были жаркие и потому утомительные. В четверг вечером ездил я в лагерь навестить училища и осмотреть вновь выстроенные бараки. В свободные минуты заходил к своей дочери Гершельман и радовался, видя маленькое домашнее хозяйство счастливых молодых.

Великий князь Николай Николаевич дуется на меня; как догадываюсь, за полученную от Государя головомойку; вероятно, он приписывает неудовольствие Государя моему наущению. Во все три дня, беспрестанно сталкиваясь со мною лицом к лицу, он не здоровался и показывал вид, что не замечает меня*.

Политикой во все эти дни вовсе не занимались; Гирса я не видел. Хотя сегодня Государь ожидал его в Красное Село, однако ж, по какому-то недоразумению он не приехал.

29-го июля. Вторник. — Вчера утром отправился в Красное Село и присутствовал на двухстороннем маневре**; а потом был приглашен к обеду у великого князя Владимира Александровича. Сегодня утром был на учении всей каваллерии, а потом имел доклад у Государя, сперва один, а затем вместе с Гирсом. План предстоящих больших маневров значительно сокращен: начнутся только 4-го августа, а кончатся все 8-го.

8-го августа. Пятница. — С вечера воскресенья до сего вечера я оставался на маневрах в Ропше и окрестностях ее. Маневры были весьма утомительные, при чрезмерно жаркой погоде; каждый день, выезжая в поле в 7-м часу утра, возвращались в Ропшу только в 7-м часу вечера, голодные и обожженные солнцем. Ежедневное повторение таких истязаний оказалось мне не по силам. После первого дня маневров я должен был оставаться в Ропше, но сегодня опять был на коне и к вечеру возвратился в Петербург. Праздник Преображенского полка и гвардейской артиллерии справили 6-го августа обычным порядком в Ропше. Великий князь Николай Николаевич не присутствовал на маневрах, по болезни. Никто не мог

---

* Новое доказательство ограниченности ума.

** назначенном в 5 часов вечера.

Светлейшая княгиня Е.М. Юрьевская

сказать мне, действительная ли это болезнь или только предлог, — bouderie*. В последние дни маневров присутствовали иностранные послы — германский, австрийский, английский и французский.

В продолжение истекшей недели не было ничего нового в политике. Гирс приезжал в Ропшу с докладом, но не привез ничего важного. Продолжаются сношения по телеграфу относительно предположенных коллективных ответов Порте по делам черногорскому и греческому, а также о снаряжении союзной эскадры.

9-го августа. Суббота. — Сегодня ездил обычным порядком в Царское Село. После своего доклада присутствовал при докладе Гирса. Дела с Китаем принимают, по-видимому, мирный оборот; получена телеграмма от Кояндера, что китайское правительство, под впечатлением первых известий отсюда от нового посла Цзена,

* Дурное расположение духа (*фр.*).

Александр II

решилось удовлетворить давнишние наши претензии к Китаю и, в знак своего дружественного расположения, помиловало несчастного Чун-Хоу, который выпущен из тюрьмы. Такой поворот в китайской политике приписывают нашим военным приготовлениям и внушениям послов германского и английского в Пекине. Завтра назначена аудиенция у Государя, в Царском Селе, как китайскому послу Цзену, так и новому японскому. После этой аудиенции предполагается потребовать от китайского посла категорических заявлений о причинах неутверждения Ливадского договора, а затем будет совещание у меня относительно дальнейшего направления дела.

По восточному вопросу согласие между большими державами поддерживается* с большим трудом. Наиболее затруднений всегда

* очень туго

является со стороны Австрии, а иногда и Франции. Во время маневров я имел с послами разговоры, не лишенные интереса. Лорд Дефферин высказывал сожаление, что Франция в восточном вопросе идет вспять, все из своего болезненного страха со стороны Германии. Ни Франция, ни Германия не приняли на себя редактировать коллективный ответ Порте по греческому делу. Ныне Англия предложила на обсуждение прочих кабинетов проект инструкции адмиралам, командующим судами союзной эскадры. С нашей стороны решено дать отзыв одобрительный и обещано снабдить русского адмирала соответственною инструкцией. Австрия же и тут тормозит дело какими-то оговорками, так что предположенная морская демонстрация не может быть начата немедленно по истечении данного Порте 3-недельного срока для окончания черногорского дела. Срок этот истекает 12/24 августа, т. е. послезавтра; а между тем еще идет переписка о редакции инструкции и о сборном пункте эскадры.

Сегодня вечером уезжает отсюда герцогиня Эдинбургская, великая княгиня Мария Александровна, в сопровождении брата ее Сергея Александровича. Они едут в Кобург, где ожидает их герцог Альфред Эдинбургский. Я заходил проститься и с великой княгиней, и с великим князем.

Перед отъездом из Царского Села в Петербург зашел я к графу Лорис-Меликову, чтобы наведаться о состоянии его ноги, вследствие случившегося с ним ровно неделю тому назад падения при спуске с лестницы. Он встретил меня уже на ногах и между нами завязался разговор о предстоящей поездке нашей с Государем в Ливадию. Как-то случайно мы напади на предмет крайне щекотливый — на семейные отношения Государя. Лорис-Меликов под большим секретом объявил мне, что давно уже ходившие в городе слухи о браке Государя с княжной Долгорукой — осуществились. Брак этот совершился 6-го июля; свидетелями были генерал-адъютанты граф Адлерберг, граф Баранов и Рылеев. Лорис-Меликов начал было рассказывать мне, как Государь объявил ему об этом тайном браке и как познакомил его с новою своею супругой, наименованной княгинею Юрьевской[232]. Но, к сожалению, я должен был прервать этот рассказ в самом начале, чтобы не опоздать на поезд. Теперь важно знать, на какую ногу будет поставлена новая государева семья и в отношении к императорской семье, и в отношении к окружающим Государя и к публике. Вопрос этот будет иметь большое влияние на положение нашего общества в Ливадии и, признаюсь, я, со своей стороны, начинаю страшиться ожидающей меня там обста-

новки, особенно же если окончательно решено будет, что моя семья не поедет в Крым из-за болезни дочери Ольги, которая уже давно страдает болью в коленке.

12-го августа. Вторник. — В воскресенье, 10-го числа, Государь принимал в Царском Селе обоих новых послов — китайского и японского, а вчера Гирс имел с китайцем первое объяснение. Из* заявлений Цзена видно, что главный пункт Ливадского договора, против которого возбуждено неудовольствие пекинского правительства, есть оставление за Россией некоторых частей Илийской области. Надобно полагать, что китайцы придают особенное значение долине Текеса и понимают стратегическое значение Музартского прохода. Прочие замечания Цзена на некоторые статьи договора не представляют для нас особенной важности и могли бы легко быть улажены.

Сегодня, при докладе моем, Государь объявил**, что великий князь Николай Николаевич приезжал в Царское Село «с повинною», как выразился сам Государь, прибавив, что великий князь все-таки не сознает значения своего поступка. Решено уволить великого князя от должности главнокомандующего войсками Петербургского округа с оставлением в прочих должностях; начальство же округом вверяется наследнику цесаревичу, а великий князь Владимир Александрович назначается командующим Гвардейским корпусом. Обо всех этих переменах будет объявлено по прибытии в Петербург наследника цесаревича, ожидаемого на днях из Гапсаля.

Другое приказание дано мне сегодня же Государем относительно ожидаемого 20-го августа посещения Кракова императором австро-венгерским. Государь приказал генералу Альбединскому выехать в Краков для приветствования императора Франца-Иосифа и для вручения ему письма нашего Государя, с предложением принять звание шефа 12-го уланского Белгородского полка, взамен мнимого шефства несуществующего 15-го уланского Украинского полка. Последний этот полк было предположено еще в 1873 году формировать на Кавказе вместе с другим — 16-м уланским Татарским; но предположение это осталось неисполненным по финансовым соображениям. Трудно объяснить, почему Государь вознамерился оказать все эти любезности императору Францу-Иосифу именно теперь, когда отношения наши с Австро-Венгрией все еще весьма натянуты. Несмотря на все старания восстановить

---

* первых

** об окончательном решении

тройственный союз, политика венского кабинета продолжает быть явно нам враждебной.

Любопытное сведение сообщено мне сегодня Государем о собственноручном письме, полученном Его Величеством от императора германского, который, вследствие дошедших до его сведения слухов о мнимом намерении императора Александра II даровать России конституцию, счел нужным, во имя родственных и дружеских чувств к своему племяннику, предостеречь его от важнейших затруднений представительного образа правления и для того преподать ему несколько добрых советов, основанных на долголетнем опыте. Сущность этих советов, изложенных по пунктам в приложенной к письму собственноручной же записке, заключается в том, чтобы сферу действий представительных собраний строго ограничить исключительно обсуждением вопросов чисто законодательных и утверждением трехлетнего бюджета с полным устранением всякого вмешательства в администрацию и политику*. Государь поручил Гирсу снять копию с неразборчивой** записки императора Вильгельма и приложить русский перевод, а затем прочел нам приготовленное уже ответное письмо, в котором прямо высказывает, что не только не имеет намерения дать России конституцию, но и впредь, пока жив, не сделает этой ошибки[233].

Ответное это письмо повезет великий князь Владимир Александрович, который сегодня же едет за границу, в Биарриц. Завтра ожидают приезда сюда короля эллинов с королевой[234].

13-го августа. Среда. — Назначенное сегодня у меня совещание продолжалось с 10 часов утра до часа пополудни; в нем участвовали со стороны Министерства иностранных дел Гирс, барон Жомини, Бютцов, Мельников; со стороны Морского — контр-адмирал Пещуров, а с военной — граф Гейден, Мещеринов и Соболев.

---

* *Первоначальный текст после слов «...продолжает быть явно нам враждебною»*: «Еще <весьма> любопытное сведение, сообщенное мне сегодня Государем: получено им собственноручное письмо от германского императора, который почему-то вообразил себе, что Государь намерен дать России конституцию и, по этому случаю, император Вильгельм, желая доказать свое родственное дружество к своему племяннику, преподает дружеские советы о том, чего следует в особенности избегнуть при даровании в конституционном устройстве для блага страны. Советы эти, как плод многолетней опытности престарелого императора, изложены им своеручно в особой записке, в виде кратких пунктов, сущность которых заключается в том, чтобы строго ограничить представительство страны исключительно законодательными работами с утверждением трехлетнего бюджета, с полным устранением всякого влияния на администрацию и от вмешательства в политику».

** своеручной

После долгих прений пришли к тому заключению, чтобы ныне же объявить китайскому послу, что, в виду сделанных китайским правительством первых шагов к восстановлению дружественных отношений между обеими империями (готовность удовлетворить прежние наши претензии и помилование Чун-Хоу), мы соглашаемся войти в переговоры о некоторых частных изменениях в Ливадском договоре, не отступая от существенных его оснований; но переговоры эти будут ведены в Пекине нашим посланником Бютцовым, который и отправится туда вслед за сим. При этом между нами положено: 1) не настаивать на выговоренной в Ливадском договоре уступке Китаем долины Текеса, если китайцы особенно дорожат ею и согласятся на замену этой местности улучшением границы в других ее частях; 2) допустить в договоре лишь такие изменения, которые не имели бы вида уступки и не уронили бы нашего достоинства, а для этого 3) требовать настойчиво от китайцев скорейшего окончания всех спорных вопросов*. Мы все были того мнения, что для России крайне было бы невыгодно, если бы недоразумения наши с Китаем протянулись слишком на долгое время.

14-го августа. Четверг. — Доклад мой сегодня начался в Царском Селе, а кончился на железной дороге в Петербург. При докладе присутствовал наследник цесаревич, вчера только возвратившийся из Гапсаля, вместе с королем и королевою эллинов. Цесаревну видел я в вагоне. Государь принимал в Зимнем дворце вновь выпущенных из военно-учебных заведений офицеров.

16-го августа. Суббота. — После своего доклада присутствовал я при докладе Гирса, вместе с Бютцовым, по китайским делам. Государь одобрил заключения нашего совещания и проект ответной ноты китайскому послу.

По возвращении в Петербург сделал я два прощальные визита послам французскому и английскому и пробыл у каждого с полчаса. Генерал Шанзи распространялся о ненормальности настоящего политического положения Европы и весьма откровенно признавал все несообразности в ходе дел со времени Берлинского конгресса. Мы были совершенно одного мнения, что все теперешнее положение есть большое и грустное imbroglio**, которое может повести к последствиям совершенно неожиданным. На мое откровенное замечание, что менее всех рационально действует Франция, особенно в настоящую минуту, по греческому и черно-

---

* под влиянием угрозы наших военных приготовлений.

** Путаница (*фр.*).

горскому вопросам, Шанзи старался, разумеется, несколько оправдать свое правительство или, лучше сказать, мотивировать шаткость его действий. Что касается до английского посла, то он с грустью говорил о настоящих неудачах англичан в Авганистане, и при этом мы оба одинаково не пощадили Биконсфильда, на ответственность которого должны пасть все тяжелые последствия его политики. Как Шанзи, так и Дефферин уезжают из Петербурга завтра же.

По возвращении домой нашел у себя прощальную визитную карточку австрийского посла Кальноки, к которому я не успел заехать. Барон Бехтольсгейм, живший здесь столько лет в качестве австрийского военного агента, приезжал вчера проститься: он назначен пока командиром полка, в ожидании получения бригады.

22-го августа. Пятница. (Ливадия). — В прошлое воскресенье вечером выехал я в царском поезде из Петербурга. В Колпине сел на поезд Государь и с ним новое тайное семейство его. Узнав об этом, мы все, сопровождавшие Его Величество, были крайне удивлены и несколько смущены, опасаясь быть поставленными в неловкое положение. Однако ж обошлось без особенных неудобств, кроме того только, что рассадили нас по вагонам несколько иначе, чем в прежние поездки, так что в столовую поезда мы не могли проходить чрез царский вагон, а должны были каждый раз ловить мгновенные остановки на станциях. Только граф Адлерберг, граф Лорис-Меликов и Рылеев, посвященные уже в тайну брака, были помещены особо, со стороны женского вагона и столовой. Новая супруга царя, княгиня Юрьевская, с двумя детьми, ни разу не выходила из своего вагона, и во все продолжение пути мы не видели ее ни разу*.

Путешествие** княгини Юрьевской в царском поезде было решено только накануне отъезда, несмотря на попытку графа Лорис-Меликова отклонить такое решение. По словам его, поводом к такому внезапному решению были бесчисленные предостережения, полученные с разных сторон о приготовленных, будто бы, новых покушениях на жизнь Государя во время пути. Женщина, конечно, не упустит такого*** случая, чтобы выказать**** свое самоотвержение и приверженность: как ей оставить хоть на один день любимо-

---

* Только генерал Вердер, приглашаемый по вечерам в царский вагон для партии виста, не избег представления княгине.

** тайной семьи царской в одном поезде с Государем

*** удобного

**** свою привязанность

го человека, когда ему угрожает опасность! И вот удобный случай, чтобы вступить во все права законной супруги и занять те самые отделения царского поезда, в которых с небольшим за год пред тем езжала покойная императрица.

Москву проехали мы не останавливаясь; также и все другие большие города проезжали ночью. На всем пути были приняты чрезвычайные меры охранения. Многие тысячи солдат и крестьян были поставлены на ноги непрерывною цепью вдоль всего пути. Незадолго пред сим была найдена, близ Александровска, в полотне железной дороги, мина, заложенная еще в прошлогоднюю осень при проезде Государя[235]; об этой мине узнали из показаний одного из злоумышленников, участвовавших в покушениях на жизнь императора; мина не удалась, и только теперь ее отыскали. Открытие это, вместе с разными телеграммами, полученными от тайных агентов и заграничных друзей, усиливало опасение нового подобного покушения. На царский поезд привыкли уже смотреть как на какой-то форт, который ежеминутно может быть взорван миной.

Чем далее подвигались мы на юг, тем погода становилась холоднее. Во вторник утром прибыли в Харьков, сейчас же пересели в дорожные экипажи и около 11 $^{1}/_{2}$ часов утра прибыли в Чугуев. В 2 часа назначен был смотр войскам Чугуевского лагеря. На беду пошел сильный дождь с резким ветром. В первый раз пришлось мне стать пред своим 121-м Пензенским полком. Государь остался доволен всеми войсками. Мы возвратились в город промоченные до костей. На другой день утром был маневр на две стороны. Погода прояснилась, но было все-таки свежо. Маневр удался вполне, и результатом его было назначение командира 10-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Свечина — генерал-адъютантом.

Возвратившись к 3 часам в Харьков, мы немедленно заняли опять свои места в поезде и отправились далее на юг. Генерал Вердер отделился от нас и уехал в Германию.

Вчера, в четверг, прибыли мы в Симферополь около часа дня. Тут Государь с княгинею Юрьевскою и детьми, в сопровождении графа Адлерберга, графа Лорис-Меликова, Рылеева и врача — оставили поезд и поехали в экипажах прямо в Ливадию, а все остальные продолжали путь до Севастополя, куда прибыли в 6-м часу вечера* . Так как пароход «Эреклик» должен был отплыть только ночью, то мы с Гирсом воспользовались свободным

* Здесь уже было тепло, хотя не так, как обыкновенно бывает в августе месяце.

временем, чтобы прогуляться* среди развалин** города и возвратились к пароходной пристани на катере.

Сегодня, в 6-м часу утра, мы были уже на Ялтинском рейде, а в 8-м часу гулял я по тенистой дороге между Ливадией и Ориандой. В 11 часов утра вся свита собралась в дворцовую церковь к заупокойной обедне по императрице и затем к молебствию, после которого Государь осмотрел караульные роты и пропустил их церемониальным маршем. Весь остальной день прошел обычным порядком, без всяких изменений против установленных в прежние годы обычаев и распределения времени. Княгиня Юрьевская с детьми заняла то самое помещение, где прежде жила покойная императрица Мария Александровна.

23-го августа. Суббота. — После короткого доклада Государю я ездил в свое имение Симеис, чтобы осмотреть все ли там в порядке и распорядиться к приезду моей семьи.

Вчера и сегодня мы с Гирсом не раз сходились для обсуждения ответных телеграмм на полученные новые вопросы по черногорскому делу. Австрия пытается всячески направить по-своему решение этого вопроса; разными новыми предложениями только усложняет его и замедляет приведение в исполнение постановленных уже по общему соглашению решений. Другие державы, не исключая и Англии, в сущности мало интересуются выгодами князя Николая и, желая только как-нибудь выгородить себя из созданного ими же нелепого положения европейской политики, охотно поддаются на всякое австрийское предложение, лишь бы развязаться с этим нескончаемым вопросом. Но Россия не может смотреть на дело с таким же равнодушием, не может соглашаться на какие бы ни было новые уступки в пользу турок и во вред Черногории. Поэтому проектирована циркулярная телеграмма в том смысле, что мы*** считаем неуместными всякие новые предложения и находим необходимым безусловно настоять на предложенной Англией комбинации, начав с немедленной передачи Дульциньи черногорцам.

26-го августа. Вторник. — Сегодня перед началом доклада моего Государь посвятил и меня в тайну своего брака, высказав при этом, как бы в оправдание своего решения, что признавал вступление в этот брак долгом совести и чести; затем он встал и отворил дверь в соседнюю комнату; тогда вошла в кабинет сама

---

* пешком

** Севастополя

*** всякие новые сделки

княгиня Юрьевская, которой и был я представлен совершенно просто, естественно*, без лишних фраз. Сказав мне несколько вежливых слов, она сейчас же удалилась, а я приступил к своему докладу.

Покончив с военными делами, я присутствовал, по обыкновению, при докладе Гирса. Дело шло все о том же черногорском вопросе, который не подвигается вперед, благодаря** интригам Австрии, усложняющей дело все новыми предложениями, и отчасти, Франции, желающей сколь возможно устранить предположенную морскую демонстрацию.

Под вечер приехала из Петербурга часть моей семьи: две младшие дочери с племянницей***. Я выехал навстречу им по дороге в Массандру и вместе с ними переехал в свой милый Симеис, где разрешено мне проживать с тем, чтобы являться в Ливадию только в дни докладов. Жена же с больною дочерью Ольгой должна оставаться в Петербурге до выздоровления больной.

30-го августа. Суббота. — С четверга начались мои утренние поездки из Симеиса в Ливадию. Сегодня я намеревался остаться там до вечера, считая приличным в такой торжественный день[236] быть за царским обедом. Но Государь уже несколько дней нездоров, не выходит ни к завтраку, ни к обеду. Поэтому после доклада и обедни, окончив наскоро свои занятия в Ливадии, я возвратился к обеду в Симеис.

Никаких замечательных новостей не вынес я из Ливадии; слышал только, что граф Адлерберг уже объявил формально всем лицам свиты о браке Государя****.

13-го сентября. Суббота. — Вот ровно две недели, что я не заглядывал в свой дневник; так однообразен мой образ жизни. Три раза в неделю езжу в Ливадию с докладом; возвращаюсь оттуда в Симеис около 3-х часов. Все остальное время провожу спокойно, тихо со своими дочерьми*****. Такою жизнью мог бы я быть вполне доволен, если б продолжающаяся болезнь дочери Ольги не заставила жену окончательно отказаться от приезда в

---

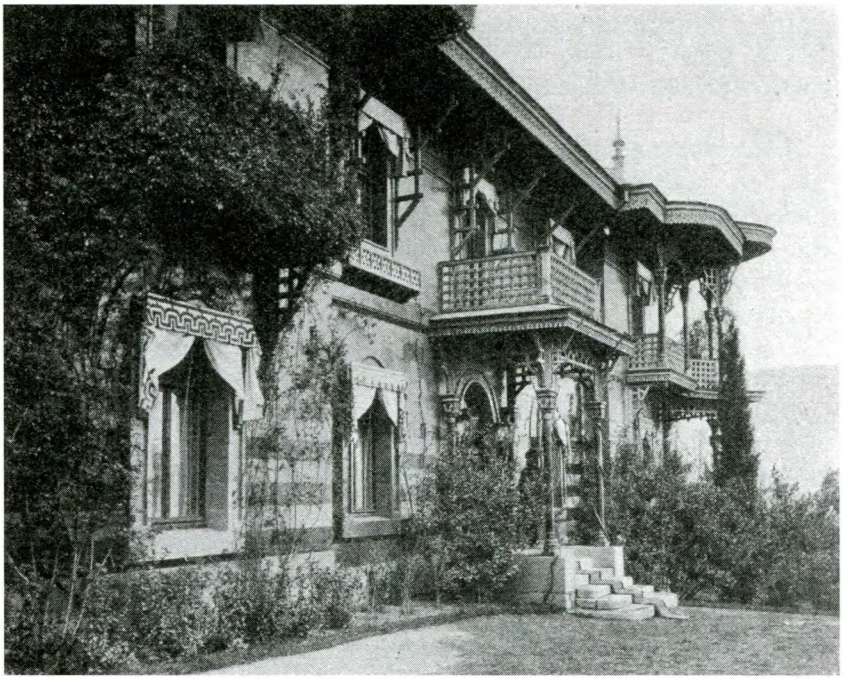
* без всяких фраз и объяснений.

** стараниями Австрии уладить его новыми уступками

*** *Первоначальный текст после слов «часть моей семьи»*: «Надя и Маруся и племянница Аня Понсэ».

**** Супруге его присвоено звание княгини Юрьевской.

***** утром занимаюсь; потом делаем большие пешеходные прогулки, обедаем в 6 часов, а после обеда все <вместе> читаем вслух. В 12-м часу расходимся и в полночь все уже спим.



Ливадийский дворец

Крым. Зато вся семья радуется назначению сына моего[237] командиром Крымского (татарского) дивизиона с производством в полковники*.

Государь был несколько времени нездоров; даже выписали сюда доктора Боткина; но к приезду его больной уже поправился, а сегодня, несмотря на дождливую и сырую погоду, вопреки всем советам, уже делал учение одной из рот, находящихся в Ливадии для караулов.

В каждый из моих приездов в Ливадию я присутствую по-прежнему при докладах Гирса и участвую в совещаниях. Дела восточные не только не улаживаются, но** принимают опасный оборот. Порта не подчиняется требованиям Европы; с новою же переменою министерства в Константинополе приняла даже

---

* Меня давно уже заботило <его бездействие и отсутствие обязательного занятия> продолжительное оставление его в свите без всяких служебных обязательных занятий, да и он сам очень желал выйти из такого тяжелого положения тунеядца.

** угрожают

положение вызывающее*, понимая вполне, что нечего ей опасаться со стороны Европы, которая только пугает союзною демонстрацией, но ничего серьезного предпринять не решится. Действительно**, что предпримет собравшаяся союзная эскадра? Австро-Венгрия не допускает высадки ни под каким видом; Франция не желает никаких враждебных действий. Пресловутое согласие*** шести великих держав поддерживается только взаимными уступками, совершенно парализующими действия европейской дипломатии. Турки уже прямо отказываются от передачи Дульциньи черногорцам. Английский адмирал, лорд Сеймур, принявший главное начальство над союзною эскадрой, ездил в Цетинью, чтобы сговориться с князем Николаем о совместном действии с сухого пути и с моря. Но что выйдет из этого, если союзный флот будет только своим присутствием платонически поддерживать черногорских юнаков. Первый выстрел под Дульциньо может повести к таким усложнениям, какие никто до сих пор не предвидит. Европа может опять очутиться в положении крайне неловком, унизительном и неужели снова, как в начале 1877 года[238] , перенесет флегматически пощечину от турок!

Между тем австро-венгерский первый министр Гаймерле приезжал в Берлин и имел свидание с князем Бисмарком в Фридрихсруэ[239]. Шла речь о соглашении между Австрией и Россией по делам Балканского полуострова. Германский канцлер опять принимает на себя роль «нотариуса»; конфиденциально сообщает Сабурову о готовности венского кабинета не противиться слиянию Болгарии с Восточной Румелией при известных условиях с тем только, чтобы Россия дала Австрии волю распоряжаться в Македонии**** и помогла ей связать по рукам и ногам Сербию. К счастью*****, Сабуров не вдался в ловушку, понимая, что венские предложения почти нахальны. Но добродушный посол наш в Вене не сознает того; польщенный конфиденциями австро-венгерского

---

* *Первоначальный текст после слов «но принимает опасный оборот»*: «Порта не только не подчиняется требованиям Европы относительно уступки земель, присужденных Черногории и Греции, но с переменою министерства (Саид-паша заместившего Кадри-пашу и Абеддин-пашу) стала даже в положение вызывающее».

** демонстрация началась, но что же предпримет союзная эскадра?

*** и единство пяти

**** на нижем Дунае

***** даже и

первого министра, по возвращении его из Берлина, Убри чуть не умиляется в донесениях своих о разговорах с Гаймерле.

21-го сентября. Воскресенье. — В течение недели положение дел на востоке еще более усложнилось. Союзные кабинеты увидели на практике результаты платонической их политики и убедились в том, что мирная прогулка союзной эскадры, получившая название демонстрации, привела Европу к положению безвыходному и унизительному. Умирающая Турция, пред своею агонией, издевается над бессилием целой Европы. После своей дерзкой циркулярной ноты Порта от имени султана (который лично ведет дела, часто помимо своих министров) заявила, что если демонстрация будет отменена, то все вопросы решатся к общему удовольствию до 3-го октября (нового стиля). Срок этот наступил сегодня; еще не знаем, в чем именно заключается это пресловутое разрешение вопроса; но, судя по всему предшествующему, можно ожидать какой-нибудь новой турецкой увертки с целью лишь протянуть время до той поры, когда действия на море делаются невозможными. Никто уже и не доверяет обещаниям турецкого правительства; но как Австрия, так и Франция продолжают отказываться от всяких действий, которые могли бы повести к военным столкновениям; Италия выказывает двуличную политику; Германия продолжает играть роль равнодушного зрителя; дошло до того, что английский кабинет спрашивает у нас, что полагали бы мы предпринять в случае окончательного отказа Порты исполнить требования Европы. Гирс видит в этом вопросе желание англичан вызвать с нашей стороны предложение — предпринять решительную угрозу флотом к самому Константинополю. Но вчера решено было дать Англии ответ уклончивый; мы скажем им в таком смысле: вы затеяли дело, так и придумывайте, как распутать его, а мы готовы помогать.

Дело китайское приняло новый оборот: по всем получаемым гласно и негласно известиям, правительство богдыхана, не на шутку напуганное нашими военными приготовлениями и советами дипломатов, очень желает покончить переговоры в Петербурге и дало своему посланнику Цзену полномочия самые обширные, лишь бы не переносить переговоров в Пекин. Полномочия эти доходят даже до разрешения ратификовать Ливадский договор без перемены, если окажется невозможным иначе покончить дело, и для того китайское правительство просит продлить условленный в договоре годичный срок для обоюдной ратификации. На это заявление дан ответ, что императорское правительство готово выслушать новые заявления Цзена и, если увидит в них действительную возможность мирного окончания дела, то согласно и на продление

срока для ратификации*. Между тем от генерала Кауфмана вытребовано уже мнение о том, как полагал бы он выгоднее для нас изменить предположенную в Ливадском договоре новую границу с Китаем, если б мы нашла необходимым отказаться от удержания за собою всей долины р. Текеса с Музартским горным проходом.

25-го сентября. Четверг. — Обещанное султаном разрешение спорных вопросов оказывается дерзким вызовом целой Европе: султан с нахальством требует отмены морской демонстрации не только по настоящему случаю, но и на будущее время, обнадеживая окончанием спорных дел, однако ж не в смысле требований Европы, а согласно желанию самой Порты; при этом напоминается о праве Турции, на основании Берлинского трактата, занять Балканы[240]. Эта выходка превосходит все, что до сих пор Турция позволяла себе пред которою-либо из держав. Она вполне понимает бессилие европейского союза и, как будто, издевается над пресловутым согласием великих держав. Английское правительство более всех должно чувствовать это оскорбление. Лорд Гренвиль немедленно сделал новое предложение: по невозможности в настоящее время года одним флотом заставить турок уступить Дульцинью черногорцам, обратить союзную эскадру к Смирне и захватить этот порт с его таможнею, в виде залога для понуждения Порты исполнить ее обязательства. На предложение это сейчас же дано согласие Россией и Италией; прочие же державы и тут колеблются; еще нет решительных ответов ни из Вены, ни из Берлина, ни из Парижа. Между тем всякая проволочка в таком деле может повредить ему: турки успеют принять свои меры и, пожалуй, не удастся европейскому флоту занять и Смирну без выстрела. Не совсем даже понимаю, как предполагается исполнить это предприятие без десантного войска и при непременном условии избегнуть употребления** оружия?

30-го сентября. Вторник. — В последние мои поездки в Ливадию не узнал я ничего нового о ходе восточного вопроса. Продолжается обмен телеграмм между кабинетами; все более и более обнаруживается рознь между ними. Австрия и Франция почти уже отказались от участия в предположенном Англиею занятии Смирны в виде залога; Германия закулисно убеждает султана уступить Дульцинью безусловно, дабы тем дать благовидный предлог державам отменить начатую союзную демонстрацию. Италия, первоначально так поспешившая согласиться на предложение Англии, теперь ставит условием согласие других кабинетов. Таким образом, толь-

---

* договора, смотря по надобности.

** военной силы

ко Россия продолжает итти заодно с Англией в решительных мерах для побуждения Турции к исполнению требований Европы. Но и сама Англия не решится действовать только вдвоем с Россией.

Между тем Сабуров из Берлина телеграфирует, что князь Бисмарк заявил ему о согласии Австрии на те условия, на которых еще в феврале месяце предполагалось восстановить тройственный союз[241]. Сегодня при докладе Гирса Государю об этих условиях я высказал мнение, что с февраля месяца положение дел значительно изменилось; те условия, которые мы тогда считали для себя желательными, уже теряют свое значение после падения кабинета Биконсфильда, так что* проектированные в феврале взаимные обязательства оказываются ныне выгодными только для одной Австрии. Мнение это разделяет и Гирс, и сам Государь**. Положено выждать более обстоятельных письменных объяснений от Сабурова.

Не вижу также никакой выгоды в том, чтобы султан согласился только на уступку Дульциньи без всяких обязательств по всем прочим вопросам, как будто все дело и заключается только в передаче одного этого пункта. Если Порта послушается убеждений германского императора и решится передать Дульцинью черногорцам, то Европа обрадуется такому благовидному предлогу для отмены предпринятых морских демонстраций и притворится удовлетворенною; а что же будут делать бедные черногорцы, оставшись одни лицом к лицу с албанцами на всем остальном протяжении спорной границы? Какого решения дождется Греция? Какой исход получат все прочие вопросы, истекающие из Берлинского договора и остающиеся невыполненными?

4-го октября. Суббота. — Начались на месте непосредственные переговоры черногорцев с Риза-пашой об условиях уступки Дульциньи. Англия видит, что кроме России никто не поддержит ее в понудительных мерах против Турции.

Переговоры Бютцова с Цзеном не подвигаются так успешно, как мы надеялись. Сегодня мы с Гирсом общими силами сочинили телеграмму к барону Жомини в том смысле, чтобы заявить Цзену наши решительные условия, предупредив его, что, в случае невозможности немедленно решить дело в Петербурге на этих основаниях, дальнейшие переговоры будут перенесены в Пекин и поручены адмиралу Лесовскому.

Сегодня день полкового праздника гвардейских казаков и Собственного Его Величества конвоя; по обыкновению, был в Ливадии

---

* нам нет никакой выгоды

** Полагают, однако же, более полезным удержать Сабурова от <приостановиться в> (*Фраза не окончена. — Примеч. публ.*).

молебен, церковный парад конвою и затем обед казакам под навесами у оранжерей. При этом случае в первый раз Государь показался в публике и пред частью войск вместе со своею новою супругою и детьми. Из детей мальчик был даже одет в казачью форму Собственного конвоя. Официальное появление «княгини Юрьевской» произвело на всех нас тяжелое впечатление. Позже, возвращаясь по почтовой дороге в Симеис, я встретил коляску, в которой Государь катался со своей новою семьей, под охраною многочисленного конвоя. Грустно и жаль его.

5-го октября. Воскресенье. — Утром я занялся приведением к концу начатой мною ранее записки о возможном разрешении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи[242]. Быть может, предположения мои — несбыточная утопия; однако ж я все-таки намерен показать свою записку Гирсу и спросить предварительно его мнения. Если предлагаемый мною способ решения этого грозного вопроса и окажется несбыточным, то все-таки я твердо убежден, что всего хуже и опаснее оставлять течение дел на произвол случайных обстоятельств и не приготовиться к неизбежной катастрофе заблаговременным соглашением между большими державами.

7-го октября. Вторник. — Сегодня прибыл в Ливадию наследник цесаревич со всею семьей. Встреча была на пристани в Ялте обычным порядком. По этому случаю я возвратился в Симеис позже обыкновенного.

Вопросы политические плохо подвигаются вперед. Относительно Дульциньи еще неизвестно, как идет дело между турками и черногорцами. Есть сведения, что в Смирне турки принимают меры обороны: кладут подводные мины, возводят укрепления. Между державами все более и более обнаруживается рознь. Из донесений Сабурова о его секретных совещаниях с Бисмарком (проезжавшим чрез Берлин) и с Гогенлоэ видно, что германский канцлер возобновляет прежние свои сладкие речи в отношении к нам, уверяет, что Австрия теперь вполне готова сблизиться с нами на основании тех соглашений, которые были начаты еще зимой, т. е.* признать неприкосновенность Босфора и Дарданелл, возложив охранение этого ключа Черного моря на обязанность султана; в этих видах** считают необходимым, будто бы в интересах самой России, во что бы ни стало поддержать Порту от окончательного распадения, — ergo противудействовать замыслам кабинета Глад-

---

* что она готова вместе с Германиею и Россиею

** пели германский и австрийский канцлеры.

стона. Вся эта хитрая аргументация придумана, вероятно, для того только, чтобы нас обморочить и оторвать от сближения с Англией, чего боятся более всего и Германия, и Австрия.

Переговоры в Петербурге барона Жомини и Бютцова с китайским послом Цзеном приняли не очень благоприятный оборот. Цзен переменил тон; уже не видно прежнего живого желания его покончить скорее дело в Петербурге. Надобно полагать, что в последнее время китайский посол подпал под влияние кого-либо из наших недоброжелателей.

Сегодня был у меня в Ливадии Каравелов — болгарский министр финансов; он привез мне рекомендательное письмо от князя Александра и выразил желание посоветоваться со мной по вопросу о железных дорогах в Болгарии. Я высказал ему свое мнение почти в том же смысле, в каком на днях высказывал нашему известному инженеру Струве, а именно, что Болгария в настоящее время не может и думать о постройке какой-либо железной дороги; что финансы ее не позволяют приступить к такому разорительному предприятию, особенно на таких условиях, какие предъявлены кампанией, называющею себя французскою, а в сущности австрийскою, — Гирша. Только став твердо на почве финансового своего устройства, Болгария может устоять против напора Австро-Венгрии* и ее европейских эксплоататоров. Каравелов обрадовался, слыша от меня такие суждения, и сознался, что в Болгарии были до сих пор убеждены в желании русского правительства ускорить постройку железной дороги от Систова к Тырнову и далее. Такое странное недоразумение можно объяснить только личными стараниями нашего дипломатического агента в Болгарии Кумани, который явно принял под свое покровительство означенную французско-австрийскую компанию[243]. От меня Каравелов пошел на аудиенцию, назначенную ему Государем.

И вот этот человек, которого несколько месяцев тому назад выдавали за** вожака «красной партии» в Болгарии, из-за которого князь Александр чуть было не отказался от болгарского престола, теперь в Ливадии, в кабинете Государя, принят милостиво и любезно.

11-го октября. Суббота. — Кончив свой обычный доклад, в присутствии наследника цесаревича, я доложил Государю о записке, в которой изложены мною мысли касательно решения восточного вопроса, в случае окончательного распадения Турецкой империи.

---

* требующей настоятельно постройки ветки для соединения будущей сербской дороги с существующею турецкою железной дорогою.

** красного, чуть не за нигилиста, который так был тогда антипатичен князю Александру,

Государь пожелал, чтобы я прочел свою записку вслух; в средине чтения вошел Гирс. Государь несколько раз замечал, что многое в моих предположениях согласно с мыслями, некогда высказанными покойным императором Николаем I, и вообще одобрительно отозвался о моей записке, сказав Гирсу, что при случае можно было бы завести речь с Бисмарком в смысле моих предположений. Со своей стороны, Гирс, соглашаясь в существе с этими предположениями, заявил только опасение, что Румыния и Греция, как государства, пользующиеся уже полною самостоятельностью политическою, не пожелают войти в состав предлагаемой мною федерации. На это я заметил, что включение этих двух государств в союз не составляет непременного условия предположенного мною проекта. Наследник же прибавил, что эти государства должны будут подчиниться решению Европы, если б установилось общее соглашение в том или другом смысле. В заключение я попросил позволение передать мою записку Гирсу и оставить ее в секретном его портфейле до поры до времени.

Опять имел продолжительную беседу с графом Лорис-Меликовым, который снова советовался со мною о разных имеющихся в виду перемещениях на высшие должности. Кажется, ему удастся склонить Государя к смене Грейга, поднять снова вопрос об отмене подушной подати, призвать к новой жизни земство[244] и многое другое, о чем за несколько месяцев пред сим нельзя было бы и заикнуться. Место министра финансов предложено Абазе, но еще не придумано, кого назначить вместо него председателем Департамента экономии. Некоторые из предполагаемых новых назначений удивили меня своею неожиданностью: так, например, в попечители университетов московского и петербургского имеются в виду — Петр Фед[орович] Самарин и К. Дм. Кавелин! Особенно удивляет меня назначение последнего; Кавелина я знаю с молодых лет, люблю его и глубоко уважаю; но никак не могу себе представить его в роли администратора.

В Ливадии наслушался я рассказов о том, что делается в царской семье и в тесном* придворном кружке**. Говорят о холодных и натянутых отношениях цесаревны с негласною супругой императора, о неловком положении последней при появлении ее в публике и удивляются тому, что Государь*** видимо желает дать своей новой семье****

---

* ливадском

** Крайне неловкие и натянутые отношения.

*** как бы систематически старается выдвинуть свою новую семью.

**** гласное

официальное положение. От этого жизнь в Ливадии сделалась невыносимою. С каждым днем все более я доволен, что избавился от нее: остаюсь там только по нескольку часов три раза в неделю и, покончив свои дела, спешу скорее обратно в свой уединенный, спокойный приют*.

18-го октября. Суббота. — В течение всей недели не было ничего, заслуживающего внимания. Политика европейская исключительно сосредоточилась на вопросе о Дульциньи так, как будто** этим одним пунктом и ограничиваются все задачи европейской политики. Англия, выступившая было так задорно против Турции, начинает искать предлога к отступлению, видя положительное расположение Франции, Австрии и Германии к понудительным мерам. Турки ясно видят разлад между большими державами и до сих пор уклоняются от передачи*** Дульциньи черногорцам.

Переговоры с китайцами также идут плохо. Цзен**** сделался крайне несговорчив, даже резок. Отовсюду получаются сведения о***** приготовлениях Китая к войне; агенты его деятельно отправляют из Европы и Америки массу хорошего оружия, пороха, пушек, торпед и проч. Возникает мнение, что наши приготовления слишком незначительны сравнительно с китайскими. В последний четверг, в Ливадии, было у меня совещание с Гирсом и Мельниковым о том, в каком смысле заявить Цзену окончательные наши условия. До сих пор Жомини и Бютцов ограничивались только разговорами с китайским уполномоченным, не давая ему положительного, письменного ответа на его ноту. Притом разговоры барона Жомини не отличаются ловкостью и выдержкой******; это не дипломатические переговоры с азиатцем, а легкая салонная болтовая. Теперь мы пришли к тому заключению, что необходимо предъявить Цзену меморию, в которой изложить окончательно наши условия, ограничив их самыми умеренными требованиями. Мельников едет в Петербург со словесными по этому предмету указаниями. Если Цзен не примет и последних этих условий, то ничего другого не останется, как обратиться к заявленному им же словесно решению: признать Ливадский договор неутвержденным и остаться in status quo, причем мы удержим за собой Илийский край.

---

* где могу дышать свободно и легко.

** в этом одном пункте и заключается все дело.

*** даже и

**** переменил тон и

***** <происках> обширных приготовлениях

****** как обыч<но?>

19-го октября. Воскресенье. — Приехал ко мне в Симеис сын мой, назначенный командиром Крымского татарского дивизиона[245]. Завтра едет в Ливадию представиться Государю.

21-го октября. Вторник. — В прошлый четверг представлялся Государю приехавший сюда новый министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров. Во время доклада моего, Государь спросил меня, познакомился ли я с ним и имел ли случай с ним беседовать о его предположениях по устройству учебной части. Я ответил, что* вовсе его не знаю. Несколько спустя после моего доклада, вошел ко мне А.А. Сабуров и сказал, что он обращается ко мне по приказанию Государя, чтобы посоветоваться относительно некоторых предположений по учебному делу, в особенности же по студенческому вопросу, и вслед затем подробно изложил свои мысли о настоящем ненормальном положении университетов, о необходимости корпоративного устройства учащейся молодежи, о признании права на сходки, на общественную кассу и проч. и проч. Я выслушал его с искренним удовольствием, потому что сам давно уже проповедывал те же мнения и высказывал их во всех бывших** совещаниях по учебной части***. В таком смысле ответил я Сабурову и выразил ему полную мою готовность поддержать его предположение. Тогда он предложил мне представить Государю доклад за общею нашею подписью. Мы сговорились сойтиться снова в субботу. В этот день Государь опять спросил меня о нашем совещании, и я доложил, что с**** истинным удовольствием услышал от нового министра те же***** самые мнения, которые я уже несколько лет тщетно выражал при каждом случае. После доклада моего мы сошлись с Сабуровым и прочли подготовленную им вчерне записку, кое-что исправили в ней и дополнили, а сегодня, когда я приехал в Ливадию, нашел уже у себя Сабурова с переписанным набело докладом. Мы оба подписали его и вместе вошли к Государю[246]. Сабуров прочел доклад в присутствии наследника цесаревича и, читая, пояснял и развивал наше воззрение на настоящее положение учащейся молодежи, на совершенную необходимость организации этой массы на корпоративных и товарищеских началах. Государь соглашался с нашими доводами и

---

* ни разу не имел с ним разговора.

** по разным случаям

*** Я высказал Сабурову, что вполне сочувствую его взгляду и с радостью вижу возможность идти с ним рука об руку.

**** восторгом

***** идеи

А.А. Сабуров

разрешил Сабурову вводить постепенно новые правила отдельно по каждому университету.

Я несказанно рад такому неожиданному для меня повороту студенческого дела. Теперь облегчится и задача* Медико-хирургической академии. Нельзя, конечно, обольщать себя надеждой, что, с предположенным изменением во взгляде на студенческий вопрос, прекратятся всякие поводы к беспорядкам и волнениям в среде учащейся молодежи; но, по крайней мере, отнимется у агитаторов главный и благовидный предлог, которым доселе оправдывались эти беспокойства. Мне известно, что граф Лорис-Меликов** разделяет наш образ мыслей по этому вопросу. Наследник цесаревич также поддерживал наше представление.

По дипломатической части сегодня в докладе Гирса не было ничего нового. Дела восточные не подвигаются вперед. Продолжаем получать известия о громадных приготовлениях Китая к войне.

---

* начальства

** тоже

А.А. Абаза

Мы, со своей стороны, лишены теперь (в зимнее время) возможности подкрепить* наши силы на крайнем востоке, не говоря уже о требуемых для того огромных денежных средствах.

25-го октября. Суббота. — Сегодня в Ливадии после доклада моего виделся я с А.А. Абазой, который вызван сюда по случаю назначения его министром финансов. Он уже не раз отклонял такое предложение; но теперь счел невозможным устраниться, хотя понимает вполне всю трудность принимаемой на себя обязанности при настоящем крайне неблагоприятном положении России, финансовом и экономическом. Для всякого министра финансов главный камень преткновения есть Министерство военное; поэтому естественно, что Абаза прежде всего желал объясниться со мной. Я** высказал ему, что предместники его совершенно напрасно считали меня своим злейшим противником, что, напротив того, я рад всеми силами помогать министру финансов в смысле облегчения

---

* значительно

** уверил его, что отнюдь не ставлю себя помехою, как бы противником его, напротив того,

наших финансовых затруднений; но, вместе с тем, надеюсь, что он также и со своей стороны будет разумным образом взвешивать настоятельные требования государственной безопасности при настоящей шаткой политической обстановке. Действительно, насколько знаю А.А. Абазу, я уверен, что он не будет таким* самонадеянным, как Грейг, ни таким односторонним и** упрямым, как Рейтерн.

Гирса сегодня не видел, так как он прислал сказать Государю, что не имеет ничего к докладу. Стало быть дела политические в застое.

13-го ноября. Четверг. — Вчера с прискорбием покинул свой Симеис и переселился в Ливадию. Дочери мои (Надя и Маруся) уехали утром в Севастополь и далее по железной дороге в Петербург, а племянницу Понсэ привез я сюда, к Горбуновым, и сегодня утром проводил ее на пароход, на котором она отправилась в Одессу и далее в Бессарабию к своему отцу. Таким образом, я опять здесь в одиночестве, к счастию, не надолго: предстоит провести здесь всего несколько дней***.

Более двух недель не заглядывал я в своей дневник: нечего было отмечать. Жизнь моя проходила однообразно и спокойно: чрез день утром в Ливадии с докладам, а в остальное время**** в своем излюбленном симеисском приюте. Политические дела в полном застое. Британское либеральное министерство, видя, что кроме России никто другой не хочет действовать настойчиво для понуждения Порты к исполнению ее обязательств, также «спасовало», и вот уже несколько дней ничего не предпринимается ни по черногорскому вопросу, ни по другим требованиям «Европы»*****. В самой Англии общественное мнение настроено против энергических мер и особенно против сближения Англии с Россией; поэтому опасность грозила бы нынешнему кабинету, если б он продолжал действовать настойчиво вдвоем с нами. Известия с

---

* самодуром

** неподатливым, каким был Рейтерн.

*** четыре дня.

**** наслаждался в своем Симеисе, редко видя кого-либо посторонних.

***** *Первоначальный текст после слов «Политические дела в полном застое»*: «Гладстон, видя, что кроме него и нас никто не хочет действовать настойчиво, чтобы принудить султана к исполнению его обязательств, также “спасовал” и вот уже несколько дней ничего не предпринимается ни по черногорскому вопросу, ни по другим требованиям “Европы” от закусившего удила султана».

мест получались весьма неутешительные. Зато, как удивила нас полученная сегодня утром телеграмма от нашего адмирала Кремера (в союзной эскадре) о том, что Дервиш-паша, получив от султана положительное повеление передать Дульциньо черногорцам, взялся, наконец, за оружье, чтобы выгнать албанцев из этого пункта, причем были значительные потери с обеих сторон. Албанцы бежали, и Дервиш-паша предложил черногорцам завтра же занять Дульциньо. Сведение это подтверждено полученною вечером из Цетиньи телеграммою Шпейера, временно замещающего уехавшего в отпуск Ионина[247].

Сегодня вечером я был приглашен на чай к Государю и в первый раз случилось мне быть в обществе княгини Юрьевской. Впрочем, я видел ее только за чайным столом; она рано удалилась в свои комнаты, прежде чем Государь окончил обычную свою партию ералаши.

15-го ноября. Суббота. — Наконец получены по телеграфу положительные известия о занятии Дульциньи черногорцами. Все очень довольны: князь Николай благодарит Государя, который в свою очередь поздравляет князя Черногорского; а между тем все понимают, что уступка Дульциньи есть со стороны Турции не иное что, как подачка, брошенная Европе, чтобы дать ей предлог к окончательному отступлению от всех ее требований. Германия и Австрия настойчиво советовали султану сделать эту уступку, обещав, что чрез это он освободится от всякого дальнейшего давления по остальным вопросам. Франция и Италия ждали передачи Дульциньи, чтобы оправдать свое отступление. Англия также воспользуется случаем, чтобы, по крайней мере, на некоторое время отложить в сторону восточные дела и заняться своими внутренними вопросами.

Вчера и сегодня я был приглашаем на вечерние собрания у Государя и княгини; сегодня же приглашен был также и к обеду. Утром ездил в Симеис для некоторых окончательных распоряжений и по дороге заехал проститься к княгине М.В. Воронцовой и графине Е.Ф. Тизенгаузен.

21-го ноября. Пятница. (Петербург). — Выехав из Ливадии 18-го числа утром на Симферополь, где провел часа три у сына (командира Крымского дивизиона), прибыл сегодня утром в Петербург, в императорском поезде. Меры, принятые для охранения пути от всяких злодейских покушений, доведены до крайности. Кроме частей войск, расставлено вдоль дороги до 20 тысяч обывателей, конных и пеших. Почти нигде Государь не выходил из вагона; на станциях не позволяли быть на платформах ни одному по-

стороннему человеку. Во время самого пути граф Лорис-Меликов получал тревожные телеграммы об арестовании разных подозрительных личностей, о провозе каких-то снарядов, орсиньевских бомб и т. п. Боялись даже за переезд в самом Петербурге от воксала до дворца, так что в столице никто не знал часа приезда Государя, а между тем велено было начальству и всем офицерам гвардии находиться на станции для встречи Его Величества. Таким образом, все ждали в воксале с 8-го часа утра до 10 часов. Однако же все обошлось благополучно, и Государь спокойно проехал по Невскому проспекту с многочисленным конвоем гвардейских кавалерийских офицеров. Во втором часу назначено было молебствие во дворце: присутствовали исключительно только лица, бывшие в царском поезде, в дорожных костюмах. Молебствие совершалось не в Малой церкви (как бывало обыкновенно), а в приемной комнате пред государевым кабинетом, в котором стоял сам Государь с новою своею семьей. Из императорской же семьи не было никого.

1-го декабря. Понедельник. — Прошло десять дней со времени возвращения моего в Петербург и все это время прошло почти в ежедневных церемониях и торжествах. То георгиевский праздник, то воспоминание сдачи Плевны[248], а сегодня 50-летний юбилей принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Дела же политические в полном застое. *Европа успокоилась; как будто с передачей Дульциньи черногорцам все улажено и «все благополучно». Вчера, в воскресенье, после развода, я присутствовал в совещании по китайским делам: оно происходило в Министерстве иностранных дел, с участием нового министра финансов Абазы. Общее настроение клонилось к уступчивости, для избежания во что бы ни стало войны с Китаем. Согласились на предложение Гирса не настаивать уже на ратификации Ливадского договора**, а вместо того проектировать новые условия, сообразные с заявлениями китайского уполномоченного, и предъявить их Цзену, как наше последнее слово. Посланник наш Бютцов не совсем доволен таким оборотом дела; однако ж взялся редактировать новый проект, а барон Жомини принял на себя литературную обработку ноты, которою Министерство иностранных дел обратится к китайскому послу.

4-го декабря. Четверг. — Сегодня утром приезжал ко мне Бютцов, чтобы показать проектированную в Министерстве иностран-

---

* Вся Европа как будто успокоилась на время, после передачи Дульциньи черногорцам все уладилось и «все благополучно».

** с такими изменениями в его условиях, которые, в сущности, совершенно уничтожали его;

Е.А. Перетц

ных дел ноту с заявлением наших окончательных условий. Вышло совсем не то, что было предположено в совещании 30-го ноября: вместо того чтобы, по предположению самого Гирса, решительно объявить Цзену наши условия, Бютцов и сам Гирс вошли снова в переговоры с китайским уполномоченным и сделали ему новые уступки. Сам Бютцов недоволен мягкостью и уступчивостью Гирса, тем более что, по его словам, Цзен держит себя крайне высокомерно*. В проектированной ноте все спорные пункты оставляются на будущее соглашение с китайцами; от Ливадского договора не остается почти ни одного клочка, что и высказал я откровенно Гирсу, при встрече с ним во дворце перед обедом. Дело с китайцами так испорчено, что уже едва ли можно поправить его и восстановить прежний тон наших с ними отношений[249].

К царскому обеду приглашены были, кроме Гирса и меня, приехавшие из Вены посол наш Убри и военный наш агент сви-

* обидно для русского достоинства.

ты генерал-майор Фельдман. За обедом присутствовала и княгиня Юрьевская. Час обеда уже не 6, как прежде, а 7 — поливадски.

На днях приезжал ко мне государственный секретарь Перетц с поручением от председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича, который возымел мысль восстановить в Государственном совете прежний Департамент военных дел, давно уже переставший существовать и окончательно упраздненный в 1864 году. Меня крайне удивило такое неожиданное предположение, тем более что упразднение этого мифического департамента, утратившего всякое значение с учреждением Военного совета, совершилось по представлению самого же великого князя Константина Николаевича, вскоре по назначении его председателем Совета. Конечно, я откровенно высказал Перетцу свое мнение о несообразности такого предположения; сам Перетц проговорился, что главною целью великого князя было — создание положения брату его, великому князю Николаю Николаевичу, которого предполагалось назначить председателем воскрешаемого департамента. Я не скрыл* от моего собеседника, что, независимо от личных отношений моих с Николаем Николаевичем, я сочту невозможным, в случае осуществления нового проекта, оставаться в должности военного министра и воспользуюсь предлогом, чтобы удалиться на покой, о чем так давно мечтаю. Перетц рассыпался в уверениях, что при таком взгляде моем на предположение председателя Государственного совета не может быть об этом и речи.

6-го декабря. Суббота. — Сегодня во время моего доклада Государь спросил меня, не читал ли я статью в «Московских ведомостях» о том, будто бы предполагается Военное министерство разделить на две части, подобно прежде существовавшему разделению на собственно министерство и Главный штаб Его Величества. Я не читал статьи «Московских ведомостей», но слышал уже о появлении этой утки в других газетах. С какой точки зрения взглянул на эту странную выдумку сам Государь, я не мог подметить.

После доклада ездил в Аничковский дворец поздравить наследника и цесаревну с именинами старшего их сына[250]. Позже был у меня князь Гика, только что возвратившийся к своему посту представителя Румынии при нашем дворе.

---

* при моих натянутых отношениях с Николаем Николаевичем мне будет очень неприятно иметь с ним непосредственные <отношения>, но прибавил, что, независимо от этого, в случае осуществления нового проекта, я воспользуюсь им как предлогом, чтобы оставить должность военного министра.

Вчера заезжал опять ко мне Бютцов и сообщил о новых разговорах с Цзеном. Давно пора бы прекратить эти разговоры; но Бютцов только теперь принимается за редактирование окончательных условий, которые должны быть предложены китайскому правительству взамен Ливадского договора. Мы условились, в каком смысле изложить статью, относящуюся к изменениям пограничной черты.

8-го декабря. Понедельник. — После заседания Государственного совета великий князь Константин Николаевич пригласил меня в свой кабинет, чтобы объясниться по делу, о котором уже говорил мне, по его поручению, статс-секретарь Перетц. Великий князь уверял меня в том, что он в своем предложении отнюдь не имел намерения что-либо предпринять вопреки моим желаниям, что не решился бы и поднять вопроса, если б не предполагал, что мысль его согласуется с моими мнениями. Я, в свою очередь*, сказал великому князю, что в суждениях своих о делах служебных я никогда не руководствуюсь какими-либо личными своими удобствами или желаниями и повторил те же возражения, которые высказывал уже Перетцу против предположения о восстановлении Департамента военных дел. Само собою разумеется, что при этом объяснении (в присутствии Перетца) не было даже произнесено имя великого князя Николая Николаевича.

После заседания Государственного совета заехал я навестить больного А.А. Баранцова, которого нашел в менее тяжелом положении, чем ожидал.

9-го декабря. Вторник. — После моего доклада у Государя продолжительный доклад Гирса. Главным предметом обсуждения были последние разговоры Сабурова с Бисмарком, пред самым отъездом нашего посла из Берлина. Привезенное им самим донесение об этих разговорах не совсем удовлетворяет ожидания Государя[251].

Из дворца ездил я в Академию Генерального штаба, где** послушал чтение одного из офицеров выпускного класса. Затем присутствовал в Комитете министров и Кавказском комитете. Перед обедом были у меня П.А. Сабуров и Бютцов. Первый выразил желание, чтобы мы с ним и Гирсом предварительно сошлись для серьезного обсуждения последних предложений Бисмарка, прежде доклада о них Государю. Бютцов прочел мне проектированные им статьи нового договора с Китаем. Условия эти до того смягчены

---

* уверял

** вторично присутствовал на чтении

против Ливадского договора, что, кажется, со стороны Цзена не может уже быть никаких возражений: мы уступаем ему по всем пунктам. Решено даже отказаться от предложенной им самим прибавки 2 $^1/_2$ миллионов рублей к сумме, выговоренной в Ливадском договоре в вознаграждение наших издержек по занятию Кульджи. Сегодня испрошено Гирсом у Государя соизволение на эту великодушную с нашей стороны уступку.

16-го декабря. Вторник. — В течение недели несколько раз приезжал ко мне посол П.А. Сабуров, чтобы снова толковать о редакции предполагаемого соглашения* между тремя империями. Мы придумали многие значительные исправления и дополнения к статьям, формулированным князем Бисмарком. Некоторые полезные указания были даны и послом нашим в Вене Убри. Были также новые совещания по редакции окончательных** условий с китайским уполномоченным. Гирс на днях объявил мне с радостью, что Цзен сам предложил прибавку к прежней сумме вознаграждения за оккупацию Илийской долины: вместо 2 $^1/_2$ миллионов рублей металлических, он уже предлагает 4 миллиона, что с прежними 5 миллионами составит 9 миллионов. От такой прибавки Гирс полагает не отказываться.

Сегодня, после моего доклада, назначено было у Государя совещание с Гирсом и обоими послами — Сабуровым и Убри — по предполагаемому секретному соглашению между тремя императорами. Окончательно выработанный общими силами проект одобрен Государем, и на сей раз наследник цесаревич*** отозвался также сочувственно. Если князь Бисмарк даст свое согласие на эти условия без изменений, то, кажется, мы можем быть довольны.

Также и по китайским делам, по-видимому, достигнут удовлетворительный исход. Цзен остался весьма доволен предъявленными ему условиями и объявил, что**** мог бы подписать их без предварительного сообщения в Пекин; но***** из осторожности все-таки намерен спросить на это разрешение по телеграфу.

В последние дни я страдал нервною болью во всей правой стороне тела, так что, кроме выезда во дворец в дни докладов, избегал всякого движения.

---

* с князем Бисмарком.

** наших

*** по-видимому

**** может подписать их, не ожидая новых разрешений из Пекина.

***** только

31-го декабря. Среда. — Вот и последний день года, оставляющего во многих отношениях тяжелые воспоминания. Последние две недели я не заглядывал в свой дневник; нечего было отмечать в нем. Политика в застое. Вся Европа только и думает о внутренних своих делах, страшно боясь расшевелить опять нескончаемый восточный вопрос. Оба наши посла — Сабуров и Убри — возвратились на свои посты с новою программой для восстановления тройственного союза императоров. Выйдет ли из этого что-нибудь прочное и действительное — трудно предсказывать: дело в том, что у всех трех правительств залегло глубоко в сердце и убеждениях взаимное недоверие. Этим объясняется тот странный факт, что среди общего желания сохранить мир, одновременно с самыми дружескими переговорами о союзе*, принимаются в пограничных областях всех трех империй (особенно же в Германии) деятельные и дорогостоющие военные меры.

В продоложение этих двух недель я выезжал из дому только к докладам во дворец и никуда более, по причине боли в ноге. Однако же сегодня должен был сделать исключение и присутствовал в экстренном общем собрании Государственного совета, по случаю утверждения финансовой росписи на будущий 1881 год[252]. Несмотря на все усилия сократить расходы, оказалось невозможным свести баланс; официально заявлен дефицит в 50 миллионов рублей. По этому поводу сегодня в Государственном совете произнесены были длинные речи: сперва А.В. Головниным, который поставил себе специальною обязанностью каждый год высказываться по делу смет; потом министром финансов Абазой и, наконец, государственным контролером. Во всех речах звучала главная нота — финансы наши расстраиваются только благодаря Военному министерству; единственный способ поправить их — сократить армию и военные требования. Повторение этого мотива вызвало и меня на сцену; я должен был сказать несколько слов, чтобы объяснить почтенному собранию, что размеры наших военных сил зависят не от нашей доброй воли, а от политического положения Европы; что плохую услугу отечеству окажет тот, кто предложит ослабить наши вооруженные силы, в виду все продолжающегося возрастания сил и средств соседних с нами держав. Само собою разумеется, что весь этот обмен речей имел характер** рассуждений академических; никто серьезно не верил возможности

---

* усердно продолжаются в пограничных областях

** разглагольствований

с нашей стороны подать пример разоружения, проповедуемого принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским[253].

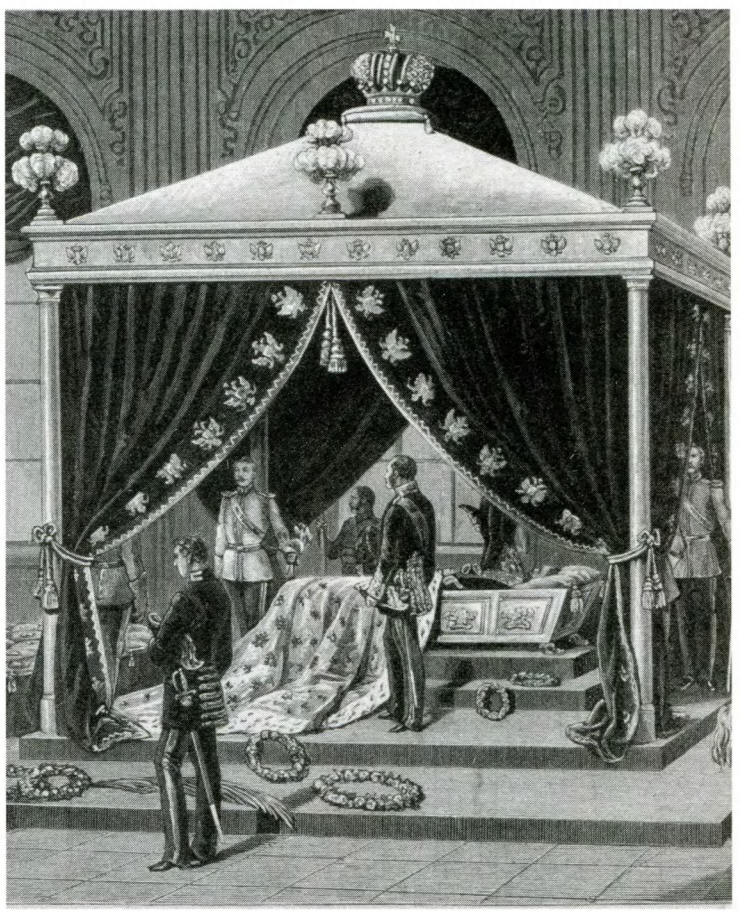
Сегодня получена телеграмма о кровопролитном бое, бывшем 23-го декабря под Геок-Тепе, при заложении первой параллели. По соглашению с кавказским начальством решено отныне публиковать известия из Закаспийского края. По желанию Скобелева, до сих пор воздерживались от оглашения его распоряжений и действий. Теперь уже наступил момент решительного столкновения: оставлять долее публику в полной неизвестности невозможно[254]. В завтрашних же газетах, как столичных, так и тифлисских, в первый день нового года появятся военные известия из Закаспийского края.

Последнее дело 23-го декабря было кровопролитно. Хотя у нас выбыло из строя, по показанию официальной телеграммы, всего 74 человека, но в числе убитых был генерал-майор Петрусевич, смерть которого Скобелев признает весьма тяжелою* потерею.

---

* для него

1881-й год



2-го января. Пятница. – Вчера я был во дворце только с докладом, после которого немедленно возвратился домой. Боль ноги избавила меня от обязанности присутствовать на выходе и объезжать великокняжеские дворцы*.

Сегодня совсем не выезжал из дома. Было у меня продолжительное совещание по проекту усиления новыми укреплениями нашей стратегической позиции на Висле. Предварительное предположение разработано Особою комиссией под руководством генерала Обручева из способнейших наших специалистов по Генеральному штабу, инженерному корпусу и артиллерии[255]. В сегодняшнем совещании принял участие генерал-адъютант Альбединский с его начальником штаба князем Шаховским и генерал-майором Генерального штаба Пфейфером. Проект вообще одобрен; теперь остается вопрос: дадут ли нам денежные средства для осуществления этого проекта, хотя бы с рассрочкою на несколько лет. А дело неотложно необходимое ввиду грандиозных мер, принимаемых нашими соседями в пограничных с нами областях. Пруссаки уже настроили громадные крепости и густую сеть железных путей; теперь австрийцы принялись также за работы. Кроме Кракова мы будем иметь под носом обширный укрепленный лагерь в Перемышле. Несмотря на скудость финансовых средств Австро-Венгрии, делегации в последней своей сессии не пожалели многих миллионов на военные сооружения, явно направленные против России.

3-го января. Суббота. – После своего доклада присутствовал я при докладе Н.К. Гирса. Главным предметом его доклада были полученные от Сабурова донесения о беседах его с князем Бисмарком по возвращении в Берлин[256]. Германский канцлер

* *Первоначальный текст этой фразы*: «Боль ноги избавила меня от выхода и от скучной обязанности объезжать все дворцы, чтобы расписываться у швейцаров».

высказывается в самом благоприятном для нас смысле; он не только соглашается на все те условия, которые были нами формулированы здесь, но идет еще далее и предлагает изменения и дополнения, выгодные для наших целей[257]. Сабуров удостоверяет в том, что отношения личные Бисмарка к австрийскому первому министру совсем не так любовны, как мы предполагали*; что германский канцлер был бы даже непрочь столкнуть с места Гаймерле, чтобы посадить опять графа Андраши. Что касается до императора Вильгельма, то он выказывает** самое теплое сочувствие к делу восстановления тройственного союза. Но весьма сомнительно, примет ли австрийский министр те условия, которые будут заявлены ему от имени Германии. Сговорились, чтобы условия эти прежде всего были открыты лично императору Францу-Иосифу великим герцогом Саксен-Веймарским[258], который с этой целью вызван в Берлин. Герцог пользуется полным доверием и уважением всех трех императоров. Наш Государь уже написал ему собственноручное письмо. В одно время с объявлением проекта Францу-Иосифу принц Рёйсс заявит его австрийскому первому министру. Таков план, придуманный самим Бисмарком. Все соображения и предложения Сабурова одобрены Государем, и в таком смысле Гирс редактировал ответную депешу.

В городе много толкуют о магнетических опытах Ганзена, датчанина, производящего необыкновенные действия над объектами, выбираемыми из публики. На днях он показывал их в Педагогическом музее[259] пред большим числом врачей; вчера же был приглашен во дворец. Непостижимая сила, которою один человек может почти мгновенно приводить другого в состояние полного бесчувствия и окоченения, приводит в изумление.

5-го января. Понедельник. – У меня было продолжительное совещание по вопросам, возбужденным управляющим Министерством народного просвещения А.А. Сабуровым относительно университетских порядков. Началом этому делу послужила записка, поданная Государю еще в Ливадии за общею подписью Сабурова и моею[260]. Предположения Сабурова о снятии с университетской молодежи драконовских строгостей, введенных со времени беспорядков 60-х годов, приняты были Государем одобрительно, но с тем, чтобы они были подвергнуты обсуждению всех министров, в ведении которых состоят разные высшие

---

* лично Гаймерле он не любит и желал бы его спихнуть с места.

** конечно

Н.В. Исаков

учебные заведения. С этою целью и собрались сегодня у меня[*] граф Лорис-Меликов, А.А. Абаза[**] с его товарищем Н.Х. Бунге, Посьет, князь Ливен, Победоносцев, Делянов и Исаков. Заседание началось длинным изустным изложением Сабурова; весьма

---

[*] *Первоначальный текст после слов «за общей подписью Сабурова и моею»*: «Предположения Сабурова о снятии с университетской молодежи драконовских строгостей, введенных со времени беспорядков в 60-х годах, приобрели сочувствие Государя, но Сабуров сам находил необходимым подвергнуть эти предположения обсуждению министров, в ведении которых состоят разные высшие учебные заведения. С этой целью и собрались мы сегодня. Я, как старший, председательствовал. В совещании присутствовали».

[**] приехавший вместе

хорошо развил он те соображения, по которым мы* находим необходимым изменить существующие порядки в университетах и в соответствующих им специальных высших учебных заведениях. Затем и я сказал несколько слов в пояснение мотивов, побудивших меня сделаться союзником Сабурова в этом деле. Также высказал несколько слов в подкрепление наших предложений граф Лорис-Меликов. После того предложено было мною выслушать мнения Бунге и Исакова, как более всех нас знакомых с университетским бытом. Бунге ограничился несколькими частными замечаниями по содержанию записки Сабурова; но Исаков, совершенно для меня неожиданно, высказался против предлагаемых новых мер, и затем все прочие члены совещания, один за другим, в разной степени, восстали против них. Сильнее всех напали Делянов и Победоносцев, чего, впрочем, и следовало ожидать. Видя совершенную невозможность притти к какому-либо соглашению противуположных взглядов, я предложил отложить дальнейшие суждения до другого раза**; условились собраться в будущую пятницу, и когда остались мы вдвоем с Сабуровым, стали придумывать, какие уступки могли бы мы допустить в наших предположениях, чтобы в будущем совещании привлечь на нашу сторону хотя бы некоторых из числа нынешних наших оппонентов***.

Вечером Гирс прислал мне прочитать некоторые новые и весьма любопытные депеши. Сабуров дает отчет об успехе своих переговоров с Бисмарком, который горячо принялся за дело и решается неотлагательно обратиться с предложениями к венскому кабинету чрез посредство принца Рёйсс[261]. Великий герцог Веймарский отказался от предложенной ему роли посредника. Другое, приятное известие – получение китайским послом Цзеном согласия пекинского правительства на предложенные новые условия мирного договора. Китайское правительство даже поручает своему уполномоченному принести благодарность российскому императору за его снисходительные и умеренные условия. Таким образом, теперь уже можно вполне рассчитывать на мир-

---

* признали совершенно

** *Первоначально*: «Видя, что в поднятом вопросе мы ни к какому решению сегодня притти не можем, я предложил, уже в 6-м часу, закрыть совещание и собраться в другой раз».

*** Очевидно, что никакого единогласного решения достигнуть будет невозможно, такие ярые консерваторы, каковы Делянов и Победоносцев, ни в каком случае не могут отречься от своей ретроградной точки зрения. Это неисправимые кастраты.

ную развязку наших недоразумений с Китаем. Авось-либо не случится опять* неожиданного поворота в Пекине.

Поздно вечером Государь прислал мне новую телеграмму с известием от Скобелева. Текинцы сделали вторичную вылазку в ночь с 30 на 31 декабря, даже ворвались было в один из наших редутов и увезли одно горное орудие (но без затвора). Бой был кровопролитный; у нас потеря состояла из 52 убитых и 96 раненых[262]. По донесению Скобелева, вылазка эта нисколько не замедлит осадных работ**, бомбардировка внутренности неприятельских укреплений продолжается еще усиленнее.

6-го января. Вторник. – Сегодня*** не было обычного выхода во дворце; на церемонии водосвятия кроме духовенства присутствовали только великие князья.

Обыкновенным порядком был я с докладом – сперва один, а потом с Гирсом. Государь встревожен ходом дел под Геок-Тепе; зато доволен известиями из Пекина и Берлина. Кояндер прислал копию с любопытной записки, поданной китайскому правительству одним каким-то сановником, который дает совет теперь быть уступчивым, чтоб избегнуть войны, но продолжать настойчиво и не жалея средств вооружаться и усиливаться, дабы в свое время быть более, чем теперь, готовыми к борьбе с европейскими противниками. По всему видно, что записка эта выражает действительно принятую китайским правительством политическую программу.

Возвратившись из дворца домой, я поспешил известить**** по телеграфу начальников наших дальних пограничных округов, чтобы они приостановили все новые военные меры, сопряженные с расходами и предположенные исключительно на случай***** разрыва с Китаем; но вместе с тем подтвердил, чтобы занялись разработкою плана для будущего военного устройства наших пограничных с Китаем окраин, ввиду выяснившегося намерения нашего гигантского соседа развить и преобразовать свои военные силы. Уже теперь Китай не тот, каким был лет 15 тому назад; а кто знает, каким будет он впредь чрез 15 лет.

10-го января. Суббота. – Вчера было у меня вторичное совещание по университетскому вопросу. На сей раз мы, по предварительному

---

* какого-нибудь

** и в продолжение 30 декабря продолжалось еще сильнее прежнего бомбардирование неприятельских укреплений.

*** не знаю, почему

**** сделать распоряжение об извещении

***** близкого

соглашению с Сабуровым, графом Лорис-Меликовым и некоторыми другими из членов совещания, ограничили вопрос только предположением о преобразовании инспекции студентов и подчинении ее ректору и правлению. Однако ж и при таком ограничении вопроса не избегли мы продолжительных и горячих прений* только из желания некоторых членов излить свою желчь на новое Министерство народного просвещения. Опять отличились ядовитыми речами Делянов и Победоносцев. К общему удивлению, Исаков примкнул к этим двум пессимистам, в глазах которых студенчество представляется в виде толпы извергов и негодяев, с которыми ничего не поделаешь, какое бы ни придумывалось устройство университетского быта. Когда вся желчь была излита, все, кроме одного Делянова, заявили с некоторыми только оговорками согласие на предложенную меру и даже вынуждены были признать, что университетскому начальству невозможно поставить в обязанность строго преследовать все то, что запрещалось прежними драконовскими правилами, как то студенческие столовые, читальни и т. п.

Совещания наши выказали ясно, что дух, царивший в бывшем министерстве графа Толстого, и теперь еще имеет горячих поборников, которые подкапываются под нового министра; с другой стороны, выказалась также слабость и простодушие этого министра**. А.А. Сабуров – хороший, доброжелательный и честный человек; но он не в силах будет долго удержаться на своем трудном посту. Он сохранит его только, пока будет поддерживаем всемогущим в настоящее время графом Лорис-Меликовым.

Сегодня Государь спросил меня о результате наших совещаний. Впрочем, он уже знал из доклада графа Лорис-Меликова о первом заседании, что предположения Сабурова, поддержанные мною в Ливадии и предварительно уже одобренные самим Государем, встретили упорную оппозицию.

Сегодня после моего доклада был доклад Гирса; но в политике нет ничего замечательного. Продолжается обмен телеграмм и депеш по греко-турецкому вопросу и по другим, менее важным.

Между тем в последние дни произошли у нас значительные перемещения должностных лиц. Киевский генерал-губернатор гене-

---

* не потому, что самая мера не одобрялась, а

** *Первоначальный текст этой фразы*: «Совещания наши выказали, с одной стороны, что дух, царивший в <покойном> министерстве графа Толстого, и теперь еще имеет горячих защитников, которые подкапываются под нового министра; а с другой стороны, выказалась и неспособность, можно сказать, простодушие нового министра».

рал-адъютант Чертков обиделся ревизиею сенатора Половцева[263] и подал прошение об увольнении от должности. Предположено переместить в Киев генерал-адъютанта Дрентельна, на место которого в Одессу – князя Дондукова-Корсакова, а в Харьков назначить князя Святополк-Мирского (старшего). В то же время перемены и в личном составе Петербургского военного округа: князь Имеретинский, по настойчивому желанию наследника цесаревича, увольняется от должности начальника окружного штаба и замещается генерал-адъютантом Розенбахом, к которому наследник привык во время командования Гвардейским корпусом. На место Розенбаха начальником корпусного штаба назначается генерал-майор Игнатьев 2-й, командир Кавалергардского полка*. Все эти перемещения должны быть объявлены на днях.

Сегодня же было у меня совещание по вопросу о предполагаемых изменениях в устройстве Военно-топографического училища и состоящей при нем учебной команды. После того был у меня полковник Пржевальский, только что возвратившийся из четвертого путешествия в Китай[264]. Пржевальский приобрел в Европе известность замечательного путешественника по необыкновенной энергии, выказанной им в трудных и даже опасных его странствованиях среди диких пустынь Внутренней Азии. Он представлялся сегодня Государю, который принял его особенно благосклонно. Сам Пржевальский и все его спутники получили награды. Знаменитому путешественнику готовят разные чествования.

Обедал у меня поручик Ползиков, адъютант болгарского князя Александра, присланный сюда с письмом к Государю и с разными поручениями. Рассказы приезжих из Болгарии представляют тамошнее положение дел не в розовомцвете. Генерал Эрнрот, о котором все без исключения отзываются с большими похвалами, не хочет оставаться военным министром; а с удалением его угрожают общим бегством и другие, более заметные русские офицеры. Князь Александр не может примириться с положением конституционного князя в полудиком маленьком государстве. По всему видно, что** его не покидает мысль о военном coup d'état***. В письме Государю есть такая фраза, что «даже и граф Милютин должен признать долготерпение», выказанное им, князем Александром, при теперешней «невозможной» конституции. Это – намек на те разговоры, которые я имел с ним неоднократно во время пребывания

---

* который получает флигель-адъютант Шипов.

** он и теперь

*** Перевороте (*фр.*).

его в Петербурге, и на советы мои не прибегать к замышляемому им coup d'état. Эти же замыслы князя Александра, поддерживаемые в его уме некоторыми иностранными агентами (в особенности австрийским, тонким дипломатом графом Кевенгюллер), как кажется, составляют и существенную причину нежелания генерала Эрнрота* оставаться болгарским военным министром[265].

13-го января. Вторник. – В прошлое воскресение обычное у меня вечернее собрание было многочисленнее и оживленнее обыкновенного. Знаменитый наш путешественник полковник Пржевальский приехал ко мне прямо с обеда, который давали в честь его офицеры Генерального штаба. Мои гости с любопытством слушали его интересные рассказы**.

Вчера, в понедельник, было короткое заседание в Государственном совете; но после заседания я оставался довольно долго для объяснений с Абазой, Сольским и Старицким по делу о расчетах с товариществом, продовольствовавшим действующую нашу армию в последнюю войну[266]. Сегодня же докладывал я Государю о дальнейшем направлении этого сложного и запутанного дела. Как само товарищество, так и Старицкий, и Сольский, и даже Абаза клонят на мировую. Вопрос лишь в том, какие основания принять для определения цифры надбавки к той сумме, которая уже присуждена комиссиею Старицкого в уплату товариществу.

После доклада моего и Гирса я председательствовал в Комитете по делам польским[267]. Обсуждался первый отчет, представленный Государю новым варшавским генерал-губернатором Альбединским. В отчете этом снова возбуждаются принципиальные вопросы, по которым необходимо было дать генерал-губернатору положительные указания от Комитета. Поэтому пришлось толковать довольно много; к счастию, не оказалось слишком большого разномыслия и нетрудно было по всем вопросам притти к единогласным заключениям***.

14-го января. Среда. – В 10-м часу утра Государь прислал мне телеграмму, только что полученную от великого князя Михаила Николаевича, с известием о взятии неприятельских укреплений Геок-Тепе и полном поражении текинцев. По приказанию Государя я немедленно же поехал во дворец. Государь был в большой радости, сознавался, что до сей минуты его сильно озабочивала текинская экспедиция, приказал произвести генерал-адъютанта Скобелева в

---

* министром князя Александра.

** отличающиеся особенной простотою и наивностью.

*** Тем не менее заседание окончилось только в половине 6-го часа.

М.Д. Скобелев

полные генералы и пожаловал ему орден Св. Георгия 2-й степени. Скобелев, несомненно, заслужил эту награду. Все, даже не расположенные к нему, отдают справедливость его энергии, умению вести дело и замечательной выдержке, которой прежде в нем не признавали. Блистательный успех при Геок-Тепе после прошлогодней неудачи Ломакина[268], несомненно, поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии.

Распорядившись о публикации радостного известия и о наградах Скобелева, я поздравил по телеграфу великого князя Михаила Николаевича и самого победителя. Новость немедленно облетела весь город. Завтра назначен во дворце большой выход с благодарственным молебствием. Это нахожу уже лишним.

Утром был в Военно-топографическом училище, осматривал съемочные работы в Восточной Болгарии; потом в Военном совете и пред обедом успел еще отдать визит австрийскому послу Кальноки.

20-го января. Вторник. – Вчера, пользуясь облегчением боли в ноге, я ездил утром по учебным заведениям, взамен обычного моего по понедельникам приема просителей. Был также в манеже гвардейской конной артиллерии для осмотра вновь проектированного значительно облегченного зарядного ящика.

Пред обедом вчера же принимал я спутников Пржевальского, двух молодых офицеров – Эклона и Роборовского и двух солдат Каспийского пехотного полка. Сегодня же они представлялись и Государю после моего доклада.

Получена телеграмма с подробностями о штурме Геок-Тепе. Оказывается, что успех был еще важнее, чем первоначально нам казалось. Кроме страшного избиения побежденных, в наших руках осталась масса семейств, что дает надежду на принесение текинцами покорности. Скобелев восхваляет войска свои и называет лиц, особенно отличившихся.

Блестящий успех Скобелева уже заметно произвел сильное впечатление в Европе, тем более что он последовал вслед за неудачами, понесенными англичанами в Авганистане, и совпал с их поражениями в Южной Африке. Сегодня вторично заехал ко мне лорд Дефферин и на этот раз застал меня дома. Он добродушно сопоставлял наши успехи с британскими неудачами, объяснял мне положение дел в Капской колонии, но более интересовался нашими видами в Закаспийских степях. Разумеется, я старался успокоить его; однако ж высказал, что, вероятно, Скобелев не остановится на полпути и закончит полное покорение всего Текинского оазиса.

От Сабурова из Берлина получены весьма интересные сведения о том, как приняты в Вене предложения Бисмарка о восстановлении тройственного союза. Государь и Гирс очень довольны этими известиями. Австрия подается на предложения, хотя и тут все-таки проглядывают закоренелое недоверие к нам и какие-то затаенные мысли, которые* ничем устранены быть не могут. Бисмарк прочел Сабурову in extenso** донесение принца Рёйсс и показывал свои на полях отметки, что вполне успокаивает нашего посла относительно искренности намерений германского канцлера[269].

Заезжал я сегодня в военно-топографический отдел Главного штаба для осмотра съемок Болгарии. Теперь все снятые планшеты вычерчены; приступаем к составлению общей карты в масштабе 3-х верст в дюйме.

---

* ни в каком случае и

** Дословно (*лат.*).

23-го января. Пятница. – От Скобелева получены благоприятные известия: передовой его отряд 18-го января занял без боя Ашхабад и некоторые другие пункты на восточной окраине Текинского оазиса. Начинают являться от текинцев депутации с изъявлением покорности.

Сегодня утром приехал великий князь Михаил Николаевич со всею своею семьей. Я не мог быть при встрече их на станции железной дороги, а поехал в 12-м часу к ним во дворец, где и видел всю семью.

25-го января. Воскресенье. – 25 лет тому назад великие князья Николай и Михаил Николаевичи были поставлены во главе двух важных военно-специальных ведомств: инженерного и артиллерийского; а начальниками штабов приставлены к ним генерал Кауфман, нынешний генерал-губернатор туркестанский, и генерал-адъютант Баранцов. Впоследствии, при преобразовании Военного министерства, эти начальники штабов обратились в «товарищей» своих августейших начальников. Великий князь Михаил недолго начальствовал артиллерийской частью; он был назначен наместником кавказским. Старший же брат хотя и оставался все 25-летие генерал-инспектором по инженерной части, однако ж, в действительности, мало занимался этой частью и мало принес ей пользы. Было предположено праздновать сегодня юбилеи обоих великих князей; но Николай Николаевич в отсутствии, за границей, а Михаил Николаевич решительно отклонил это празднование, справедливо сознавая, что не он управлял 25 лет артиллерийской частью, а генерал Баранцов. Это – благородная черта. Вчера было условлено, что все наличные артиллеристы съедутся сегодня в Главное управление для поздравления не генерал-фельдцейхмейстера, только носящего этот титул, а товарища его, генерала Баранцова. Так и было сделано, совершенно сюрпризом для самого доброго и почтенного юбиляра. Но после поздравления я возвратился домой с угрызениями совести: мне было досадно, что не догадался воспользоваться настоящим случаем, чтобы выпросить у Государя какой-нибудь знак внимания старику, хотя бы просто рескрипт. Эта мысль мучит меня весь день. Попробую завтра исправить* непростительный промах, хотя бы задним числом.

Несмотря на свою больную ногу, я должен был сегодня влезать на фотографический павильон Деньера по требованию придворного живописца Ботмана, которому заказан Государем мой портрет для большого коридора в Зимнем дворце**.

---

* как-нибудь

** для такой большой чести стоило влезать несколько десятков ступеней.

26-го января. Понедельник. – Утром заехал к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы переговорить с ним о некоторых кавказских делах, преимущественно о Закаспийском крае, а также поделиться с ним угрызениями моей совести по поводу вчерашнего юбилея Баранцова. Затем я поехал во дворец и, с согласия великого князя, доложил Государю о несбывшихся вчера ожиданиях всей артиллерии. У меня в портфеле были даже два проекта рескрипта Баранцову. Государь принял мое заявление весьма благосклонно и почти изъявил уже согласие на возведение Баранцова в графское достоинство, но потом нашел более уместным отложить эту награду до 19-го февраля.

Позже, в заседании Государственного совета, я виделся с великим князем Михаилом Николаевичем и передал ему результат моего доклада. Заседание было весьма непродолжительно.

От П.А. Сабурова получены снова чрезвычайно любопытные письма. Император Франц-Иосиф в ответном письме к императору Вильгельму изъявляет с сочувствием полное свое согласие на предположенный тройственный союз, но в то же время принц Рёйсс сообщает князю Бисмарку мелочные замечания барона Гаймерле на редакцию проектированных условий. По этому поводу Сабуров имел продолжительные совещания с Бисмарком, который придумывал всевозможные варианты в проекте, для успокоения австровенгерского мелочного министра, с сохранением всего существенного, что было предположено в наших интересах*. Благорасположение германского канцлера доходит до того, что Сабуров решается даже затронуть с ним щекотливые вопросы о будущности Балканского полуострова в случае распадения империи Османа. При этом он напоминает о моей записке, составленной прошлой осенью в Ливадии, и спрашивает разрешения, при известных благоприятных условиях, забросить кое-какие идеи в том смысле, в каком мною изображен был идеал будущей Балканской конфедерации. Сабуров, со своей стороны, добавляет к моему идеалу свою черту – желание, чтобы России было предоставлено владеть выходом из Босфора в Черное море[270]. Об этом мы говорили уже во время последнего пребывания Сабурова в Петербурге: я высказал ему мое мнение, что, конечно, предлагаемая им добавка была бы очень желательна для нас, как противувес (compensation**) тем выгодам, которые в моем проекте предоставлялись бы Австрии на Балканском полуострове; но вместе с тем, говорил я, эта добавка может испугать Англию, а следовательно, подвергнуть сомнению успех всего проекта.

---

* Откровенность

** Возмещение (*фр.*).

А.А. Баранцов

27-го января. Вторник. – Сегодня был большой обед у великого князя Михаила Николаевича в честь А[лександра] Ал[ексеевича] Баранцова. Участвовали одни артиллеристы и я в числе их. Обед был с музыкой, тостами и спичами. Генералу Демьяненкову (инспектору классов Артиллерийского училища) было поручено изложить оказанные Александром Алексеевичем заслуги нашей артиллерии. Речь его, очень длинная, вызвала ответную речь со стороны виновника торжества. Генерал Баранцов старался доказать, что не ему следует приписывать все перечисленные заслуги, а самому генерал-фельдцейхмейстеру. Со своей стороны, и великий князь отклонил от себя приписываемую ему честь, ссылаясь на свое отсутствие в последние 18 лет празднуемого 25-летия. Это было, как говорят французы, combat de générosité* По истинной правде, все, что сделано по артиллерии в эту четверть века, всецело следует приписать Баранцову, который и теперь, несмотря на свои лета и частые болезни, продолжает вести дело

* Состязание великодушия (*фр.*).

усовершенствования всех частей артиллерийского ведомства с любовью к делу и, можно сказать, почти с юношескою горячностью*.

31-го января. Суббота. – Сегодня мой доклад происходил в присутствии трех великих князей: наследника цесаревича, Михаила Николаевича и Владимира Александровича. Между прочим, были вопросы по делам кавказским: главный – относительно замещения Скобелева, который болен и намерен просить об увольнении от возложенной на него временной обязанности в Закаспийском крае. Я рекомендовал на должность начальника Закаспийского отдела полковника Куропаткина, который в последнюю войну показал себя хорошим боевым офицером и всегда был разумным работником по делам азиатской администрации.

Великий князь Михаил Николаевич клонит к назначению генерал-лейтенанта Рерберга, бывшего инженера, а теперь начальника Кавказской гренадерской дивизии, человека хорошего, дельного, но** далеко менее даровитого. У нынешнего наместника кавказского замечается та же маленькая слабость, в которой укоряли и его предшественников, а именно – стремление к обособлению Кавказской армии, к замещению всех открывающихся в крае должностей своими местными кандидатами, «кавказцами», с устранением личностей посторонних. Имея в виду еще впереди несколько других новых назначений по Кавказской армии, я воспользовался настоящим случаем, чтобы высказать перед самим Государем неудобства и невыгоды такой системы***.

После моего доклада я присутствовал при докладе Гирса. Нового ничего нет. Проект договора с Китаем окончательно редактирован после долгих и мелочных споров с Цзеном[271].

---

* В этом отношении нет нужды его понукать, как других, а скорее нужно сдерживать. Это — человек в высшей степени благородный, добрый, честный, но, вместе с тем, крайне впечатлительный и щекотливый. Мои отношения с ним, вполне дружеские, часто улаживают вспышки, которые вызывает в нем всякое противоречие, принимаемое им за враждебное действие против дорогой его сердцу артиллерии. Вспыльчивость его и впечатлительность делают невозможным <всякое> участие его в каком-либо совещании, совете или комитете.

** ограниченных способностей и умения.

*** *Первоначальный текст после слов «менее даровитого»*: «У великого князя слабая сторона — стремление к обособлению Кавказской армии и устранению от дел как личностей посторонних. Он всегда выставляет исключительно местных своих кандидатов на всякие открывающиеся должности. Я воспользовался настоящим случаем, чтобы высказать пред самим Государем неудобства и невыгоды такой системы, <имея в виду еще> так как было еще несколько других вопросов о <новых> назначениях на должности по Кавказской армии».

Позже было у меня второе продолжительное совещание о новых предположениях по укреплениям в западном нашем пограничном пространстве. На этот раз обсуждались проекты укреплений Дубно и Киева, составленные тою же комиссиею, которая разрабатывала и проекты укреплений в Варшавском и Виленском округах. После долгих споров проекты комиссии одобрены.

В последнюю неделю как-то особенно много было похорон. Только что похоронили князя Дмитрия Александровича Оболенского, члена Государственного совета, и барон Врангеля, члена Военного совета, и вот хороним еще одного члена Государственного совета – барона Будберга. В то же время похороны двух знаменитых наших писателей: Достоевского (здесь в Петербурге) и Писемского (в Москве).

10-го февраля. Вторник. – С тех пор, как начались мои боли в ноге, в первый раз сегодня мог я воспользоваться приглашением к обеду во дворце. Кроме меня были приглашены граф Лорис-Меликов, Гирс, Андрей Ал[ександрович] Сабуров, Черевин и князь Имеретинский*. В последнее время обеды в Зимнем дворце уже не те, что были в прежнее время, при покойной императрице; чувствуется какая-то натянутость, неловкость, фальшь. С грустью вспоминаешь прошлое.

За истощением толков об экспедиции Скобелева, о похоронах Достоевского, город по обычаю принялся за мелкие сплетни. Предметом разных злых шуток и клевет сделался бедный генерал Анненков (Михаил Николаевич), с которым Скобелев поступил предательски**: вместо благодарности за оказанные Анненковым существенные услуги, устройством сообщений в тылу действующего отряда, Скобелев, неизвестно ради каких побуждений, не донес о ране Анненкова и возбудил какие-то насчет этой раны сомнения. Рана Анненкова сделалась предметом всяких двусмысленных шуток не только в салонной болтовне, но и в газетах. Я старался сколько мог*** защитить Анненкова от злословных намеков; поддержал его и великий князь Михаил Николаевич, и результатом было то, что Государь принял Анненкова весьма милостиво, почти час разговаривал с ним и слушал его рассказы.

Другим предметом городских толков был годичный акт в университете в прошлое воскресенье 8-го февраля. Какие-то двое или

---

* Очень скучно и натянуто. Последнее время как-то особенно вяло и бесцветно.

** и гнусно

*** ободрить, поддержать

М.Н. Анненков

трое из студентов-евреев вздумали с хор крикнуть и бросить листки с воззваниями против министра народного просвещения и университетского начальства. Суматоха была скоро прекращена самими студентами, которые вытолкали нарушителей порядка, а на другой день избили их, не ожидая приговора университетского суда. Тем дело и кончилось; Сабуров видит в этом случае благоприятный признак настроения большинства студентов; но в городе рады из мухи сделать слона и ухватились за университетскую историю, чтобы посплетничать на Сабурова[272]. Прежние клевреты графа Толстого злорадствуют.

В политике тишь и пустота. В Константинополе должны начаться переговоры с Портой о разграничении ее с Грецией. Бисмарк согласился стать во главе новой дипломатической кампании, между тем как Англия стушевалась, занятая своими домашними заботами: делом ирландским и военными неудачами в Капской колонии[273].

12-го февраля. Четверг. – По окончании моего доклада Государь призвал в кабинет барона Шернваль-Валлена (статс-секретаря по делам Финляндии), чтобы разрешить возникший между ним и мною щекотливый вопрос о сумме (в 40 тысяч марок), назначенной финляндским Сенатом в виде добавочного содержания военному министру и на его расходы по делопроизводству относительно вновь учреждаемого финского войска[274]. Я отказался от этой подачки со стороны финляндского Сената, заявив, что, по высочайше утвержденному положению о финляндских войсках, на русского военного министра никаких особых обязанностей не возложено, а потому и в особом по этим войскам делопроизводстве надобности не предвидится. Дело в том, что проект означенного положения был составлен финляндскими дельцами помимо Военного министерства, с полным устранением последнего от заведывания военными силами Великого княжества, и, несмотря на представленные мною весьма существенные возражения против такого обособления финляндских войск, несмотря на одобрение этих возражений самим Государем, проект финляндцев почти без изменения был поднесен на высочайшее утверждение. Когда же я упрекнул в таком подлоге барона Шернваля, мне было заявлено им в успокоение, что положение вводится только в виде опыта и что по истечении 10 лет могут быть сделаны изменения, какие окажутся необходимыми. Ввиду такого заявления, я признавал нужным сохранить за военным министром полную независимость мнения при будущем пересмотре положения и не связывать его никакими отношениями к управлению Великого княжества. На первый мой отказ от назначенного финляндским Сенатом добавочного содержания барон Шернваль отвечал, что назначенная мне сумма уже ассигнована Сенатом, внесена в финансовую роспись и что отказ мой произвел бы замешательство в отчетности. Однако ж я настоял на своем отказе, присовокупив, что предоставляю финляндскому правительству во избежание приводимых неудобств обратить ассигнованную им сумму на улучшения в размещении русских войск в Финляндии. Финляндцы, разумеется, поняли колкий мой намек*. Письмо мое было представлено Государю, кото-

---

* *Первоначальный текст после слов «на его расходы по делопроизводству относительно вновь учреждаемого финского войска»*: «Я отказался от этой суммы, заявив, что, по положению об этих войсках, военному министру предоставляется слишком ничтожный круг действия и что ему не предстоит надобности в каких-бы то ни было расходах на делопроизводство по этой части. В сущности же я хотел сохранить полную свою независимость в отношении к вопросам, которые могут возникнуть вследствие явного стремления фин-

рый и потребовал по этому случаю барона Шернваля в одно время со мной. Я объяснил Государю свои побуждения. Государь решил, чтобы назначенная Сенатом сумма была все-таки доставляема в *мое распоряжение*[*] для покрытия расходов, какие я признаю полезными.

После доклада я заехал к Гирсу, чтобы переговорить с ним по содержанию вновь полученного письма от нашего посла в Берлине. П.А. Сабуров, со своею обычною ретивостью, слишком поспешно и горячо уцепился за мой проект о Балканской конфедерации. Он уже собирается заговорить о нем с Бисмарком и даже ввести в переговоры с Австрией. Гирс испугался такой несвоевременной фантазии посла и прислал мне заметки, набросанные бароном Жомини по поводу означенного проекта. Я поспешил объяснить Гирсу, что, по моим понятиям, было бы преждевременно теперь заводить речь о моем проекте не только с Австрией, но и с Бисмарком. Я вполне согласился с Гирсом, что прежде всего надобно закончить переговоры, начатые уже о заключении тройственного союза, дать укрепиться этому союзу, и уже после того выждать благоприятных обстоятельств, чтобы завести речь о соглашении *на случай* окончательного распадения Турции. Записка моя[275] была написана вовсе не в виде программы для ведения политики в[**] ближайшее время, а как указание на возможность будущего решения пресловутого восточного вопроса[***] в тот исторический момент, когда Турецкой империи суждено покончить свое существование. Предварительное на *этот случай* соглашение между большими державами, по моему предположению, могло бы отвратить тот всеобщий[****] катаклизм и европейскую войну, без которых, по вкоренившемуся издавна убеждению, не обойдется окончательное падение Оттоманской империи. Только в таком смысле и полагал я полезным когда-нибудь,

---

ляндского правительства к сепаратизму. На первый мой отказ барон Шернваль отвечал, что назначенная мне сумма уже ассигнована Сенатом и что отказ мой в принятии суммы произвел бы замешательство в отчетности. Однако ж я настоял на своем отказе, присовокупив, что я прошу финляндское правительство обратить ассигнованную им сумму на удовлетворение некоторых нужд русских войск, расположенных в Финляндии. Финляндцы не могли не понять в этом заявлении моем колкого намека на отчуждение их от всего русского».

[*] с тем, чтобы зависело уже от меня давать ей то назначение, которое я сочту более полезным.

[**] настоящее

[***] без общей войны

[****] погром и войну, которых вся Европа так боится.

при благоприятных условиях, завести речь о будущности Балканского полуострова. Таким образом, между Гирсом и мною нет ни малейшего разномыслия. Поэтому решено было в этом же смысле дать указания и Сабурову. Вечером же Гирс прислал мне на просмотр набросанный рукою барона Жомини черновой ответ послу[276].

18-го февраля. Среда. – Трактат с Китаем, наконец, подписан, и маркиз Цзен уехал[277]. Придется ожидать несколько месяцев известия из Пекина о том, будет ли на этот раз ратифицирован новый договор.

Вследствие наших неоднократных разговоров с Гирсом о замышляемом Сабуровым приступе к переговорам с Бисмарком о будущей развязке восточного вопроса, барон Жомини с обычною легкостью и быстротой изложил общий план нашей будущей политики в последовательных ее фазах, в виде инструкции для нашего посла в Берлине. У Жомини замечательная способность скоро схватить чужую мысль и развить ее в стройном, почти изящном изложении. Я сделал только одно замечание – что в разных местах записки высказываются* почти противуположные соображения относительно будущей участи самого Цареграда: то делается ссылка на тайное Рейхенбергское соглашение, по которому Константинополь должен сделаться вольным городом; то на мою записку, оставляющую его в руках турок[278], наконец, на фразу, вырвавшуюся когда-то у Бисмарка, о предоставлении Салоник австрийцам, а Константинополя русским. Я объяснил Гирсу, что в плане нашей политики надобно остановиться на котором-либо одном, определенном решении этого вопроса. Повторяю, что решение вопроса о Константинополе в таком смысле, как намекал Бисмарк, было бы неосуществимою мечтой: оно не было бы допущено ни Англией, ни другими морскими державами. Превращение Константинополя в вольный город есть также миф неосуществимый: это было бы равносильно передаче мнимого вольного города в руки Англии. Следовательно, остается одно возможное и, вместе с тем, наименее для нас невыгодное решение – оставление Константинополя во власти турок, но под контролем общеевропейской дипломатии и как составная часть Балканской конфедерации**.

Прошлое воскресенье (15-е февраля) ознаменовалось семейной радостью – рождением сына у дочери моей Елены Гершель-

---

* совершенно различные

** из автономных маленьких государств.

ман. С тех пор не прекращаются поздравления с приращением семьи. Сегодня приехал из Крыма сын мой, в отпуск на несколько дней.

1-го марта. Воскресенье. – Беру перо под тяжелым впечатлением постигшего Россию сегодня утром великого несчастья – страшной, мученической кончины нашего царя-освободителя*. Картина, которую представлял кабинет императора Александра II в последние минуты его жизни, оставит навсегда потрясающее воспоминание. Я был в числе свидетелей агонии его: он лежал с раздробленными ногами на** походной кровати в бессознательном состоянии, окруженный врачами и*** многочисленным семейством. Он едва дышал; для поддержания дыхания ему вдували кислород, пока хирурги бинтовали раздробленные члены; **** княгиня Юрьевская и наследник цесаревич (теперь уже император)[279] держали голову страдальца. Несмотря на все усилия продлить его жизнь, дыхание совсем прекратилось в 3 часа 35 минут. Протоиерей Бажанов, едва успев причастить умирающего, прочел отходную. Мы все присутствовавшие стали на колени вокруг смертного одра и затем перенесли тело в другую комнату – в парадный кабинет. Новый император, глубоко растроганный, отдал некоторые приказания собравшимся около него министрам, и сейчас же были разосланы во все стороны телеграммы о постигшем Россию несчастье.

Трагическая кончина императора Александра II производит тем сильнее впечатление, что совершилась совсем неожиданно, в такое время, когда преступная крамола казалась подавленною, когда начали изглаживаться из памяти прежние злодейские покушения на цареубийство*****. Два дня тому назад были арестованы два человека из числа главных злодеев, которых давно уже разыскивали. Еще вчера Государь говорил мне об этом с довольным видом и сегодня утром был особенно в хорошем расположении духа. Я видел

---

* *Первоначально*: «Беру перо под тяжелым впечатлением совершившегося сегодня утром великого злодейского <ужасного> преступления и горестного результата его».

** железной

*** всем

**** жена его

***** *Первоначальный текст этой фразы*: «Кончина императора Александра II производит особенное, подавляющее впечатление, как всякое совершенно неожиданное, непредвидимое событие. Как нарочно, в последнее время все было как-то тихо и спокойно; почти изгладились воспоминания о прежних злодейских покушениях на цареубийство».

Император Александр II в гробу

его на разводе: он подозвал меня к себе для передачи какого-то приказания и в последний раз подал мне руку; любезно разговаривал с послами, не исключая на сей раз и турецкого*. С развода он уехал в карете вместе с великим князем Михаилом Николаевичем к великой княгине Екатерине Михайловне, а от нее поехал уже один в Зимний дворец. Было около 2 $^{1}/_{2}$ часов, когда карета, окруженная конвойными казаками, быстро проезжала вдоль Екатерининского канала от Михайловской улицы к Тройному мосту, и когда раздался первый взрыв подброшенного под карету снаряда. Карета, поврежденная не очень сильно этим взрывом, остановилась; Государь вышел из нее и пошел пешком к тому месту, где лежал раненый казак, которого поднимали сбежавшиеся люди. В то время, как Государь подходил к этой кучке, под его ноги подброшен был второй снаряд. Государь был страшно изувечен; его подняли, положили на сани и тихо повезли ко дворцу. Сначала он сохранял еще сознание и произнес: «скорее домой»; но когда внесли его во дворец, он уже был без чувств. В одно время с Государем убит казак, другой ранен, и еще ранены несколько человек в толпе.

* и остался доволен разводом.

Одного из злодеев схватили; при первом допросе он прямо назвал себя Рысаковым, слушателем Горного института, и с цинизмом признавал свое преступление; другой, сам изувеченный и принесенный в больницу Конюшенного двора, не открыл своего имени и вскоре умер[280]. Впрочем, о подробностях происшествия и виновниках его пока знаем только по слухам, во многом разноречивым.

После кончины Государя, получив приказания от нового императора, я заехал из Дворца в Главный штаб, чтобы сделать некоторые распоряжения. На площади пред дворцом было уже много народа. Мне рассказывали о некоторых случаях самоуправства толпы с какими-то неосторожными и слишком откровенными нигилистами. Одного из них толпа хотела было повесить на фонаре; он был спасен арестованием в воротах Главного штаба. Подобные же случаи, как говорят, были и в других местах, но вообще в городе совершенно спокойно, и даже тише обыкновенного.

2-го марта. Понедельник. – В 10 часов утра поехал я в Аничков дворец и имел первый доклад у нового императора. Прием его был очень любезный, можно сказать, задушевный. Сначала мы оба прослезились, вспоминая покойного Государя; потом я представил на утверждение заготовленные на нынешнее число Высочайшие приказы; получил приказание на первое время не изменять прежнего порядка докладов, а по окончании доклада Государь очень ласково высказал мне уверенность, что я буду и ему служить так же усердно и честно, как почившему родителю его. На это я ответил, что всею душою готов служить ему верою и правдой до тех пор, пока* Его Величество будет признавать мою службу действительно полезною, «но, – прибавил я – откровенно доложу, что чувствую себя уже устаревшим и потому убедительно прошу, нимало не стесняясь, отпустить меня на отдых, лишь только** Ваше Величество будете иметь в виду другое лицо для замещения меня; поверьте, Государь, что приму увольнение от должности за великую милость». Государь повторил еще раз, что признает мою службу полезною и желает, чтобы я продолжал свою деятельность.

В полдень назначено было чрезвычайное заседание Государственного совета. Мы собрались в полном комплекте, в парадной форме, без траура. Прочтен был манифест о восшествии на престол императора Александра III и затем журнал заседания. В час пополудни – выход во дворце: Государь, проходя мимо караулов,

---

* служба моя будет признаваться полезною для государства

** будет у него в виду другой министр, более меня полезный для службы. Мне пора отдохнуть», — сказал я.

останавливался и приветствовал войска краткими речами. В Большой церкви дворцовой министр юстиции прочел манифест; потом все присутствующие принесли присягу. По возвращении из церкви во внутренние покои Государь выходил к представлявшимся ему отдельно: Государственному совету (в Малахитовом зале), Сенату (в Концертном зале) и свите. Каждый раз Его Величество обращался краткою речью, в которой благодарил за верную службу покойному Государю, выражал надежду, что заслужит такое же доверие и такую любовь, какими пользовался почивший родитель. Государь был видимо взволнован; многие из членов царской семьи были в слезах.

В городе все тихо и спокойно. Сделаны распоряжения о назначении завтра же суда над захваченным злодеем. Из всех округов получаются ответные телеграммы об исполнении предписанной присяги.

Сегодня утром прибыл, наконец, курьером от Скобелева молодой подпоручик Кауфман (сын Константина Петровича). Я не видел еще привезенных им великому князю Михаилу Николаевичу донесений; молодой Кауфман передал мне только письмо дочери моей[281] и рассказывал с одушевлением, как она вела себя геройски во время всей экспедиции и в особенности под Геок-Тепе. По всем полученным сведениям, она успела своим самоотвержением в уходе за ранеными и больными приобрести общее уважение и благодарность. В письмах своих она* сообщает известие (которое, впрочем, мы имели уже ранее по телеграфу) о своем решении выйти замуж за князя Сергея Владимировича Шаховского, главноуполномоченного Красного Креста при Закаспийском отряде.

3-го марта. Вторник. – Сегодня доклад был назначен мне в 11 часов. Когда я прибыл в Аничков дворец, в кабинете Государя находился Гирс, так что я застал только конец его доклада. Вместе со мной вошел в кабинет и Владимир Александрович. По поводу доложенного Гирсом проекта ответной депеши Сабурову Государь выразил твердое свое намерение ни в чем не отступать от политики своего почившего родителя, что и должно быть положительно заявлено как Сабурову, так и** князю Бисмарку[282]. Мой доклад (военный) был непродолжителен: и то короткое время, которое занял я у Государя, прошло преимущественно в разговоре о возможности сокращения личных докладов. Мне разрешено представить

---

* в первый раз

** самому

соображения по этому предмету, приняв за основание выраженное самим Государем мнение, что личного доклада требуют лишь такие дела, по которым испрашивается какое-либо отступление от установленных правил и заведенных порядков; все же прочие распоряжения могут быть приводимы в исполнение без предварительного доклада. Такой взгляд нельзя не признать вполне основательным*; постараюсь широко воспользоваться высочайшим указанием.

Доклад мой был прерван входом в кабинет молодой императрицы с детьми. Они уже были совсем готовы ехать в Зимний дворец на панихиду. Императрица сказала мне несколько слов по поводу настоящих тяжелых событий и затем вместе с Государем выехала; а я вслед за ними также отправился сперва в Главный штаб, навестить мою дочь Гершельман, а потом в Зимний дворец, чтобы поклониться праху покойного императора. В сенях дворца встретил графа Лорис-Меликова, который сообщил мне о новых важных арестациях и захвате в прошлую ночь самой лаборатории, где изготовлялись взрывчатые снаряды. Захваченные при этом злоумышленники пробовали защищаться; один из них сам застрелился; но захватили бывшую с ними женщину и пришедшего потом человека. Оказывается, что арестованные 27-го февраля две личности (один из них по имени Тригони) были главными деятелями, подготовившими преступление 1-го марта[283]. Граф Лорис-Меликов рассказал мне между прочим, что он еще в субботу убеждал покойного Государя, в присутствии нынешнего императора, не выезжать из дворца в продолжение четырех дней. К несчастью, совет его не был уважен. Теперь Лорис хлопочет, чтоб и новый император не подвергал себя напрасно риску, и намерен уговорить его переселиться в Зимний дворец, чтобы не кататься по нескольку раз в день вдоль всего Невского проспекта по одной и той же дороге. Слышно еще, что Победоносцев подал Государю какую-то записку; граф Лорис-Меликов очень опасается тлетворного влияния этого советника царского. Также и граф Валуев обратился письменно к графу Лорис-Меликову с советом, чтобы новый Государь ныне же позаботился о завещании на случай какого-либо с ним несчастья, подразумевая назначение состава регентства на время малолетства нынешнего наследника престола. Граф Лорис-Меликов докладывал об этом Государю, который, выслушав спокойно совет нашего председателя Комитета министров, сказал только, что пером Валуева водил, без сомнения, «дядя Костя»[284].

---

* и практичным

По окончании панихиды, когда царская семья уже разъехалась, вошел я в комнату, где лежало на кровати тело покойного императора, т. е. в тот же большой кабинет, куда перенесено было тело вслед за кончиною. Я был глубоко растроган, увидев этот труп, уже значительно обезображенный. Тяжело было смотреть на его изменившееся лицо с полураскрытым ртом и впалыми щеками. Я не мог удержаться от слез. Старик Подтягин, достойный слуга покойного императора, сообщил мне некоторые подробности горестного события и, между прочим, высказал убеждение свое, что изувеченный злодеями император был внесен во дворец уже в бессознательном состоянии*.

Вечером, в 8 часов, было назначено перенесение тела в Большую дворцовую церковь. Вся свита собралась в приемной комнате (соседней с кабинетом, где находилось тело усопшего). С обычною церемонией тело было переложено в гроб, который подняли и понесли все члены императорской семьи. За гробом шли императрица и великие княгини, а за ними свита. Несчастная вдова (княгиня Юрьевская) в минуту переложения тела в гроб не могла сдержать своего отчаяния; с нею сделалась истерика, так что должны были вывести ее в другую комнату. Гроб пронесли чрез Николаевский, Петровский и Гербовый залы и поставили под балдахин среди церкви. Я не в силах был выстоять до конца службы и прошел пустыми залами в большой коридор, где мы сговорились сойтиться с графом Лорис-Меликовым и графом Валуевым, чтобы вместе встретить Государя и убедить его не подвергать себя и императрицу случайностям беспрестанными переездами из Аничковского дворца в Зимний и обратно. Однако ж нам не удалось видеть Государя; мы должны были предоставить графу Лорис-Меликову одному исполнить завтра то, что предполагали сделать сегодня втроем.

4-го марта. Среда. – Утром и вечером ездил в Зимний дворец на панихиды. К вечерней панихиде подоспели герцог и герцогиня Эдинбургские и великий князь Алексей Александрович. Ожидают приезда очень многих иностранных принцев, в том числе наследного принца германского[285].

Государь не подается на убеждения графа Лорис-Меликова о переселении своем в Зимний дворец. Между тем сегодня открыли

---

* *Первоначальный текст после слов «Я не мог удержаться от слез»*: «Потом расспросил достойного камердинера Подтягина о некоторых подробностях и узнал от него, что не только ноги покойника были совершенно раздроблены, без кожи, но даже задет половой орган. По замечанию Подтягина, покойный император внесен был во дворец уже в бессознательном положении».

новую адскую проделку злодеев: в Малой Садовой, по которой обыкновенно проезжал покойный Государь к разводу, устроен был подкоп из* одного дома, где нанято было неизвестными людьми помещение для лавочки. Говорят, что уже прежде возникло подозрение на этих жильцов; но при осмотре помещения ничего замечено не было. После же удавшегося злодеяния 1-го числа обитатели подозрительной лавочки, мужчина и женщина, покинули свое жилье и не возвращались. Исчезновение их подало повод к новому, более тщательному осмотру, и тогда открыли отверстие подкопа; но пока не нашли еще самого заряда[286].

Признания арестованных и сделанные в последние дни новые открытия, имеющие непосредственную связь со злодеянием 1-го марта, усложняют предстоящее судебное производство по этому делу. Поэтому предполагавшееся еще вчера заседание военно-окружного суда отложено, а может быть, и совсем не состоится. Еще вчера вечером я высказал министру юстиции мое мнение, что было бы во многих отношениях** неудобно и неблаговидно*** совершить столь важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании военно-окружного суда. Сегодня же Набоков докладывал об этом Государю и объяснялся с графом Лорис-Меликовым. Предполагается завтра совещание по этому вопросу. Полагаю, что было бы прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената. В таком деле не столько важна поспешность расправы со злодеями, сколько соблюдение необходимого декорума и всех условий строгого юридического порядка.

Страшная, мученическая кончина замечательного Государя, царя-освободителя, царствование которого было так обильно благими делами, произвела, конечно, глубокое впечатление не только в среде русского народа, но и за границей. Кроме немногих непримиримых**** органов крайних***** революционных партий, во всех журналах, даже английских и французских, высказывается громкое негодование против извергов и скорбь о царственном мученике. В Париже, по случаю полученного известия о кончине русского императора, Сенат и Законодательное собрание единогласным решением закрыли заседание. В Берлине и Лондоне также было выказано много сочувствия не только при дворе, но и в населении и

---

* соседнего

** крайне

*** покончить

**** радикальных

***** социалистов

палатах. Только в австрийском Рейхсрате не признали уместным какое-либо заявление по настоящему случаю.

5-го марта. Четверг. – В обычный час утром отправился с докладом в Аничковский дворец, и только там узнал с удивлением, что еще вчера вечером Их Величества переселились в Зимний дворец. Стало быть, вчера мне передали сведение неверное. В Зимнем дворце Государь поместился в той половине, которая некогда была занята императрицей Александрой Федоровной, именно угловая часть на Неву и к Адмиралтейству*. При докладе моем присутствовал великий князь Владимир Александрович**, уже не безмолвным слушателем, как прежде, а с правом голоса: по некоторым докладываемым делам великий князь высказывает и свои суждения.

Вечером я был на панихиде в Большой дворцовой церкви. В среде царской семьи видел, кроме герцога и герцогини Эдинбургских, вновь прибывших наследного принца Мекленбург-Шверинского с его супругой Настасьей Михайловной и принца Баденского[287]. Вынос тела в крепость отложен на субботу.

В городе деятельно продолжаются розыски: говорят, что арестовано еще много личностей и открыты новые склады взрывчатых составов[288].

6-го марта. Пятница. – Утром было у Государя совещание по вопросу о том, каким судом судить извергов, участвовавших в последнем зверском злодействе, военным или в особом присутствии Сената. В совещании присутствовали: великий князь Владимир Александрович, министры юстиции, внутренних дел, двора, статс-секретарь Валуев, князь Урусов и я. Набоков изложил обстоятельно доводы в пользу предания суду Сената; с ним уже заранее все мы были согласны; даже великий князь Владимир Александрович поддержал его***. Государь не возражал по существу дела, но настаивал только на сокращении сроков, узаконенных в судебной процедуре. Впрочем, и Набоков предложил некоторые меры к возможному ускорению дела****.

Когда вышли мы из государева кабинета, в Малахитовой гостиной уже собралась вся царская семья, чтобы вместе итти в дворцо-

---

* Государь выслушал доклад мой весьма внимательно и высказывал дельные замечания.

** который вмешивается в докладываемые дела и высказывает свои мнения

*** Только граф Адлерберг, по своему обычаю, что-то ворчал.

**** Так чтобы казнь могла совершиться не позже 23-го числа. Ранее этого числа и не было бы возможности привести в исполнение приговор.

вую церковь на утреннюю панихиду. Приехали из-за границы великие князья Сергей и Павел Александровичи и Николай Николаевич старший с обоими своими сыновьями[289].

Вечером я был опять на панихиде.

7-го марта. Суббота. – Крайне утомительный день. По случаю назначенного выноса тела покойного императора из Зимнего дворца в крепость я приехал во дворец к $9\,^1/_2$ часам, присутствовал при приеме Государем депутаций от полков, шефом которых был усопший император; затем при перенесении царских регалий в церковь, и не имея силы выстоять всю обедню, выжидал окончания ее в Александровском зале. Вынос тела вместо 11 часов, как было назначено, начался в исходе 12-го. Государь шел за гробом пешком на всем длинном пути чрез Николаевский и Тучков мосты и кругом крепости чрез весь Александровский парк в Иоанновские ворота. Разумеется, за ним шли также пешком и все великие князья, иностранные принцы и свита. Погода была не холодная (градуса 2 выше нуля), но при сильном морском ветре, так что мы шли по лужам или по рыхлому снегу и устали порядком. По крайней мере, для меня, после недавних болей ноги, это пешеходное передвижение было крайне тяжело, так что во время панихиды в Петропавловском соборе я уже не в силах был стоять; удалился в темный угол церкви, присел на кучу сложенных тут шуб и шинелей* и потом едва мог встать на ноги. Вся церемония совершилась благополучно и в порядке, вопреки ходившим в публике разным зловещим предсказаниям о готовившихся новых покушениях**.

В газетах напечатана циркулярная депеша Гирса, в которой выражается намерение нового императора продолжать миролюбивую политику своего родителя. Можно полагать, что*** заявление это произведет в Европе успокоительное действие и поддержит наш денежный курс, который в последнее время начал падать.

8-го марта. Воскресенье. – Сегодня, ровно неделю спустя после**** катастрофы 1-го марта, в 2 часа пополудни назначено было заседание Совета министров под личным председательством нового императора. Тогда только, когда мы съехались в Зимний дворец, узнал я цель совещания. Предстояло обсудить окон-

---

* До сих пор ноги болят, еще чувствую следы усталости.

** Вечером я уже не в силах был выехать на панихиду.

*** положительное это

**** горестного события

К.П. Победоносцев

чательно представленное еще покойному Государю и предварительно одобренное им заключение* секретной комиссии, состоявшей под председательством бывшего наследника цесаревича, нынешнего императора, по представленной министром внутренних дел графом Лорис-Меликовым обширной программе новых законодательных вопросов, разработку которых имелось в виду возложить на Особую комиссию, с участием призванных из губерний представителей земства. В означенной секретной комиссии участвовали, кроме самого графа Лорис-Меликова, Валуев, князь С.Н. Урусов, Абаза**; Набоков и, кажется, еще несколько лиц. Дело велось в строгой тайне; но частным образом было известно, что в секретной комиссии предположения графа Лорис-Меликова были одобрены и что составленный в этом смысле журнал последнего заседания был утвержден покойным императором утром рокового дня 1-го марта, за несколько часов до ужасного события. Для окончательного же решения такого важного дела предполагалось собрать в среду 4-го марта Совет

---

* особой

** Маков

Л.С. Маков

министров. Заседанию этому не суждено было состояться, и вот оно осуществилось только теперь, уже под председательством нового императора[290].

В числе собравшихся лиц в зале заседания увидели мы не без некоторого недоумения, сверх обычных членов Совета министров, еще двух новых лиц: генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова и генерал-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Были также трое великих князей: Константин и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович. (Замечательно отсутствие великого князя Николая Николаевича.) Когда все уселись за длинный стол, Государь объявил нам о предмете совещания и приказал графу Лорис-Меликову прочесть журнал бывшей секретной комиссии. Только выслушав это чтение, большинство членов совета узнало сущность дела, подлежавшего нашему обсуждению. Первоначально казалось, что заседание наше будет одною формальностью, так как дело получило уже высочайшее одобрение как почившего царя, так и ныне царствующего Государя, председательствовавшего в секретной комиссии и подписавшего ее

заключение. Однако ж вышло совсем иное, совершенно неожиданное для многих из нас.

Первым, к кому обратился Государь с предложением высказать свое мнение, был граф Строганов. С первых слов его разрешилось наше недоумение относительно цели его присутствия в нашей среде: стало ясным, что в лице его появляется авторитетный представитель оппозиции против мнимого либерализма проводимых Лорис-Меликовым государственных мероприятий. Нежданно-негаданно услышали мы, что в предложенной программе мирных законодательных работ прозреваются призраки революции, конституции и всяких бед. Выслушав с заметным сочувствием ультраконсервативную речь старого реакционера, Государь обратился к Валуеву, который произнес красноречивую речь, конечно, в пользу обсуждаемых предположений. Как участник бывшей секретной комиссии, не мог он говорить иначе. Затем пришла моя очередь. Находя невозможным входить в обсуждение дела по существу, я высказал лишь убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора. Что касается до самого порядка предположенного ведения работ при содействии представителей земства, то я напомнил, что почти все прежние реформы разрабатывались также с участием представителей местных интересов, и никаких неудобств от того не замечалось. В заключение высказано мною, что в настоящий момент более чем когда-либо, своевременно возвестить предположенную программу законодательной деятельности, вслед за сделанным заявлением о направлении международной политики. Заявление это уже произвело весьма благоприятное впечатление в Европе; теперь Россия ждет такого же благотворного возвещения царской воли по внутреннему благоустройству государства. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв к совету земских людей*.

---

* *Первоначальный текст записи 8 марта*: «В 2 часа было назначено заседание Совета министров под личным председательством Государя. Только когда мы съехались в Зимний дворец, узнал я цель совещания. Предстояло обсудить предположение министра внутренних дел о том, чтобы для разработки некоторых насущно необходимых законопроектов вызвать из губерний представителей земства больших городов в состав предположенной большой совещательной комиссии, работы которой все-таки предполагалось вносить существующим порядком в Государственный совет. Предположение это, принятое сочувственно покойным императором, было предварительно подвергнуто об-

После меня говорил Маков в обратном смысле; он вторил графу Строганову, пугал последствиями предпринимаемой меры; причем употребил даже выражение «ограничение самодержавной власти»; но закончил пошлым выводом о необходимости зрелого и осторожного обсуждения предлагаемой меры во всех ее деталях.

суждению особого секретного совещания (сколько мне известно, в нем участвовали, кроме графа Лорис-Меликова, граф Валуев, князь Урусов, Абаза, Набоков и другие), происходившего в Аничковском дворце у наследника цесаревича, нынешнего императора. Совещание это вполне одобрило предположение графа Лорис-Меликова, и покойный Государь предполагал окончательно обсудить этот вопрос в прошлую среду в Совете министров. Заседанию этому не суждено было осуществиться, ныне оно собралось уже под председательством нового императора.

Я уже прежде имел некоторое понятие о существе предположения, так как граф Лорис-Меликов секретно сообщал мне для прочтения свою записку, но на сегодня я вовсе не ожидал, чтоб нас, министров, собрали именно для этого дела. В числе приглашенных, сверх членов Комитета министров, были великие князья Константин, Михаил и Владимир (замечательно отсутствие великого князя Николая Николаевича), граф Сергей Григ[орьевич] Строганов и граф Баранов. Когда мы все уселись за длинный стол, Государь объявил нам о предмете совещания и предложил графу Лорис-Меликову прочесть как журнал бывшего совещания по тому же делу, так и проект объявления в газетах о предпринимаемой правительством важной мере. Можно было полагать, что мера эта уже наполовину одобрена, новым императором, лично участвовавшим в прежнем совещании. Однако ж с первых же слов, сказанных им, мы уже могли заметить в нем колебание и опасение; можно догадываться, что на него уже повлияли тлетворные советы Победоносцева и других, подобных ему, реакционеров. К первому обратился Государь к графу Строганову, и с первых же слов его мы узнали, что приготовлена сильная оппозиция проекту министра внутренних дел. После Строганова Государь попеременно обращался то к одному, то к другому из присутствующих. В пользу проекта высказался Валуев, потом была моя очередь: я также старался со всею откровенностью объяснить совершенную необходимость предлагаемой меры, <сказав, что> славные реформы, предпринятые покойным Государем, остались недовершенными; <что> в последние годы его царствования Россия остановилась на пути своего развития; <что> такое переходное, неопределенное положение во многом содействовало ненормальным, прискорбным проявлениям этого времени и привело к настоящему тяжелому положению; такое положение не должно и не может продолжаться. Упомянув о том, что предполагаемая мера не составляет какого-либо опасного нововведения, что она практиковалась и прежде, при обсуждении, например, крестьянской, земской и других реформ, я перешел к вопросу о своевременности исполнения: в этом отношении я позволил себе сказать, что ныне, более чем когда-либо, необходимо какое-либо заявление программы нового царствования; подобное заявление уже сделано по отношению к иностранной политике и произвело благоприятнее впечатление в Европе; теперь Россия ждет заявления по внутренним делам. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем объявление о призыве к совету земских людей».

Тогда министр финансов Абаза произнес прекрасную речь, в которой, опровергнув намеки Макова на покушение ограничить самодержавную власть, объяснил, что, напротив того, призыв к деятельности представителей от земства укрепит и поддержит авторитет правительства. Абаза привел в пример предстоящую и совершенно необходимую податную реформу, которую решительно невозможно совершить без содействия представителей от всех классов общества. Несмотря на убедительные доводы Абазы, говоривший после него* министр путей сообщения Посьет подал голос против предположенных мероприятий как несвоевременных и закончил пошлыми нападками вообще на так называемый «прогресс». Но все сказанное Строгановым, Маковым и Посьетом было бледно и ничтожно сравнительно с** длинною иезуитскою речью, произнесенною Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой***! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий**** славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера.

Абаза первый поднял голос против опасных инсинуаций Победоносцева. Если все сделанное до сих пор в видах улучшения в устройстве и благосостоянии России есть грубая и преступная ошибка, то надобно немедленно сменить всех настоящих министров, и затем какую же новую программу предложат***** порицатели всего совершившегося в славное царствование Александра II?

Затем говорили один за другим князь Урусов, Набоков, Андр[ей] Сабуров, Сольский, князь Ливен – все в пользу предложенных мер. Сольский высказал смелую мысль, что армия чиновников составляет менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий****** населения. Сабуров указывал на то,

---

* тупоумный Посьет

** страшною, возмутительною

*** Все славные и великие реформы, предпринятые (но, к сожалению, недоконченные и парализованные) покойным императором Александром II.

**** Аксакова и других

***** противники

****** народа

что все начавшиеся более 13 лет назад преступные покушения наших нигилистов имели то прискорбное влияние, что* останавливали движение** на пути реформ и парализовали благие намерения Государя, а чрез это само правительство как бы действовало в руку нигилистам, которых ближайшей целью и было производить неудовольствие и*** смуту в обществе, недоверие и охлаждение к правительству в народе. Что касается до князя Урусова, то он сумел и в настоящем случае подлить воды и смягчить резкую постановку вопроса: он говорил о необходимости спокойного обсуждения предположенных законодательных работ с устранением политического характера и с призывом к участию не представителей земств, а *лучших* людей****.

Таким образом, князь Урусов, став в число защитников обсуждаемой меры, пришел к одному заключению с ярым противником ее – Маковым. Это открыло Государю удобный выход из затруднительного положения, в которое он был***** поставлен между двумя противуположными воззрениями; между сочувствием к предположению большинства министров и запугиваниями графа Строганова и Победоносцева******. Прежде окончательного решения Государь обратился еще к своим дядям и брату. Великий князь Константин Николаевич, как и следовало ожидать, высказался совершенно в пользу предлагаемой меры; а великие князья Владимир Александрович и Михаил Николаевич, не входя в существо дела, ограничились заявлением о необходимости сделать «что-нибудь», не оставлять Россию в недоумении. Особенно настойчиво высказался в этом смысле

---

* вечно

** правительства

*** замешательство

**** *Первоначальный текст после слов «подлить воды и смягчить рёзкую постановку вопроса: он говорил»*: «об устранении <в подлежащем вопросе дел> политического характера, о пользе участия <в предположенных роботах> не представителей земства, а *лучших людей*, и, наконец, о необходимости спокойного обсуждения предполагаемой меры во всех ее подробностях».

***** очевидно

****** *Первоначальный текст после слов «между двумя противуположными воззрениями»* : «с одной стороны сильного большинства в пользу предположений, а с другой — запугиванием, которое он слышал от графа Строганова, как столба консерватизма, от Победоносцева, как своего излюбленного интимного советника, и в придачу к ним Макова — экс-министра внутренних дел. Впрочем, сам граф Строганов напоследок примкнул к заключению князя Урусова».

великий князь Владимир Александрович, который, как видно по всему, призван к заметной роли в направлении нового царствования.

Итак, Государь решил снова пересмотреть предложение графа Лорис-Меликова, сперва в особом немногочисленном совещании (председательство в этом совещании предложено было графу Строганову; но он уклонился от этой роли, сославшись на свои преклонные годы, и согласился принять только участие в числе членов), а потом и в Комитете министров*. Такой исход дела показался нам** довольно успокоительным после испугавшей нас громовой речи Победоносцева. Тем не менее мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении. Государь позвал к себе в кабинет одного Лорис-Меликова. Вслед за ним вошел туда и великий князь Владимир Александрович.

9-го марта. Понедельник. – Вчера вечером я получил от графа Лорис-Меликова уведомление о смене петербургского градоначальника генерал-майора Федорова и назначении на его место ковенского губернатора генерал-майора Баранова, бывшего моряка, исключенного по суду из морской службы. Об этой перемене уже объявлено сегодня в приказе. Сегодня же, в 9-й день после кончины императора Александра II, отслужена утром в Петропавловской крепости панихида, на которой однако же я не мог присутствовать, чувствуя еще большую слабость в ногах, вследствие чрезмерного напряжения сил в день церемонии 7-го числа.

После панихиды было общее собрание Государственного совета, очень короткое и незначительное. Я узнал, что предположенное вчера новое совещание соберется под председательством великого князя Владимира Александровича. Значит, я не ошибся в своем предположении на его счет***.

10-го марта. Вторник. – Утром в обычный час явился я во дворец с докладом, а потом остался и при докладе Гирса. Я надеялся, что Государь заговорит о бывшем в воскресенье совещании, и приготовился высказать ему все, что давно было на душе и чего не решался высказать покойному Государю, или лучше сказать, не имел к тому случая. Однако ж ныне надежда моя не сбылась, Государь не вышел из круга моих военных докладов. С каждым

---

* для выработки всех подробностей предположения.

** еще сносным

*** Члены, как кажется, еще не назначены.

днем мы с Гирсом более убеждаемся в преобладающем влиянии на дела великого князя Владимира Александровича, который притом выказывает чрезмерную самоуверенность. Выйдя из государева кабинета, мы с Гирсом нашли в приемном зале многих иностранцев, приехавших представиться Государю; между прочим, итальянский посол Нигра с депутацией итальянской, во главе которой прибыл адмирал «Martin Franklin», очень любезный и вежливый старичок. Вместе с Гирсом я обошел всех прибывших иностранных принцев, которым отведены помещения в разных углах Зимнего дворца, и везде мы расписывались, а затем оставил визитную карточку у германского посла[291] по случаю дня рождения императора Вильгельма. По этому же случаю было повелено нашим трем полкам, которых германский император считается шефом, снять на нынешний день траур. Вечером ездил я в крепость на панихиду.

12-го марта. Четверг. – Доклад мой начался позже обыкновенного, потому что Государь встречал (во дворце) наследного принца германского, а потом принимал еще принца Вюртембергского и других. Мне пришлось только доложить кое-что второпях*: в соседний зал уже пришел наследный принц. Государь вызвал императрицу из ее комнат, чтобы она заняла германского принца, пока я доканчивал доклад. Когда я вышел из кабинета и проходил мимо наследного принца, он встал, подошел ко мне и очень радушно обнял меня. В это время в Малахитовой зале собралось уже множество иностранцев: свиты принцев германского, баварского, Вюртембергского; депутации шведская, голландская и посланник испанский. В числе этих лиц нашел я многих, уже знакомых, не говоря об испанском посланнике, маркизе Рибера, добром старичке, давно уже живущем в Петербурге, но, к сожалению, оставляющем нас. Расписавшись у некоторых из вновь приезжих принцев, возвратился домой.

Около 3-х часов приехал ко мне болгарский князь Александр и просидел у меня более часа. Обменявшись выражениями** скорби по случаю кончины императора Александра II***, мы последовательно обсудили все вопросы, ныне занимающие князя, в особенности же, вопрос железнодорожный и замещение генерала Эрнрота в случае, если он решительно откажется от настоящей своей должности болгарского военного министра. Князь высказал свое

---

* среди моего доклада пришел в соседний зал

** нашей

*** которому князь Болгарский был, как кажется, искренно предан.

желание, чтобы Эрнрот был назначен, вместо Кумани, дипломатическим нашим агентом в Софии; а в случае невозможности такого назначения, состоял бы лично при князе[292]. То и другое предположение сопряжено с затруднениями. Мы условились обсудить дело в субботу втроем с Гирсом.

Вечером я был в крепости на панихиде. Присутствовали все приехавшие иностранцы, в том числе наследные принцы германский, английский, датский[293].

В городе продолжаются аресты; ходят всякие рассказы и слухи о новых злодейских замыслах. Признано нужным в наступающую ночь произвести обыск даже в помещениях комендантского управления крепости, где заподозрен один из писарей управления[294].

13-го марта. Пятница. – Утром отправился я в полной форме и в ленте Черного Орла к наследному принцу германскому, который помещен в комнатах так называемой второй запасной половины Зимнего дворца. Мне пришлось довольно долго дожидаться окончания продолжительной беседы его с графом Петром Шуваловым, после которого и я имел довольно длинную аудиенцию. Предметом разговора были почти исключительно последние несчастные события. Я старался навести речь на необходимость каких-либо общеевропейских мер* для ограждения существующего общественного и государственного строя от угрожающей опасности анархизма. Никакое правительство не в силах справиться у себя с** подпольными злодеями, пока они имеют безопасные убежища в Швейцарии, Париже и Лондоне, откуда исходит главное направление всех злодейских замыслов и доставляются денежные средства. В этой борьбе заинтересованы все государства, а не одна Россия. Наследный принц соглашался во всем, но, по мнению его, инициатива в этом деле зависит от русского правительства!*** Само собою разумеется, что в нашей беседе было высказано много фраз о взаимной дружбе и привязанности императора Вильгельма и нашего покойного Государя, о надеждах на дальнейшее продолжение тех же тесных и дружественных связей и т. п.

---

* в борьбе с разрушительными, доходящими до зверства, учениями социалистов и нигилистов.

** подземными

*** Наследный принц соглашался во всем, но <по мнению его> выразился в том смысле, что вот посмотрим, что именно предложит в этом смысле русское правительство. На это я заметил, что для достижения успешного результата было бы более желательно, чтобы инициатива в таком деле исходила не от России.

После наследного принца германского я расписался у эрцгерцога австрийского Карла-Людвига, у баварского принца Арнульфа (сподвижника нашего в болгарском походе) и, наконец, у наследного принца английского, помещенного в Аничковском дворце.

14-го марта. Суббота. – После моего обычного доклада присутствовал я при докладе Гирса*. Между прочим, была речь о том, какие международные меры могли бы быть предложены для ограничения** свободы, предоставленной в некоторых европейских государствах революционерам всех наций беспрепятственно и безнаказанно организовать самые злодейские преступления под эгидою политических целей. Я передал Государю и Гирсу вчерашний мой разговор с наследным принцем германским. Великий князь Владимир Александрович сказал, что он имеет свои мысли по этому предмету, которые желал бы высказать в особом совещании из съехавшихся в настоящее время послов наших.

После доклада мы с Гирсом пошли к князю Александру болгарскому, с которым имели довольно продолжительное совещание, преимущественно относительно генерала Эрнрота и замещения должности дипломатического агента в Софии.

Был у меня Петр Александрович Сабуров, посол наш в Берлине; мы имели продолжительный разговор как о том же вопросе дня, о котором упомянуто выше, так и о положении дела по заключению секретного договора с Германией и Австрией. Я высказал ему в общих выражениях впечатление, произведенное на меня последними изменениями в проекте договора, предложенными бароном Гаймерле. Оказалось, что и сам Сабуров вполне разделяет мое мнение, что в каждом слове новой австрийской редакции проглядывает какая-нибудь замаскированная мысль, какой-нибудь своекорыстный[295] замысел***. При такой явной неискренности какую выгоду извлечем мы из этого договора? Мы только свяжем себе руки, а воспользуются этим только Германия и Австрия. Сам Сабуров, принявшийся так горячо за переговоры, заметно разочаровался****.

---

* Но время не позволило ему докончить доклад, так что пришлось ему позже вторично докладывать уже без меня.

** полной

*** В будущем

**** *Первоначально*: «Сам Сабуров заметно разочаровался насчет практических результатов переговоров, за которые он принялся было горячо».

Вечером был в крепости на панихиде.

15-го марта. Воскресенье. – Печальная церемония погребения императора Александра II совершилась* установленным порядком. Обедня началась в 11 часов, а к 2-м часам все было кончено. Новый государь сегодня же переселился опять в Аничковский дворец. Иностранные гости разъезжаются завтра и послезавтра.

16-го марта. Понедельник. – Утром, пред заседанием Государственного совета, заехал ко мне граф Лорис-Меликов, чтобы потолковать глаз на глаз о настоящем положении дел. Он высказывает серьезные опасения со стороны реакционной партии, которая начинает образовываться около Победоносцева. К нему льнут всякие личности, желающие всплыть по новому течению. В числе таких, к удивлению, является и граф Ник[олай] Павл[ович] Игнатьев. Другая партия, по словам Лорис-Меликова, группируется около графа Петра Шувалова. Новый градоначальник (изгнанный из морской службы) Баранов прилагает всю свою изворотливость, чтобы занять влиятельное положение. Вреднее всех может оказаться Победоносцев, который, злоупотребляя авторитетом старого учителя пред бывшими учениками, подносит молодому царю одну записку за другою со своими фарисейскими поучениями и иезуитскими советами[296]. Однако ж до сих пор Государь, как кажется, относится сдержанно к внушениям с разных сторон: к Лорис-Меликову продолжает пока показывать доверие.

Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противуположных путей будет выбран императором. Сообразно с этим выбором должны быть подобраны и деятели для нового царствования. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и компании. Также и многие другие из лучших наших товарищей должны будут сойти со сцены. Какие же люди займут их места? Какая будет их программа? Реакция под маской народности и православия!

После нашей беседы отправились мы в Государственный совет. Великий князь-председатель (с которым я сижу рядом) заговорил со мной вполголоса на ту же самую тему, которую мы только что обсуждали с Лорис-Меликовым. Великий князь высказал прямо,

---

* обычным

что и он сам, если дело пойдет далее тем же путем, каким идет теперь, должен будет сойти со сцены*.

---

* *Первоначальный текст после слов «о настоящем положении дел»*: «Он высказывает серьезные опасения со стороны реакционной партии, которая начинает образоваться около Победоносцева <недаром прозванного некогда "просвирней">, который подает Государю одну записку за другою с превратными поучениями и тлетворными советами. К <нему> Победоносцеву льнут все те личности, которые желают всплыть наверх <или в мутной воде и направить самое течение в желаемом направлении>. К удивлению, в числе <таких> их будет, как кажется, и граф Ник[олай] Пав[лович] Игнатьев. Чего хочет эта партия — едва ли она сама знает. <Другая партия, по словам Лорис-Меликова, формируется около графа Петра Шувалова>. Со своей стороны, новый градоначальник — Баранов, ненавистный великому князю Константину Николаевичу <изгнанный из морской службы>, <приложит> разовьет все свои способности к интриге, чтобы сделаться человеком <влиятельным> необходимым и всемогущим. С другой же стороны, по словам Лорис-Меликова, группируется партия около графа Петра Шувалова. Впрочем, <Государь не выказывал> со стороны Государя не заметно до сих пор явно ни малейшей наклонности к той или другой стороне. Вреднее всех может быть Победоносцев, который злоупотребляет своим авторитетом старого учителя пред бывшими своими учениками, подносит молодому царю одну записку за другою с превратными своими поучениями и иезуитскими советами. Однако ж Государь до сих пор относится, может сказать, сдержанно к <разным> внушениям. Но Победоносцев бомбардирует его пошлыми записками и глупыми советами, но Государь продолжает <пока относиться с доверием> показывать доверие. К Лорис-Меликову он продолжает пока показывать прежнее доверие <пока относится к Лорису с доверием>. Сегодня <он приказал> ему объявлено высочайшее решение упразднить созданное для Макова Министерство почт и телеграфов <созданное в прошлом году лично для Макова>, с присоединением к нему же Главного управления иностранных исповеданий, к которому молодой Государь <не благоволит> крайне нерасположен. <Мы думаем с Лорис-Меликовым оставаться еще некоторое время в выжидательном положении, чтобы дать выясниться самому Государю>. <Разобрав> Обдумывая совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с графом Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что <необходимо> мы оба должны еще оставаться некоторое время в выжидательном положении, пока не выяснится <который из противуположных путей будет избран императором> путь, избранный самим Государем, каким путем намеревается он вести Россию и имеет ли для того ясно обозначенный путь. Сообразно избранному пути Государю необходимо подобрать и людей. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и Компании. Также <конечно> и многие другие должны будут сойти со сцены. Какие же люди займут их места? Какая же будет их программа? Реакция под маскою народности и православия? — это верный путь <к застою и окончательному расстройству государства> к гибели для государства. Лорис-Меликов крайне озабочен на этот счет. После <нашей беседы> свидания с ним отправился я в Государственный совет <где я сижу рядом с председателем>. Великий князь Константин Николаевич (с которым я сижу рядом) заговорил со мной <на ту же самую тему, которую мы только что обсуждали с Лорис-Меликовым>

Вчера вышел манифест о назначении регентства в случае кончины царствующего ныне Государя ранее совершеннолетия наследника престола. Во главе регентства в таком случае станет великий князь Владимир Александрович. Предназначение это согласуется и с указанием закона. Несмотря на то, манифест возбуждает толки в публике, незнакомой с нашими государственными законами.

Сегодня последовало высочайшее повеление упразднить странное разнородное министерство «Почт, телеграфов и духовных дел иностранных исповеданий», созданное только в прошлом году лично для Макова, к которому молодой Государь очень не расположен. Оба департамента, из которых составилось это недолговечное министерство, возвратились по-прежнему в состав Министерства внутренних дел.

Великий князь Константин Николаевич рассказал нам некоторые подробности происходившей сегодня церемонии поднесения Государю ордена Подвязки наследным принцем Уэльским. При этом проделаны были пунктуально все обряды средневекового церемониала.

Пред обедом был у меня князь Александр Болгарский, чтобы еще раз – надеюсь в последний – переговорить о его делах, так как он уезжает завтра, вместе с другими немецкими принцами. Как раз пред его приездом явился ко мне известный Утин с письмом от флигель-адъютанта Шепелева из Вены по делу о болгарских железных дорогах. Утин вместе с генералом Струве домогаются получить концессию на постройку линий от Софии: в одну сторону – на Ниш и Пирот, в другую – на Рущук, то есть тех именно линий, которые теперь поддерживает и русское правительство. Привезенное Утиным письмо подоспело очень кстати; я показал его князю Александру и предостерег его от новой предательской попытки австрийцев «купно» с Гиршем надуть добродушных болгар.

17-го марта. Вторник. – В первый раз доклад мой был довольно продолжителен, но исключительно по текущим делам Военного министерства. После того присутствовал я при докладе Гирса по делам иностранной политики. Когда мы вышли из государева кабинета, все залы Аничковского дворца были уже заполнены массою представляющихся. Государь вышел вместе с императрицею; они обошли все залы и ко многим обращались с благосклонным словом*.

о том же предмете и сказал, что если пойдет дело таким путем, каким теперь идет, то и он удалится со сцены».

* *Первоначальный текст после слов «Государь вышел вместе с императрицею;»*: «и обошел все залы, обращаясь к каждому с каким-либо вопросом».

Н.М. Баранов

Сегодня я крестил своего первого внука – Дмитрия Гершельмана.

19-го марта. Четверг. – После доклада у Государя в Аничковском дворце ездил я в Министерство иностранных дел, где было условлено съехаться нам втроем с Сабуровым и Гирсом. Мы обсуждали последние предложения, заявленные бароном Гаймерле об изменениях в проекте тройственного договора. Во время нашего совещания вошел барон Жомини, который уже посвящен в тайну берлинских переговоров.

Совершенною неожиданностью для всего города было напечатанное в газетах нынешнего дня объявление от министра внутренних дел и от градоначальника о выборах, назначенных сегодня же по всему городу, в члены вновь образуемого совета при градоначальнике. Это новое учреждение только что вчера утверждено Государем, а сегодня уже с 3-х часов производятся по всему городу выборы. Околоточные обходят все дома и требуют не только от

домовладельцев, но и от квартирантов письменные указания кандидатов в выборные от околотка; из этих выборных предположено сделать новую выборку 25 членов совета. Но что же это за небывалый совет? В чем заключается его компетенция? Говорят, что это изобретение энергичного нашего градоначальника. Не для того ли понадобилось ему такое учреждение, чтобы дать опору всем мерам, какие вздумает он принять по городу, а с другой стороны, чтобы сложить с него самого личную ответственность за эти меры. Достигнется ли цель – сомнительно; но, во всяком случае, ничем нельзя оправдать чрезмерную поспешность в распоряжении. Большинство столичных обывателей не успело даже прочесть объявление в газетах и крайне озадачено неожиданностью требования со стороны полиции*. Не понимаю, как мог Лорис-Меликов допустить такую бессмысленную торопливость.

В городе усиливаются толки о переменах в личном составе высшего правительства. Говорят о замещении председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича братом его Михаилом Николаевичем[297], о замене Набокова Победоносцевым, и проч., и проч. Мы уже привыкли к пустой городской болтовне; однако ж в настоящую эпоху неожиданностей многое из этой болтовни сбывается на деле.

20-го марта. Пятница. – По случаю 20-го дня после кончины покойного Государя отслужена в крепости панихида. Присутствовала вся царская семья, за исключением самого Государя и императрицы. Во время службы граф Лорис-Меликов отвел меня в сторону, чтобы передать мне некоторые сведения, обнаруженные из допросов Рысакова и других сообщников преступления. Число арестованных** все увеличивается, почему и отсрочен суд. По всему видно, что революционная пропаганда уже получила значительное развитие. Между тем в высшей сфере начинает обнаруживаться весьма неутешительное направление. Лорис-Меликов рассказывал мне, что Государь убеждал его сойтиться с Победоносцевым и намеревался на место А.А. Сабурова назначить министром народного просвещения — Делянова! Лорис-Меликов отговаривал от такого*** неудачного выбора: Делянов**** — человек ограниченного ума и крайний ретроград. Удаление великого князя

---

* При таком странном порядке выборов трудно ожидать целесообразного состава предположенного при градоначальнике совета. Удивляюсь торопливости графа Лорис-Меликова.

** участников последнего злодеяния

*** невозможного

**** глупый

Константина Николаевича решено окончательно: он сам принял инициативу, и предложение его было принято немедленно. Таким образом, оправдывается то, что думал я вчера вечером: городские толки иногда сбываются. В публике* отнесутся сочувственно к удалению великого князя Константина Николаевича; против него существует сильное предубеждение; ходит даже нелепая молва, будто бы он-то и есть скрытый корень заговоров против покойного императора[298]. Такое предубеждение против великого князя можно отчасти приписать его резкому тону и бестактным выходкам; но существенная причина заключается в той злобе, которую навлек он на себя со стороны крепостников своим постоянным и горячим участием в великом деле освобождения крестьян и дальнейшего их устройства. В среде многочисленных наших ретроградов, явных и скрытых, великий князь Константин считается главным виновником всех ненавистных им либеральных мер и узаконений прошлого царствования. Действительно, во всех важнейших делах, проходивших в течение 10–15 лет чрез Государственный совет, он, по званию председателя, был твердым и умелым руководителем. С настойчивостью и часто с увлечением проводил он, наперекор ретроградной оппозиции, всякую благую меру в смысле легальности и прогресса. В этом отношении великий князь Константин Николаевич оказал России такие заслуги, за которые, конечно, можно простить ему многие личные недостатки. Заменить его на председательском кресле в Государственном совете будет нелегко**.

---

* *Первоначально*: «В массе публики и народа».

** *Первоначальный текст после слов «скрытый корень заговоров против покойного императора»*: «Великий князь Константин имеет особенную способность возбуждать всех против себя своим резким тоном и бестактными выходками; любить его трудно, а бывшие помещики и, стало быть, весь наш высший класс имеют и повод его ненавидеть. Но при всей несимпатичности этой личности нельзя не признать в великом князе Константине многих достоинств и заслуг в отношении дел государственных, собственно по званию председателя Государственного совета. Во всех важнейших делах, в течение 10 лет проходивших чрез его руки, он проводил идеи либеральные, прогрессивные. Правда, иногда он увлекался своим характером своенравным, как капризная женщина, позволяя себе обрывать тех, которые осмеливались высказывать самостоятельные свои мнения, но все-таки, в общем итоге, трудно заменить его на председательском кресле. А кем намерены заменить его? Если младшим его братом Михаилом, как все давно уже говорят, то едва ли можно поздравить Россию с таким замещением. Великий князь Михаил Николаевич — человек бесхарактерный, без твердых политических убеждений и даже без государственных знаний; им будут вертеть статс-секретари; на него будет иметь влияние и жена и окружающие, думаю даже, что в заседаниях Совета он не в состоянии будет руководить серьезными прениями, и можно опасаться, что Государственный совет еще более упадет в своем значении,

Сегодня вечером скончался комендант Петербургской крепости генерал-адъютант барон Майдель после непродолжительной болезни, схваченной им во время церемоний погребения покойного Государя. Это был в свое время боевой кавказский генерал.

21-го марта. Суббота. – Обычный доклад в Аничковском дворце. По наружности отношения мои с молодым императором и с великим князем Владимиром Александровичем совершенно хороши; царь учтив, внимателен, но, тем не менее, инстинктивно чувствуется, что нам не суждено долго трудиться вместе. Из головы моей не выходит мысль удалиться при первом удобном случае не только от должности, но и совсем от дел.

После своих докладов я присутствую по-прежнему и при докладах Гирса, которые, впрочем, ограничивались до сих пор преимущественно пустыми вопросами этикета о получаемых и отправляемых кабинетных письмах и т. п. Только слегка касались* переговоров с Германией и Австрией**, а также вопроса об общеевропейском соглашении относительно противудействия козням революционеров, социалистов и*** анархистов. Последний этот вопрос был сегодня обсуждаем в особом совещании****, к которому были приглашены наличные послы наши в Берлине, Париже, Лондоне и Берне (Сабуров, князь Орлов, князь Лобанов и Гамбургер), а также барон Жомини. Можно надеяться, что дело это получит серьезное направление даже без нашей инициативы, судя по первым заявлениям берлинского и лондонского кабинетов. Энергичный голос князя Бисмарка и настроение берлинского***** Рейхстага одновременно с начатым в Лондоне судебным преследованием открытого, циничного провозглашения принципов разрушительных и антисоциальных дают надежду на практический результат, если только Франция, Швейцария и Австро-Венгрия******

особенно если возьмут над всем верх руссофильские воззрения Победоносцева и ему подобных. Что же касается до морской части, то удаление великого князя Константина Николаевича от главного начальствования менее возбуждает опасений: он мало сделал хорошего для флота, который не только не поднялся за время его заведывания морскою частью, но, можно даже сказать, опустился».

* важнейших современных вопросов

** и наиболее жгучего

*** нигилистов

**** у Государя

***** собрания представителей народных

****** не дадут у себя <крайней> партии революционной пересилить голос благоразумной доли народонаселения.

воздержатся от всякой уступки пред крайнею революционной партией.

Сегодня уже опубликован результат странных* выборов, произведенных в четверг по всему городу: т. е. имена 25-ти лиц, из которых будет состоять совет при градоначальнике, и 25-ти к ним кандидатов. Состав совета вышел довольно пестрый; более заметными членами являются: генерал Трепов, граф Воронцов-Дашков, командир конной гвардии барон Фредерикс, член Государственного совета Заблоцкий и т. д. Что выйдет из этого нового учреждения? Судя по напечатанной сегодня же речи градоначальника Баранова к выбранным представителям от городских околотков, трудно ожидать чего-нибудь дельного. Речь эта до того пошла и бестактна, а предложенные Барановым на первый раз две меры до того непрактичны, что позволительно даже усомниться в уме нового градоначальника. По крайней мере, напечатанное в нынешнем № «Голоса» описание приема депутатов Барановым похоже на злую насмешку над градоначальником и напоминает юмористические рассказы Щедрина.

23-го марта. Понедельник. – В городе только и толков о странных распоряжениях градоначальника и его бестактных выходках. Он скоро сделается посмешищем всего города, несмотря на общее мрачное настроение. Вчера вечером было торжественное заседание Славянского благотворительного общества[299]. Аксаков произнес восторженную речь, разумеется, в своем крайне руссофильском духе. Те же туманные фразы, тот же пророческий мистицизм, то же пустозвонство, как и во всех статьях и речах** славянофильской школы. Адепты этой школы восхищаются, противники их глумятся над ними.

Сегодня в заседании Государственного совета председательствовал еще великий князь Константин Николаевич. Об удалении его ни от кого ничего не слышно, но он был бледен и*** в мрачном настроении. Кроме него в заседании не было никого из великих князей.

24-го марта. Вторник. – При докладе моем Государь объявил мне о своем намерении переехать в Гатчину и предложил мне приезжать туда с докладом только раз в неделю, по вторникам, так же как и Гирсу. Государь ни слова не говорит со мной о делах общих; только стороной узнаю о переменах, почти ежедневно происходящих в

---

* городских

** этой аксаковской

*** видимо в злобном настроении

А.М. Рылеев

личном составе правительства. Так, сегодня решено замещение двух министров: на место А.А. Сабурова министром народного просвещения назначается барон Николаи, а на место князя Ливена, министром государственных имуществ – граф Игнатьев. О последнем этом назначении я получил официальное уведомление от Танеева только поздно вечером, с приказанием, чтобы завтра же утром были представлены указ и приказ. Не понимаю, для чего такая спешность. Что вызвало увольнение князя Ливена – мне неизвестно. Назначение графа Игнатьева для всех совершенно неожиданно: менее всего готовился он к управлению государственными имуществами[300]. О назначении же барона Николаи говорили и прежде: он считался кандидатом, потому что некогда был попечителем Кавказского, а потом Киевского учебных округов*. Ожидать от него нельзя ни

* Тогда я знавал его в Тифлисе. Это — человек неглупый, образованный, но тяжелый педант [?], доктринер, более консерватор и притом истый <остзейский> барон.

деятельной инициативы, ни теплого сочувствия к делу* народного образования.

Еще одна перемена в персонале, окружающем императора: на место генерал-адъютанта Рылеева комендантом Императорской Главной квартиры назначен генерал-майор свиты Литвинов. Удаления Рылеева надобно было ожидать: он был при покойном Государе самым доверенным домашним человеком в негласной его семье; преемник его Литвинов – человек бесцветный, привыкший к роле дядьки при юных великих князьях**.

Относительно градоначальника слышно, что доверие к его способностям уже поколебалось; принятые им бессмысленные меры, каковы: восстановление застав городских, оцепление всего города кавалерией и т. д. будут отменены. Генерал Трепов в негодовании на самодурство Баранова; он говорил мне, что намерен выйти из состава устроенного при градоначальнике странного совета. Вероятно, примеру его последуют и другие***.

При докладе моем Государь говорил, между прочим, о желании своем уменьшить сколько возможно свою свиту. Достигнуть этого можно только постепенно, по мере производства флигель-адъютантов в генерал-майоры, генерал-майоров свиты – в генерал-лейтенанты, и по мере естественного отправления генерал-адъютантов ad patres****. Притом необходимое условие – надолго отказаться от назначения новых флигель-адъютантов, новых генерал-майоров свиты и новых генерал-адъютантов. Государь еще говорил мне (уже вторично) о более строгом составлении кандидатских списков. Все это очень хорошие намерения; но долго ли выдержим их на практике?

После доклада моего и доклада, совместного с Гирсом, поехал я в Петропавловскую лютеранскую церковь на отпевание покойного коменданта Петербургской крепости генерала барона Майделя, а оттуда в Комитет министров. По окончании заседания этого

---

* русского

** *Первоначальный текст после слов: «Удаления Рылеева надобно было ожидать»*: «он <человек крайне ограниченный, можно сказать тупой> был при покойном Государе домашним агентом в делах, касавшихся негласной его семьи; он был преданным стражем покойного императора и был действительно предан ему всецело. Литвинов же, сколько я знаю его, человек хороший, благодушный, <честный>, но бесцветный, привыкший с давних пор к роле дядьки при юных великих князьях».

*** *Первоначальный текст этой фразы*: «Вероятно, примеру его последуют и некоторые другие, кто похрабрее».

**** К праотцам (*лат.*).

Комитета я председательствовал в заседании Польского комитета[301], которое, впрочем, было непродолжительно.

26-го марта. Четверг. – В первый раз случилось мне присутствовать в судебном заседании. Сегодня в Особом присутствии Сената начался суд над злодеями, участвовавшими в преступлении 1-го марта. Отправившись туда после доклада (у Государя), я застал конец чтения обвинительного акта и затем прослушал речи всех шести привлеченных к делу подсудимых: Желябова, Кибальчича, Рысакова, Михайлова, Перовской и еврейки Гельфман. По окончании последней речи Желябова, когда начался допрос свидетелей, я должен был уехать из суда*. Весьма занимательно было выслушать этих несчастных фанатиков, спокойно и почти с хвастовством рассказывавших о своих злодейских проделках, как будто о каких-нибудь подвигах и заслугах. Более всех рисовался Желябов; это – личность выдающаяся. Он прочел нам целую лекцию об организации социалистических кружков и развил бы всю теорию социалистов, если б председатель (сенатор Фукс) дал ему волю говорить. Желябов не отпирался в своем руководящем участии в покушениях на цареубийство: и в 1879 году под Александровом, и в подкопе в Малой Садовой, и, наконец, 1-го марта, на Екатерининском канале. Перовская также выставляла себя** с цинизмом деятельною участницей в целом ряде преступных действий; настойчивость и жестокосердие, с которыми она действовала, поражали противоположностью с ее щедушным и почти скромным видом. Хотя ей 26 лет, но она имеет вид неразвившейся еще девочки. Затем Кибальчич говорил складно, с энергией, и обрисовал свою роль в организации заговора – специалиста-техника. Он прямо объявил, что по своему характеру не считает себя способным к активной роле, ни к убийству, но, сочувствуя цели социалистов-революционеров, принял на себя изготовление составов и снарядов, нужных для приведения в исполнение их замыслов. Михайлов имел вид простого мастерового и выставлял себя борцом за освобождение рабочего люда от тяжкого гнета капиталистов, покровительствуемых правительством. Еврейка Гельфман говорила бесцветно; она не принимала непосредственного участия в преступлении 1-го марта. Наконец, Рысаков, на вид мальчишка, говорил, как школьник на экзамене. Очевидно было, что он поддался соблазну по

---

* и возвратился домой к 5 часам.

** в качестве главного действующего лица. Этот цинизм, с которым она признавала себя участницей в целом ряде преступных действий, настойчивость, с которою она несколько лет действовала, поражали противуположностью.

А.И. Желябов

легкомыслию и был послушным исполнителем распоряжений Желябова и Перовской. Замечательно, что все подсудимые говорили прилично и очень складно; особенно же речист и самоуверен Желябов. Но, вместе с тем, из всего слышанного выводишь заключение, что пред нами на скамье подсудимых сидят пятеро случайно захваченных полицией и оказавшихся более или менее прикосновенными к преступным покушениям на цареубийство, но вовсе не главные виновники катастрофы 1-го марта. Кроме Желябова и Перовской были, несомненно, многие другие, не менее виновные, и даже имеющие гораздо более важное значение в революционной деятельности[302]. И все они на свободе, остаются неизвестными, продолжают действовать в самом Петербурге. Они издеваются над полицией, да и как не издеваться над такими противниками, каков градоначальник Баранов и компания. В несколько дней его ничтожество совершенно разоблачилось; принятые им впопыхах бессмысленные меры уже отменены*.

* Неужели он может долго держаться?

С.Л. Перовская

Сегодня при докладе Государь заговорил об увольнении от должности финляндского генерал-губернатора графа Адлерберга 3 (Николая Владимировича), который уже давно перестал почти заниматься делами и близок к размягчению мозга. Шернваль, докладывая Государю о намерении графа Адлерберга проситься прочь, указал в числе кандидатов на графа Гейдена (начальника Главного штаба). Я счел себя вправе удостоверить Государя в готовности графа Гейдена принять это назначение, так как вчера он был у меня и заявил мне о своем желании получить назначение в Финляндию. О замещении графа Гейдена в Военном министерстве пока не было еще речи. Место начальника Главного штаба таково, что выбор лица на эту должность находится в тесной связи с вопросом о личности самого министра. Если мне не суждено оставаться еще долго на своем месте, то и не мне приходится искать начальника Главного штаба.

27-го марта. Пятница. – Их Величества переехали сегодня в Гатчину, ранее, чем предполагалось. Время переезда держали втайне. Утро я посвятил посещению военно-учебных заведений, которых не пришлось мне видеть уже более 6 недель. Пред обедом заехал ко

мне граф Игнатьев, новый министр государственных имуществ. По обычаю своему он наговорил очень много, в особенности о себе самом; о том, как ему предложено было сначала место министра народного просвещения, а потом путей сообщения, как он решительно отклонил оба эти назначения; как, наконец, его уговаривал сам Государь принять место министра государственных имуществ и проч., и проч. Между прочим, он уверял меня, что сам слышал мнение Государя обо мне; будто бы одно время была даже речь о назначении меня председателем Государственного совета в случае удаления великого князя Константина Николаевича, но что я настаивал на том, что мне пора на отдых и что ни в каком случае не принял бы на себя нового, непосильного бремени.

28-го марта. Суббота. – Вторично был в заседании Особого присутствия Сената по делу о злодейском преступлении 1-го марта. Заседание началось в 10 часов утра речью прокурора Муравьева. Я слушал его до 2-х часов и с сожалением должен был уехать, не дождавшись окончания этой превосходной речи. Муравьев весьма талантливый молодой человек, в полном смысле слова оратор. По всем вероятиям, дело не окончится и сегодня.

Из заседания суда я заехал к Андрею Алекс[андровичу] Сабурову, чтобы выразить ему, с каким сожалением я узнал об увольнении его от должности министра народного просвещения. Он был видимо тронут моим посещением.

Позже заезжал ко мне князь Орлов проститься пред отъездом в Париж. Он – близкий человек в Аничковском дворце; рассказывал мне кое-что о закулисных делах, о Победоносцеве и проч.; но, сколько можно судить по его словам, и ему ничего не известно о том, имеет ли новый император какой-либо план и программу.

Утром в суде, во время перерыва заседания, разговорился я с государственным секретарем Перетц, который подтвердил мне слухи, ходившие об удалении великого князя Константина Николаевича как от морского ведомства, так и председательства в Государственном совете. Оказывается, что дело шло при посредничестве великого князя Владимира Александровича и что решение вопроса отсрочено. Между дядей и племянником пока не было никаких резких объяснений. Перетц говорил мне о затруднительности выбора преемника великому князю Константину Николаевичу и уверял меня, так же как вчера Игнатьев, что меня считают наиболее вероятным кандидатом. Я* отвечал, что не могу и не должен принять такое назначение, если б мне и предложили.

---

* положительно доказывал

29-го марта. Воскресенье. – В 6 часов утра постановлен приговор суда о шести преступниках 1-го марта. Конечно, все они приговорены к повешению; но в городской публике возбуждены, по недоразумению, толки о том, зачем приговор об одной Перовской подвергнут отдельно высочайшему решению. В этом изъятии видят как бы намерение избавить подсудимую от смертной казни; немногим известно, что по существующим общим законам постановление суда о лишении дворянства не может быть приведено в исполнение без высочайшего на то соизволения и что одним этим обстоятельством мотивирована оговорка суда относительно Перовской.

Много еще толкуют о недавней публичной лекции нашего юного философа Соловьева, возбудившего страшное негодование своею безумною при настоящих обстоятельствах выходкой о том, что русский царь, чтобы быть верным «идеалу русского народа», должен помиловать цареубийц. Выходка эта вызвала взрыв рукоплесканий и одобрения в большей части аудитории, наполненной молодежью обоего пола, заведомо сочувствующей социалистическим учениям. Зато из другой части слушателей некоторые чуть не избили* философа[303].

30-го марта. Понедельник. – После общего собрания Государственного совета было заседание Особого присутствия по воинской повинности[304]. По поводу определения контингента новобранцев при предстоящем осенью сего года призыве мне пришлось выдержать продолжительные прения вследствие заявления министра финансов о необходимости сокращения военной организации и численности армии. Прения эти, конечно, не могут иметь практического результата, кроме лишь занесения платонического желания министра финансов в журнал Особого присутствия.

Сегодня был приглашен к обеду у великого князя Михаила Николаевича, запросто, в сюртуке. Кроме меня был только генерал-лейтенант Павлов**.

31-го марта. Вторник. – Первый мой доклад в Гатчине. И туда, и обратно ездил я в экстренном поезде великого князя Владимира Александровича вместе с Гирсом. Доклад мой сокращен до крайнего предела, так как заведен уже новый порядок: большая часть изготовляемых в отделах министерства письменных докладов посылается ежедневно Государю в подлиннике на его личное рассмотрение; для облегчения же ему труда каждый доклад сопровождается коротенькою запиской, указывающей сущность дела, как бы заголовок. Сегодня же представил я подробную и объемистую

---

* юродивого

** Хозяева были очень любезны.

ведомость всем делам, подлежавшим до сего времени высочайшему разрешению с тем, чтобы Государь мог сам указать, которые из этих дел угодно будет Его Величеству на будущее время изъять из означенной категории.

В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того носит мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит* удручающее впечатление. Их Величества живут в совершенном уединении. Объявлено, что Государь будет принимать представляющихся лиц только по средам и пятницам.

3-го апреля. Пятница. – Утром, в 9-м часу, на Семеновском плацу совершилась казнь пяти из числа 6-ти преступников 1-го марта, т. е. за исключением еврейки Гельфман, которая оказалась беременною, почему казнь ее отсрочена. Даже и повесить не сумели: Михайлов два раза сорвался с виселицы. Во время перевозки преступников по улицам были в некоторых местах беспорядки: толпа чуть не растерзала нескольких безумцев, вздумавших выказать свое сочувствие цареубийцам[305]. Вообще, аресты продолжаются в большом числе. Во всех классах населения необыкновенно натянутое, нервное настроение. Все чего-то ожидают. А между тем ниоткуда не видно и не слышно проявления правительственной деятельности.

После посещения 3-й военной гимназии я был в заседании Кавалерской думы ордена Св. Георгия. Председательствовал великий князь Михаил Николаевич. Главным предметом совещания был вопрос об изменении установленного в уставе ордена двухнедельного срока для ходатайства ближайшего начальства о награждении этим орденом оказавшего военный подвиг. Срок этот не соблюдался на практике: ходатайства об этой награде поступали иногда чрез многие годы после войны. Поэтому и последовало повеление покойного императора о пересмотре означенного вопроса в думе. Большинством голосов постановлено продлить срок до четырех недель. Дума, по обыкновению, имела заседание в Георгиевском зале Зимнего дворца.

Сегодня выехал из Петербурга английский посол граф Дефферин, получивший другое назначение – послом в Константинополь. Все жалеют о нем: он держал себя честно, любезно и, сколько мог, содействовал восстановлению добрых отношений между Россией и Англией.

---

* крайне грустное и тяжелое

Великий князь Михаил Николаевич

6-го апреля. Понедельник. – Вчера был утром у великого князя Михаила Николаевича, который пригласил меня, чтобы переговорить по какому-то важному делу. Под секретом сказал он мне, что на днях Государь совершенно неожиданно объявил ему о своем намерении удержать его в Петербурге и, вместе с тем, поручил ему по совещании со мной, с бароном Николаи и графом Лорис-Меликовым сообразить, какое дать управление Кавказу на будущее время. При этом великий князь заявил разные предположения, подлежавшие обсуждению, и, между прочим, странную мысль о разделении Кавказа на северный и южный, с подчинением северного общему положению о русских губерниях. Я решительно высказался против этой мысли, которую уже гораздо прежде приходилось мне слышать в городе. После довольно продолжительного разговора великий князь сказал, что назначит совещание на неделе.

Таким образом, прежние слухи об увольнении великого князя Константина Николаевича от должности председателя Государственного совета и замещении его Михаилом Николаевичем* подтверждаются; другое для него назначение в Петербурге трудно придумать. Не оправдается ли, чего доброго, и другое, столько раз повторявшееся в городской болтовне, предположение о назначении меня на Кавказ? Но я твердо намерен, в случае предложения мне такого назначения, отказаться от него и просить об удалении совсем на отдых. Новое царствование начинается под такими предзнаменованиями, что ничего хорошего ожидать нельзя**.

Сегодня большую часть утра я посвятил осмотру картографических работ в военно-топографическом отделе Главного штаба. Ежегодно производившийся до сих пор осмотр этих работ самим Государем в Зимнем дворце на сей год отменен.

7-го апреля. Вторник. – Во второй раз ездил в Гатчину. По случаю говения Государя доклад мой начался только в 11 $^1/_2$ часов и продолжался до часу, а затем я оставался еще некоторое время при докладе Гирса. У меня были довольно полновесные дела, накопившиеся за целую неделю. Государь объявил о своем решении отчислить графа Воронцова-Дашкова от должности начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии по случаю возложенного на него поручения заведывать дворцовой охраной. Государь имеет вид спокойный, здоровый; каждый день много ходит в парке; но вдаль никуда еще не выезжал.

9-го апреля. Четверг. – Вчера у великого князя Михаила Николаевича было совещание, о котором предварял он меня при последнем свидании, именно по вопросу о том, не следует ли разделить Кавказское наместничество и Кавказский военный округ на две отдельные части, а если будет признано необходимым оставить и наместничество и округ в настоящих пределах, то следует ли сохранить звание и права наместника, или же можно привести гражданское управление на Кавказе в более скромные рамки? По какому-то недоразумению я не попал в это совещание и только сегодня узнал о нем. Великий князь даже в претензии на меня, хотя сам кругом виноват, потому что не известил меня о назначенном совещании. Генерал-лейтенант Павлов приезжал ко мне вчера же утром, но не застал меня дома, а я сидел в Военном совете до 6-го часа. Сегодня в соборе Петропавловской крепости, куда съехались на панихиду по случаю 40-го дня

---

* по-видимому

** По крайней мере, до сих пор приобретают влияние такие личности, которые могут только вести Россию к гибели и не в состоянии понимать настоящие нужды ее при теперешних критических ее обстоятельствах.

после кончины покойного Государя, я встретился с великим князем и с Павловым. Последний потом приехал ко мне, чтобы от имени его высочества передать мне результаты вчерашнего совещания. Оказывается, что в нем участвовали: граф Лорис-Меликов, барон Николаи, граф Валуев, член Государственного совета Старицкий и генерал Павлов. Все участвовавшие в совещании высказались против раздвоения Кавказа. Что же касается до наместничества, то, по-видимому, не пришли ни к какому категорическому разрешению вопроса; но большинство клонило к тому, чтобы в случае отмены самого звания «наместника» предоставить, однако же, главному начальнику края значительно большие права, чем генерал-губернаторские.

На панихиде сегодня присутствовала вся царская фамилия за исключением только Их Величеств.

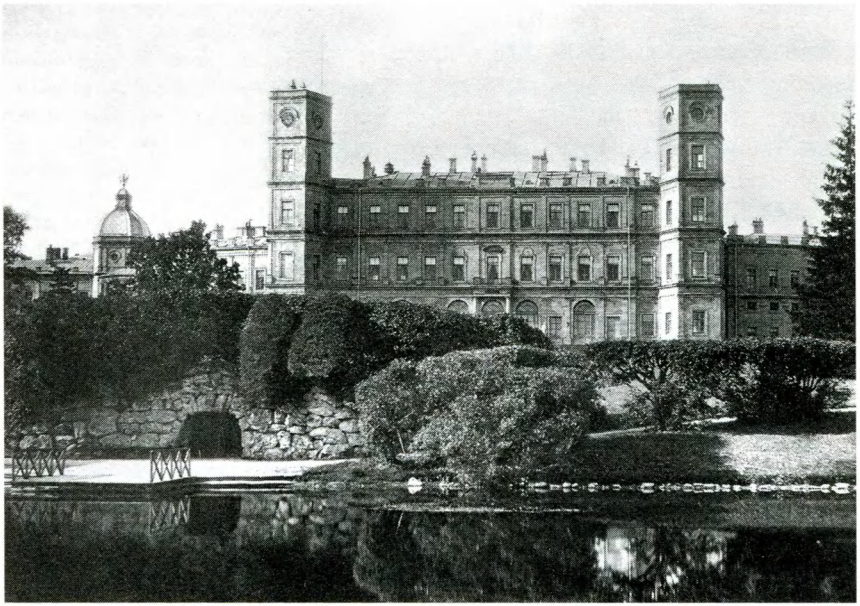
Вечером заехал ко мне граф Лорис-Меликов и просидел до первого часа ночи. Он подтвердил мне слышанное утром от генерала Павлова сведение о вчерашнем совещании у великого князя, передал по этому поводу свои разговоры с Государем относительно назначения меня наместником кавказским или председателем Государственного совета. Из этих разговоров могу вывести успокоительное заключение, что оба эти предположения минуют меня. Граф Лорис-Меликов очень убеждал меня не покидать служебной деятельности, хотя сам признает теперешнее положение дел нестерпимым для* министра, дорожащего общественным мнением. В будущем он видит довольно мрачную перспективу, в чем мы с ним совершенно сходимся. Александр Аггеевич Абаза также говорил Лорис-Меликову, что не останется министром в случае, если он, Лорис-Меликов, и я оставим наши места. В заключение граф Лорис-Меликов рассказал мне кое-что о ходе розысков по политическим преступлениям и о результатах допроса вновь арестованных личностей. Показания их подтверждают предположение, что в речах Желябова и его сотоварищей было много хвастовства и преувеличения; что эта партия, так называемая «террористическая», вовсе не многочисленна и не богата денежными средствами; что сила ее заключается лишь в характере и энергии немногих вожаков ее. Гораздо важнее для будущности государства то, что среда, сочувствующая революционной партии, умножается с каждым днем**.

11-го апреля. Ночь на 12-е – на Светлое Воскресенье. – Колокола гудят, зажигают на улицах плошки, экипажи катятся по мосто-

---

* человека, желающего сохранить в общем мнении хорошую славу.

** и в этом-то отношении и прискорбно настоящее бездействие высшей власти и принимаемое ею ложное направление.



Вид на Гатчинский дворец

вой. Мне же в первый раз приходится в эту ночь оставаться спокойно дома*. В нынешнем году нет выхода при дворе; члены царской фамилии все в Гатчине, встречают праздник исключительно в своей семье.

Последние дни мои были отчасти посвящены говению; сегодня я был у причастия в церкви Главного штаба вместе с дочерьми.

14-го апреля. Вторник. – Ездил в Гатчину, облекшись в парадную форму, чтобы явиться с поздравлением Их Величествам по случаю Пасхи. В Светлое Воскресенье не было вовсе приема во дворце; даже из царской семьи, как оказалось, присутствовали при заутрене только братья государевы, а все прочие члены, не исключая и великого князя Михаила Николаевича, были приглашены туда лишь на второй день праздника. Сегодня же императрица принимала офицеров Кавалергардского полка, для которых в залах был накрыт завтрак. Прием этот несколько нарушил однообразную тишину гатчинской обители. Окончив свой доклад у Государя, я пошел к императрице и встретил ее на лестнице вместе с отъезжающими сегодня

* и готовиться обычным порядком идти на сон грядущий.

же за границу великою княгиней Марией Александровной (герцогиней Эдинбургской) и великим князем Сергеем Александровичем. Все они обошлись со мною любезно и поздравили меня с предстоящею свадьбой старшей моей дочери[*306].

В Петербург возвратился я к 2 часам пополудни вместе с Гирсом[**].

15-го апреля. Среда. – Пользуясь свободным от служебных обязанностей праздничным днем, я навестил больного графа Баранцова и потом заехал к Александру Аггеевичу Абазе, с которым имел продолжительный разговор о настоящем положении дел. Он сознает всю ненормальность теперешнего порядка вещей, но считает нужным еще выждать некоторое время, прежде чем решаться сойти со сцены, в чем и я с ним согласен. Победоносцев, несмотря на свое влияние во дворце, чувствует, повидимому, неловкость своего положения[***], он приезжал к графу Лорис-Меликову с объяснениями, уверяя, что его речь в пресловутом совещании 8-го марта понята в превратном смысле.

17-го апреля. Пятница. – Утром был у меня граф Лорис-Меликов. Весьма продолжительный и любопытный разговор: он объявил мне, что во вторник, после моего доклада, будет у Государя совещание[****], в котором примут участие великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, Абаза, Игнатьев, барон Николаи, Победоносцев и я. Государь положительно отказал Лорис-Меликову пригласить Валуева и князя Урусова. Предположенное совещание вызвано весьма серьезными объяснениями Лорис-Меликова с Государем о необходимости так или иначе выйти, наконец, из настоящей неизвест-

---

[*] к которой вся семья царская сохранила сочувственную память.

[**] который рассказал мне много любопытных закулисных тайн нового царствования. В рассказах этих мало утешительного и очень много крайне грустного. Чем более узнаешь и думаешь, тем более хотелось бы убежать от этой душной атмосферы, где ничего хорошего нельзя предвидеть вперед. <Преобладающее> влияние Победоносцева, Баранова (петербургского градоначальника) и графа Воронцова угрожают самыми плачевными результатами.

[***] *Первоначальный текст после слов «продолжительный разговор о настоящем положении дел»*: «Он вполне сознает всю ненормальность теперешней обстановки верховной власти и опасность дальнейшего бездействия высшего правительства, но считает нужным еще выжидать некоторое время, прежде чем решиться сойти со сцены, в чем и я с ним согласен. Победоносцев уже чувствует неловкость своего изолированного положения».

[****] о настоящем положении дел

ности и замкнутости. Лорис-Меликов уговорил Государя показаться в Петербурге, чтобы, по крайней мере, прекратить разные нелепые толки в народе*, как например, будто царь содержится в плену, что он ранен, и т. п. Курьезные вещи рассказывал Лорис-Меликов о великом князе Константине Николаевиче, который уже помышлял о немедленном оставлении своих обоих постов и отъезде на юг, в Крым. Наконец, Лорис-Меликов предупредил меня, что, по всем вероятиям, будет сделано мне предложение занять место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Известие это заставляет меня сильно призадуматься: должен ли я или нет отклонить от себя эту чашу?

Сегодня 50-летний юбилей графа Валуева; но я не знал об этом прежде и потому не поздравил юбиляра.

18-го апреля. Суббота. – Утром заехал к графу Валуеву, чтобы поздравить его со вчерашним юбилеем. Разговорились о теперешнем положении дел: те же сетования на инерцию высшего правительства, на зловредное влияние Победоносцева и т. д.

19-го апреля. Воскресенье. – Утром заехал ко мне великий князь Михаил Николаевич. Говорили о кавказских делах и результате бывшего у него на прошлой неделе совещания, по которому он будет иметь на днях доклад у Государя. О кандидате для замещения великого князя на Кавказе не было речи**.

20-го апреля. Понедельник. – Обычный прием в канцелярии Военного министерства; затем весьма короткое заседание Государственного совета. По обыкновению председательствовал великий князь Константин Николаевич***.

Вечером граф Лорис-Меликов и я съехались у Ал[ександра] Агг[еевича] Абазы, чтобы предварительно обменяться мыслями насчет завтрашнего совещания. Граф Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего. Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение каких-либо частных вопросов, а стараться на первый раз установить правильное положение и круг деятельности министров, приняв за основание то убеждение, что сильная власть, столь необходимая при настоящих обстоятельствах, может быть проявлена единственно при том условии, если

---

* чудовищные

** Великий князь, по-видимому, желал узнать от меня о цели предположенного на вторник совещания в Гатчине.

*** *Первоначальный текст этой фразы*: «Великий князь Константин Николаевич председательствовал как ни в чем не бывало».

Государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и чрез которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния*. Очевидно, здесь подразумевается зловредное вмешательство во все дела Победоносцева и других закулисных личностей. Я, со своей стороны, добавил, что кроме личного доверия Государя необходимо еще другое условие: чтобы министерство было однородное, чтобы все министры действовали в одном смысле, а не противудействовали один другому. Но все эти соображения наши могут разлететься впрах, если совещание получит иное направление, и затронуты будут какие-либо частные вопросы дня. Впрочем, я и не вижу в том невыгоды. Лучше сразу вывести дело начистоту, чтобы разъяснить, наконец, можем ли мы, с нашими понятиями и убеждениями, еще долее тянуть лямку, не зная, куда тянем**.

21-го апреля. Вторник. – По случаю назначенного в Гатчине совещания мы, все приглашенные министры, отправились вместе с 9-часовым поездом: граф Лорис-Меликов, Абаза, граф Игнатьев, барон Николаи, Набоков, Победоносцев и я. По окончании моего доклада началось совещание. В нем участвовал и великий князь Владимир Александрович. Государь открыл совещание заявлением своего желания выслушать мнения наши о том, какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий. Прежде всего он обратился к графу Лорис-Меликову, который весьма толково и ловко изложил свое мнение о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После него была моя очередь: я подтвердил соображения графа Лорис-Меликова и развил их, ука-

---

* *Первоначальный текст после слов «не предвидит ничего хорошего»*: «Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение частностей, а, по возможности, ограничиться постановкою общего вопроса об отношении Государя к своим министрам. По мнению Абазы, надобно прямо и категорически заявить, что если нужна сильная власть, то возможно это единственно в том случае, если Государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и чрез которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния».

** *Первоначальный текст после слов «Но все эти соображения наши могут разлететься впрах»*: «когда многоглаголивый Победоносцев и не менее речистый граф Игнатьев затронут в своих излияниях целый ряд вопросов в таком смысле, что и нам не будет возможности смолчать, и не от нас будет зависеть удержать совещание в тех тесных пределах, в которых мы желали бы. Да признаюсь, я, со своей стороны, и не вижу в этом пользы. Лучше бы сразу вывести дело начистоту, чтобы разъяснить положительно, чего можно ожидать впереди, и можем ли мы, с нашими понятиями и убеждениями, еще долее тянуть лямку, не зная, куда тянем».

Домовая церковь Гатчинского дворца

зав притом, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев*. После меня Государь обратился к графу Игнатьеву, который говорил почти в том же смысле, подтвердив общую мысль частными примерами. Затем Ал[ександр] Аг[геевич] Абаза мастерски свел речь на те именно соображения, которые он выразил вовчерашней нашей предварительной беседе: он доказывал весьма смело и категорично, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии Государя к своим ближайшим совет-

---

* *Первоначальный текст после слов «я подтвердил соображения графа Лорис-Меликова и развил их»*: «упирая на то, что последние 14 лет застоя привели именно к тому, что мы не только не подавили крамолу строгостями полицейскими, но создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди находят опору и рассадник. Я доказывал, что недоконченность начатых реформ и отсутствие общего плана привели к тому, что по всем частям государственного организма ощущается полный хаос, и потому всего нужнее правительству заняться приведением в стройный порядок административного, экономического и школьного строя».

никам и органам. При этом Абаза прямо задел Победоносцева и его вредное закулисное влияние. Затем барон Николаи довольно долго и скучно развивал тему о необходимости действий систематических, без увлечений и без произвола. Министр юстиции Набоков также говорил о предстоящих по судебной части улучшениях и необходимости продолжения реформ. Таким образом, все говорившие 6 министров высказались почти в одинаковом смысле. Оставалось последнее слово за Победоносцевым, и мы, конечно, с любопытством ждали, что же на сей раз будет прорицать этот авгур. К удивлению нашему, он заговорил совсем иным языком, чем в достопамятном совещании 8-го марта; он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе; но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности, ответственности и т. д. Эти теоретические, пустозвонные фразы вызвали снова возражения и со стороны графа Лорис-Меликова, и с моей, а главное – от Ал[ександра] Аг[еевича] Абазы, который очень резко и категорично поставил снова вопрос о солидарности министерства, о бесполезности отвлеченных теоретических афоризмов и необходимости соглашения на практической почве. Тут было несколько раз упомянуто о пользе совещаний, подобных настоящему, в присутствии самого Государя, о предварительных совещаниях между министрами, независимо от Комитета министров и проч. Государь во все время только изредка прерывал речи отрывочными фразами; пробовал свести суждения к поставленному первоначально вопросу о том, что следует предпринять теперь же неотлагательно. Но высказавшееся совершенно неожиданно для нас самих единодушие в речах всех призванных министров отклонило совещание от предполагавшейся задачи. Под конец, однако же, великий князь Владимир Александрович выступил с подготовленным письменным предложением об учреждении центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Записка эта, неизвестно кем сочиненная, была тут же прочитана вслух графом Лорис-Меликовым, который возражал против заявленной мысли, доложив, что у него уже приготовлен доклад относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос отложен до другого раза. В заключение Государь выразил свое желание, чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных между собою совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях; на первый же раз Его Величество предложил нам совместно обсудить те меры, которые признаются

наиболее неотложными при настоящих обстоятельствах и для окончательного обсуждения которых будет назначено вторичное совещание в высочайшем присутствии*.

Таким образом, сегодняшнее совещание оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем выказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров; даже Победоносцев – и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег. Не знаю, долго ли удержится эта гармония; поддержится ли единство, когда действительно приступим к совещаниям по каждому** конкретному вопросу. Во всяком случае, можно надеяться, что нынешнее совещание повлияет благотворно на направление мыслей молодого императора[307].

25-го апреля. Суббота. – Вчера и сегодня заезжал ко мне граф Лорис-Меликов для передачи мне некоторых приказаний Государя и, между прочим, о разных предположениях его относительно новых назначений. Предположения эти нельзя признать удачными: являются на сцену личности совершенно ничтожные, как например, князь Фердинанд Витгенштейн – пустейший кутила, ни к какому делу непригодный***. Нам придется оспаривать некоторые из этих назначений. Но главным предметом беседы нашей был выбор

---

* *Первоначальный текст после слов «Государь во все время только изредка прерывал речи отрывочными фразами;»*: «возвращаясь преимущественно к необходимости решения прежде всего вопроса о том именно, что надобно предпринять теперь же неотлагательно. По-видимому, он имел цель более близкую, непосредственную, но единодушие, которое он встретил от всех призванных к совещанию министров, как кажется, дало другое направление. Под конец, однако же, великий князь Владимир Александрович выступил с подготовленным предложением, изложенным письменно, об учреждении центральной следственной комиссии по делу о революционных движениях. Неизвестно, кто именно сочинил записку, которая была теперь же прочитана вслух графом Лорис-Меликовым, который возражал против заявленной мысли и доложил, что у него уже приготовлена своя записка относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос отложен до другого раза. В заключение Государь предложил нам по возможности неотлагательно собираться для совещания между собою, а потом вторично собраться у Его Величества для окончательного обсуждения подготовленных вопросов».

** частному вопросу, когда перейдем от общей теории к практическому применению. Во всяком случае, совещание это должно было принести большую пользу <для> и повлиять благотворно на направление мыслей молодого императора.

*** *Первоначальный текст после слов «и между прочим о разных предположениях его относительно новых назначений»*: «Предположения эти никак нельзя признать удачными: являются на сцену личности наименее заслуживающие внимания, какой-нибудь Николай Мирский, князь Фердинанд Витгенштейн — пустейший кутила и проходимец».

преемника великому князю Михаилу Николаевичу. Лорис-Меликов убеждает меня не отказываться от этого назначения и в этих видах настаивает, чтобы не вводить теперь никаких изменений ни в устройстве управления Кавказского края, ни в титуле наместника и главнокомандующего. Я, однако же, остаюсь твердо при своем решении не принимать никакого нового назначения, каков бы ни был присвоенный ему почет.

Между тем великий князь Михаил Николаевич вместе с бароном Николаи и генералом Павловым продолжает сочинять проект нового управления на Кавказе; наместника полагается обратить в главноначальствующего и поставить его наравне с генерал-губернаторами. Сегодня у великого князя было по этому предмету совещание; в нем приняли участие: граф Лорис-Меликов, граф Валуев, барон Николаи, Старицкий и я. Большая часть времени прошла в прениях между графом Валуевым, бароном Николаи и Старицким о второстепенных подробностях будущей организации главного управления; только граф Лорис-Меликов вывел разговор на более широкую дорогу; он поднял вопрос об оставлении преемнику Его Высочества титула наместника, с предоставлением ему самому на месте и постепенно вводить в местном управлении те изменения, которые будут признаны возможными в видах удешевления его и объединения Кавказского края с остальною Россией. Окончательно пришли к заключению, чтобы несколько изменить редакцию составленной записки, предоставив вопрос о титуле непосредственному решению самого Государя.

Сегодня же утром получил я от Государя собственноручную записку с приказанием объявить, что дозволение носить бороды распространяется на всех военных без всяких изъятий.

Все последние дни по утрам ездил я по военно-учебным заведениям на экзамены, а вчера сверх того смотрел образцы нового военного обоза.

27-го апреля. Понедельник. – Утром был на экзамене из стратегии в дополнительном курсе Артиллерийской академии, а затем в заседании Государственного совета. Рассматривалось важное дело об уменьшении выкупной платы с крестьян в нечерноземных губерниях и, вместе с тем, об обязательном в течение нынешнего и будущего годов переходе на выкуп остающихся еще до сих пор временно-обязанных крестьян. От этих двух мер ожидается большое облегчение для крестьян и окончательное приведение в действие Положения 19-го февраля 1861 года. Дело это было решено почти единогласно, за исключением одного только голоса, генерал-адъютанта Тимашева, который упорно отстаивал мнимое право

помещиков, до сих пор, в течение 20 лет, не покончивших своих отношений к крестьянам, на получение полной выкупной ссуды, без вычета 20%. Речь Тимашева вызвала сильный дельный отпор от министра финансов Абазы, поддержанного графом Лорис-Меликовым, Рейтерном и самим председателем Совета великим князем Константином Николаевичем. Абаза с некоторою колкостью намекнул на то, что Тимашев, стоявший 20 лет тому назад в ряду самых ярых противников освобождения крестьян, теперь вдруг прикинулся защитником буквы закона 19 февраля 1861 года! Надобно отдать справедливость Государственному совету: при голосовании не нашлось ни одного члена, который поддержал бы протест Тимашева в защиту мнимых помещичьих прав[308].

28-го апреля. Вторник[309]. – Утром ездил в Гатчину вместе с Гирсом и после доклада представлял Государю выпущенных из Академии Генерального штаба 50 офицеров. Я ожидал, что при докладе Государь заговорит о моем назначении на Кавказ, как предварял меня граф Лорис-Меликов; опасался также не совсем удобных объяснений по поводу некоторых предположенных Государем неудачных назначений, но и на сей раз не было ни слова о чем-либо, выходящем из круга текущих дел.

В 9 часов вечера назначено было совещание у графа Лорис-Меликова. Собрались те же самые лица, которые участвовали в прошлый вторник в совещании в Гатчине, в том числе и великий князь Владимир Александрович. Нам прислана была предварительно программа совещания, состоявшая из 4 пунктов. Сначала были продолжительные суждения по записке, поданной в прошлый вторник великим князем Владимиром Александровичем, об учреждении* Высшей центральной следственной комиссии по государственным преступлениям[310]. Предположение это было совершенно разбито объяснениями графа Лорис-Меликова и Набокова; оба они указывали на прискорбные результаты подобных комиссий, которые неоднократно учреждались и в прежние времена и которые ныне сделались совсем ненужными при настоящем объединении прежних разнородных полицейских учреждений и прекращении прежнего антагонизма между полицейскими и судебными учреждениями. Ни Победоносцев, ни великий князь не могли почти ничего сказать для поддержания предложенной мысли. Совещание обратилось к другим, предложенным графом Лорис-Меликовым, частным мерам по ведомству государственной полиции, и после довольно продолжительных разглагольствований все эти меры были одобрены с некоторыми только оговорками. Самые же продолжительные и

* опять какой-то

Великий князь
Владимир Александрович

горячие прения возникли по двум последним пунктам программы нашего совещания, касавшимся земства. Это такая почва, на которой всего более разнообразны взгляды. Однако ж и тут удалось, наконец, достигнуть согласия, как относительно предложенного Лорис-Меликовым пересмотра некоторых статей Положения о земских и городских учреждениях, так и прежней его мысли о законодательной разработке возбужденных уже земствами вопросов о мерах к улучшению благосостояния крестьянского населения. Даже щекотливый вопрос о привлечении земцев к этой законодательной работе, как представителей местных интересов, был одобрен всеми присутствовавшими, за исключением одного лишь Победоносцева, который опять поднял общий вопрос о значении земства; обычным своим докторальным, широковещательным тоном опять начал доказывать вред выборного начала вообще, опасность привлечения «местных сил» и допускал только разве вызов экспертов, по назначению самого правительства. Мнение это так резко отделялось от общего убеждения всех прочих членов совещания, что великий князь Владимир Александрович предложил в

виде компромисса *на первый раз* ограничиться призывом из губерний небольшого числа известных правительству дельных и вполне благонадежных людей, собственно только для предварительного обсуждения самого вопроса о порядке призыва представителей земства к обработке известных законопроектов в тех случаях, когда правительство признает это полезным. На этом предложении и остановилось совещание. Немыслимо было продолжать спор после того, что рассказал нам великий князь: в самое утро злополучного дня 1-го марта покойный император, утвердив своею подписью представленный доклад секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с такими словами: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции». Затрудняюсь объяснить, что именно в предположениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции; но понятно, что произнесенные им незадолго до мученической кончины вещие слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании*.

Совещание окончилось в первом часу ночи; великий князь Владимир Александрович уехал; но тут только вдруг узнаем мы с удивлением от министра юстиции, что на завтрашний день приготовлен высочайший манифест, который он и показал в печатном оттиске. Такая неожиданная новость поразила нас, как громом: какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался Государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера; что вчера Государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест с тем, чтобы сегодня он был напечатан, а завтра, по прибытии Государя в Петербург, обнародован. Заявление это было un coup de théâtre**. Как? После бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного Государем

---

* *Первоначальный текст после слов «На этом предложении и остановилось совещание»*: «В числе аргументов, высказанных великим князем для убеждения нас в необходимости некоторой уступки <ввиду заявления Победоносцева>, особенно показалось нам любопытным заявление о том, что в понятиях молодого императора сильно впечатлелась фраза, вырвавшаяся у покойного Государя утром злополучного дня 1-го марта, когда он, дав окончательное разрешение на предположения графа Лорис-Меликова, по выходе этого последнего из кабинета, сказал молодым великим князьям: «Я согласился, хотя не могу скрыть от себя, что мы идем по путик конституции». Такая фраза, конечно, должна была глубоко запасть в души молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании».

** Театральный трюк (*фр.*).

желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт, как манифест царский! Граф Лорис-Меликов и А.А. Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению. Набоков, Игнатьев и барон Николаи, хотя сдержаннее, также высказали свое удивление. Победоносцев, бледный, смущенный, молчал, стоя как подсудимый пред судьями. Расстались мы в сильном волнении*.

Помимо формальной стороны появления нового манифеста поразило нас и самое содержание его. Под оболочкою тяжелой риторической фразеологии ясно проглядывает главная цель – провозгласить торжественно, чтобы не ждали от самодержавной власти никаких уступок. Появление такого манифеста было бы еще понятно на другой день вступления на престол, вслед за ужасною катастрофою 1-го марта, но что вызывает его теперь, по прошествии двух месяцев?**

29-го апреля. Среда. – Их Величества приезжали сегодня в Петербург, но не по прямой дороге из Гатчины, а кружным путем чрез Тосну и по Николаевской железной дороге. Парад на

---

* и негодовании. Само содержание манифеста усиливает еще негодование.

** *Первоначальный текст после слов «Помимо формальной стороны появления нового манифеста поразило нас и самое содержание его»*: «Под оболочкою неискусной, риторической фразеологии ясно проглядывала главная цель — объявить торжественно, чтобы не ждали никаких уступок от самодержавия. Немногие фразы, вставленные в этом смысле в произведение Победоносцева, разоблачают все его разглагольствования. Спрашивается — время ли теперь русскому императору обращаться к своему народу с таким заявлением <бессодержательным манифестом>? Большинству публики, людям поверхностным, манифест покажется несвоевременным, бессодержательным; то, что было бы еще уместно на другой день вступления на престол, после ужасной катастрофы 1-го марта, делается ныне, по прошествии двух месяцев, совершенно неуместным. Но другая часть публики, люди мыслящие, поймут суть дела: они увидят, что путем *<далее следуют 2 строки, не поддающиеся прочтению>* объявление твердого намерения молодого императора удержать всей силой самодержавные права своих предков. Все надежды отнимаются у людей благомыслящих на постепенное движение к лучшему, к более совершенному государственному устройству. Lasciate ogni speranza — Оставьте всякую надежду (*итал.*) — вот сущность нового манифеста. Страшно подумать, какое невыгодное впечатление произведет он в России и в Европе. Сколько людей, надеявшихся на достижение со временем, мирным путем, более желанных целей, теперь отшатнутся от нас <?> и примкнут к массе, сочувствующей революционерам».

Марсовом поле прошел совершенно благополучно и даже, можно сказать, блистательно. Императрица с великою княгиней Марией Павловной в коляске á la Domon объезжала линии войск за Государем. После парада был обычный завтрак у принца Ольденбургского. Мне пришлось сидеть с правой стороны императрицы, которая была любезна и обходительна, так же как и Государь. После завтрака Их Величества, несмотря на плывшие льдины, переехали на катере чрез Неву, чтобы поклониться могиле покойного императора. Затем они посетили временную часовню, построенную на месте катастрофы 1-го марта, и в 3 часа отправились обратно в Гатчину, по той же Николаевской железной дороге.

Таким образом, приезд в Петербург, возбуждавший такие опасения, обошелся совершенно благополучно, и все ходившие по городу толки о мнимых покушениях* оказались напрасными. На параде присутствовали чрезвычайные послы турецкий (Реуф-паша) и персидский (сапесалар Гусейн-хан).

Пресловутый манифест явился в** прибавлении к «Правительственному вестнику»[311]. Говорят, он всех озадачил: толпа спрашивает – в чем дело? К чему и о чем манифест? Другие говорят, будто срывали даже манифест со стен. Граф Лорис-Меликов сказал мне на параде, что решился сегодня же послать письмо Государю с просьбой об увольнении от должности и намерен завтра не ехать в Гатчину. Вечером же приехал ко мне Абаза и передал свой разговор с великим князем Владимиром Александровичем, который уже знал, что вчера, после его отъезда из совещания, что-то произошло между нами. Абаза высказал ему***, как мы все были поражены и оскорблены процедурою с манифестом. Великий князь уговаривал не слишком принимать к сердцу. Но Абаза намерен поступить одинаково с графом Лорис-Меликовым: не ехать в пятницу**** с докладом, а послать завтра письмо к Государю с просьбой об увольнении.

1-го мая. Пятница. – После обычного посещения некоторых из военно-учебных заведений заехал я к Абазе и графу Лорис-Меликову. Оба они объявили мне, что прошения их об увольнении от должностей приняты Государем, но полученные ими ответы были выражены не в одинаковой форме. Графу Лорис-Ме-

---

* о том, что парад будет отложен и проч. и проч.

** печатном

*** вполне всю несообразность

**** в Гатчину

ликову Государь ответил собственноручным письмом*, в благосклонном тоне, с выражением благодарности за оказанные услуги; напротив того, Абазе возвращено его письмо с надписью карандашом, в которой выражался довольно резко укор, что поводом к удалению его от должности выставляется им заявленное в манифесте твердое намерение Государя оберегать свои самодержавные права**. От Лорис-Меликова я узнал, что сегодня вызваны в Гатчину великий князь Владимир Александрович и генерал Игнатьев. Можно заключить из этого, что преемником графа Лорис-Меликова будет Игнатьев, что, конечно, произведет не очень благоприятное впечатление в Европе. Уже и теперь получаются сведения о падении нашего курса; а что будет, когда сделается известным удаление графа Лорис-Меликова и Абазы. Оба они пользовались хорошей репутацией и доверием, чего нельзя сказать о других министрах. Я решаюсь также оставить свой пост, но, по совету друзей, мне было бы неуместно связать свое удаление с инцидентом манифеста. Поневоле я должен несколько еще выждать; быть может, представится благовидный случай проситься на отдых, например, если мне предложено будет место на Кавказе.

Из разговоров с Абазой и Лорис-Меликовым я узнал о некоторых новых обстоятельствах. В истории манифеста принял, по-видимому, деятельное участие*** Катков, прискакавший в Петербург по вызову Победоносцева****. Отовсюду слышно, что этот***** злополучный манифест производит самое невыгодное впечатление. Он даст обильную пищу заграничным врагам России******; нигили-

---

* в формах любезных

** *Первоначальный текст после слов «с выражением благодарности за оказанные услуги;»*: «Ал[ександу] Аг[еевичу] Абазе возвращено его письмо с надписью на нем же карандашом, в выражениях резких, в которых Государь укорял бывшего министра своего в том, что он “не нашел более приличного повода” к удалению своему от должности».

*** злокозненный

**** Вчера министр юстиции Набоков при своем личном докладе попробовал заговорить о манифесте и высказать то впечатление, которое произвело внезапное, неожиданное для всех министров, объявление его. По словам Набокова, Государь прервал его речь, выразив укор графу Лорис-Меликову в том, что будто бы он несколько раз не хотел исполнить неоднократных требований Государя о приготовлении манифеста, который считал давно уже необходимым. Граф Лорис-Меликов говорит, что ни разу не было с ним речи о манифесте.

***** злосчастный

****** но даже и доброжелателям нашим

сты наши* воспользуются им, как материалом для своей подпольной литературы.

Вечером узнал**, что товарищ министра финансов Бунге, ездивший в Гатчину с докладом вместо А.А. Абазы, передал последнему желание Государя, чтобы Александр Аггеевич не оставлял должности до конца сессии Государственного совета (т. е. с небольшим на неделю) и чтобы в будущую пятницу – день его доклада – приехал лично в Гатчину. Из этого можно заключить, что быть может, в настроении Государя произошла некоторая перемена, как бы смягчение и желание удержать Абазу. Действительно, заменить его нелегко: Бунге сам сказал Государю, что считает себя теоретиком, не довольно подготовленным к самостоятельному управлению Министерством финансов. С другой стороны, можно полагать, что на Государя подействовал разговор с великим князем Владимиром Александровичем, который, вероятно, передал царю все, что слышал в среду от Абазы.

Одновременно с нашим министерским кризисом совершается странный и*** неожиданный для нас переворот в княжестве Болгарском[312]. Можно было всегда ожидать от князя Александра какого-нибудь рискованного шага, особенно после проезда его чрез Вену; но никак нельзя было думать, что такое решение будет внушено ему нашим же русским генералом – Эрнротом. Ко мне приезжал сегодня болгарин, полковник Кесяков, с настоятельной просьбой спасти Болгарию от угрожающей ей опасности анархии и подпадения под прямое влияние Австрии. Но что могу я сделать при настоящем своем положении?****

3-го мая. Воскресенье. – Вчера вечером скончался принц Петр Георгиевич Ольденбургский после непродолжительной болезни*****. Сегодня был я на панихиде. Тело покойника лежало еще на кровати, усыпанное цветами. У многих из присутствовавших видны были непритворные слезы: принца будут оплакивать очень многие, как чело-

---

* с восхищением

** я от И.П. Арапетова <?>.

*** совершенно

**** Хотя переворот в Болгарии задуман и исполнен без ведома русского правительства и даже вопреки нашим советам, однако ж нельзя отвергать <не сознавать>, что сам Государь, как и многие из окружающих, в душе одобрят решимость князя Болгарского и будут сочувствовать ниспровержению ненавистной им болгарской конституции, выработанной под опекой русского же правительства. Вот результат войны, стоившей нам многих десятков тысяч людей и целого миллиарда рублей. <Далее следуют 5 строк текста, не поддающегося прочтению>.

***** Еще утром я заехал в его дворец, чтобы осведомиться о положении больного; мне сказали, что призывали пастора и что принц в опасном положении.

века, посвятившего всю жизнь свою делу благотворительности и успевшего действительно сделать много добра. Добродетель его заставляет позабыть ограниченность его ума и крайнюю узкость понятий. Он постоянно мечтал о водворении общего мира и вел настоящую пропаганду* об упразднении армий. В этом смысле обращался он и к покойному нашему Государю и к императору Вильгельму, и к Наполеону III, к Бисмарку, Тьеру и проч. и проч. и жаловался, что никто не хотел понять его, никто не воспользовался его советами[313].

В течение утра сегодня приезжал ко мне два раза статс-секретарь Танеев**, по случаю полученного им от Государя приказания заготовить указы об увольнении от должности графа Лорис-Меликова, о замещении его графом Игнатьевым и назначении на место последнего министром государственных имуществ статс-секретаря Островского***. На панихиде встретил Игнатьева: ему, видимо, совестно и неловко****.

4-го мая. Понедельник. – После обычного моего приема в канцелярии Военного министерства отправился я в Государственный совет*****. Абаза присутствовал еще в этом заседании; об увольнении же графа Лорис-Меликова и назначении на его место Игнатьева указ уже подписан. Государь приезжал на панихиду по скончавшемся принце Ольденбургском.

5-го мая. Вторник. – Сегодня я поехал в Гатчину с твердым намерением заговорить с Государем об увольнении меня от должности. Ехал я туда в обществе с Гирсом, Игнатьевым и Островским. Последние двое представлялись в первый раз в своих новых званиях. Игнатьев не мог не заметить перемены в моем обращении с ним; едва приехали мы в Гатчину, он пришел ко мне с объяснениями, уверяя******, что он старался всеми силами отклонить от себя новое

---

* советуя всем и каждому письменно и изустно

** великий человек на малые дела

*** Дело, кажется, простое; <редактировать указ Сенату>, но для Танеева это дело государственной важности: он советовался со мной, посылал чиновников в Главный штаб, наводил справки в старых делах...

**** предо мной после нашего последнего вечернего совещания во вторник; он пробовал заговорить со мной, уверяя, будто бы он всеми силами отговаривался от предложенного ему назначения. Я сказал ему, что положение его незавидное, потому что, по моему убеждению, все, что теперь устраивается, будет недостаточно, что таким путем мы прямо идем к близкой катастрофе.

***** опять. *Далее (до слов «Абаза присутствовал») в первоначальном тексте находился абзац, тщательно вычеркнутый Д.А. Милютиным и не поддающийся прочтению. (Прим. публ.).*

****** *Первоначальный текст этой фразы:* «Игнатьев усиленно опровергал это подозрение. Но как бы то ни было, заметно, что он в большой милости в Гатчине».

Граф Н.П. Игнатьев

назначение*, и при этом наговорил целый короб всякой лжи. Я отвечал откровенно, что дело не в назначении его, а в слухах, дошедших до меня, будто он заодно с Победоносцевым вел дело о** злополучном манифесте и, стало быть, участвовал в прискорбной интриге против Лорис-Меликова. Игнатьев опровергал это подозрение.

По окончании доклада Государю о текущих делах я завел речь о предполагавшемся назначении графа Гейдена в Финляндию и ходатайствовал о назначении его вместе с тем членом Государственного совета. Разговор этот навел Государя на те объяснения, которых давно уже я ожидал: мне предложено было место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Согласно принятому мною решению, я положительно отклонил это назначение, сославшись на свои лета, утомление физическое и нравственное, и просил уволить меня от настоящей должности военного министра. Государь говорит, что*** затрудняется в выборе лица для замещения великого князя Михаила Николаевича на Кавказе, что в случае моего туда

---

* на место Лорис-Меликова

** злосчастном

*** крайне

назначения предполагает сохранить за мной и звание наместника. Однако же я настоял на своей просьбе отпустить меня на отдых после 20-летнего управления министерством. Государь, выслушав меня*, кротко и спокойно закончил разговор словами: «Дайте мне подумать и переговорить с Михаилом Николаевичем».

После того я оставался еще при докладе Гирса, и затем Государь простился со мной совершенно любезно и без малейшего знака неудовольствия. По всему видно, что заявление мое не было для него неожиданностью.

6-го мая. Среда. – Целый день не выходил я из дому, что редко бывает со мной. Утром принимал депутацию черногорскую, присланную для приветствования Государя со вступлением на престол. Депутация состоит из 10 человек, все молодцы на подбор; все украшены нашими георгиевскими крестами. В голове – давнишний наш приятель Божидар Петрович и тесть князя Николая воевода Петр Вукотич. Беседа наша велась частью на русском и черногорском языках, частью чрез Божидара Петровича на французском. Черногорцы в несколько приемов выражали мне признательность князя и народа черногорского за личное мое содействие снабжению их во время войны оружием и хлебом.

Заезжал ко мне граф Лорис-Меликов. Он уже очистил казенную квартиру и готовится к отъезду за границу; старается казаться веселым и довольным своею свободой; но беспрестанно проглядывают чувства негодования и скорби о теперешнем обороте дел. Действительно, с каждым днем узнаешь новые странные** факты, не обещающие ничего доброго в будущем. В «Правительственном вестнике» напечатан сегодня циркуляр нового министра внутренних дел, сочиненный, как говорят, вчера же в Гатчине[314]. Простодушные люди говорили мне об этом новом документе с похвалой; я же нашел в нем одну риторику, только фразы, уместные более в проповеди, чем в министерском циркуляре***. Граф Лорис-Меликов, между прочим, сказал мне, что Бунге получил от Государя повеление неотлагательно вступить в управление Министерством финансов; надобно полагать, что насчет Абазы что-нибудь насплетничали. Сплетни и интриги процветают****.

---

* совершенно

** сумасбродные

*** *Первоначальный текст этой фразы*: «Простодушные люди говорили мне об этом новом документе с похвалой; но когда я сам прочел, то нашел и в нем одну риторику победоносцевского пошиба: никакого содержания, одни фразы, уместные более в проповеди или нравоучительном уроке, чем в первом всенародном заявлении».

**** в полной мере.

С юга России продолжают приходить известия тревожные о народных буйствах и беспорядках: успокоится в одном месте, начинается в другом. Теперь пока один предлог – избиение жидов[315]; но по многим признакам можно догадываться, что есть скрытая руководящая рука, которая мало-помалу может дать другое направление разнузданной массе*.

7-го мая. Четверг. – В «Правительственном вестнике» напечатано уже об увольнении Абазы и вступлении Бунге в управление Министерством финансов.

Великий князь Михаил Николаевич заехал ко мне, чтобы проститься пред отъездом на Кавказ, где он намерен пробыть около месяца. Узнав вчера от Государя о моем отказе принять должность наместника и главнокомандующего, он упрекнул меня и** уговаривал принять предлагаемую должность, уверяя, что мне там вовсе не будет трудно справиться и что*** в тамошнем порядке управления все может быть оставлено без изменений. Я не мог, конечно, ответить, что было бы недобросовестно с моей стороны оставить управление краем в настоящем его расстройстве****, оправдывал свой отказ утомлением, необходимостью отдыха, но воспользовался случаем, чтобы высказать великому князю опасения мои за военную часть, если преемник мой вздумает ломать***** все, что было сделано в течение двадцатилетнего моего управления Военным министерством.

Намерение мое оставить пост военного министра уже сделалось известно многим. Ближайшие сотрудники мои****** встревожены, и сегодня я имел по этому случаю объяснения с графом Гейденом, графом Баранцовым, Кауфманом, Скворцовым и Философовым. Граф Гейден не остается ни в каком случае и нанял уже частную квартиру.

8-го мая. Пятница. – Похороны принца Ольденбургского. Процессия шла от дворца принца кружным путем, останавливаясь пред Училищем правоведения и Мариинскою больницей, и

---

* Страшно подумать, до чего может дойти разъяренная толпа, когда притом бразды правления государства очутятся в руках неумелых и недостойных.

** настойчиво

*** даже от меня не потребуется никаких изменений существующего там порядка управления.

**** в которое оно пришло за время его там пребывания.

***** и если молодой Государь будет так легко относиться к важным вопросам государственного управления, как выказалось в последнее время. По словам великого князя, вопрос о замещении его отложен до возвращения его в Петербург.

****** уже

достигла станции Балтийской железной дороги только во 2-м часу; отсюда гроб перевезен по железной дороге к Сергию[316], где и погребен в семейном склепе. Государь не присутствовал в процессии, а приехал из Гатчины прямо к Сергию, что было совершенно непредвиденно; узнали мы об этом только съехавшись уже в назначенный час (10 часов утра) во дворец принца. Вся свита ехала верхом, как бы за Государем. В толпе, собравшейся в огромном числе вдоль всех улиц, принимали за Государя ехавшего за колесницей великого герцога Ольденбургского[317]. Погода была необыкновенно теплая; в полдень температура доходила до +19°, но к вечеру понизилась чуть не до нуля.

По возвращении моем с церемонии посетили меня новый министр государственных имуществ Островский, граф Лорис-Меликов, новый испанский посланник Кампо-Саградо и прежний, оставляющий нас добродушный Рибера. С Островским я имел продолжительный разговор о теперешнем положении дел; он порицал и графа Лорис-Меликова и, в особенности, Абазу за то, что они оставили свои посты, и при этом заметил, что уход графа Лорис-Меликова был неизбежен, будто бы потому, что Государь, встретив с его стороны противудействие изданию известного манифеста, потерял к нему доверие. Островский, очевидно, примкнул к группе гатчинских дельцов*.

Граф Лорис-Меликов передал мне свой последний разговор с Государем, которому он вчера откланивался. В разговоре этом Его Величество упоминал и обо мне, ставя меня заодно с графом Лорис-Меликовым и Абазою в число представителей воображаемой либеральной партии, не сочувствующей принципу самодержавия. Государь весьма откровенно высказал, что в настоящий момент, когда вся задача состоит именно «в укреплении самодержавной власти», мы трое непригодны ему, но что впоследствии, когда настанет время приступить опять к государственным реформам,

---

* *Первоначальный текст после слов «он порицал и графа Лорис-Меликова, и, в особенности, Абазу за то, что они оставили свои посты, и при этом»*: «намекнул на то, что уход графа Лорис-Меликова был необходим во всяком случае, потому что Государь не имел к нему доверия, видел в нем даже противудействие воле Государя относительно издания манифеста; вообще, в словах Островского, видимо, проглядывала солидарность его с теперешними гатчинскими любимцами. Я откровенно, нисколько не стесняясь, высказал новому министру свой взгляд на современную обстановку и опасения свои насчет близкого будущего. Не сомневаюсь, что мои откровенные заявления будут переданы, куда следует, и даже, вероятно, в искаженном виде, но мне бояться нечего, готовясь сойти со сцены, я могу оказать последнюю услугу отечеству, высказывая в высших влиятельных сферах полную правду».

Император Александр III в кругу семьи

тогда и мы можем быть снова призваны к деятельности (!?). Кроме того, Государь говорил Лорис-Меликову о моем отказе от предложенной должности на Кавказе, не упомянув однако ж, что я вместе с тем просил увольнения от должности военного министра, а между тем упоминал о необходимости каких-то значительных преобразований в военном ведомстве, на которые я, конечно, не могу согласиться. Не имея повода усомниться в верности переданных мне Лорис-Меликовым разговоров, крайне удивляюсь, что Государь не понял моих настойчивых просьб дать мне полный отдых*.

---

* *Первоначальный текст после слов «Граф Лорис-Меликов передал мне свой последний разговор с Государем, которому он вчера откланивался»*: «В разговоре этом Государь коснулся и моей личности, ставя меня в одну группу с графом Лорис-Меликовым и Абазой, как представителей воображаемой им либеральной партии, будто бы не сочувствующей возглашаемому ныне принципу самодержавия. Государь, по словам графа Лорис-Меликова, даже выразил весьма наивную мысль, что в настоящий момент мы трое не годимся ему, пока вся задача состоит "в укреплении самодержавной власти", а что впоследствии, когда признано будет возможным снова приступить к реформам, тогда он может

В том же смысле и великий князь Михаил Николаевич передавал мне свой разговор с Государем обо мне. Стало быть, тут явное недоразумение, которое постараюсь скорее разъяснить. Все переданное мне графом Лорис-Меликовым окончательно укрепляет мое решение оставить совершенно служебную деятельность. Но как прискорбно знать вперед, что с уходом моим начнется в Военном министерстве ломка здания, стоившего двадцатилетних непрерывных трудов. В чем бы ни заключались замышляемые переделки в нашем военном устройстве, во всяком случае, теперешнее стройное здание будет расшатано на десятки лет*.

9-го мая. Суббота. – Утром ездил к великому князю Михаилу Николаевичу, чтобы проститься с ним, он уезжает на Кавказ сегодня вечером. Принял он меня вместе с графом Лорис-Меликовым, поэтому разговор был общий, бессодержательный. Позже заехал я к А.А. Абазе, который собирается ехать за границу на будущей неделе, откланявшись Государю в будущий понедельник. Потом были у меня Н.Х. Бунге, по случаю назначения его управляющим Министерством финансов, и Обручев, который прочел мне полученное им письмо от флигель-адъютанта Шепелева из Вены, касательно совершающегося в Болгарии переворота[318]. Шепелев смотрит на эти события с очень мрачной точки зрения. Дела болгарские невольно навели наш разговор с Обручевым на собственное наше современное положение, и когда мы затронули будущность, ожидающую военное ведомство с моим удалением, то оба были глубоко растроганы. В последние годы Обручев был для меня одним из самых полезных и даровитых сотрудников. Если с выходом моим устранят и его, если не воспользуются таким человеком, каких у нас очень немного, то будет и жалко для России, и постыдно для нового правительства.

опять призвать нас к деятельности (!?). Такая ребяческая мысль могла быть, очевидно, внушена ему окружающими его хитрыми интриганами.

Кроме того, опять-таки по рассказу графа Лорис-Меликова, Государь, говоря о моем отказе принять должность на Кавказе, прибавил, что я, однако ж, не просил об увольнении от должности военного министра, и затем будто бы упомянул о необходимости каких-то значительных преобразований в военном ведомстве, на которые я, конечно, не могу согласиться. Если такие слова были действительно высказаны Государем, то они крайне меня удивляют: неужели же он не понял меня, когда я так настойчиво просил дать мне полный отдых».

* *Первоначальный текст после слов «оставить совершенно служебную деятельность»*: «Я унесу лишь одно сожаление, прискорбное чувство, если после моего выхода начнется в Военном министерстве ломка, которая, во всяком случае, на десятки лет произведет хаос и расшатает наши военные силы».

11-го мая. Понедельник. – Сегодня последнее заседание настоящей сессии Государственного совета. Приехав туда, я заметил, что между некоторыми членами и статс-секретарями происходило какое-то шушукание, и вскоре узнал, что речь шла о неожиданном решении Государя по делу об уменьшении выкупных платежей с бывших помещичьих крестьян[319]: Государь решил согласно с мнением трех членов соединенных департаментов (Игнатьева, Островского и Победоносцева) против большинства и вопреки единогласного мнения общего собрания! Такое решение произвело общее смущение и удивление: председатель Совета, великий князь Константин Николаевич, сказал мне, что затрудняется даже формулировать высочайшую резолюцию, так как разногласие в департаментах по одной части дела не нашло даже себе места в окончательном постановлении общего собрания. Дело в том, что в этом собрании говорил против законопроекта (и то лишь по одной частности) только граф Шувалов, который при отобрании голосов не был никем поддержан; Игнатьев же и Островский даже не раскрывали рта, а Победоносцев вовсе не присутствовал в заседании, но именно в этот самый понедельник он занимался в Гатчине сочинением пресловутого манифеста. По всем вероятиям, он и воспользовался случаем, чтобы растолковать дело по-своему. Таким образом, внушения одного интригана переиначивают работу целой комиссии специалистов, прошедшую чрез соединенные департаменты и единогласно одобренную общим собранием Государственного совета![*] Стоит ли после того[**] рассуждать и спорить в заседаниях!

Великий князь Константин Николаевич сегодня же вечером уезжает в Крым. Он не скрывает своего негодования, хотя не теряет еще надежды на лучшие времена. «Теперь же, – сказал он мне, – человек самого себя уважающий не может здесь оставаться».

Сегодня утром Абаза откланялся Государю, но мне еще неизвестно ничего о том, как обошлось его представление.

Говорят, что место военного министра предлагали Альбединскому, который будто бы отказывается.

---

[*] *Первоначальный текст после слов «...он занимался в Гатчине сочинением пресловутого манифеста»*: «Очевидно, что он-то и наговорил там всякую дребедень, которой, может быть, не решился бы излить в общем собрании Государственного совета. Его широковещательные прорицания оказались достаточными, чтобы остановить <извратить> все дело, выработанное целой комиссией специалистов, прошедшее чрез соединенные департаменты и единогласно одобренное общим собранием Государственного совета!».

[**] препираться в Совете!

12-го мая. Вторник. – Сегодня при докладе моем Государь был разговорчивее обыкновенного и* обходительнее, несмотря на то, что мне пришлось по нескольким докладам, возвращенным от него вчера с отказами в разрешении, объяснить ему неправильность его резолюций и просить об изменении их. Довольно долго Государь говорил о предположениях своих относительно перемен в форме обмундирования, и так как все эти предположения вообще клонятся к облегчению и упрощению военного костюма, то я и не мог иначе выражать свое мнение, как в смысле полного** сочувствия. Но после всего я решился снова навести речь на свою просьбу об увольнении от должности. Государь, видимо, ожидал моего вопроса и сказал мне:

– Я очень сожалею, что должен лишиться вашей опытности; но что же делать? Не считаю себя вправе удерживать вас и понимаю, что вам нужно отдохнуть и поправить свои силы, истощенные 20-летним трудом.

– Могу ли я рассчитывать, что увольнение мое последует в скором времени?

– А как вы желали бы?

– Как только изволите признать возможным***.

– Но кому же вы могли бы передать временно управление министерством?

– Обыкновенно при временных отлучках передавал я большую часть своих обязанностей графу Гейдену, но в настоящее время граф Гейден сам просит об увольнении его, о чем я уже ходатайствовал пред Вашим Величеством.

– Да, на это я уже и согласился, я имею в виду назначить графа Гейдена членом Государственного совета, а потом – генерал-губернатором финляндским, но кто же старший после графа Гейдена?

– Всех старше, и даже старше самого графа Гейдена, граф Баранцов, а затем Исаков и Кауфман; но позвольте доложить Вашему Величеству, что я нахожу крайне неудобным для хода дел передавать министерство кому-нибудь на короткое время; было бы гораздо лучше, если б Ваше Величество прямо назначили мне преемника, который и вступил бы во все права и обязанности министра.

– Но в настоящее время я не остановился еще ни на ком.

---

* даже

** одобрения

*** *Первоначальный текст этой фразы*: «По возможности, в течение этого месяца».

П.С. Ванновский

Несколько секунд молчания. Я был несколько удивлен после того, что слышал о готовившемся уже в течение нескольких недель замещении меня. Я решился прямо поставить вопрос:

– В городе много говорят об Альбединском.

– Да, я знаю; но мне кажется, что он не совсем годится на такую важную, обширную и сложную должность. Боюсь, что он несколько легко смотрит на дела.

– Однако ж позвольте доложить Вашему Величеству, что Виленский округ был при нем образцовым округом: нигде войска не были доведены до такого совершенства в тактическом образовании; администрация ведена была примерно; Альбединский лично во все вникает и обо всем заботится.

– Это справедливо, войска Виленского округа были очень хороши, но Альбединский нужен и в Варшаве; кем же его там заменить? А я думал о другом – о Ванновском.

– Конечно, Ванновский дельный и умный генерал, но* он моложе в чине весьма многих из начальствующих лиц в министерстве.

– Но ведь и вы сами при назначении министром были моложе многих, даже чуть ли не были еще генерал-майором?

– Нет, я был уже несколько лет в чине генерал-лейтенанта, и старше меня в министерстве были только барон Ливен, занимавший тогда должность генерал-квартирмейстера, и Баранцов, который, впрочем, был тогда не прямым моим подчиненным в качестве начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера. Барон Ливен вскоре после моего назначения и был отчислен от должности с назначением в Государственный совет, а Баранцов и до сих пор остается моим подчиненным, хотя и старше меня. Но мы с ним всегда были на товарищеской и дружеской ноге.

– Полагаю, что Баранцов во всяком случае не пожелает остаться на своем месте, кто бы ни был назначен министром. Он уже очень устарел и слаб.

– Затем остаются еще полные генералы: Исаков и Кауфман.

– Да, это просто беда, что у нас так много полных генералов: все генерал-губернаторы, начальники военных округов. Но ведь Исаков занимает совершенно самостоятельную должность.

– Нет, Государь, он точно так же подчинен прямо министру, как и все другие начальники главных управлений. Скажу даже, что я лично весьма много входил в дела военно-учебных заведений и с любовью занимался этою частию. Я должен сказать, что сам имел виды на генерала Ванновского именно для замещения, на случай надобности, Исакова.

– Это правда, Ванновский был некогда начальником военного училища. Но он годился бы на всякое место.

– Первое и самое важное условие при выборе лица на должность военного министра, конечно, заключается в том, чтобы лицо это пользовалось полным** доверием Вашего Величества.

– В этом-то отношении Ванновский вполне подходит; я близко узнал его, когда он был моим начальником штаба в Рущукском отряде. Тогда его упрекали только в одном, что он тяжел для подчиненных. Но это, пожалуй, и не худо, а притом говорили, например, в свое время и о Дрентельне, будто он слишком строг и даже груб; а теперь находят его слишком добродушным и мягким.

– Если выбор Вашего Величества остановится окончательно на Ванновском, то я буду об одном убедительно просить – обратить

---

* ведь

** неограниченным

милостивое Ваше внимание на моих ближайших сотрудников, которые не могут остаться на теперешних своих местах. Позвольте надеяться, что Ваше Величество всех их пристроите достойным образом; все они усердно, полезно и много потрудились вместе со мною и, точно так же как и я, нуждаются в отдыхе. Притом нельзя не сознаться, что для пользы службы даже нежелательно, чтобы должность была занята слишком долго одним лицом; необходимо по временам освежать персонал. Я сам на себе чувствую, что есть известный предел, долее которого человеку не следует оставаться на своем месте. Вот это и дает мне смелость настаивать на моем увольнении.

– Да, вы долго и много трудились; но вы имеете утешение в собственном сознании, что эти 20 лет не прошли без пользы; все отдают справедливость тому, что сделано в эти 20 лет. Армия наша и администрация совсем уже не те, какие были 20 лет назад. Последняя война вполне это выказала. Осуждали, конечно, интендантскую часть, но вся беда была от несчастного этого товарищества[320], в котором Военное министерство совершенно неповинно; у меня в Рущукском отряде все шло прекрасно, потому что товарищество было устранено. Все же, что зависело от Военного министерства, оказалось вполне удовлетворительным.

– Мне отрадно слышать такую оценку; искренно желаю, чтобы все то, чего не успел я сделать, было исполнено моим преемником.

– Надобно мне подумать, сообразить. Спишусь с Ванновским.

– Буду ожидать окончательных приказаний Вашего Величества.

На этом разговор прервался; Государь позвонил и пригласил Гирса. Я не мог притти в себя от изумления. Все, что я слышал теперь от Государя, не клеилось с тем, что слышал до сих пор, и, в особенности, с теми словами его, которые передавал мне граф Лорис-Меликов*. Как согласовать такие противуречия: с одной стороны, признается необходимым мое удаление с занимаемого поста, дабы предпринять какие-то коренные преобразования по военной части; с другой же – все сделанное мною для лучшего устройства этой части восхваляется, и выражается сожаление о моем удалении!**

---

* Неужели же <было умышленно со стороны> он говорил мне неправду из каких-нибудь корыстных побуждений? Но нет, не могу допустить такого предположения. Но, с другой стороны, все-таки нельзя <?> заподозрить со стороны Государя такую <?> крайнюю <?> двуличность? *(Эти строчки тщательно зачеркнуты Д.А. Милютиным и читаются лишь предположительно. — Прим. публ.).*

** Право, ничего не понимаю. Тут какое-то недоразумение или мистификация. *(Первоначальный текст от слов «такие противуречия» до фразы «Право, ниче-*

Доклад Гирса прошел обычным порядком. Поговорили о происшествиях в Болгарии и решили дать наставления предприимчивому князю и его главному советчику Эрнроту в смысле укращения их наклонности к насильственным мерам. Мысль Эрнрота об образовании Государственного совета из «иностранцев» положительно отвергается нашим правительством[321]. Прочитаны были новые депеши Сабурова о ходе переговоров его с Бисмарком и Гаймерле, а затем заготовленный Гирсом ответ касательно предложенных Австриею новых перемен в редакции дополнительного к трактату акта. Государь по-прежнему не ожидает особенной пользы для нас от этих договоров; Австрия, очевидно, преследует свои эгоистические* цели. Бисмарк успокаивает Сабурова, уверяя, что Австрия подавится, проглотив Боснию, Герцеговину и санджак Новобазарский[322]. «L'Autriche a un grand appétit, mais une mauvaise digestion** Сабурову отвечают от нас. «Nous ne voulons pas servir les plats pour satisfairre l'appétit de l'Autriche***.

По окончании политической части доклада Гирса я встал и, когда Государь подал мне руку, я сказал ему: «Итак, позвольте мне ожидать приказаний Вашего Величества по моей просьбе». На что он ответил: «Но я надеюсь, что вы *еще* приедете ко мне в будущий вторник, а, может быть, я приглашу вас и ранее».

Я вышел из кабинета вполне довольный сегодняшним разговором. Таким образом, удаление мое со сцены решено бесповоротно, и притом ухожу без ссоры, без злобы. В соседней с кабинетом комнате ожидали казаки, одетые по новой форме. Я представил их Государю и получил еще некоторые приказания. Лишь только возвратился я в отведенную мне комнату гатчинского дворца, приходит ко мне Гирс, совсем взволнованный. Слышанные им последние слова Государя при выходе моем из кабинета изумили его. Хотя он прежде знал о моем намерении оставить место, однако ж никак не думал, что дело так подвинулось к окончательной развязке. Гирс тронул меня своим искренним участием; благодарил за дружеские отношения наши в продолжение более пяти лет совместной работы, в самые трудные для нашей дипломатии времена. Сам он остается в прежнем неловком, неопределенном

го не понимаю» тщательно зачеркнут Д.А. Милютиным и не поддается прочтению. — Прим. публ.).

* честолюбивые. Все эти вопросы Государь трактует слегка, беззаботно.

** У Австрии большой аппетит, но плохое пищеварение (*фр.*).

*** «Мы не хотим подавать Австрии блюда, чтобы удовлетворить ее аппетит» (*фр.*).

служебном положении. Старый эгоист князь Горчаков намерен приехать в Петербург, и по всему видно, что вовсе не думает об оставлении своего поста. Со стороны же Государя незаметно намерения решить вопрос: кто же, наконец, русский министр иностранных дел?

13-го мая. Среда. – Приезд старшей дочери моей Елизаветы из Закаспийского края, после целого года отсутствия.

В обычное время – заседание Военного совета. Потом заехал я к графу Адлербергу, который присылал утром спросить, когда может застать меня, чтобы переговорить об одном деле. Я полагал, что он имеет передать мне какие-нибудь приказания Государя, полученные вчера после моего доклада (я знал, что граф Адлерберг был вчера в Гатчине). Оказалось, что ему нужно было переговорить со мной об увольнении от должности его брата графа Николая Владимировича, финляндского генерал-губернатора. Дело это окончательно решено, и мы только переговорили о порядке исполнения. Но затем разговорились о теперешнем положении дел и невольно вошли в самые откровенные излияния. Я рассказал подробно все, что было со мной, также с графом Лорис-Меликовым и Абазой. Граф Адлерберг также рассказал мне то, что касалось его, и рассказ его был чрезвычайно любопытен. Выходит, что и ему пришлось испытать на себе довольно странные неожиданности. При одном из недавних докладов в Гатчине граф Александр Владимирович, по случаю объяснений с Государем об увольнении от должности графа Николая Владимировича Адлерберга, решился спросить: «Не пора ли и мне просить об увольнении?». На это получил он самые успокоительные заверения, что он оказал столько услуг царскому дому, считается другом семейства и т. д. Успокоенный этими любезностями, граф Адлерберг представил Государю обычный свой годичный отчет о состоянии сумм, так заботливо, хотя и с грехом пополам, накопленных бароном Кистером в кассе Министерства двора. При этом он, конечно, надеялся получить такую же благодарность и похвалу, какие ежегодно получал в резолюциях покойного Государя на прежних отчетах. Вместо того на другой день получает он обратно отчет с надписью: «Читал, но не могу сделать никакого заключения, не имея ясного понятия о всем этом деле». Вместе с тем получена записка государева приблизительно такого содержания: «После вчерашнего нашего разговора я обдумал и нахожу, что действительно для Вас было бы удобнее теперь оставить должность министра двора, так как я считаю нужным сделать в этом ведомстве большие преобразования». Понятно, что граф Адлерберг был поражен и резолюцией на отчете и еще более запиской: как же

Граф А.В. Адлерберг

согласовать их со вчерашними любезностями?* Граф Адлерберг все-таки поехал в Гатчину, как было назначено ему, и, разумеется, прямо заговорил о своем увольнении. К новому удивлению своему, он услышал такие речи: «Не принимайте вчерашнюю мою записку за требование, чтобы вы теперь же оставили место; нет причины торопиться, тем более что у вас на руках еще серьезная работа недоконченная; но я счел нужным только вас предварить теперь же, когда мы можем расстаться совершенно дружески, без всяких неприятностей; а кто знает, что может быть в будущем!?»... Можно представить себе, какое действие произвели подобные странные объяснения на человека, привыкшего с малолетства считаться человеком домашним, другом в царской семье.

Коснувшись этих отношений своих, граф Адлерберг рассказал мне некоторые весьма любопытные подробности о последних годах или, лучше сказать, последнем годе жизни покойного императора и отношениях своих с княгиней Юрьевской. Граф Александр Владимирович убежден, что официальное положение его при дворе, несмотря на дружеские, почти братские отношения к импера-

* и как же замышлять преобразования в ведомстве, когда, по собственному сознанию, не знаешь дела?

тору Александру Николаевичу, сделалось* невозможным: «Если б не было даже катастрофы 1-го марта, то я все-таки не был бы теперь министром двора», – сказал граф Адлерберг. Покойный Государь был совершенно в руках княгини Юрьевской, которая довела бы Государя до самых крайних безрассудств, до позора, а княгиня ненавидела графа Адлерберга и была озлоблена на него. Тут он рассказал мне первую свою странную встречу с этой женщиной и некоторые эпизоды, предшествовавшие браку покойного Государя. Вот приблизительно его рассказ:

«Покойный Государь до самой кончины императрицы постоянно избегал всяких разговоров со мной относительно связи своей с княжной Долгорукой, и я** вовсе не был с нею знаком. Конечно, мне было все известно, но по какому-то чувству приличия, по какой-то утонченной деликатности при наших, могу сказать, дружеских отношениях с самого детства Государь ничего мне не говорил об этом щекотливом предмете, а я показывал вид, что ничего не знаю. Доходило до того, что когда Государь решился переместить княжну Долгорукую в Зимний дворец, он призвал к себе заведывающего дворцом генерал-майора Дельсаль и дал ему непосредственно все приказания, прибавив, чтобы мне ничего об этом не говорил. Само собою разумеется, что приказание это не могло быть исполнено в точности: Дельсаль не мог сделать без моего*** ведома никакого распоряжения. Тем не менее я был признателен Государю за его деликатность в отношении ко мне. Так продолжалось до того времени, когда с приближением 40-го дня после кончины императрицы, Государь в первый раз решился заговорить со мной о княжне Долгорукой и вдруг, к великому моему изумлению, объявил о своем намерении**** вступить с нею в брак. Я был крайне возмущен таким намерением, доказывал ему все вредные последствия его, отговаривал всеми возможными аргументами. Государь, со своей стороны, доказывал необходимость предположенного брака, считая***** себя обязанным к этому чувством чести, совести и религии. Он горячился, волновался, и горячий наш спор продолжался более часа. Казалось, что мне удалось****** поколебать его. Но чрез несколько дней, когда минул 40-й день, Государь при одном из

---

* в последнее время невыносимым.

** никогда

*** разрешения

**** жениться на ней

***** это делом чести

****** несколько

моих докладов снова поразил меня, объявив свое решение не отлагать долее исполнение намерения* и совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив все неприличие такого поступка до истечения годичного срока после кончины императрицы. Во все время, что я говорил, Государь сидел молча, бледный, смущенный, руки дрожали; вдруг он встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату. Я в полном недоумении соображаю, что остается мне делать, и намеревался также уйти, как вдруг отворяется снова дверь, и входит женщина; за нею вижу фигуру Государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь. Странное было мое положение – очутился лицом к лицу с женщиной, с которою приходилось мне говорить в первый раз и которая напустилась на меня с резкими упреками за то, что я отговариваю Государя от исполнения долга чести. Я вынужден был возражать ей, так что между нами произошла** бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго. Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась, и показалась голова Государя, который кротко спросил, пора ли ему войти. На это княжна*** с горячностью ответила: "Нет, оставь нас докончить разговор". Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив всю свою злобу на меня, вышла из кабинета. Вскоре после этой сцены совершился брак, и затем вы знаете, что было: поездка в Крым, тягостное для всех нас пребывание в Ливадии, затем с каждым днем все усиливалось влияние княгини Юрьевской, злоба ее против меня и невыносимое мое положение. Трудно сказать, до чего могла бы довести Государя эта женщина, нахальная и вместе с тем глупая и неразвитая! Вот почему я и сказал, что мученическая кончина Государя, быть может****, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала».

Рассказ этот показался мне так любопытным, что я решился занести его в свой дневник. Быть может, чрез многие годы будущий историк воспользуется им, как драгоценным материалом для изображения переживаемой нами эпохи.

Сегодня утром уехал за границу А.А. Абаза. Мне не удалось проститься с ним и узнать подробности последнего его свидания с

---

* и жениться неотлагательно

** горячая

*** дерзко и

**** спасла его от унизительного и бесславного конца блестящего царствования.

Государем. Но он поручил сестре своей Вере Аггеевне передать мне некоторые сведения. Государь старался быть любезным, объяснял необходимость манифеста, и, в оправдание своего решения помимо министров, сваливал вину на графа Лорис-Меликова, который будто бы сопротивлялся всякому подобному заявлению* высочайшей воли. Это обвинение прежде уже доходило до Лорис-Меликова, который уверял, что никогда не было речи о каком-либо манифесте.

14-го мая. Четверг. – Утром было у меня совещание по вопросу о новой границе между Закаспийскою нашею областью и Персией[323]. Участвовали: генерал Скобелев, Гирс, Мельников, Обручев, Анненков и Соболев. Совещание кончилось только к 6 часам, и потому я пригласил Скобелева остаться отобедать в нашем семейном кружке, собравшемся по случаю годовщины свадьбы младшей моей дочери Гершельман.

Княгиня Юрьевская оказала неожиданную любезность Гирсу и мне: она прислала каждому из нас на память о покойном императоре пуговички, которые он обыкновенно носил на рукавах рубашки. Поеду завтра же благодарить за такое любезное внимание.

15-го мая. Пятница. – Утром ездил по разным делам, заехал в Зимний дворец, чтобы расписаться в книге княгини Юрьевский, и к графу Валуеву, чтобы переговорить с ним об исполнении данного мне, как председательствующему в Комитете по делам Царства Польского, высочайшего повеления относительно упразднения этого комитета[324].

Возвратившись домой, я нашел записку великой княгини Ольги Федоровны, приглашавшей меня к себе между 1 и 3 часами. Я немедленно же поехал к ней и просидел у нее более часа. Она возымела желание поговорить со мной о современных событиях и толках, без сомнения, чтобы сообщить самые свежие новости великому князю Михаилу Николаевичу прежде назначенного сегодня же переезда на дачу. Мы передали друг другу, что знали и слышали**.

16-го мая. Суббота. – Сегодня минуло ровно 20 лет с назначения меня управляющим Военным министерством. Я узнал об этом только по статье, помещенной в нынешнем № газеты «Наше время».

---

* народу

** и я не счел нужным стесняться в выражении своих мнений насчет происходящих теперь несообразностей.

Утром навестил я в последний раз Инженерное училище и Пажеский корпус. Я не мог скрыть грусти своей, прощаясь с юношеством, к которому чувствую сердечное влечение. Когда я сошел с лестницы училища, собравшиеся в сенях юнкера внезапно подхватили меня и с криками «ура» вынесли на руках и посадили в экипаж. Я был растроган до слез и расцеловал тех мальчиков, которые ближе теснились около меня. Признаюсь, что из всех частей оставляемого мною военного управления более грустно мне покинуть военно-учебные заведения, которыми я занимаюсь с любовью.

Вл[адимир] Павл[ович] Титов заехал ко мне, очевидно, с тою целью, чтобы выпытать у меня подробные сведения о нашем «министерском кризисе».

17-го мая. Воскресенье. – Начал заниматься укладкою вещей. К 2 часам отправился в Военно-юридическую академию на публичный акт, назначенный по случаю первого выпуска окончивших курс 12 офицеров и 5 классных чинов.

Приезжал ко мне генерал Ванновский, чтобы передать мне вчерашний свой разговор с Государем в Гатчине. Ванновскому положительно объявлено о назначении его на мое место, и при этом было выражено требование, чтобы он первою своею целью поставил сокращение расходов на военную часть. Затем относительно замещения некоторых из оставляющих свои места начальников главных управлений Государь, между прочим, коснулся замещения графа Гейдена и, к сожалению, выразил какое-то нерасположение к генералу Обручеву, на которого Ванновский указал, как на кандидата в начальники Главного штаба. Несомненно, Обручев был очернен пред государем окружающею его грязною интригой. Хотят решительно оттолкнуть всех людей способных.

18-го мая. Понедельник. – Утром ездил в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, чтобы распроститься с юношами и начальством. Во всех заведениях нахожу трогательное сочувствие и выражения сожаления о моем удалении.

В Государственном совете было последнее собрание для подписания журналов предшествующего заседания. Затем некоторые из министров под председательством графа Валуева собрались в помещении Комитета министров для предварительного обсуждения вопроса об упразднении Комитета по делам Царства Польского. Вопрос этот назначен на завтрашнее заседание Комитета министров.

Сегодня утром приехал князь Сергей Шаховской, жених старшей моей дочери[325], и* провел у нас большую часть дня.

19-го мая. Вторник. – Главным предметом моего доклада сегодня были новые назначения и увольнения от должностей: я испросил окончательные повеления относительно объявления в приказе как о себе самом, так и графе Гейдене, графе Адлерберге, генерале Ванновском. При этом случае я представил Его Величеству доклад обо всех моих ближайших сотрудниках, чтобы вперед обеспечить почетное оставление ими занимаемых ныне должностей. Государь был весьма любезен и по окончании моего доклада сказал мне, что просил бы меня, уходя из министерства, изложить мои мнения о том, какие было бы возможно сделать сокращения в военных расходах. Я объяснил Государю, что в течение 20 лет много раз поднимался этот вопрос, и если б я видел какое-либо средство к разрешению задачи, то, конечно, давно привел бы в исполнение. Затем объяснил, что значительное уменьшение военной сметы не иначе возможно, как чрез значительное сокращение вооруженных наших сил; сокращение наличного в мирное время состава их неизбежно ведет и к пропорциональному уменьшению сил в военное время; затем я спросил самого Государя, в таком ли положении европейская политика, чтобы мы могли без опасений ослабить нашу военную силу, ввиду все возрастающих и совершенствуемых сил наших западных соседей и всех других европейских государств. Государь не нашел никаких возражений, и разговор прекратился без всякого результата.

После моего доклада я присутствовал по обыкновению при докладе Гирса. Это *последний* мой доклад у Государя. Засим мне остается только приехать еще раз в парадной форме, чтобы откланяться Их Величествам.

20-го мая. Среда. – Трогательное прощание с 1-ю, 2-ю и 3-ю военными гимназиями и с прогимназией. Некоторые из воспитателей и преподавателей плакали; конечно, и я не мог не прослезиться.

Приступил к скучной работе укладки и уборки для очищения занимаемого мною казенного дома.

22-го мая. Пятница. – Генерал Ванновский приехал ко мне в 10 часов утра и вручил высочайший рескрипт, при котором пожалован мне знак с двойным портретом императоров Александра II и Александра III[326]. Самый знак еще не изготовлен, но ре-

* разумеется

скрипт редактирован в самых лестных для меня выражениях. Мы с Ванновским переговорили о порядке передачи дел, о представлении нашем Их Величествам и т. д. и т. д.

В 2 часа была панихида в крепости по случаю годовщины кончины императрицы Марии Александровны. Встретился тут со многими лицами всех рангов и ведомств. Мне было приятно замечать общее сочувствие к моему образу действий: все как будто хотели выразить и сожаление о моем удалении со сцены, и одобрение моего решения уступить место свое другому. Подобные выражения получаю отовсюду и на словах, и письменно, в особенности от сослуживцев моих и воспитанников военно-учебных заведений. Являлись ко мне депутации от военных гимназий; просят у меня фотографических карточек.

23-го мая. Суббота. – Ездил в последний раз в Гатчину, чтоб откланяться Их Величествам. В одном со мной вагоне ехали граф Гейден, Ванновский, Баумгартен, Головнин, Оом, дочь моя Елизавета со своим женихом князем Шаховским. Прием Государя был любезен, но холоден; он благодарил за мою службу; я же благодарил за милостивый рескрипт; затем несколько минут продолжался разговор почти бессодержательный. Прием императрицы был также благосклонный и также натянутый. Ее Величество, между прочим, высказалась насчет моего удаления со сцены*: «Cela c'est fait avec tant calme»**. Уже прежде*** доходило до меня, что в Гатчине довольны мною в особенности за то, что я ухожу без «скандала», так сказать****, мирно, в противуположность резкости Абазы и графа Лорис-Меликова*****. В заключение приема, когда Ее Ввеличество спросила, имею ли я намерение, отдохнув в Крыму, возвратиться в Петербург, я отвечал: «Cela dépendra des circonstances»******.

Сегодня же представлялась Государю текинская депутация, во главе которой известный Тыкма-Сардар. Но я не счел уже

---

* *Первоначальный текст после слов «я же благодарил за милостивый рескрипт»*: «и затем разговор переходил с одного предмета на другой. Прием императрицы был еще менее интересен: она весьма наивно высказала удовольствие по поводу моего полюбовного удаления со сцены:».

** Это прошло так спокойно (*фр.*).

*** я слышал от многих посторонних

**** дружелюбно

***** Этому воззрению я обязан любезным приемом. Я и сам мог подметить такое впечатление при последних приемах Государя, но не ожидал, что прямо об этом услышу en toute letter (откровенно, — *фр.*) из уст императрицы.

****** Смотря по обстоятельствам (*фр.*).

нужным присутствовать при этом представлении и вообще прекратил с нынешнего дня служебные свои занятия по министерству*.

24-го мая. Воскресенье. – В 11 часов утра прощание с Военным министерством и представление старших чинов министерства генералу Ванновскому в залах канцелярии Военного министерства. После нескольких сказанных мною слов и прочтения моего прощального приказа я обошел членов Военного совета, начальников главных управлений и помощников их. Мне казалось, что** многие были растроганы столько же, как и я. Генерал Ванновский остался после моего отъезда, а я заехал расписаться у особ императорской фамилии, остающихся пока в городе. Множество лиц приезжало ко мне расписаться или оставить визитные карточки.

29-го мая. Пятница. – Свадьба моей дочери Елизаветы с князем Сергеем Шаховским. Все последние дни прошли в прощальных визитах, в приготовлениях к свадьбе, в хлопотах по укладке вещей для отправления в Крым. Отовсюду продолжаю получать заявления сочувствия и сожаления об оставлении мною должности военного министра. Я же все более доволен и рад тому, что решился на этот шаг, слыша рассказы о*** том, что происходит в высшей официальной сфере.

30-го мая. Суббота. – Ездил в Царское Село откланяться великому князю Владимиру Александровичу. Провел часа два у А.В. Головнина на его даче в Софии.

31-го мая. Воскресенье. – Все утро возился с укладкой; вечером же собралось обычное наше воскресное общество в большем числе, чем обыкновенно. Некоторые из гостей поднесли жене моей прекрасную серебряную вазу с букетом цветов; на вазе награвированы имена участвовавших в этом**** любезном приношении: граф Ф.Л. Гейден и сын его Николай, граф Баранцов, Конст[антин] Ив[анович] Домонтович, генералы: Обручев, Драгомиров, Лаврентьев, Зыков, Лобко, князь Гагарин, князь Трубецкой, Веймарн, Брок, полковники Боголюбов, Арапов и Лярский, капитаны Мартынов, Евреинов и Хвощинский. В числе гостей сегодня был черногорец Божидар Петрович Негош, который передал мне желание княгини черногорской видеться со мной. Княгиня приехала

---

* Теперь главная моя забота — укладка и сборы к отъезду.

** весьма

*** происходящем в административном мире.

**** любопытном

только на днях за своею дочерью, окончившею курс в здешнем институте.

Нынешнее «воскресение» наше есть последнее в Петербурге, поэтому вечернее собрание имело характер прощальный.

3-го июня. Среда. – Все последние дни посвящены частию прощальным визитам, а большею частию укладке и приготовлениям к отъезду. Сегодня, между прочим, был я у княгини черногорской Милены, которая приняла меня весьма любезно, в несколько приемов передавала мне благодарность князя Николая за все, что было сделано в пользу Черногории со стороны русского Военного министерства; рекомендовала мне своего сына, 10-летнего мальчика, наследника черногорского престола[327]. Он имеет вид бойкого и умного мальчика; подошел ко мне с заученною речью на французском языке. Сама княгиня затрудняется говорить по-французски и часто сводит речь на свой родной язык. Но в этих случаях нам помогал Божидар Петрович, свободно выражающийся по-французски.

5-го июня. Пятница. – Вчерашний день в нашем доме имел печальный конец. Вечером собралось небольшое общество близких друзей, желавших провести с нами последний вечер пред нашим отъездом из Петербурга. В числе гостей была сестра моя Мария Алексеевна Мордвинова; она казалась спокойною и даже в лучшем, чем обыкновенно расположении духа. Около 11 часов вечера, в то время, когда она сидела вдвоем с моей женой и разговаривала с нею, вдруг схватилась за голову, привстала было со стула и мгновенно упала на пол без чувств. Послали за врачами в разные стороны; но долго никого из них не могли найти; приехавший, наконец, в исходе 1-го часа ночи пробыл несколько минут, дал кое-какие наставления и уехал*; между тем больная как будто очнулась, хотя не могла ни говорить, ни открыть глаз; но делала движения руками, головой, губами, как будто стараясь что-то сказать. К несчастию, это было только минутное облегчение; вслед за тем началась хрипота с явными признаками предсмертной, весьма тяжелой и продолжительной агонии; только в исходе 4-го часа ночи бедная страдалица испустила последний вздох и умолкла навеки. За несколько минут до ее кончины прибыл муж ее[328], проживающий отдельно с незаконной семьей. Он пожелал, чтобы тело покойницы было немедленно перевезено в ее собственную квартиру. Тяжелое было чувство, когда бездыханный труп сестры втаскивали в наемную карету и увезли, как неодушевленную вещь.

---

* а между тем привезли повивальную бабку

Малолетняя дочь умершей спала спокойно и только проснувшись утром узнала постигшее ее несчастье. Сегодня мы ездили два раза, утром и вечером, поклониться праху покойной. Мне передали оставленные ею на мое имя пакеты, в которых я нашел два ее завещания* несколько писем. Переписка эта оставляет грустное впечатление.

Кончина сестры заставляет отложить наш отъезд до понедельника. Похороны назначены в воскресенье.

7-го июня. Воскресенье. – Похороны сестры, в Александро-Невской лавре. Вечером обычное собрание у нас было немногочисленно; приехали только ближайшие друзья.

15-го июня. Понедельник. Симеис. – Вот я и в своем любезном приюте. Выехал из Петербурга в прошлый понедельник с большею частию семьи, оставив в Петербурге только жену с племянницей для окончательной укладки и очищения казенной квартиры. На воксале Николаевской железной дороги собралось довольно** много лиц, но проводы эти не имели вовсе официального характера***, зато отличались неподдельным радушием. Многие глубоко тронули меня своим непритворным выражением сочувствия, иные со слезами и**** дружескими объятиями.

В Москве мы пробыли три дня в ожидании приезда жены, которая также хотела провести там один день, чтобы познакомиться со свекром и свекровью старшей нашей дочери, князем Владимиром Львовичем и княгинею Александрою Павловною Шаховскими. Это вполне патриархальная и добродушная семья. Мы провели время в Москве в беспрерывных разъездах, в обществе Шаховских и Олсуфьевых[329], посетили могилы***** в монастырях Новодевичьем и Донском, любовались видом на Москву с Воробьевых гор и с Нескучного, осматривали величественный Храм спасителя и т. д. Три дня прошли незаметно******. В пятницу, 12-го числа, выехал из Москвы уже со всею почти семьей за исключением только сына и старшей дочери. (Зато присоединилась еще одна племянница, дочь покойной сестры Мордвиновой). Вчера, в воскресенье, 14-го числа, приехали утром в Сим-

---

* много писем ее мужа

** многочисленное собрание непременно хотевших проститься со мною при самом отъезде

*** все были запросто в сюртуках

**** теплыми

***** родственников

****** кроме только оставленной ими усталости.

ферополь, где провели несколько часов у сына, а к ночи того же дня прибыли в Алушту. Здесь выждали рассвета, и сегодня добрались в 11-м часу утра до Симеиса.

18-го июня. Четверг. – Первые дни по приезде в Симеис прошли в заботах первоначального домашнего устройства. Погода еще не очень жаркая. Вполне наслаждаюсь прелестью своего любимого уголка; забываю охотно все, оставленное в Петербурге, кроме только того радушия, которое было мне выказано в последние дни пред отъездом, не только людьми близкими, но и многими из числа казавшихся в отношении ко мне совершенно равнодушными.

Прежде чем мы успели здесь устроиться, посетили нас вчера графиня Тизенгаузен с баронессой Ниной Карловной Пиллар (из Кореиса), а сегодня Горбуновы (из Ливадии). Сегодня же ездил я в Орианду, к великому князю Константину Николаевичу. Я поспешил предупредить его посещение, возвещенное мне вчера баронессою Пиллар. Впрочем, не могло быть и сомнения в желании его скорее увидеться со мной, тем более, что я привез ему и передал еще в понедельник, в проезд чрез Ялту, несколько пакетов от А.В. Головнина с такими бумагами, которых не мог он доверить почте. Великому князю, конечно, было желательно услышать от меня словесные пояснения полученных им от Головнина известий*. И действительно, великий князь был очень рад моему приезду. Я застал его среди** негласной его семьи, с которою он живет в Орианде***. Однако ж, лишь только доложили обо мне, дамы и дети вышли в сад, а я остался вдвоем с великим князем. Он был в**** оригинальном костюме: широкие белые шаровары, поверх которых бумажная белая рубашка, подпоясанная шнуром, составляли все одеяние августейшего отшельника*****. После нескольких вопросов, лично касавшихся до меня, до моего путешествия, моей семьи, моих планов и проч., великий князь, как и следовало ожидать, перешел к общим вопросам о происходившем в

---

* обо всем происходившем в последнее время в Петербурге.

** незаконной

*** вовсе не скрытно, подражая в этом отношении примеру своего брата, покойного Государя, показывавшегося открыто с княгинею Юрьевскою, а прежде княжною Долгорукою и детьми ее.

**** странном

***** Великий князь извинился, что встречает меня в таком оригинальном костюме, конечно, очень удобном в жаркое время, но напоминавшем мне половых московских трактиров.

последнее время в Петербурге, или вернее, в Гатчине и Александрии, а затем сам рассказал мне все то, что касалось лично до него самого и что, впрочем, было уже мне большею частию известно чрез Головнина. Великий князь сравнивал свое положение с моим и находил существенное различие: по его мнению, я сам добровольно сошел со сцены и сошел с почетом; он же удален вопреки собственному намерению прямым высочайшим повелением, переданным официально чрез Головнина. Великий князь не скрывает своего огорчения и как будто удивляется устранению его от председательства в Государственном совете. «Я понимаю, – сказал он, – что племянник мой желал моего удаления от Морского министерства; по морской части мы явно расходились с ним во взглядах: но что касается Государственного совета, то никогда между нами не было разномыслия. В продолжение всего времени, что наследник цесаревич сидел рядом со мной в Государственном совете, всегда подавал он голос вместе со мной. Поэтому я никак не мог ожидать, чтобы он устранил меня* от общих дел государственных». Я откровенно высказал свой взгляд как на устранение великого князя Константина Николаевича, так и на все прочие перемены в личном составе: по моему мнению, все эти перестановки лиц вызываются двойственным побуждением: с одной стороны, переменою в общем направлении внутренней политики, с другой – личными симпатиями и антипатиями**; всякая личность, которая почему-либо*** несочувственна или неудобна, устраняется, а на место ее ставится личность более подходящая, свой человек****. Более двух часов мы беседовали на эту тему. Великий князь говорил о своих планах на зиму: он отказывается от предполагавшегося приезда в Петербург в августе месяце, к предстоящему 25-летнему юбилею управления его морским ведомством, и помышляет о поездке за границу. Прощаясь со мной, он сказал: «Теперь мы с вами оба опальные; будем же здесь чаще сходиться и делиться своими груст-

---

* не только от морской специальности, но и

** *Первоначальный текст после слов «так и на все прочие перемены в личном составе»*: «по моему мнению, все эти перестановки лиц мотивируются отнюдь не переменою в направлении политики, требованиями какой-либо новой программы правительственной деятельности, а просто-напросто личными, индивидуальными симпатиями и антипатиями».

*** претит, почему-либо неудобна — удаляется, а на место ее становится другая личность — своя <излюбленная>, приятная, своя, как говорится

**** Ce n'est pas plus fin, que cela (это очень просто, — *фр.*), — сказал бы француз.

ными мыслями». Я отвечал, что грустно не наше личное положение «в опале», а то, что делается вдали и помимо нас, грустно, действительно, положение России*.

24-го июня. Среда. – Дни проходят незаметно один за другим; в** дружной семье не может быть скуки даже и тогда, когда нет никакого дела. Встаю в 7 часов утра; гуляю час на своих очаровательных чаирах; в $8^1/_2$ часов вся семья уже собрана за чайным столом; затем все расходятся по своим углам и занимаются своими делами. В это время я пишу письма, разбираю свои бумаги, привожу их в порядок. В час пополудни обед. Затем чтение, или общее вслух, или про себя, особняком. В 5 часов чай, затем прогулка; в 9 часов ужин, а в 11 часов общество уже расходится на ночлег. Впрочем, редкий день проходит без посторонних посетителей. В соседстве с нами, в Мальцовском Симеисе, поселились на лето наши приятели Прянишниковы, муж с женой; надеемся пользоваться хотя изредка приятным пением соседа. Несколько дней провел у нас сын вместе с одним из офицеров его дивизиона князем Тумановым. Ездил и я к соседям: вчера в Кореис к графине Тизенгаузен и графине Сумароковой-Эльстон, а сегодня к князю и княгине Воронцовым. Вчера, пока я был с женой в Кореисе, удостоил меня посещением великий князь Константин Николаевич; его приняли мои дочери. Он очень любезен; два раза присылал сказать мне, что имеет верные случаи для доставления писем и посылок в Петербург. Но мне не пришлось воспользоваться этими предложениями.

25-го июня. Четверг. – В прошлую ночь получил я телеграмму за подписью директора Чесменской военной богадельни генерала Гана[330] с приветом от членов Военного совета, собравшихся вчера в богадельне по случаю годового ее праздника и вспомнивших за завтраком о бывшем председателе совета. Глубоко тронуло меня это выражение сочувствия и доброй памяти недавних моих сотоварищей.

Сегодня ездил я вторично в Орианду, чтобы поблагодарить великого князя Константина Николаевича за его посещение Симеиса. Застал его в том же костюме, как и в первое посещение. Беседа наша, продолжавшаяся более часа, вращалась преимущественно на общем положении дел в Петербурге, на отношениях между разными личностями высшей сферы, и, между прочим, о великих князьях – дядях и братьях Государя. По сведениям, получаемым в Орианде из Петербурга, великий князь Константин Николаевич

---

* и страшно подумать о том, что ожидает ее в будущем.

** многочисленной и

полагает, что молодой Государь желает вообще устранить от* дел старших его летами дядей, и что будто бы на этом основании уже оставлена мысль о назначении председателем Государственного совета великого князя Михаила Николаевича. Есть слух, будто на эту должность будет назначен великий князь Владимир Александрович. Также коснулись мы и отношений Государя к великому князю Николаю Николаевичу; при этом собеседник мой оправдывал своего брата по делу о приписываемой ему неуместной статье в «Nouvelle revue»[331], окончательно поссорившей покойного Государя с бывшим главнокомандующим действующей армией. Само собою разумеется, что Константин Николаевич основывает свои суждения на показаниях своего брата, который уверил его, что пресловутая статья была напечатана помимо великого князя Николая Николаевича и даже, «может быть, с враждебною против него целью». Но мне нетрудно было опровергнуть** такое толкование положительными данными. Не менее ошибочно мнение Константина Николаевича о существующих между нынешним Государем и Николаем Николаевичем отношениях. Опять-таки основываясь на словах этого последнего, собеседник мой предполагает, что нынешний Государь вовсе *не выказывал* ничего враждебного против Николая Николаевича. Да, может быть, и не выказывал прямо, сказал я, но это еще не значит, что расположен к своему дяде. Есть положительные факты, показывающие, что нынешний Государь еще более раздражен против Николая Николаевича, чем был покойный император, который имел, как всем известно, сердце несравненно более мягкое. Припоминаю и то, что во время войны тогдашний начальник Рущукского отряда говорил и *писал* покойному императору насчет главнокомандующего, и те выражения, которыми он в письме своем из Гапсаля к Лорис-Меликову заклеймил образ действий своего дяди по прочтении статьи его в «Nouvelle revue».

3-го июля. Пятница. – Давно не заглядывал в свой дневник, да и что мог бы я теперь заносить в него? Дневник мой мог еще иметь какое-нибудь значение, пока я был свидетелем и отчасти участником событий политических и общественных. Теперь же, удалившись от государственной деятельности в свой уединенный уголок, я стараюсь устраниться от всего, что творится в официальном мире, а потому и дневник мой по необходимости должен отныне войти в рамки домашней жизни.

---

* всех высших должностей

** решительно

Уединенная семейная жизнь, которую теперь я веду, совершенно соответствует моим вкусам и наклонностям. Счастье мое, что у меня нет и никогда не было честолюбия, а подавно – тщеславия*. Официальное положение и почет всегда были для меня тягостны. В своей служебной деятельности, постоянно напряженной и непрерывной, никогда не было у меня других побуждений, кроме только чувства долга; но всегда мечтал я о том, чтобы когда-нибудь достигнуть спокойной и независимой частной жизни. В последние 20 лет крайне тяготили меня придворные обязанности, с которыми связано было звание военного министра. Громадная работа, которая велась в Военном министерстве, часто тормозилась этими обязанностями. Приходилось большею частью вести дела второпях, действовать и говорить не всегда по своему убеждению, а применяясь к чужим взглядам; бороться с интригой, наговорами, сплетнями; встречать зачасто сопротивление от укоренившихся в царской семье и при дворе предрассудков и привычек. Не думал я сам, что выдержу двадцать лет такой жизни. Не раз приходила мне мысль просить увольнения от должности; раза два было даже очень близко до разрыва; но пока был жив покойный император, решимость моя разбивалась об его благодушие и кротость; в последние же пять-шесть лет своей жизни он стал в такие близкие, добрые отношения ко мне, что немыслимо было мне

---

* *Первоначальный текст после слов «заносить в него»*: «Дневник мой мог представлять еще какой-нибудь интерес, пока я был личным свидетелем и отчасти участником многого, что совершалось в высших политических и административных сферах, что <составит со временем> составляет достояние истории. Теперь же, с тех пор, как я сошел со сцены государственной деятельности и скрылся почти от мира в свой уединенный уголок, я стараюсь даже забыть все прошлое, совершенно отчужден от внешнего, политического мира; даже не веду ни с кем переписки и не получаю никаких других сведений, кроме газетных известий. Стараюсь даже удалить от себя всякие <впечатления> помышления о том, что творится в петербургском официальном мире, вовсе неприглядном. Поэтому дневник мой, носивший до сих пор характер вполне объективный, неизбежно примет преимущественно оттенок субъективный. Мне остается одно из двух: или совсем прекратить ведение дневника, или заносить в него не то, что делается вокруг меня, а разве только те <свои> впечатления, которые производят на меня те или другие известия <то или другое чтение и разговор>. Дневник мой по необходимости должен войти в рамки домашней жизни.

Уединенная семейная жизнь, которую теперь веду, совершенно соответствует моим вкусам и наклонностям. Вопреки мнению обо мне многих, не довольно близко знавших меня, я никогда не склонен к честолюбию, а еще менее к тщеславию».

покинуть его среди трудных, даже опасных обстоятельств того времени*. Только несчастная кончина его могла освободить меня от почетной кабалы, и я не замедлил воспользоваться первым случаем, чтобы вырваться из душной атмосферы на чистый воздух. Теперь только я, наконец, дышу свободно, наслаждаюсь полною независимостью, принадлежу самому себе и семье своей.

4-го июля. Суббота. – Прочел я в «Revue des deux mondes» (1-r avril) статью знакомого нам, русским, французского писателя

---

* *Первоначальный текст после слов «напряженной и непрерывной»*: «я видел только одно честное исполнение своего долга, но всегда мечтал я о том, чтобы когда-нибудь <насладиться> дожить до спокойствия и независимой частной семейной жизни. В особенности в последние 20 лет тяготила меня придворная жизнь; положение военного министра по необходимости ставило меня в постоянное и близкое соприкосновение с придворными личностями, и до конца не мог я свыкнуться с придворною обстановкой, придворными обязанностями и обычаями. Сфера эта всегда была мне до крайности антипатична. В самом исполнении прямых моих обязанностей по званию военного министра приходилось постоянно действовать и говорить не по своему убеждению, не по своему собственному воззрению, а применяясь к чужим убеждениям и воззрениям. <Беспрестанно приходилось выслушивать молча такие> Сколько раз спрашивал я свою совесть: хорошо ли я делаю, что остаюсь на своем месте, что не возражаю на мнения и понятия, диаметрально противуположные моим убеждениям, подчас даже явно превратные и односторонние. Но в продолжение двадцати лет при ежедневной почти работе с покойным Государем, вращаясь постоянно в окружавшей его среде, я имел достаточно опыта, чтобы убедиться в невозможности насколько-нибудь изменить или поколебать прочно укоренившиеся в царской семье и при дворе воззрения и предрассудки. Итти явно против них было бы безрассудно [*на полях Д.А. Милютин приписал карандашом: «донкихотство». — Прим. публ.*], борьба эта повела бы только к раздражению и <холодности> охлаждению, а чрез то я вовсе лишил бы себя возможности проводить хотя какую-либо часть своих планов и предположений по военному ведомству. Такая постоянная борьба с собственными своими мнениями и <подчинении другим> убеждениями подчас делала положение мое невыносимым. Не раз помышлял я об удалении от своего завидного для многих поста; но пока был жив покойный император, я не мог иметь достаточно силы воли, чтобы итти прямо на разрыв с ним: даже в тех двух или трех случаях, когда я имел прямые поводы к оставлению своего поста, я не сумел настоять на своем намерении и уступил <смирясь> пред обворожительною кротостью, добродушием и мягкостью самодержавного Государя. В последние же пять-шесть лет своей жизни он совершенно стал в такие ко мне близкие, могу сказать, добрые отношения, что несмотря на многое, претившее мне еще более прежнего в его действиях и <воззрениях> взглядах, я не мог уже и помышлять об удалении своем от дела среди трудных, даже опасных для него, обстоятельств».

Письменный стол
Д.А. Милютина в Симеизе

Anatole Leroy-Beaulieu под заглавием: «L'empereur Alexandre II et la mission du nouveau Tsar*». Статья заслуживает внимания. Автор, очевидно, пользовался хорошими источниками, чтобы так обрисовать личность покойного императора и объяснить многие явления его царствования личными свойствами** его. Мне даже сдается, что пером французского автора водила рука человека русского, близко знакомого с петербургским обществом. «Alexandre II possédait de nobles qualités de coeur et d'esprit, une âme naturellement généreuse, avec de hautes aspirations qu'avaient développées les maîtres de son enfance»... «C'était par-dessus tout un homme de bonne volonté, loyalement dévoué au bien de son pays; mais en politique, ni le bon vouloir, ni la loyauté ne suffisent; ce qu'il faut avant tout, c'est l'intelligence et le caractère, le coup d'oeil qui, au milieu de la

---

* «Император Александр II и миссия нового царя» (*фр.*).

** и характером его. Мне кажется, что объяснения его совершенно верны и должны быть приняты в соображение будущим историком императора Александра II. Несомненно, автор получил указания от кого-нибудь из русских людей, близко знакомых с личностью покойного Государя.

confusion des circonstances, découvre la voie à prendre; l'esprit de décision et de persévérance qui, le chemin une fois trouvé, le fait suivre à travers tous les obstacles jusqu'au but. Or, personne ne saurait le contester, Alexandre II était dénué de ces qualités souveraines, et, ne les ayant pas en lui-même, il n'a pu ou il n'a su les rencontrer autour de lui, dans un de ses sujets, dans un ministre dont il eût fait son Richelieu ou son Bismarck. Un tel homme eût existé près de lui, qu'Alexandre II eût été peu propre à le découvrir, et l'eût-il trouvé qu'il aurait été peu disposer à déléguer à l'un de ses sujets la meilleure part de son pouvoir»*...

[«Александр II был умен, благороден и великодушен по природе; у него были высокие стремления, развитые в нем наставниками его детства. Он был прежде всего честен и искренне предан благу своей страны; но в политике недостаточно одной только честности; тут прежде всего необходимы ум и твердый характер, необходим острый взгляд, который находит верный путь в сложных обстоятельствах, нужны решимость и настойчивость, чтобы идти по раз найденному пути к цели наперекор всем препятствиям. Никто, однако, не стал бы отрицать, что Александр II не только сам не обладал этими решающими качествами, но и не мог или не умел найти их в своих подданных – в министре, которого он мог бы сделать своим Ришелье или Бисмарком. Даже если бы такой человек и оказался в его окружении, Александр II не был бы в состоянии найти его, а если бы и нашел, то едва ли был бы склонен передать кому-нибудь из своих подданных большую часть своей власти» (*фр.*).]

«Il n'aimait pas laisser le pouvoir à des mains trop libres d'agir**, il craignait de donner à ses serviteurs carte blanche et ne s'irritait pas de les voir inquiéter ou molester dans la mission que lui-même leur avait confiée. Quoique épris de tranquillité et désireux d'assurer son repos personnel, il ne détestait pas, surtout dans les premières années, les luttes

---

* Все это совершенно верно. Покойный император получил такое воспитание и взрос в такой среде, что не мог в своих понятиях подняться на высоту современных политических вопросов и не имел довольно характера, чтобы систематически вести важные реформы, предпринятые им по внушению того или другого из лиц, временно пользовавшихся его доверием. Действительно, он был ревнив к своей власти, хотя по временам поддавался влиянию той или другой личности. Но то были временные увлечения, напоминавшие скорее прихоти молодой женщины, увлекающейся то одним, то другим любовником, и не решающейся предаться вполне ни одному из них. Стоит припомнить времена графа Петра Шувалова, а под конец — графа Лорис-Меликова.

** говорит справедливо Леруа-Больe

d'influence et les compétitions d'amour-propre; il ne lui déplaisait point que ses ministres se combattissent et se tinssent en échec les uns les autres. A ses yeux, c'était là, semble-t-il gage d'une sorte d'équilibre qui lui assurait mieux l'intégrité de son pouvoir»*.

[«Он не любил отдавать власть в руки людей слишком самостоятельных; он боялся предоставить своим слугам свободу действий и не возмущался ссорами и разногласиями среди них в делах, которые он сам же им поручил. Хотя он и жаждал покоя вообще и стремился обеспечить себе его лично, он не испытывал отвращения, особенно в первые годы, к борьбе влияний и самолюбий; ему даже нравилось, что его министры боролись между собой, мешая друг другу. Надо полагать, что, с его точки зрения, это было залогом своего рода равновесия и внушало ему уверенность в полноте его власти» (*фр.*).]

«Alexandre II a subi beaucoup d'influences de diverses sortes, publiques et privées, masculines et féminines, mais soit calcul, soit penchant naturel, il semble s'être attaché à ne pas tomber sous une influence unique, à ne point subir le joug d'un ascendant dominateur. Si quelques personnes de son entourage ont gardé sur lui, jusqu'au bout, un

---

* Это совершенно верно: считаю себя вправе засвидетельствовать это, испытав на себе самом указанную французским автором систему действий покойного Государя. Как же мне не вспомнить при этом тяжелые для меня эпохи борьбы с графом Петром Шуваловым, потом с фельдмаршалом князем Барятинским, далее с графом Толстым и проч. и проч. К <портрету, представленному французским автором, могу, к крайнему своему сожалению,> словам автора могу, к сожалению, добавить еще одну черту характера покойного Государя: это его скрытность и даже двуличность, или фальшивость. В этой черте <напоминал он> заключается еще одно сближение императора Александра II с его дядей, императором Александром I, с которым сравнивает его и французский автор. Так же, как дядя, император Александр II был подозрителен и подчинялся влиянию сплетней, интриг и кляуз, сам того не замечая. Вместе с тем в нем была своего рода хитрость. Этим объясняются неровности в его обращении с лицами, имевшими с ним близкие отношения: то выказывал он им полное доверие, осыпал милостями, самыми любезными знаками внимания, то вдруг держал себя холодно, сдержанно. Так, по крайней мере, испытал я на себе и замечал на многих других. Подметив эту черту с первых же лет моего управления Военным министерством, я должен был постоянно держать себя весьма осторожно как во всех своих действиях и поступках, так и в разговорах и объяснениях не только с самим Государем, но и с окружающими его. Иногда бывало крайне неприятно и обидно при объяснении дела Государю читать в его глазах недоверие, подозрение. Случалось не раз, что только впоследствии находил я ключ загадочного этого сомнения: оказывалось, что кто-нибудь успел уже наговорить ему против меня и моих замыслов.

pouvoir incontestable, c'étaient des personnages peu capables du rôle d'homme d'état et de premier ministre»*.

[«Александр II часто подвергался влиянию разнородных факторов – общественных и индивидуальных, влиянию мужчин и женщин, но то ли по расчету, то ли по врожденной склонности, он старался не подпадать под чье-либо одно, господствующее влияние. И если кое-кто в его окружении до конца сохранял над ним неоспоримую власть, то это были люди, мало пригодные к роли государственных деятелей и первых министров» (*фр.*).]

В приведенных выписках многое совершенно верно; многое могу я подтвердить, испытав на себе самом, как например, то, что говорит автор о розни между близкими к императору влиятельными лицами и министрами. Невольно вспоминаю при этом, сколько вынесено мною неприятностей и досады в борьбе с графом Петром Шуваловым, с князем Барятинским, с графом Дмитрием Толстым и т. д.[332] Случалось также испытывать верность сказанного в последних приведенных строках – о закулисных влияниях лиц незначительных, придворной камарильи и т. п. Такими негласными влияниями объясняется неровность в обращении покойного им-

---

* Опять и это совершенно верно. Если, по-видимому, граф Петр Шувалов и граф Лорис-Меликов временно и составляли как бы исключение из общей черты, изображенной автором, то объясняется это временное исключение особыми, временными же обстоятельствами, именно опасениями, возбужденными в Государе за собственную безопасность. «Sans les attentats de ces dernières années et le désarroi de son gouvernement en face de nihilistes, jamais il n'eût admis près de lui un ministre dirigeant et presque omnipotent, comme le comte Loris-Mélikof». [«Не будь покушений последних лет, не будь растерянности его правительства перед нигилистами, Александр II никогда не допустил бы присутствия около себя министра почти всевластного, каким был граф Лорис-Меликов» (*фр.*).] Тем же самым объясняется и влияние, которым пользовался несколько лет граф Шувалов. Но между этими двумя личностями было резкое различие только в приемах, объясняемое частию различием в личных их характерах, частию различием в обстоятельствах времени. Граф Шувалов, обязанный своим возвышением преступлению Каракозова, поддерживал свое влияние, запугивая Государя, раздувая жандармские донесения, придавая значение всяким слухам и, вместе с тем, вмешиваясь во все дела государственного управления в качестве охранителя безопасности Государя и существующего образа правления, основанного будто бы на аристократическом начале. Напротив того, граф Лорис-Меликов с первых дней по получении своих полномочий старался устранить всякие напрасные страхи и желал приобрести популярность мерами кротости, восстановлением законности и продолжением реформ, начатых в первые 12-ть лет царствования Александра II, прерванных после каракозовского покушения. При этом не могу не выписать целой страницы из замечательной статьи Леруа-Болье.

ператора: к одному и тому же лицу то выказывал он самое благосклонное расположение, то вдруг относился сдержанно, холодно, и только впоследствии иногда открывался ключ к разгадке этой перемены: обнаруживался какой-нибудь наговор, какая-нибудь сплетня, интрига. Впрочем, многие ли из властителей, даже из простых смертных, непричастны такому упреку.

Однако ж в одном расхожусь я с автором французской статьи, именно в том, что он относит все, рассказываемое им о покойном императоре, исключительно к его заботе об удержании власти в своих руках. Хотя он действительно не чужд был ревности к своей власти, однако ж едва ли можно приписывать именно этой черте все, что говорится об образе действий императора в отношении министров и других влиятельных лиц. Мне кажется, что гораздо ближе объясняется образ действий Александра II другою чертою его: недостатком твердости характера и убеждений. Вот где корень и колебаний, замечаемых в ходе важнейших дел государственных, и непостоянства в отношениях личных, и, в особенности, недоверчивости ко всем, даже к самому себе. Недоверчивость эта должна была иногда порождать неискренность, даже двуличность, фальшивость. В этом отношении замечается в императоре Александре II много сходного с императором Александром I: как дядя, так и племянник имели в характере много женственного: они легко поддавались случайным увлечениям, а следовательно, подвергались и частым разочарованиям. Ошибившись в нескольких лицах, они потеряли доверие ко всем людям вообще, сделались подозрительными. Не имея собственного твердого убеждения, ни проницательности в оценке людей, они пользовались антагонизмом между лицами разных партий, как средством проверки одних другими... Впрочем, на этом сходстве и останавливается сравнение племянника с дядей; далее видим между ними существенное различие: Александр I после благодушных и гуманных увлечений молодых лет впоследствии круто поворачивается вспять и кончает аракчеевщиной; Александр II, несмотря на невзгоды, испугавшие его и остановившие его на полпути,остается до конца верен благим и гуманным внушениям своего мягкого сердца. Лицо, которое решается он в трудную пору облечь чрезвычайными полномочиями, призвано не к аракчеевскому терроризму, а к возобновлению прерванной деятельности на благо народа.

По поводу этого призвания к делу графа Лорис-Меликова Леруа-Болье пишет: «Sans les attentats de ces derniéres années et le désarroi de son gouvernement en face des nihilistes, jamais il n'eût admis près de lui un ministre dirigeant et presque omnipotent, comme le comte

Loris-Mélikof». [«Не будь покушений последних лет, не будь растерянности его правительства перед нигилистами, Александр II никогда не допустил бы присутствия около себя министра почти всевластного, каким был граф Лорис-Меликов» (*фр.*).]

В этих строках автор вторично высказывает как бы упрек императору Александру II в том, что он не был расположен передать вполне свою власть в руки избранного лица в качестве первого министра. Но в этом случае едва ли можно разделять взгляд французского автора. Полагаю, что большинство русских разумных людей ставит императору Александру II не в упрек, а в заслугу то, что он в самых трудных обстоятельствах удержал бразды правления в своих руках, а не передал их никому из министров. Россия не забыла временщиков при императрицах Анне и Елизавете, не забыла Аракчеева и едва ли была бы довольна даже появлением какого-нибудь доморощенного Ришелье, указываемого французским автором. Какой был ропот, какое неудовольствие в те времена, когда был в силе граф Петр Шувалов! А ведь он не был формально облечен никакими полномочиями. Надобно заметить и относительно Лорис-Меликова, что нет никакого основания приравнивать его положение в последние месяцы царствования Александра II к положению какого-нибудь «диктатора», даже первого министра: формально он был такой же министр, как все другие, только с некоторым расширением круга действий, но без какой-либо самостоятельной власти. Ему не суждено было исполнить свою задачу: деятельность его была прервана при самом приступе к ней. Какое значение мог бы он действительно получить при дальнейшем развитии возложенного на него дела – осталось загадкой.

Еще нахожу не совсем верным взгляд французского автора в нижеследующих его строках: «Au début de son règne, l'héritier de Nicolas s'était vaillamment engagé dans la voie des réformes; les premières étapes en étaient pour ainsi dire marquées d'avance; c'étaient l'émancipation, la justice, l'administration locale; mais, arrivé au bout de cette première moitié du chemin, Alexandre II s'est rencontré à l'un de ces carrefours historiques où, pour ne pas faire faire fausse route, la bonne volonté ne suffit point. Il avait, presque à son insu, accompli la plupart des réformes compatibles avec le pouvoir autocratique, et, à sa grande surprise, à sa naturelle inquiétude, il s'apençut alors que ce qui était en cause, c'etait au fond le pouvoir souverain lui-même, le grand moteur de l'histoire russe, celui qu'on en pourrait appeler l'unique ressort, l'autocratie. L'empereur n'a pas voulu y porter la main. Bien qu'il tît peu lui-même au pouvoir, bien qu'il fît sans cesse appel au

concours de la nation, il n'a pas osé associer effectivement la nation au trône. Aucun souverain n'eût pu, il y a quelques années, le faire avec plus d'autorité que l'émancipateur des serfs; il aurait été singulièrement plus libre que ses successeurs de fixer la mesure et la forme de ce concours du pays. Il n'a pas voulu l'essayer, il a trouvé qu'il était allé assez loin, il s'est arrêté, abandonnant à son fils une tâche qu'il n'osait entreprendre lui-même»...

«On avait plusieurs fois, sans fondement, semble-t-il, parlé de son abdication, il est certain qu'il semblait considérer sa tâche comme terminée, qu'il se renfermait de plus en plus dans les occupations et les plaisirs de la vie privée, oubliant même parfois que tout n'est pas permis à qui peut tout, satisfaisant ses goûts et ses affections, au risque d'amoindrir le prestige de la couronne. Si, dans les derniers temps, dans les dernières semaines, il allait, sous de nouvelles influences, tenter, comme on l'affirme, quelques choses dans la voie où l'opinion le pressait d'entrer, il avait malheureusement trop de fois laissé entendre que, de son vivant, la Russie ne pouvait plus attendre aucun changement important. Cette croyance, presque universelle, a été pour beaucoup dans l'acharnement avec lequel de jeunes exaltés se sont attaqués à la vie du vieil empereur».

[«В начале своего царствования наследник Николая смело вступил на путь реформ; первые его шаги в этом направлении были, так сказать, заранее намечены: освобождение крестьян, судебная реформа, реформа местного самоуправления. Но, дойдя до конца первой половины этого пути, Александр II оказался на одном из тех исторических перекрестков, где не достаточно одной доброй воли, чтобы не сбиться с пути. Большую часть реформ, совместных с самодержавием, он выполнил почти безотчетно и, к своему великому удивлению и со свойственным ему беспокойством, он заметил, что по существу речь шла о верховной власти, о великом двигателе русской истории, который можно было бы назвать ее единственной пружиной, – о самодержавии. Император не пожелал посягнуть на него. Хотя он сам и не дорожил властью и постоянно обращался за содействием к нации, он не осмелился в действительности поделиться с нею своей властью. Никакой другой государь, еще несколько лет тому назад, не мог бы сделать этого с большим авторитетом, чем царь-освободитель, ему было бы гораздо легче, чем его преемникам, установить меру и форму этого содействия страны престолу. Александр II не захотел сделать этой попытки, считая, что пошел уже достаточно далеко; он остановился, предоставив своему сыну выполнение задачи, которую не решился взять на себя.

Не раз говорили, но, видимо, без оснований, об отречении Александра II; достоверно только то, что он сам считал свою задачу уже выполненной и все более замыкался в занятиях и удовольствиях частной жизни, даже забывая иногда, что не все дозволено тому, кому все доступно. Он удовлетворял свои вкусы и желания, рискуя умалить престиж короны. Если же в самое последнее время, в самые последние недели он, как утверждают, пытался, повинуясь новым влияниям, сделать кое-что в том направлении, на какое толкало его общественное мнение, то, к несчастью, он слишком часто давал понять, что, пока он жив, Россия не может более рассчитывать на какие-либо значительные преобразования. Это почти всеобщее убеждение с особенной силой сказалось в том ожесточении, с которым молодые фанатики предприняли покушение на жизнь престарелого императора» (*фр.*).]

Перечитывая приведенные строки, нахожу совершенно неверным мнение автора, будто реформы, начатые в первую половину царствования императора Александра II, остановились потому, что было уже сделано все возможное при самодержавном образе правления. Начатые реформы остались недоконченными, они даже были парализованы, искажены последующими правительственными мерами, и вот что произвело то расстройство, тот хаос, в котором очутилась Россия в последние годы жизни царя-освободителя*. Если б каракозовский выстрел не испугал Государя, не послужил бы окружающим его оружьем для внушения ему всяких страхов, если б граф Петр Шувалов и его партия не воспользовались случаем, чтобы поворотить вспять все дело, начатое под влиянием других личностей**, то, без сомнения, можно было бы сделать еще многое в том же направлении, в каком было начато, вовсе не касаясь прерогатив самодержавия. Но Государь поддался влиянию таких личностей, которые с самого начала реформ смотрели на них враждебно, точно так же, как старые бояре XVII века смотрели на реформы Петра. Император Александр II не обладал

---

* *Первоначальный текст после слов «de jeunes exalté s se sont attaqués à la vie du vieil empereur»*: «И в этих строках многое верно, хотя можно заметить, что реформы, начатые в первую половину царствования императора Александра II, остановились не потому, что уже сделано было все возможное при самодержавном образе правления. По моему убеждению, начатые реформы остались недоконченными, они даже были изуродованы последующими правительственными мерами, и вот что произвело то расстройство, тот хаос, в котором очутилась Россия в последние годы царствования царя-освободителя».

** в смысле разумно-либеральном

твердостью убеждений и железною силою воли своего предка, и потому запугать его было нетрудно. Царь-освободитель остановился в своих благих начинаниях, даже усомнился в пользе и своевременности того, что было уже совершено. Я склонен думать, что в этом отношении интриге графа Шувалова и компании помогли и негласные советы из Берлина. При всем том надобно отдать справедливость императору Александру II в том, что он в известных делах оставался верным избранному направлению, выдерживая долго напор противудействующих влияний; так например, в крестьянском деле он не поддался многим попыткам крепостников переделать совершившееся великое дело; так же стойко держался в делах польских на пути, разработанном моим братом Николаем Милютиным.

После 15 лет реакции покойный император должен был убедиться в том, что одни строгости полицейские при полном произволе административном не ведут к добру: внутреннее положение России не только не улучшилось, но еще более расстроилось; крамола не угомонилась, а разрослась и ожесточилась; во всех слоях населения замечалось недовольство. Общий голос указывал на необходимость согласования и объединения действий правительства с целью водворения благоустройства и успокоения умов. Для этого необходимо было прежде всего найти личность, способную к выполнению нелегкой задачи; выбор пал на графа Лорис-Меликова, человека умного, выказавшего в разных случаях свою энергию. В лице его соединены были звания министра внутренних дел и начальника высшей полиции; ему предоставлено было разработать программу предстоявшей деятельности. Лорис-Меликов приступил к делу с полным сознанием, что первою заботою должно быть восстановление законного порядка, и предложил целый ряд законодательных работ для удовлетворения насущных нужд разных классов населения. Представленная им программа подверглась обсуждению целого комитета под председательством самого наследника престола, теперешнего императора, и утверждена покойным императором за несколько часов до его кончины. Можно было надеяться, что возобновление законодательных работ, составляющих продолжение и довершение прерванных реформ, притом при содействии представителей местных интересов, способствует как успокоению умов, так и подъему правительственного авторитета. Выставлять предположения Лорис-Меликова первым шагом к конституции могли только те, которые запугивали и прежде императора Александра II и продолжают запугивать преемника его. Ни Лорис-Меликов, ни все разделявшие его либе-

ральный взгляд не имели никаких конституционных замыслов, в которых заподозрили их*.

---

* *Первоначальный текст после слов «вовсе не касаясь прерогатив самодержавия»*: «Но Государь поддался влиянию таких личностей, которые не хотели, да и не могли провести дело реформы в прежнем смысле; сам же Государь не имел достаточно самостоятельного светлого взгляда в вопросах государственного устройства, чтобы вести дела лично с людьми компетентными, вне влияния окружавшей его пошлой камарильи. Он сам имел в вопросах политических крайне узкую точку зрения, ему чужды были общие указания истории и законы развития человечества; несмотря на свое образование в известной, односторонней сфере, он был проникнут предрассудками и недоверием ко всякому серьезному прогрессу. Все, что сделано было истинно великого в первый период царствования, было, так сказать, вырвано у него после упорной борьбы с противудействовавшими влияниями. Надобно отдать ему справедливость в том, что он в известных делах выдерживал долго напор этих противудействующих влияний; так, например, в крестьянском деле он не поддавался многим попыткам крепостников переделать совершившееся великое дело; еще более стойко держался он в делах польских: до конца своего царствования он твердо шел по пути, разработанному покойным моим братом Николаем. Но у него не было никогда собственной инициативы в делах; он был слишком запуган, чтобы доверяться прежним своим помощникам в предпринятых реформах; он даже усомнился в пользе и своевременности того, что было уже совершено. Я склонен думать, что в этом отношении наитиям <?> графа Шувалова и компании помогали негласно советы из Берлина.

Таким образом, я не могу согласиться с автором французской статьи в том, что покойный Государь в своей благой деятельности на пути преобразования России остановился только на той ступени, где уже приходилось коснуться самых основ самодержавия. Если действительно и предстояло рано или поздно коснуться этих основ, то время для того еще не наступило; оставалось еще сделать многое в сфере строго административной, и в этом отношении, конечно, не было никакой надобности прислушиваться к желаниям некоторых <слишком> нетерпеливых частей нашей так называемой интеллигенции <горячих голов малочисленной передовой партии>. Благоразумное большинство сознает несвоевременность <у нас конституционных попыток в настоящем> конституционного переустройства в России. Напуганное проделками радикального меньшинства, оно желает пока только порядка и законности; оно даже готово поддержать власть самодержавную, если б только эта власть действовала разумно и на пути к прогрессу.

Что же касается до крайних радикалов, так называемых нигилистов всех возможных оттенков, то удовлетворить их не могли бы и самые либеральные конституционные учреждения: идеал их — полное разрушение всего существующего строя государственного и общественного. Никакое правительство и никакими возможными в действительности реформами не может примирить их; возможно и желательно только отнять у них почву отвлечением от них той массы людей умеренных и рассудительных, которая теперь возбуждена против правительства и которая в действительности представляет гораздо более опасный для государства элемент, чем несколько сотен горячих, отчаянных и безумных головорезов.

7-го июля. Вторник. – Нить моих размышлений и воспоминаний по поводу статьи Леруа-Болье в «Revue des deux mondes» была прервана на несколько дней приездом гостей и получением первого транспорта вещей, перевезенных из Петербурга. Один день провели у нас Горбуновы и Прянишниковы; другие два дня сын мой[333], приезжавший из Симферополя; в прошлое же воскресенье посетил нас П.П. Черепанов, и, таким образом, приходилось с утра до вечера болтаться без дела. В числе привезенных из Петербурга вещей получил я свои картоны с бумагами, так что могу теперь приняться за разборку этих бумаг и приведение их в порядок. Работа эта потребует довольно продолжительного времени; но пока не приступил к ней, возвращусь к прерванному разбору статьи Леруа-Болье.

Автор* характеризует в следующих строках произведенные покойным императором реформы: «...Toutes ces réformes élaborées par des commissions différentes, sous des influences rivales ou hostiles ont été entreprises isolément, d'une maniére fragmentaire, sans esprit de suite, sans programme défini. Il s'agissait de créer une Russie nouvelle, on reprenait en sous-oeuvre les fondations du vieil édifice, et tout cela se faisait sans plan général, sans devis préalable, sans que, pour présider aux travaux, il y eût un architecte où un maître capable de les coordonner. De cette façon, en faisant ça et là des innovations coûteuses et en négligeant

---

Упоминаемые автором французской статьи либеральные меры, предложенные графом Лорис-Меликовым в последние дни царствования Александра II, могли бы, по моему мнению, по крайней мере, на известное время успокоить умы и уменьшить число недовольных, нимало не колебля пока основ самодержавия. Выставлять эти меры какими-то коварными, опасными шагами к конституции могли только те, которые запугивали покойного императора и продолжают запугивать нынешнего Государя. Что действительно <внушали> пугали императора Александра II призраком конституционных замыслов графа Лорис-Меликова, тому служит подтверждением и тот факт, который был приведен в своем месте моего дневника со слов великого князя Владимира Александровича, вырвавшихся у него во время нашего последнего совещания в кабинете графа Лорис-Меликова (во вторник 28 апреля): покойный император в самый день своей смерти, согласившись окончательно на предложенную Лорис-Меликовым меру, после выхода его из кабинета будто бы сказал присутствовавшим при докладе сыновьям своим: «Я утвердил доклад министра внутренних дел, хотя и сознаю, что принимаемая мера есть первый шаг к конституции». По словам того же великого князя Владимира Александровича, сказанная отцом его фраза оставила сильное впечатление в уме нового императора, вступившего на другой же день на престол. Вместе с Лорис-Меликовым и другие согласные с ним министры были заподозрены в конституционных замыслах, которых они вовсе не имели».

* весьма удачно

dans le voisinage des réparations indispensables, en accolant partout les constructions neuves aux vieux murs, l'empereur Alexandre II n'avait abouti, après beaucoup de travaux, qu'à faire de la Russie des réformes une demeure inachevée et incommode, où amis et ennemis des nouveautés se trouvaient presque également mal à l'aise.

Et ce défaut de plan n'etait pas le seul. Le manque d'un esprit supérieur, tel qu'un Pierre le Grand ou un Frédéric II, le manque d'un souverain ou d'un ministre capable de tout conduire et de tout régler avait un autre inconvénient non moins grave. Faute de savoir où l'on allait, faute de savoir précisément ce qu'on voulait, le gouvernement, livré à des influences diverses, s'effrayait lui-même de ses propres oeuvres, cherchait à reprendre en détail silencieusement ce qu'il avait accordé en bloc solennellement, se mettait sans cesse en contradiction avec sa propre législation, élaguant et rognant à plusieurs réprises ses réformes au risque d'en arrêter la sève et d'en retrancher les fruits».

[«... Все эти реформы, выработанные различными комиссиями, в борьбе соперничающих или враждебных влияний, были предприняты изолированно одна от другой, отрывочно, непоследовательно, без определенной программы. Речь шла о том, чтобы создать новую Россию. Но ее создавали на фундаменте старого здания. Без общего плана, без предварительной сметы, без архитектора или мастера, способного руководить и согласовать работы. Таким образом, вводя кое-где дорогостоящие новшества и вместе с тем пренебрегая необходимым ремонтом, делая повсюду новые пристройки к старым стенам, император Александр II после долгих трудов добился только того, что сделал из России эпохи реформ недостроенное и неудобное жилище, где почти одинаково плохо чувствовали себя и друзья и враги нововведений.

И это отсутствие плана не было единственным недостатком. Другим, не менее серьезным затруднением было отсутствие государственного деятеля, подобного Петру Великому или Фридриху II, отсутствие государя или министра, способного вести и направлять все дела. Не видя, куда оно идет, не зная точно, чего оно хочет, правительство, предоставленное всевозможным влияниям, страшилось своих собственных дел и старалось втихомолку отобрать в розницу то, что было им когда-то торжественно дано оптом; это правительство беспрестанно впадало в противоречия со своими собственными законами, неоднократно урезывая реформы, рискуя совершенно остановить в них живые соки и уничтожить их плоды» (*фр.*).]

Читая эту строгую критику реформ императора Александра II, с прискорбием должен сознаться, что автор отчасти прав:

действительно, каждая из всего ряда реформ совершалась сама по себе, трудами особых комиссий, без общей связи; но ошибка автора в том, что он произносит приговор над всеми реформами огульно, упуская из виду, что царствование Александра II разделялось резко на два периода: первые годы – собственно период реформ, и последующие годы – период реакции. Вся деятельность правительственная в этот второй и более продолжительный период заключалась в переделке и искажении работы первого периода. Взяли верх противники реформ, задавшиеся целью постепенно упразднить их. Какого же тут ожидать единства и стройного плана.

Автор справедливо указывает на неблагоприятные обстоятельства, омрачившие последние годы царствования Александра II, в особенности же с кончиной императрицы Марии Александровны, и затем переходит к положению дел при воцарении Александра III, который, по мнению Леруа-Болье*, упустил первый благоприятный момент, чтобы новыми разумными реформами предотвратить наступление общего неудовольствия и укротить ничтожную шайку подпольных революционеров. Из этих строк можно заключить, что французскому автору не были известны составленные еще при жизни Александра II и утвержденные им предположения Лорис-Меликова; ему неизвестно было, что предположения эти, подписанные самим наследником престола, снова подвергнуты были обсуждению в первые же дни по воцарении его и отвергнуты. Затем автор продолжает**: «Mais de ce qu'on a laissé échapper le moment le plus favorable, est-ce une raison pour ne rien faire? De ce que les ennemis de l'ordre tenteront de recourir de nouveau aux mines et aux bombes, de ce que quelques fanatiques de la révolution, pour la plupart

---

* будто бы

** *Первоначальный текст после слов «arrêter la séve et d'en retrancher les fruits.»*: «Все это, повторяю, совершенно верно. Не могу даже не заподозрить в этих строках участия руки кого-либо из русских государственных людей, близко знакомых с нашими внутренними делами. Не менее верно выставляет автор неблагоприятное влияние на ход дел в России последней Восточной войны, также наступивших в последние годы царствования и, в особенности после смерти императрицы Марии Александровны, раздоров в самой семье царской, колебаний покойного императора в мерах, принимавшихся против усиливавшейся крамолы, и в заключение делает вывод о том, в каком положении принял правление вновь воцарившийся император. Выставив все затруднения настоящего момента, автор однако ж думает, что император Александр III упустил благоприятный момент, когда можно было благоразумными реформами предупредить наступившее общее недовольство, усилившее значение ничтожной шайки революционеров, и затем продолжает:».

mineurs et souvent imberbes, pour la plupart aigris par de précoces souffrances et d'irritantes vexation, ne consentiront probablement point à désarmer devant les concessions mêmes du pouvoir, est-ce un motif pour s'en tenir à l'ancien système que tout le monde considére comme ayant fait son temps? Est-ce un motif pour en revenir au régime de rigueur qui a enfanté le níhilisme et suscité la plus horrible série d'attentats dont l'histoire ait jamais fait mention? Est-ce un motif enfin pour s'enfoncer obstinément dans une impasse à laquelle on ne saurait trouver d'issue, pour s'exposer à provoquer de nouveaux crimes et à justifier aux yeux d'une partie du pays les forfaits de conspirateurs incorrigibles? Assurément une pareille conduíte (ne saurait?) profiter ni au souverain ni à la dynastie».

[«... Но если момент, наиболее благоприятный, упущен, то разве из этого следует, что не надо ничего делать? Из того, что враги порядка вновь попытаются прибегнуть к бомбам и подкопам, из того, что несколько фанатиков-революционеров, по большей части несовершеннолетних молокососов, ожесточенных перенесенными страданиями и притеснениями, не согласятся, вероятно, сложить оружие, несмотря на уступки правительства, разве из этого следует, что надо держаться за старый режим, который все уже считают отжившим? Разве это повод к возвращению старого режима, который породил нигилизм и вызвал целый ряд ужасных покушений, не виданных еще историей? Наконец, разве это повод к тому, чтобы упорно заходить все глубже в тупик, из которого нет выхода, чтобы вызывать все новые преступления и оправдывать в глазах некоторой части населения злодеяния неисправимых заговорщиков? Разумеется, подобный образ действий не может послужить на пользу ни государю. Ни династии» (*фр.*).]

Эти строки почти совпадают с теми мнениями, которые высказывались и мною, и некоторыми другими в совещаниях в присутствии молодого императора. Говорилось и то, что читаем в нижеследующих строках французской статьи*:

«Le moment est un des plus critíques qu'ait traversés la Russie; les premières résolutions du sauverain dècideront sans doute de tout son régne. Or, le statu quo, le provisoire des derniéres années ne saurait durer; personne n'a jamais cru qu'il pût longtemps survivre au défunt empereur...». [«Россия теперь переживает один из самых критиче-

---

* *Первоначальный текст после слов «profiter ni au souverainni à la dynastie»*: «Сознаюсь, что я, со своей стороны, был вполне того же мнения, когда участвовал в последних совещаниях у покойного и нового императора. Я не раз высказывал прямо те же самые слова, которые теперь читаю во французской статье».

ских моментов своей истории; первые шаги Государя, без сомнения, определят все его царствование. Настоящее же положение, временное положение последних лет, не может продолжаться. Никто никогда не думал, что оно надолго переживет покойного императора» (*фр.*).] К* сожалению, не все разделяют такое мнение, и всего прискорбнее то, что не разделяет его сам преемник императора Александра II. Приведенные строки** очевидно, написаны, когда не могло еще сделаться общеизвестным, на какую точку зрения станет новый самодержец России. В этом отношении можно было бы ожидать чего-нибудь более определительного в статье, появившейся в позднейшем № того же «Revue des deux mondes», именно вышедшем 1-го июня: «L'empereur Alexandre III et les réformes politíques en Russie»***. Но статья эта далеко уступает первой статье. Автор ее****, G. Valbert, не имел таких точных данных, как Leroy-Beaulieu: он, по-видимому, ограничился выписками из появившейся недавно немецкой книжки: «Von Nicolaus I zu Alexander III » (Leipzig, 1881), приписываемой некоему Эккардту. Поэтому немудрено, что и во французской статье проглядывает немецкий, несочувственный взгляд на либеральные стремления в России и на совершившиеся уже в царствование покойного императора реформы. Большинство немцев всегда смотрит враждебно на всякий шаг вперед в нашем отечестве. Автор французской статьи ожидает чего-то хорошего от молодого нашего императора и сменившего графа Лорис-Меликова нового министра внутренних дел графа Игнатьева. Увидим.

19-го июля. Воскресенье. Опять большой промежуток в моем дневнике. В продолжение этого антракта я занимался по утрам почти исключительно разборкою своего домашнего архива. Работа эта доставляет мне большое наслаждение: вся протекшая жизнь моя как бы воскресает в памяти; целый ряд забытых лиц и фактов проходит в воспоминаниях моих. С невыразимым удовольствием пробегаю письма моей матери и отца в лета моего детства, переписку с товарищами по службе, давнишние заметки о разных предполагавшихся ученых работах и проч., и проч.*****

---

* крайнему прискорбию

** были написаны вскоре после воцарения его, когда еще не могло обнаружиться

*** «Император Александр III и политические реформы в России» (*фр.*).

**** какой-то

***** Все это я теперь сортирую так, как делал бы труженик, который вздумал бы писать мою биографию.

В последние же дни я получил несколько писем (ответных) из Петербурга: от И.П. Арапетова, А.А. Баранцова, Н.Н. Обручева, А.В. Головнина[334]. Так как все эти письма получены по почте, то в них, конечно, не могло заключаться каких-либо интересных сведений о том, что делается в петербургских правительственных сферах. Но вчера прискакал сюда в Симеис курьер Морского министерства с письмом от Н.К. Гирса[335], который по приказанию Государя и совершенно конфиденциально извещает меня об успешном окончании продолжавшихся так долго дипломатических переговоров с Германией и Австро-Венгрией[336]. Наконец, тройственный договор совершен, но секретный, подписан и ратификован в том самом виде, в каком было уже при мне дано согласие с нашей стороны*. Сегодня же я ответил Гирсу и отправлю это письмо также с курьером Морского министерства, так как сам Государь приказал Гирсу, чтобы писал об этом деле не по почте. Курьезное предостережение со стороны самого** царя! В письме своем я прошу Гирса выразить Государю мою глубокую признательность за его внимание; оно действительно тронуло меня***. Гирса поздравил я с успехом, но, вместе с тем, не скрыл от него, что в заключенном договоре я вижу темную точку – это трехлетний срок, на котором настояла Австрия. Не значит ли это****, что наша соседка имеет des arrières-pensées*****, исполнение которых она только откладывает, находя несвоевременным осуществить их в течение****** ближайших трех лет? Мне кажется, что такой короткий срок должен предостеречь нас от излишнего оптимизма и лишает нас возможности извлечь из заключенного договора всю ту выгоду для наших внутренних дел, какую могло бы доставить полное обеспечение наших политических интересов на более продолжительное время. Все это я счел нелишним откровенно сообщить Гирсу в предположении, что он, вероятно, покажет мое письмо самому Государю, ибо опасаюсь, чтобы при настоящих у нас заботах о сокращении бюджета не решились, заручившись заключенным договором, на слишком широкие сокращения наших боевых сил, доведенных с таким трудом до настоящего их состава. В этом отношении я вовсе не разделяю

---

* без всяких дальнейших уступок

** самодержца

*** тем более, что я не ожидал его

**** ограничение

***** Задние мысли (*фр.*).

****** этих

иллюзий покойного императора и наших дипломатов: заключенный договор вовсе не считаю твердым обеспечением наших интересов на востоке. Может быть, при настоящей обстановке и нельзя было добиться ничего лучшего: мы видели, с какими трудностями удалось Бисмарку заставить Австро-Венгрию согласиться и на заключенный договор; но именно в этом полунасильственном привлечении Австро-Венгрии к тройственному союзу и вижу непрочность его* и возможность всяких неожиданностей в будущем**.

30-го июля. Четверг. – Жизнь в Симеисе течет спокойно, но мы не можем жаловаться на чрезмерное однообразие и уединение: по временам заезжают к нам соседи; на днях приезжал сын из Симферополя, а теперь гостит свояченица[337]; сестра моей жены, приехавшая из своего бессарабского имения. Между тем прибыли наши тяжести, отправленные из Петербурга морем; предстоит разбирать их и приводить в порядок библиотеку. До сих пор почти исключительно занимаюсь своим маленьким архивом. Чтение старой переписки, старых бумаг времен юности и первых годов службы моей доставляет мне большое наслаждение. В памяти моей оживают образы и факты, давно уже забытые.

На досуге читаю Токвиля: «L'ancien régime et la révolution»***. Как многое в этом ancien régime Франции походит на теперешнее наше положение; как много для нас поучительного в изучении истории Западной Европы во времена, предшествовавшие Французской революции 1789 г.! То же самое поразило меня, когда я читал известное сочинение Тэна: «Les origines de la France contemporaine»****[338]. На каждой странице находил я черты сходства с нашими порядками и спрашивал себя: на чем же основывают наши русофилы и славянофилы свою теорию о каких-то мнимых особенностях***** русского народа, предназначенного будто бы Провидением итти своею исключительною дорогою к решению каких-то особых исторических задач? Если мы отстали почти на

---

* во всяком случае, неискренность со стороны Австрии

** Если случится мне еще раз писать Гирсу, то попробую снова внушить ему мысль о попытке соглашения с Бисмарком и потом с Англиею насчет более радикального решения вечного вопроса «восточного» в том смысле, в каком предлагалось мною в записке, поданной покойному Государю осенью прошлого года.

*** «Старый порядок и революция» (*фр.*).

**** «Происхождение современной Франции» (*фр.*).

***** земли русской

два столетия от Западной Европы, если продолжительное соприкосновение с Востоком и татарское иго оставили на нас глубокий* неизгладимый отпечаток, если восточная церковь со своим византийским характером отчудила нас от римско-католической и протестантской Европы, то все это не дает права утверждать, будто между нами и Европой нет ничего общего; будто все у нас шло и должно итти иначе, чем в остальном цивилизованном мире; что Россия должна проложить путь к какой-то особой, неведомой до сих пор цивилизации. Все эти туманные умозрения Аксаковых, Хомяковых и последователей их рассеятся как дым пред неотразимою логикой действительного исторического развития человечества.

7-го августа. Пятница. – В среду приехал к нам в Симеис брат мой Борис. Неожиданное его появление было непродолжительно: сегодня он уже уехал, продолжая порученную ему начальством ревизию некоторых военно-окружных судов. В самую минуту его выезда, пока мы еще сидели за утренним чаем, посетил нас совершенно неожиданно князь М. Дондуков-Корсаков, одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского округа. Он прибыл вчера из Одессы прямо в Алупку по случаю полученного им извещения об опасном положении нашего соседа князя Семена Михайловича Воронцова, которому, однако ж, теперь легче, поэтому князь Дондуков завтра же возвращается в Одессу. Часа два он пробыл у нас и, по своему обычаю, не умолкал во все время. Более всего распространялся он о возможности нового назначения его на Кавказе**. О настоящем ходе дел в высших правительственных сферах он отзывается критически, жалуясь на крайнюю неопределенность направления***, на полную неизвестность видов правительства.

9-го августа. Воскресенье. – Только сегодня дошло до нас известие о пожаре, истребившем в прошлую пятницу Ориандский дворец. Причина пожара пока еще неизвестна; говорят, что огонь начался на чердаке. Жаль этого красивого здания, украшавшего живописную местность Орианды. По всем вероятиям, оно надолго останется руиной. Великий князь Константин Николаевич поселился в маленьком домике, известном под названием «адмиральского» и знаменитом тем, что тут император Александр I, как

---

* трудносглаживаемый

** Хотя, по словам его, назначение это и пугает его, однако ж нетрудно было подметить в нем, что слухи об этом перемещении льстят его самолюбию.

*** на отсутствие всякой программы.

Дворец в Ореанде после пожара

говорят, почувствовал первые приступы болезни, которая вскоре свела его в могилу.

Сегодня утром уехала от нас свояченица моя обратно в свое бессарабское имение.

10-го августа. Понедельник. – Ездил в Орианду, чтобы выразить великому князю Константину Николаевичу мое соболезнование о несчастии, постигшем его дворец*. Остатки дворца представляют печальный вид; восстановить здание невозможно, пришлось бы строить заново.

На возвратном пути из Орианды заезжал я в Кореис к графине Клейнмихель и потом к графине Тизенгаузен.

12-го августа. Среда. – Вчера уехала из Симеиса дочь моя Елена Гершельман с мужем и ребенком**.

---

* Я нашел его спокойным, resigne.

** В доме заметна пустота.

Сосед наш князь Воронцов, получив некоторое облегчение от тяжких страданий, решается предпринять путешествие в Одессу, а потом, быть может, и за границу. Завтра его перевезут предварительно в Массандру.

20-го августа. Четверг. – На днях получил я от князя Дондукова-Корсакова при письме печатный экземпляр представленной им министру внутренних дел записки с проектом преобразования губернской и уездной администрации[339]. Об этом проекте он говорил мне при последнем нашем свидании. Прочел я записку с большим любопытством*, потому что и сам не раз обдумывал этот вопрос, признавая разрешение его вполне своевременным**. Мне кажется, что князь Дондуков разрешает его довольно удачно, по крайней мере, в главных основаниях***.

22-го августа. Суббота. – Сегодня праздновался в Орианде 50-летний юбилей назначения великого князя Константина Николаевича генерал-адмиралом. По этому случаю и я облекся в парадную форму (от которой, признаться, уже успел отвыкнуть) и отправился утром в Орианду. Прибыв к**** адмиральскому домику около 10 часов утра, узнал, что великий князь еще не возвратился с купанья и что прием назначен в полдень. Однако ж не прошло и 10 минут, как появился юбиляр и немедленно же принял меня, весьма любезно, запросто, в своем обычном костюме: простой ситцевой рубашке, подпоясанной шнуром. Мы поговорили около часа; он передал мне кое-какие сведения, привезенные Б.П. Мансуровым (членом Государственного совета), приехавшим прямо из Москвы, собственно по случаю юбилея. В исходе 12-го часа великий князь пошел одеваться, пригласив меня остаться к молебствию и к завтраку. Вышед из домика, я нашел на лужайке под деревьями уже многих из приехавших моряков: в том числе адмира-

---

* и вниманием

** и неотложным.

*** если же я встретил некоторые сомнения в частностях, то разъяснения их можно было бы ожидать только при более подробном и обстоятельном развитии проекта. Например, в записке недостаточно выяснено, как достигнуть того, чтобы губернатор, выбираемый министром внутренних дел, хотя и с согласия других министров, был действительно органом всех министров в совокупности, а не чиновником одного Министерства внутренних дел, как теперь.

Князь Дондуков в письме своем просит о сообщении ему моего мнения об его проекте. Не знаю — принимать ли эту просьбу к исполнению или считать ее обычной фразой.

**** маленькому домику, временному жилищу великого князя

Великий князь
Константин Николаевич

лов Козакевича, Головачева и тайного советника Пещурова, составлявших депутацию от морского ведомства. Ровно в полдень вышел из своего жилья великий князь и подошел прежде всего к морской депутации. Адмирал Козакевич представил юбиляру рескрипт и пожалованный ему медальон с портретами императоров Николая I и Александра II. Великий князь сам прочел вслух рескрипт, которым был, видимо, растроган; затем принял поднесенный ему по общей подписке между бывшими подчиненными его складень и, наконец, от гвардейского морского экипажа серебряную позолоченную группу. Великий князь обошел всех съехавшихся и был со всеми любезен. На несколько минут он возвратился в дом, чтобы настегнуть на мундир вновь пожалованное украшение, в чем просил меня помочь ему. Пока камердинер хлопотал с мундиром, великий князь прочел мне вслух письмо, полученное им сегодня же от великого князя Алексея Александровича в ответ на то письмо, которым генерал-адмирал счел приличным проститься с родным ему морским ведомством. Великий князь надеялся, что письмо это будет объявлено и заменит обычный прощальный приказ; к великому огорчению его, письмо осталось неопубликованным.

В половине 1-го часа юбиляр опять вышел к собравшейся пред его домом группе, и началось молебствие, после которого все присутствующие приглашены были к столу, приготовленному под шатром среди густой зелени. Во все время юбиляр был очень радушен*; и когда встали из-за стола, со всеми любезно распростился, а меня** поблагодарил за приезд на торжество***.

2-го сентября. Среда. – Сегодня удостоил меня посещением великий князь Константин Николаевич. Он приехал около 4-х часов с адъютантом своим Римским-Корсаковым и пробыл около часа; был любезен со всею моею семьей и сообщил нам несколько новостей, о которых мы еще не знали из газет. Между прочим, о поездке Государя морем в Данциг на свидание с императором Вильгельмом. Поездка эта, по-видимому, была для всех совершенною неожиданностью, тем более, что в настоящее время гостят в Петергофе король и королева датские[340]. Государя сопровождал Гирс, а с императором Вильгельмом был князь Бисмарк; следовательно, свидание было не простою встречей родственников, но и сопровождалось какими-нибудь дипломатическими объяснениями, может быть, в связи с недавно заключенным секретным договором.

Более 10 дней не заглядывал я в свой дневник. Во все это время я исключительно занимался своею библиотекой и продолжаю заниматься ею. Работа кропотливая и физически утомительная. Поэтому мало остается времени на чтение и даже на прогулку. Начал получать газету «Порядок» взамен «Голоса», издание которого приостановлено на полгода[341]. Газета «Порядок» – орган серьезный, который так же, как и «Голос», ратует против ретроградных и подлых тенденций «Московских ведомостей». Катков более чем когда-либо**** разыгрывает роль какого-то правительственного авторитета. К сожалению, он находит сочувствие в значительной массе нашей***** пошлой публики, принимающей всякое слово Каткова чуть не за евангельскую истину.

В «Отечественных записках» явилась новая сатирическая статья Щедрина (псевдоним Салтыкова), в которой зло бичуется нынеш-

---

* и нельзя было упрекнуть его ни в одной неуместной выходке

** собственно несколько раз <особенно> благодарил за приезд мой в Орианду.

*** День был жаркий; я возвратился в Симеис в 4-м часу, несколько утомленный.

**** принимает на себя роль

***** тупоумной

нее апатическое настроение русской публики, сбитой с толку* статьями московской ретроградной газеты и таинственным туманом, застилающим деятельность правительства[342].

7-го сентября. Понедельник. – Утром получил письмо от генерала Обручева, нынешнего начальника Главного штаба. Он с некоторым удовольствием сообщает, что все выработанные в Военном министерстве новые меры высочайше утверждены и что, по выражению его, корабли спущены. Вечером же прочел я в «Инвалиде» целый ряд приказов по поводу этих, пресловутых мер, имевших главной целью сокращение расходов[343]. Приказы эти произвели на меня грустное впечатление: с одной стороны, вводятся кое-какие совершенно ничтожные сокращения в штатах войск, не имеющие серьезного значения в финансовом отношении, а между тем не совсем выгодных для войск; с другой же стороны, принимаются по местным войскам такие меры, которые ведут прямо к расстройству организации резервных войск, созданных с такими усилиями после последней войны – меры, почти равносильные упразднению этих войск. Резервные батальоны, предназначенные в виде кадров для формирования в случае войны 24-х пехотных дивизий и, сверх того, оставляемых на местах 96-ти местных батальонов, ныне** раздробляются поротно, по уездным городам, обращаясь, в сущности, в местные команды. Таким образом, в случае войны нельзя уже будет рассчитывать на скорое сформирование новых дивизий. Упразднение губернских воинских начальников с заменою их какими-то новыми бригадными командирами не улучшит управление войсками. Затем, уменьшение размера ежегодного контингента новобранцев и продление срока действительной службы солдат неизбежно ведут к уменьшению числа людей в запасе: недостаточность же таких людей для полной мобилизации армии полагается возместить введением нового разряда новобранцев – однолетних. Мера эта была мне предлагаема несколько раз бывшим начальником Главного штаба графом Гейденом, но я упорно противился такому нововведению в Уставе о воинской повинности[344] и теперь не могу сочувствовать ей. Что же касается до заявления в «Инвалиде» о том, что принятыми разными мерами достигнуто уменьшение военных расходов на 10 миллионов рублей, что дало возможность увеличить содержание строевых офицеров, то заявленное сбережение есть только цифра на бумаге; а увеличение

---

* ультраруссофильскими прорицаниями московской прессы.

** распределяются

офицерского содержания так ничтожно, что едва ли будет ощутительно для улучшения быта офицеров.

Вообще, я нахожу, что первые шаги нового военного министра и нового начальника Главного штаба нельзя признать удачными. Военное министерство в своих многолетних настойчивых усилиях к приведению вооруженных сил России, сколько можно, в уровень с нашими западными соседями, как по количеству их, так и по готовности к быстрой мобилизации, сделало положительно шаг назад.

11-го сентября. Пятница. – Вчера отправил длинное письмо к генералу Обручеву в ответ на его извещение о сделанных по Военному министерству новых распоряжениях, объявленных 30-го августа. Я высказал откровенно свое мнение об этих мерах, хотя в кратких выражениях, не входя в подробности. Между тем вчера же получил от А.В. Головнина вырезку из «Московских ведомостей», которые восхваляют новые меры и называют новое министерство военное «деловым», как бы считая прежнее неделовым[345]. Почтенный Александр Васильевич, всем интересующийся и во все вникающий, просит меня высказать мое мнение по поводу статьи «Московских ведомостей». Я исполнил его желание и сегодня изложил довольно обстоятельно мое суждение, не стесняясь высказать полную правду[346]. Головнин ежегодно прочитывал краткие отчеты, которые я представлял каждое 1-е января покойному Государю. Поэтому он, хотя и не военный, поймет суть дела лучшие многих военных.

Сегодня же посетил меня генерал-адъютант князь Александр Константинович Имеретинский, приехавший из Петербурга в Крым на короткое время. Он привез мне еще письмо от А.В. Головнина и вместе с тем рассказал мне много интересного о том, что делается в Петербурге. Между прочим, узнал я от него, что там собирается в будущем месяце комиссия для обсуждения дальнейших преобразований по военному ведомству, вследствие выраженного Государем, при самом назначении генерала Ванновского военным министром, непременного желания совершенно переделать все существующее военное управление. Председателем комиссии назначен граф Коцебу, несмотря на то, что он, как говорят, с самого начала заявил себя противником всякой ломки[347]. Из названных князем Имеретинским членов комиссии (в числе которых и он сам) почти все высказывались всегда сочувственно о существующей системе военного управления: Альбединский, Дрентельн, сам Коцебу знают практически механизм военно-окружного управления и не могут легкомысленно предложить разрушение этого механиз-

ма. По словам князя Имеретинского, сам Государь, по-видимому, не имеет* ясного понятия об основных началах военной администрации: заявляя генералу Ванновскому свою волю относительно преобразования военного управления, он будто бы сказал, что хочет возвратиться к тому порядку, который существовал при императоре Александре I и который будто бы сходен с прусскою системой. Что же есть общего между этими двумя системами? И можно ли в настоящее время думать о возвращении к порядкам, существовавшим за 60 или 70 лет назад, давно уже отжившим и везде замененным новыми, лучшими порядками?

17-го сентября. Четверг. – Покончил я с устройством своей библиотеки и снова принимаюсь за разборку своего старого бумажного хлама. С большим интересом пробегаю эти воспоминания давно минувших лет; как будто возвращаюсь ко временам молодости и кипучей деятельности. Многое, уже забытое, воскресает в памяти, как будто покойники восстают из своих могил. Более, чем когда-либо, жалею, что не вел своего дневника с молодых лет.

Вчера получил письмо от Ал[ександра] Вас[ильевича] Головнина с приложенною к нему курьезною выпискою из полученного им письма от великого князя Константина Николаевича, описывающего свое последнее посещение Симеиса. Головнин называет это письмо матерьялом для моей биографии. Сомневаюсь в том, чтобы когда-нибудь и кто-нибудь вздумал заниматься моей биографией; однако ж почему не приложить этот документ к моему дневнику в виде pièce justificative**: (Выписка из письма великого князя прилагается в конце года)[348].

25-го сентября. Пятница. – Сегодня ездил опять в Орианду и пробыл более часа у великого князя Константина Николаевича. От него узнал весьма странные новости из Петербурга, сообщенные ему некоторыми из многочисленных приезжих. Не хотелось бы верить всем этим рассказам.

На возвратном пути заехал к почтенной старушке графине Тизенгаузен.

Вчера уехала от нас племянница моя Мордвинова с приезжавшим за нею отцом ее, сенатором Мордвиновым.

29-го сентября. Вторник. – Поездка в Мшатку к Н.Я. Данилевскому[349], частию в экипаже, частию верхом.

3-го октября. Суббота. – Получил от Обручева ответ на мое письмо, в котором я высказывал ему откровенно свое мнение о недавних

---

* никакого

** Оправдательного документа (*фр.*).

Н.Н. Обручев

переменах по военному ведомству[350]. Ответ* уклончивый, дипломатический, очевидно, ему неловко; он не может ни защищать принятые новые меры, ни осуждать их. Поэтому он изворачивается следующими туманными фразами: «...Затем, искренноуважаемый Д. А., не тем масштабом Вы меряете... Созданное Вами здание такое грандиозное и фундаментальное, что исторический обозреватель и не заметит делаемых в нем поделок и переделок. Скажет лишь: въехали новые жильцы, тут сняли перегородку, здесь поставили; развесили иначе драпировку, кое-где подкрасили или перекрасили по своему вкусу. Палаццо же будет все стоять и все будут знать, как его звать».

Сказал бы я на это: хорошо, если б только драпировку перевешивали, да перегородки переставляли; а пожалуй, жильцы начнут так хозяйничать, что потом и не узнаешь фасада здания, и все оно обветшает и развалится. То, что до сих пор сделано, конечно, не

* дан крайне

есть еще подкоп, угрожающий прочности постройки, но все-таки это первый шаг к искажению здания. А что будет впоследствии, если войдут во вкус и будут продолжать ломать одну стену за другой, не отдавая себе ясного отчета в том, что творят?

Однако ж я не намерен уже отвечать Обручеву, он, видимо, избегает категорического обсуждения затронутых вопросов. В заключение своего письма он подносит мне букет: «Понадобилось порыться в отчетах 60-х годов... вот это назидательно, это история, и внесенные основания смело идут на суд». Думаю, что порыться понадобилось по поводу назначения новой комиссии под председательством графа Коцебу. Любопытно знать, как эта комиссия поведет дело: будет ли она послушною и* беспрекословною исполнительницей заявленной высшей воли – непременно переломать все, созданное в последние 20 лет, или же сперва примется добросовестно за изучение истории этих 20-летних работ, прежде чем наложить руку на существующее здание**.

Приехал к нам сегодня моряк князь Голицын, только что возвратившийся из кругосветного плавания на клипере «Разбойник».

6-го октября. Вторник. – Решительно не можем мы здесь жаловаться на глушь и безлюдье. Каждый почти день бывают посетители. Вчера, после обеда, приехал к нам неожиданный гость – итальянский военный агент в Петербурге маркиз Паллавичини, который после дальнего странствования по Волге и Кавказу заехал в Крым по пути в Италию. Это весьма милый молодой человек, внушавший мне более сочувствия, чем все другие, бывшие у нас в разное время, иностранные военные агенты. Сегодня же, когда мы сидели еще за утренним чаем, снова навестил нас князь Дондуков-Корсаков, прибывший в Ялту с великим князем Константином Николаевичем после освящения в Севастополе нижней церкви Св. Владимира, где погребены адмиралы Лазарев, Нахимов и Корнилов. Как всегда, князь Дондуков был любезен, неистощим в своих рассказах.

Погода у нас после продолжительного ненастья и холодов снова установилась теплая, прекрасная. Хотя по ночам бывает не более 10–11 градусов Р., но днем на солнце ртуть поднимается до 34°. Все эти дни гуляю в кителе.

13-го октября. Вторник. – В газетах напечатаны известия об открытии заседаний вновь назначенной комиссии для обсуждения предпринимаемого переустройства военного управления, о составе этой комиссии и предстоящих ей задачах. (Газетное известие

---

* бесцеремонною

** Увидим.

Архиепископ Платон (Городецкий)

приводится в отдельном приложении[351]). Заседания ее происходят в той самой зале Зимнего дворца, где происходили печальной памяти совещания 1873 года; в составе новой комиссии есть несколько лиц, участвовавших и в прежних совещаниях*. Едва ли можно и теперь ожидать более полезных, чем тогда, результатов[352]. Программа комиссии очень обширна и показывает, что теперь будут подняты гласно такие вопросы, которые до сих пор считались лишь бредом небольшого числа людей, не имеющих ясного понятия о военной администрации**. Например, ставится

---

* По случайному стечению, как нарочно, сегодня же, разбирая свои старые бумаги я <наткнулся> попал, как нарочно, на оставшиеся у меня записки об этих совещаниях.

** *Первоначально*: «Программа комиссии очень обширна, но самая постановка вопросов показывает, что теперь будут подняты гласно те нелепые фантазии, которые столько лет могли считаться только как бред небольшого числа людей отсталых и не имеющих ясного понятия о военной администрации».

вопрос о расчленении военного центрального управления, с возвращением к порядкам, существовавшим во времена Александра I. Мысль эта не раз уже бродила и прежде, даже между особами высокопоставленными; но пока я был военным министром, она признавалась* несбыточною; воспрянула она гласно немедленно, лишь только решено было мое удаление и назначение на мое место Ванновского. Быть может и лучше, что подобная мысль будет обсужена гласно людьми компетентными и помимо моего участия. Если комиссия серьезно взглянет на предложенные ей вопросы и официально признает несообразность возвращения к порядкам**, некогда уже испытанным и*** признанным негодными, то замолкнут, наконец****, толки, и прекратится вредная для дела агитация. Если ж, напротив того, комиссия поддастся давлению свыше и утвердит своим авторитетом нелепую затею, заменив существующую стройную организацию нашего военного управления безобразным хаосом, то можно быть уверенным, что по прошествии немногих лет вторичный опыт снова выкажет непрактичность триумвирата и заставит по-прежнему объединить управление в одних руках. Придется только пожалеть о напрасном эксперименте*****.

Другое известие, принесенное газетами, – увольнение графа Валуева от председательства в Комитете министров и в других комитетах и замещение его Рейтерном. Приятель мой А.В. Головнин, препровождая ко мне вырезку из какой-то газеты[353] с характеристикой красноречивого государственного мужа (прозванного некогда «колоннадой»), пишет мне следующее: «Увольнение Валуева составляет предмет многих толков. Сам он говорил мне, что когда, вследствие отчета Ковалевского» (сенатора, ревизовавшего Оренбургскую и Уфимскую губернии), «действия его (Валуева) стали предметом рассмотрения особой комиссии под председательством князя Урусова (из Игнатьева, Сольского, Островского, Набокова, Ванновского и Ковалевского), он не признал возмож-

---

* почти нелепою

** отжившим

*** и забракованным

**** глупые

***** *Первоначальный текст после слов «утвердит своим авторитетом нелепую затею»*: «то надобно пожалеть о будущности военного ведомства, в котором на многие годы существующая систематическая организация сменится безобразным хаосом, пока не образумятся снова и не решатся снова переделать то, что было уже раз переделано нашими отцами».

ным оставаться председателем Комитета министров и потому письмом на имя Государя, отправленным при другом письме к великому князю Михаилу Николаевичу, просил увольнения, что немедленно и последовало. Рассказывают, будто предполагалось записку Ковалевского представить Сенату, и тогда следовало бы предание суду Валуева, Крыжановского и некоторых других, но что министр юстиции отклонил это и предложил учредить комиссию. Говорят также, что Государь полагал уволить Валуева в чистую отставку, но что Урусов упросил не делать этого в память благоволения к Валуеву покойного Государя[354].

Но вот еще новость. На место Философова главным военным прокурором назначен князь Имеретинский. Назначение это крайне удивляет меня, не столько по неожиданности и странности выбора лица (к странным выборам мы уже привыкли), сколько потому, что сам князь Имеретинский принял такое назначение, к которому он вовсе не подготовлен. При настоящем устройстве военно-судной части должность главного военного прокурора непременно требует специального изучения. Без этого условия главный прокурор может наделать много ошибок и, во всяком случае, не может иметь нужного авторитета*. Неужели поводом к его назначению было то случайное обстоятельство, что после последней войны князю Имеретинскому было мною поручено председательство в комиссии, назначенной для пересмотра положения о порядке судопроизводства в военное время?

Сегодня утром посетил меня архиепископ Херсонский Платон, приезжавший в Севастополь по случаю освящения храма, а теперь проживающий в Алупке, в доме князя Воронцова. Я имел уже прежде случаи познакомиться с этим почтенным и умным иерархом, который приобрел** известность во время епископства его в Риге, во время разгара борьбы немецких баронов против возникшего тогда стремления народа к обращению в православие. Немцы добились того, что преосвященный Платон был удален из Риги и назначен на Дон. Я виделся с ним в первый раз в Петербурге, а потом в Новочеркасске во время двух путешествий моих в тот край. Преосвященный Платон, несмотря на свои 70 лет, еще

---

* Правда, что князь Имеретинский — человек очень самолюбивый, с большими претензиями, как согласился он выступить на этот новый, неизвестный ему путь? Правда, может быть, именно потому и согласился, что имеет о самом себе очень высокое мнение.

** себе особенно

бодрый старик, со светлою головой, ведет занимательную беседу и охотно рассказывает о пережитом им тяжелом времени обращения униатов в православие в Западном крае и борьбы с немцами в Прибалтийском.

20-го октября. Вторник. – Ездил я в Орианду проститься с великим князем Константином Николаевичем, который на днях уезжает за границу. Не застав его дома, поехал в Ливадию, где великий князь слушал в дворцовой церкви панихиду по императрице Александре Федоровне. По окончании церковной службы великий князь, увидев меня, сказал мне, что намеревался прямо оттуда ехать ко мне в Симеис. Вместо того мы поехали вместе назад в Орианду, и я провел у него часа два, не заметив, как прошло это время. Он прочитал мне многие места из полученных им только накануне длинных писем А.В. Головнина, Сольского, Пещурова и дополнил рассказами о многом происходящем в Петербурге. Головнин подтверждает прежние сведения, о которых я уже слышал от великого князя, о странном обществе, образовавшемся в Петербурге, под руководством Демидова, известного более под именем князя Сан-Донато. Общество это уже весьма многочисленно и состоит из светских людей и гвардейских офицеров лучших фамилий, принадлежащих к так называемой jeunesse dorée*. Общество имеет целью тайными путями оберегать особу Государя, говоря попросту, шпионство. Вот до чего дошло извращение нравов и понятий о чести в высших слоях петербургского общества[355]. Остроумный Щедрин (псевдоним Салтыкова) уже осмеял это чудовищное явление в своем третьем «Письме к тетеньке», которое будет напечатано в «Отечественных записках» с большими выпусками. В полученных великим князем письмах много говорится об увольнении графа Валуева и назначении Рейтерна, о ходе дел в комиссиях с экспертами, о первых заседаниях Государственного совета под председательством великого князя Михаила Николаевича и проч. и проч. Тон писем Головнина вообще неутешительный; у Сольского более оптимизма. Продолжительная наша беседа с великим князем кончилась маленьким спором относительно существующей системы военного управления: Его Высочество повторил фразу, которую много раз доводилось мне слышать, о мнимых недостатках военно-окружной системы, которая будто бы создана только для мирного времени в интересах хозяйственных управлений и в ущерб интересам строевым и чисто военным. Я в сотый или ты-

* Золотой молодежи (*фр.*).

сячный раз должен был* доказывать великому князю всю неосновательность этого укоренившегося предубеждения, объяснять совершенно противуположное тому действительное значение военных округов, которые и созданы были именно для того, чтобы сблизить административную часть со строевою в местных управлениях и тем подготовить в мирное время все элементы, нужные для быстрого сформирования армий с полевыми их управлениями. Впрочем, великий князь и не оспаривал моего взгляда, а только высказал то, что сам слыхал от противников военно-окружной системы. Мы расстались вполне дружественно и даже сердечно.

На возвратном пути из Орианды я заехал к графине Тизенгаузен, где нашел многочисленное общество, исключительно дамское. Баронесса Анна Карловна Пиллар прочла мне полученное ею письмо графа Александра Владимировича Адлерберга по поводу увольнения его от должности министра двора. Письмо написано очень трогательно и умно. Граф Адлерберг скорбит не об удалении своем из того положения, в котором он чуть не родился и прожил до самой старости, но о** жесткой, почти грубой форме, в которой совершилось это удаление.

От нее же, баронессы Пиллар, узнал я, что в здешних местных газетах уже есть телеграфное известие о том, что комиссия, обсуждающая военные реформы под председательством графа Коцебу, решила «оставить все по-прежнему». Думаю, что это известие относится только к первому из подлежащих рассмотрению комиссии вопросов, именно по предположению о раздроблении центрального управления Военного министерства. Если известие верно, то я напрасно дал себе труд на днях в длинном ответном письме к Головнину[356] объяснять всю несообразность означенного предположения. По-видимому, оно возродилось (и не теперь только, а гораздо прежде) не столько из воспоминаний о прежней нашей организации времен Александра I, сколько из примера Пруссии. Но я слышал от великого князя Константина Николаевича, что кому-то из русских сам граф Мольтке выражал удивление свое, как могут в России помышлять о введении в военном управлении такого порядка, которого несостоятельность и неудобства так сильно ощущаются на опыте в самой Пруссии***.

---

* объяснять

** неприличных, грубых формах

*** **22-го октября. Четверг**. — Семейное событие, дочь моя Надежда помолвлена за князя Евгения Юрьевича Голицына-Головкина.

1-го ноября. Воскресенье. – Почти с каждой почтой получаю от добрейшего А.В. Головнина целую кипу вырезанных из газет статеек, трактующих о вопросах, обсуждаемых ныне в особой высшей военной комиссии под председательством графа Коцебу, а также и вообще о действиях Военного министерства за время моего управления. Все присылаемые статьи вырезаны почти исключительно из двух газет: «Петербургских ведомостей» и «Страны»[357]. Первая из них, издаваемая Комаровым, бывшим офицером Генерального штаба и другом Черняева, давно уже заявила себя враждебною мне лично и всему Военному министерству; другая же – «Страна» – была до сих пор мне вовсе неизвестна; не знаю и теперь, кем она издается; это маленькая, дешевенькая газета, которая, по всем вероятиям, много расходится в низших слоях читающей публики, а потому помещаемая в ней брань против меня и Военного министерства не проходит бесследно. Названные две газеты помогают «Московским ведомостям»* порочить все сделанное в военном ведомстве во время 20-летнего моего управления. До сих пор я пренебрегал газетным лаем и никогда не входил в полемику. Но в настоящее время газетные статьи получают особое значение ввиду открыто поднятого вопроса о новом переустройстве военного управления**. Опасаюсь, чтобы этот газетный лай не повлиял на комиссию, несмотря на то, что, по доходящим до меня слухам, значительное большинство ее членов положительно клонит к сохранении теперешней системы устройства как Военного министерства, так и военно-окружного управления***. В таком смысле уже появлялись некоторые известия в газетах и в частных письмах. Вот что пишет мне старшая моя дочь Шаховская из Чернигова[358]: «В Петербурге Сергей (муж ее) видел Скобелева и Павлова (начальники штаба Кавказского военного округа) и слышал от них много интересного о де-

---

* вести отчаянную пропаганду против всего

** *Первоначальный текст после слов «До сих пор я пренебрегал газетным лаем и никогда не входил в полемику»*: «зная, как бесполезно опровергать <недобросовестного> бессовестного противника, который во что бы ни стало задался целью все порочить, извращая факты и перетолковывая все <их> по-своему. Но в настоящее время газетные статьи получают особое значение ввиду поднятого <затеянной> высшею комиссией общего вопроса о новых реформах в военном ведомстве. Злобные статьи газет подкрепляют заявления пустословных говорунов, которые давно уже твердят о необходимости совершенной ломки в военном устройстве; они могут поколебать слабые головы, которые неспособны к твердым убеждениям и честным понятиям о делах».

*** Кроме тех немногих сведений

лах военной комиссии. Твое торжество полнее, чем когда-либо, и когда это выяснилось поразительным большинством голосов, Скобелев, *говорят*, предложил послать тебе от имени комиссии приглашение приехать руководить дальнейшими работами комиссии...». Не знаю, в какой мере можно положиться на эти сведения; во всяком случае, однако ж достоверно, что большинство в комиссии высказалось в пользу созданной мною системы. Несмотря на то, враждебные мне газеты продолжают свой гам, цинически предупреждая, что большинство голосов в комиссии никакого значения не имеет, что голоса «бюрократов» (любимое выражение этих газет), сколько бы их ни было, ничтожны пред голосом хотя бы одного «боевого генерала», и что окончательное решение не зависит от счета голосов. Последнее, к сожалению, может быть, и верно; и в прежнее царствование мы видали примеры, что в самых важных государственных вопросах утверждалось мнение двух-трех членов против всех прочих*. Поэтому едва ли можно и теперь, несмотря на благоприятный оборот дела в комиссии, оставлять вовсе без внимания самые ничтожные газетные статьи, которые не ограничиваются только рассуждениями о том или другом вопросе, но хлещут наобум по всему, что попадет им под руку. Я должен сам себе признаться, что некоторые из доставленных мне статеек задели меня за живое; бессовестные писаки нашли средство запятнать всю мою 20-летнюю деятельность; после всей массы кипучей работы за это время теперь обвиняют министерство чуть не в бездействии. Даже все неудачи последней войны, все промахи августейшего главнокомандующего и его штаба сваливают на министерство, позабывая те похвалы, которые расточались во время самой кампании, когда самые записные враги мои должны были признать, что никогда еще русская армия не являлась на театр войны так хорошо подготовленною и снабженною. В то время ходила даже такая фраза, что война 1877 года была как бы экзаменом для Военного министерства и что экзамен этот выдержан блистательно. Едва прошло с тех пор три года, и уже слышим совершенно противное: Военное министерство ничего не подготовило, ничего вовремя не сделало, во всем оно сиповато. Неужели таков же будет и суд истории?

При всей моей решимости отстраниться от волнений и страстей официального мира, никакое философское спокойствие не в силах перенести равнодушно столько незаслуженных оскорбле-

* голосов Государственного совета.

ний, как за себя самого, так и за многих из бывших моих лучших сотрудников. Присланные мне газетные статьи так возмутили меня, что я было намеревался взяться за перо, чтобы написать резкое возражение, как советовал мне А.В. Головнин; но поразмыслив и успокоившись, сообразил, что унизительно было бы мне прямо, от своего лица, входить в полемику с газетными писаками и что притом мое опровержение дойдет до публики слишком поздно. Я ограничился письмом к генералу Обручеву: обратив его внимание на бессовестные* и оскорбительные статьи газет и на вредное влияние, какое они могут иметь как на комиссию, так и в высших правительственных сферах, я предоставил ему самому решить, можно ли оставить подобные газетные выходки без всякого возражения.

При этом я также указал генералу Обручеву несколько статей «Петербургских ведомостей», трактующих о недостатках Положения 1868 года о полевом управлении армии. Статьи эти замечательны тем, что в них встречаются те же мнения, даже те же фразы, которые были высказаны в записке князя Барятинского, поданной им Государю в 1869 году, и отчасти повторены в его же записках 1873 года[359]. Записки эти с собственноручными отметками покойного Государя и возражениями Военного министерства хранятся в канцелярии министерства. И вот теперь, по прошествии 12 лет, снова всплывают прежние нелепые обвинения Военного министерства в неограниченном властолюбии, в намерении будто бы принизить значение главнокомандующего армией, подчинить его министру и отстранить от Государя. Очевидно, что авторы явившихся ныне статей принадлежат к той же шайке интриганов, которая в 1869-м и 1873-м годах орудовала под знаменем фельдмаршала князя Барятинского. После неудачного его похода против Военного министерства окружавшая фельдмаршала шайка притихла, но теперь, видно, признала время удобным, чтобы снова поднять свою бессовестную голову.

2-го ноября. Понедельник. – Вчера только отправил я письмо к Обручеву с горькими сетованиями на то, что ни один голос не поднимается в печати в опровержение** появляющихся почти ежедневно оскорбительных для Военного министерства газетных статей, а сегодня получаю № «Порядка», в котором нахожу бойко написанную заметку по поводу нахальных и возмутительных выходок как «Петербургских ведомостей», так и московских[360].

---

* обвинения, взводимые не на одного меня, но на все министерство

** нахальных газетных статей

О статьях «Страны» не упоминается; вероятно, писавший заметку в «Порядке» пренебрегал такою газеткой или даже не знал о ее существовании. Заметка в «Порядке» не есть обстоятельное опровержение всей лжи и пустословия, подобранных с замечательным цинизмом в «Петербургских ведомостях», но хорошо и то, что дан, наконец, щелчок этим нахалам. В заметке сделан очень ловко намек на близкое родство появившихся ныне в «Петербургских ведомостях» статей с давно забытыми словоизвержениями покойного «Русского мира»* [361].

12-го ноября. Четверг. — Неутомимый корреспондент мой, добрейший Ал[ександр] Вас[ильевич] Головнин продолжает с каждой почтой присылать мне вырезки из газет и сообщать кое-какие сведения о петербургских толках. Полемика по поводу военных реформ разгорелась не на шутку. В «Порядке» явилось несколько бойких статей против нахальных выходок «Петербургских ведомостей». Также и «Новое время» в нескольких статьях расточает щедрые похвалы моей деятельности вообще, отделяя мою личность от вопросов, возбужденных в комиссии и в печати. «Петербургские» же «ведомости» после задорных нападок на все существующее в военном устройстве начинают высказывать сомнение в том, чтобы осуществилась желаемая ими ломка, и уже прямо предсказывают, что и новый военный министр не в силах будет переделать этот ненавистный им строй. В последних статьях названной газеты нет уже прежней нахальной самоуверенности, а проглядывает безнадежность в успехе поднятого вновь похода. Из писем Головнина, Баранцова и других видно, что, действительно, в комиссии графа Коцебу сильное большинство высказалось в пользу сохранения существующего военного устройства, хотя рядом с этим заключением большинства, вероятно, будет представлено несколько других мнений разных фракций меньшинства. По сведениям мною полученным, все три великие князя (т. е. оба фельдмаршала[362] и Владимир Александрович), а также граф Коцебу, Ванновский, Дрентельн, Альбединский стали решительно на стороне большинства, чего, признаться, я не ожидал; а зато, столь же не-

---

* **5-го ноября. Четверг.** — Отъезд князя Евгения Голицына из Симеиса за границу. Предполагавшийся брак с дочерью Надеждой не состоится: она решилась сегодня же утром объявить ему об этом. Лучше теперь же разойтись, чем потом горевать. Но мне жаль его: человек хороший, добрый, честный, чрезвычайно мягкого характера, или лучше сказать, вовсе бесхарактерный, до крайности застенчивый, безответный[?] Мне рассказывали об этом друзья его <?>

ожиданно для меня, в ряды противников моих стали Драгомиров и Рооп. Головнин пишет, что нахальство статей в «Петербургских ведомостях» произвело в публике обратное действие, «возбудив общее негодование и омерзение»[363]. Сегодня должно быть последнее заседание комиссии, после которого приглашенные члены немедленно разъедутся. Стало быть, вскоре узнаем несколько обстоятельнее результат происходивших в комиссии продолжительных прений.

Между тем мне вздумалось приняться самому за перо и разъяснить совершенно спокойно, вполне объективно все те недоразумения и ошибочные понятия, которые высказываются, как в газетной полемике, так и в публике, касательно существующего военного устройства. Я принялся за эту работу исподволь: во время своих утренних прогулок набрасываю карандашом свои мысли, чтобы потом пополнить их фактическими и цифирными справками, какие окажутся у меня под рукой. Стараюсь придать своему изложению характер* дидактический и отнюдь не полемический.

Несколько времени тому назад получил я поздравительную телеграмму от генерала Бобровского с адресом: «Почетному президенту Военно-юридической академии»; не совсем поняв, с чем меня поздравляют, я ответил, благодаря в общих выражениях[364]. Потом уже прочел в газетах, что, вследствие единогласного постановления конференции академической, испрошено было высочайшее соизволение на присвоение мне звания почетного президента академии, а тайному советнику Философову – почетного члена; вместе с тем решено поместить в одной из зал академии мой портрет. Только сегодня получил я, наконец, официальное уведомление об этом новом, лестном для меня знаке внимания. Решение конференции в особенности приятно мне теперь, когда я сошел со сцены. Оно делает честь конференции и доказывает, что пословица: «les absents ont toujours tort»**, – не всегда справедлива.

21-го ноября. Суббота. – На днях получил письмо от генерала Обручева, который сообщает мне известие об окончании занятий комиссии, обсуждавшей вопросы о военных реформах, и о результатах продолжительных ее дебатов[365]. Результат не очень утешительный. Хотя по обоим вопросам (о министерстве и об округах) большинство голосов на стороне существующего

---

* серьезной

** Отсутствующие всегда виноваты (*фр.*).

порядка, но с такими оговорками, что ничего доброго в окончательном решении ожидать нельзя. Старик Коцебу не выдержал характера и под конец поддался влиянию газетной полемики, а еще вероятнее – влияниям из Гатчины. Обручев пишет в крайне мрачном настроении; сам не надеется удержаться на своем месте.

Продолжаю получать частые письма от своего друга Головнина; присылка газетных вырезок с некоторого времени прекратилась; по-видимому, и самая полемика замолкла, хотя в «Порядке» еще и в последних номерах являлись статьи и «известия» о последних заседаниях комиссии и по-прежнему в смысле, приязненном мне. Головнин продолжает настаивать на необходимости напечатания обстоятельной статьи для разъяснения военных вопросов, возбудивших столько споров и шуму; он находит нужным вразумить не только военную молодежь, но и людей более солидных и чиновных, смутно понимающих дело и легко поддающихся впечатлению прочитанных газетных статей. Головнин уговаривал меня приняться за перо. После некоторого колебания я решился последовать его совету и в течение последней недели, во время ежедневных моих одиночных прогулок то в Алупку, то в Лиман набросал карандашом свои мысли по поводу всего высказанного в печати сумбура относительно преобразований Военного министерства и военных округов. Из этих заметок вышла довольно полновесная статья[366]. Сегодня я кончил эту работу и завтра отправлю ее по почте Головнину, с предоставлением ему распорядиться по собственному его соображению.

Южный берег окончательно опустел; туристов почти уже не видно. В четверг уехали наши кореисские соседи – графиня Тизенгаузен с баронессой Пиллар. Между тем погода в иные дни бывает еще прекрасная, особенно по утрам. Мои прогулки между утренним чаем и обедом доставляют мне большое удовольствие.

29-го ноября. Воскресенье. – А.В. Головнин продолжает с каждой почтой присылать мне вырезки из газет, как будто для того, чтобы не давать мне наслаждаться моим уединенным спокойствием. В газетах продолжается ярая полемика по поводу возбужденных вопросов о военных реформах. В некоторых статьях как будто выгораживают мою личность, нападая только на некоторые из сделанных мною по военной части реформ; в других же прямо нападают на меня с возмутительным цинизмом. Полученные вчера статьи этого рода до того бессовестны и гнусны, что я не имел охоты прочитать их все и бросил в огонь. Более интересна была

для меня присылка некоторых из печатных записок, поданных членами бывшей комиссии о военных реформах. В двух из них – великого князя Владимира Александровича и генерал-адъютанта Альбединского – прямо высказано мнение в пользу сохранения военно-окружной системы и объясняется весьма дельно, почему невозможно у нас применить прусскую систему территориальных корпусов. В записке генерал-адъютанта Софиано, хотя и посвященной специально вопросу об артиллерии, также высказывается положительно мнение о выгодах и достоинствах нашей военно-окружной системы. В том же смысле и еще категоричнее высказывает Скобелев выгоды военно-окружного устройства, хотя и предлагает, со своей стороны, некоторые изменения в частностях положения. В записках генералов Лобко, Якимовича и генерал-адъютанта Черткова (Григория) главная мысль та, чтоб не ломать существующего, не имея в виду чего-либо уже выработанного и положительно лучшего. Лобко в особенности умно развивает соображения о невыгодных последствиях неустойчивости в нашем военном устройстве. Затем, в прочих записках: великого князя Николая Николаевича, графа Тотлебена, графа Шувалова 2, генерал-адъютанта Радецкого, отчасти генерал-адъютанта Роопа высказываются такие противоположные мнения, предлагаются такие фантастические, необдуманные желания о переустройстве нашей военной администрации, что беспристрастный и здравый ум должен из них вывести заключение скорее в пользу существующей военно-окружной системы, чем против нее[367]. В каждой записке, отдельно взятой, встречаются поразительные противуречия, необдуманность и путаница в понятиях. Если б я имел ранее в руках эти записки, то изложил бы несколько иначе некоторые места в своей статье, посланной на прошлой неделе Головнину; я выставил бы рельефнее и резче нелепость некоторых из заявленных предположений. Но после всей гнусной полемики в газетах, после прочтения сегодня мнений наших военных авторитетов все эти толки и пустословия до того мне надоели, до того внушают мне отвращение, что я решаюсь более не заниматься ими, ничего более не читать по этому предмету и, тем более, не продолжать начатой мною работы для разъяснения поднятых вопросов. Постараюсь снова замкнуться в свою уединенную деревенскую жизнь, оставаясь в стороне от всего, что творится в* петербургском омуте. Пусть делают глупости; чем будет глупее, тем, может быть, скорее образумятся.

---

* грязном

В таком смысле я писал сегодня А.В. Головнину[368], возвращая ему присланный им для прочтения оттиск непропущенной цензурою статьи Салтыкова (Щедрина), одного из «Писем к тетеньке». Это одна из самых злых сатир его на современное настроение в Петербурге. Смешно, и в то же время крайне грустно.

Узнал из газет о смерти графа Ник[олая] Ник[олаевича] Муравьева-Амурского. Еще один из старых моих приятелей молодости сошел в могилу. Я познакомился с ним 42 года тому назад в первую поездку мою на Кавказ[369]. Тогда он был полковником (кажется, даже подполковником), состоял при генерале Головине и принимал деятельное участие в военных действиях на береговой линии. Он всегда щеголял своим либерализмом, даже в те времена, когда это было небезопасно. Несмотря на то, он в молодых еще летах и невысоком чине получил место генерал-губернатора Восточной Сибири, где и выказал свои административные способности, кипучую деятельность и энергию. Ему и Игнатьеву (Николаю Павловичу) принадлежит честь приобретения Амурского края[370]. У Муравьева было много хороших качеств для администратора; но, конечно, были и недостатки: несколько легкое отношение к делу, много для блеска, для популярности, и фаворитизм. По увольнении его от должности генерал-губернатора и назначении членом Государственного совета мы снова сошлись и сблизились. Но он недолго оставался в Петербурге: состояние здоровья давало ему законный повод переселиться за границу, и вот около 20 лет, что он проживал в Париже, изредка только показываясь на короткое время в Петербурге. В последние годы он заметно опустился и физически, и умственно. Продолжительная жизнь за границей в полном бездействии имела на него неизбежное влияние и наложила на него отпечаток недовольного эмигранта.

3-го декабря. Четверг. – Еще одного близкого мне человека похитила смерть. Прочел в газетах о кончине генерал-адъютанта графа Бориса Алексеевича Перовского. Это был отличный, честный и благородный человек, один из немногих, с кем я был до последнего времени в товарищеских отношениях. Мы вместе учились в бывшем Московском университетском пансионе; он вышел годом прежде меня, не закончив курса, и поступил в тогдашнюю школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, откуда в один год со мною произведен офицером в Кавалергардский полк. Он – родной брат Льва Алексеевича и Василия Алексеевича Перовских; несмотря на то, что с молодых лет ему пришлось быть

Граф Б.А. Перовский

при дворе, он сохранил простоту и обходительность* хорошего, доброго человека. Мои с ним товарищеские связи укрепились в первую мою поездку на Кавказ в 1839 году: мы были неразлучны во все продолжение экспедиции под Ахульго, жили в одной палатке, потом вместе ездили в Тифлис и вместе возвратились в Петербург[371]. Несколько лет состоял он при покойном наследнике цесаревиче Николае Александровиче, а после кончины его при великом князе Владимире Александровиче. Оба молодые великие князя сердечно любили его и уважали. Перовский, женатый на Булгаковой[372], был примерным семьянином. В прошлую весну его постигла тяжелая болезнь; но он, по-видимому, поправился и начал выезжать именно в то время, когда я готовился уехать навсегда из Петербурга. Мы встретились с ним случайно у какого-то подъезда; я вошел к нему в карету, чтобы проститься с ним. Он сказал мне, что собирается также ехать за границу, что врачи посылают его на юг, и простился со мною так задушевно, что слезы показались у него на глазах: «Да, любезный друг, вероятно, мы прощаемся уже навсегда». Предчувствие его сбылось скорее, чем мы оба могли ожидать. Он скончался в Канне.

---

* порядочного

6-го декабря. Воскресение. – Получил весьма любезную телеграмму из Нижнего от командира Староингерманландского пехотного полка полковника Беклемишева[373], по случаю празднуемого сегодня полкового праздника. Получать подобные телеграммы не было для меня редкостью, пока я был министром; но теперь телеграмма эта имеет для меня совсем другую цену; она тронула меня, как выражение доброй памяти, совершенно бескорыстное.

27-го декабря. Воскресенье. – Три недели пропуска в дневнике моем. Кажется, никогда еще не бывало такого продолжительного антракта. Настоящая моя жизнь течет так однообразно и безмятежно, что становится почти излишним продолжать дневник. День мой начинается всегда с большой пешеходной прогулки, иногда с одной из дочерей; погода стоит восхитительная; например, сегодня днем было до 13 градусов тепла по Реомюру в тени, и я вполне наслаждаюсь такою благодатью. Затем ранний обед, а потом большую часть дня провожу за своим письменным бюро: перечитываю письма и бумаги, сохранившиеся от прежних времен, и понемногу привожу в порядок свои воспоминания. По вечерам читаю газеты, журналы и кое-какие книги.

На днях А.В. Головнин прислал мне оттиск моей статьи, которая будет помещена в январской книжке «Вестника Европы» под заглавием: «Военные реформы императора Александра II»[374]. Головнин в каждом письме своем упрекает меня, что я отказался продолжать статью свою, и подкрепляет свое мнение выпиской из полученного им письма от великого князя Константина Николаевича. Они придают слишком большую важность моим статьям; сам я вовсе не ожидаю, чтобы мои посильные объяснения переубедили кого-либо из моих противников quand-même*. Я уже высказал в прежних своих письмах к Головнину, почему именно нахожу невозможным продолжать начатую работу.

30-го декабря. Среда. – Получил весьма любезное письмо от Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», с изъявлением благодарности за статью мою, помещенную в 1-м номере этого журнала на будущий 1882 год, и самую книжку[375].

Узнал из газет о смерти Андрея Парфеновича Заблоцкого, одного из самых давнишних приятелей моих. Знакомство наше началось с того времени, когда я, молодым еще офицером, жил в Пе-

* Даже в крайнем случае (*фр.*).

А.П. Заблоцкий-Десятовский

тербурге вместе с братом Николаем[376]. Заблоцкий был тогда в нашем приятельском кружке, и с тех пор сохранились постоянные между нами сношения. Особенно в последнее время мне приходилось иметь с ним общее дело; в качестве душеприказчиков по завещанию дяди моего графа Павла Дм[итриевича] Киселева мы вместе распоряжались постройкой памятника в Москве, в Донском монастыре, и составлением биографии; на то и на другое были завещаны покойником особые суммы (по 10 тысяч рублей). Только в истекающем году мы привели оба дела к совершенному окончанию: обеспечили на будущее время сохранность памятника и только что выпустили в свет составленную Заблоцким биографию[377]. На заглавном листке выставлен 1882 год, до которого однако ж не суждено было автору дожить. Он скончался 24-го декабря. Грустно становится, когда уходят с этого света один за другим все спутники жизни и уносят с собой последние следы молодых лет. Впрочем, А.П. Заблоцкий был значительно старше меня летами и в последние годы постоянно хворал.

Завтра последний день 1881 года, года тяжелого для всей России. Трагическая катастрофа 1-го марта произвела резкий перелом в нашей государственной и общественной жизни. Разочарование, которым можно характеризовать общее настроение в последние годы прошлого царствования, с первых же дней нового царствования сменилось полною безнадежностью.

1881-й год и в личном моем положении, и в семейной моей жизни – год крутого перелома.

Комментарии

[1] В конце 1878 — начале 1879 г. со стороны России и Турции были предприняты усилия по заключению двустороннего оборонительного договора. Россию на переговорах в Константинополе представлял А.Б. Лобанов-Ростовский, Турцию — министр иностранных дел А. Каратеодори-паша и председатель Государственного совета Али-паша. Речь шла о подписании соглашения, которое касалось бы только интересов России и Турции и не противоречило бы духу Берлинского трактата (последний был подписан 13 июля 1878 г. на Берлинском конгрессе, по окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). Переговоры затянулись из-за разногласий по конкретным статьям соглашения. Особые споры вызвали румелийский и пограничный вопросы. Турецкое правительство пыталось ускорить вывод русских войск из Южной Болгарии и восстановить там свои порядки, что было прямым нарушением условий Берлинского трактата. После ряда взаимных уступок был выработан проект договора, подписанный обеими сторонами 8 февраля 1879 г. Договор определял сумму военного вознаграждения России со стороны Турции, сроки ее уплаты, расходы на содержание турецких и русских военнопленных (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 207–210; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 230–231).

[2] Как указывалось в «Правительственном сообщении», опубликованном 22 декабря 1878 г., астраханский губернатор Н.Н. Биппен 16 декабря телеграфировал в Министерство внутренних дел о том, что в казачьей станице Ветлянка Енотаевского уезда «появилась между жителями весьма заразительная болезнь эпидемического характера». Число жертв эпидемии быстро росло. Если 22 декабря 1878 г. в «Правительственном вестнике» (№ 286) сообщалось о 143 умерших из 195 заболевших, то 3 января 1879 г. — уже о 273 умерших из более чем 300 заболевших. Врачи первоначально усмотрели в болезни «возвратную горячку», затем некоторые из них стали говорить о чуме (казачьи власти, напротив, ее решительно отрицали). Как установил впоследствии профессор Г.Н. Минх, чума, скорее всего, была перенесена в низовья Волги казаками, возвращавшимися с войны через кавказское побережье Каспийского моря (а туда, в свою очередь, из персидского

Решта). 18 декабря Ветлянка была оцеплена, однако болезнь уже перекинулась в соседние селения и калмыцкие кочевья. Лечению она практически не поддавалась. Тем временем слухи еще больше раздували ее размеры. 28 декабря в «Голосе» (№ 357) была опубликована телеграмма о появлении чумы в Царицыне, в ней говорилось о 173 умерших из 189 заболевших. «Правительственный вестник» уже на следующий день опроверг это известие, а 30 декабря напечатал успокоительную телеграмму царицынского городского головы Н. Мельникова (№ 289–290). Сообщения о положении дел в Поволжье появлялись теперь в газете Министерства внутренних дел практически ежедневно. Однако, хотя к середине января 1879 г. эпидемия постепенно сошла на нет и наблюдались лишь единичные случаи заболевания, официальные сведения о времени появления заразы, характере и распространении болезни, количестве жертв были противоречивы и не смогли внести успокоения. Напротив, в обществе усиливалась паника, ходили слухи о признаках «ветлянской чумы» под Киевом и под Москвой. Тогда же возникла мысль о направлении в зараженную местность особого отряда Общества Красного Креста, формирование которого продолжалось до конца января 1879 г. Подробнее см.: *Минх Г.Н.* Отчет об Астраханской эпидемии. М., 1881; *Юзефович В.М.* Красный Крест во время чумной эпидемии в Астраханской и Саратовской губерниях в 1879 г. СПб., 1883; *Щепотов Н.К.* Чумные и холерные эпидемии в Астраханской губернии. Казань, 1984; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 48–52, 348–353.

[3] Имеется в виду сражение у Филиппополя 15–17 января 1878 г. передового отряда русских войск под командованием генерала И.В. Гурко с армией Сулейман-паши. Несмотря на то, что отряду Гурко не удалось окружить турок, успех, достигнутый русскими войсками в этих сражениях, был весьма значителен. Армия Сулейман-паши, понесшая большие потери, ослабленная массовым дезертирством, расчлененная, лишенная большей части артиллерии и вынужденная бросить оставшуюся артиллерию и обозы при движении через Родопы, перестала существовать (см.: Русско-турецкая война. 1877–1878. М., 1974. С. 367–374).

[4] Подразумеваются великий герцог Мекленбург-Шверинский Фридрих-Франц II и его жена Мария Каролина Августа, которые прибыли в Петербург на церемонию бракосочетания их сына, наследного принца Мекленбург-Шверинского, с великой княжной Анастасией Михайловной. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[5] В 1878 г. произошли студенческие беспорядки в Харьковском университете в знак солидарности с протестующими студентами Харьковского ветеринарного института. Последние были недовольны некоторыми профессорами, притеснявшими студентов. Протестующие студен-

ты тогда были отданы под суд. В связи с этим харьковские студенты письменно обратились за поддержкой к студентам петербургских высших учебных заведений. Обсуждение письма вызвало волнения в Медико-хирургической академии. 29 ноября 1878 г. несколько сотен студентов двинулись к Аничкову дворцу для передачи наследнику престола вел. кн. Александру Александровичу петиции по поводу положения студенчества. Петиция была передана петербургскому градоначальнику, который обещал доставить ее по назначению. На другой день, 1 декабря, градоначальник явился в академию, где происходило собрание студентов. Собрание было разогнано полицией, пустившей в ход нагайки. В результате этого многие студенты были избиты и изувечены. 130 человек было арестовано. Подробнее о студенческих беспорядках 1878–1879 гг. см.: Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983. С. 323–329.

В этой обстановке 19 декабря 1878 г. гр. Д.А. Толстой доложил Александру II о том, что утвержденные Комиссией для управления Медико-хирургической академией правила, разрешающие «частные совещания между студентами академии», неблагоприятно отразятся на спокойствии в учебных заведениях других ведомств. Александр II повелел обсудить данный вопрос в Особом совещании под председательством П.А. Валуева. В состав совещания вошли С.А. Грейг, А.Р. Дрентельн, Л.С. Маков, гр. Д.А. Милютин, Д.Н. Набоков, К.Н. Посьет, гр. Д.А. Толстой, а также Н.В. Исаков как управляющий Медико-хирургической академией и И.Д. Делянов «как составитель с членами от разных ведомств ныне действующих в университетах и других высших учебных заведениях главных дисциплинарных правил». Единственное заседание совещания состоялось 4 января 1879 г. На нем гр. Толстой, ссылаясь на мнение попечителей четырех учебных округов, выражал опасение, что студенты других учебных заведений потребуют предоставления им таких же прав, какими пользуются учащиеся в Медико-хирургической академии. В том случае, если им будет в этом отказано, министр народного просвещения не исключал возникновения волнений, которые могли перекинуться затем на гимназии и другие средние учебные заведения, «где также учатся взрослые молодые люди». Со своей стороны, Милютин указывал на то, что после инцидента 29 ноября 1878 г. на совещании министров под председательством императора было решено допустить призыв полиции в стены университета. Военный министр настаивал на том, что начальство академии способно определить, что считать запрещенной сходкой, требующей полицейского вмешательства, а что — «беседою или совещанием, не имеющими преступного характера». Пределы разрешенных «совещаний» были, по его мнению, четко определены в новых правилах, утвержденных комиссией. При этом военный министр полагал, что сходки будут собираться, несмотря на любые запреты, «и гораздо лучше и с достоинством правительства согласнее однажды на-

всегда разграничить дозволенное от недозволенного». Другие члены Особого совещания высказались в том смысле, что в учебных заведениях их ведомств нужды студентов удовлетворяются установленным порядком и никакой необходимости в сходках нет. «Домогательства эти, — говорилось в составленном Валуевым журнале совещания, — стали являться под влиянием извне, направленном к той цели, чтобы укоренить между студентами мысль, что они составляют особую силу в государстве, которой прочность и влияние зависит от солидарности между учащимися всех высших учебных заведений, одинаковости их требований и самого способа предъявления этих требований пред правительством». В журнале отмечалось также, что сходки запрещались скорее формально, а профессура не оказывала на учащуюся молодежь должного влияния. Вместе с тем было признано неудобным отменить в Медико-хирургической академии только что введенные правила. Одновременно, разделяя опасения гр. Толстого и считая нежелательным распространение данных правил на другие учебные заведения, члены совещания решили при возникновении волнений действовать без послаблений. Журнал Особого совещания см.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 416. Л. 19–27. Материалы Особого совещания см. также: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Д. 14.

[6] Иордань — место на льду и прорубь, специально подготовленная для церемонии освящения воды на Крещение.

[7] Кабардинский 80-й пехотный генерал-фельдмаршала князя Барятинского полк был сформирован в 1726 г., с 1777 г. находился на Кавказе, где с 1785 г. участвовал в боевых действиях против горцев (в том числе в Даргинской экспедиции 1845 г., во взятии аулов Гергебиль в 1848 г. и Ведено в 1859 г.). С 1843 г. шефом полка состоял военный министр кн. А.И. Чернышев, а с 1858 г. — кн. А.И. Барятинский (командовавший полком в 1846–1850 гг.). После смерти фельдмаршала шефами полка, сохранившего его имя, являлись императоры Александр II, Александр III и Николай II.

[8] Стремление афганского эмира Шир-Али-хана сблизиться с Россией было обусловлено ухудшением англо-афганских отношений. 29 июня 1878 г. из Самарканда в Кабул прибыла русская дипломатическая миссия во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым для того, чтобы расположить афганского эмира в пользу России, предупредив его о военных приготовлениях России в Туркмении. Русская миссия была встречена в Кабуле с особой пышностью и почестями (подробно об этом см.: *Яворский И.Д.* Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг. Т. 1. СПб., 1882. С. 307–316).

В результате переговоров в Кабуле был составлен проект договора о союзе с Афганистаном, который был отправлен для рассмотрения императору Александру II. Договор не был утвержден российским правительством, но было решено заслушать отчет Столетова и обсудить

афганский вопрос в присутствии российского посла в Лондоне П.А. Шувалова. После отъезда Столетова русскую миссию в Кабуле возглавил полковник Н.О. Разгонов. В свою очередь британское правительство потребовало от эмира принять свою дипломатическую миссию, но получило отказ.

18 октября 1878 г. на совещании у Александра II в Ливадии, не без влияния приехавшего из Лондона Шувалова, было решено посоветовать эмиру не обострять отношений с Великобританией из-за приема британского посольства; Шир-Али-хану дали понять, чтобы он не рассчитывал на материальную поддержку России в случае войны с Великобританией. Шувалову же поручалось вести в Лондоне переговоры с целью предупредить англо-афганскую войну. Переговоры эти оказались безрезультатными. В ноябре 1878 г. британские войска захватили Кабул, Кандагар и другие афганские города. В этих условиях Шир-Али-хан решил лично поехать в Ташкент, а затем в Петербург для свидания с Александром II. 1 декабря он выехал из Кабула вместе с русской миссией. Они направились на север к Мазари-Шерифу. 10 декабря эмир писал К.П. Кауфману: «...Я по совету почетных сановников и военных начальников отправился в путь. Они указывали, чтобы я лично отправился в Петербург, в столицу великого хозрета, и высказал в присутствии Его Императорского Величества все претензии, относящиеся к английскому правительству и его отношению к нам». Видя, что Петербург не торопится его принимать, эмир послал Кауфману второе письмо, в котором выразил свое раздражение следующими словами: «Для русского правительства мало было отказать мне в военной помощи, которую я просил, но они еще советуют мне возобновить сношения с Англией и заключить мир с моими кровными врагами! Ведь все это ясно показывает, что Россия отказывает мне в своей поддержке. Если бы я захотел заключить с Англией мир, то сделал бы это и без чьего-либо совета!» (цит. по кн.: *Юлдашбаева Ф.Х.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 108). Именно об этих письмах афганского эмира идет речь в дневнике. Хотя российское правительство держалось лавирующей политики, чтобы избежать военного столкновения с Великобританией, часть его поддерживала приезд эмира. Исходя из этих соображений, канцлер А.М. Горчаков 28 декабря 1878 г. телеграфировал Кауфману, чтобы тот пригласил эмира в Ташкент. Однако Шир-Али-хан был вынужден отказаться от этого, т. к. был тяжело болен. Вместо себя он направил в Ташкент своего брата — министра иностранных дел Шир-Мухаммед-хана. Усиление британских позиций в Афганистане вызывало серьезные опасения российских дипломатов и военных. Тот же англоман Шувалов запрашивал у правительства инструкции на случай, если Великобритания будет настаивать на отторжении от Афганистана Хайберского и Курамского проходов и Кандагара, учреждении постоянных британских миссий в Кабуле и Герате с

условием, что российских миссий там не будет. Шувалов предлагал в этом случае угрожать Великобритании с единственно уязвимой стороны — Мерва — и готовиться к его захвату немедленно. Англичане намеревались выйти в долину р. Амударьи и пытались использовать в качестве союзников Иран и туркменские племена. Российское правительство опасалось, что Великобритания захватит прилегающий к Туркмении Герат или передаст его Ирану, после чего начнет наступление на Россию (подробнее об этом см.: *Юлдашбаева Ф.Х.* Указ. соч. С. 109–111; *Ахмеджанов Г.А.* Гератский вопрос в XIX в. Ташкент, 1971. С. 47–51).

[9] Имеется в виду 50-летний юбилей службы в офицерских чинах.

[10] Македония была включена в состав Болгарии согласно русско-турецкому прелиминарному договору, подписанному в Сан-Стефано 3 марта 1878 г., что вызвало протесты со стороны Греции и Сербии, претендовавших на эту территорию. Не хотела смириться с Сан-Стефанским договором и Турция. Турецкое правительство, подогреваемое Великобританией, а в некоторых случаях и Австрией, провоцировало волнения мусульманского населения в районах, которые должны были отойти к Болгарии. Одним из центров волнений стала Албания и северо-западные районы Македонии. Обстановка в Македонии особенно накалилась после Берлинского конгресса (июнь-июль 1878 г.), когда сюда устремились целые караваны турецких и албанских беженцев из освобожденных территорий Болгарии и Сербии, а также оккупированных Австрией районов Боснии и Герцеговины. Были случаи массового сожжения христианских сел, грабежей, убийств, особенно в пограничных районах. Представители македонской интеллигенции и зажиточных кругов организовали петиционную кампанию, направляя в адрес русского командования мольбы о помощи. Депутации македонцев приходили к начальнику русского гражданского управления в Болгарии князю А.М. Дондукову-Корсакову, штаб-квартира которого находилась сначала в Пловдиве, а затем в Софии, прося не отделять их от Фракии и Мизии, а также защитить от неистовств башибузуков и других насилий. К лету 1878 г. всю Македонию охватили стихийные антифеодальные выступления крестьян и четническое движение, переросшие к осени в широкое антитурецкое восстание, получившее название «Кресненское». Оно было подавлено к июню 1879 г. (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. С. 49–51).

Упомянутое письмо князя А.М. Дондукова-Корсакова к Д.А. Милютину от 13 декабря 1878 г. из Софии опубл. в кн.: Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг. / Под ред. Н.Р. Овсяного. Вып. 3. СПб., 1904. С. 124–131.

[11] Наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич с особой заботливостью относился к вопросу о сооружении в этом районе

железных дорог. Он продолжал дело, начатое кн. А.И. Барятинским в бытность того кавказским наместником, который планировал строительство закавказской железной дороги (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 55–56). Первым результатом деятельности Михаила Николаевича в этом направлении было строительство Поти-Тифлиской и Ростово-Владикавказской железных дорог. Но великий князь не собирался на этом останавливаться: он усиленно хлопотал о сооружении других линий, из которых на первое место ставил дорогу от Тифлиса до Баку. Кроме этого он настаивал на скорейшем сооружении дороги к двум главным пунктам завоеванных Россией в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. областей: Карсу и Батуму. Вопрос этот был рассмотрен Комитетом министров еще в октябре 1878 г., и были выделены необходимые средства. Тогда же Михаил Николаевич представил в Кавказский комитет подробную записку о необходимости строительства на Кавказе и в Закавказье целой сети железных дорог, состоящей из пяти основных линий: 1) от Тифлиса до Баку; 2) от Владикавказа до Петровска; 3) от Владикавказской дороги через Кавказский хребет до Тифлиса; 4) от Тифлиса до Карса; 5) от Поти-Тифлиской дороги к Батуму. Кроме этого великий князь считал целесообразным построить в будущем ряд железных дорог, имевших, кроме военного и торгового, еще и политическое значение: от Петровска до Баку, от будущей Карской линии до Джульфы на персидской границе, от Поти-Тифлиской дороги к Сухуму, от Ростово-Владикавказской линии до восточного берега Черного моря у Туапсе. Эти проекты свидетельствовали о всестороннем изучении Михаилом Николаевичем потребностей Кавказа и о глубоком понимании сущности государственной задачи России в этом крае (см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: Исторический очерк. Т. 2. СПб., 1902. С. 283–286).

[12] См. коммент. 4.

[13] Речь идет о будущем великом герцоге Мекленбург-Шверинском Фридрихе-Франце II. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[14] Подразумевается Фридрих-Вильгельм-Николай. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[15] В январе 1879 г. германское правительство наложило запрет на ввоз скота из России, воспользовавшись вспышкой чумы в Астраханской губернии. Истинная же причина этого состояла в стремлении канцлера О. фон Бисмарка удовлетворить интересы прусского юнкерства — основного поставщика продуктов животноводства на германский рынок. Дело в том, что сельское хозяйство Германии и до аграрного кризиса 1875 г. развивалось гораздо медленнее, чем промышленность. Теперь оно переживало настоящий застой: прусские юнкеры не в силах были противостоять России и США, ввозивших дешевое зерно и мясо. В этих условиях проводимая Германией политика свободной торговли

теряла всякий смысл, а действующий на границах Германской империи таможенный тариф стал совершенно неудовлетворителен. Осенью 1878 г. канцлер поставил на повестку дня в Рейхстаге вопрос о переходе к протекционизму, после чего германское правительство приступило к пересмотру таможенного тарифа и к реформе налогообложения. Принятая против России мера обеспечивала монополию прусских помещиков, столь важную в условиях мирового аграрного кризиса. Запрет на ввоз скота существенным образом отразился на интересах российских землевладельцев. Почти одновременно с этим обострилась конкуренция между германскими и российскими промышленниками. По настоянию последних Россия стала защищаться высокими пошлинами от импорта иностранных товаров, среди которых германские занимали видное место. Как это бывало всегда и во всех странах, столкновения экономических интересов влияли на внешнюю политику. Для дальнейшего ухудшения русско-германских отношений были, следовательно, материальные основания. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также: *Оболенская С.В.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992. С. 151–152).

[16] 16 января 1879 г. в Комитете министров рассматривались меры, предложенные Л.С. Маковым для прекращения эпидемии в Астраханской губернии. Станицу Ветлянка было решено сжечь («в той мере, как это будет признано необходимым»), разместив ее жителей в границах «карантинного района» и выплатив им из казны вознаграждение за утраченное имущество. Все распоряжения по сожжению станицы, обеспечению выселенного населения всем необходимым и определению размера компенсации за понесенный ущерб возлагались на «особую комиссию под председательством астраханского губернатора», состоявшую из чиновников министерств — внутренних дел, финансов, государственных имуществ и казачьего ведомства. Для несения карантинной службы в распоряжение гражданской администрации предоставлялись войска. Эти же меры предполагалось распространить при необходимости и на другие селения. Одновременно следовало предпринять профилактические меры по оздоровлению «вообще тех местностей, кои могут послужить источником заразы». Вместе с тем члены Комитета министров сочли необходимым предоставить «главное руководство» «сими мерами на местах особому, облеченному высочайшим доверием его императорского величества лицу, которое, будучи снабжено широкими полномочиями на принятие чрезвычайных мер, могло бы объединить все распоряжения по предмету прекращения болезни и пресечения ее дальнейшего распространения» (в помощь ему создавалась особая Совещательная санитарная комиссия). 18 января Александр II утвердил журнал Комитета министров, а 20 января он был опубликован в «Правительственном вестнике» (№ 16). 24 января императором была утверждена инструкция,

предоставлявшая гр. М.Т. Лорис-Меликову «звание и права временного генерал-губернатора Астраханской и сопредельных с нею губерний», а 1 февраля — указ Сенату «об особом порядке ответственности для лиц гражданского ведомства» «в тех местностях, которые будут объявлены генерал-адъютантом графом Лорис-Меликовым на военном положении». См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1879. № 13 (31 января); № 15 (3 февраля). В соответствии с ними гр. Лорис-Меликову подчинялись все чины и учреждения Астраханской и сопредельной с нею губерний, причем он был уполномочен «делать распоряжения именем Его Императорского Величества» и объявлять отдельные местности «или целые губернии на военном положении» (в этом случае лица, обвиненные в нарушении карантинных правил или совершении особо тяжких преступлений, могли быть преданы военному суду). Войска, размещенные в Астраханской, Самарской и Саратовской губерниях, подчинялись ему на правах командира отдельного корпуса в военное время. Подробнее о деятельности гр. М.Т. Лорис-Меликова на посту временного астраханского генерал-губернатора см.: *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов на пути к власти // Вестник РГНФ. 2001. № 4. С. 40–45; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 48–71, 344–375.

[17] Русско-турецкие переговоры затягивались из-за разногласий по румелийскому и пограничным вопросам. Турецкие представители отвергали предложение российского посла в Турции князя А.Б. Лобанова-Ростовского о расширении территории Черногории за счет передачи ей района Родовицы, занятого турецкими войсками. Относительно же Подгорицы и Спужа договоренность была достигнута. См. также коммент. 1.

[18] Речь идет о болгаро-румынских пограничных спорах в связи с присоединением к Румынии, по условиям Берлинского трактата 1878 г., территории, лежащей к югу от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря, к югу от Менгалии. Очертание новой болгаро-румынской границы в этом районе должна была установить на месте специальная европейская комиссия, образованная Берлинским конгрессом для разграничения территории Болгарии (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 201).

[19] К середине 1870-х гг. большая часть территории Средней Азии находилась в разных формах зависимости от России: было присоединено Кокандское ханство; Бухарское и Хивинское ханства, сохранив свою внутреннюю автономию, утратили самостоятельность в решении межгосударственных дел. Вне зависимости от России оставалась часть туркменских племен, не имевших централизованной власти. В марте 1874 г. российское правительство издало «Временное положение о

военном управлении в Закаспийском крае», по которому Закаспийский военный отдел от восточного побережья Каспийского моря до западных границ хивинских владений включался в состав Кавказского наместничества, возглавляемого великим князем Михаилом Николаевичем. Центром отдела стал г. Красноводск. Таким образом «Положение» 1874 г. впервые вводило на территории Туркмении административный порядок и регламентацию прав и обязанностей местного населения. Британское правительство любыми средствами стремилось помешать утверждению России в Средней Азии. Особенно его беспокоили действия российской армии в Туркмении, в направлении Мерва. Учитывая политическую обстановку в регионе, не только Министерство иностранных дел, но и Военное предписывали местному генералитету не предпринимать наступательных действий в направлении Мервского оазиса и отвергали планы похода в Ахалтекинский оазис. В конце 1876 г. в Лондоне был разработан конкретный план военных действий против России, предусматривавший одновременные операции в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Особенно осложнилось положение в Средней Азии в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В апреле 1878 г. на Особом совещании в Петербурге под председательством Александра II обсуждалась тактика России в Средней Азии. На совещании были высказаны различные точки зрения о способах воздействия на Англию, в числе которых было даже такое предложение, как военный союз с Персией, предоставлявший России возможность провести войска через Хорасан к Герату. Правительство отвергло предложение оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского о демонстративном движении российских войск к Индии. Военные приготовления рекомендовалось проводить так, чтобы не вызвать опасения ни у Ирана, с которым Россия сохраняла дружеские отношения, ни у населения Средней Азии. 8 апреля 1878 г. командир Красноводского отряда полковник Н.П. Ломакин получил предписание из Кавказского военного округа начать со стороны Закаспийского военного отдела демонстративно-рекогносцировочное движение к Мерву. В начале июня 1878 г. Красноводский отряд высадился в Чикишляре, а к началу июля российские войска были сосредоточены в Чате и Баят-Аджи. В сентябре 1878 г. в Чате и Чикишляре были сооружены укрепления, между которыми установилось еженедельное регулярное сообщение. С этого времени российские войска прочно закрепились на р. Атрек.

Положение осложнилось в конце 1878 г., когда британские войска вторглись в Афганистан и усилили нажим на Иран. Через северные провинции Ирана они установили связь с туркменскими племенами, продавали им оружие, подстрекали к антироссийским выступлениям. С занятием и укреплением Чата, находящегося в 100 верстах от границы Ахалтекинского оазиса, решительно изменилась тактика текинцев

в отношении Красноводского отряда. Начались вооруженные нападения на это укрепление. В рапорте от 2 января 1879 г. Ломакин просил разрешения открыть военные действия против текинцев. В этих условиях великий князь Михаил Николаевич созвал совещание, о котором идет речь в дневнике. Совещание решило сформировать в Чате весной 1879 г. военный отряд численностью 10800 человек для подчинения текинцев. В начале кампании предполагалось занять ближайший удобный стратегический пункт в Ахалтекинском оазисе для обеспечения безопасного сообщения с оперативной базой на Атреке. Затем, после занятия главной текинской крепости Геок-Тепе, российские войска должны были приступить к освоению линии по Узбою, чтобы создать укрепленный пункт на старом русле Амударьи для обеспечения безопасности красноводско-хивинских путей. Этот план был утвержден в принципе Александром II 20 февраля 1879 г. При этом цель экспедиции была ограничена завоеванием только Ахалтекинского оазиса, и категорически запрещалось движение на Мерв и нарушение иранской границы. В связи с событиями в Афганистане коренным образом изменились взгляды посла в Тегеране И.А. Зиновьева. Если летом 1878 г. он считал завоевание туркменских территорий политически неоправданным и экономически невыгодным, то уже в письме к А.М. Горчакову от 2 января 1879 г. он решительно ставил вопрос о занятии Ахалтекинского оазиса как необходимого условия для последующего движения к Мерву или афганской границе.

Подробнее об этом см.: Присоединение Туркмении к России: Сборник документов. Ашхабад, 1960. С. 378–380; *Морозова Т.Л.* К вопросу о присоединении Ахалтекинского оазиса к царской России // Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 174–179; *Киняпина Н.С. и др.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 286–288; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов / Сост. Т.Н. Загородникова. М., 2005; *Зайончковский П.А.* К вопросу завоевания Средней Азии // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 83–89.

[20] Особое присутствие о воинской повинности первоначально было образовано в январе 1873 г. на правах департамента Государственного совета для обсуждения проекта Устава о воинской повинности. После его утверждения Особое присутствие было сохранено, в несколько сокращенном составе, для рассмотрения дел, связанных с применением Устава на практике (при этом оно либо указывало на должное толкование действующего закона, либо вносило соответствующие законопроекты в Общее собрание Государственного совета). Членами присутствия являлись председатели департаментов законов и государственной экономии Государственного совета, министры: военный, внут-

ренних дел, финансов, шеф жандармов, управляющий Морским министерством, а также вел. кн. Николай Николаевич, П.А. Валуев и гр. Павел А. Шувалов; возглавлял присутствие председатель Государственного совета. В сентябре 1881 г. Особое присутствие было упразднено, а его функции переданы Департаменту законов Государственного совета. Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 82–83, 270–271.

[21] По статье 13-й Берлинского договора 1878 г. из южной части Болгарии была образована, на условиях административной автономии, провинция в составе Османской империи под названием Восточная Румелия во главе с генерал-губернатором христианского вероисповедания. На границах области султан мог воздвигать укрепления и содержать войско (статья 15-я). Турция имела также право размещать свои гарнизоны на стратегически важных балканских перевалах. Таким образом, Южная Болгария отгораживалась от Северной турецкими войсками, которые могли не только подавить всякую попытку национальных стремлений болгарского народа к воссоединению, но и были постоянной угрозой для Болгарского княжества. Чтобы сделать автономию Восточной Румелии призрачной, ей разрешено было иметь внутреннюю «туземную» стражу и подчиненную ей немногочисленную милицию, при формировании которых офицеры назначались султаном. Генерал-губернатору предоставлялось право призывать турецкие войска в случае, если бы внутреннему или внешнему спокойствию области угрожала какая-либо опасность. Русский оккупационный корпус в Болгарии и Восточной Румелии не должен был превышать 50 тыс. человек. Срок оккупации составлял 9 месяцев со дня ратификации Берлинского договора. Российское правительство взяло на себя обязательство окончить в последующие три месяца проведение своих войск через Румынию (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 188–192).

Таким образом, в этой своей части Берлинский договор существенно отличался от Сан-Стефанского: территория независимого Болгарского княжества была ограничена Придунайской Болгарией со Софийским санджаком на юге; от него были отторгнуты Филиппопольский и Сливенский санджаки, образовавшие Восточную Румелию. Адрианопольский санджак и вся Македония оставались под властью Турции. На время оккупации Восточной Румелии российскими войсками высшее управление в ней принадлежало императорскому российскому комиссару князю А.М. Дондукову-Корсакову, а генерал-губернатором был с 9 октября 1878 г. командир 4-го армейского корпуса генерал-лейтенант А.Д. Столыпин. Для того чтобы не допустить вторжения турецких войск в Восточную Румелию после ухода российской армии, необходимо было создать вооруженные силы и провести военную подготовку населения области. В этой связи Милютин писал

16 июля 1878 г. Дондукову-Корсакову, что «вся дальнейшая судьба христианского населения по обеим сторонам Балкан зависит от того, насколько мы успеем в продолжение девяти месяцев оккупации края создать сильную и надежную национальную стражу <...> Только при этом условии можно еще надеяться, что, несмотря на всю уродливость искалеченного в Берлине ребенка, он может остаться в живых и со временем окрепнуть» (цит. по кн.: Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг. Вып. 5. СПб., 1906. С. 4). Учитывая особое положение Восточной Румелии, российское правительство решило прежде всего отделить местную милицию от Болгарского земского войска. Кадры и в том и в другом случае состояли из русских офицеров и унтер-офицеров. 6 февраля 1879 г. Дондуков-Корсаков издал приказ, которым из пеших дружин Болгарского земского войска были выделены части, предназначенные для формирования Филиппопольской и Сливенской бригад местного земского войска. Для придания же областной милиции и жандармерии окончательной организации согласно постановлениям Берлинского конгресса главнокомандующим действующей армии генерал-адъютантом Э.И. Тотлебеном была образована комиссия под председательством генерал-губернатора Восточной Румелии Столыпина. Этим имелось в виду предупредить работу европейской комиссии, которая могла бы придать областной милиции нежелательную для России организацию. Подробнее об этом см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 39–43; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 237–240.

[22] См. коммент. 16.

3 января 1879 г. гр. М.Т. Лорис-Меликов рассказывал об этом заседании и своем назначении самарскому губернатору А.Д. Свербееву: «“Первою причиною моего назначения б[ыл], в сущности, Трепов, как скоро в Петерб[урге] стали говорить о необходимости назначить одно уполн[омоченное] лицо, Трепов стал громко себя рекомендовать для этого. Тогда в Комит[ете] м[инист]ров один из 15 предложил Гурко, а прочие б[ыли] за меня”. В то заседание Ком[итета] м[инистро]в, где б[ыл] приглашен новый ген[ерал]-губернатор, м[инист]р финансов, обращаясь к нему, сказал, что открывает для него портфель госуд[арственного] казначейства и просит т[оль]ко одного — тратить в 10 раз более, чем предполагает Л[орис]-М[еликов], честность и скупость коего известны. Тут же Валуев, во избежание худ[ших] последствий от заражения рыбной пищей, предложил обратиться к Синоду с просьбой разрешить на Вел[икий] Пост мясную пищу. Но этот вопрос б[ыл] замят другими не потому, что бы они знали, что устав Церкви воспрещает рыбу в Вел[икий] Пост, а потому, что министры устали от заседания...» (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Д. 83. Л. 26).

Утвердив 24 января официальную инструкцию гр. Лорис-Меликову, Александр II счел нужным дать ему особое наставление. «...Накануне отъезда, — записал 1 февраля 1879 г. в своем дневнике со слов графа Свербеев, — царь принял его еще раз и, пригласив сесть, ему сказал, что имеет ему сообщить нечто для него весьма интересное, пошел к своему шкафу в кабинете и, вынув 3 толстые железные тетради, сказал: "Вот письма батюшки к Дибичу во время турецкой кампании 1828, прочел ему коротенькое письмо импер[атора] Николая, где Государь поручал Дибичу в мирном договоре непременно отстоять для России Карс и Батум. "Вот теперь, наконец, совершилось желание батюшки", — сказал царь и затем уже стал читать графу длинную, на 3 страницах, подробную инструкцию Государя Николая о мерах против чумы, тогда появившейся в Турции, где б[ыли] рекомендованы самые суровые, неумолимо строгие меры с наказаниями для *больших и малых* нарушителей, письмо кончалось словами: "Помни, Дибич, ты и я — мы отвечаем теперь перед Россией, чтобы чумы не было". Закрыв книгу, Государь спросил, не правда ли, как интересно, и перешел к др[угим] предметам. Затем, уже при прощании, поцеловав графа, он взял его руку и сказал: "Помни, Лорис, ты и я — мы отвечаем перед Россией", словно речью отца своего давал инструкцию отъезжающему графу». Как писал Свербеев, «при этом граф присовокупил, что в Петерб[урге] существуют разные мнения об астрах[анской] болезни»: «Царь и царица, под влиянием Боткина, видят в ней чуму, наследник и др. — преувеличение Боткина и простой тиф. Хотя граф и сам не признает за эпидемией столь большой важности, находя, что раздута опасность, но его неприятно поразила телеграмма астр[аханского] губернатора, что эпидемия прекратилась, и он видел в сем как будто протест Биппена против его назначения, прибавив, что ничего командировкой своей не приобрел, ибо имеет уже все, что только дает служба, кроме Андрея, и получал, кроме своего состояния, еще пожизненно по 12 т. р. ежегодно...» (Там же. Л. 40).

[23] То есть о русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

[24] В самом начале русско-турецкой войны, 16 апреля 1877 г., главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич передал все снабжение армии продовольствием за границей в руки товарищества «Грегер, Горвиц и Коган». Условия контракта были явно невыгодны: невыполнение обязательств в срок не было обусловлено неустойкой, цены поставок не были регламентированы и определялись средними местными ценами плюс 10 % надбавки. Благодаря этому товарищество не было заинтересовано в приобретении продовольствия по дешевым ценам. Все это срывало нормальное снабжение армии и приводило к большим злоупотреблениям [см.: Доклад полевого генерал-контролера об организации снабжения армии от 12 августа 1877 г.: РГИА. Ф. 954 (Кауфманы). Д. 75]. Расследование этих злоупотребле-

ний и было возложено на упомянутую комиссию генерал-адъютанта Б.Г. Глинки-Маврина.

[25] См. коммент. 8.

[26] Подразумевается франко-прусская война 1870–1871 гг.

[27] Речь идет об отмене закона о росте процентов в ссудных операциях, инициированной еще в 1870 г. министром финансов М.Х. Рейтерном. В 1877 г. Государственный совет возобновил обсуждение этого вопроса в связи с представлением Министерства юстиции об отмене личного задержания за долги. 6 марта 1879 г. Александр II утвердил мнение большинства Государственного совета об отмене этих двух законов (см.: Отчет по Государственному совету за 1879 год. СПб., 1881. С. 143–150).

[28] См. коммент. 18.

[29] Речь идет о Северной Болгарии, которая на основании статьи 1-й Берлинского трактата объявлялась независимым и самоуправляющимся княжеством с собственным христианским правительством и народной милицией. Население княжества должно было избрать князя, с согласия европейских держав и утвержденного султаном. Созванному в Тырнове Народному собранию надлежало до избрания князя принять Органический устав (конституцию) княжества. Введение в Болгарском княжестве нового политического устройства должно было обеспечить временное русское гражданское управление при содействии совета консулов от держав, подписавших Берлинский договор (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 182–185).

[30] В середине 1860-х гг. был отменен принудительный труд на оружейных заводах. В связи с этим они были отданы в так называемое арендно-коммерческое управление. Арендаторами были начальники заводов, которые, оставаясь на военной службе, вносили несколько десятков тысяч рублей залога и получали определенную сумму прибыли за каждую единицу изготовленной продукции. Наряду с этим арендатор получал от казны ежегодно свыше 60 тыс. руб. на текущий ремонт зданий и оборудования, содержание пожарной команды и т. д. Арендатором-начальником Тульского оружейного завода был генерал-майор К.К. Стандершельд, Сестрорецкого — полковник О.Ф. Лилиенфельд, Ижевского — полковник Д.С. Фролов. В 1870 г. Тульский завод перешел в казенное управление, а Ижевский и Сестрорецкий продолжали оставаться в арендно-коммерческом управлении. В конце 1870-х гг. арендатором Ижевского завода стал капитан Бильдерлинг, зять начальника Главного артиллерийского управления А.А. Баранцова. Общественное мнение обвиняло последнего в том, что Ижевский завод он отдал в приданое своей дочери. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[31] 10 февраля 1879 г. в древней столице Болгарии Тырново должно было открыться Народное собрание для рассмотрения проекта Органиче-

ского устава Болгарского княжества. Руководил подготовкой проекта князь А.М. Дондуков-Корсаков, сменивший в 1878 г. князя В.А. Черкасского на посту главы русского гражданского управления в Болгарии. При участии Дондукова-Корсакова юрист С.И. Лукьянов еще в 1878 г. составил первоначальный проект устава. При выработке устава учитывались, наряду с внутренними нуждами Болгарии, международная обстановка и внешнеполитический резонанс этого акта. Новая конституция должна была поднять авторитет России на Балканах, ослабить возможное вмешательство Западной Европы, определить отношения между новым государством и Турцией. В декабре того же года проект был рассмотрен в Петербурге Особым совещанием при II отделении Собственной Е. И. В. канцелярии. Исправленный проект устава с приложенными к нему замечаниями был отправлен Дондукову-Корсакову 27 декабря 1878 г. В сопроводительном письме управляющего Министерством иностранных дел Н.К. Гирса ему было рекомендовано предоставить Народному собранию полную свободу мнений по существу дела. В проект устава, учитывая замечания Петербурга, были внесены статьи о свободе собраний, неприкосновенности частной собственности, о полномочиях Народного собрания принимать бюджет и утверждать законы. По окончательному проекту устава Болгария считалась наследственной и конституционной монархией с народным представительством при сохранении вассальных отношений с Турцией. Князь признавался главой государства, законодательная власть принадлежала князю совместно с народным представительством. Князь утверждал принятые Народным собранием законы, являлся начальником военных сил края, его именем заключались договоры. Все граждане княжества признавались равными перед законом, право частной собственности считалось неприкосновенным, вводилась обязательная воинская повинность и свобода собраний. См.: *Козьменко И.В.* Петербургский проект Тырновской конституции 1879 года // «Исторический архив» Института истории Академии наук. Т. IV. М., 1949. С. 184–324; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 241–242; *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии. М., 2008. С. 125–134.

В деятельности Тырновского народного собрания приняло участие 230 депутатов. В их число попал весь цвет болгарской интеллигенции. Представители Восточной Румелии и Македонии не были допущены, т. к. российские власти строго соблюдали решения Берлинского конгресса. Тем не менее в начале февраля 1879 г. в Тырново все-таки приехали представители этих областей, в связи с чем Дондукову-Корсакову было предписано российским правительством энергично пресекать всякие попытки дезорганизовать работу Народного собрания. В итоге прений в проект Органического устава были внесены изменения, усиливавшие представительный характер Народного собрания. По конституции, принятой в апреле 1879 г. депутатами Учредительно-

го собрания, Болгария становилась конституционной монархией с народным представительством, разделявшим законодательную власть с князем (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. С. 52–57).

[32] Об ошибке С.П. Боткина дважды писал в передовых статьях «Московских ведомостей» М.Н. Катков (1879. № 42 и 58-Б). Подробнее о данном инциденте см.: *Белоголовый Н.А.* С.П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. СПб., 1892. С. 54–56.

«Многоуважаемый граф, — писал по этому случаю М.Т. Лорис-Меликову П.А. Валуев 18 февраля 1879 г. — Попытка сделать Вас главнокомандующим здесь, вместо волжских низовьев, не удалась; но она сделана. Эпизод Боткина–Прокофьева Вам известен из газет. Сообщаю то, чего в газетах нет. Демонстрация "легкой" ветлянской чумы сделана Боткиным на лекции 13-го числа. В тот же день редакции разных газет получили о том сведение из [Медико-хирургической] академии, едва ли не ранее, чем градоначальник и М[инистер]ство в[нутренних] д[ел]. "Голос" спросил, можно ли печатать? Сказано нет. Другие не спросили. Между тем известная Вам спасательная нервозность одолела полицейские власти. Ночью перевезли полсотни сообывателей Прокофьева в Екатерингоф, и была составлена статья для "Прав[ительственного] вестника". Утром, 14-го, признано необходимым напечатать эту статью ввиду появившихся вне "Голоса" известий. Текст исправлен в кабинете Государя при шефе жандармов и Боткине, который в это утро приравнял уже болезнь Прокофьева не к эпидемии в Ветлянке, 1878, а к астраханской, 1877. Статья вышла особым прибавлением (?!). Между тем нервозные официальные чины и врачи отправились освидетельствовать Прокофьева и составили акт о сифилисе, вместо чумы 1878 или 1877 года. В тот же вечер весть о том разнеслась по всему городу, который на этот раз, к моему удивлению, оказался весьма рассудительным и не дал переполошить себя открытием чумной Америки Боткина. Делегация Медицинского совета повторила, 15-го числа, осмотр 14-го, пришла к тому же заключению, и 16-го в "Прав[ительственном] вестнике" напечатаны оба акта осмотров. Но Боткин и одна или две газеты остались при своем. "Все это на глазах, но верится с трудом". Хотя и не верится, а дело так. Доверенный лейб-медик, давнишний наставитель и покровитель медико-хирургических студентов объявляет о чуме, не предварив Государя, на другой день едет во дворец, пока оцепляют больного и здоровых, и затем, переседлав с 1878 на 1877 год, продолжает агитаторскую манежную езду на этом коньке. Что же далее, спросите Вы. Пока ничего». Между тем Валуева беспокоили международные последствия заявлений Боткина: «...В Европе очень велик авторитет д[окто]ра Боткина, сказал мне вчера майор Лигниц. Ему долго будут верить. И действительно. Зло сделано, и не скоро поправится. Ком-

ментарии не требуются». Десять дней спустя, 27 февраля, Валуев сообщал Лорис-Меликову о том, что «боткинский эпизод угасает, но, как умело приготовленный и упорным фитильщиком сожигаемый фейерверк, с заключительными вспышками и взрывами»: «Ему устроили (т. е. Боткину) род овации в заседании или собрании Общества врачей. Он там доказывал, что все-таки нечто вроде чумных случаев было, и присутствовавшие предались восторгу рукоплесканий. До чего доходят люди известного пошиба! Восторг от чумы! Только потому, что Боткин прав, т. е. стоит на своем! А это потому, что он известного цвета! Гибни или страдай другие! Все равно, лишь бы нам было ладно. Разве это не унизительно и не отвратительно?». См.: *Валуев П.А.* Письма к М.Т. Лорис-Меликову (1878–1880) // Россия и реформы. Вып. 3. М., 1995. С. 105–108.

[33] Литографированный экземпляр проекта преобразования Медико-хирургической академии, разработанный Милютиным, хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 15).

[34] 9 февраля 1874 г. было утверждено новое «Положение о воинской повинности в Уральском казачьем войске и отправлении службы». Оно предусматривало обязательность для каждого казака действительной службы не менее года в строевых частях или учебной сотне. Вместе с тем была изменена система организации учебных сборов, а также установлено количество полков, выставляемых Войском как в мирное, так и в военное время. «Положение» вызвало недовольство части казаков, выразившееся в неподчинении новому порядку. В целях подавления волнений несколько сот семей уральских казаков были исключены из состава Войска и выселены в Туркестанский край.

[35] См. коммент. 24.

[36] 3 февраля 1879 г. был ратифицирован мирный русско-турецкий договор, а 6 февраля началась эвакуация русских оккупационных войск из Адрианопольского санджака. Имевшие место случаи насилия турок в отношении местного населения и бегство его из санджака после отхода русских войск возбуждали в населении Восточной Румелии тревогу относительно их собственной участи. Другим событием, возбуждавшим население Восточной Румелии, было Тырновское народное собрание, куда румелийские представители не были допущены. Волнения произошли в нескольких городах области, в особенности сильными они были в Сливно в связи с упомянутой в дневнике инспекционной поездкой генерального директора финансов Восточной Румелии Адольфа Шмидта. На эту должность Шмидт был назначен международной европейской комиссией по Восточной Румелии, созданной решением Берлинского конгресса для окончательной организации там власти и выработки статута. Одним из главных вопросов, которым занималась комиссии, был финансовый. Поскольку в статье 19-й Берлинского трактата было ясно заявлено, что на европейскую комиссию

возлагается обязанность заведовать вместе с Турцией финансами Восточной Румелии, то русская делегация не возражала против того, чтобы комиссия получила сведения о финансах области и право составления бюджета. Но русская делегация отвергла попытки французских и британских делегатов установить привилегии и контроль Оттоманского банка как государственного турецкого банка. Тем не менее комиссия создала специальный комитет финансов без российских представителей и назначила Шмидта на указанную выше должность, т. к. он был инспектором Оттоманского банка. Шмидт, несмотря на предупреждения русской гражданской администрации, предпринял поездку по Южной Болгарии с целью захвата касс, принадлежавших болгарским органам самоуправления. В первом же избранном им для ревизии пункте, Хаскиой, произошли беспорядки, подавленные администрацией без применения оружия. После этого Шмидт отправился в г. Ямболь, где толпа окружила дом, в котором он остановился, и требовала немедленного выезда его из города. Шмидту пришлось выехать в сопровождении конвоя казаков. Когда Шмидт прибыл в начале марта в Сливно, то там разнесся слух, что он хочет завладеть кассой местного казначейства и перевезти ее в Константинополь. Собралась толпа до 10 тыс. человек, которая намеревалась побить Шмидта камнями. Больше всего в толпе было женщин, поэтому беспорядки были названы «бабьим бунтом». Несколько раз толпа пыталась овладеть домом, в котором остановился Шмидт, но была отбиваема прикладами милиции. Начальник милиции полковник Кесяков собирался уже прибегнуть к вооруженному подавлению бунта, но прибывший в это время в город генерал-губернатор А.Д. Столыпин не допустил кровопролития. На следующий день, 6 марта, прибыли два российских полка, и толпа разошлась. Шмидт проверил у себя на дому кассовые книги и ночью выехал обратно в Филиппополь. По поводу проверки касс директором финансов произошли беспорядки также в Ени-Загре и Казанлыке. См.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 32–35; *Козьменко И.В.* Русская делегация в Европейской комиссии по Восточной Румелии // Вопросы первоначального накопления капитала и национального движения в славянских странах. М., 1972. С. 189–195.

[37] 22 июня 1871 г. русские войска без боя вступили в столицу Илийского края г. Кульджа; султанат в крае был ликвидирован. Оккупация Кульджи стабилизировала политическую обстановку в этой части Синьцзяна, позволила приступить к восстановлению торгово-экономических связей России с Внутренним Китаем. В то же время ликвидация Кульджинского султаната поставила перед туркестанской администрацией вопрос: передавать край под управление китайских властей или временно вводить русское управление? Илийский край был временно включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства и

подчинен военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому, при котором была создана специальная канцелярия по кульджинским делам. В 1872 г. в Сергиополе и Пекине велись переговоры между Россией и уполномоченными цинского правительства о возвращении Илийского края Китаю (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 433–435, 542–543).

До 1877 г. кульджинский вопрос находился в подвешенном состоянии. В конце 1877 — начале 1878 г. китайская сторона вновь поставила вопрос о возобновлении переговоров по этому вопросу перед российским посланником в Пекине Е.К. Бюцовым. Правительство России согласилось возобновить переговоры, поставив во главу угла вопрос об условиях возвращения Илийского края Китаю. В течение всего 1878 г. в правительственных кругах России шла оживленная дискуссия по этому вопросу. В ноябре 1878 г., находясь в Петербурге, Бюцов представил в правительство записку с подробной аргументацией своей позиции за возвращение Кульджи Китаю (см.: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. — 1917 г. Барнаул, 2003. С. 172–173).

4 марта 1879 г. в Петербурге состоялось совещание по кульджинскому вопросу в составе перечисленных Милютиным лиц. Совещание рекомендовало правительству России возвратить на определенных условиях Илийский край Китаю. Было признано необходимым получить взамен ряд торговых преимуществ для российской торговли; добиваться от цинского правительства открытия российских консульств в Кульдже, Улясутае, Кобдо и других городах, где этого потребуют российские интересы. Новую границу в Илийском крае предлагалось провести так, чтобы долины рек Текес, Борохудзир, перевал Музарт оставались за Россией. Кроме этого к России должна была отойти и долина р. Черный Иртыш. Китайская сторона должна была возместить убытки российским купцам за разграбление их торговых караванов и лавок, а также затраты России на управление Кульджей. Таковы были рекомендации Особого совещания, положенные в основу российской позиции на предстоящих переговорах с Китаем (Там же. С. 176).

[38] Возникшая после Берлинского конгресса напряженность в русско-германских отношениях продолжала нарастать в 1879 г. Кроме вопроса о пошлинах существовали и другие причины. Канцлер О. фон Бисмарк дал инструкцию германским делегатам в международных европейских комиссиях по Балканам по всем вопросам присоединяться к большинству. В результате они постоянно оказывались в стане противников России. В феврале 1879 г. было обнародовано австро-германское соглашение об отмене статьи Пражского мирного договора 1866 г., предусматривавшей проведение референдума в Северном Шлезвиге относительно его принадлежности к Пруссии или Дании.

Это означало его присоединение к Германии. Поскольку Александр II и канцлер князь А.М. Горчаков получали от Бисмарка неоднократные заверения, что референдум будет проведен, отмена статьи вызвала негодование в Петербурге. Уже тогда Бисмарк задумал осуществить некоторую переориентацию германской внешней политики: окончательно превратить Австрию в главного союзника Германии [см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 62–121; *Чубинский В.В.* Бисмарк: Политическая биография. М., 1988. С. 330–331; *Айрапетов О.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 360–361].

[39] Впервые идея смешанной оккупации (occupation mixte) Болгарии прозвучала на Берлинском конгрессе 24 июня 1878 г., когда министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Д. Андраши предложил ограничить срок занятия Болгарии русскими войсками 6 месяцами, после чего заменить их смешанными силами великих держав численностью 10–15 тысяч человек. Тогда, благодаря энергичному протесту российского уполномоченного графа П.А. Шувалова, проект Андраши не был принят. В декабре 1878 г. состоялись англо-австрийские переговоры по вопросу о смешанной оккупации Восточной Румелии. Антирусский подтекст этой идеи был очевиден — она вела к установлению протектората Великобритании и Австро-Венгрии над Южной Болгарией. В правящих кругах России произошло разделение на сторонников и противников смешанной оккупации. В числе противников были А.М. Горчаков и Н.К. Гирс, в числе сторонников — П.А. Шувалов и Д.А. Милютин. Последний считал смешанную оккупацию Восточной Румелии предпочтительнее турецкой. Так же считал и Александр II. По итогам обсуждения этого вопроса в особом совещании 5 марта была составлена циркулярная нота Министерства иностранных дел, датированная 6 марта 1879 г. и подписанная Гирсом (полностью опубл. в кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы. Т. 3. М., 1967. С. 491). О русско-австрийских противоречиях на Балканах также см.: *Айрапетов О.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 362–369.

[40] Об этом подробнее см.: *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 565–566.

[41] После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Великобритания получила значительные политические и экономические выгоды от частичного раздела Турции. Захват Кипра в 1878 г. фактически ставил под британский контроль азиатские владения Порты в Средиземном море. 4 июня 1878 г. по инициативе Лондона был подписан англо-турецкий тайный договор (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 231).

[42] Имеется в виду двойственный контроль над властью и экономикой Египта со стороны Франции и Великобритании, установленный с

середины 1870-х гг., в период правления хедива Измаила-паши (находился на престоле с 1863 г.). Британский уполномоченный контролировал финансы, а французский — систему ирригации и каналов, в том числе и Суэцкий канал (подробно об этом см.: *Роштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 96–105).

[43] Покушение на А.Р. Дрентельна, совершенное 13 марта 1879 г. Л.Ф. Мирским, было организовано фактическим руководителем «Земли и воли» А.Д. Михайловым. Хотя формальным предлогом для него послужили обыски и аресты участников радикальных студенческих кружков, сам Михайлов полагал, что Мирский решился стать террористом с целью произвести впечатление на свою возлюбленную, испытывавшую «романтический восторг перед Кравчинским», убившим 4 августа 1878 г. Н.В. Мезенцова. Схожего мнения придерживался и Н.А. Морозов, помогавший выслеживать шефа жандармов (правда, после покушения ему показалось, что Мирский «человек идейный и героический по натуре»). Подробнее об организации покушения см.: *Морозов Н.А.* Повести моей жизни. Т. 2. М., 1962. С. 366–378.

«Земля и воля» использовала выстрел Мирского для саморекламы, выпустив листовку «Покушение на жизнь Дрентельна».

[44] Имеется в виду штаб главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

[45] Упомянутые выше волнения в румелийских городах вызывали в Петербурге беспокойство о том, как бы в Восточной Румелии не вспыхнуло восстание после ухода российских войск. Благодаря стараниям российского правительства и дипломатов удалось предотвратить две грозящие опасности: смешанную оккупацию Восточной Румелии, предлагавшуюся западными странами, и занятие Балкан турецкими гарнизонами. Кроме того удалось достигнуть снятия с повестки дня переговоров кандидатуры на должность румелийского генерал-губернатора Рустам-паши, левантийца и католика, на которой настаивали Франция и Австрия. Турция согласилась на предложенную Россией кандидатуру Алеко-паши, князя Богориди, полуболгарина и православного, бывшего турецкого посла при Венском дворе. Его дед, Софроний Богоров, болгарин из местечка Котла, женившийся на богатой фанариотке в Константинополе, пользовался большим уважением среди болгарского населения. Алеко-паша, после утверждения своей кандидатуры султаном и с согласия западных держав, в начале мая выехал из Константинополя во вверенный ему край (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 68–72; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 242).

[46] Возвращение главнокомандующего действующей армией на Балканах генерала Э.И. Тотлебена в Россию было вызвано начавшейся 6 февраля эвакуацией русских войск. С 23 февраля все войска, оставшиеся в

Болгарии, поступили под начальство князя А.М. Дондукова-Корсакова. См. также коммент. 21.

[47] Одной из лучших мер, предпринятых русским гражданским управлением в Болгарии, было устройство гимнастических дружеств (обществ) и сельских караулов. Было выработано и подписано генерал-губернатором А.Д. Столыпиным «Наставление для обучения гимнастически-стрелковых обществ». Действительными членами обществ могли называться только те лица, которые обладали достаточными навыками в гимнастических упражнениях и стрельбе на ближние дистанции. После этого они приступали к обучению стрельбе на дальние дистанции и сложным гимнастическим упражнениям. Действительные члены общества имели право получить безвозмездно ружье и 120 патронов. Прочие члены в возрасте от 18 до 40 лет назывались членами-участниками (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 180–184. Приложение № 9). На основании этого «Наставления» Восточная Румелия быстро покрылась сетью гимнастических обществ, в инструкторы к которым назначались военные из частей русских оккупационных войск и от местной милиции. Вместе с сельскими караулами гимнастические общества насчитывали до 60 тыс. вооруженных бойцов. Поскольку оружие выдавалось только зарегистрированным членам гимнастических обществ и сельских караулов, в области не было случаев его злоупотреблением. Вероятно, вследствие этого со стороны европейских комиссаров не было протестов по поводу создания обществ и караулов. Непосредственное попечительство над гимнастическими обществами было возложено Столыпиным в Филиппопольской губернии на начальника милиции полковника Кесякова, а в Сливенской — на командира 4-го армейского корпуса генерала М.Д. Скобелева (см.: Там же. С. 23–28). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[48] Речь идет о международных комиссиях, созданных для выработки, совместно с Турцией, принципов устройства Восточной Румелии и Болгарии и их территориального разграничения с Турцией в соответствии со статьей 18-й Берлинского трактата.

[49] См. коммент. 24.

[50] А.А. Половцов, бывший 2 апреля во дворце, в тот же день записал в дневнике: «...Государь был у обедни. После обедни он через гостиную императрицы вышел в Белую залу и здесь был встречен толпою и неистовыми криками “ура!”. Когда эти крики умолкли, то Государь сказал приблизительно следующее: “Благодарю вас, господа, за выраженные мне вами чувства; сожалею, что случай, подавший к тому повод, столь грустен. Богу угодно было в третий раз спасти меня от покушения. Я надеюсь, что Он мне даст силы, необходимые для того, чтобы сделать Россию счастливою так, как я того бы желал”. Вслед за тем Государю представлялась депутация дворянства, которой он сказал, что

серьезность положения заставляет прибегнуть к чрезвычайным мерам, что он видит надобность отступить от строго законных мер и что надеется, что дворянство будет помогать ему, а не критиковать, как это часто случалось» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2).

П.А. Зайончковский полагал, что временные генерал-губернаторства были учреждены в апреле 1879 г. по инициативе П.А. Валуева (см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 85–86). Действительно, Валуев утверждал в своем дневнике 15 апреля 1879 г., что «мысль о генерал-губернаторах моя, еще до 2 апреля высказанная» (*Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 33). Сохранилась также черновая записка, датированная Валуевым 2 апреля (по-видимому, 1879 г.), в которой развивалась идея учреждения в Петербурге, Харькове, Одессе и Николаеве временных генерал-губернаторств (она опубликована В.В. Гармизой, ошибочно датировавшим ее 1862 г.: Исторический архив. 1958. № 1. С. 144–145). Однако, как справедливо отметил Зайончковский, «эта записка была, по-видимому, написана Валуевым перед совещанием по поводу учреждения временных генерал-губернаторств, созванному им в 2 часа дня того же числа», т. е. после того как император дал П.А. Валуеву, А.Р. Дрентельну, Л.С. Макову и Д.А. Милютину соответствующее поручение. Этой же запиской, на основе которой был подготовлен затем указ 5 апреля 1879 г., объясняется, вероятно, и запись в его дневнике. Во всяком случае, в марте 1879 г. в переписке Макова и Валуева обсуждалось предположение о создании временного генерал-губернаторства лишь в Петербурге (РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 576. Л. 78). Идея же подчинить генерал-губернаторской власти значительную часть Европейской России исходила, скорее всего, от самого Александра II, периодически возвращавшегося к ней с первых лет своего царствования. См., в частности, о проекте повсеместного учреждения генерал-губернаторств в 1858 г.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права. 1856–1861. М., 1984. С. 92–124.

[51] Предложение приехавшего в Петербург члена «Народной воли» А.К. Соловьева произвести покушение на Александра II вызвало серьезные разногласия среди членов организации «Земля и воля». Противники террора категорически отрицали необходимость покушения, и на общем собрании большинством голосов было принято решение не оказывать поддержки Соловьеву (см.: *Морозов Н.А.* Повесть моей жизни. Т. 2. М., 1947. С. 505–507). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[52] См. коммент. 16.

[53] По Берлинскому договору 1878 г. эвакуация российских оккупационных войск из Болгарского княжества и Восточной Румелии должна была завершиться к 23 июля 1879 г. В дневнике речь идет о плане эвакуации, утвержденном Александром II в марте (подробно об этом

плане см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. С. 139–141).

[54] Устав о воинской повинности был подписан императором Александром II 1 января 1874 г.

[55] То же, что и «делимитационные комиссии», созданные по решению Берлинского конгресса для определения и нанесения на карты новых государственных границ балканских государств и в Закавказье, а также для урегулирования пограничных споров между ними и Турцией.

[56] Автор не точен: в апреле в Северной Болгарии было распущено Учредительное собрание, принявшее новый Органический устав, и 17 апреля созвано Народное собрание для выборов князя (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. С. 81–86; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 243).

[57] Еще до выборов князя Народным собранием в Тырново вопрос о его кандидатуре обсуждался европейскими правительствами и Турцией. Царское правительство остановило выбор на А. Баттенберге, родственнике императрицы Марии Александровны, 22-летнем драгунском офицере, служившем в Пруссии. Д.А. Милютин был против избрания болгарским князем А. Баттенберга, считая более приемлемой кандидатуру черногорца Божидара Петровича. *Коммент. П.А. Зайончковского.* Об этом см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 243–244.

[58] Статья А.Д. Градовского «Социализм на западе Европы и в России» была впервые опубликована в журнале «Русская речь» (1879, кн. 1–3). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

В следующем году эта статья была напечатана в сборнике: *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880). СПб., 1880 (переиздан в 2007 г.). См. также собрание сочинений А.Д. Градовского (СПб., 1899. Т. 3).

[59] Имеется в виду король Греции Георг I. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[60] Миссия генерала Н.Н. Обручева в Константинополь была заключительным аккордом в длительных переговорах по вопросу об оккупации Восточной Румелии после вывода оттуда российских войск. Обручев должен был доставить султану Абдул-Хамиду письмо Александра II, а также посетить Восточную Румелию и обратиться к ее жителям с посланием императора. 10 апреля 1879 г. А.М. Горчаков известил А.Б. Лобанова-Ростовского о миссии Обручева. Российский посол договорился с султаном об аудиенции и беспрепятственном проезде Обручева в Филиппополь. 13 апреля царь подписал письмо к султану и прокламацию к населению Восточной Румелии. Утром 21 апреля Обручев прибыл в турецкую столицу, и в тот же день состоялись его переговоры с султаном и великим визирем. Вручив Абдул-Хамиду письмо российского императора, Обручев перешел к цели своей миссии.

Основная мысль его речи сводилась к тому, что никто не оспаривает прав Турции на ввод войск в Восточную Румелию, но ситуация в провинции такова, что и Россия, и Турция должны объединить усилия для нормализации обстановки. Обручеву вторил Лобанов-Ростовский. Ответ султана был официально вежлив, но добиться чего-нибудь конкретного от него не удалось. После аудиенции у султана состоялась беседа Обручева и Лобанова-Ростовского с великим визирем, который предложил отложить решение вопроса до его обсуждения со своими коллегами. На следующий день был собран Совет министров, принявший решение, одобренное султаном, о временном отказе Порты от планов размещения войск в Восточной Румелии. 24 апреля Обручев прибыл в Филиппополь, и на следующий день в соборном городском храме в его присутствии было совершено экзархом Иосифом торжественное богослужение. После обедни Иосиф прочел с амвона переведенное на болгарский язык послание Александра II к населению Восточной Румелии (полный текст послания помещен в кн.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 69–71). После этого Обручев встретился с представителями всех округов провинции [см.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 198–200].

[61] Об этом см.: *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 322–331.

[62] Имеется в виду доклад посла в Турции князя А.Б. Лобанова-Ростовского Александру II 13 сентября 1878 г. в Ливадии о своих разговорах с одним из приближенных к султану лиц. По поручению последнего он завел речь о желании Порты сблизиться с Россией будто бы для того, чтобы освободиться от английского гнета (см. запись в дневнике Д.А. Милютина от 13 сентября 1878 г.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 473–474).

[63] Виталис-паша до своего назначения начальником румелийской милиции был адъютантом султана. Это был человек не глупый, но очень ленивый и вспыльчивый; он не отличался ни военными познаниями, ни административными способностями. Став начальником милиции, но не имея штаба и опытных офицеров (старшие русские офицеры во главе с полковником Кесяковым вынуждены были уйти из милиции), Виталис, видимо, растерялся и наделал много ошибок, приведших милицию в совершенное расстройство. Внутренний порядок и дисциплина настолько пали в дружинах, что офицеры стали заниматься не службой, а политикой. Сформированный позднее из иностранцев штаб милиции оказался недееспособным, т. к. лица эти не были знакомы со страной, не знали местного языка и были набраны откуда попало. Документы переводились с болгарского или русского языков на французский, немецкий, турецкий, а иногда даже на греческий или английский языки. Естественно, что в штабе при таком смешении языков

воцарилась полная неразбериха. Роты блуждали по провинции, разыскивая свои дружины, т. к. в штабе перемешали их старые и новые номера. Вследствие незнания слов русской команды, принятой в милиции, иностранные командиры очень затруднялись производством учений, поэтому на маневрах нередки были комические случаи. Кончилось тем, что русские дружинные начальники съехались в Филиппополь и занялись приведением в порядок штабных дел. Такая быстрая дезорганизация милиции не осталась не замеченной даже иностранными представителями в Восточной Румелии. Положение Виталис-паши, который к тому же поссорился с генерал-губернатором, сделалось очень сложным, и вскоре он был заменен Штреккером-пашой, выходцем из Пруссии. См.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 74–76.

[64] Свадьба Д.А. Милютина и Н.М. Милютиной состоялась 23 мая 1843 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 432).

[65] 26 июня 1879 г. Исмаил-паша, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, формально отрекся от власти в пользу своего сына, а через четыре дня покинул Каир и отправился в изгнание, где находился до конца своих дней (подробнее об этом см.: *Роштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 84–91).

[66] Берлинский трактат 1878 г. признал независимость Черногории, но границы Черногорского княжества были урезаны, по сравнению со Сан-Стефанским договором, таким образом, что экономика Черногории попадала в зависимость от Австрии. По условиям Берлинского договора Австрия получала право оккупировать Боснию и Герцеговину, держать там войска и строить железные дороги. Тем самым Австрия становилась фактически хозяйкой западной части Балканского полуострова. Статьи 28-я и 29-я Берлинского трактата устанавливали новые границы Черногории и территории для разграничения ее с Герцеговиной, Далмацией, Албанией и Турцией. Кроме этого Черногория должна была заключить с Австрией соглашение относительно права последней на строительство и содержание железной дороги через свою новую территорию. Статья 32-я предписывала Черногории вывести в 20-дневный срок свои войска из отходивших от нее территорий. То же самое должна была сделать и Турция применительно к районам, переходившим к Черногории (см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 2. СПб., 1906. Приложения. С. 203–207). В 13-м протоколе Берлинского конгресса было предусмотрено достижение соглашения между Грецией и Турцией относительно исправления границ. В случае, если такое соглашение не будет достигнуто, статья 24-я Берлинского договора предусматривала посредничество европейских держав для ведения переговоров (Там же. С. 202).

[67] В фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ данное письмо не обнаружено.

[68] Имеется в виду переправа русских войск через р. Дунай 15 июня 1877 г. См.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 247–251.

[69] См. коммент. 37.

[70] Подразумевается армия, находившаяся в 1877–1878 гг. на Балканах.

[71] Речь идет об Алексее Дмитриевиче Милютине.

[72] Имеются в виду Ардаган, Карс и Батум с прилегающими территориями, отходившие к России по Сан-Стефанскому и Берлинскому договорам.

[73] Упомянутое письмо было отправлено Александром II Вильгельму I 3(15) августа 1879 г. В нем Александр II высказывал сожаление по поводу изменения отношения к России со стороны Бисмарка. Жалуясь Вильгельму на германских делегатов на Балканах и обращая его внимание «на печальные последствия, которые это может иметь для наших отношений доброго соседства, озлобив обе нации одну против другой...», Александр указывал на ссору Бисмарка с Горчаковым как на причину создавшейся ситуации (текст письма на французском языке помещен в «Приложении» ко 2-му тому книги С.С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» и в публикации «Die Grosse Politik der Europäeschen Kabinette. 1871–1914». Berlin, 1922. Bd. 3. № 448). Это письмо Александра II было использовано Бисмарком для доказательства германскому императору необходимости заключения союза с Австрией. В своей докладной записке Вильгельму I от 24 августа из Гаштейна Бисмарк истолковал письмо Александра как угрозу разрыва с Германией, если она не подчинит свою внешнюю политику русской. «Если бы это письмо стало известным, то весь мир был бы убежден в неизбежности разрыва Германии с Россией», — писал он (перевод с немецкого: Die Grosse Politik... Bd. 3. № 447. S. 16). Далее Бисмарк отмечал, что подобное «наполненное угрозами» письмо Александра II явилось следствием влияния на него Милютина, который «полон ненависти к немцам» и якобы собирается вести войну против Германии в союзе либо с Австрией, либо с Францией. Общие выводы из послания Бисмарка сводились к тому, что бесполезно пытаться завоевать Россию на свою сторону уступчивостью, что чувство благодарности к России не должно вести к подчинению германской политики русской и что, наконец, союз с Австрией выгоднее и надежнее для Германии, чем союз с Россией. Пометки Вильгельма на полях письма свидетельствовали об известном расхождении во мнениях между канцлером и монархом. Вильгельм настаивал на большей надежности дружбы с Россией, ибо подозревал Австрию в стремлении к реваншу. На прямую просьбу Бисмарка разрешить ему по пути из Гаштейна в Берлин посетить Вену он ответил отказом. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[74] Речь идет о двух беседах П.А. Сабурова с О. Бисмарком в Киссингене 22 и 26 июля 1879 г. Выдержки из этих бесед опубликованы, см.:

Красный архив. 1922. Т. 1. С. 72–74; см. также: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 125–129.

[75] Н.И. Свечин был давнишним приятелем Д.А. Милютина; они вместе учились в Московском университетском благородном пансионе. В 1833–1839 гг. Милютин жил в одной петербургской квартире вместе со Свечиным (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 145, 156–157, 172).

[76] Ответное письмо императора Вильгельма I к Александру II, составленное Бисмарком, было написано в самых дружественных тонах (см. «Приложение» к т. 2 книги С.С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование»). *Коммент. П.А. Зайончковского.* Подлинники писем Вильгельма I к Александру II за 1855–1881 гг. хранятся в ГА РФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 24448, 24460); см. письмо Вильгельма I от 27 августа 1879 г. (Д. 24448. Л. 197–200).

[77] Подразумевается русский экспедиционный отряд, отправленный для усмирения туркмен в Ахалтекинский оазис (см. коммент. 19).

[78] Эта запись в дневнике сделана автором на отдельном листе бумаги позднее, предположительно в 1899 г. Невзирая на результаты свидания в Александрове, Бисмарк продолжал свои переговоры с графом Д. Андраши. 21 сентября он приехал в Вену, где совместно с Андраши составил проект союзного договора между Германией и Австрией. Договор был подписан 7 октября 1879 г. в Вене графом Андраши, с одной стороны, и германским послом принцем Рейсом, с другой. Этот договор имел формально оборонительный характер, однако, в действительности преследовал агрессивные цели. Текст договора опубликован в книге С.С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование» (Т. 2. Приложение 20. С. 693–695). Вильгельм I после заключения союза в своем письме к Александру II всячески пытался отрицать этот факт (см. запись в дневнике Милютина от 31 октября). *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. Приложение II.

К дневнику за 1879 г. Д.А. Милютин приложил рукописный перевод, сделанный его дочерью княгиней Е.Д. Шаховской из книги: *Busch Morits.* Bismark: Some secret pages of his history. Vol. III. London, 1898. P. 257–289.

[79] Д.А. Милютин был сторонником возобновления так называемого «Союза трех императоров», о котором здесь идет речь. Он рассматривал его как средство для предотвращения в ближайшие годы войны (об этом подробно см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 123–152). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[80] Переписка российских послов в Берлине, Вене и Лондоне с Министерством иностранных дел по восточному вопросу и о взаимоотношениях с Германией и Австро-Венгрией хранится в АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив). Оп. 467. Д. 37–39, 41–48, 50–62; в делах 39, 41, 44 имеются записи Д.А. Милютина.

[81] Подразумеваются упомянутые выше беседы П.А. Сабурова с О. Бисмарком 22 и 26 июля 1879 г. в Киссингене. Результаты этих бесед Сабуров изложил в докладной записке от 13 августа 1879 г., которая была представлена Александру II 6 сентября 1879 г. В ней высказывалась идея привлечения Германии на сторону России. Сабуров недооценивал серьезность сближения Германии с Австрией и полагал, что России достаточно захотеть, чтобы такая комбинация распалась. Тем не менее он считал, что вначале не следует решительно порывать с любимой для Бисмарка идеей тройственного союза, включая и Австрию (см.: Красный архив. Т. 1. 1922. С. 64–67).

[82] После смерти эмира Шир-Али-хана к власти в Афганистане пришел лояльный к англичанам Якуб-Мухаммед-хан. Поскольку Лондонский кабинет давно собирался отторгнуть от Афганистана ряд важнейших стратегических территорий, то 10 мая 1879 г. по этому поводу начались переговоры с новым эмиром. Их вел с британской стороны майор Кавеньяри. 26 мая переговоры завершились подписанием Гандамахского договора, по которому к Великобритании отходили важные стратегические пункты (Сиби, Курам, Хайбер, Пишин). Ответом афганского населения на этот унизительный договор было восстание в Кабуле, начавшееся 21 августа (подробнее об этом см.: *Юлдашбаева Ф.Х.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 111–114).

[83] Во второй половине августа 1879 г. военный отряд под командованием генерал-майора Н.П. Ломакина отправился из крепости Чат в центр Ахалтекинского оазиса крепость Геок-Тепе. Перейдя через Копетдаг и не встретив сопротивления, отряд занял ряд текинских селений, некоторые из которых были оставлены жителями. Однако попытка отряда захватить 28 августа Геок-Тепе потерпела неудачу [см.: *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 347–348].

[84] Имеется в виду докладная записка П.А. Сабурова от 13 августа 1879 г., указанная в коммент. 81. Александр II одобрил эту записку, и с некоторыми изменениями она была принята 8 сентября как инструкция Сабурову для продолжения его переговоров с Бисмарком.

[85] Старший сын Александра II, наследник престола великий князь Николай Александрович умер в Ницце 12(24) апреля 1865 г. после тяжелой болезни (подробно об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 52–78). Упомянутая панихида была приурочена ко дню его рождения — 8 сентября.

[86] Речь идет о неудачном штурме военным отрядом Н.П. Ломакина крепости Геок-Тепе. Текинцы под командованием Берды Мурад-хана ожесточенно сопротивлялись. Хорошо укрепленные крепостные стены и сильный огонь из нескольких тысяч ружей сделали штурм

невозможным. С большими потерями отряд отступил и 16 сентября был уже на Атреке (см.: *Морозова Т.Л.* К вопросу о присоединении Ахалтекинского оазиса к царской России // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 190–191).

[87] Текст письма полковника А.А. Шепелева к Д.А. Милютину от 8(20) сентября 1879 г. из Софии помещен в кн.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 137–150.

[88] Подписанный в Ливадии 20 сентября 1879 г. договор по «кульджинскому» вопросу завершил русско-китайские переговоры, которые велись с российской стороны Н.К. Гирсом и чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Китае Е.К. Бюцовым. Китайскую сторону представлял чрезвычайный и полномочный посол богдыхана в России. По договору, российское правительство соглашалось на восстановление в Илийском крае власти Китая, но западная часть края и долина р. Текес с перевалом Музарт отходили к России. Цинское правительство гарантировало личную и имущественную безопасность всем жителям края, предоставляло им право свободного выбора места жительства и годичный срок для переселения желающих в Россию. Правительство Китая должно было уплатить России на покрытие издержек по управлению краем 5 млн руб. Граница между Китаем и Россией проводилась по р. Хоргос, горному хребту Ак-Бурташ, оставляя в российских владениях долину р. Текес и Музартский перевал. Были внесены изменения и в прохождение линии границы в бассейне Черного Иртыша, а также на границе между Кашгарией и бывшим Кокандским ханством — Ферганской областью. Россия получала право назначать консулов, помимо Кульджи и Чугучака, в Кашгар, Ургу, Кобдо, Улясутай, Урумчи. Для передачи Китаю Илийского края создавалась специальная комиссия. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. — 1917 г. Барнаул, 2003. С. 179–180.

[89] Речь идет о письме князя Н.А. Орлова к Александру II от 19 сентября (11 октября) 1879 г. (опубл.: Красный архив. Т. 1. 1922. С. 86–91). Оно не давало ничего нового в сравнении с тем, что было известно от П.А. Сабурова. Упомянутые беседы последнего с О. Бисмарком состоялись 16–18 сентября во время остановки Сабурова в Берлине на пути в Дрезден. Под «записками» подразумеваются подробные донесения Сабурова Н.К. Гирсу от 18–23 сентября [хранятся в АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. Д. 24–27; содержание этих донесений изложено в кн.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 134–139].

[90] Кавказское командование стремилось насколько возможно затушевать провал Ахалтекинской экспедиции. Оно не спешило информировать Военное министерство об истинном положении дел и продолжало

слать в Петербург давно устаревшие отчеты. Таким образом, до конца сентября власти в Петербурге находились в неведении о поражении русских войск. Интересно, что газеты оповестили общественность об этом значительно раньше, чем об этом узнал Главный штаб. Из русских газет первой по этому поводу выступила тифлисская газета «Кавказ». См. также коммент. 83.

[91] Имеется в виду письмо императора Александра II от 3(15) августа 1879 г. (см. коммент. 73).

[92] См. коммент. 83.

[93] 5 сентября 1879 г. британские власти в Индии получили известие о восстании в Кабуле и гибели своей миссии. Срочно была организована карательная экспедиция во главе с генералом Ф. Робертсом. 27 сентября его главные силы были уже в районе Шутур-Гарданского перевала. В тот же день эмир Якуб-Мухаммед-хан, выехавший навстречу англичанам, прибыл в занятое ими селение Куши. Через два дня генерал Робертс принял эмира на состоявшемся в Куши дурбаре. После этого эмир направил кабульскому гарнизону приказ не оказывать отряду Робертса сопротивления, но гарнизон отказался его выполнять. 1 октября англичане вступили в Кабул, не встречая серьезного сопротивления (см.: *Масон В. М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 2. М., 1965. С. 251–252).

[94] Имеется в виду военная конвенция с Германией, заключенная 24 апреля (6 мая) 1873 г., и военная конвенция с Австро-Венгрией от 25 мая (6 июня) того же года. Текст обеих конвенций опубликован в журнале «Красный архив», № 1, 1922 г. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 124–128.

[95] Речь идет о первой бомбардировке Севастополя англо-французскими войсками 17 октября 1854 г. (см.: *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 2. М., 2003. С. 154–166).

[96] П.А. Сабуров уехал за границу по семейным делам. В ноябре он должен был приехать в Петербург за новыми инструкциями в связи с его назначением послом в Берлин.

[97] Речь идет о броненосцах береговой обороны, вооруженных крупнокалиберной артиллерией. Их называли «поповками» по имени конструктора адмирала А.А. Попова. Это был новый тип военных судов, предназначенных для боевых действий в особых условиях Керченского пролива и прибрежной полосы; однако они были почти не приспособлены для действий в открытом море. Строительство «поповок» началось после 1870 г., и к 1875 г. было построено два броненосца, «Новгород» и «Вице-адмирал Попов». В описываемое время в Морском техническом комитете велись дискуссии о целесообразности дальнейшего строительства таких броненосцев. Попов принимал в этих обсужде-

ниях активное участие не только как конструктор судов, но и в качестве председателя Кораблестроительного отделения данного комитета (см.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 509–510).

[98] См. коммент. 18.

[99] Письмо Вильгельма I содержало предложение восстановить союз трех императоров (см.: Die Grosse Politik der Europäeschen Kabinette. 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. 3. S. 483–509). См. также письмо Вильгельма I к Александру II от 4 ноября 1879 г.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 24448. Л. 201–202.

[100] Записку Д.А. Милютина «По поводу упреков германского правительства в том, что Россия действует неприязненно» см.: Приложение III.

[101] Ответное письмо Александра II см.: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1902. С. 586–570.

[102] Речь идет о военной помощи, оказанной Россией Турции во время первого турецко-египетского конфликта 1832 г. С 1830 г. у России с Турцией сложились добрососедские отношения. Россия, заинтересованная в сохранении слабого соседа, не могла допустить создания на развалинах Османской империи молодого и сильного египетского государства. В ноябре 1832 г. на Ближний Восток был послан генерал Н.Н. Муравьев с поручением склонить к миру египетского пашу Мухаммеда-Али на приемлемых для Порты условиях и, в случае необходимости, сделать все возможное для предотвращения наступления египетских войск на Константинополь. После поражения султанской армии при Конье, в феврале 1833 г., Порта официально обратилась к России за военной помощью. Царское правительство действовало быстро и энергично. Уже в конце февраля в Константинополь прибыла русая эскадра с 30-тысячным десантным отрядом. Европейские державы восприняли этот акт чрезвычайно болезненно и приложили усилия к скорейшему достижению перемирия между Египтом и Турцией (подробно об этом см.: *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869).

[103] Об этом см. подробное донесение полковника А.А. Шепелева к Д.А. Милютину от 4 ноября 1879 г. и их шифрованную переписку от 13–14 ноября (опубл.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 175–185, 211–217).

[104] Крушение поезда было организовано членами организации «Народная воля» С.Л. Перовской и Л.Н. Гартманом. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

Это было четвертое покушение на жизнь Александра II. «Народной волей» готовился также взрыв царского поезда при следовании императора из Крыма в Петербург в Одессе и Александровске. Царь через Одессу не поехал, а в Александровске взрыв не получился. В Москве взрыв был совершен, однако взорван был свитский поезд, шедший перед царским.

[105] После неудачного сражения 28 августа 1879 г. у Геок-Тепе военный отряд под командованием Н.П. Ломакина отошел на исходные позиции. Затем сразу же началась эвакуация экспедиционных войск обратно на западный берег Каспийского моря. Через Петровск и Ленкорань войска отправлялись в места расположения Кавказского военного округа. К 12 декабря эвакуация закончилась. Из вновь приобретенных в Туркмении пунктов российские войска дополнительно смогли оставить за собой Дуз-Олум, где разместили гарнизон. Без промедления началось создание материальной базы для следующей экспедиции. Осенью и зимой 1879 г. борьба туркменских племен против российских войск приобрела большой размах и носила характер партизанской войны. Генерал А.А. Тергукасов для борьбы с ними создал специальные команды. Лондонский кабинет откровенно выражал радость в связи с поражением России. Текинцам была обещана дополнительная помощь оружием. Под руководством британских специалистов началось восстановление и укрепление Геок-Тепе (см.: *Морозова Т.Л.* К вопросу о присоединении Ахалтекинского оазиса к царской России // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 192–193).

[106] См. коммент. 24.

[107] Речь идет о проекте реформы Государственного совета, разработанном П.А. Валуевым в 1863 г. Это был законченный законопроект, готовый к обсуждению в Государственном совете. 7 декабря 1863 г. Валуев передал Александру II пояснительную записку к проекту, а 13 декабря получил ее обратно, т. к. император категорически отверг предложения об общегосударственном представительстве (см.: *Валуев П.А.* Дневник министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 257). Проект Валуева состоял из 201 статьи; из них 85 повторяли статьи действующего положения о Государственном совете, 42 были несколько изменены и 74 статьи, касавшиеся введения в Государственный совет выборных представителей, были составлены заново. Проект предусматривал создание при Государственном совете своего рода «нижней палаты» — «Съезда государственных гласных». Большую часть съезда (101 депутат) должны были составлять представители земств, избранных на губернских земских собраниях. Тогда, еще до принятия Земской реформы 1864 г., Валуев предполагал, что земство будет не всесословным, а в основном — дворянским. Предполагалось, что Съезд гласных будет собираться ежегодно на одну сессию, созываемую по указу императора. Компетенция Съезда была довольно широка (публикацию проекта Валуева и сопутствующих ему документов см.: *Берманьский К.* Конституционные проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. № 9. С. 235–269; история составления и представления в 1863 г. проекта изложена в кн.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 125–128; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 44–52; *Чернуха В.Г.* Внутренняя

политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л., 1978. С. 15–45). После покушения 2 апреля 1879 г. Валуев возвратился к своим бумагам 1863 г., вел переговоры в правительственной среде, а 4 июня имел объяснения и с самим императором. Решающий разговор Валуева с Александром II состоялся 10 декабря, когда министр получил разрешение представить свой прежний проект (см.: *Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 38–40).

[108] О правительственном кризисе в Болгарском княжестве российский военный агент полковник А.А. Шепелев сообщал военному министру в трех шифрованных телеграммах, посланных из Софии с 17 по 24 ноября. «Кризис продолжается, — писал он 17 ноября. — Каравелову поручено составить смешанный кабинет. Князь стал сговорчивее, но, подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адрес палаты, пока не изменят титула на «Высочество» и не вычеркнут решение Собрания поручить князю, при каждом сборе камеры, благодарить Государя. Убеждаю изменить редакцию адреса (опубл.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 217).

Князь Александр поставил П. Каравелову условие, чтобы в новый кабинет вошли двое из старых министров, но Народное собрание не согласилось на это условие. 24 ноября Шепелев сообщал Милютину, что «смешанный кабинет по вкусу князя не удался. Решено распустить палату» (Там же. С. 221). 26 ноября он отправил в Петербург еще одну телеграмму следующего содержания: «Считаю своею обязанностью вновь убедительно просить дать князю Александру совет не распускать теперь Собрание и в крайности согласиться на либеральный кабинет. Утверждаю по совести, радикалов здесь нет <...> Если князь уступит пристрастным советам и распустит Собрание, то стране угрожают бедствия. Князю нужно стать сперва популярным, а затем уже думать о перевороте. Хотя в адресе выражено желание улучшить содержание войск, но я и генерал Паренсов не видим в этом обвинения, тем более, что камера заявила, что недоверие к министерству не касается Паренсова» (Там же. С. 222).

[109] Имеется в виду записка от 22 ноября 1879 г., в которой П.А. Сабуров подробно высказался по вопросу о проливах и российских морских силах на Черном море. Рассматривая со всех сторон вопрос о проливах, Сабуров приходил к мысли, что решить его можно только силой. Для этого требовалась активная антибританская политика на Востоке и в Средней Азии. В этой связи было необходимо, по его мнению, увеличить транспортные средства на Черном море, чтобы быстро направить значительные военные силы к проливам и успеть загородить Босфор прежде, чем Великобритания прорвется через Дарданеллы (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 144–148).

[110] Речь идет о праздновании дня святого великомученика и победоносца Георгия, который торжественно отмечался кавалерами ордена Св. Георгия.

[111] О боях под Плевной см.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1876–1878. М., 2009. С. 341–345.

[112] Письмо принца П.Г. Ольденбургского к О. фон Бисмарку по поводу поражения Франции и необходимости дружественных отношений России и Германии от 15 сентября 1879 г. хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 24 (литографированный экземпляр, на фр. яз.). Обращение П.Г. Ольденбургского к А. Тьеру с предложением созвать международный конгресс по разоружению от 19(31) декабря 1871 г. см.: Там же. Карт. 44. Ед. хр. 25 (печатное).

[113] К осени 1879 г. усилилось сопротивление афганского народа британским оккупационным властям. Разрозненные действия отдельных партизанских отрядов и племенных ополчений разрастались в большую народную войну, центром которой стала область Газни. Здесь под руководством генерала Мухаммеда Джан-хана Вардака формировались отряды из солдат афганской регулярной армии. В начале ноября через Гиндукуш перешли пять полков из Афганского Туркестана, часть которых направилась в Газни. Ополчения создавались также в Кохистане, Логаре и других районах страны. 19 ноября генерал Ф. Робертс направил из Кабула на Газни отряд в составе пехоты, конницы и кавалерии, который, встретив упорное сопротивление афганцев, не дойдя до места назначения, отступил (см.: *Масон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 2. М., 1965. С. 255–256). Эту неудачную вылазку англичан и имеет в виду Милютин.

[114] Подразумевается совещание у Александра II в субботу, 1 декабря.

[115] П.А. Сабуров, действительно, стал энергично протестовать против всякого упоминания в переговорах с О. Бисмарком вопроса о проливах. Он даже обратился за поддержкой к А.М. Горчакову, только что приехавшему в Петербург. В письме от 8(21) декабря 1879 г. он уверял канцлера в том, что этот вопрос не был включен в первоначальную программу переговоров, составленную в Ливадии, и высказывал опасение, как бы теперь из-за проливов не «погибло» соглашение с Германией. Со своей стороны, Сабуров предлагал вести независимо одну от другой две линии переговоров: по вопросу о проливах — в общей форме и при участии других держав; по вопросу о союзе с Германией — исключительно с этой последней (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 143).

[116] Имеется в виду великий князь Николай Александрович.

[117] Подразумевается письмо от 3(15) августа 1879 г. См. коммент. 73.

[118] Речь идет о письмах П.Д. Паренсова из Софии к военному министру от 17 и 27 ноября 1879 г. Тексты обоих писем помещены в кн.: *Парен-*

сов П.Д. Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 199–208, 235–239. Подлинник письма Александра Баттенберга к Александру II см.: ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 728. Л. 1–13.

[119] Об этом подробно см.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 233–250.

[120] Речь идет о военных действиях афганских формирований против отрядов генерала Ф. Робертса у Шерпура. Последний, получив значительные подкрепления из Индии, вынудил афганцев отвести свои силы от осажденного английского лагеря, а затем оставить Кабул и направиться в район Газни (см.: *Масон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 2. М., 1965. С. 258).

[121] Единственное обязательство, которое брала на себя Россия, это в случае войны гарантировать Германию против вмешательства третьей державы, т. е. воспрепятствовать Австрии, как в 1870 г., в случае новой франко-германской войны, выступить против Германии. Однако после заключенного в Вене австро-германского соглашения это обязательство России сводилось к тому, чтобы ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дуэль между Францией и Германией (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 151).

[122] В сентябрьской книжке журнала «Вестник Европы» в отделе «Внутреннее обозрение» была напечатана заметка «Сведения об испытаниях зрелости в 1878 г. и проч.», в которой сообщались факты, касавшиеся успеваемости в классических гимназиях. Министерство народного просвещения по поводу этой заметки направило в редакцию журнала «Разъяснение», обязав ее поместить его в ближайшем номере журнала. «Разъяснение» было опубликовано в ноябрьской книжке, а в декабрьской было напечатано «Объяснение» на «Разъяснение», в котором редакция «Вестника Европы» удачно полемизировала с Министерством народного просвещения, доказывая несовершенство системы классического образования. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[123] В своем дневнике П.А. Валуев сделал 18 декабря 1879 г. следующую запись о заседании Комитета министров: «Великий князь генерал-адмирал приехал в заседание, чтобы дело испортить (под предлогом другого дела, о задержанном № «Вестника Европы»), — и после разных кабинетных рассуждений с Сольским, Фришем и даже Маковым. Он начал с того, что при десяти генерал-губернаторах может быть десять законодательств и что лучше отсрочка недели на четыре, т. е. чего он не сказал и, по-видимому, не заметил, — превращение генерал-губернаторских постановлений в высочайшие, — при посредстве Комитета министров. Маков и Фриш возражали вяло. Дрентельн молчал. Меня взорвало, и я резко заявил свое мнение, добавив, что, в случае какого бы то ни было изменения по существу представления, я сделаю разногласие. Эта полувыходка смутила всех, в том числе и великого

князя, — и дело прошло без дальнейших разговоров, кроме мелочных редакторских. После я с горячностью сказал Макову и Фришу, что нельзя подписывать втроем, а мне одному предоставлять защиту. Добродушный Дрентельн сказал мне: "Вы спасли дело"» (*Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 40–41). Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 113–116.

[124] Назначенный на время ярмарки временным нижегородским генерал-губернатором гр. Н.П. Игнатьев по окончании своей миссии представил 9 октября 1879 г. императору записку, в которой не только изложил отчет о своей деятельности, но и сформулировал «общие замечания», касавшиеся различных сторон положения страны и задач правительственной политики. Ознакомившись с запиской, Александр II 29 октября передал ее в Министерство внутренних дел, а 9 декабря 1879 г. она была внесена Л.С. Маковым на рассмотрение Комитета министров (слушалась 18 декабря). Отчет Игнатьева представлял собой живо написанную картину несостоятельности местной администрации и умелых действий самого генерал-губернатора. Впрочем, впечатления, вынесенные им после двух месяцев управления краем, скорее обнадеживали. «...В русском народе, — писал гр. Игнатьев, — столько еще твердости в вере, привязанности царю-освободителю и к преданиям отцов, столько патриотизма и любви к отечеству, что стоит только умеючи взяться за дело, чтобы, воспользовавшись этими консервативными элементами, поддержать трезвое направление умов и уничтожить все усилия врагов России и порядка». При этом граф полагал, что «власть временного генерал-губернатора, вооруженного полномочиями указа 5 апреля, может быть действительно благодетельна при строгой последовательности и целесообразности действий для удовлетворения еще присущей народу русскому потребности во власти сильной, отеческой, справедливой и заботливой о народных нуждах». Основную задачу генерал-губернаторов он видел в том, чтобы сдерживать «разнузданность администрации». «...Вообще, — отмечал Игнатьев, — ознакомившись с жизнью Среднего Приволжья, я не вижу поводов к исключительным мерам для борьбы с разрушительными началами: преданность народа Государю до такой степени несомненна, что опасности политической быть не может. Ближайшею опасностью и здесь считаю не столько общественных разрушителей, сколько неудачных представителей правительственной власти, которые из политической благонадежности делают орудие личных целей и одинаково готовы стеснять действительно полезное, как и разрешать вредное». Как утверждал Игнатьев, «администрация недостаточно проникнута убеждением, что она призвана служить *действительным* государственным и общественным интересам, а не проводить личные свои предвзятые мысли и воззрения», ее представители отталкивают от правительства «людей

честных, хороших, независимых, трудящихся и самостоятельных, но не преклоняющихся пред своеволием, самодурством и фантазиями губернатора или чинов полиции». Полиция (и, особенно, урядники) признавалась совершенно несостоятельной, способной лишь на бездействие, самоуправство и лихоимство. Критиковалась и излишняя сложность системы местного управления.

Вместе с тем Игнатьев подчеркивал: «Во всех слышанных мною мнениях и отзывах никто не винит реформ настоящего царствования в теперешней губернской неурядице: по большей части благословляют эти реформы и все сходятся в признании их коренного, бесповоротного значения; самый отчаянный крепостник не решится предложить восстановление порядков, имевших основанием крепостное право, после того, как оно словом Государя отменено навсегда». «...Но мне доводилось слышать, — признавался граф, — горькие сетования на то, что преобразовательная работа задержана, что данные права суживаются и урезываются, что недостойные местные органы правительства намеренно смешивают законное проявление самостоятельности — с разрушительными стремлениями, нежелание покориться произволу, прихоти или незаконным требованиям — с крамолою». Игнатьев осуждал «стеснение земского и городского самоуправления», а также мировых судов, выражал сомнение в целесообразности предоставленного губернаторам 19 августа 1879 г. права не утверждать и увольнять от должности земских деятелей. «...Признать земство зловредным, а тем более опасаться революционных ходатайств земства или дворянства можно только при совершенном незнании их действительного настроения», — заявлял он. Напротив, борьба администрации с земством, по мнению Игнатьева, раздражала население и была на пользу революционерам. В то же время деятельность земства также оценивалась в записке весьма критично: отмечалось бездействие губернских собраний, уклонение от земской деятельности людей «серьезных и положительных». «...Одолеваемое пустословием, канцелярскою перепискою и кумовством, земство, — говорилось в записке, — становится убежищем людей, которым деваться некуда; здесь легче получить место, еще легче удержать его, при связях и невзыскательности к несправедливым вмешательствам администрации». Еще резче характеризовалось крестьянское самоуправление, а волость представлялась как «самая слабая сторона настоящего местного управления». Кроме того, в качестве неблагоприятных явлений Игнатьев отмечал начавшееся обезземеливание части крестьянства, скупку земли «кулаками», а также сокращение числа приходов. Со своей стороны, граф высказывался в пользу расширения участия духовенства в деле народного образования, указывал на необходимость отмены налога на соль и преобразования судового сбора на Волге.

Печатный экземпляр записки сохранился в фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 44. Д. 16. Л. 1–15).

[125] Сражение под Ташкисеном произошло 31 декабря 1877 г. между передовым отрядом генерала И.В. Гурко и турецкими войсками под командованием Шакир-паши.

[126] Имеются в виду Альфонс XII и Мария-Христина. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[127] Речь идет об Обществе естествоиспытателей, созданном в 1868 г. при Петербургском университете. Целью общества было распространение в России естественно-исторических знаний, содействие исследованиям природы. Общество состояло из трех отделений: зоологии, ботаники, минералогии и геологии. В 1869 г. Общество естествоиспытателей снарядило Беломорскую экспедицию, в 1874 г. — большую Арало-Каспийскую экспедицию.

[128] См.: Общая государственная роспись доходов и расходов на 1880 год. СПб., 1881.

[129] Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Н.М. Баранов командовал пароходами «Веста» и «Россия». За боевые заслуги он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а также получил повышение в чине. В июле 1878 г. была напечатана статья З.П. Рождественского «Броненосцы и крейсеры-купцы», в которой убедительно доказывалось, что поведение Баранова совершенно не соответствовало тому, что он сообщал в своих реляциях. В ответ на это Баранов обратился в Морское министерство с просьбой назначить судебное расследование, которое подтвердило справедливость изложенных в статье фактов. После этого Баранов в записке, поданной на имя Александра II, обвинял Морское министерство в несправедливом к нему отношении и оскорбительно отзывался о ряде высших чинов морского ведомства. Дело о Баранове рассматривалось Петербургским военно-морским судом в декабре 1879 г. Суд признал неправоту Баранова и обвинил его в оскорблении им высшего морского начальства. Вследствие этого Баранов был вынужден выйти в отставку. Материалы судебного процесса над Н.М. Барановым были опубликованы в газете «Голос» (№ 320–326, 1879 г.). Милютин имеет в виду записку Н.М. Баранова «О мерах к достижению преимущества России на море, в случае возникновения войны с Англией», которая была им составлена в ноябре 1879 г. Писарской экземпляр этой записки с сопроводительным письмом Баранова к Милютину от 3 ноября 1879 г. хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 42. Ед. хр. 34). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

О Н.М. Баранове подробно см.: *Степанов В.В.* Капитан-лейтенант Баранов. Одесса, 1909.

[130] «Добровольный флот» — судоходная компания, созданная на частные пожертвования для содействия правительству в мирное и военное время. Организации флота покровительствовал наследник престола великий князь Александр Александрович. Ближайший сотрудник наслед-

ника К.П. Победоносцев стал вице-председателем Комитета по устройству «Добровольного флота» (с апреля 1878 г.), а затем — председателем правления «Общества Добровольного флота» (с мая 1879 г.). Задачами комитета были: 1) принимать пожертвования на устройство «Добровольного флота»; 2) хранить собираемые суммы и употреблять их на приобретение судов, соответствующих целям торгового мореплавания и возможной «крейсерной» войны; 3) входить в соглашения об употреблении этих судов в мирное время или же для военных целей по правилам «Добровольного флота». При первоначальном образовании Комитета по устройству «Добровольного флота» предусматривался его временный характер и предполагалась передача его дел общественному учреждению. Этим вопросом занялось учредительное отделение комитета, которое остановило свой выбор на проекте члена Московского общества для содействия русскому торговому мореходству И.Н. Шатилова. На базе этого проекта учредительное отделение разработало «Устав Общества Добровольного флота», который был рассмотрен комитетом и 9 мая 1879 г. утвержден Александром II. На собрании членов общества 23 мая 1879 г. К.П. Победоносцев был избран председателем Главного управления. Последнее заседание Комитета по устройству «Добровольного флота» состоялось 30 апреля 1879 г. За время его деятельности на поступившие пожертвования было приобретено 5 крейсеров. Комитет предал их в ведение вновь учрежденного общества наряду с наличными деньгами, процентными бумагами и долговыми обязательствами. В наследство от комитета общество получило контракты на перевозку ссыльных и грузов тюремного ведомства на о. Сахалин и морского ведомства — во Владивосток. Активное участие в создании «Добровольного флота» принял также морской офицер Н.М. Баранов, находившийся в конфликте с руководством Морского министерства (см. коммент. 129). В первые годы существования «Добровольный флот» использовался Александром Александровичем и Победоносцевым как средство борьбы против либерального главы Морского министерства великого князя Константина Николаевича. Пароходы «Добровольного флота» совершали рейсы по заказу правительства и с коммерческими целями в основном на Дальний Восток. С 1883 г. «Добровольный флот» находился в ведении Морского министерства. О возникновении «Добровольного флота» и его деятельности подробно см.: *Поггенпольм М.* Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб., 1903. С. 3–63.

[131] Изобретателем подводной лодки был С.К. Джевецкий (см.: Люди русской техники. Т. 2. М.; Л., 1948. С. 900–969). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[132] Секретная инструкция П.А. Сабурову от 8 января 1880 г. (отпуск на фр. яз.; с пометой Александра II: «Быть по сему») относительно кон-

фиденциальных переговоров Сабурова с О. фон Бисмарком хранится в АВПРИ [Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 470. Д. 42 (за 1880 г.). Л. 149–169].

133 После оккупации англичанами Афганистана и поражения российских войск под Геок-Тепе вновь усилилась дипломатическая возня вокруг Герата и Мерва. По англо-персидскому договору 1857 г. Персия вынуждена была отказаться от всяких видов на Герат. Однако персидский шах считал такое признание вынужденным и никогда не переставал питать надежду со временем добиться присоединения Герата к своим владениям. Великобритания же не решалась открыто захватить его, опасаясь, что в ответ на это российские войска займут Мерв. Из этих соображений британское правительство сочло целесообразным передать Герат Персии при условии создания себе там исключительных преимуществ. В начале января 1880 г. лорд Биконсфильд при открытии парламента сделал официальное заявление о том, что Великобритания освободила Персию от обязательства не занимать Герат. Принимались меры и в отношении Мерва. Еще ранее, в самом начале подготовки к первой Ахалтекинской экспедиции, британский посланник Томсон попытался оказать давление на персидское правительство с тем, чтобы побудить шаха выступить со своими притязаниями на Мерв. Этим обстоятельством и следует объяснять неоднократные запросы персидского правительства к российскому посланнику в Тегеране о намерениях России в отношении Мерва. Солидарность шаха с российским правительством ограничивалась его заинтересованностью в разделе приатрекских и туркменских земель. Здесь шах рассчитывал получить свою долю добычи в случае победы русских войск. Но дальше этого его солидарность с Россией не простиралась: под влиянием Англии шахское правительство открыто заявило о своих правах на Мервский оазис. В разгар первой Ахалтекинской экспедиции персидский первый министр известил российскую миссию в Тегеране о направлении мервским старшинам послания шаха с предложением вступить в персидское подданство. Вслед за этим в Тегеран прибыла инспирированная англичанами депутация текинцев, которая обратилась к персидскому правительству с изъявлением покорности и с просьбой принять их под свое покровительство. Между ними начались длительные переговоры (см.: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 349–357).

«Сепесалар» (искаженное «шпехсаляри азам») — первый министр в Персии.

134 Николаевское кавалерийское училище было создано в 1865 г. на базе Николаевского училища гвардейских юнкеров, под непосредственным руководством его начальника полковника барона М.А. Таубе. Общие классы этого училища составили особый его отдел из 100 воспитанников, под названием Приготовительного пансиона. «Положение»

о Николаевском кавалерийском училище было утверждено императором 20 июня 1867 г. (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 1-е. № 44723).

В 1876 г. был возбужден вопрос о преобразовании Приготовительного пансиона в самостоятельное заведение с полным гимназическим курсом и с внутренним устройством по образцу военных гимназий. К началу 1879 г. Приготовительный пансион был переведен в новое помещение, занимавшее здание упраздненного Военно-юридического училища. В августе 1878 г. император утвердил штаты и табель Приготовительного пансиона, причем на все годовое содержание заведения, при комплекте в 200 интернов и 100 экстернов, было определено 130 тыс. руб. Вместе с тем постановлено было принимать в пансион на будущее время малолетних детей из всех сословий в возрасте от 10 до 18 лет, с платой: за каждого интерна — по 350, а за экстерна — по 200 руб. в год. В вопросах же общего управления, внутреннего порядка и распределения учебного курса Приготовительный пансион должен был руководствоваться правилами, установленными для военных гимназий (см.: *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1880. СПб., 1880. С. 222–223).

135 Решением Военного совета 11 апреля 1878 г. Военному министерству было поручено разработать проект Положения об офицерах и чинах запаса. В том же году военный министр представил в Государственный совет «Основные начала» этого Положения, однако, Государственный совет счел их недостаточно разработанными и постановил создать особую комиссию для доработки проекта. В нее вошли представители министерств: военного, морского, финансов, внутренних дел и юстиции; возглавил комиссию статс-секретарь Е.А. Перетц. Доработанный комиссией проект «Положения об офицерах и чинах запаса» был повторно вынесен в Государственный совет в начале января 1880 г., а утвержден императором 29 января 1880 г. (подробно об этом см.: Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1880 год. СПб., 1882. С. 80–102). На упомянутом в дневнике заседании Государственного совета также рассматривался проект «Правил о порядке выдачи заимообразных пособий (ссуд) из особого, состоящего в ведении Министерства финансов, капитала для устройства воинских казарм». Проект был составлен особой комиссией, созданной еще в 1876 г. по инициативе тогдашнего министра финансов М.Х. Рейтерна. При нем проект так и не был принят, т. к. Государственный совет вернул его Рейтерну для доработки. И только в конце 1879 г. новый министр финансов С.А. Грейг повторно внес доработанный проект в Государственный совет. Проект был утвержден 29 января 1880 г. (см.: Там же. С. 125–131).

136 К началу 1880 г. назначенный командовать войсками в Закаспийском крае генерал А.А. Тергукасов при помощи штаба Кавказского военного округа составил новый план завоевания Ахалтекинского оазиса. По этому плану предполагалось медленно продвигаться по

туркменским степям, прочно закрепляя за собой каждый пройденный шаг. Таким образом, занятие русскими войсками оазиса должно было осуществиться в четыре года и стоить 40 млн руб. золотом. Однако правительство не согласилось с такими сроками и предложило главнокомандующему на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу составить другой план кампании, как по срокам, так и по расходам. Одновременно с этим в верхах решался вопрос о новом начальнике экспедиции. Вопреки мнению Михаила Николаевича, Александр II остановил свой выбор на генерале М.Д. Скобелеве, который был знаком с образом действий в Средней Азии. 5 января 1880 г. в Тифлис была отправлена телеграмма о командировании Скобелева в распоряжение кавказского наместника. Тем не менее Михаил Николаевич, желая выиграть время, чтобы получить возможность удержать ускользающую из его рук инициативу, просил Военное министерство отложить назначение Скобелева до конца января, т. е. до момента рассмотрения правительством новых предложений кавказского командования относительно Ахалтекинской экспедиции [см.: *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении (поход в Ахал-Теке в 1880–1881 гг.). СПб., 1899. С. 101–103].

[137] См. коммент. 66.

[138] Имеется в виду письмо П.А. Сабурова, полученное Н.К. Гирсом 17 января 1880 г. [донесения Сабурова в Министерство иностранных дел за 1880 г. см.: АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. Д. 37–41]. Первая беседа Сабурова с канцлером О. Бисмарком состоялась в Берлине 19 января (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 149).

[139] Во время обыска в типографии организации «Народная воля», расположенной в Саперном переулке, были арестованы следующие лица: Н.К. Бух, М.В. Грязнова, С.А. Иванова и Л.И. Цукерман. Застрелился наборщик типографии Лубкин. Все арестованные судились Особым присутствием Правительствующего Сената по процессу «шестнадцати» 25–30 октября 1880 г. Материалы этого процесса были опубликованы в журнале «Правительственный вестник», 1880, № 241–249. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[140] Второе письмо, с отчетом о своей первой беседе с О. Бисмарком 19 января, П.А. Сабуров отправил Н.К. Гирсу 21 января (2 февраля). Хотя Сабуров и заявил тогда Бисмарку, что он уполномочен продолжить начатые им осенью 1879 г. переговоры, но прибавил при этом, что быть может, в данный момент несвоевременно поднимать вопрос о переговорах с Веной. Бисмарк согласился, что спешить не следует ввиду смены австрийского министра иностранных дел. Но когда Сабуров заключил, что канцлер считает данный момент неподходящим для обсуждения идеи тройственного союза, то Бисмарк подчеркнул, что не он,

а Сабуров так считает (публикацию письма см.: Die Grosse Politik der Europäeschen Kabinette. 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. 3. S. 142).

[141] Имеется в виду Алексей Дмитриевич Милютин. Рутьеры — паровозы, передвигающиеся без железных рельсов.

[142] Эльзас и Восточная Лотарингия отошли к Германии на основании Франкфуртского мирного договора, заключенного между Германией и Францией 10 мая 1871 г. Захват этих территорий давал Германии огромные стратегические и экономические выгоды: это были районы, богатые железной рудой. Поэтому в действительности Германия не собиралась отказываться от Эльзаса и Лотарингии.

[143] Н.А. Милютин скончался 26 января 1872 г. после продолжительной болезни (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 466–469).

[144] Речь идет о письмах, упомянутых в комментариях 138 и 140.

[145] В типографии революционной организации «Черный передел», находившейся на 14-й линии Васильевского острова в доме № 23, были арестованы следующие члены этой организации: М.К. Розанова (Крылова), Н.А. Короткевич, И.П. Пьянков и П.В. Тесленко-Приходько (см.: Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. М., 1906. С. 108–109). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[146] Имеется в виду записка о стратегическом значении Висло-Наревского плацдарма, которая была составлена группой офицеров Генерального штаба под руководством генерала Н.Н. Обручева весной 1873 г. В записке говорилось о необходимости создания указанного плацдарма по трем причинам: 1) это географический центр русской Польши; 2) здесь находятся ключи к контролю над реками Висла, Буг, Нарев и важнейшими дорогами; 3) здесь административно-культурный центр Царства Польского (подлинник записки хранится в РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Ед. хр. 27. Л. 2–9); подробный анализ записки сделан в кн.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 136–139. События на Балканах 1870-х гг. отвлекли внимание российского правительства от западных рубежей, и предложения Обручева на время были отложены. Они стали вновь актуальными после Берлинского конгресса, когда политика Германии стала приобретать угрожающий для России характер. 12 октября 1879 г. Обручев по заданию Военного министерства уехал инспектировать укрепления на русско-германской границе в районе Ковно, Гродно, Осовца. Эта поездка позволила ему вновь поднять вопрос об укреплениях в Царстве Польском и прилегающих к нему стратегически важных районах России. В мае 1880 г. Обручев по указанию императора возглавил комиссию для проектирования укреплений Варшавы, Ивангорода, Зегржа. Комиссия приняла его предложения 4-летней давности, которые 1 июня 1880 г. были высочайше

утверждены в качестве программы фортификационного строительства на ближайшее 25-летие (см.: Там же. С. 219).

[147] Подразумевается записка, упомянутая в записи от 3 января 1880 г.

[148] Полевое управление армией до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. осуществлялось по «Положению о полевом управлении войск в военное время» 1868 г. В 1876 г. это «Положение» было издано вновь с дополнением о полевых сообщениях. Управление корпусом осуществлялось по «Положению» 1874 г., восстановившему военные корпуса в мирное время. Оно не предусматривало действие в мирное время корпусных интендантских управлений. Интендант назначался в корпусное управление только на время войны. Хотя все перечисленные «Положения» устранили многие недостатки прежней организации, тем не менее в них оказалась слабо разработанной служба тыла. Война 1877–1878 гг. показала необходимость устранения этого недочета и вообще дальнейшего совершенствования состава полевых управлений. С этой целью в 1878 г. Военное министерство учредило специальную комиссию, работы которой к началу 1880 г. не были еще окончены [см.: Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие царствования императора Александра II (1855–1880). Т. VI. СПб., 1881. С. 14–19, 24–25].

[149] Речь идет о разработанном кавказским командованием новом варианте плана экспедиции в Ахалтекинский оазис (см. коммент. 136). Д.А. Милютин лично наметил основные контуры предстоящей экспедиции. В своем распоряжении начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену от 8 января 1880 г. он указывал на необходимость создания в Кызыл-Арвате к 1 августа операционной и продовольственной базы и комплектование военного отряда только после создания прочной материальной базы в этом и промежуточных пунктах. Им были также предусмотрены меры к снабжению войск новейшей военной техникой. С этой целью предполагалось выписать из Англии новые рутьеры (см. коммент. 141) и приготовить достаточное количество гелиографов (средства сигнализации с помощью солнечных лучей), впервые примененных русскими войсками в войне 1877–1878 гг. В этом же распоряжении был поставлен вопрос о строительстве железной дороги в Закаспийском крае (подлинник распоряжения хранится в РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6862. Ч. 1. Л. 5–6). Первоначально для участия в военном походе предполагалось привлечь войска Туркестанского и Оренбургского военных округов. При этом на туркестанские войска планировалось возложить задачу произвести движение в направлении Мерва, чтобы удержать местных туркмен от помощи текинцам (см. шифрованную телеграфную переписку Гейдена с К.П. Кауфманом от 10–26 января 1880 г.: Там же. Л. 46, 52). Совещания по обсуждению нового плана Ахалтекинской экспедиции проходили под председательством Ф.Л. Гейдена 31 января и 6 февраля 1880 г. [см. также: *Хал-*

фин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 350].

[150] Речь идет о письмах к Д.А. Милютину П.Д. Паренсова — от 27 ноября и А.А. Шепелева — от 26 ноября 1879 г. (тексты обоих писем помещены в кн.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 235–239, 222). Конфликт между болгарским князем А. Баттенбергом и Паренсовым начался из-за мелкого вопроса о княжеском титуле. А. Баттенберг требовал, чтобы его именовали «высочеством», тогда как по конституции полагалось называть его «светлостью». Главной же причиной конфликта был разный подход князя и Паренсова к вопросу о кадровом составе болгарской армии. Паренсов не вмешивался в распоряжения князя, касавшиеся комплектования его военной свиты и конвоя, но вопросы, относившиеся ко всему войску, он решал, как считал нужным. В частности Паренсов противился пополнению войска немецкими офицерами, многие из которых получили у него отказ. Дело в том, что принятие иностранных офицеров, кроме русских, в болгарское войско противоречило Тырновской конституции, которую Паренсов строго выполнял. К тому же он как военный министр не мог допустить удаления из болгарского войска русских офицеров и тем самым подорвать свои собственные позиции. Это, естественно, вызывало сильное неудовольствие князя. Принципиальный взгляд Паренсова в этом вопросе, который он и не скрывал, перетолковывался его противниками и самим князем в смысле соглашения Паренсова с оппозицией князю. Особенно в этом усердствовал австрийский дипломатический агент (см.: Там же. С. 236–246).

[151] Об этом подробнее см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 364–366; *Хидоятов Г.А.* Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981. С. 20, 55–56.

[152] Речь идет о броневых батареях особой системы немецкого заводчика Грюзона, который предложил Военному министерству и правительству России свои услуги по их производству.

[153] Во время бесед с Н.К. Гирсом и Д.А. Милютиным, П.А. Сабуров убеждал их в том, что проект тройственного союза невыгоден для России, т.к. далек от равновесия обязательств. В то время как на Западе руки Германии свободны, Россия на Востоке связала свои руки условием предварительного соглашения с Австрией. По мнению Сабурова, исправить это положение можно двумя способами. Первый заключался в том, чтобы теперь же заключить соглашение с Австрией по делам Востока и действовать на Балканах на почве этого соглашения. Если его осуществление в данный момент встретит непреодолимое препятствие, то следовало отложить его на несколько лет, а в данный момент заключить тройственный союз на основе министерской инструкции, но сделать австро-русское соглашение обязательным ус-

ловием при возобновлении тройственного союза в будущем. Второе средство Сабуров видел в том, чтобы теперь же превратить наметившееся соглашение в настоящий оборонительный и наступательный союз трех восточных монархий. В этом случае, по проекту Сабурова, три двора взаимно гарантируют неприкосновенность их нынешних территорий в Европе. Эта гарантия распространялась бы и на status quo, созданный Берлинским трактатом в оккупированных Австрией турецких провинциях, равно как и на закрытие Босфора и Дарданелл (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 154–155).

[154] История знакомства Д.А. Милютина с бароном В.К. Ливеном в 1835 г. изложена в кн.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 169.

[155] Организатором взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. был рабочий С.Н. Халтурин. По окончании в 1874–1875 гг. Вятского технического училища по специальности столяра-краснодеревщика Халтурин переехал в Петербург, где работал на различных промышленных предприятиях. Тогда же он установил связи с революционными народниками, вел пропаганду в рабочих кружках и заведовал подпольной общегородской рабочей библиотекой. С октября 1877 г. Халтурин находился на нелегальном положении из-за участия в подготовке так называемой Казанской демонстрации 1876 г. В 1878–1879 гг. он участвовал в проведении стачек на заводах Петербурга; был одним из организаторов «Северного союза русских рабочих». Осенью 1879 г. Халтурин примкнул к «Народной воле»; под именем Степана Батышкова поступил столяром в Зимний дворец с целью покушения на Александра II. После убийства императора 1 марта 1881 г. Халтурин стал членом Исполнительного комитета «Народной воли». 18 марта 1882 г. он участвовал в убийстве одесского военного прокурора, за что был арестован и повешен (см.: *Соболев В.А.* Степан Халтурин. Киров, 1973).

[156] См. коммент. 153.

[157] См. коммент. 155.

[158] 22 мая 1871 г. было утверждено новое «Положение об эмеритальной кассе». В течение 1870-х гг. эмеритальные пенсии были распространены на штатных преподавателей военно-учебных заведений, армейское духовенство, офицеров казачьих войск и других лиц. В 1872 г. была создана комиссия, которая должна была внести изменения в «Положение» 1871 г. К началу 1880 г. комиссия закончила работу и внесла свои предложения в Военный совет, который рассмотрел их на заседании, упомянутом в данной дневниковой записи. Военный совет постановил: 1) увеличить размер эмеритальных пенсий на 17%; 2) дочерям военнослужащих назначать эмеритальные пенсии до выхода замуж или пожизненно; 3) семьям лиц,

умерших на службе до выслуги 5 оплатных лет, назначать эмеритальные пенсии как бы за эти года; 4) освободить от 6% вычетов в эмеритальную кассу пенсии, производимые на службе за личные заслуги, а также все без исключения денежные награды и единовременные пособия. Независимо от этого постановлено назначать эмеритальные пенсии раненым 2-го класса до выслуги ими 25 лет, глухонемым сыновьям участников эмеритальной кассы. Все установленные льготы Военный совет распространил на лиц, вышедших в отставку после 12 апреля 1878 г., а также на семьи лиц, убитых и умерших на службе после указанного срока, но с выплатой пенсий по новому положению с 1 января 1880 г. [см.: Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие царствования императора Александра II (1855–1880). Т. VI. СПб., 1881. С. 410–412].

[159] Речь идет о Следственной комиссии, учрежденной по делу о покушении Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. на жизнь Александра II, под председательством М.Н. Муравьева (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 236, 288–289).

[160] Кроки — наброски, наскоро сделанные рисунки.

[161] Имеется в виду договор с Китаем, заключенный 21 сентября 1879 г. в Ливадии, который китайское правительство отказалось ратифицировать. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 88.

[162] 9 февраля 1880 г. Александр II объявил на совещании во дворце о создании Верховной распорядительной комиссии во главе с гр. М.Т. Лорис-Меликовым. Проект указа об ее учреждении был составлен М.С. Каховым под руководством П.А. Валуева и 12 февраля утвержден Александром II. Подробнее об организации и деятельности комиссии, а также о программе и взглядах ее главного начальника см.: *Зайочковский П.А.* Кризис самодержавия в России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 148–229; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102–148; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 592–607; *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Там же. С. 399–400.

[163] Задачи, ставившиеся перед Верховной распорядительной комиссией, были сформулированы П.А. Валуевым как председателем Комитета министров. Идея создания такой комиссии принадлежала М.Н. Каткову, оказавшему влияние на наследника престола великого князя Александра Александровича через К.П. Победоносцева. Проект указа о создании комиссии был также составлен Валуевым. Функции Верховной распорядительной комиссии ограничивались

исключительно вопросами борьбы с революционным движением. Главному ее начальнику предоставлялись права главноначальствующего в Петербурге, в связи с этим упразднялась должность петербургского генерал-губернатора. Все ведомства должны были беспрекословно выполнять требования комиссии по делам охраны государственного порядка (подробнее об этом см.: *Зайочковский П.А.* Кризис самодержавия в России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 152–157). По мнению некоторых историков, выдвижение Лорис-Меликова на пост главы Верховной распорядительной комиссии было одним из проявлений растерянности правящих верхов, искавших чрезвычайных мер в борьбе с кризисом и новых людей для руководства политикой с помощью чрезвычайных мер (см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 127). Однако к моменту назначения Лорис-Меликова начальником Верховной распорядительной комиссии у Александра II сложилось вполне определенное мнение об успешном астраханском и харьковском генерал-губернаторе как об убежденном сторонике Великих реформ. Характерна в этом отношении беседа Александра II с Лорис-Меликовым 18 ноября 1879 г. в Харькове, на пути императора из Ливадии в Петербург (см.: *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов. К характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 32–50; *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 399–400).

[164] 19 февраля — день воцарения Александра II (1855 г.) и очередная годовщина отмены крепостного права в России (1861 г.).

[165] Речь идет об обер-прокуроре Святейшего Синода К.П. Победоносцеве, который был наставником и главным советчиком наследника великого князя Александра Александровича, а также о его единомышленнике редакторе газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткове. После покушения А.К. Соловьева на жизнь императора «Московские ведомости» начали публиковать статьи об усилении власти и репрессивной политике как самой неотложной задаче. Идея диктатуры была озвучена Катковым в передовице газеты от 7 февраля 1880 г.: «Борьбу с организованной крамолой необходимо сосредоточить в одной сильной руке; необходимо, чтобы один правительственный орган, облеченный полным доверием Государя, имел диктаторскую власть для борьбы со злом» [цит. по кн.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 190]. Публицистика «Московских ведомостей» с ее установкой на диктатуру выражала настроения определенных общественных кругов. У Каткова были единомышленники на всех ступенях правительственной иерархии. Учреждение Верховной распорядительной комиссии

во главе с М.Т. Лорис-Меликовым Катков, естественно, воспринял как осуществление своей идеи, однако, как показали дальнейшие события, политика Лорис-Меликова, поддержанная Александром II, была направлена не только на борьбу с крамолой, но и на завершение Великих реформ.

166 Необходимость третьего совещания по обсуждению нового проекта плана Ахалтекинской экспедиции была вызвана позицией начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена, которую он отстаивал на двух предыдущих совещаниях 31 января и 6 февраля 1880 г. Его взгляды на завоевание Туркмении были изложены в двух записках от 6 января и 7 февраля 1880 г., представленных военному министру. В записке от 6 января высказывалось сомнение в возможности нанести решающее поражение текинцам в 1880 г. Гейден предлагал после нанесения сильного удара в центре оазиса ограничиться прочным занятием только одного Кызыл-Арвата, из которого русский отряд «будет держать текинцев в постоянной страхе» (подлинник записки см.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6862. Ч. 1. Л. 21). Но после проведенных под его председательством совещаний Гейден решительно изменил свою точку зрения и стал считать завоевание Туркмении вообще нецелесообразным. В своей записке от 7 февраля он указывал, что расчеты, сделанные при составлении плана экспедиции 1880 г., так же не обоснованы, как и расчеты плана 1879 г. По его мнению, кавказское командование, постоянно втягиваясь в туркменскую войну, расстраивает свою армию, теряет много людей и несет значительные издержки. По поводу плана сооружение Закаспийской железной дороги Гейден писал следующее: «... по моему крайнему убеждению, гораздо целесообразнее в целях действительного увеличения нашего могущества в Средней Азии и ослабления англичан в этой части Азии затратить сто миллионов на проведение от Оренбурга железной дороги в Туркестанский военный округ, чем тратить их на экспедицию в безводные пустыни. Проведение такой дороги будет могущественным средством не только для противодействия происках Великобритании, но и для борьбы с ней, если обстоятельства нас к тому вынудят, и во всяком случае послужит верным средством к развитию торговли и промышленности в Средней Азии...» (Там же. Л. 105–106). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

Подводя итоги, автор записки делал вывод, что для правительства гораздо выгоднее вообще оставить Закаспийский край, за исключением Красноводска, в котором было бы целесообразно иметь только небольшой военный гарнизон для охраны торговой фактории. Гейден полагал, что следует ограничиться мирными торговыми сношениями с туркменами, т. е. вернуться к старой политике 1870-х гг. Начальник Главного штаба не был одинок в своих взглядах. Аналогичной позиции придерживался ряд генералов из Военного мини-

стерства, высших чиновников министерств иностранных дел и финансов. Записка от 7 февраля обсуждалась на упомянутых Милютиным совещаниях 11 и 12 февраля. Они должны были решить вопрос — продолжать ли попытки завоевания Ахалтекинского оазиса, или вовсе оставить Закаспийскую степь и ограничиться удержанием Красноводска и некоторых пунктов по Атреку. Журналы этих совещаний см.: Там же. Л. 159–165.

[167] Подразумевается Тырновская конституция 1879 г. См. коммент. 31.

[168] См. коммент. 104.

[169] Речь идет о генерале Р.А. Фадееве, который во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. находился в Сербии и Черногории в качестве представителя от русской армии. После войны князь Черногории подарил Фадееву небольшое имение вблизи Антивари, которое Фадеев впоследствии продал. Фадеев был рекомендован князю Черногории Д.А. Милютиным. Поэтому не удивительно, что по окончании войны Фадеев, вернувшись в Россию, обратился именно к Милютину по поводу своей дальнейшей службы.

[170] Речь идет о следующих изданиях: *Богданович М. И. и др.* Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие царствования императора Александра II. Т. 1–5. СПб., 1879. Т. 6. 1880; *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. Ч. 1–3. СПб., 1880; *Стрельбицкий И.А.* Земельные приобретения России в царствование императора Александра II с 1855 по 1881 год. С приложением 3-х карт. СПб., 1881.

[171] См. запись в дневнике от 26 января 1880 г.

[172] Подразумеваются совещания по туркменскому вопросу под председательством Д.А. Милютина 11 и 12 февраля 1880 г.

[173] Подлинники упомянутых записок Министерства иностранных дел и Министерства финансов хранятся в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 6862. Ч. 1. Л. 225–228).

[174] Автор имеет в виду антироссийские происки британского премьер-министра Б. Дизраели, который в деле революционера Л.Н. Гартмана оказывал давление на председателя французского кабинета Ш. Фрейсине.

[175] См. коммент. 66.

[176] См. коммент. 146.

[177] См. коммент. 150.

[178] Местонахождение указанной записки не установлено.

[179] Точка зрения министра финансов С.А. Грейга была им изложена в особой записке на имя Александра II от 28 февраля 1880 г. Будучи противником Ахалтекинской экспедиции, он указывал вообще на

нежелательность в настоящее время каких-либо военных действий в Туркмении (подлинник записки хранится в РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6862. Ч. 1 Л. 230–232). Возражения Грейга по своим выводам совпадали с мнением Ф.Л. Гейдена. В опровержение этих взглядов Д.А. Милютин составил всеподданнейший доклад и представил его Александру II 29 февраля. Говоря о необходимости завоевания Туркмении, он писал: «Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений; напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами, усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более, что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам народы» (Там же. Ч. 2. Л. 3). В этом докладе Военное министерство внесло по поводу экспедиции в Туркмению следующие предложения: 1) не отступать от принятого плана и не делать опасного шага назад; 2) ограничить свои действия исключительно тем, что необходимо для прочного ограждения собственных пределов; 3) идти к цели неуклонно, но не рискуя, безотлагательно приступив к устройству базы в Кызыл-Арвате, где необходимо сосредоточить необходимые запасы и средства; 4) назначить начальника экспедиции и разграничить особой инструкцией его права и права кавказского командования; 5) определить издержки экспедиции для «производства в будущем году, если окажется необходимым, решительного удара»; 6) уведомить К.П. Кауфмана, что по общему плану действий в Закаспийском крае «не предполагается в нынешнем году предпринимать решительное движение в Ахалтекинский оазис и что поэтому демонстрация к Мерву может быть приведена в исполнение только в таком случае, если это окажется нужным и возможным по ближайшему соображению самого Кауфмана» (цит. по кн.: *Морозова Т.Л.* К вопросу о присоединении Ахалтекинского оазиса к царской России // Исторические записки. 1973. Т. 92. С. 201–202; подлинник доклада Милютина см.: РГВИА.Ф. ВУА. Д. 6268. Ч. 2. Л. 6–8). 1 марта М.Д. Скобелев был назначен временно командующим войсками в Закаспийском крае и начальником Ахалтекинской экспедиции. Ему были даны большие полномочия, делавшие его фактически независимым от главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича.

[180] См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 217–219; *Бутковский Я.Н.* Сто лет австрийской политики в Восточном вопросе. Т. 2. СПб., 1888. С. 166–174; *Чубинский В.В.* Бисмарк: Политическая биография. М., 1988. С. 330–331.

[181] В 1874 г. великий князь Николай Константинович (старший сын великого князя Константина Николаевича) был уличен в краже бриллиантов с иконы, принадлежавшей его матери, великой княгине Александре Иосифовне, и хранившейся в ее покоях в Мраморном дворце. Это событие получило некоторую огласку в высшем свете и вынудило Александра II пойти на крайнюю меру — выслать великого князя из Петербурга в крымское имение его отца Ореанду. Перед этим Николая Константиновича обследовали придворные медики, которые признали его психически нездоровым. 11 декабря 1874 г. Александр II подписал указ, в котором объявлялось о болезненном состоянии здоровья Николая Константиновича, требующем его специального лечения под опекой отца. В Ореанде Николай Константинович прожил до июня 1875 г., когда был переведен на жительство в Умань под Киевом, а затем в Тыврово близ Винницы, — тем самым приставленные к великому князю опекуны изолировали его от любовницы А.А. Демидовой. Наконец, в середине 1877 г. Николай Константинович был переведен в Оренбург, вместе с приставленным к нему в мае полковником графом Н.Я. Ростовцевым. Постоянная мелочная опека, выражавшаяся в слежке за Николаем Константиновичем, вскрытии его корреспонденции, ограничении передвижений и доходившая до вмешательства в его личную жизнь, не могла не вызвать в нем бурных проявлений возмущения, что, собственно, и нужно было состоявшим при нем лицам. Его поведение злостно истолковывалось ими как аномалия его психического состояния, они писали об этом пространные донесения в Петербург, на основании которых там формировалось общее мнение о Николае Константиновиче. В октябре 1880 г. отношения между ним и Ростовцевым настолько обострились (особенно в связи с тайной женитьбой великого князя на дочери оренбургского полицмейстера Н.А. Дрейер), что Николай Константинович отказывался исполнять высочайшие повеления, если они передавались ему через графа. Командированный в Самару, где в то время жил великий князь, профессор И.М. Балинский провел расследование и доложил в Петербург, что великий князь потерял веру в справедливость и даже законность действий безотлучно находившихся при нем лиц, в результате чего стал во враждебные к ним отношения. Балинский рекомендовал упразднить должность главного распорядителя и назначить к великому князю особого попечителя, которому не следовало находиться постоянно при великом князе. По-видимому, доклад Балинского возымел свое действие, потому что положение Николая Константиновича, переведенного в ноябре 1880 г. в имение Пустынка под Петербургом, несколько улучшилось, он наконец расстался с Н.Я. Ростовцевым. Однако после кончины Александра II положение Николая Константиновича стало меняться в худшую сторону из-за личной к нему неприязни Александра III. По указанию императора, великий

князь вскоре был опять переведен в Туркестанский край, где прожил до самой смерти.

Еще в Тыврово Николай Константинович стал проявлять интерес к исследованию Средней Азии и написал работу «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим», изданную в Оренбурге в 1874 г. Там же им овладела идея постройки железной дороги из России в Туркестанский край. Он выписывал из Петербурга литературу, много перечитал по этой теме и, наконец, организовал в сентябре–октябре 1878 г. первую научную экспедицию. Летом следующего года Николай Константинович организовал вторую экспедицию, в которой приняло участие свыше 50 человек. По результатам исследований он написал и издал ряд научных работ: «Аму и Узбой» с картами «Реки Средней Азии» (Самара, 1878); «Пески Кара-Кумы по отношению к Средне-Азиатской железной дороге» (Самара, 1878); «Поворот Аму-Дарьи в Узбой» (Самара, 1879); «Туркестанская железная дорога» (Туркестанский вестник. 1882. № 6). Все эти статьи великого князя были разрешены к публикации без указания имени автора. Результаты изысканий Николая Константиновича о песках пустыни Каракумы по отношению к Среднеазиатской железной дороге рассматривались в 1878 г. на заседании Оренбургского отдела Русского географического общества и были признаны совершенно верными. Летом 1881 г. Николай Константинович со своей незаконной супругой Н.А. Дрейер переехал на жительство в Ташкент. В течение 1880-х гг. великий князь Николай Константинович организовал на свои средства три экспедиции в Аральский бассейн для исследования вопроса об орошении Туркестана, в которых принял личное участие. По результатам экспедиций им были представлены обширные доклады военному министру и туркестанскому генерал-губернатору. В первой половине 1890-х гг. Николай Константинович начал на свои средства строительство канала из Амударьи к Узбою с целью орошения так называемой Голодной степи. Предварительно он добился согласия хивинского хана на проведение работ на его территории при помощи хивинских рабочих. За 1881–1900 гг. на свои средства Николай Константинович построил два рабочих городка — Старый и Новый Искандеры — у Искандерских стремнин горной речки Чирчик и у Бегавадских порогов Амударьи; возвел каменные плотины через реки; были проведены каналы «Искандер», «Ханым» и канал имени императора Николая I. На этих землях возникло 12 русских поселков, опытные поля и Троицкий лагерь для войск Туркестанского военного округа. От брака с Н.А. Дрейер у великого князя Николая Константиновича было два сына, которые получили потомственное дворянства и фамилию Искандер. Подробно о нем см.: *Красюков Р.Г.* Великий князь Николай Константинович. Опыт биографии // Из глубины времен. № 3. СПб., 1994. С. 106–123.

[182] Подробно об этом см.: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. — 1917 г. Барнаул, 2003. С. 189–190.

[183] В декабре 1879 г. А.М. Кумани был назначен российским генеральным консулом в Болгарском княжестве вместо А.П. Давыдова. В начале января 1880 г. он прибыл в Софию. По пути он встретил в Рущуке болгарского князя, представился ему и имел с ним продолжительный разговор. В Софии Кумани почти сразу нанес визиты всем министрам и многим видным болгарским деятелям, независимо от их политических убеждений. Самые искренние отношения установились у него с П.Д. Паренсовым, которого он поддерживал по многим вопросам. Своими деловыми и человеческими качествами Кумани быстро расположил к себе болгарское население (подробнее о нем см.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 263–268).

[184] Г. Роулинсон был крупным авторитетом по всем связанным со Средним Востоком вопросам политики, географии, истории; наиболее известной фигурой среди английских политических деятелей и ученых-востоковедов. Он глубоко изучал Восток во время своей службы (с 1827 г.) в Ост-Индской компании. В 1830-е гг. он занимался научными изысканиями в Индии, Иране и Афганистане, а в дальнейшем стал совмещать научную работу с политической деятельностью. В 1840–1850-е гг. он был политическим представителем Великобритании в Кандагаре и Багдаде, а с 1868 г. — статс-секретарем по делам Индии. Основные свои взгляды по проблеме англо-русского соперничества на Востоке Роулинсон изложил в книге «Англия и Россия на Востоке», изданной в 1875 г. В ней был помещен его известный «Меморандум» 1868 г., в котором Роулинсон изложил политическую программу «наступательного курса» Англии на Среднем Востоке, отвечавшую интересам консервативных политических кругов. Концепция Роулинсона основывалась на посыле о якобы реально существовавшей «русской угрозе» британским владениям в Индии. Используя факт продвижения России в Средней Азии, он разработал план «обороны» Индии от нападения со стороны России. Другой важной идеей Роулинсона была борьба против торгового проникновения России в Среднюю Азию и пограничные с Афганистаном ханства. Сущность концепции Роулинсона состояла в обосновании наступательной политики Великобритании в Афганистане, а затем в Иране, необходимости расчленения Афганистана и превращения его в английскую колонию. Именно эта концепция была им развита в статье «Положение в Афганистане», опубликованной в феврале 1880 г. и вызвавшей негодование Д.А. Милютина (см.: *Rawlinson H.* The situation in Afhanistan // The Nineteenth Century. Feb. 1880. № 36). Изложенный в ней план завоевания Англией Афганистана сводился к следующему: 1) посто-

янная оккупация Кандагара; 2) Кабул вместе с Газни становились отдельными княжествами под британским протекторатом; 3) Джелалабад включается в состав индийских владений Великобритании; 4) Бадахшан предоставлялся самому себе, но фактически находился под английским контролем; 5) Герат передавался Персии, а британские власти должны были провести железную дорогу до Кандагара (см.: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 323; *Жигалина О.И.* Великобритания на Среднем Востоке. М., 1990. С. 89–96). О миссии полковника Н.Г. Столетова в Кабул в 1878 г. см. коммент. 8.

185 Имеется в виду проект конвенции между Россией и Афганистаном, который Н.Г. Столетов вез в Кабул в 1878 г. По этому проекту Россия признавала Афганистан независимым и обещала не вмешиваться в его внутренние дела. Царское правительство брало на себя обязательство оказать Афганистану вооруженную помощь в случае нападения на него какого-либо государства, если эмир попросит об этом и если окажется невозможным мирное урегулирование. Предусматривалась также помощь Афганистану кадрами разных профилей, в том числе военного (см.: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 265).

186 Речь идет о Вильгельме I.

187 См. коммент. 104.

188 Договор, подписанный в Ливадии 20 сентября 1879 г., вызвал недовольство правящих кругов Китая. Это недовольство всячески подогревалось Англией, стремившейся использовать его в качестве повода для столкновения Китая с Россией. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 88.

189 17 февраля в Константинополе было совершено покушение на жизнь представителей российского посольства: старшего советника М.К. Ону и подполковника М.Э. Куммерау; последний был убит. Турецкое правительство проявило по отношению к убийце, фанатику-мусульманину, снисходительность, не применив к нему смертной казни. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

190 В 1859 — первой половине 1863 г. Россия оказала значительную поддержку объединению Молдавии и Валахии, формированию единого румынского государства, расширению его автономии и способствовала приобретению им некоторых основных прав суверенного государства (подробно об этом см.: *Гросул В.Я., Чертан Е.Е.* Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969. С. 101–143). В 1866–1877 гг. Россия оказала Румынии значительную помощь в ее борьбе за сохранение и расширение автономии. Это нашло выражение прежде всего в решающей роли, которую русское правительство сыграло в предотвращении попыток Турции и ее

союзников оккупировать Румынию (в 1866 г.), послать, в нарушение ее автономных прав, турецкого комиссара и международные комиссии для расследования положение в стране (в 1867–1868 гг.), использовать конфликты румынского правительства с другими странами для вмешательства во внутренние дела Румынии (1871–1872 гг.), а также включить ее в состав Оттоманской империи (1873 г.). Вопреки протестам Турции и ее союзников, русское правительство заключило с румынским кабинетом ряд соглашений («условие» о судоходстве по р. Прут 1866 г., консульское соглашение 1869 г., торговую конвенцию 1876 г. и военную конвенцию 1877 г.). Естественным завершением всей этой политики было то, что Россия стала первым государством, которое официально зафиксировало в международных соглашениях независимость Румынии в 1877 г. (Там же. С. 144–211).

После подписания Сан-Стефанского и Берлинского мирных договоров отношения между Россией и Румынией резко ухудшились. На основании статьи 45-й Берлинского трактата 1878 г., Румыния уступала обратно России часть Бессарабии, ограниченной с запада руслом р. Прут, с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула, отошедшую от России по Парижскому трактату 1856 г. (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 201). В своей внешней политике после 1878 г. румынское правительство стало ориентироваться на Германию, т. к. значительная часть румынских помещиков и буржуазии была заинтересована в германском рынке и в финансовом отношении была связана с европейскими странами. Румынский кабинет лелеял надежды вернуть себе часть Бессарабии с помощью Германии и Австро-Венгрии (см.: История Румынии. Т. 1. М., 1971. С. 364–365). Местонахождение упомянутого письма полковника Тугенгольца не установлено.

[191] Подлинник упомянутого письма П.А. Сабурова к Д.А. Милютину см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 74. Ед. хр. 21.

См. также: *Schweinitz H.L.* Denkwuerdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Berlin, 1927. Bd. 2; Briefwechsel des Botschafters General von Schweinitz. Berlin, 1928; *Gall L.* Bismark: Der weiße Revolutionär. Müenchen, 2001; *Pflanze O.* Bismark. Bd. 1: Reichsgruender. Bd. 2: Reichskanzler. Müenchen, 2008.

[192] Кавказский комитет — особый межведомственный орган, созданный в 1833 г. для разрешения вопросов, связанных с включением Кавказа в состав Российской империи. Упразднен в 1882 г.

[193] В марте 1880 г. министр путей сообщения внес в Комитет министров представление о ходе работ по улучшению условий перевозок пассажиров и грузов на некоторых южных и юго-западных железных дорогах. В частности, он предлагал разрешить обществам Харьково-Николаевской, Лозово-Севастопольской, Курско-Харь-

ково-Азовской и Либаво-Роменской железных дорог самим заказать рельсы и усилить свой подвижной состав. Эту меру одобрил министр финансов, считавший ее особенно целесообразной для поддержки отечественных металлургических заводов, испытывавших в то время недостаток в заказах. Комитет министров обсуждал предложения министра путей сообщения на упомянутых Д.А. Милютиным заседаниях 8 и 24 марта. В итоге эти предложения были утверждены (см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров: Исторический очерк. Т. 2. СПб., 1902. С. 299).

[194] Речь идет о записке Н.М. Баранова, составленной в ноябре 1879 г., а также об «Обществе Добровольного флота» (см. комментарии 129 и 130).

[195] См. коммент. 97.

[196] Речь идет о Комитете по делам Царства Польского, созданном в 1864 г. Это был высший негласный совещательный орган при императоре для проведения реформ, намеченных в связи с Польским восстанием 1863 г. и для ведения высших исполнительных дел по Царству Польскому. Комитет занимался подготовкой законопроектов в области гражданского управления Царства Польского, представлял их на утверждение императора или на рассмотрение Государственного совета. В состав Комитета входили лица, назначавшиеся самим императором, который был председателем комитета. Комитет по делам Царства Польского был закрыт в 1881 г., его дела переданы в ведение Комитета министров, Главного комитета по устройству сельского состояния и Государственного совета.

[197] Имеется в виду территория, расположенная к югу от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря к югу от Мангами. Очертание этой границы, согласно статье 46-й Берлинского мирного договора 1878 г., должна была установить на месте Европейская комиссия, созданная для разграничения Болгарии.

Разграничение территорий в Малой Азии между Россией и Турцией также проводилось на основании решений Берлинского трактата. К России отходили Карс, Ардаган и Батум, а к Турции — проходы через Саганлукский хребет, ведущие к Эрзуруму.

[198] Подразумевается 2-е военное Константиновское училище, созданное в 1859 г. на базе Константиновского кадетского корпуса. Последний, в свою очередь, был образован в 1855 г. из Дворянского полка, шефом которого изначально был великий князь Константин Павлович. Воспитанники училища назывались юнкерами и находились на полном казенном содержании. В 1863 г. Константиновское училище было названо 2-м военным и имело в штате 300 юнкеров. В 1864 г. шефом училища был назначен великий князь Михаил Николаевич, а в 1867 г. при

училище был установлен особый одногодичный курс для вольноопределяющихся в войсках, с целью дать им возможность получить офицерский чин с правами юнкеров военных училищ. С этого времени в Константиновское училище могли поступать юноши из всех сословий, имеющие среднее образование. В таком виде училище просуществовало до 1894 г., когда было преобразовано в артиллерийское (см.: *Андреев А.* Столетний юбилей Константиновского артиллерийского училища. СПб., 1908. С. 47–48).

[199] Подробнее об этом см.: *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока: Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 271–272.

[200] Речь идет о двух записках: 1) великого князя Александра Александровича — о необходимости правительственной ссуды «Обществу Добровольного флота» для приобретения им военных судов, от 13 апреля 1880 г.; 2) Морского министерства — об ассигновании сверхсметных кредитов на кораблестроение и о расширении прав министерства по распоряжению общими кораблестроительными ассигнованиями, от 7 апреля 1880 г. Обе записки см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 42. Ед. хр. 36, 35 (писарской и печатный экземпляры; к записке Морского министерства приложено сопроводительное письмо адмирала С.С. Лесовского к Д.А. Милютину).

[201] Речь идет об устройстве майората для князя Н.Д. Дадиан-Мингрельского, участвовавшего в русско-турецкой войне и вышедшего в 1878 г. в отставку.

[202] Имеется в виду 17 апреля, т. е. запись сделана спустя два дня. См. также запись в дневнике от 21 апреля в 1880 г.

[203] Имеются в виду письма П.А. Сабурова от 8(20) и 9(21) апреля 1880 г. В последнем письме Сабуров высказывал свое опасение по поводу того, что российское правительство может совсем отказаться от предполагаемого союза с Германией и Австро-Венгрией в связи с переменой министерства в Великобритании. Поэтому свою задачу Сабуров видел в том, чтобы «подталкивать» О. Бисмарка, намекая на вероятность русско-английского сближения, в случае если бы переговоры с Австрией пошли трудно (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 156–157).

[204] См. коммент. 197.

[205] Подразумевается период с Венского конгресса 1815 г. до Польского восстания 1863 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003).

[206] Имеется в виду участие Н.А. Милютина в подготовке и проведении в Царстве Польском в 1864–1865 гг. крестьянской реформы, наделившей крестьян землей в собственность за незначительный выкуп, а

также других реформ (подробно об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 416–422; То же. 1865–1867. М., 2005. С. 109–113; *Щебальский П.К.* Н. А. Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1883; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962).

[207] 10 июня 1878 г., за три дня до открытия Берлинского конгресса, в Призрене было торжественно провозглашено создание Албанской лиги. В ней албанцы увидели небольшой шаг на пути к самоуправлению. Движение в поддержку Албанской лиги постепенно распространилось по всей стране. На местах создавались комитеты лиги, началась перепись граждан в возрасте от 15 до 70 лет, способных носить оружие, производилась вербовка добровольцев. 27 ноября 1878 г. Центральный совет лиги принял новую программу, требовавшую административной автономии Албании в пределах Османской империи. Тогда же представитель Албанской лиги был отправлен в Адрианополь, где находилась ставка главнокомандующего русской армией, со специальной миссией — выяснить отношение русского правительства к албанскому национальному движению. Генерал Э.И. Тотлебен ответил албанскому представителю, что для России было бы желательно создание независимой Албании. В течение 1879 г. турецкая власть в албанских районах еще более ослабела. Управление страной постепенно переходило к местным комитетам Албанской лиги. Они создавали свою, независимую от турецкой администрации полицию, содержавшуюся на добровольные пожертвования населения. В октябре 1879 г. в Призрене собралось третье общее собрание лиги. Оно подтвердило программу автономии Албании, принятую в ноябре 1878 г. Наиболее решительные члены лиги предложили создать албанское княжество и избрать албанского князя. Узнав об этом, турецкое правительство приказало местным властям немедленно запретить заседания лиги и выслать делегатов. Это легко удалось сделать, переключив внимание албанцев на черногорско-турецкий пограничный конфликт (по решению Берлинского конгресса два пограничных селения, Плав и Гусинье, отходили к Черногории). В конце 1879 г. Черногория, после безуспешных переговоров с Турцией о передаче ей этих пунктов, сконцентрировала там свои войска. Турки и мусульманская албанская знать, владевшая в этом районе земельными угодьями, всячески разжигали страсти, провоцируя столкновения между черногорскими войсками и албанскими вооруженными отрядами. В декабре 1879 г. несколько вооруженных столкновений произошло у селений Велика и Пепич. Этот инцидент пытались использовать протурецкие элементы в Албанской лиге и направить ее деятельность на поддержку турецкого правительства. Однако к тому времени в лиге усилилось течение в пользу автономии, опиравшееся на стихийное движение албанского народа против турок. В январе

1880 г. албанское и славянское население Дибры, угрожая вооруженным выступлением, потребовало смещения всех турецких членов местного уголовного суда. Жители города открыли двери тюрем и выпустили заключенных. В марте вооруженные отряды Албанской лиги изгнали из Призрена турецких чиновников. В Центральном совете лиги обострилась борьба между сторонниками решительных действий против турецкого правительства и теми, кто был за соглашение с султаном. В мае в Янине собрались делегаты от южных комитетов лиги и приняли предложенную северными комитетами программу албанской автономии (см.: *Арш Г.Л. и др.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 99–105).

[208] 26 октября 1879 г. правительство утвердило разработанные Министерством народного просвещения новые правила для студентов и инструкцию университетским инспекциям, которые были согласованы с генерал-губернаторами и попечителями учебных округов. Университетские власти, большая часть профессоров и тем более студенты отнеслись к новым правилам враждебно. Их недовольство усиливалось еще и тем, что некоторые генерал-губернаторы, в том числе одесский, настаивали на том, чтобы инспекторская должность была предоставлена военным лицам с академическим образованием (См.: *Георгиевский А.И.* Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. Материалы по истории студенческого движения в России. Вып. 1. СПб., 1906. С. 38–49).

[209] Русское техническое общество было создано в 1866 г. Одним из его учредителей, а с 1882 г. председателем был П.А. Кочубей. Д.А. Милютин был почетным членом этого общества и оказывал всяческое содействие его деятельности (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 371).

[210] См. коммент. 133.

[211] Речь идет о попытках России, Германии и Австро-Венгрии оказать давление на турецкое правительство с целью побудить его весной 1876 г. к проведению реформ на Балканах. Эти попытки выразились, в частности, в подготовке так называемого Берлинского меморандума 1(3) мая 1876 г., поддержать который британское правительство категорически отказалось. См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 203–204.

[212] Здесь: полицейские шпионы (*фр.*). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[213] С 6 по 14 мая 1880 г. в Военно-окружном суде Петербургского военного округа рассматривалось дело по обвинению группы революционных народников в противоправительственной деятельности. Были привлечены к ответственности следующие лица: А.Ф. Михайлов,

О.Э. Веймер, В.В. Сабуров, Л.Ф. Бердников, Л.Г. Левенталь, Л.П. Буланов, В.Ф. Трощанский, М.А. Коленкина, А.Н. Малиновская, О.А. Натансон, О.В. Витанкова (Ковалик). Смертная казнь Михайлову и Сабурову была заменена каторжными работами. Материалы этого процесса были опубликованы в газете «Голос» (№ 126–156, 1880). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

214 Речь идет о Комиссии для исследования железнодорожного дела в России, учрежденной в июле 1876 г. для выяснения причин развала железнодорожного транспорта и выработки программы правительственного регулирования. В состав комиссии вошли представители высшей правительственной бюрократии. Комиссия работала до 1884 г. С ее деятельностью связан поворот в железнодорожной политике правительства в сторону внедрения государственно-капиталистической системы хозяйства на железных дорогах России. Начавшаяся русско-турецкая война прервала работу комиссии. Крайне неудовлетворительное состояние железных дорог в годы войны заставило руководство комиссии усилить свою работу в послевоенное время. Управляющим делами комиссии был назначен деятельный начальник Управления военных перевозок Военного министерства генерал М.Н. Анненков. Для изучения состояния железнодорожного дела в отдельных экономических районах страны была организована целая сеть местных подкомиссий (см.: *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 153–155).

215 Имеется в виду совещание у А.А. Абазы 15 мая 1880 г.

216 В апреле 1879 г. султан Абдул Хамид II утвердил для Восточной Румелии Органический статут, выработанный представителями России и Европейской комиссией. Статут по предложению русской администрации был приближен к Органическому статуту Северной Болгарии. Восточная Румелия признавалась автономной провинцией с народным представительством, решавшим административные вопросы. Провозглашалась свобода слова, собраний, печати. Руководствуясь статьей 18-й Берлинского договора, а также учитывая пожелания русской администрации и членов Европейской комиссии, султан назначил генерал-губернатором христианина, князя Богориди (полуболгарина-полугрека), известного под именем Алеко-паши. Генерал-губернатор был главой исполнительной власти, он намечал состав правительства, утверждаемого султаном.

217 По Берлинскому трактату 1878 г., новую границу между Турцией и Грецией должна была установить смешанная греко-турецкая разграничительная комиссия, начавшая свою работу 6 февраля 1879 г. Однако в течение двух лет ее деятельность была безрезультатной. В июне 1880 г. для решения этого вопроса в Берлине собралась конференция послов шести европейских государств (Германии,

Австро-Венгрии, Франции, России, Великобритании и Италии), подписавших Берлинский договор. Посредническое участие этих государств в греко-турецком территориальном разграничении предусматривалось статьей 24-й договора (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 192–193). Берлинская конференция предложила в качестве пограничной линии р. Каламас, при этом район Янины и область Чамерия, населенная албанцами, отходили к Греции. Турецкое правительство отказалось признать решение Берлинской конференции, ссылаясь на напряженную обстановку в пограничных районах. В марте следующего года конференция представителей европейских держав в Константинополе предложила новую пограничную линию: к Греции отходил г. Арта с прилегающим районом, а г. Янина оставалась у Турции. На этой основе 3 мая 1881 г. и было подписано греко-турецкое соглашение (см.: *Арш Г.Л. и др.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 108–109).

[218] Речь идет о бывшем после Китая в России, осужденном за подписание Ливадийского договора 1879 г. Информация о «миротворческих» действиях английского правительства не соответствовала действительности. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[219] См. коммент. 189.

[220] Упомянутая статья, написанная И.Ф. Ционом, называлась «Русско-турецкая война» и была посвящена русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Она была напечатана в двух номерах журнала «La Nouvelle Revue» от 1 и 15 июня 1880 г. Ответ на эту статью был написан Н.Н. Обручевым и напечатан в том же журнале 15 октября 1880 г.

[221] Поручик И.И. Узатис был ревностным сторонником готовившегося восстания в Македонии. Он обратился с просьбой о выдаче денег к О.Н. Скобелевой, которая во время войны была начальницей болгарского отдела Общества Красного Креста. После отказа Скобелевой на нее было совершено нападение, организованное Узатисом, во время которого она была убита (подробно об этом см.: *Овсяный Н.Р.* Русское гражданское управление в Болгарии. Т. 3. СПб., 1906. С. 95–98). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[222] В 1850-х гг. в Ирландии возникла тайная революционная организация фениев, ставившая целью свержение английского владычества и создание свободной ирландской республики. Фенианское движение нарастало на протяжении 1860-х гг., опираясь на массы недовольного аграрной политикой крестьянства. После неудачи восстания в 1867 г. фении встали на путь террора. Английские власти в ответ усилили репрессии. С середины 1870-х гг. сельское хозяйство Ирландии вступило в полосу затяжного кризиса, и обнищание крестьян усилилось. Это обстоятельство стало предпосылкой нового подъема национально-

освободительного движения в Ирландии. Его революционное крыло выдвинуло в качестве главного лозунга борьбы национализацию земли в Ирландии. В 1879 г. Ирландская национальная земельная лига начала борьбу против выселения арендаторов за неуплату или задержку арендной платы. Таким образом, лига вовлекла в движение широкие массы крестьянства и стала мощной силой в стране. Либеральный кабинет Дж. Гладстона оказался перед сложным выбором: продолжать управление Ирландией при помощи репрессий, которые в свою очередь вызывали усиление протестного движения, или пойти на уступки. Чтобы не оттолкнуть от либералов ирландскую фракцию в парламенте, кабинет Гладстона пошел на некоторые уступки ирландским крестьянам. Еще в 1869 г. Гладстон провел через парламент закон об отделении в Ирландии церкви от государства, вследствие чего англиканская церковь теряла свою монополию на ограбление ирландских католиков. В 1870 г. им же был проведен закон, в силу которого арендатор, терявший участок земли по окончании срока аренды, имел право получить вознаграждение за те улучшения, которые он сделал на этой земле. Однако эти меры не привели к ослаблению национально-освободительной борьбы в Ирландии (см.: *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии. 1815–1917. М., 1969. С. 145–149).

223 В начале 1880 г. российское правительство разрешило Абдурахман-хану вернуться на родину (он находился в эмиграции в русском Туркестане с 1869 г., после неудачной борьбы за афганский престол). Приехав в Бадахшан, Абдурахман-хан объявил народу о своем намерении освободить его от англичан. Этого оказалось достаточно, чтобы афганцы стали объединяться вокруг Абдурахман-хана. Повсеместно организовывались вооруженные отряды, в которые вступали, наряду с афганцами, узбеки, таджики, туркмены. Эти вооруженные силы Абдурахман собирался двинуть на Кабул. Опасаясь еще большего обострения положения в Афганистане, англо-индийские власти решили пойти на сговор с Абдурахманом и стали форсировать мирные переговоры с ним. Через своего дипломатического агента Гриффина англичане сообщили Абдурахману о том, что британское правительство признает его афганским эмиром на определенных условиях. Абдурахман согласился, пойдя на значительные уступки, а именно: на отторжение ряда афганских районов (Курама, Сиби и Пишны); установление английского контроля над Хайбарским и Мичнийским горными перевалами; также он согласился не поддерживать никаких внешних сношений без согласия Англии (см.: *Юлдашбаева Ф.Х.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии. Ташкент, 1963. С. 114–115).

224 Имеется в виду французская военная экспедиция в Сирию 1860 г. Тогда Наполеон III получил согласие европейских держав на временную оккупацию Сирии до прекращения там волнений местного населения. В 1861 г. французские войска были выведены из Сирии.

[225] Нежелание султана выполнить условия Берлинского трактата 1878 г. о разграничении территорий в Греции и Черногории определялось политикой британского кабинета Б. Дизраели. Вопрос этот был разрешен только при следующем правительстве Дж. Гладстона. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[226] Турецкое правительство любыми способами старалось удержать под своим влиянием албанскую знать. Летом 1880 г. оно назначило богатых албанских помещиков на ряд административных должностей в Южной Албании. Протурецкая часть Албанской лиги поддержала эти назначения, но сторонники решительных действий продолжали агитацию за немедленное провозглашение автономии Албании. В июне 1880 г. в Гирокастре состоялось общее собрание Албанской лиги, на котором умеренное большинство высказалось за то, чтобы дожидаться решения султана об автономии Албании. В августе на собрании в Дибре внутри лиги произошел раскол и в Стамбул были отправлены две резолюции: одна — от сторонников автономии с решительным требованием самоуправления для Албании, другая — с согласием на административные реформы. К осени 1880 г. на севере Албании отношения между лигой и турецким правительством стали еще более враждебными, а в конце года комитет лиги в Скопле открыто выступил против турок (см.: *Арш Г.Л. и др.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 105–107).

[227] См.: АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. Д. 38. за 1880 г. Л. 325–329.

[228] В конце мая 1880 г. британские власти в Кандагаре получили сведения о сосредоточении под Гератом готовых к походу на Кандагар афганских войск под командованием Аюб-хана. К концу июня главные силы Аюб-хана подошли к Фарраху. В войсках сторонника англичан Шир Али-хана Кандагари началось брожение. Оказавшись перед угрозой перехода части своих воинов на сторону Аюб-хана, Шир Али-хан обратился за срочной помощью к англичанам. В ответ британские власти в Индии направили навстречу Аюб-хану большой военный отряд под командованием генерала Бэрроуза численностью 2,6 тыс. человек, который выступил в поход 4–5 июля. 27 июля состоялась решающая битва при Майванде, о которой идет речь в дневнике. Используя значительное превосходство в артиллерии, афганцы сумели в течение нескольких часов подавить артиллерию Бэрроуза и успешно повести наступление. Попытки Бэрроуза облегчить положение своей пехоты контратакой конницы провалились, и его войска стали отступать, неся большие потери. Англичане потеряли только убитыми не менее 800 человек, а вместе с ранеными и пропавшими без вести их потери доходили до $^3/_5$ всего состава отряда. Афганцы захватили две пушки (из шести), боеприпасы, снаряжение и два знамени (подробнее см.: *Масон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. 2. М., 1965. С. 265–269).

[229] Под царским днем подразумевается день тезоименитства четых Марий: императрицы Марии Александровны (к этому времени скончавшейся, великих княгинь Марии Александровны, Марии Павловны и Марии Федоровны).

[230] См. запись в дневнике от 28 июня 1880 г.

Записка Н.Н. Обручева опубликована (см.: Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вып. 4. СПб., 1899).

[231] Местонахождение письма богдыхана к Александру II не установлено. См. также комментарии 88 и 161.

[232] Княжна Е.М. Долгорукая была фавориткой Александра II с 1866 г. С 1878 г. она жила в Зимнем дворце, чем были крайне недовольны императрица, все семейство, министры и придворные. Все негодовали на «дерзкую наложницу» царя, которая компрометирует двор Его Величества. К моменту заключения брака с Александром II Е.М. Долгорукая имела от него троих детей (см.: *Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская. М.; Пг., 1924). Обширнейшая переписка Александра II с Е.М. Долгорукой на фр. яз. хранится в ГА РФ. Ф. 678 (Александр II). Оп. 2. Д. 1–294.

[233] Письмо Вильгельма I к Александру II от 20 августа 1880 г. см. в ГА РФ (Ф. 728. Оп. 1. Д. 24448. Л. 206).

[234] Имеются в виду Георг I и Ольга Константиновна. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[235] См. коммент. 104.

[236] 30 августа — день тезоименитства Александра II.

[237] Речь идет об А.Д. Милютине.

[238] Подразумевается провал попыток европейских держав решить восточный кризис мирным путем: 20 января 1877 г., после бесплодных дискуссий, закрылась Константинопольская конференция. 6 марта 1877 г. в Лондоне европейскими державами был подписан протокол, рекомендовавший султану провести реформы в Болгарии, Сербии и Черногории. Однако Турция отвергла Лондонский протокол, расценив его как вмешательство в свои внутренние дела. Султан приказал произвести дополнительный набор в действующую армию, а находившуюся в Мраморном море эскадру поставить на якорь у входа в Босфор. В Константинополе окончательно победила группировка, стремившаяся к войне (см.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 212–213). Выше речь идет о невыполнении Турцией решений Берлинского трактата о территориальном разграничении с Черногорией и о попытках европейских держав оказать на турецкое правительство военное давление. Краткая история вопроса такова.

Новые границы Черногории определялись статьями 28-й и 29-й Берлинского трактата, согласно которым порт Дульциньо (Улцинь) передавался Турции, а расположенные вблизи черногорской границы селения Плав и Гусинье отходили к Черногории (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 194–195). Турецкое правительство оттягивало под разными предлогами разграничение с Черногорией до конца 1878 г. Наконец, 2 февраля 1879 г. в Вир-Пазаре назначенные специально для этой цели турецкие и черногорские комиссары подписали конвенцию о порядке взаимного обмена пограничными территориями. 8 февраля черногорские войска покинули Дульциньо, населенный преимущественно албанцами, который отошел к Шкодринскому вилайету. Вопрос же о передаче Черногории Плава и Гусинье попрежнему не был решен. При этом турки не без оснований ссылались на противодействие Албанской лиги передаче этих территорий, со значительным албанским населением, Черногории (подробно об этом см.: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса. 1875–1881. М., 1965. С. 132–136).

В апреле 1880 г. по предложению итальянского правительства европейские державы решили передать Черногории, вместо Плава и Гусинье, районы Хоти и Груда, также населенные албанцами. 12 апреля турецкое правительство подписало конвенцию о передаче Черногории этих территорий, но передача не состоялась из-за вооруженного противодействия албанцев. В начале июня 1880 г. по инициативе британского правительства державы, подписавшие Берлинский трактат, предложили Турции и Черногории новый вариант разграничения: вместо Хоти и Груда — порт Дульциньо с прилегающей территорией, населенный преимущественно албанцами. Черногория согласилась на этот вариант. Турция официально тоже согласилась, но продолжала делать ставку на албанские вооруженные отряды, сопротивлявшиеся территориальным уступкам Черногории. В своих ответах на категорические ноты европейских держав турецкое правительство заверяло о своей готовности передать Дульциньо, неоднократно назначало сроки передачи, но каждый раз, ссылаясь на сопротивление албанцев, нарушало свои обещания.

Для оказания давления на Турцию в начале сентября 1880 г. правительства шести европейских держав, подписавших Берлинский трактат, послали в Адриатическое море объединенную военную эскадру под командованием адмирала Ф. Сеймура, о которой идет речь в дневнике Д.А. Милютина. Эскадра должна была, в случае необходимости, поддержать военные действия черногорских войск против албанцев, оборонявших Дульциньо. Был назначен последний срок для его сдачи — 15 сентября. К этому времени эскадра подошла к Дульциньо, и 20 сентября Сеймур предъявил турецкому

правительству ультиматум, требуя в трехдневный срок передать город Черногории. Копия ультиматума была передана турецкому комиссару в Шкодре Ризе-паше. 12 октября турецкое правительство специальной нотой заявило державам о своем решении немедленно передать Дульциньо Черногории, и адъютант Ризы-паши выехал в Цетинье для переговоров (см.: *Сенкевич И.Г.* Указ. соч. С. 159).

[239] Фридрихсруэ (Friedrichsruh) — замок на опушке леса Саксенвальд (ныне в черте г. Гамбург), пожалованный в 1871 г. Вильгельмом I О. фон Бисмарку и ставший его постоянной резиденцией после отставки с поста рейхсканцлера в 1890 г.

[240] На основании Берлинского трактата, Восточная Румелия оставалась под непосредственной военной властью Турции, а срок ее занятия русским оккупационным корпусом определялся в 9 месяцев. Султану предоставлялось право заботиться о защите морских и сухопутных границ Восточной Румелии, воздвигая укрепления на ее границах и содержа в них войско. Генерал-губернатору Восточной Румелии предоставлялось право призывать в провинцию турецкие войска (см.: Сборник договоров России с другими государствами. 1859–1917 гг. М., 1952. С. 188–192).

[241] Имеется в виду письмо П.А. Сабурова к Н.К. Гирсу от 4(16) сентября 1880 г., в котором речь шла о вполне удовлетворительных результатах переговоров О. Бисмарка с министром иностранных дел Австрии, состоявшихся 4–5 сентября во Фридрихсруэ. В частности, обсуждался вопрос о распределении между Австрией и Россией сфер влияния на Балканах по итогам русско-турецкой войны, который сильно беспокоил Бисмарка и был одним из камней преткновения на пути заключения тройственного союза. Австрийский министр Г. Гаймерле выразил свое удовлетворение по поводу того, что Россия не собирается немедленно осуществить объединение обеих Болгарий (т. е. Болгарского княжества и Восточной Румелии). Со своей стороны он заверил Бисмарка, что австрийское правительство «не придает особого значения окончательной аннексии Боснии и Герцеговины» (цит. по кн.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 162).

[242] Имеется в виду записка Д.А. Милютина «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи» от 5 октября 1880 г. (подлинник записки см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Ед. хр. 49). См. Приложение IV.

[243] Позиция А.М. Кумани по вопросу о строительстве железных дорог в Болгарском княжестве обозначена в дневнике не точно. На позицию Кумани есть и иная точка зрения, а именно, что он поддерживал в этом вопросе П.Д. Паренсова, выступая против проекта соединения Софии с Веной, на чем настаивал австрийский консул. Кумани был противником передачи концессии барону Гиршу и отстаивал кандида-

туру представителя России барона Г.О. Гинцбурга, которому известный железнодорожный предприниматель П.И. Губонин передал все свои полномочия (см.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 267).

244 Свою политическую программу М.Т. Лорис-Меликов изложил в начале сентября 1880 г. редакторам наиболее крупных петербургских газет и журналов. Она состояла из пяти пунктов и имела целью «восстановление прав новых учреждений», т. е. судебных органов, земств и городского самоуправления. Это была программа-минимум, для реализации которой Лорис-Меликов отводил 5–7 лет. В отношении земств задача заключалась в создании условий для их нормальной деятельности и некотором расширении их прав. Большое внимание в программе уделялось вопросу о подушной подати, отмена которой была уже одобрена императором. Предыстория этого вопроса такова. В 1860–1870-х гг. руководители финансового ведомства и правительство делали попытки приспособить действовавшую в течение полутора веков податную систему к новым условиям. С этой целью в 1863 г. была отменена подушная подать с мещан; в 1865 г. было принято решение не взимать подушную подать с неспособных к работе дворовых людей, приписанных к волостям; в 1867 г. была установлена взамен однообразного обложения ревизских душ шкала окладов, учитывавшая до известной степени местные условия; в 1869 г. была отменена круговая порука при уплате прямых налогов для селений, насчитывавших менее 40 ревизских душ; в 1872 г. было проведено переложение части государственного земского сбора с душ на земли всех сословий. В 1876 г. министр финансов М.Х. Рейтерн предложил ряд мер для облегчения налогового бремени крестьянских сословий. Для изучения предложений Рейтерна тогда же решено было создать особую комиссию под председательством великого князя Константина Николаевича, но этому помешала начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война. В 1879 г. в правящих кругах осознали необходимость вернуться к подготовке реформы подушного обложения. 23 марта 1879 г. было обнародовано высочайшее повеление Александра II о намерении правительства в ближайшем будущем отменить подушную подать. Для разработки проекта реформы была образована комиссия во главе с министром финансов С.А. Грейгом. Подготовленный комиссией проект, однако, был оценен правящей бюрократией как слишком радикальный и рискованный для финансового положения страны. В то же время был разработан другой, более умеренный проект, автором которого был товарищ министра финансов Н.Х. Бунге. В составленной 20 сентября 1880 г. для Александра II записке Бунге предлагал в качестве первоочередных мер отмену соляного налога и понижение выкупных платежей. В целях более равномерного распределения налогов он считал возможным понизить налоговое обложение крестьян на 10–20%,

несколько повысив при этом обложение в сфере бурно развивавшейся промышленности. Программа Бунге была поддержана только что назначенным министром финансов А.А. Абазой. См.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 231–242; *Ананьич Н.И.* К истории отмены подушной подати в России // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 184–188; *Степанов В.Л.* Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х — первая половина 1870-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 491–512.

[245] Речь идет об А.Д. Милютине.

[246] Всеподданнейшую записку, представленную Д.А. Милютиным и А.А. Сабуровым Александру II 21 октября 1880 г., см.: Приложение V.

[247] Сведения о передаче Дульциньо Черногории подтверждались донесением консула России в Шкодре И.А. Крылова А.Б. Лобанову-Ростовскому от 18 ноября 1880 г. В нем сообщалось, что генерал Дервиш-паша, назначенный турецким правительством чрезвычайным комиссаром в Шкодринский вилайет в конце октября, 10 ноября двинул войска против албанцев и 11 ноября занял город. 14 ноября он передал Дульциньо с округом черногорцам (донесение опубл. в кн.: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса. 1875–1881. М., 1965. С. 211–212).

[248] Речь идет о торжествах по случаю очередной годовщины учреждения ордена Св. Георгия и третьей годовщины освобождения от турок болгарского города Плевна.

[249] 30 ноября 1880 г. состоялось очередное заседание Особого совещания по китайским делам, посвященное вопросу о том, в каком направлении вести дальнейшие переговоры. Министр иностранных дел Н.К. Гирс предложил договариваться с китайской стороной не об изменении условий прежнего трактата, а о заключении нового договора. С.А. Грейг заявил, что в конце концов можно отказаться от торговых преимуществ, лишь бы не доводить дело до войны с Китаем. В итоге, было решено объявить китайскому послу следующий проект договора: Россия возвращает Китаю долину р. Текес и Музартский перевал, при условии соответствующей территориальной компенсации в районе озера Зайсан и р. Черный Иртыш; Россия согласна вести переговоры о разграничении в Илийском крае на основе Чугучакского протокола 1864 г. Россия не возражает, если пограничная черта между Ферганской областью и Кашгарией останется без изменений и будет проходить по линии, контролируемой на момент переговоров обеими странами, а очертание новой границы в бассейне Черного Иртыша определят специально назначенные комиссары. Россия также настаивает на оставлении за собой небольшой западной части Кульджинского края для поселения на ней тех местных жителей, которые пожелают

принять российское подданство. Китай должен возместить убытки русских купцов и расходы казны в сумме 9 млн руб. Россия должна иметь право на учреждение консульств в городах Кобдо, Улясутай, Хами, Умчи, Гугене. На русских купцов, торгующих в Джунгарии, должно распространяться право беспошлинной торговли (см.: *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. — 1917 г. Барнаул, 2003. С. 198–199).

[250] Имеется в виду великий князь Николай Александрович.

[251] Речь идет о беседах П.А. Сабурова с О. Бисмарком 27–28 ноября 1880 г., в ходе которых Бисмарк высказал идею о проведении на карте Турции демаркационной линии, разделяющей сферы влияния России и Австрии. В донесении от 15(29) декабря Сабуров развивал эту идею Бисмарка.

[252] См.: Общая государственная роспись доходов и расходов на 1881 год. СПб., 1882.

[253] Записка принца П.Г. Ольденбургского о необходимости создания международного органа для регулирования международных отношений с целью предотвращения войн и революций, составленная в 1880 г., хранится в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 26 (литографированный экземпляр, на фр. яз., с пометой Д.А. Милютина).

[254] К началу декабря 1880 г. подготовка к решающим военным операциям в Туркмении была закончена. К этому времени российские войска успели занять, укрепить и снабдить запасами населенные пункты, лежащие на пути от Бали к Геок-Тепе. В течение декабря генералом М.Д. Скобелевым были произведены две удачные рекогносцировки. В середине декабря был занят ближайший от Геок-Тепе пункт Батыр-Янги-Кала и перерезан путь отступления текинцев к Ашхабаду. К 21 декабря крепость Геок-Тепе была обложена с трех сторон. Но уже с сентября у текинцев стал остро ощущаться недостаток хлеба. Персия, Хива и Бухара отказались снабдить их провиантом. 23 декабря была сделана еще одна попытка штурма крепости, но текинцы стойко сопротивлялись. Только 12 января 1881 г. Геок-Тепе был взят российскими войсками (подробнее об этом см.: *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М., 1960. С. 49–54).

[255] В 1879–1880 гг. Н.Н. Обручев разработал мобилизационный план, в котором особое внимание было уделено организации инженерной обороны западной границы. В нем, в частности, предлагалось: 1) обеспечить Висло-Наревский плацдарм от захвата открытой силой; 2) район не должен требовать значительных гарнизонов и одновременно быть готовым вместить значительное число войск; 3) район должен представлять все удобства для активных полевых действий; 4) район должен быть обеспечен запасами не менее чем на 10 месяцев. План Обручева был принят в качестве правительственной программы летом

1881 г. [см.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 132–134].

256 Донесения П.А. Сабурова в Министерство иностранных дел за 1881 г. см.: АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 470. Д. 28–29.

257 См. коммент. 251.

258 Подразумевается Карл Александр. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

259 Имеется в виду Педагогический музей военно-учебных заведений, учрежденный в Петербурге 9 февраля 1864 г. главным начальником военно-учебных заведений Н.В. Исаковым. С 1871 г. Педагогический музей располагался в «Соляном городке». В нем проводились публичные лекции и другие мероприятия для народа, работала педагогическая библиотека, устраивались экскурсии по экспозиции музея и музыкальные концерты (см.: Педагогический музей военно-учебных заведений. 1864–1914: Исторический очерк. СПб., 1914).

260 См. коммент. 246.

261 Действительно, О. Бисмарк в своем письме от 22 декабря 1880 г. к германскому послу в Вене принцу Рёйсу указывал на необходимость форсирования переговоров с Австрией по вопросу о заключении договора. Вместе с тем Бисмарк писал: «Мне кажется, что барон Гаймерле возлагает на это соглашение слишком большие надежды, ожидая, что соперничество обеих держав на Балканском полуострове сменится тотчас же взаимным доверием и любовью» (Die Grosse Politik der Europäeschen Kabinette. 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. 3. S. 152). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

262 Речь идет о вылазке осажденных текинцев в крепости Геок-Тепе. По данным, приводимым А.Н. Куропаткиным в его книге «Завоевание Туркмении» (СПб., 1899), помимо указанных потерь, был убит один и ранено два офицера (С. 178–179). *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 254.

263 Сенаторские ревизии — одна из важных мер программы М.Т. Лорис-Меликова. Проведение ревизий было поручено четырем сенаторам. Это были опытные, энергичные и амбициозные чиновники, принадлежавшие к тому поколению государственных деятелей, которое сформировалось уже в эпоху Великих реформ. Все они придерживались более или менее либеральных взглядов. Двое из них (М.Е. Ковалевский и И.И. Шамшин) были активными членами Верховной распорядительной комиссии. Для сенаторов, получивших право ревизовать все ведомства, кроме военного и духовного, была разработана обширная инструкция (см.: Сенаторские ревизии 1880 года // Русский архив. 1912. № 11. С. 417–429; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 605–607).

[264] В действительности, это была третья экспедиция Н.М. Пржевальского. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[265] Подразумевается Тырновская конституция 1879 г., ограничивавшая верховную власть болгарского князя (см. коммент. 31). Еще в 1879 г. А. Баттенберг говорил о невозможности сохранить конституцию законным путем. Особое возмущение вызывали у князя статьи о порядке изменения конституции, свободе собраний, отмене титулов. Опираясь на консервативные круги внутри страны, а также на правительства Австро-Венгрии и Великобритании, князь откровенно высказывал и в дальнейшем пренебрежение к конституции. При этом свои действия он выдавал за линию российского правительства, хотя Петербург не поддерживал намерения Баттенберга ликвидировать болгарскую конституцию. Не возражая против недостатков конституции, правительство Александра II советовало князю придерживаться более осторожной тактики в отношении законов Болгарии (см. также коммент. 150). Главным итогом визита болгарского князя в Петербург в начале 1880 г. была отставка военного министра Болгарского княжества П.Д. Паренсова, на которой настаивал Баттенберг. Не уступая ему в вопросе о болгарской конституции, российское правительство было вынуждено пожертвовать Паренсовым, который уже в марте 1880 г., до возвращения князя в Болгарию, выехал в Петербург. На его место был назначен генерал-лейтенант К.Г. Эрнрот. Он был отличным боевым генералом и умным человеком, но в вопросе русско-болгарских отношений исповедовал два принципа: 1) господство на Балканах было историческим призванием Австрии, и любое противодействие этому призванию — абсурд; 2) Россия должна заниматься своими внутренними делами, а не славянскими. Такие взгляды были угодны болгарскому князю, стремившемуся пересоздать армию на прусский манер. Генерал Эрнрот стал исполнителем желаний князя, не советуясь с Петербургом, его политика оказалась совершенно противоположной курсу Паренсова. Он упразднил должность товарища военного министра, которую занимал русский генерал; уменьшил содержание всем русским офицерам, имевшим звания выше ротного командира; упразднил должности двух военных прокуроров (см.: *Паренсов П.Д.* Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4. СПб., 1908. С. 298–305).

[266] Имеется в виду товарищество «Грегер, Горвиц и Коган». См. коммент. 24.

[267] Журнал Комитета по делам Царства Польского, утвержденный Александром II 10 февраля 1881 г., см.: РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–41.

[268] Подразумевается неудачная экспедиция к Геок-Тепе, предпринятая под командованием И.Д. Лазарева и Н.П. Ломакина в августе 1879 г. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 83.

[269] Речь идет о письме германского посла в Вене принца Рёйса Бисмарку от 25 декабря 1880 г. В этом письме он подробно писал о своих переговорах с австрийским министром иностранных дел бароном Геймерле по поводу заключения «Союза трех императоров». Геймерле, по словам Рейса, соглашался на заключение этого союза, однако, выражал сомнение в возможности урегулирования ряда спорных вопросов на Балканах (см.: Die Grosse Politik der Europäeschen Kabinette. 1871–1914. Berlin, 1922. Bd. 3. S. 153–156). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[270] Речь идет о письме П.А. Сабурова к Н.К. Гирсу от 23 января (4 февраля) 1881 г. В нем Сабуров писал, что, хотя самое элементарное благоразумие предписывает не касаться восточного вопроса, прежде чем станет известно, расположены ли Германия и Австрия говорить на эту тему, ему все же кажется удобным воспользоваться начатыми переговорами, чтобы пролить некоторый свет на возможные меры этих стран. Сабуров прибавлял, что он внушил О. Бисмарку мысль вызвать Г. Гаймерле при посредстве Рёйса на дальнейшее объяснение. Обсуждения Сабурова с Бисмарком восточного вопроса не совсем нравились в Петербурге. Постоянные упоминания Сабурова о «демаркационной линии» на Балканах побудили российское правительство предпринять некоторые шаги, чтобы унять посла, переходившего границу желательного. Сабурову была дана секретная записка Д.А. Милютина («Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи»), которая точно формулировала принципы русской политики на случай радикального решения восточного вопроса (см.: Приложение IV, а также: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 173). Однако эта записка Милютина лишь подлила масла в огонь дипломатического рвения Сабурова: он истолковал ее в том смысле, что якобы и само российское правительство не прочь в настоящее время вести переговоры об окончательном решении восточного вопроса. «Если Гаймерле, — писал он в письме от 23 января (4 февраля), — ответит, что он готов встать на путь более широкого соглашения, было бы уместным подвергнуть изучению комбинации, развитые в секретной записке гр. Милютина, относительно Балканской федерации. Предлагая Австрии такую идею, т. е. участие ее в Балканской федерации как блестящее доказательство того, что мы желаем считаться с ее интересами на востоке, мы могли бы требовать от нее в свою очередь, чтобы она считалась с нашими интересами, т. е. чтобы вход в проливы со стороны Черного моря принадлежал нам. Я почти наверняка могу сказать, что такая сделка будет одобрена Бисмарком, который возьмет на себя заботу убедить Австрию согласиться на это» (цит. по кн.: *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 174).

[271] См. комментарии 188 и 249.

[272] Демонстрация в Петербургском университете 8 февраля 1881 г. была организована студенческой народовольческой организацией. Инициаторами этой демонстрации были члены этой организации, студенты 1-го курса Папий Подбельский и Коган-Бернштейн. На университетском акте последний произнес речь, направленную против министра народного просвещения А.А. Сабурова, а Подбельский подошел к министру и дал ему пощечину. Пользуясь суматохой, Коган-Бернштейн и Подбельский скрылись; однако, через месяц, в период разгрома «Народной воли», они были арестованы и сосланы в Сибирь. Подбельский и Коган-Бернштейн погибли в 1889 г., вместе с другими участниками вооруженного столкновения политических ссыльных с командой солдат в Якутске. Первый был убит, второй тяжело ранен и затем повешен (см.: Папий Подбельский // Каторга и ссылка. Кн. 52. М., 1929; В 1881–1882 гг. // Там же. Кн. 76. М., 1931). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[273] Речь идет о первых столкновениях буров и англичан в 1880-х гг. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[274] Под давлением общественно-политической ситуации конца 1850 — начала 1860-х гг. в России в целом, а также оппозиционного движения в Финляндии, которое, в отличии от польского, носило мирный характер, Александр II провел ряд реформ в Финляндии. В 1863 г. был созван сейм; с 1864 г. создавались финские войска, так называемые поселенные батальоны, просуществовавшие до 1869 г. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 87–89, 458; То же. 1863–1864. М., 2003. С. 213–219, 269–274; *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е гг. XIX в. Л., 1979. С. 64–75). В связи с введением в 1878 г. воинской повинности в Финляндии было решено создать некоторое количество регулярных финских воинских частей. Было сформировано несколько стрелковых батальонов, насчитывавших в своем составе 5 тыс. человек. Эти части подчинялись командующему Финляндским военным округом (см.: *Суни Л.В.* Указ. соч. С. 153–154).

[275] См. записку Д.А. Милютина «Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи» от 5 октября 1880 г. См. Приложение IV.

[276] Речь идет о письме П.А. Сабурова к Н.К. Гирсу от 2 февраля и ответном письме Гирса от 13 февраля, составленном совместно с Д.А. Милютиным. В нем опровергались домыслы Сабурова по поводу милютинской записки по восточному вопросу. В письме Гирса подчеркивалась позиция правительства, согласно которой вопросы, затронутые Сабуровым и Милютиным, еще будут им обсуждаться, и выработанные основные принципы соглашения с Германией и Австрией будут сообщены конфиденциально О. Бисмарку «в свое время и в своем месте» (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 177–178).

[277] Договор с Китаем был подписан 12(24) февраля 1881 г. Согласно этому договору российское правительство возвращало Китаю оккупированный русскими войсками в 1871 г. Илийский край (Кульджу). Территория западной части этого края, остававшаяся во владении России, была значительно меньше, чем это предусматривалось условиями Ливадийского договора 1879 г., который так и не был ратифицирован китайским императором. Китайское правительство обязывалось уплатить России 9 млн руб. «в покрытие издержек, вызванных занятием русскими войсками Илийского края». Текст договора полностью опубликован в кн.: Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889. С. 225–236. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[278] Имеются в виду переговоры между Россией и Австро-Венгрией, состоявшиеся в конце июня 1876 г. в чешском городе Рейхштадте. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[279] Речь идет об Александре III.

[280] Подразумевается И.И. Гриневицкий. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[281] Речь идет о Елизавете Дмитриевне Милютиной. *Коммент. П.А. Зайончковского.* Упомянутое письмо Е.Д. Милютиной в ф. 169 отсутствует.

[282] 25 февраля 1881 г. Н.К. Гирс отправил П.А. Сабурову частное письмо с повторным разъяснением позиции правительства относительно переговоров с О. Бисмарком. Подчеркивалось нежелание Петербурга приступать теперь же к обсуждению далеко идущих планов и, в особенности, вопроса о проливах (подробный анализ письма см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 178–185).

[283] В ночь со 2-го на 3 марта, вследствие показания Н.И. Рысакова, был произведен обыск в доме № 5, кв. 5 по Тележной улице — конспиративной квартире, в которой он 1 марта получил метательный снаряд. Впоследствии выяснилось, что застрелился Н.А. Саблин. Арестованная женщина — хозяйка конспиративной квартиры Г.М. Гельфман. Через несколько часов там же был арестован Т.М. Михайлов (см.: К делу 1 марта 1881 г. // Былое. 1918. № 4–5). 27 февраля вместе с Тригони был арестован А.И. Желябов (см.: *Тригони М.Н.* Мой арест в 1881 г. // Былое. 1906. № 3). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[284] «Дядя Костя» — великий князь Константин Николаевич, дядя императора Александра III, который всегда относился к нему снисходительно-насмешливо.

[285] Имеются в виду: Альфред Эрнест Альберт, его жена великая княгиня Мария Александровна и кронпринц Фридрих-Вильгельм. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[286] «Хозяевами» сырной лавки были члены «Народной воли» Ю.Н. Богданович и А.В. Якимова, проживавшие под фамилией Кобозевых (см.: К делу 1 марта 1881 г. // Былое. 1918. № 4–5). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[287] Речь идет о Фридрихе-Франце, наследном принце Мекленбург-Шверинском и Вильгельме, принце Баденском. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[288] Сразу после 1 марта один за другим были арестованы многие члены Исполнительного комитета «Народной воли» (подробнее см.: «Народная воля» и «Черный передел». Л., 1989. С. 38).

[289] Имеются в виду великие князья Николай Николаевич (Младший) и Петр Николаевич. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[290] На совещании Совета министров 8 марта 1881 г. обсуждалась политическая программа М.Т. Лорис-Меликова, составленная в конце 1880 — начале 1881 г. и окончательно одобренная Александром II непосредственно перед своей кончиной (см.: *Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 151–154; *Перетц Е.А.* Дневник. 1880–1883. М.; Л., 1927. С. 31–46). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

См. также коммент. 244, а также: *Готье Ю.В.* Борьба правительственных группировок и Манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. 1938. Т. 2. С. 240–299; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 230–378; *Вада Х.* Политические взгляды и стратегия М.Т. Лорис-Меликова // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 581–591; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Там же. С. 592–607.

[291] Подразумевается Ганс Лотар фон Швейниц. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[292] Очередной приезд болгарского князя А. Баттенберга в Петербург был вызван похоронами Александра II. Болгарский князь воспользовался этим обстоятельством, чтобы обсудить с новым императором и министрами кадровый и железнодорожный вопросы. К этому времени получил отставку российский дипломатический агент, сторонник П.Д. Паренсова, А.М. Кумани. На его место А. Баттенберг прочил К.Г. Эрнрота, но Петербург остановился на кандидатуре М.А. Хитрово как проводнике российских интересов. Новому дипломатическому агенту была дана инструкция поддерживать существующее в Болгарии политическое устройство, т. е. Тырновскую конституцию, и удерживать князя на этом пути. Антироссийский курс политики А. Баттенберга особенно ясно обнаружился в вопросе о строительстве железных дорог. В Болгарском княжестве в момент его образования существовала лишь одна железная дорога Русе–Варна. Предстояло построить сеть железных дорог, которые связали бы север с югом и внутренние районы страны с морскими гаванями. При слабой экономике Болгарии было не под силу одной решить эту задачу, требовались зарубежные капиталовложения. На роль

основного инвестора в болгарские железные дороги претендовала Австро-Венгрия, столкнувшаяся с интересами России. Между правительствами обеих стран возник спор о направлениях железных дорог. Австрийский проект продвигал в болгарских верхах австрийский дипломатический представитель Кевенгюлле. Он настаивал на строительстве железной дороги Вакарел—София—Цариброд как составной части линии Вена-Константинополь. Постройка этой линии открывала широкую дорогу в Болгарию австро-венгерскому капиталу. Этот проект поддерживал А. Баттенберг. Российское правительство, исходя из стратегических соображений, настаивало на линии София—Русе, или сначала София—Свиштов, чтобы обеспечить Болгарии необходимую помощь со своей стороны в случае ее войны с Турцией. Российский проект продвигали до своих отставок П.Д. Паренсов и А.М. Кумани. Противником австрийского проекта в болгарском правительстве был премьер-министр Драган Цанков. См.: История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 351—353.

293 Подразумеваются наследный принц английский Альберт Эдуард и наследный принц датский Христиан Фридрих Вильгельм. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

294 Речь идет о писаре комендантского управления Петропавловской крепости Дубровине. Подозрение возникло в связи с тем, что в отобранной при аресте у С.Л. Перовской шифрованной записке указывалось на целесообразность установления связи с целым рядом лиц, и в том числе с Дубровиным. Следствию, однако, не удалось установить причастность Дубровина к революционной деятельности (см. в статье, указанной в коммент. 283). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

295 Возражения австрийского правительства заключались в следующем: во-первых, барон Гаймерле был решительно против пункта, в котором указывалось, что если один из трех союзников вынужден будет начать войну с четвертой державой, то два других сохраняют нейтралитет и приложат все усилия к ликвидации конфликта. По мнению Гаймерле, Россия могла бы благодаря этому беспрепятственно напасть на ряд мелких независимых государств и, в первую очередь, на Румынию. Второе возражение вызвал пункт о посредничестве третьего союзника в случае конфликта между двумя из них. Гаймерле боялся, что, руководствуясь этим, Россия всегда сможет договориться с Германией по восточным делам, так как интересы последней при этом не затрагивались. Гаймерле требовал также предоставления Австрии права на оккупацию Новобазарского санджака. Наконец, он выступал по существу и против принципа закрытия проливов и не соглашался признать пункт договора, в котором указывалось, что союзные державы обязаны предупредить Турцию (в случае нарушения ею принципа закрытия проливов) о том, что она находится в состоянии войны с той державой, интересы которой при этом нарушены (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-

русско-германского союза. М., 1974. С. 166–174). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[296] Будучи наставником наследника великого князя Александра Александровича, а потом ближайшим советником молодого императора, К.П. Победоносцев регулярно посылал ему письма со своими наставлениями, советами и рекомендациями (см.: *Победоносцев К.П.* Письма к Александру III. Т. 1–2. М., 1925–1926).

[297] Назначение великого князя Михаила Николаевича на должность председателя Государственного совета состоялось, но несколько позднее — 14 июля 1881 г.

[298] Слухи о причастности великого князя Константина Николаевича к взрыву в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. нашли отражение и в дневниках его сына, великого князя Константина Константиновича. 13 февраля 1880 г. он записал, что в столичном обществе и народе «установилось мнение», будто великий князь Константин Николаевич «стоит во главе социалистов» и является зачинщиком «всех покушений на жизнь Государя». Толки о пребывании отца в Кронштадте «для большей личной безопасности» великий князь Константин Константинович считал нелепыми, отмечая в дневнике, что великий князь Константин Николаевич был там «по службе» (см.: ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 16. Л. 105 об. — 106).

[299] Имеется в виду Петербургское славянское благотворительное общество, которое до 1877 г. существовало как отдел Московского славянского комитета. В 1878 г. он был упразднен, а его Петербургский отдел был реорганизован в самостоятельное общество (см.: *Истомин Ф.М.* Краткий очерк деятельности С.-Петербургского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1868–1893. СПб., 1893). Упомянутая речь И.С. Аксакова (он был почетным членом общества и специально приехал на собрание из Москвы) была произнесена на экстренном общем собрании членов общества в связи с кончиной Александра II. Речь была опубликована в посвященной этому заседанию специальной брошюре (см.: В память в бозе почившего государя императора Александра II. Экстренное общее собрание членов С.-Петербургского славянского благотворительного общества 22 марта 1881 года. СПб., 1881. С. 11–24).

[300] См.: *Горинов М.М.* Министр государственных имуществ Н.П. Игнатьев // Вестник МГУ. Серия 8: История. 2005. № 6. С. 79–94.

[301] Имеется в виду Комитет по делам Царства Польского. См. коммент. 196.

[302] Подробнее об этом см.: Показания первомартовцев (из актов предварительного следствия) // Былое. 1918. № 4–5. С. 230–310.

[303] 28 марта, в день окончания судебного процесса по делу 1 марта 1881 г., профессор философии В.С. Соловьев выступил в зале Кредитного

общества с лекцией «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса». Свою речь Соловьев закончил призывом к царю помиловать участников убийства Александра II. Текст речи Соловьева опубликован в статье: События 1 марта и В.С. Соловьев // Былое. 1918. № 4–5. С. 330–336. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[304] См. коммент. 20.

[305] Этот факт, по-видимому, не имел места. Ни в официальных отчетах о казни, ни в воспоминаниях очевидцев и современников, ни в газетных отчетах нет упоминаний об этом. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[306] Речь идет о Елизавете Дмитриевне Милютиной.

[307] Об этом совещании также см.: *Перетц Е.А.* Дневник. 1880–1883. М.; Л., 1927. С. 62–65; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 358–366.

[308] Вопрос о понижении выкупных платежей был поставлен еще при Александре II. 30 марта 1881 г. министр финансов А.А. Абаза внес его в Государственный совет; до этого он обсуждался в Главном комитете об устройстве сельского состояния. В течение апреля 1881 г. представление министра финансов обсуждалось в Соединенном присутствии департаментов законов и государственной экономии совместно с указанным выше комитетом (речь великого князя Константина Николаевича, произнесенная 6 апреля, полностью опубликована, см.: Голос минувшего. 1915. № 2. С. 208–216). Соединенное присутствие Государственного совета одобрило представление Абазы, с дополнением М.Т. Лорис-Меликова, о введении обязательного выкупа повсеместно с 1 января 1883 г. 27 апреля вопрос о понижении выкупных платежей рассматривался Общим собранием Государственного совета, которое без изменений утвердило решение Соединенного присутствия. 9 мая 1881 г. Александр III утвердил журнал Общего собрания Государственного совета от 27 апреля о переводе временно-обязанных крестьян на выкуп с 1 января 1883 г. Он также утвердил общую сумму ежегодного понижения выкупных платежей в 9 млн руб. и сложение недоимок по этим платежам в сумме 14 млн руб. Вместе с тем император предложил еще раз обсудить вопрос о распределении суммы понижения выкупных платежей по отдельным губерниям в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, с участием экспертов. К октябрю 1881 г. особое совещание министров выработало предложения по данному вопросу и вынесло его на рассмотрение соединенного присутствия департаментов законов и государственной экономии и Главного комитета об устройстве сельского состояния. Большинство соединенного присутствия поддержало предложения особого совещания. В Общем собрании Государственного совета, обсуждавшем предложения особого совещания 30 ноября, 7 и 21 декабря 1881 г., вопрос о способах понижения выкупных платежей вызвал

большие споры. 27 членов были согласны с предложениями особого совещания, а 20 членов считали целесообразным снова вернуться к обсуждению вопроса. Однако Александр III утвердил мнение большинства членов Общего собрания Государственного совета. Тем самым обнародовался закон и о переводе временно-обязанных крестьян на обязательный выкуп, решенный еще весной 1881 г. (см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 345–349).

309 К записи 28 апреля 1881 г. Д.А. Милютиным была приложена в подлиннике дневника записка: «На совещании сего 28 апреля министром внутренних дел будут доложены:

1. Переданная Его Императорским Величеством Государем Императором записка об устройстве особых следственных комиссий, с центральною во главе, для исследования дел о государственных преступлениях.

2. Записка о предметах ведомства Департамента государственной полиции, в связи с предположением о некоторых мероприятиях для устройства на прочных основаниях предупредительной полиции.

3. Соображения о предварительных распоряжениях по пересмотру некоторых частей Положений о земских и городских учреждениях в видах урегулирования деятельности сих учреждений.

и 4. Составленная в Министерстве внутренних дел, в феврале сего года, записка по поводу разновременно поступивших заявлений земских собраний о мерах к устранению расстройства быта крестьян» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 3. Д. 5. Л. 67а–67б).

310 Об этом см. запись в дневнике от 21 апреля 1881 г.

311 В первой части манифеста говорилось об условиях вступления на престол Александра II и характеризовалась его политика. Во второй — определялся внутриполитический курс Александра III. В качестве основной его задачи провозглашалось сохранение «чистоты» принципов самодержавной власти (см.: ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 1. Отд. 1-е. № 118).

312 А. Баттенберг возобновил разговор об отмене Тырновской конституции 1879 г. с Александром III в марте 1881 г., во время своего приезда в Петербург на похороны Александра II. Однако ему не удалось, как и в начале 1880 г., убедить в необходимости этой меры императора и российские правящие круги (см. коммент. 265). Из Петербурга болгарский князь поехал в Берлин и Вену, где получил благословение на государственный переворот. Германский дипломатический агент в Софии настойчиво советовал князю действовать быстро и решительно. 28 апреля А. Баттенберг, используя военного министра К.Г. Эрнрота, распустил Народное собрание и кабинет министров, а также отменил ряд статей Тырновской конституции. Генералу Эрнроту было поручено

сформировать новый кабинет (см.: История Болгарии. Т. 1. М., 1954. С. 356).

313 См. комментарии 112 и 253.

314 Речь идет о циркуляре министра внутренних дел Н.П. Игнатьева губернаторам от 6 мая 1881 г. В нем в витиевато-демагогическом тоне разъяснялись задачи правительства в соответствии с манифестом 29 апреля (см. коммент. 311). Довольно подробно в циркуляре объяснялись причины развития революционного движения, приведшего к убийству Александра II. В качестве первой задачи, стоящей перед правительством, называлось искоренение крамолы при содействии «общественных сил». Вторая задача касалась морально-этических вопросов. Заключительная часть циркуляра содержала вполне конкретное обещание, что права, дарованные земству и городским сословиям, останутся в полной неприкосновенности. В целом циркуляр носил декларативный характер и был лишен конкретного содержания, что и требовалось Игнатьеву. Пресса отнеслась к циркуляру в основном положительно (см.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 384–386).

315 Имеются в виду еврейские погромы, происходившие с середины апреля 1881 г. на юге России (в Киевской, Екатеринославской, Черниговской, Полтавской, Херсонской и Волынской губерниях). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

Подробно об этом см.: *Frankel J.* Prophecy and politics: Socialism, nationalism and the Russian Jews. 1862–1917. Cambridge, 1981. P. 49–114; *Aronson M.* Troubled waters: The origins of the 1881 anti-Jewish pogroms in Russia. Pittsburg, 1990.

316 Подразумевается Сергиева пустынь под Петербургом. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

317 Речь идет о Николае Фридрихе Петре. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

318 Российский военный агент в Болгарии полковник А.А. Шепелев был отозван из Софии вслед за отставкой военного министра П.Д. Паренсова.

319 См. коммент. 308.

320 Подразумевается товарищество «Грегер, Горвиц и Коган», которое занималось снабжением русской армии продовольствием во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. См. коммент. 24.

321 После государственного переворота 27 апреля 1881 г. А. Баттенберг решил на несколько лет приостановить деятельность Народного собрания, заменив его Государственным советом при своей особе.

322 Имеются в виду письма П.А. Сабурова к Н.К. Гирсу от 25 апреля и 6 мая 1881 г. по поводу детальных поправок австрийского министра Г. Гаймерле к российскому проекту договора. К прежним своим

возражениям Гаймерле прибавил новые, касающиеся Боснии и Герцеговины с Новобазарским санджаком и вопроса о проливах. Сабуров доносил, что О. Бисмарк поддерживал претензии Австрии на оккупацию Новобазарского санджака (см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 192–193).

323 В мае 1881 г. Ахалтекинский оазис был включен в Закаспийский военный отдел, преобразованный в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде. С этого времени лишь племена восточной Туркмении продолжали сохранять самостоятельность. Это были в основном жители Тедженского, Мервского и Пендинского оазисов. На некоторые из этих территорий предъявлял необоснованные претензии Иран. 9 декабря 1881 г. была подписана русско-персидская пограничная конвенция, по которой Душак и Каакха добровольно присоединялись к России. Это решение имело для России стратегическое значение, так как облегчался доступ для нее в Мервский оазис (см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 353–354).

324 См. коммент. 196.

325 То есть Елизаветы Дмитриевны Милютиной.

326 Упомянутый рескрипт см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 84. Ед. хр. 47.

327 Имеется в виду Данило-Александр. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

328 Речь идет об С.А. Мордвинове. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

329 Имеются в виду А.В. Олсуфьев и его жена А.М. Олсуфьева. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

330 Подлинная телеграмма А.Ф. Гана хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 60. Ед. хр. 39).

Чесменская военная богадельня была открыта 27 июня 1836 г. В первом «Положении» о ней было указано, что она учреждена из четырех отделений на 16 офицеров и 400 нижних чинов. Устав богадельни был утвержден императором в 1868 г. В 1870 г. штат инвалидов богадельни был увеличен на 50 человек. 12 января 1872 г. было принято постановление о том, что в богадельню принимаются инвалиды нехристианского исповедания. Чесменская военная богадельня находилась в ведении Александровского комитета о раненых. До 1853 г. ее директорами обычно назначались коменданты Петропавловской крепости, а позднее — преимущественно из членов Александровского комитета о раненых. С 1855 г. богадельня стала называться, по распоряжению Александра II, Николаевской, а с 1896 г. — Чесменская военная богадельня императора Николая I (см.: *Морошкин К.Д.* Исторический очерк Чесменской военной богадельни. СПб., 1896).

331 См. коммент. 220.

[332] Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005; То же. 1868 — начало 1873. М., 2006.

[333] То есть А.Д. Милютин.

[334] Подлинные письма упомянутых лиц см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 59 (И.П. Арапетова); Карт. 57. Ед. хр. 25 (А.А. Баранцова); Карт. 61. Ед. хр. 32 (А.В. Головнина); Карт. 71. Ед. хр. 61 (Н.Н. Обручева).

[335] Подлинник письма Н.К. Гирса к Д.А. Милютину от 18 июня 1881 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 2. Л. 2–2об.

[336] Текст договора от 6(23) июня 1881 г., заключенного в Эмсе между Россией, Германией и Австро-Венгрией, опубликован в журнале «Красный архив» (Т. 1. 1922. С. 129–135). *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 278.

[337] Речь идет о Фредерике Михайловне Понсэ. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[338] См.: *Tocqeville Alexis, de.* L'ancien régime et la revolution. Paris, 1856 (первое издание, затем книга многократно переиздавалась); *Taine Hippolyte.* Les origins de la France contemporaine. Vol. 1: L'ancien régime. Hachttle, 1879.

[339] Вероятно, здесь у Д.А. Милютина ошибка; полученная им от А.М. Дондукова-Корсакова записка была составлена для военного министра П.С. Ванновского в связи с созданием летом 1881 г. Особой комиссии по вопросам реорганизации подведомственного Дондукову Одесского военного округа (печатный экземпляр записки см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 25).

[340] Имеются в виду Христиан IX и Луиза Вильгельмина Фредерика Шарлотта. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[341] Учрежденная в 1866 г. опытным журналистом А.А. Краевским газета «Голос» лишь отчасти выполняла свои функции официоза, ибо поддерживала и пропагандировала только некоторые из мероприятий правительственной политики, позволяя себе робкую оппозицию относительно других мер. Приход к руководству внутренней политикой М.Т. Лорис-Меликова, заявлявшего о себе как о сторонника продолжения политики реформ и сотрудничества с обществом, обусловил поддержку его политики «Голосом». Для Александра III верноподданнический либерализм редакции «Голоса» оказался чрезмерным и противоправительственным, поэтому в начале 1880-х гг. газета оказалась наиболее гонимой. Она была приостановлена 25 июня 1881 г. из-за статьи от 2 мая, которая очень не понравилась К.П. Победоносцеву.

Газета «Порядок» издавалась с 1881 г. в Петербурге М.М. Стасюлевичем.

[342] Речь идет о статье 2-й «Писем к тетеньке» М.Е. Салтыкова-Щедрина, помещенной в № 8 журнала «Отечественные записки». *Коммент. П.А. Зайончковского.*

[343] Подлинник письма Н.Н. Обручева от 30 августа 1881 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 61. Л. 19 — 20 об.

Под «Инвалидом» подразумевается газета Военного министерства «Русский инвалид».

[344] Имеется в виду Устав о воинской повинности 1874 г.

[345] Речь идет о вырезке из газеты «Московские ведомости» от 2 сентября 1881 г., полученной Милютиным от А.В. Головнина вместе с его письмом от 4 сентября (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 32. Л. 41, 43).

[346] Черновик ответного письма Д.А. Милютина к А.В. Головнину от 10 сентября 1881 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 88. Л. 23–24.

[347] Комиссия под председательством П.Е. Коцебу должна была обсудить два важных вопроса: 1) будет ли удобно применить в России германскую систему устройства центрального военного управления, при которой в руках военного министра сосредоточены все распорядительные функции, касающиеся как войск, так и хозяйственной части; 2) или же целесообразно ввести ту систему центрального военного управления, которая существовала в царствование императора Александра I и заключалась в отделении управления войсками от хозяйственной части. Большинство членов комиссии считало необходимым сохранить коренное основание существующей в России системы центрального военного управления, при которой все его отрасли сосредоточены в руках военного министра. Меньшинство считало необходимым вновь ввести должность начальника Главного штаба, предоставив в его ведение Генеральный штаб и инспекторское ведомство, а военно-хозяйственную часть оставить в ведении военного министра. Военный министр П.С. Ванновский разделял точку зрения большинства комиссии (см.: Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 578–585).

[348] Речь идет о выписке, сделанной А.В. Головниным из письма великого князя Константина Николаевича от 3 сентября 1881 г. Она была приложена к письму Головнина Милютину от 12 сентября (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 32. Л. 44–45, 49–50).

[349] Известный естествоиспытатель и философ-публицист Н.Я. Данилевский постоянно жил в Крыму, в своем имении Мшатка. С 1880 г. Данилевский председательствовал в Крымской филлоксерной комиссии, учрежденной для борьбы с филлоксерой (разновидность тли) на южном берегу Крыма. На состоявшемся в Ялте 25 ноября 1880 г. сельскохозяйственном съезде Данилевский выступал с докладом о средствах борьбы с филлоксерой (см.: *Семенов П.Н.* Н.Я. Данилевский. СПб., 1885. С. 15).

[350] Имеется в виду письмо Н.Н. Обручева от 27 сентября 1881 г., ответное на письмо Милютина от 10 сентября (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 61. Л. 5–6).

[351] Машинописный список газетной заметки об открытии работы комиссии под председательством генерала П.Е. Коцебу приложен к автографу дневника Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 3. Ед. хр. 5. Л. 132/а).

[352] Подразумеваются секретные совещания под председательством Александра II, проходившие в «Готической» зале Зимнего дворца 28 февраля — 31 марта 1873 г. На них обсуждался разработанный Военным министерством проект реорганизации армии (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 293–303).

[353] Газетная вырезка статьи под названием «Два государственных человека» от 4 октября 1881 г. приложена к автографу дневника Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 3. Ед. хр. 5. Л. 133/а).

[354] Комиссия сенатора М.Е. Ковалевского обнаружила большие злоупотребления при ревизии казенных земель в Оренбургской и Уфимской губерниях, относившиеся к тому времени, когда П.А. Валуев занимал пост министра государственных имуществ (см.: *Перетц Е.А.* Дневник. 1880–1883. М.; Л., 1927. С. 97–98).

[355] Речь идет о деятельности тайного общества «Священная дружина», созданного 12 марта 1881 г. для охраны царя и борьбы с «крамолой». Во главе общества стояли представители аристократии (гр. И.И. Воронцов-Дашков, гр. П.П. Шувалов и др.). «Священная дружина» насчитывала 729 человек. Деятельность ее в значительной степени носила провокационный характер. Общество имело ряд отделений в провинции: в Харькове, Киеве, Нижнем Новгороде и других городах. «Священная дружина» просуществовала до конца 1882 г. и была распущена по указанию императора, так как мешала деятельности Департамента полиции (см.: Общество «Священная дружина»: Отчетная записка об организации и деятельности // Красный архив. Т. XXI; см. также дневник В.Н. Смельского, одного из участников общества «Священная дружина»: Голос минувшего. 1916. Кн. 1–6. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

Также см.: *Сенчакова Л.Т.* «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Серия: История. 1967. № 2; *Черемин А.М.* Священная дружина: Российский опыт борьбы с терроризмом на общественных началах // Русский дом. 2006. № 3–4.

[356] См. коммент. 346.

[357] Газетные вырезки со статьями и заметками о работе комиссии под председательством генерала П.Е. Коцебу, присланные Д.А. Милютину А.В. Головниным, хранятся в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 45. Ед. хр. 2).

Газета «Страна» издавалась Л. Полонским в Петербурге в 1880–1883 гг.

[358] Цитируемое письмо Е.Д. Шаховской в фонде Д.А. Милютина (ф. 169) отсутствует; местонахождение его не установлено.

[359] Речь идет о записках князя А.И. Барятинского, направленных против «Положения о полевом управлении армией» 1868 г., которые он подавал на имя Александра II в 1869 и 1873 гг. (об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 178, 595–597).

[360] Имеется в виду статья «Преобразования по военному ведомству», напечатанная в газете «Порядок» 20 октября 1881 г. (№ 289).

[361] Газета «Русский мир» была основана в 1871 г. в Петербурге по инициативе А.И. Барятинского и гр. П.А. Шувалова как оппонент «Русского инвалида». По выражению Д.А. Милютина, газета предназначалась «низвергать хулы» на Военное министерство и на него лично. Действительно, сильная оппозиция военным реформам существовала в военных, правительственных и придворных кругах. Создатели газеты генерал М.Г. Черняев и полковник В.В. Комаров согласовывали свои действия с Шуваловым; политическая программа «Русского мира», вероятнее всего, была составлена генералом Р.А. Фадеевым, который был известен как своего рода литературный секретарь фельдмаршала Барятинского. Именно Фадеев печатал в новой газете в 1871–1873 гг. статьи, осуждавшие военно-окружную систему, положенную Милютиным в основу реорганизации армии. Несмотря на утверждение Александром II последних проектов военной реформы, на страницах газеты продолжилась критика положения в армии. В январе 1875 г. одна из ее передовых была посвящена беспорядкам в Медико-хирургической академии, что явилось поводом для возвращения к критике Военного министерства. Однако критика задевала императора, который подписал документ об организации управления академией, а потому газете было объявлено предупреждение. Оно, однако, не остановило редакцию, и вскоре появились критические статьи о Туркестанском и Оренбургском военных округах, во главе которых стояли К.П. Кауфман и Н.А. Крыжановский. Газета призывала организовать ревизию этих округов. Немедленно последовало третье предостережение газете с приостановкой издания на три месяца. В 1876–1878 гг. в «Русском мире» преобладала балканская тематика. Что касается общей направленности «Русского мира», то она во многом стала преемницей консервативной «Вести». «Русский мир» выходил до 1879 г. (подробно см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX в. Л., 1989. С. 129–141; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. С. 261–264, 294–299).

[362] Подразумеваются великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич (Старший).

[363] Подлинник письма А.В. Головнина см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 33. Л. 23–24.

[364] Подлинник телеграммы П.О. Бобровского см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 39; черновик ответной телеграммы Д.А. Милютина: Там же. Карт. 51. Ед. хр. 15. Л. 1.

[365] Подлинник письма Н.Н. Обручева от 8 ноября 1881 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 61. Л. 7–10.

[366] См. коммент. 374.

[367] Печатные экземпляры записок великого князя Владимира Александровича, П.П. Альбединского, П.Л. Лобко, великого князя Николая Николаевича (Старшего), Ф.Ф. Радецкого и Х.Х. Роопа см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 44. Ед. хр. 39; записок М.Д. Скобелева, Э.И. Тотлебена, Л.П. Софиано, Г.И. Черткова, П.А. Шувалова и А.А. Якимовича см.: Там же. Карт. 45. Ед. хр. 1.

[368] Черновик письма Д.А. Милютина к А.В. Головнину от 29 ноября 1881 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 89. Л. 28.

[369] О знакомстве автора с Н.Н. Муравьевым-Амурским на Кавказе в 1839 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 238.

[370] 16(28) мая 1858 г. Н.Н. Муравьев-Амурский, ведший переговоры с пограничными китайскими властями в Приамурье, заключил в Айгуне договор, согласно которому левобережье Амура отходило к России, а правый берег от впадения в Амур р. Уссури и до моря оставался неразграниченным и признавался находящимся в совместном владении обоих государств до определения границ. 2(4) ноября 1860 г. посол России в Китае Н.П. Игнатьев подписал с китайской стороной Пекинский договор. Формально он считался дополнительным, так как его статьи подтверждали и поясняли Айгунский и Тяньцзиньский трактаты. Но фактически он имел самостоятельное значение. Договор устанавливал русско-китайскую границу по рекам Амур, Уссури, Сунгача, оз. Ханка, рекам Беленхэ и Туманган, где Россия приобретала нового соседа на Дальнем Востоке — Корею. Граница на западе устанавливалась приблизительно по «направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов». Вдоль всей границы разрешалась сухопутная торговля. Учреждались российские консульства в Кашгаре и Урге. Оговаривалось устройство русской почты в Китае (подробно об этом см.: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998. С. 100–243; *Хевролина В.М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004. С. 63–94).

[371] Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 198, 207, 217, 228, 244, 274–283.

[372] Имеется в виду Софья Константиновна Перовская (урожденная Булгакова). Родной племянник ее мужа Б.А. Перовского, Л.Н. Перовский, был отцом известной «народницы» С.Л. Перовской.

[373] Подлинная телеграмма полковника Н.П. Беклемишева из Нижнего Новгорода от 6 декабря 1881 г. хранится в ОР РГБ (Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 9). Под текстом — черновой текст ответной телеграммы Д.А. Милютина.

[374] Статья Д.А. Милютина «Военные реформы императора Александра II» была напечатана в журнале «Вестник Европы» (1882, январь). Предполагаемое продолжение статьи не было написано. Оттиск статьи см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 97. Ед. хр. 14; статья опубликована в Приложении к кн.: *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 313–337.

[375] Имеется в виду письмо редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича к Д.А. Милютину от 16 ноября 1881 г. Подлинник письма см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 75. Ед. хр. 51. Л. 4.

[376] Автор познакомился с А.П. Заблоцким-Десятовским в Петербурге зимой 1846–1847 гг. (об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 136–138).

[377] Речь идет о книге А.П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П.Д. Киселев и его время» (Т. 1–4. СПб., 1882).

Приложения

Приложение I

Д.А. МИЛЮТИН

МЫСЛИ О НЕОБХОДИМЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В УПРАВЛЕНИИ, В УЧЕБНОЙ ЧАСТИ И В ДУХОВЕНСТВЕ 1879 г.[1]

Ливадия 1879 г.

Высшие правительственные учреждения

Настоящее распределение функций наших правительственных учреждений совершенно ненормальное, можно сказать хаотическое. Множество комитетов, комиссий, особых присутствий — крайне усложняет [зачеркнуто: дело] ход дел. Необходимо преобразовать все эти учреждения и дать [зачеркнуто: им] каждому из них другой круг действий.

Государственный совет — мог бы обратиться в чисто законодательное собрание, если б откинуть от него Департамент гражданских дел и ввести в состав Совета избирательный элемент земства. Мне кажется, что без всякого опасения какого-либо переворота или ослабления власти можно было бы [зачеркнуто: состав] образовать Совет наполовину из членов по назначению и членов по выбору от губернских земств. Министры не должны иметь голоса в решении дел. Для предварительного рассмотрения дел и приготовления их к обсуждению в Общем собрании могли бы остаться теперешние два Департамента: Законов и Экономии; но для ускорения и облегчения хода дел следовало бы Департаменту подразделяться на комиссии специально по известному роду дел. В этих видах каждый из двух департаментов (или отделов Госуд[арственного] совета) мог бы состоять: 1) из определенного числа постоянных членов, из числа назначенных верховною властью членов

[1] ОР РГБ Ф. 169. Карт. 44. Д. 12. Л. I–II, 1–18. На отдельном листе Д.А. Милютиным бегло помечено: «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве». На обороте крупными цифрами (писарской рукой?): «1862». На первом листе сверху написано карандашом: «Ливадия 1879 г.». Курсивом выделены подчеркивания Д.А. Милютина.

Совета, и 2) из временных добавочных членов, придаваемых департаменту по выбору самого Совета из числа [зачеркнуто: членов] представителей земства. Председатели, как в Общем собрании, так и в департаментах или отделах, должны быть по назначению верховной власти. Решение дел требует большинства голосов в Общем собрании, относительного или абсолютного, смотря по роду дел; верховная власть сохраняет за собою право [зачеркнуто: veto] утверждения решений большинства (т. е. право veto), без чего решение не имеет законной силы; но, с другой стороны, [зачеркнуто: было бы] необходимо, чтобы со стороны верховной власти было бы торжественное заявление о том, что впредь никакое [зачеркнуто: закон и никакое] решение по вопросам законодательным (со включением, разумеется, и финансовых) не будет принято иначе, как установленным законным путем, т. е. чрез Госуд[арственный] совет.

Теперешний *Комитет министров* следовало бы совершенно преобразовать, дав ему притом наименование *Совета министров*. Все министры должны составлять одно целое; председатель Совета министров должен получить значение первого министра, хотя бы и без этого названия. Само собою разумеется, что предметом занятий Совета должны быть не [зачеркнуто: представление к медалям] награды и медали, не [зачеркнуто: вопросы] пенсии, не уставы всяких обществ, — а все [зачеркнуто: мероприятия] дела исполнительной власти, по которым необходимо единство действий, общее направление и по которым ответственность лежит коллективно на всем Совете министров. К числу таких дел принадлежат, конечно, те, по коим вносятся представления в Государственный совет. Краткие протоколы заседаний Совета мин[истро]в представляются на высочайшее усмотрение; в важнейших только случаях председатель один или с подлежащим министром имеет личный доклад у Е. В. Затем остаются по-прежнему личные доклады министров по тем делам, которые будут отнесены (по заранее установленному распределению) к разряду дел не подлежащих обсуждению в Совете мин[истро]в. Впрочем, желательно, чтоб число таких дел, восходящих до верховной власти [зачеркнуто: и между тем не подлежащих совместному обсуждению] помимо Совета [карандашом] мин[истро]в, было сколь можно ограничено.

Самое распределение круга действий разных министерств требовало бы пересмотра. Нынешнее распределение во многом нерационально.

Сенат — имеет ныне смешанное значение: это и высшая судебная инстанция, и кассационная палата, и вместе с тем охранитель

закона. Кажется, следовало бы [зачеркнуто: отделить] избрать одно из двух: или выделить из Сената собственно судебную часть, образовав особую *Верховную судебную палату*, или же оставить Сенату собственно судебные функции, отделив все прочие в особое учреждение. Во всяком случае, было бы желательно собственно судебную часть резче отделить от всякой административной деятельности. Если б учреждена была Верховная судебная палата, то председателю ее, назначаемому по непосредственному выбору верховной власти, следовало бы присвоит полную самостоятельность. В отношении к нему министр юстиции должен быть поставлен совершенно в то же положение, в какое Судебные уставы ставят лиц прокурорского надзора к Суду. На министра юстиции отнюдь не следует смотреть как на главного представителя или даже «начальника» всей судебной части.

В том случае, если б образовалась особая высшая судебная инстанция, за *Сенатом* могли бы быть оставлены атрибуты общего блюстителя законности, решающего окончательно пререкания между разными органами власти; объявляющего законы и хранящего их. Разумеется, что при таком значении Сенат должен бы состоять уже из весьма малого числа почетных лиц. Но, быть может, было бы правильно соединить Сенат со значением высшей Контрольной палаты, взамен теперешнего Совета Государственного контроля, который не может иметь подобающего авторитета, состоя под председательством государственного контролера, члена Комитета министров. Настоящий госуд[арственный] контролер, становясь наравне с министрами и вместе с ними участвуя в ходе текущей администрации, — конечно, не может уже быть верховным судьею над распоряжениями министров, и, присваивая себе это право, он впадает в совершенную аномалию. Контроль [зачеркнуто: должен] может быть действителен только тогда, когда он совершенно отделен от администрации, совершенно так же, как и Судебная часть. Следовательно, необходимы самостоятельные высшие учреждения: и Верховная судебная палата, и Верховная контрольная палата. Название же *Сената* могло бы быть присвоено или одному из этих учреждений, или особому высшему учреждению, в том смысле, как указано выше.

Личный состав всех этих учреждений, на каких бы наименованиях не остановились, должен быть, конечно, предоставлен выбору верховной власти; но было бы необходимо, чтобы выбор этот был ограничен точно определенным кругом: в высшую судебную инстанцию — из числа председателей судебных

палат; в высший контрольный совет — наполовину из числа председателей контрольных палат и наполовину — из тех представителей земства в Госуд[арственном] совете, которые выкажут свои [зачеркнуто: особые] способности по финансовой части во время занятий в Департаменте [зачеркнуто: Госуд. совета] экономии.

За сим разберем другие существующие ныне высшие учреждения:

Начнем с *Собственной Е. В. канцелярии* — учреждение это [зачеркнуто: сделалось], постепенно разрастаясь, сделалось совершенною аномалией. I[e] отделение — должно бы влиться в Канцелярию Совета министров, если не будет признано нужным учредить должность [зачеркнуто: личного] секретаря лично при Его Величестве для исполнения мелких канцелярских обязанностей. II[e] отделение — должно обратиться в *Кодификационный комитет* при Государственном совете, III[e] отделение — должно войти в состав Министерства полиции. IV отделение должно разделиться: некоторые учебные заведения должны отойти в Министерство просвещения; другие, имеющие преимущественно характер благотворительный, вместе с разного рода собственно благотворительными заведениями должны образовать особое, самостоятельное ведомство, хотя бы даже министерство, которое связало бы в себе все разнообразные учреждения, имеющие целью общественную благотворительность. Я предложил бы ведомству этому подчинить всякого рода больничные заведения и [зачеркнуто: вообще] медицинскую часть.

Комиссию прошений — в том виде, в каком ныне она существует, следовало бы упразднить. Собственно, для разборки прошений, подаваемых на Высочайшее Имя, достаточно бы иметь одного или двух чиновников при личном секретаре Его Величества; ибо разборка дела должна бы ограничиваться только передачею прошений по принадлежности. Быть может, было бы [зачеркнуто: прилично сохранить] нужно учредить небольшую канцелярию, которой и соответствовало бы наименование «Собственной Е. В. Канцелярии», именно для делопроизводства по таким частным и случайным делам, которые прямо и непосредственно касаются Особы Его Величества, каковы н[а] пр[имер] прошения о негласных пособиях, по домашним делам, наконец, личная переписка Государя Императора. Таково было [зачеркнуто: в самом начале и происхождение] начало нынешней Собственной Е. В. канцелярии, от которого не следовало бы ей и отходить.

Само собою разумеется, что все теперешние комитеты — Польский, Кавказский, Остзейский и другие — давно уже следовало бы упразднить, распределив дела их по принадлежности в общем порядке.

Ливадия 1879[1]

Местное управление

Устройство нашего губернского и уездного управления представляется в виде мозаики или, лучше сказать, пестрых фигур калейдоскопа, образующихся из случайного совокупления большого числа разноцветных камушек без всякой основной идеи какой-либо системы. Устройство это есть результат постепенных в течение долгого времени преобразований и изменений, совершенных по разным ведомствам без взаимного соглашения. Очевидно, что при подобном наслоении одних учреждений на других не могло выйти ничего стройного. Управление в губернии состоит из многих властей [зачеркнуто: лиц], правлений, комитетов, комиссий, присутствий, совокупленных без общего плана, без регулятора. Земство стоит особо, не только без единства с остальною частью административной организации, но как бы в соперничестве с нею, как противовес административному самовластию.

Очевидно, что такое устройство ненормальное, что рано или поздно необходимо создать новую организацию, более стройную и упрощенную.

Если мы будем ограничиваться только исправлениями существующего хаоса, то ничего стройного не выйдет; по моему мнению, нужно не перестраивать старое здание, а выстроить новое по [зачеркнуто: сделать радикальную реформу, начертить] новому плану [исправлено: новый план; зачеркнуто: новому зданию]. Были уже попытки придать некоторое единство теперешним разъединенным органам разных министерств в губернии; но попытки эти остались без результата именно потому, что хотели достигнуть единства только с формальной стороны, не проникнув сущности самих учреждений. Министерство внутренних дел задумало все отдельные учреждения [зачеркнуто: органы] губернского управления подчинить одному лицу — губернатору, оставляя, вместе с тем, это лицо в качестве исключительно органа Министерства внутренних дел. Само собою ра-

[1] Написано сверху карандашом.

зумеется, что другие [зачеркнуто: ни одно] министерства не пожелали, чтобы их органы в губерниях были поставлены в зависимость от лица, зависящего исключительно от одного лишь министерства.

Следовательно, прежде всего надо поставить во главе губернского управления лицо самостоятельное, не зависящее специально [зачеркнуто: непосредственно] ни от одного из министерств, а назначаемое непосредственно верховною властью, по представлению Совета министров. Я предложил бы даже, чтобы провести более резкую черту между старым и новым строем, изменить самое название губернатора и губернии, а принять для всех губерний русское наименование «Области» и «Областного начальника».

Все нынешние учреждения в губернии должны быть слиты в одну «Областную палату», разделенную на отделения соответственно разным ведомствам и министерствам. Областной совет должен иметь характер совещательный. Но рядом с областною палатою должны быть поставлены земские учреждения, не как что-то особое, враждующее с администрациею, а, напротив того, разделяющее с нею управление губерниею. Мне кажется, что не следовало бы резко разделять хозяйственные интересы местного населения от интересов правительственных [зачеркнуто: государственных]. Земскому собранию можно бы предоставить обсуждение всех вообще дел, касающихся экономических условий края и местных его нужд. [Далее зачеркнуто карандашом: Для того, чтобы не было розни и оппозиции, я полагал бы даже возложить председательство в Собрании на самого областного начальника и включить в число членов собрания некоторое число лиц должностных].

Уездное управление должно бы быть миниатюрным сколком с областного. Уездный *начальник* должен быть поставлен в почетное положение и заменить в некоторых отношениях дворянских предводителей, сделавшихся уже анахронизмом.

Считаю излишним упоминать о несомненной необходимости обратить особенное внимание на устройство местной полиции в городах и уездах. Чтоб иметь хорошую полицию, надобно готовить специально людей, подобно тому, как готовят солдат и офицеров для военного дела. И здесь непременное условие — единство [исправлено карандашом: единственно]: надобно иметь *одну* полицию, а не разные сорты полиций; прямым начальником областной полиции должен быть помощник областного начальника.

Учебная часть

Улучшение и преобразование всей учебной системы у нас — есть вопрос первостепенной важности; от верной постановки этого вопроса наиболее зависит будущее направление нашей молодежи, а, следовательно, и общее нравственное настроение всех слоев населения.

По моему мнению, пересмотр всей нашей учебной системы должен иметь две главные основные цели:

во-первых, расширить, обобщить начальное народное образование;

во-вторых, специализировать и дать более прикладной характер образованию среднему и высшему.

Первая задача — требует прежде всего приготовления массы надежных народных учителей, не зараженных софистическими учениями наших нигилистов и социалистов. По мере приготовления учителей можно увеличивать число начальных школ, городских и сельских, дав им значение непременного, обязательного элемента устройства *общественного*, а не казенного и не сословного. Только при этом условии откроется возможность со временем покрыть всю необъятную поверхность Империи потребным числом народных школ, — чего достигнуть решительно невозможно на счет государства.

Что касается до второй цели, выраженной выше словом «специализация» среднего и высшего образования — то я разумею здесь учреждение сколь можно большего числа училищ, дающих молодежи не общее «гуманитарное» образование, а специальное приготовление к тому или другому роду деятельности в жизни. Чем большая доля [исправлено: ... большее число] молодежи на разных степенях общества будет отвлечена от [зачеркнуто карандашом: отвлеченного курса наших] гимназий и университетов и направлена на пути практические, дающие человеку насущный хлеб, — тем меньшее число отсталых молодых людей будет [зачеркнуто карандашом: в обществе] потеряно для практической жизни, подобно бездомным бродягам, и [зачеркнуто: вместе с] тем успешнее пойдут и общеобразовательные заведения: гимназии и университеты, в которых будет получать полное, законченное образование меньшее число избранных личностей, более даровитых и менее нуждающихся в куске хлеба.

Для большего разъяснения изложенной мысли возьмем в виде примера некоторые специальности.

Прежде и важнее всего организовать систематическое заведение, специально готовящее преподавателей для всех других учебных заведений. Здесь очевидно, то же как и по каждой другой отрасли, необходимо различать три ступени:

Школы для приготовления учителей в народные, начальные школы: назовем эти школы [зачеркнуто карандашом: положим] «учительскими семинариями».

Школы для приготовления учителей в заведения второго и третьего разряда; назовем их «нормальными школами». И одно высшее заведение, на пример «Педагогический институт» — для приготовления учителей с высшим образованием, для высших классов средних заведений. [Зачеркнуто: Учителя] Этот разряд педагогов — будет служить рассадником и для будущих профессоров высших учебных заведений.

Подобным же образом организуется и правильная система технического образования.

Первою степенью должны быть самые простые ремесленные школы, в которые могли бы поступать дети с начальным (народным) образованием.

Вторую степенью — «профессиональные школы», в которых приготовлялись бы к разным отраслям мастера и техники; для приема в эти школы требовалось бы приготовительное общее образование приблизительно того уровня, какой имеют [зачеркнуто: прогимназии или] городские училища.

Третью степенью — «Политехнический институт», для поступления в который требовался бы полный законченный курс среднего учебного заведения.

Само собою разумеется, что в каждой из приведенных трех степеней заведения могли бы подразделяться еще на разные специальности или соединять в одном заведении несколько специальностей.

Кроме вопроса об общей системе организации учебной части, еще весьма важен другой вопрос — о самом характере учебного дела в каждом роде и разряде учебных заведений.

Я уже не говорю о дошедшем до нелепости преобладании древних языков в наших гимназиях, не хочу затрагивать бесконечного спора о классицизме и реализме; но, во всяком случае, не могу заставить себя верить, чтобы полезно было наибольшую *массу* учащихся проводить через гимназии и латинскую грамматику. Пусть же [зачеркнуто: умеренное занятие] эти языки, и то без фанатического преувеличения, будут составлять основу в тех только школах [исправлено: школ], которые доступ-

ны небольшому числу избранных личностей, имеющих возможность идти путем общего, «гуманного» образования, не имеющих надобности в обеспечении себе куска хлеба. Эти личности могут, пожалуй, позволить себе роскошь даже и в школьном учении. Но весьма желательно, чтобы даже из этой среды каждый, желающий сойти с привилегированной дороги, имел бы возможность найти себе другой, более определенный путь к житейским целям.

Одновременно с преобразованием учебных заведений необходимо изготовлять и учебники. У нас каждый учитель, сам едва грамотный, мудрит и хочет учить по-своему. Составление хороших учебников, которых учителя обязаны были бы в точности держаться, дало бы возможность сразу определить направление и дух всего преподавания. Но для подобной задачи нужны люди высоких достоинств, не рутинисты и не идеологи. Надобно [зачеркнуто: вместе с] глубоко вникнуть в степень умственных сил каждого возраста учащихся и по каждому предмету учения сделать строгую выборку того, что действительно развивает [зачеркнуто: дает развитие] ум [исправлено: уму], дает ему правильное и нравственное направление, и выкидывать весь лишний балласт, только обременяющий память и вселяющий отвращение к учению.

Потребность в хороших учебниках в особенности [зачеркнуто: нужны] ощущается: 1) для начальных школ, и 2) по истории и географии для заведений второго и третьего разрядов.

Для начальных школ, в которых все преподавание должно ограничиваться чтением, письмом, четырьмя правилами арифметики и вероучением, необходима просто хрестоматия, т. е. книга для чтения. Книга эта должна быть приноровлена во всем, даже в шрифте, к постепенному умственному развитию ребенка от 7 до 10 лет. Содержание должно быть так подобрано, чтобы ребенок незаметно для самого себя, чтением вслух, [зачеркнуто: знакоми] усваивал себе и грамматическую правильность языка, и некоторые наиболее пригодные даже [зачеркнуто: в крестьянск] для простонародья фактические знания, особенно об [зачеркнуто: из] окружающем внешнем мире и нравственных основах общежития. Изложение должно быть самое простое, понятное для ребенка всякого сословия, но отнюдь без коверкания языка под видом приноровления к языку детскому или простонародному. Книга должна быть наполнена картинками и разными изображениями с целью действовать наглядно на внимание и память учащегося.

Что же касается до учебника истории и географии, то я придаю этим предметам учебного курса большую важность, вопреки общеустановившемуся взгляду педагогов. Впрочем, они и правы, если история и география преподаются так, как доныне преподавались: это просто набор фактических данных, имен и цифр, заучиваемый на память и ничего не говорящий уму и сердцу учащегося. Но я думаю, что есть возможность [исправлено: можно] извлечь большую пользу из этих предметов преподавания, если б только уметь составить учебники с особенными, ясно сознанными целями. Вот в чем заключается моя мысль по этому предмету.

[Зачеркнуто карандашом: В том виде, в каком ныне преподается история во всех учебных заведениях — преподавание это не может иметь другой полезной цели, кроме разве упражнения памяти учащихся: это большею частью набор фактов, собственных имен, анекдотов. Между тем]. Курс истории в средних учебных заведениях мог бы восполнить весьма важный пробел в том объеме познаний, с которыми обыкновенно выходят ученики не только этих заведений, но и других высших заведений и университетов. Пробел этот заключается в совершенном неведении всего того, что составляет жизнь государства, ту гражданскую среду, в которой человеку приходится вращаться с самых молодых лет. Кроме разве юридических факультетов университетов, нигде не преподаются науки государственные или политические, которые [исправлено карандашом: которых], впрочем, и невозможно преподавать в средних учебных заведениях. От этого происходит, что молодые люди большею частью вступают в практическую жизнь, не имея ни малейшего понятия об условиях, на которых живут государства и народы. Они легко увлекаются всякими легкомысленными политическими теориями и мечтами. В жизни гражданской они как дети. Вот это-то неудобство и могло бы быть отстранено хорошим курсом *политической* истории в *старших классах* средних заведений. Историческое изображение судьбы государств, сменявшихся в разные эпохи, причин их возвышения и упадка, условий благосостояния и расстройства народов [исправлено карандашом: народа] — это историческое изображение с выгодою заменило бы теоретические курсы разных политических наук, и наиболее способствовало бы прояснению того хаоса, который обыкновенно замечается в понятиях не только молодежи, но и большинства зрелых людей во всех вопросах, касающихся общественной жизни и государственного строя. Но само собою разумеется, что для достижения высказан-

ной цели нужно создание совершенно нового учебника; а для этого нужна рука талантливая и светлая голова.

По моим понятиям, в среднем учебном заведении, имеющем 7 или 8 классов, нужно пройти два раза полный курс истории: в младших 4 классах — история должна быть изложена в связи с географиею и этнографиею и непременно доведена до новейших времен; в старших классах опять должна быть пройдена вся, но уже в том смысле, как выше объяснено, т. е. в виде действительно *политической* истории.

В этом отношении мне кажется, что у нас вообще учение имеет характер слишком теоретический и отвлеченный; желательно было бы сколько возможно более придать преподаванию характер практический, прикладной; дать «позитивизму» преобладание над «идеализмом». В особенности это важно в специальном, техническом образовании. Наши русские ученики, может быть, имеют [зачеркнуто: выучены] теоретическоѐ [исправлено: теоретически] [зачеркнуто: даже] образование не меньшее, если не большее, чем в Западной Европе; но гораздо слабее во всем, что относится к *практическому применению* [зачеркнуто карандашом: и делу]. От этого н[а] пр[имер] у нас есть ученые агрономы, которых ни один хороший хозяин не берет себе в управители; есть ученые механики, химики, которые оказываются неспособными руководить делом на фабрике или заводе. Эти несчастные люди, потратившие свою молодость на учение, потом не находят себе места, обеспеченного куска хлеба — и многие из них погибают в борьбе с нищетою или бросаются в ряды пропагандистов и революционеров.

Другое замечание относительно распределения учебных курсов. В наших заведениях большею частью по каждому учебному предмету ведется одна общая программа с нижнего до верхнего класса. От этого воспитанник старшего класса уже забыл все то, что проходил в низших классах. Воспитанники, не имеющие сил дойти до конца курса и оставляющие заведение на полупути, выходят с знаниями, ни к чему не пригодными в жизни: они знают склонения грамматические или спряжения — не зная ни одного языка, даже своего родного; знают географию Австрии и Америки, не имея понятия о собственном отечестве и т. д. Недостаток этот устраняется так называемым концентрическим распределением курсов. [Зачеркнуто карандашом: Необходимо]. Учебный курс, продолжающийся сряду 6, 7, 8 лет [зачеркнуто: классов] необходимо расположить так, чтобы воспитанник, покидающий заведение ранее конца всего курса [зачеркнуто: пробыв на пример 2, 3 года и не], выносил

с собою знания, хоть [зачеркнуто карандашом: самые] элементарные, но сколько-нибудь законченные, удобоприменимые к дальнейшему более специальному обучению.

Духовенство

Во всей Европе, не только протестантской, но и католической, духовенство было главным орудием распространения просвещения в массе народа и, в особенности, нравственного его воспитания. У нас же в России, да и вообще в православном населении, духовенство не имело и не имеет такого цивилизующего влияния. Причину такого прискорбного различия следует искать, конечно, не в догматике православного исповедания, а в невежестве большей части нашего духовенства и уничижительном положении, в которое оно поставлено у нас. До сих пор сельский наш священник, в большинстве случаев стоит [зачеркнуто: стоит] [зачеркнуто: не выше] в нравственном своем развитии [зачеркнуто: стоит] не выше простого крестьянина, и даже уступает многим личностям в классе простого народа.

Меры, принимаемые с некоторого времени для улучшения положения нашего духовенства в материальном отношении, конечно, очень полезны; но сомнительно, чтобы финансы государственные дали возможность достигнуть этим путем заметных результатов относительно всего весьма многочисленного сословия духовенства. Притом одно улучшение материального положения его [зачеркнуто: одно] еще не достаточно для достижения цели. Специальные учебные заведения, приготовляющие молодых людей к духовному званию, находятся в безобразном состоянии, в чем сознается и прямое начальство их. Преобразование этих заведений потребует также больших денежных средств, и при всем том, едва ли искоренится тот дух, которым [зачеркнуто: ныне] пропитано воспитание в этих заведениях. Легче создать что-либо совершенно новое, чем преобразовать испорченное.

Если же стать на почву созидания чего-либо нового, на почву непочатую, то естественно является прежде всего вопрос основной: [зачеркнуто: есть ли возможность приготовлять духовного пастыря для народа в учебном заведении] возможно ли готовить к духовному званию с детского возраста? [Зачеркнуто: Логично ли] возможно ли, чтобы юноша, прямо со школьной скамьи, сделался духовным пастырем? Очевидно — нет. Чтобы сделаться действительно духовным пастырем и пользоваться

благотворным влиянием на паству, необходимы два условия: призвание и опыт [зачеркнуто: опытность] жизни. Только в известных летах, испытав себя в жизни, человек может приобрести те качества, которые нужны для того, чтобы внушать к себе уважение и доверие в среде, ожидающей от него доброго совета и руководства.

Следовательно, к [зачеркнуто: избирать] духовному званию должны бы допускаться только люди зрелого возраста, известные своею добропорядочностью и чистою жизнью, получившие нравственное воспитание в каком бы то ни было заведении. Тут не столько важен уровень научного образования, сколько направление нравственное и характер человека. [Зачеркнуто сверху: Для необходимого же специального; зачеркнуто: Специальное же образование можно бы давать в особых учебных заведениях. Молодой]. Человек, решившийся избрать этот путь в жизни, может в короткое время приобрести необходимые специальные знания. Для этого, по моему мнению, следовало бы учредить [зачеркнуто: заведения] курсы двух степеней: одни для специального образования большинства священников, другие — для высшего богословского образования. На первые курсы могли бы поступать люди, не получившие полного гимназического образования; на вторые же — исключительно те, которые кончили гимназический курс. Может быть, полезно те и другие курсы учредить при монастырях, где вся обстановка наиболее [зачеркнуто: соответствует, облегчает] способствует испытанию нравственных качеств и образа жизни учащихся и приучает их к предстоящему им строгому и добропорядочному образу жизни.

Кончивший искус и учение поступал бы на известный срок в причетники или диаконы, и затем посвящался бы в священство. [Зачеркнуто: Брачн., Женитьба может остаться]. Полезно сохранить непременное условие [зачеркнуто: для занятия молодого человека] предварительной женитьбы; но казалось бы совершенно излишним требовать того же от человека, поступающего в духовное звание на склоне жизни. Следовало бы всяческими облегчениями поощрять поступление в духовное звание людей старшего возраста.

Назначение на высшие звания духовной иерархии, кажется, не следовало бы ограничивать условием принадлежности к черному духовенству.

Изложенные предположения, конечно, неосуществимы при настоящем приниженном положении русского духовенства: найдется ли достаточно таких людей, которые по охоте, по призва-

нию пойдут на эту дорогу? Действительно, надобно прежде всего решить вопрос о материальном обеспечении священников и причта; а достигнуть этого не возможно иначе, как установлением правильного сбора с обывателей каждого прихода собственно на содержание церкви и школы. Мне кажется, что расход на церковь и школу должен всецело падать на общину, и пока этот принцип не будет проведен на практике повсеместно, до тех пор не будет у нас ни [зачеркнуто: сельских] народных школ (а, след[овательно], и народного образования), ни удовлетворительного духовенства. Церковь и народная школа должны быть неизбежно в тесной связи: сельский священник есть не только пастырь своего прихода, но он вместе с тем и педагог, руководитель школы. Чрез такое соединение обязанностей, кроме других выгод, облегчается и самое обеспечение материального положения священников. По обеим лежащим на нем обязанностям следует определить содержание в таком размере, чтобы он мог действительно быть обеспечен в средствах существования, даже при многочисленной семье; он должен иметь приличную обстановку и иметь надобности в подмоге со стороны прихожан или платы за церковные требы. Будущность его и семьи должна быть обеспечена установлением особой эмеритуры.

Конечно, [зачеркнуто: все] это новое бремя для народа, [зачеркнуто: но] быть может, даже не по силам его в настоящее время; но в том-то и дело, что народ обременен налогами [зачеркнуто: на такие] для удовлетворения потребностей государственных [зачеркнуто: весьма для него], совершенно ему неведомых, [зачеркнуто: а не] тогда как ничего ему не остается на удовлетворение непосредственно до него касающихся насущных нужд, к числу которых, конечно, следует причислить и школу и церковь. Очевидно, что весь вопрос заключается в уменьшении прямых податей и вообще в преобразовании финансовой и экономической системы. Это краеугольный камень всех необходимых в будущем реформ.

Позднейшая заметка 1904 г.

Высказанная выше, 25 лет тому назад, мысль о предоставлении духовенству начального обучения и нравственного воспитания народа обусловливается, конечно, предполагаемым коренным переворотом в составе, быте, образовании и воспитании самого духовенства. Но, к сожалению, предположение это грешит крайнею идеализацией. Кроме весьма малой вероятно-

сти желаемого изменения в близком будущем, означенное предположение обусловливается еще менее осуществимым поворотом в воззрениях нашего высшего духовенства, в духе самой Церкви православной. Возможно ли, чтобы когда-либо преобладающий в ней формализм уступил место этической сущности учения Христова.

Затем еще одна оговорка: в изложенной мысле обойдено весьма важное затруднение — смешение в составе населения различных вероисповеданий и примесь значительная сектантов.

Приложение II

ПЕРЕПИСКА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К ПЕРЕГОВОРАМ ОТНОСИТЕЛЬНО СОЮЗА ГЕРМАНИИ С АВСТРИЕЙ: [Из книги: Bismark: Some secret pages of his history, by D-r Morits Busch. Vol. III. London, 1898. С. 257–289][1]

Андраши пишет *Бисмарку* (изящный почерк латинскими буквами):

«Шенбрунн *1-е сентября 1879 г.*

Многоуважаемый князь, перед выездом из Гаштейна я сообщил in nuce[2] по телеграфу моему Государю, который из Праги прямо проехал в Брюк, направление и достигнутые доселе результаты наших совещаний. В особенности я выдвинул вперед факт, что ввиду военных приготовлений и угрожающих речей, которые мы поочередно слышали как в Германии, так и в Вене, нам предлежал вопрос об оборонительном соглашении, нечто в роде страховой гарантии между нашими двумя государями в том смысле, что всякое нападение на которое-либо из двух государств должно быть отражено соединенными силами обоих, а также что casus foederis[3] должен быть усмотрен и в том случае, если бы последовало нападение со стороны третьей державы при содействии России. Затем я подчеркнул то обстоятельство, что хотя я сам сильно склоняюсь к этой комбинации, но я ничем не обязал еще Его Величество. Вследствии этого, по моем приезде

---

[1] Милютин Д.А. Дневник 1879 г. // Ф. 169. Карт. 3. Д. 3. Л. I, III, 123–160. См. также коммент. 78 в настоящем издании. (*Прим. публ.*).

[2] Кратко, сжато (*лат.*).

[3] Казус федерис (*лат.*), т. е. исполнение обязательств в рамках союзнического договора об оказании взаимной помощи. (*Прим. публ.*).

сюда, я получил телеграмму из Праги, в которой Император изъявляют одобрение хода и результатов нашего свидания "с полнейшим убеждением" и приглашает меня переговорить в лагерь под Брюком. Вчера я был в Брюке и имел возможность сделать подробный доклад по сему вопросу. Я нашел Государя Императора столь убежденным в пользе и более того — необходимости подобного соглашения, что было бы излишне прибегать к дальнейшим доказательствам. Его Величество не только не видит в этом никакого отступления от твердого намерения поддержать мир между тремя империями, а, напротив, усматривает в этом единственный в данный момент способ удалить дамоклов меч, постоянно висящий над нашими отношениями, и обеспечить мир к выгоде обеих держав и, можно прибавить — к благу и «третьей». Само собой разумеется, что мой Государь всегда будет рад видеть Вас здесь, а в данном случае — в особенности. Между тем я уполномочен, лишь только Вы меня уведомите, что имеете в принципе одобрение императора Вильгельма, принять от Вас проект текста и самому составить таковой со своей стороны. Я остаюсь в должности до совершения дела; мой заместитель вступит в отправление своих обязанностей лишь после заключения соглашения. Впрочем, я посвятил его в вопрос, и он вполне сочувствует ему. Доселе что касается Его Величества.

Дальнейшее предназначается мною лично для Вас и совершенно доверительно. Я не переставал обдумывать вопрос со всех сторон и точек зрения, и мои убеждения еще больше окрепли. Если уж тотчас после войны, за которую нынче никто в России не берет на себя ответственность, которая ослабила эту державу как в финансовом, так и в военном отношении, и в такое время, когда нигилистическое движение временно подавлено и ничто не заставляет русское правительство искать диверсии вне, если — повторяю — в такое время Германии угрожают Францией, а нам — усилением военных сил, и это — в связи с такими вопросами, как Меркович или о почтовых чиновниках в Румелии — чего же надо нам ожидать, когда затянутся раны, нанесенные войной, а внутренние затруднения снова дадут о себе знать, и заграничная диверсия явится снова единственным исходом?

Должен признаться, я не могу быть спокоен духом, пока я не увижу потушенным факел, которым полусознательно император Александр размахивает над пороховым бочонком Европы, и пока я знаю, что мир Европы покоится в руках таких господ, как Милютин, Жомини и, несомненно, в ближайшем будущем Игнатьева. Я полагаю, что в наше время каждой державе (может быть, нам менее еще, чем

другим) довольно дела, чтобы оградить свой авторитет от сюбверсивных элементов у себя дома. Но как же мы достигнем этого, если правительства постоянно вынуждены посвящать половину сил и внимания не внутренним, а внешним опасностям и ждать их не снизу, а сверху? Я не сомневаюсь в личной благонамеренности императора Александра. Я убежден, что он не желает войны в настоящее время, но как министр соседней державы я не могу забыть, что он также не желал и той войны, которая только что окончилась, и что от начала до конца ее он тщетно добивался осилить движение, начавшееся в ближайшем его entourage. Я считаю, что и вся Европа заинтересована в неотложных мероприятиях к ограждению себя от этой опасности, и, как не затруднительна для меня отсрочка в оставлении моей должности, о чем уже всем известно, но тем не менее для меня будет громадным удовлетворением в качестве верного слуги моего Государя и моего Отечества присоединиться к Вам, многоуважаемый Князь, для подписания гарантии будущности обоих наших государств. Однажды уже Австрия сделала ошибку и отклонила предложения Германии, которые обеспечили бы наши обоюдные интересы. Я счастлив, что могу заверить, что на этот раз ошибка сделана не будет.

С искренним расположением и совершенным почтением и пр. Андраши».

На это письмо *Бисмарк* ответил *3 сентября*:

«Многоуважаемый граф,

Вчера получил я Ваше письмо от 1-го сентября, что доставило мне большое удовольствие. Спешу ответить предварительно (provisional). Прежде всего прошу выразить Его Величеству Государю Императору мою глубочайшую признательность за благосклонное согласие на мой приезд в Вену. Я счастлив видеть из Вашего письма, что Его Величество (мой Государь) уже вдел одну ногу в стремя, и не сомневаюсь, что нашими соединенными усилиями мы не замедлим крепко посадить его в седло. К несчастью, по природе вещей, географически и политически, моя задача не так скоро выполнима, как была Ваша. Личный доклад имеет не только то преимущество, что сберегает время, он еще ограничивает ответ только теми вопросами, которые делаются с высочайшей стороны. Мне же в письменном докладе придется обезопасить себя и предусмотреть могущие возникнуть возражения и недоразумения. Таким образом, мне пришлось продиктовать моему сыну (и с Вашего благосклонного разрешения он же пишет и это письмо) шестьдесят страниц, которые мне пришлось еще дополнить по телеграфу и т. п. И все-таки мне не удалось, несмотря на все мои труды, вполне устранить опасения, не скрываются ли за

нашим миролюбивым планом какие-нибудь тайные, воинственные виды. Такая мысль неудобоприятна в 82 года, но я все-таки надеюсь вполне рассеять ее, хотя бы и пришлось написать еще объемистый постскриптум к моим шестидесяти страницам. Нерасположение к быстрому восприятию всякого нового положения есть черта характера моего Государя и суживает рамки моей деятельности. Недавно усвоенная императором Александром манера (attitude) впервые, как молния, осветила в глазах Его Величества положение, на которое я ему не раз указывал в последние годы. Его Величеству будет необыкновенно трудно видеть себя вынужденным сделать выбор между двумя соседними державам, и сколько возможно он будет отдалять от себя мысль, что момент выбора уже наступил. В нашем Королевском Доме привычка имеет огромную силу, и инстинкт настойчивости увеличивается с годами и не хочет признавать несомненные перемены во внешнем мире. Кроме того, император Александр (по собственному ли почину, под влиянием ли других) нынче пытается ставить на задний план Юпитера Громовержца быстрыми переходами к солнечному освещению.

В этих видах за последними угрожающими заявлениями последовало через неделю времени дружеское приглашение прислать в Варшаву прусского офицера. Оно было принято моим Государем, который, без моего предварительного о том ведома, ответил по военному ведомству, что командирует фельдмаршала Мантейфеля со свитой. Барон Мантейфель встретил в Варшаве большую предупредительность, в искренность и устойчивость которой я не могу верить после всего, что было. Я до сих пор не знаю, кем предложено свидание, которое имеет состояться сегодня в Александрове, или мы, или с русской стороны? Возражения, последовавшие от нас против выбора места свидания на русской почве, были устранены соображениями о затруднительности принять с одинаковой быстротой и успешностью по сю сторону границы достаточныя меры к ограждению личной безопасности императора Александра. Сколько мне известно, свидание происходит сегодня, и нашего Императора сопровождает только один адъютант. Согласно рапорту Бюлова, оно внушено нашему Государю главным образом желанием получить от императора Александра разъяснения его угрожающего тона (attitude). Прежде чем это не окончится, я не могу рассчитывать на ответ на мой доклад, который был в руках Императора только 2-го и на который я доселе получил только по телеграфу уведомление через Бюлова. Но из депеши Бюлова явствует, что Император одобряет предложение мое

возобновить с Вами совещания в Вене, о чем я ему уже докладывал (прежде он противился даже тому, чтобы Бисмарк ехал домой через Вену), под условием, чтобы никакое соглашение не состоялось без Его одобрения. Это, впрочем, само собой разумеется, и Вы не посетуете, если моему Государю потребуется значительное количество времени в силу его лет, привычек и новизны точки зрения, чтобы прийти к окончательному решению. Есть еще одно обстоятельство, но благоприятное нашим планам, это то, что было спрошено мнение Е. И. В. Наследника (Кронпринца) и потому несомненно произошел обмен мыслей между высочайшими особами. Опыт не малого числа лет знакомства с характером моего Государя, не дозволял мне надеяться, чтобы, ознакомившись со столь многозначащим и новым определением положения вещей, он мог в течение следующих 24-х часов согласиться на что-либо большое, как на продолжение наших совещаний. Так как я не буду бездействовать, то я надеюсь до отъезда моего из Гаштейна получить более обширные полномочия.

Подобно Вам, я с каждым днем размышления утверждаюсь в пользе и своевременности предпринятой нами задачи (tâche) и я надеюсь, Господь Бог дарует нам успех в обеспечении нашим двум великим державам внутреннего и внешнего мира, к чему и стремятся все наши усилия...[1]

...После Вашего отъезда я чуть было не соблазнился планами поехать в Берлин, чтобы лично и устно защитить наш проект, но состояние здоровья и сил не дозволило мне подвергнуть их такому испытанию. Кроме того, опыт научил меня, что я если не скорее, то вернее достигаю цели, если разъясняю важные и трудные вопросы Императору письменно, чем в словесных дебатах, так как затруднения, случалось, возникали по обстоятельствам, с самим дебатируемым вопросом ничего общего не имеющим. Надеюсь окончить мое лечение 15-го или 16-го и быть снова на высоте требований, которые предъявляет мне зима. Надеясь вскоре свидеться, с дружеским и сердечным уважением.

Преданный Бисмарк».

17-е сентября Штольберг пишет Бисмарку из Берлина:

«В дополнение к моему официальному донесению от сегодняшнего числа считаю долгом почтительнейше доложить Вашей Светлости следующее: когда Государь Император почти уже решил дать свое одобрение, он внезапно смутился и сказал, что есть еще одно препятствие, о котором он не упомянул в своем последнем письме

[1] Многоточие в подлиннике. (*Прим. публ.*).

к Вам и которое обязывает его придавать особое значение исключению всякой возможности тому, чтобы мы были поставлены в необходимость поддержать Австрию в ее наступательной против России войне. После некоторого колебания Государь взял с меня честное слово, что кроме Вашей Светлости я никому о том ничего не скажу, и тогда сослался на соглашение, состоявшееся между двумя императорами в С.-Петербурге в 1873 г. (с Вашего предварительного ведома, но без Вашей скрепы), в силу которого каждый из них обязывался в известных обстоятельствах прийти другому на помощь. Это, очевидно, и есть главный камень преткновения, и обусловливает понятие об «Измене» императору Александру, на которое ссылался г. Бюлов в своем донесении из Штетина. Хотя сообщение это слишком неполно, смутно (vague), чтобы я был в состоянии при моем неведении, в чем собственно было дело, судить о весе Высочайшего возражения (objection), я тем не менее считаю своим долгом, ввиду приближения момента решения, и основываясь на сказанном Императором, что если бы вышесказанная возможность была исключена, он не возражал бы более предложить это прибавление (addition).

Хотя возражения и пали бы в таком случае, Его Величество, тем не менее, желает знать, что думает об этом Ваша Светлость, и поручил мне доложить Вам об этом желании. Когда Император дал, наконец, свою санкцию, он очень волновался и сказал мне, что решение это стоит ему больших усилий над собой. Е. В. думает, однако же, что он должен следовать указаниям такого опытного советника, как Ваша Светлость.

С глубочайшим почтением честь имею быть ...».

Предложенное Штольбергом прибавление было изложено в следующей форме:

«Согласие императора Вильгельма на подписание договора с Австрией могло бы последовать под условием, что Император напишет императору Александру: "Его Величество изъявляет свое полное удовольствие по поводу уверений Сабурова в Берлине в миролюбивом настроении России и, в доказательство искренности (loyauté) и верности со своей стороны, доводит до сведения, что он *собирался* (подчеркнуто карандашом Бисмарком) заключить договор с Австрией, в котором устанавливалось тщательное соблюдение добрых отношений, и обоюдная помощь обещались только в случае нападения"».

Письмо Императора к Бисмарку, на которое ссылается Штольберг в вышеприведенном донесении, помечено *15-м сентября* в Штетине и содержит следующее: «Когда я уже окончил мое по-

следнее письмо в Вам, которое Вы получите сегодня, фельдмаршал Мантейфель доставил мне Вашу телеграмму от 7-го, которым я очень доволен, так как усматриваю из него возможность прийти с Вами к соглашению. К счастью, то же подтверждается и Вашим четвертым донесением, полученным мною сегодня. Но важный пункт вспомнился мне в связи с переговорами, которые Вы будете вести в Вене. Это — Конвенция 1873 года в С.-Петербурге, которая была подписана двумя фельдмаршалами — Мольтке и Барятинским[1] и скреплена императором Александром и мной, потому что Вы уклонились от подписи. Это подтверждается (возражение?) [не разборчиво][2], которое Вы тогда же, и часто приводили против связывающих договоров в случаях, когда нет положительной цели в виду, и почему я так неохотно сделал это тогда в Петербурге. Как можете Вы теперь желать новой Конвенции, не отказавшись сперва от заключенной в Петербурге. Обе — оборонительного характера. Петербургская — обязывает Пруссию и Россию поддержать (prêter assistance) друг друга в случае нападения на одну из двух. Конвенция, которая имеется теперь в виду, должна заключать то же обязательство, но против России. Как согласить это? Мне и кажется потому, что идея Бюлова (?) исключить слово «против России» даст нам возможность втянуть и Россию в новую конвенцию и таким образом выполнить и Петербургскую[3]. Так как я не полагаю, чтобы Бюлов Младший был посвящен в секретную конвенцию Петербургскую, я не мог с ним говорить об этом, тем более что из его молчания об этом предмете при изложении своих взглядов я мог заключить об его неведении.

Вильгельм».

К вышеизложенному письму сделана приписка, не имеющая особой важности: «смотр войск, инспекторский смотр флота, патриотические встречи и пр.».

Бисмарк к Андраши из Гаштейна *20-е сентября*:

«Многоуважаемый граф.

В продолжение моего почтительного сообщения от 3-го сего месяца имею честь дополнить сим начатый мною тогда ответ на любезнейшее письмо Вашего Превосходительства от 1-го сего месяца. Согласно нашим совещаниям здесь я послал несколько подробных докладов Императору, моему Милостивому Государю. Единство моих, известных Вашему Превосходительству, и моих

---

[1] Замечание Сабурова: «Берг».

[2] Так в тексте подлинника. (*Прим. публ.*).

[3] «Что и было сделано».

сотрудников и представителей, взглядов дало возможность побороть затруднения, созидаемые расстоянием и противоположными влияниями из иных сфер, настолько, что ныне я могу утверждать, что принципиально Император соглашается с воззрениями, коими я руководился намедни в наших совещаниях. Согласно официального донесения моего заместителя, графа Штольберга-Вернигероде, Государь Император готов утвердить соглашение, в силу которого обе державы совокупно стремились бы к поддержанию мира и в особенности к укреплению миролюбивых отношений между названными двумя государствами и Россией, но в случае, если на одну из них будет произведено нападение со стороны одной или более держав, обязались бы всеми своими соединенными силами отразить нападение[1]. Согласно сему я уполномочен моим милостивым Государем предложить безусловно оборонительный союз между Австро-Венгрией и Германской империей, безразлично срочный или бессрочный. Почтительнейше прошу Ваше Превосходительство вступить со мной в словесное обсуждение сего предложения. Результаты наших переговоров будут мною доложены моему милостивому Государю на его усмотрение.

Я не сомневаюсь в достижении его утверждения, если Ваше Превосходительство найдет возможным от имени императора Франца Иосифа согласиться на изложенный выше текст в тех самых простых и общих выражениях, в коих он нам предлагается.

Во всяком случае, я сочту себя счастливым, если наши совещания будут иметь сей или иной результат, направленный к обеспечению интересов обеих держав и европейского мира.

С дружеским и сердечным уважением etc. etc., преданнейший Bismarck».

Письмо *императора Вильгельма Бисмарку* из Баден-Бадена:

«2-го октября 1879 г.

Мне очень грустно усмотреть из Вашего письма от прошлого 24-го, а равно из меморандума, к нему приложенного, из протоколов Ваших переговоров в Вене и из чернового проекта договора, из них вытекающего, что мои взгляды относительно последнего вовсе не были приняты. Так эти мои взгляды были выражены так ясно, как я только умел, в моих письмах от 10 и 12 прошлого месяца, Вы сами видите, как далеки они от достигнутых результатов, и мне нет надобности их повторять. Несмотря на это, я возвращаю Вам Ваше письмо от 24-го с моими отметками на полях (которые, к сожалению, написаны только карандашом) о вынесенных мною

[1] Замечание Сабурова: «la pièce № 2».

впечатлениях. Германия и Австрия преследуют одинаковые цели: безопасность от невызванных нападений от внешних врагов. Но благодаря тому, что Россия упомянута как означенный враг, я не могу согласиться с настоящим предложением, ни заключить немедленно договор. После того, что я дружески снова протянул руку императору Александру (в Александрове), я теперь должен заключить союз против него, хотя и оборонительного характера, при чем он один и предполагается нападающим, и это свое намерение я должен сохранить от него в тайне. Я не могу быть виновным в таком нечестном поступке. Для ослабления этих возражений делается ссылка на то, что le cas échéant[1], можно будет уведомить Россию о существовании такого союза, если бы указания на войну против нас стали очевидны. Это неопределенное выражение настолько эластично, что или уведомление опоздает, или же раздражит еще больше. Далее встречается аргумент, что в состоянии брожения, в котором находятся внутренние дела, извещение ее о таком союзе даст ей равновесие и самообладание, необходимые для одоления этого брожения. Но ясно, что для достижения такого действия необходимо официальное извещение ее о таком благом намерении нашем. А между тем невозможно же сообщить, что на Россию смотрят как на единственного врага. А потому, дабы договор мог быть сообщен России, ссылка на нее должна быть вовсе исключена, и враг обозначен в общих выражениях, между тем как благое намерение его должно быть указано как самая цель заключения его. Вот что я желаю. Я против немедленной ратификации договора, так как в настоящее время решительно нет ничего такого, что могло бы вести к войне с Германией и Австрией, и не надо забывать, что связываю договор всегда оказываются обоюдоострыми орудиями. Австрия спешит немедленным заключением договора на том основании, будто благоприятное нынешнее положение Франции может сделать ее небезопасным, а тесная ее дружба с Англией охладится...[2] Я не постигаю, как можно строить такие отдаленные (дальнобойные) политические комбинации на таких случайностях, как на личности министра Французской республики, кабинет которого не сегодня — завтра свалится. Дружба Англо-Австрии должна быть, однако же, очень валка (непрочна), если она зависит от дня (date), которым помечен договор! Ввиду уважения, которое Австрия показывает к обидчивости Франции и ее страхов, что Англия охладеет, в конце концов, окажется, пожалуй,

[1] В случае необходимости (*фр.*).

[2] Многоточие в тексте подлинника. (*Прим. публ.*).

что, может быть, *Милютин и не совсем неправ относительно возможности Тройственного союза*. Затем есть одно обстоятельство, ныне возникшее, которое может вывести меня из дилеммы, в коей я нахожусь между моей совестью и честным словом по отношении к России, и теми выражениями, которые возникли со стороны Австрии на мои воззрения. В ответ на мой вопрос по телеграфу Вы сообщили мне тоже телеграммой, что сказал Вам Сабуров, руководствуясь инструкциями Императора.

Ваш вывод из этих сообщений, что Россия уже пронюхала (a en vent) о наших австрийских переговорах (что очень естественно), и Вы не прочь заключить из оборонительного положения, которое, согласно утверждению Сабурова, Россия впредь намерена держаться, что это утверждение есть следствие сведений, полученных о наших переговорах[1]. В таком случае могла бы явиться возможность безотлагательно дать ход моим предположениям, изложенным на 3-й стр. относительно сообщения нашего предполагаемого соглашения с Австрией и дать договору общий характер, не только исключением из него упоминания о России, но прямо приглашая ее вступить самой в наш договор. Сами же Вы сказали Сабурову, будто Вы стоите за союз Трех императоров; и та же мысль проходит в меморандуме, в протоколах и в договоре. Что же могло быть проще, как подтвердить настоящим письменным договором союз Трех императоров, который доселе был только словесным, и самое большее имеет письменное основание в соглашениях между Петербургом — Веной? Далее Вы сами сказали Сабурову, что Вы не считали бы возможным содействовать политике предосудительной безопасности Австрии. Вполне справедливо, а равно важно, чтобы Россия, таким образом, получила официальное подтверждение того, о чем она уже проведала негласно. Так как наш посол в С.-Петербурге уже, конечно, известил министра Гирса о Вашем свидании с Сабуровым, я бы хотел теперь запросить, достоверно ли что оборонительная политика, которую впредь, по его утверждению, Россия будет вести, будет основана на Берлинском договоре, или же это обозначает оборонительную политику против Германии и Австрии. Если получится удовлетворительный ответ, и он будет

---

[1] Заметки Сабурова: «J'ai dit au contraire à Radowits qu'ayant lu en route dans les journaux l'annonce d'un traité d'alliance contre nous, je me proposais de repartir sans avoir vu le Prince Bismarck. On m'a retenu presque de force en m'assurant que ces bruits etaient faux». [«Я, напротив, сказал Радовицу, что, прочитав по дороге в газетах объявление о союзном договоре против России, я намереваюсь уехать обратно, не побывав у князя Бисмарка. Он удержал меня почти силой, уверяя меня, что эти слухи лживы». (*фр.*)]

сообщен Австрии, то, мне кажется, не останется никаких препятствий к тому, чтобы мы и Австрия познакомили императора Александра вышесказанным (стр. 3) способом с проектируемым договором и пригласили его присоединиться к нам.

Это потребует, конечно, изменения пар. 1-го, пар. 2-й упразднится совершенно; пар. 4-й надо будет заново проредактировать соответственно моим отметкам на полях, если окажется более удобным, чтоб текст проекта непосредственно был сообщен России как документ, пока касающийся еще только Австрии и Германии. Я нахожу необходимым исключить пар. 2, потому что он направлен исключительно против России; тем более, что в Вашем письме от 24-го прошлого месяца Вы определенно разъясняете, что, в случае нападения Франции на Германию, Австрия не обязывается поддержкой последней, а лишь соблюдением благожелательного нейтралитета. Между тем последняя случайность, несомненно, более правдоподобна, чем нападения со стороны России, по крайней мере, так было доселе, потому что у первой желание revanche только задремало, но не угасло, и снова проявится при первом благоприятном обстоятельстве. Что касается нашего, Германии, положения в случае войны с Францией, то я не согласен с фельдмаршалом Мольтке и не могу принять его взгляд, будто наши силы достаточны, чтобы вести ее без союзников. В таком случае мы бы очутились перед армией совершенно иной, чем в 1870 г.: сделанные ею успехи неопровержимы. Далее надо принять в соображение почти герметически закрытую французскую границу от Швейцарии вплоть до Бельгии, беспрерывную линию крепостей и укреплений, которая, если мы и пробьемся сквозь нее, сделает невозможной доставку впредь подкреплений и ужасно затруднит стратегические движения наших войск. По мнению маршала Мольтке, нам придется сражаться именно на этом ограниченном пространстве. Если мы победим, мы не будем иметь возможности преследовать неприятеля, как в 1870 г., остановленные этим поясом укреплений, вместо того, чтобы преследовать неприятеля, нам их придется осаждать немедленно. Месяцы пройдут, прежде чем мы овладеем некоторыми из них, а побежденная армия тем временем будет иметь полную возможность оправиться за этой линией и снова встретить нас в порядке, когда мы прорвемся, рискуя не сохранить наших свободных сообщений с нашей базой.

Если же Германская армия была бы побита в первом сражении, то левый берег Рейна неизбежно будет потерян для нас, и мы должны перейти через реку.

И по этой-то причине Австрия не должна оставаться нейтральной в такой войне, а, напротив, должна договорами быть обязана всеми силами своими поддержать нас, равно как договор обязывает нас относительно ее, *когда* дело коснется России».

Продолжение этого *высочайшего письма канцлеру* из Бадена. *Октября 3-го*:

«Я не успел вчера окончить прилагаемого к Вам письма, как я получил Вашу длинную телеграмму, так что я могу еще дополнить кое-что на этих $^{3}/_{4}$ страницы.

Моя точка зрения, изложенная в этом письме, нисколько не страдает от моей решимости "условно" одобрить венские предложения. Но я снова спрашиваю Вас, что должны мы ответить, если касательно записки, которую мы ему сообщим, император Александр скажет: "Что же Вы намерены предпринять в связи с этой запиской? По всей вероятности, Вы пришли к соглашению? Пока я этот документ не видел, я не могу ничего решить: покажите мне сперва соглашение". А так как это соглашение в настоящей его форме России показать нельзя, мы должны будем отказать в сообщении его. Какое впечатление наш отказ произведет на императора Александра? Конечно, самое худшее. Текст пар. 2-го, по моему мнению, столь странно изложен, что в настоящих строках я резюмирую все содержание приложенного письма и предлагаю: вычеркнуть совсем нейтральность Австрии в случае нападения на нас Франции, и привлечь Австрию к тому же обязательству поддержать нас всеми своими силами, к какому мы обязываемся пунктом 1-м относительно Австрии в случае нападения России. Иначе условия не уравновешены.

Еще раз с силой внушите это Андраши.

Вильгельм».

Письмо *Андраши к Бисмарку* от *3 октября 1879 г.*:

«Я получил Ваше почтеннейшее письмо от 29 сентября и прошу принять горячую за него признательность. С тех пор я получил через князя Рейсса некоторые сообщения относительно положения переговоров. Прилагаю их при сем в той форме, в которой сам князь Рейсса написал их. Считаю вполне возможным выразить мое согласие с намерениями, в этих предложениях изложенными, но имею, однако же, некоторые недоумения относительно двух пунктов. Первое — что говорится о "договорах", второе — что заключение договора как будто предстоит "*в будущем*". Относительно первого я имею возразить, что если намерения заключить договор определенно будет высказано в письме императора Вильгельма, то, несомненно, вслед за тем из Петер-

бурга потребуют его текст, и это даст повод России, прежде чем мы пришли к соглашению между собой, начать переговоры à trois, от каковых переговоров я не предвижу никаких удовлетворительных результатов ни для кого. По этой причине я беру смелость предложить контрпроект, или вернее сказать, параллельное предложение, принять которого, кажется мне, будет выгодно для обоих сторон.

Это было бы: Его Величество Император Вильгельм, *после того как он признает (sanction) подписание договора, может сообщить полное содержание* (все это подчеркнуто карандашом Бисмарком) Меморандума, нами составленного и подписанного, что, само собой, предполагает соглашение, со своей стороны присовокупляя объяснение, что соглашение содержит в себе молчаливое признание обеих держав, что нападение на одну из них будет равносильно нападению на обеих, и в этом смысле принимается Его Величеством. Его Величество, довольное уверениями Сабурова относительно миролюбия России, делает это сообщение в доказательство своей верности и откровенности. Его Величество мог бы еще присовокупить, что это соглашение чисто оборонительного характера и что ничто не препятствует России устранить всякое враждебное веяние, самой примкнув к принципам, изложенным в Меморандуме (знак карандашом сделан Бисмарком на полях). Таким способом цель императора Вильгельма будет вполне достигнута, а именно: значение нашего соглашения доведено до сведения, а с другой стороны, не будет упомянуто о существовании определенного соглашения, и, таким образом, будет избегнута и необходимость сообщать его.

Сообщение самого текста, между прочим, имело бы и то неудобство, что, во-первых, немыслимо присоединение к нему России, во-вторых, что все, что касается Франции и Италии, было бы почти немедленно известно в этих странах, и могло бы в настоящее время дать повод к совершенно излишним комбинациям; и, в-третьих, все дело может проникнуть в Парламент и повести к нежелательным обсуждениям. Эти соображения обосновывают мое предложение. Если Вам не удается провести его в надлежащих сферах, я соглашусь на всякий другой способ, не исключая и того, который предложен Штольбергом, так как мой Государь перед своим отъездом сказал мне, что он не станет делать *условия sine qua non*[1] из сохранения договора в тайне тогда, когда он *будет подписан*.

---

[1] Обязательное условие (*лат.*).

Но, с другой стороны, не может быть и речи о сообщении кому бы то ни было содержания договора *прежде*, чем последует или будет обещано от императора Вильгельма согласие на его подписание (Бисмарк карандашом прибавляет: "Совершенно верно"). Не предугадывая окончательного решения моего Государя относительно этого пункта, со своей стороны скажу, что *предпочел бы совершенно отказаться от заключения соглашения*, и, во всяком случае, я был бы вынужден уклониться от принятия лично участия в переговорах на таких основаниях. Прошу прощения дорогой князь, что выражаюсь несколько резко, укорочено (abrupt), но ввиду спешности дела я желал бы сегодня же доставить письмо князю Рейссу. Прошу передать мое почтение княгине и остаюсь с неизменным и сердечным уважением. Ваш наипреданнейший

Андраши».

Кронпринц пишет *Бисмарку* (совершено доверительно) из Баден-Бадена. *4-е октября 1879 г.*:

«Граф Штольберг в донесении, которое Вы получите ранее этих строк, известил Вас о ходе дела касательно подписания проекта договора Императором. Потому ничего не скажу больше об этом захватывающем критическом моменте, последствия которого, предвижу, будут иметь самое обширное значение для положения Германии. Однако же я должен отметить, что Его Величество очень удручен и все повторяет, что он обесчестил себя этим решением и изменил своему другу — царю. Так что ясно видно, как страшно трудно далось ему это решение, благодаря его совестливости. Проект (черновое), помеченный Варзин октября 30-го словесного ответа императору Александру на случай какого-либо вопроса от него впоследствии[1]: Возникшее под влиянием императора Александра учреждение, сохранившее мир Европы в течение полувека, должно было быть принесено в 1866 году в жертву неодолимой необходимости. Германская конфедерация была тяжелым бременем для Пруссии, не удовлетворяя между тем вожделений других немцев. Обусловленное этим недовольство было использовано революционерами для терроризации каждого немецкого властителя. Надо было лишить их этого орудия и дать удовлетворение национальному чувству. Это было сделано, но в ущерб гарантий, которые давала слабейшим своим членам Конфедерация.

---

[1] Заметка Сабурова: «C'est ce qu'il m'a developpé». [«Именно это он мне излагал» (*фр.*)].

Необходимость заполнить брешь, оставленную отпадением Австрии и имевшую протяжение от Карпатов и до Констанцкого озера, была признана даже в "Церкви св. Павла". Позднее, после войны 1866 г., были сделаны повторительные попытки связать снова Австрию с прочими государствами Германской конфедерации, бывшими ранее в единении с ней, дабы воспрепятствовать ее союзу с Францией против них. Эта цель ныне достигнута без того, чтобы мы были обязаны защищать Триент, Триест или Боснию против итальянцев или турок или южных славян. Наше соглашение с Австрией не более содержит подобия угрозы нашим соседям, сколько заключается в возведении укрепления на границе, что никогда не рассматривалось в этом смысле, и конечно имеет менее действительного значения угрозы, чем постройка стратегической железной дороги на пример. Скорее оно имеет характер обоюдного страхового общества, в которое может вступить всякий, имеющий одинаковые интересы».

Письма императора Вильгельма I к князю Бисмарку, заключающие в себе отчет о свидании с императором Александром II в Александрове 23 августа / 4 сентября 1879 г.

Отчет императора Вильгельма Бисмарку свидания своего в Александрове (с копии, снятой для Кронпринца):

Сентября 5-го. «Император Александр начал разговор с объяснения своего письма ко мне. Никому оно неизвестно (пометка Бисмарка: "Горчаков его поправляет").

1. Он никому его не показывал *прежде*, чем послал его, а *потом* словесно сообщал, но кому не назвал. Если, следовательно, я нашел в этом письме что-либо для меня обидное, как он усмотрел из моего ответа, то ответственность (вина) падает на него одного, и он признал возможным, что я не понял его.

2. Он *очень жалеет* об этом, и раз оно имело такое серьезное последствие, что принесло мне личное оскорбление, то он бы желал, чтобы я считал его как бы не написанным. Ничто не было дальше от его намерений, как мне угрожать. Он только желал привлечь мое внимание на тот факт, совершенно верный, что если пресса обоих государств будет продолжать оскорблять друг друга, то со временем это разовьет вражду между двумя государствами, и вся цель его была избежать этого.

3. Он утверждает, что европейский мир возможен в будущем, как это было в прошлом, только поелику сохраняются добрые отношения между Пруссией и Россией во всех обстоятельствах.

3а. Голоса, поданные на европейской Конференции по восточным делам моими делегатами, большей частью против России, обнаружили враждебное настроение (attitude) Германии относительно России и возбудили сильное негодование в этой стране и вызвали резкие толкования в прессе.

4. В Конференциях Россия преследовала ту же исключительную цель, которую она имела в виду и во время войны — улучшить и обеспечить судьбу христианских народностей, но отнюдь не имела целью завоевания. Если ныне оказываются противодействия в установлении пограничной линии, и все более и более христиан возвращают под власть Турции, стало быть, делегаты должны были получить соответствующие инструкции.

5. Германские голосования уже и в Турции произвели дурное впечатление, ибо обнаружение такого несогласия между Германией и Россией сделало турок упорнее и затянуло дело до бесконечности.

6. Князь Бисмарк, которого доселе он знал только сторонником русско-прусской дружбы, видимо, не может забыть глупого (stupide) циркуляра князя Горчакова 1875 г. Он сильно противился посылке этого циркуляра и указывал Горчакову на возможность дурных последствий (его тщеславия), ибо, если требовалось что-либо сгладить, то, конечно, достигалось это не этим путем. Но Горчаков настоял на своем. Злоба Бисмарка и злопамятство его, начавшиеся с раздражения на Горчакова, по-видимому, перешли на Россию, и это и есть то обстоятельство, на которое он намекал в письме ко мне, говоря что он не может согласить такого образа действий с репутацией такого выдающегося государственного человека. Тем более, что Горчаков уже пережил себя, и он почти не советуется с ним нынче».

«В ответ на п. 1-й я сказал ему, что не могу скрыть, что письмо его огорчило меня, главным образом потому, что я не полагал, что его замечания относились к предмету голосования, я же придавал этому вопросу такое малое значение, что не мог понять его раздражения по этому поводу. Только теперь, когда я узнал от него, что его выражения относились к № 7 (несомненно, № 6), то я нынче понял его. Я могу заверить его, что князь Бисмарк смотрит на отношения Пруссии, Германии и России совершенно так же, как и прежде, но что он видит, как вырастает в России, в особенности благодаря прессе, чувство, которое он не может понять, принимая в соображения цензурные законы в России и то обстоятельство, что полуофициальные органы прессы содействуют этому вредному настроению умов. Я прибавил, что я готов допустить, что и наша

пресса виновна в такой же невоздержанности, но что по большой части она вызвана самозащитой от русских нападений. Мы так связаны нашими законами о прессе, что мы можем вступаться только путем личных обращений к издателям газет, но по закону мы бессильны, разве осадное положение будет объявлено в каких-либо округах.

П.п. 2 и 3. Если употребленные выражения надо понимать не в смысле угроз, то я спокоен, ибо мои личные убеждения в таком случае вполне согласуются с убеждениями Императора. Ввиду изданного его правительством на днях строгого выговора касательно неприличия газетных статей, а также сильной власти, коей облечен генерал-губернатор, я питаю надежду, что будут приняты соответствующие энергичные меры. Со своей стороны, я распорядился, чтобы издателям были сделаны некоторые *внушения*, но более этого закон мне *не дозволяет*.

3а. Наши инструкции нашим уполномоченным были все те же с самого начала: всегда подавать голоса вместе с Россией и Австрией, когда они согласны; по пунктам, где между ними не будет согласия, подавать голос с большинством в тех случаях, когда русские предложения не будут очевидно недопустимы. Так это и было в вопросе о Силистрии, где я был вполне на стороне предложения России назначить Комиссию для расследования на месте вопроса о месте и о военной дороге через Восточную Румелию.

П. 4. Эта точка зрения для меня новая, так как никогда прежде о ней не было речи. Впрочем, все эти вопросы о пограничной линии настолько незначительны (мелочны), что едва ли могут иметь сколько-нибудь серьезное значение в вопросе «о христианах». К сожалению, вопрос о греческой границе был поставлен только как выражение *пожеланий*, а не формулировался в смысле *требования*, и я с самого начала предвидел, что из этого выйдет, mais pendant le congrès je n'avais pas voix au chapitre[1].

Точно также смотрю я на еврейский вопрос в Румынии в виде неосуществимости, по моему мнению, предложенного более широкого разрешения вопроса, я желал, чтобы была принята греческая поправка».

Продолжение отчета, помеченное 12-м сентября:

«П. 6 и 7. Я никогда не замечал, чтобы князь Бисмарк руководился (был настроен) особенно враждебными чувствами к князю

[1] Но во время конгресса я не имел права голоса по этому параграфу (*фр.*).

Горчакову за его циркуляр 1875 года. Его и мое мнение касательно этой ноты были совершенно однородны с мнением самого Государя. Но на Берлинском конгрессе относительно князя Горчакова выяснилась та же точка зрения, какая была выше выражена Императором, и я уже понял, какое ныне ему свойственно положение.

Я надеюсь, что в ответе своем Государю я достаточно настоял на том, как мало в политических воззрениях Бисмарка произошло перемен в том, что касается России. Он всегда был согласен со мной, что памятуя, как держала себя относительно нас Россия в 1870 г., мы старались в 1876 и 1877 гг. доказать Государю нашу признательность своею neutralité bienveillante[1] и тем достигли предотвращения коалиции западных держав с включением Австрии. Мне казалось, что это достаточно доказывает Государю неосновательность подозрения, якобы князь Бисмарк назло князю Горчакову изменил свои политические воззрения и потому выступил против России в столь незначительных самих по себе вопросах. Вплоть до последнего времени чувства Бисмарка к России не изменились.

Утром (avant-midi) 4-го Государь снова пришел со мной повидаться, имея в виду проститься после завтрака. Он получил телеграмму из Югенгейма от императрицы Марии, которая просит меня вспомнить и о ней и радуется нашему свиданию в Александрове. Он прибавил: "Это ей я показывал мое первое письмо к Вам, черновое которого за многими помарками почти разобрать нельзя. Впоследствии я показывал Ваш ответ и мое письмо Адлербергу, Милютину и Гирсу, они вполне посвящены в мои политические мнения касательно Пруссии и Германии и, вполне разделяя их со мной, несомненно, порадуются, что недоразумение между нами, наконец, разъяснилось вследствие нашего свидания". Затем Император прочел мне письмо русского посланника, сообщающего разговор, который он имел в Киссингене с князем Бисмарком касательно политического положения.

Много было сказано в особенности о совместном действии Пруссии и России. Посланник заключал, что прежние взгляды Бисмарка на союз Трех императоров остались неизменными. Император повторил en aperçu[2] взгляды, коими мы обменялись с ним, и радовался сердечно, что недоразумение выяснилось, и

---

[1] Благожелательный найтралитет (*фр.*).

[2] В кратком изложении (*фр.*).

старая дружба двух наших государств с присоединением Австрии не поколеблется. Что касается последней, то он тут в первый раз заметил: "Конечно, я имел причины быть ею недовольным, т. к. ее attitude была как обычно lâche[1]. Без одного выстрела она заняла две турецкие провинции и, конечно, никогда не возвратит их, точно также, как англичане никогда не оставят Кипра, относительно которого они заключили отдельное соглашение, не сообщая его великим державам". Я остановил его замечанием, что относительно занятия Боснии и Герцеговины, мне казалось, были переговоры в Рейхштадте. "Да, — сказал Император, — но совершенно при других условиях, если бы Австрия так или иначе приняла участие в войне.

Все равно, главное, чтобы мы держались вместе à trois". Конечно, я мог только поддержать это воззрение, как мое собственное убеждение.

В то же утро я говорил с генералом графом Адлербергом, министром Гирсом и военным министром Милютиным, одним за другим. Первые два с одинаковой горячностью говорили в пользу старых отношений. Им было известно письмо Государя и мой ответ, с чего я начал как entrée de conversation[2], и они вместе с Государем радовались удалению недоразумений, которые они считали прямо невозможными, зная, какими именно чувствами руководствовался Государь в своем письме ко мне.

Я не имею основания сомневаться в их искренности. Тем не менее я им совершенно прямо сказал, что пресса ведет к разобщению двух государств. Так как опубликованный ныне в России рескрипт, в строгих выражениях порицающий враждебное настроение прессы относительно Германии, то можно надеяться на улучшение положения, т.е. в том случае, если губернаторы тех местностей, почти во всей России, где объявлено осадное положение, сумеют воспользоваться данной им властью, чтобы немедленно изъять из обращения все разжигающие страсти газеты, брошюры и пр. Если же это сделано не будет, то, конечно, последуют именно те опасные результаты, которые Государь предвидел, а именно отчуждение друг от друга наших двух государств. В моих отношениях к нашей свободной печати у меня руки связаны нашей представительной Конституцией, и оттуда вытекает оборонительное положение, принятое против России в наших газетных статьях. Я, однако же, распорядился, чтобы издателям было

[1] Подлое поведение (*фр.*).

[2] Вступление к разговору (*фр.*).

внушено самим умерить их задор, если русская пресса подает пример воздержанности. Эти господа согласились со мной и выразили надежду, что все уладится.

Разговор с генералом Милютиным начался с того же предмета, как выше сказано. Затем я похвалил новую организацию, введенную во время войны, и сказал, что недоумеваю, откуда достали столько денег.

Что вся Европа взволновалась при виде такого напряжения финансовых сил, взятых врасплох в их мирном положении, военных сил для продолжения этой войны. Он ответил: "Эта война и показала, что русская армия еще недостаточно сильна, чтобы одолеть даже турецкие силы, так как ее громадный состав разбросан по всей Империи от Сибири до Вислы. Потому и приходится поддерживать кадры (создать ядро — nucleus), равные силам Европы (того, что требует Европа). Эти расходы могут быть покрыты в России ресурсами, Европе неизвестными. У нас военные границы с Китаем, со стороны Индии, Персии и Турции. Мы имеем сведения о коалиции между Австрией, Англией и, может, Францией. Это указывало бы на новое столкновение на Востоке. Англия организует вооружения в Малой Азии, которая наводнена ее чиновниками, генералами и офицерами под видом консулов, что, очевидно, обличает ее враждебные намерения относительно нашего положения на Кавказе. Столкновения на востоке неминуемы". Я усомнился в неизбежности такого утверждения и полагал, что если решения Берлинского конгресса будут в точности выполнены, то никакой войны на востоке предполагать нет оснований, так как Турция более всего нуждается в мире.

Подписано: Вильгельм 9/9—79».

«В бытность Императора у меня 4-го, ему принесли депешу из Лондона, в которой Англия объявляла, что, не будучи расположена в пользу назначения технической комиссии ad hoc для урегулирования вопроса о Силистрийском месте, она может одобрить передачу этого дела в комиссию по урегулированию сербской границы. Император сказал, что он может дать на это свое согласие, лишь бы были назначены в эту комиссию эксперты-техники».

В этом деле находится еще и следующее письмо от 10/9—79 императора Вильгельма к Бисмарку, которое сопровождало вышеприведенный отчет:

«При сем посылаю Вам окончание моих записок о разговоре моем с императором Александром. Мое письмо из Берлина,

которое встретилось с Вашей запиской № 1, показало Вам, что Ваши воззрения, которые Вы ныне еще с большими подробностями повторяете в Вашем № 2, идут вразрез, во-первых, принципиально, а, во-вторых, никакого ответа я дать не могу прежде? чем не переговорю с императором Александром. Ваши основные положения в записке могли бы оказаться истиной только после моего разговора с Императором, и, как я писал Вам через министра Бюлова, когда свет прольется на нашу переписку. До тех пор Ваши записки были для меня как non avenue[1]. Этот свет я имею ныне в моих заметках. Император сожалеет, что написал это письмо, ввиду возникших недоразумений; слова «ce qui doit avoir des suites fâcheuses et dangereuses»[2] отнюдь не должны быть рассматриваемы как угроза разрыва, а только как имеющие целью привлечь мое внимание на факт, что если пресса не будет укрощена, недружелюбные чувства возникнут между нашими государствами, чего мы оба не желаем, а потому настоит[3] надобность соответствующих мероприятий.

Так как это сама истина, то мне ничего не оставалось, как выразить мое полнейшее одобрение, тем более, что русское правительство уже приняло эти меры, и я тоже еще до выезда распорядился соответственно. Из моих заметок Вы увидите, что я исправил точку зрения Императора на голосование наших уполномоченных в восточных вопросах, и он вполне это уразумел, хотя присовокупил, что эти голосования имели неблагоприятное влияние на настроение турок, что было для меня совершенно новым фактом и что объясняет неудовольствие Императора по этому предмету. Вы также прочтете, как я защитил Вас по той части письма Императора, которое Вас касалось. Он вполне согласился, что наша политика во время Восточной войны была, безусловно, благоприятна России, что и подразумевает его высочайшую признательность Вам. Я мог заверить его, что *доселе* Вы сохраняли Ваши прежние чувства к России, что и доказали, кажется, достаточно в 1877 и 1878 гг. По этому поводу Император и выразил свое убеждение, что европейский мир может быть обеспечен только нашим единением à trois, как то и было со времени нашего свидания в Берлине в 1872 г. Будучи сам доселе того же мнения, я мог только соглашаться. Так как все три лица, с которыми я говорил, Адлерберг, Гирс и Милютин, говорили совершен-

---

[1] Не имевшие места, несуществующие (*фр.*).

[2] Что должно иметь пагубные и опасные последствия (*фр.*).

[3] Так в тексте, очевидно, должно быть «настанет». (*Прим. публ.*).

но в том же смысле, свет, которого я ожидал от этого свидания в Александрове относительно настроения императора Александра и тех трех лиц, которые выше всего стоят в его доверии, вполне проявился, *насколько это меня касается*: никто из них не имеет ни малейшего желания рисковать войной с нами. Значительное численное увеличение русской армии, произведенное в качестве резерва во время войны, остается и ныне при мирном ее составе, потому что они считают, что им угрожает европейская коалиция и должны потому быть в состоянии отразить ее *одними* собственными силами.

Итак, положение, которое Вы предпосылаете в Вашей записке, а именно, что ввиду опасности, угрожающей нам со стороны России, мы должны отказаться от политики нашей относительно этой страны и не только идти на поиски союзников, но даже безотлагательно заключить европейскую, оборонительную против нее коалицию, для меня оказывается несостоятельным. Я не могу вдать[1] себя такому плану, по крайней мере, не в сказанных размерах. Ввиду объяснений, полученных мной от императора Александра касательно его письма, на которое я никогда, признаться, не смотрел как на угрозу, а всегда видел в этом желание сохранить добрые чувства между нашими государствами путем укрощения печати, для *меня было истинным удовольствием* видеть в Вашем же составленном проекте ответа, который я послал Императору, преобладание мягкого тона, причем истина и легкое давление, которое в нем заключалось, были вполне достаточно понятны и были *поняты* слова: “une entente séculaire, les legs de nos pères de glorieuse mémoire”[2], шли у меня прямо из сердца и точно также пришлись по сердцу императора Александра, так что он дважды мне их повторил.

Тем более мне непонятна Ваша враждебность к России, которая усиливается с каждой запиской, еще более мне непостижимо, как можно смотреть на вышеприведенные слова как на пустые фразы! Я был глубоко потрясен словами, что мы должны по наружности сохранять добрые отношения к России и одновременно составить против нее коалицию с Австрией, Англией, а, может быть, и Францией. И Вы уже так упорно освоились с этими воззрениями, что Вы не только сообщили весь Ваш проект графу Андраши, но даже допустили, чтобы он доложил его своему Императору, который также спешит с ним согласиться. Затем Вы предла-

---

[1] Так в тексте. (*Прим. публ.*).

[2] Вековое согласие, наследие славной памяти наших отцов (*фр.*).

гаете мне прислать Вам инструкции, дабы на Вашем обратном пути через Вену Вы могли заключить оборонительный союз с Австрией против России, за которым имеет последовать и более обширная коалиция!

На минуту поставьте себя на мое место. Я встречаюсь с моим личным другом, близким родственником и союзником с целью вызвать разъяснение некоторых слишком поспешных и действительно неправильно понятых мест в его письмах, и наше свидание увенчивается вполне удовлетворительным результатом. И в то же время я должен присоединиться к враждебной этому Государю коалиции, т. е., другими словами, за его спиной действовать как раз обратно тому, что я ему говорил. Я не хочу абсолютно отрицать, чтобы опасности, которые усматривает Ваша записка, не могли возникнуть со временем, особенно при перемене Государя в России.

Но я совершенно неспособен усмотреть близости и настоятельности ее. Как часто Вы же сами предостерегали меня против договоров, которые связывают руки, когда нет в виду положительного объекта, а дело идет о предположениях неопределенного будущего. Разве мой братец и министр Мантейфель не обожгли себе пальцев на трехлетнем договоре, заключенном с Австрией после Ольмюца, и с каким нетерпением ожидали они окончания срока! Настоящий случай вполне подобен тому. Совершенно несогласно с моими политическими убеждениями и с моей совестью связывать себе руки во имя "возможных случайностей".

Но вместе с тем как же я выдам Вас и сделанные Вами шаги в переговорах с Андраши и его Государем? А потому в Вене, куда Вы поедете, как говорят все газеты, Вы можете говорить, что Вы могли бы войти в pourparlers[1] о совместных с Австрией мероприятиях *на случай*, если бы возникли какие-либо недоразумения с Россией, которые приняли бы размеры разрыва. Но, согласно моей совести, я не уполномочиваю Вас заключать соглашения, уже не говоря о договоре. Таким образом, я надеюсь, мы с Вами снова согласим наши воззрения. Если Бог благословит, я в таком случае могу со спокойным духом смотреть на грядущее, которое иначе представляло бы мне непроглядную тьму, и предвидеть прочное продолжение отношений с Россией, которые укрепляются в дружелюбии. Не могу передать Вам, как мне показалось прискорбным, что впервые по-

[1] Переговоры (*фр.*).

сле 17 лет мы чуть было с Вами не могли придти к соглашению. Жду с нетерпением ответа от Вас на вышесказанное уполномочие и уверен, что мы с Вами сойдемся. Дай Бог, чтобы так было!

Верный и преданный Вильгельм.

Окончено в Штеттине 12/9–79 г.

так как г. Бюлов, по снятии копий с моих добавочных заметок, немедленно отослал подлинники к Вам, то потому Вы и найдете соответствующие изменения в начальных словах этого письма».

Приложение III

Д.А. МИЛЮТИН

ПО ПОВОДУ УПРЕКОВ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ТОМ, ЧТО РОССИЯ ДЕЙСТВУЕТ НЕПРИЯЗНЕННО

Ливадия. Ноябрь 1879 г.[1]

Настойчивое повторение императором Вильгельмом тех укоров, неосновательность которых была, по-видимому, доказана ему при свидании в Александрове, ставит нас ныне в необходимость опровергнуть их самым категорическим образом, дабы рассеять воображаемый призрак, который может, укоренившись в понятиях престарелого императора, превратиться в реальный повод к политическому разрыву.

1, Относительно наших *военных мер* — кроме данных уже фактических объяснений о сравнительно незначительном увеличении наших военных сил, вследствие некоторых предпринятых в последнее время изменений в организации наших войск, можно бы поставить такой вопрос: если б даже и в самом деле были приняты нами меры к значительному увеличению боевых сил в случае войны, то может ли это быть поставлено нам в упрек, когда все другие большие державы наперерыв развивают свои силы, и когда пример в этом отношении показала и продолжает показывать сама Германия. Затем: почему означенное усиление

[1] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Д. 47. Л. I–II, 1–6.

русской армии могло бы внушать опасения именно Германии, которая до сих пор смотрела всегда с удовольствием и дружеским участием на всякое улучшение и усиление нашей армии, точно так же, как и мы не беспокоились, видя колоссальное возрастание военного могущества Пруссии? При существовании полной солидарности между двумя соседними государствами не приходило и на мысль, чтобы эти обоюдные силы могли угрожать друг другу.

Затем упоминалось не раз о мнимом сосредоточении «массы» кавалерии нашей вдоль прусской границы. Опять странный упрек: может ли иметь какое-либо угрожающее для Пруссии значение расположение четырех кавалерийских дивизий (т. е. 16 полков, в том числе 4-х казачьих, следовательно всего 48 эскадронов и 24 сотен) вдоль всей прусской границы от устья Немана до истоков Одера? Притом, можно ли ставить в упрек соседнему государству то, что оно дислокацию своих войск соображает со стратегическими условиями? Разве мы спрашивали, почему Пруссия затрачивает громадные суммы на укрепление Кенигсберга, Познани, Торна, — и сооружает новые специально стратегические линии железных дорог, ведущих параллельно к нашей границе и связанных между собою несколькими поясами поперечных рельсовых путей? Эти меры, конечно, должны бы озабочивать нас гораздо более, потому что в Германии, как всем известно, мобилизация армии может быть исполнена в половину времени против нашей мобилизации, а сосредоточение массы войск к границам потребует у нас вчетверо более времени, благодаря громадности расстояний и чрезмерной слабости перевозочной способности наших железных дорог.

2, Относительно нашей *журналистики* — всякому сколько-нибудь знакомому с нашею внутреннею жизнью очевидно, что политические статьи наших газет (за исключением только «Правительственного вестника» и «Journal de St. Pétersbourg») не имеют никакого серьезного значения. В них совершенно случайно проводится та или другая мысль, смотря по фантазии и настроению неизвестного публициста. Редакция, не посвященная в тайны политики, принимает в свои столбцы все, что вздумает написать досужий сотрудник за скудную плату, едва достаточную для его существования. Неужели подобные произведения могут иметь какое-нибудь влияние на действия правительства и на его политику? Но говорят нам: зачем же правительство, всесильное и бесконтрольное, терпит подобные произведения, несовместные с его видами и соображениями? На это можно отвечать, что с

отменою предварительной цензуры весьма трудно определить точные границы свободного выражения мнений в печати; а потому, если б правительство приняло на себя оценку ежедневно появляющихся во множестве газетных статей, то всякая пропущенная статья должна бы считаться одобренною правительством, выражающею собственные его виды и соображения. К этому надобно прибавить, что чаще всего ожесточенная полемика в наших журналах вызывается оскорбительными для России статьями иностранной печати. Может ли правительство явно и безусловно воспретить нашим газетам отвечать на эти вызовы? В русском народе не менее, чем во всяком другом, существует щекотливое чувство достоинства, потерять которое было бы опасно даже и при самодержавном правлении.

3, Относительно так называемого *нигилизма* — трудно даже понять, какое отношение может иметь эта болячка наша к вопросам международной политики. Что значит наш ребяческий, нелепый нигилизм сравнительно с серьезною, органическою язвою Европы, называемою «социализмом»? Нигилизм наш есть малолетнее, неразвитое дитя западного социализма. В чем же можно укорять нас в этом отношении? Не имели ли мы более права спросить у наших соседей: надеются ли они отвратить опасность, угрожающую нам от вторжения опасных идей, волнующих массы бездомного народа в Германии, Франции, Англии? Тут очевидно роли перепутаны: кто обвинитель и кто обвиняемый?

Наконец 4, *панславизм* — вот в сущности главный пункт обвинений; он один и может иметь серьезное значение в политике общеевропейской. Это давнишнее пугало может и в будущем угрожать миру Европы. Но что же именно разумеется под словом «панславизм»? Если придавать ему буквальное значение — стремления *всех* славянских племен к политическому соединению, то едва ли нужно доказывать, что в таком смысле он не существует. Россия никогда не питала мечты о соединении всех славян под *свое* крыло и недавно еще фактически доказала отсутствие всяких в ней честолюбивых замыслов распространения своего владычества над освобожденными ее оружьем славянскими народами. С другой стороны, и сами племена славянские, разрозненные и географически, и религиозно, и по историческим условиям, никогда не желали и не могут желать быть поглощенными какою-либо одною державою. Напротив того, главною причиною их порабощения другими народами, так же, как и нынешнего их приниженного положения — есть

разъединение их, доходящее иногда до взаимной враждебности. Германия, Австрия, Турция воспользовались этою слабою стороною славянских народов [зачеркнуто: славянского населения] и не только подчинили их себе политически, но старались в течение веков заглушить самую национальность их. Так, славяне в одном месте — онемечились, в другом — омадьярились, в третьем — отуречились или огречились. И, несмотря на это, обнаружившееся в текущем столетии пробуждение славянской национальности в среде некоторых племен встревожило Европу. В особенности Германия и Австрия увидели в своем славянском населении элемент враждебный. По естественному ходу вещей, одна Россия стала заступницею и покровительницею славян — и вот где корень общего в Европе возбуждения против России. Здесь же надобно искать и затаенный повод к настоящему против нас ополчению Германии вместе с Австриею. Последняя война, так сказать, расшевелила больное место; выказала, как искренно и глубоко Россия принимает к сердцу судьбу славянских народов; доказала фактически готовность ее на самые тяжелые жертвы для выполнения своего исторического, векового призвания.

Но спрашивается теперь: может ли Россия отречься от этого призвания? Может ли она, ради холодных расчетов благоразумия, явно разорвать узы со славянским миром, ожидающим от нее одной своего спасения? Может ли она еще и помогать другим державам в достижении эгоистической их цели — подавления славянского элемента? Искусная дипломация может, конечно, отдалить на большее или меньшее время повод к столкновению нашему с другими державами; но возможность устранения этих поводов не во власти России. При безграничном честолюбии германского канцлера, при фантастических планах лорда Биконсфильда, при безучастном и униженном положении Франции, наконец, при неизбежном распадении Оттоманской империи — могут разыграться в близком будущем такие события, которые не позволят России остаться равнодушною свидетельницею их.

Следовательно, если Германия вместе с Австро-Венгрией действительно и искренно желают сохранения мира в Европе, то они должны осторожно обходиться с вопросом славянским. В этом отношении не им приходится указывать России на опасность «панславизма». Не Россия затронет этот жгучий вопрос.

1-го ноября 1879 г.

Д.А. МИЛЮТИН

МЫСЛЬ О ВОЗМОЖНОМ РЕШЕНИИ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА В СЛУЧАЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАСПАДЕНИЯ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

5 октября 1880 г.[2]

Одним из основных начал европейской политики долго признавалась необходимость поддержания целости и неприкосновенности Оттоманской империи. И доселе существование этого анахронизма считается как бы условием европейского равновесия и обеспечением общего мира.

Но события последнего времени сильно поколебали этот политический догмат. Даже те державы, которыя в прежнее время наиболее заботились о целости Турецкой империи и ревниво охраняли ее от всякого посягательства на ея неприкосновенность, убедились теперь в совершенной невозможности искусственного поддержания разлагающегося организма. Ныне нельзя уже не предвидеть, в более или менее близком будущем, окончательное распадение Турецкой империи.

Тем не менее и в настоящее время со страхом смотрят на такую развязку векового «восточного вопроса». Вследствие укоренившейся традиции распадение Турецкой империи считается как бы неизбежною катастрофою, последствием которой должна быть общая война и неисчислимыя бедствия.

Но действительно ли необходимо дальнейшее существование в Европе такого ненормального политического организма, который очевидно утратил уже всякую жизненную силу? Неужели упразднение «блистательной Порты» оставит в Европе такое пустое место, которое ничем другим заместить невозможно?

В настоящее время главною задачею европейской политики и должно быть — придумать такую комбинацию, которая, удовлетворив законныя потребности населения Балканского полуострова, вместе в тем представляла бы достаточную гарантию для

---

[1] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 38. Д. 49. Л. 1–6.

[2] *5 октября 1880 г.* в Симеисе. Подлинная записка представлена Государю Императору и по высочайшему повелению передана статс-секретарю Гирсу, а копия с нея статс-секретарю Сабурову, посланнику в Берлине. — *Здесь и далее примечания Д.А. Милютина.*

поддержания спокойствия и порядка в этой части Европы; иными словами — необходимо найти такое решение вопроса, которое на место издыхающей Турецкой империи поставило бы какой-либо другой более жизненный политический организм.

Попытка подобной комбинации предлагается ниже. Осуществление ея, конечно, не может быть делом настоящего дня; быть может, даже и невозможно достигнуть ея совершенно мирным путем. Впрочем, как бы не была придумана комбинация, исполнение встретит важные препятствия и затруднения: с одной стороны — от противудействия некоторых держав, преследующих свои эгоистические виды, с другой стороны — от хаотического состояния, в котором еще находится население в некоторых частях страны.

В первом отношении главное и почти исключительное противудействие можно ожидать со стороны Австро-Венгрии. Для всех прочих держав, не исключая и России, решение восточного вопроса представляется, так сказать, со стороны отрицательной: каждая из них боится допустить захват добычи другого. Россия в этом отношении отнюдь не составляет исключения: вопреки вкоренившемуся в Европе убеждению о каких-то давнишних замыслах России на Константинополь, для нас желательно лишь одно — чтобы ни одна из европейский держав не присвоила себе преобладания на Балканском полуострове и в особенности не захватила в свои руки входа в Черное море.

Можно надеяться, что всякий проект, который будет основан на такой исходной точке, будет принят сочувственно большинством держав, и что есть возможность даже парализовать противудействие Австрии, предоставив ей известную долю влияния на Балканском полуострове.

Что же касается до упомянутых выше местных затруднений к решению вопроса, то главное состоит в смешенном составе народонаселения в некоторых частях Балканского полуострова, преимущественно же в западной. Тут нет пока готовых элементов для прочной организации самостоятельных государств; все остается еще в неопределенном положении: как разграничить разныя народности? Даже могут ли слиться в один организм столь разрозненные и враждующие между собою племена, обозначаемые условным названием Албании? По всем вероятиям тут не могло бы сразу установиться что-либо прочное без прямого и активного участия европейский держав; может быть, пришлось бы прибегнуть к временной оккупации, в продолжении которой международная Комиссия могла бы путем практическим выработать основания будущего политического устройства этой страны.

Каковы бы ни были затруднения в исполнении того или другого предположения, наступило время на что-нибудь решиться. Всего хуже и опаснее, если катастрофа разразится помимо инициативы Европы: чтобы избегнуть тех опасностей, которых все боятся, необходимо заранее приготовиться к развязке гордиева узла.

Предположение

Турецкое государство ограничивается нынешними азиятскими его владениями, на Европейском континенте удерживает за собою только Константинополь с прилежащею к нему территориею, которая может сохранить наименование Адрианопольского вилайета.

За сим Балканский полуостров составляет конфедерацию нескольких самостоятельных государств, под общим покровительством Европы.

Государства, составляющие «Балканскую конфедерацию», суть:

1. Румыния
2. Сербия
3. Черногория
4. Болгария
5. Албания[1]
6. Греция

Кроме того, могли бы быть включены в состав конфедерации:

1. *Босния с Герцоговиною*, с оставлением их под властию Австрии (подобно тому, как в прежние времена входили в состав Германского союза известные части Австрии, Пруссии и Голландии).

и 2. Адрианопольский вилайет Турецкой империи, со включением Константинополя.

Разграничение между новыми государствами должно быть сколько можно согласовано с этнографическими условиями страны.

Каждое из союзных государств имеет свою особую Конституцию и сохраняет полную автономию в делах внутренняго управления.

Общими же делами союза признаются:

а) Меры охранения целости и безопасности всех союзных государств в совокупности, в том числе определение общих военных и полицейских мер.

---

[1] Если бы [создание] «большой» Болгарии в пределах Сан-Стефанского договора встретило непреодолимое препятствие со стороны Австрии, то, может быть, пришлось бы образовать промежуточное, смешанное государство под наименованием *Македонии*.

б) Взаимные отношения между союзными государствами.

в) Вопросы финансовые, экономические и юридические, по коим признается необходимым или полезным установление единства во всех Государствах союза.

Заведывание всеми этими общими делами союза возлагается:

1. на постоянный *Совет* или Директорию, и

2. на временно собираемый общий союзный *Сейм*.

Постоянный *Совет* состоит из членов, назначаемых от союзных правительств, по одному от каждого.

Председатель избирается самими членами Совета из своей среды, по большинству голосов.

Союзный *Сейм* составляется из представителей, избираемых народными собраниями в определенном числе, соразмерном с народонаселением каждого Государства. Председательство в Сейме принадлежит Председателю союзного Совета.

Сейм собирается ежегодно, в известный срок, для обсуждения и решения предложений союзного Совета, требующих каких-либо изменений в законодательстве союзных государств и финансовых их средств.

По вопросам же, касающимся общеевропейских интересов или отношений Союза к которому либо из европейский государств, действия союзного Совета (а, следовательно, и каждого из государств отдельно) подчиняются контролю международной Комиссии (или конференции), состоящей из представителей шести великих держав в Константинополе.

Вследствие этого при каждом из союзных государств состоят только второстепенные дипломатические агенты держав, подчиненные представителям их в Константинополе.

Как в союзном Совете, так и в международной Комиссии, обыкновенныя дела решаются абсолютным большинством голосов; вопросы же принципиальные, составляющие отступление или изменение в органическом устройстве Союза или в отношениях его к Европе, решаются не иначе, как единогласно, а в случае разногласия переносятся на соглашение между державами дипломатическим путем.

В случае возникновения каких-либо недоразумений, могущих угрожать спокойствию и мирным отношениям как между союзными государствами, так и Союза к другим европейским государствам, ни одно из сих государств не может принимать само никаких мер без соглашения с прочими великими державами.

Вооруженные силы каждого из союзных государств должны быть в точности определены соответственно внутренним потреб-

ностям охранения спокойствия и порядка. Поэтому военные меры во всех государствах Союза подчиняются прямому контролю международной Комиссии в Константинополе.

Мраморное море и проливы признаются нейтральною территориею, под непосредственным наблюдением международной Комиссии в Константинополе. Насильственное вступление в эту территорию всякого военного судна без особого пропускного билета от международной Комиссии считается нарушением общеевропейского права.

В видах наблюдения за неприкосновенностию проливов[1], постоянно находится в означенных водах союзная эскадра из определенного числа военных судов каждой из шести великих держав. Береговые же укрепления Босфора и Дарданелл будут разоружены и срыты.

В европейской территории Турции, входящей в состав Союза, могут быть расположены турецкие войска лишь в определенном составе и притом комплектуемые в самой территории. Азиятские же войска турецкой армии ни под каким предлогом не могут быть вводимы в европейской территории.

Приложение V

ЗАПИСКА А.А. САБУРОВА — Д.А. МИЛЮТИНА[2] 21 октября 1880 г.[3]

Согласно высочайшему В. И. В. повелению мы обсуждали вопрос о положении студентов университетов. По нашему мнению, в настоящее время это положение едва ли можно признать удовлетворительным. Стекаясь со всех концов России среди чуждого им населения и часто без всяких средств к жизни, молодые люди ищут

---

[1] Статс-секретарь Сабуров полагал возможным и желательным для России выговорить себе право занятия какого-либо укрепленного пункта на Босфоре.

[2] Печатается по изданию: *Щетинина Г.И.* Новый документ по истории внутренней политики России эпохи второй революционной ситуации (проект А.А. Сабурова — Д.А. Милютина) октябрь 1880 // Проблемы источниковедения. Вып. 9. М., 1961. С. 11–14.

[3] *Над текстом документа помета А.А. Сабурова*: «Высочайше утверждено и повелено сообщить попечителям для надлежащего в свое время исполнения. В Ливадии 21 октября 1880 г.».

сближения и поддержки в товарищеском кружке, а между тем существующие университетские порядки направлены к тому, чтобы противодействовать сближению студентов между собою, и даже уничтожить связь их с самим университетом. Действующие правила не допускают никакой формы общения между студентами, не дозволяют устройства вспомогательных касс и других учреждений, которые могли бы служить к облегчению недостаточных студентов, и строго воспрещают всякие попытки совещания между ними об этих нуждах. Последствия такого положения не замедлили обнаружиться.

Несмотря на воспрещение, сходки, кассы и т. п. существуют, но только в тайне, следовательно, вне всякого контроля и надзора.

Студенты с вредным направлением составляют в каждом университете самое незначительное меньшинство, но они между собою твердо сплочены, тогда как лучшие благоразумные, подчиняясь правилам, разрознены и не в состоянии противодействовать вредному влиянию дурных студентов, которые, как крепко организованные, несмотря на свою малочисленность, могут быть в каждое время хозяевами университета.

Таким образом, правительство лишает себя могущественного и, может быть, единственного способа к подавлению значения дурной части студенчества, отказываясь от влияния на товарищей лучшей части университетских слушателей, а студенческая инспекция и начальство теряют возможность нравственного влияния на молодежь, так как имеют перед собой неустроенную массу, в среде которой не могут опереться на отдельных выдающихся личностей, которые в свою очередь могли бы действовать на товарищей.

Результатом такого положения дела является бессилие инспекции, главною заботой которой становится не искоренение существующих беспорядков, а лишь изыскание способов к недопущению внешнего их проявления.

Так как для совещаний студентов нет установленных правил, могущих обеспечить порядок, то каждая сходка является беспорядочным сборищем всех студентов университета и уже по этому одному представляет сама по себе всегда волнующуюся и всегда готовую на резкие выходки толпу. Между тем при другом порядке вещей сходки могли бы происходить по отдельным немногочисленным группам, причем в непродолжительном времени сами собой выработались бы правильные и спокойные приемы обсуждения.

Кроме того, существующий порядок совершенно уничтожает между студентами тот дух товарищества, который в прежнее время

служил могущественным средством к воспитанию в них чувства чести и достоинства и вообще нравственных начал.

Это воспитательное значение товарищества, составляющее нравственную силу среди военных и служащее лучшею гарантиею против всякого поступка, несовместимого с достоинством офицера, более чем когда-либо необходимо для студентов в настоящее время, когда большинство из них выходит из среды почти необразованной и когда поэтому завещанный им в их семьях нравственный кругозор теряет для них всякий авторитет. Так как и университетская жизнь за уничтожением товарищества не может выработать в них нравственных идеалов, то они и остаются без всяких твердых начал в жизни, и этим путем и создался тип людей, получивших прискорбную известность под именем нигилистов.

Из этого положения, по нашему убеждению, есть только два выхода. Первый заключался бы в том, чтобы совершенно изменить значение университетов, открыв в них доступ всем и каждому без всяких ограничений и стеснений, с тем чтобы курсы обратились в простые публичные лекции, а студенты в публику, за внешним порядком в которой на общем основании следила бы полиция.

Но подобное преобразование университетов едва ли желательно, так как оно неминуемо поведет за собою упадок уровня преподавания, которое из научного сделается популярным, будучи принуждено, по необходимости, применяться к умственному развитию неподготовленной публики и, кроме того, допущение массы публики без ограничения в университет может повести к такому неустройству, с которым и полиция не всегда справится.

Если же этот исход невозможен, то следовало бы прямо признать бесспорно существующий факт, что студенты имеют между собою общие интересы, общие дела, общую жизнь и общий умственный кругозор, и в таковом случае будет правильнее и целесообразнее разрешить открыто то, что студентами делается втайне.

В сущности, все стремления студентов вызваны одною главною причиною — страшною бедностию, которая господствует между ними, и желанием помочь бедным товарищам; поэтому они и хотят устроить кассы, столовые, организованную помощь и т. п., а самые сходки вызываются большею частью потребностию обсуждать вопросы, касающиеся этих предметов или относящихся к установлению суда чести над товарищами, роняющими достоинство студентов. И то, и другое в глазах молодежи, несмотря на запрещение, не может казаться преступным или безнравственным, в

особенности, когда они знают, что все это не только допускается, но и поощряется в двух русских университетах: Дерптском и Александровском[1].

Поэтому мы полагали бы:

1) разрешить студентам университетов устройство касс, дешевых столовых и организованной помощи для приискания занятий и вообще средств к оказанию пособия нуждающимся студентам, а равно и суд чести между ними;

2) дозволить им собираться для выбора лиц, уполномоченных заведывать вышепоименованными учреждениями, и для обсуждения вопросов, возникающих как по этим учреждениям, так и по тем предметам учебного дела, которые будут предоставлены им университетским начальством. При этом для обеспечения порядка и дисциплины на этих сходках должны быть составлены для каждого университета особые правила, установленным порядком утвержденные.

При составлении этих правил следует иметь в виду, чтобы не было допускаемо многочисленных сходок всех студентов университета.

Сознавая, однако, все неудобство слишком крутого перехода к новому порядку вещей при впечатлительности молодежи, всегда готовой ко всяким увлечениям, мы признавали бы более осторожным:

1. Не издавать этих положений в виде общего правила для студентов всех университетов, а разрешать каждому в отдельности, по личному ходатайству попечителя учебного округа, в тех размерах и с теми гарантиями, какие в каждом данном случае окажутся нужными.

2. При этом предоставить попечителям представить свои соображения о том, не следует ли восстановить студенческую форму с тем, чтобы дарование вышеизложенных льгот для каждого университета совпадало с этою мерою.

Последнее казалось бы полезным ввиду того обстоятельства, что в большинстве студенческих волнений, как обнаруживалось впоследствии, принимали наиболее выдающееся участие лица, совершенно посторонние университету, и форма, до известной степени, оградила бы самих студентов от этих агитаторов. Кроме того, форма, несомненно, будет способствовать к восстановлению связи и товарищества между студентами и вместе с тем чувства чести и достоинства университетского мундира.

---

[1] *Весь предыдущий текст записки в докладе опущен.*

Всеподданнейше подвергая вышеизложенные предположения на всемилостивейшее воззрение В. И. В., приемлем долг доложить, что, по нашему мнению, приведение в исполнение этих мер во всяком случае было бы возможно не иначе, как после совершенного успокоения возникших в последнее время среди студентов волнений.

Подписали: генерал-адъютант граф Милютин
статс-секретарь Сабуров
В Ливадии 21 октября 1880 г.

Приложение VI

Д.А. МИЛЮТИН

МЫСЛИ, НАБРОСАННЫЕ НА СЛУЧАЙ НОВОГО СОВЕЩАНИЯ (КОНСПЕКТ РЕЧИ)

Апрель 1881 г.[1]

Россия находится ныне в кризисе — все мы это чувствуем.

Главная злоба дня — конечно, есть революционное подпольное движение — так называемый нигилизм.

Борьба с этою опасною заразою — составляет главную заботу правительства уже многие годы — почти 20 лет.

В течение этого тяжелого времени принимались все меры, какие только можно было придумать для прекращения и искоренения заразы.

Никак нельзя сказать, чтобы правительство чем-либо было стеснено в принятии самых экстренных мер.

Если в Западной Европе в подобные политические моменты поднимается вопрос об осадном положении, о каком-нибудь прекращении habeas corpus, — то у нас все это не имеет значения: у нас постоянное осадное положение; правительству всегда развязаны руки.

---

[1] Печатается по изданию: Конспект речи Д.А. Милютина (составленный им самим). 1881. Апрель: Мысли, набросанные на случай нового совещания // Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 2. М., 1939. С. 26–29.

Правительство наше облечено неограниченной властью; в его руках все оружья; администрация местная всесильна.

Не только против явных, фактических проявлений революционных стремлений, но даже за одну неблагонадежность употреблялись самые решительные меры.

В особенности в широком размере была развита административная ссылка, затем аресты — суд и обыкновенный, и военный, и особый — наконец казнь.

А между тем зараза не истреблялась — напротив того, она все росла и приняла размеры страшные.

Роковое событие 1-го марта — ошеломило всю Россию, и не только Россию — но всю Европу.

Суд над извергами совершен подсудимые преданы смертной казни — Европа занялась международным соглашением о прекращении потворства явному заговору против безопасности и спокойствия всех государств.

Но можем ли мы думать, что казнь нескольких злодеев, усугубление строгости полицейских мер у нас внутри и некоторые стеснения свободы революционной деятельности (какое может быть допущено) в Западной Европе — излечат глубоко вкоренившуюся болезнь, как у нас, так и в Европе?

Уже много раз высказывалось, что социалистическо-революционное движение в Европе не имеет ничего общего с нигилизмом и революционным духом у нас в России.

Там это явление политической жизни государств, достигших уже известной зрелости; явление развивающееся систематически на почве экономической.

У нас — вовсе нет тех условий, которые создал социализм в Западной Европе. Наше подпольное движение — есть явление самородное, возникшее в самое последнее время и почти исключительно между молодежью.

Правда, что наши нигилисты ищут опоры в европейском социализме, питаются им, прячутся под его покровом, даже являются иногда орудьями его. Но действуют они на своей почве, своими приемами и для своих целей.

Существенная и весьма важная для дела разница между европейским социализмом и нашим нигилизмом заключается в том: 1) что в Европе социализм принял формы политического, почти научного учения, — у нас же — это съумасбродное, дикое стремление к разрушению всего существующего;

2) что в Европе социальное движение охватывает массу рабочего населения, руководимого людьми с высшим политическим

образованием; у нас же — это шайки недоучившихся юношей, фанатизированных, увлеченных несколькими горячими головами.

Последние политические у нас процессы все более и более подтверждают, что все злодеяния, затеваемые и совершившиеся у нас с целью потрясти общественный строй, — совершаются шайкою темных молодых людей, немногочисленных и не обладающих большими средствами.

Казалось бы — как же не справиться с такою шайкою злодеев? Как же объяснить, что в государстве благоустроенном, обладающем сильной властью, полицией, многочисленным войском — небольшая шайка злодеев может так долго держать все государство в тревоге, парализовать всю его гражданскую жизнь, препятствовать правительству спокойно проводить предначертанный им план усовершенствования?

Такая видимая аномалия вполне разъясняется тем, что эта ничтожная, презренная шайка действует на выгодном для нее театре действий: она теряется, так сказать, в густой среде, не столько сочувствующей ее целям и задачам, сколько несочувствующей современному государственному — гражданскому строю нашему.

К прискорбию надобно сознаться, что эта среда — весьма многочисленная и что она обнимает более или менее все слои населения.

Как всегда — в этой среде больше всего выказываются, конечно, молодые, более впечатлительные, более живые, более экспансивные.

Наша молодежь, может быть, еще более носит в себе этот характер, чем всякая другая молодежь в мире, — и на это тоже есть свои, многие причины, которых я коснусь впоследствии.

Но молодежи сочувствует масса людей зрелого возраста. Всякий беспорядок среди недисциплинированной молодежи, всякая дерзкая ее выходка против начальства — встречает сочувственный отголосок в массе людей, чем-либо недовольных настоящим порядком вещей.

При таком условии, агентам правительства очень трудно бороться как с мелкими, иногда ребяческими увлечениями молодежи, — так и против более серьезных проявлений крамолы.

Таким образом, правительству приходится уже вести борьбу не с какою-нибудь шайкою негодяев, даже не с одною вышедшею из порядка молодежью — но против целой массы людей недовольных, несочувствующих правительству.

Такая борьба уже становится весьма затруднительною. Никакие полицейские меры, никакие полновластия — не в силах справиться.

Этим объясняется все то, что мы доселе видели в течение почти 20 лет; чем более правительство усиливало полицейские меры, чем строже поступало с нарушителями порядка, чем более высылало административным порядком неблагонадежных личностей, — тем более усиливалось общее неудовольствие в стране и, смею сказать, — терялось обаяние правительства.

Но чем же объяснить такое печальное настроение умов, и каким путем выйти из такого тягостного положения?

Единственное к тому средство — есть решительное движение вперед в смысле улучшения политического и экономического строя государства; выйти, наконец, из того застоя, в котором мы находимся со времени злосчастного Каракозовского выстрела.

Великие преобразования первой половины прошлого царствования — остались недоконченными: с ними не согласован весь прежний строй, все оставшееся от прежних времен законодательство. Некоторые из этих преобразований даже искажены в последующую эпоху реакций.

Следовательно, необходимо ныне прежде всего разъяснить во всей подробности, как принялась каждая из реформ, какие имела последствия, полезные или вредные, какие встретила неудобства на практике, и затем уже обсудить, что именно необходимо предпринять для полного достижения имеющейся в виду благотворной цели.

Конечно, на первом месте стоит крестьянский вопрос: он-то и заслуживает наиболее разработки.

Вопрос этот занимал покойного императора Александра II в последние дни его жизни. Не подлежит сомнению, что закон 19 февраля 1861 года не получил полного применения в том духе, в каком был задуман. — Положение крестьянского населения не улучшилось на столько, сколько можно было ожидать в течение 20 лет, а в экономическом отношении во многих местах даже ухудшилось. В иных местностях до сих пор закон не вступил в полное действие.

Затем идут земские учреждения. Они могли бы иметь существенное значение в ходе развития государства политического и административного; но вместо того правительство делало все, что могло, чтоб придавить, принизить эти учреждения; смотрело на них как на какое-то враждебное себе учреждение. В результате вышло, что лучшие люди мало-помалу удалились, и вместо ожидаемого благотворительного влияния на экономический быт, на благоустройство местное — земство составило лишь новую обузу для населения.

Почти нет ни одного ведомства, которое не навлекло бы на себя неудовольствия в той или другой части населения своими

неудачными распоряжениями. Достаточно указать на Министерство народного просвещения, которое успело возбудить общий ропот и негодование во всей России.

В этом-то почти всеобщем неудовольствии и нашли наши революционеры удобную почву для своих преступных предприятий. Не требовалось от них много труда и умения, чтобы вселить во всех классах народа недоверие к правительству.

Чтобы восстановить это доверие, чтобы поднять постоянный авторитет, необходима теперь энергическая деятельность со стороны правительства. Россия теперь ожидает с трепетом заявления свыше о намерениях и плане действий во внутренних делах подобно тому заявлению, которое было сделано Европе по делам внешней политики.

Необходимо, чтобы Россия увидела твердое намерение правительства приняться снова за прерванные реформы для исправления существующих недостатков и пробелов в законодательстве, в устройстве управления, в экономических условиях.

Весь строй государственный требует непременно обновления. Тут не может быть и речи о конституции или о чем-либо похожем на ограничение самодержавия; но требуется настоятельно нечто такое, что внушало бы доверие к будущим действиям правительства и восстановило бы уважение к власти.

Прямым средством к тому было бы:

1) поднятие земства, привлечение его к содействию правительственным органам, даже объединение его с ними как в местной сфере, так и в центральной. Известное участие земства даже в законодательных работах, не имеющее ничего похожего на народное представительство, было бы действительнейшею мерою для того, чтобы все принимаемые высшею властью законодательные меры были встречаемы в населении с сочувствием, а не с ропотом и критикой,

и 2) серьезное преобразование в устройстве органов центрального правительства и местного управления.

Одновременно с этими главными органическими вопросами, следовало бы образовать особую Коллегию с представителями от земства, для разработки крестьянского вопроса во всех его отношениях.

Затем уже явится целый ряд других вопросов, по которым предстоит произвести серьезную работу, предварительно в особых коллегиях, также с участием представителей от земства, — а затем в Государственном совете, также с участием земских деятелей.

Мысль эта совершенно совпадает с предложениями графа Лорис-Меликова, предварительно уже одобренными покойным Госу-

дарем. Им указаны уже и многие вопросы, которые предполагалось поставить на первую очередь.

Сочувствуя вполне этим предположениям, как первому шагу, я полагаю, что ныне, после страшного события 1-го марта и с начала нового царствования, необходимо действовать еще решительнее, чем предполагалось, и в более широкой рамке.

Приложение VII

ИЗ ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА К А.В. ГОЛОВНИНУ
3 сентября 1881 г.[1]

Вчера я посетил Д.А. Милютина в его имении Симеис, куда ровно час езды от меня, 11 или 12 верст. Я ему отвез два тома «Отечественных записок», дабы он мог прочесть последнюю сатиру Щедрина, да еще записку Комитета министров об осадных положениях, которую ты мне прислал. Вот вполне счастливый человек этот Милютин. Счастье так и пышет из него. Он сам говорит, что никогда еще во всю свою жизнь он не был так счастлив, как теперь. Этому чувству полного счастья содействуют разные причины. Но главное, по его словам, есть чувство полной свободы и право располагать целиком своим временем, своими занятиями и не быть под вечным ожиданием, что его вдруг куда-нибудь потребуют. Свободы в этом смысле он никогда не имел ни в качестве профессора Военной академии, ни начальника штаба на Кавказе, ни товарища министра, ни военного министра. Всегда, во всех положениях, он должен был быть вечно что называется начеку, что его вдруг потребует или Государь, или какое-нибудь служебное требование. Независимости в этом смысле он никогда не имел и потому ее особенно ценит. Разумеется, этому чувству полного счастия содействует сознание принесенной им пользы, его исторического значения, блистательной карьеры и почетного увольнения, да еще чувство, что на нем нет более никакой должности, сопряженной с ответственностью. Разумеется, все это вместе взятое и составляет причину его теперешнего довольства, но сам он всего более

[1] Письма А.В. Головнина к Д.А. Милютину // Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 32. Л. 49–50 (выписка рукой Головнина).

дорожит именно первой причиной — возможностью располагать своим временем и своими занятиями. Занят же он с утра до ночи приведением в систематический порядок своей библиотеки, в которой от 7 до 8-ми тысяч томов. Все это он делает собственноручно среди страшной пыли, сам лазит по лестнице и укладывает книги по полкам. Шкапы у него без стекол и потому особенно пыльны. В этом он вполне блаженствует, чтобы меня принять, он был принужден сперва вымыться и переодеться, говоря, что он был imprésentable. Единственным помощником ему служит одна из его дочерей. Работа эта его вполне поглощает, так что он газет почти не читает и всегда, например, 2/14 сентября, ни слова не знал про отправление Государя в Данциг на свидание с императором Вильгельмом! Das ist ein starkes stück![1] — одним словом, удивительно отрадное впечатление делает посещение Милютина с Симеисе. Так и хочется[2] назвать его «le philosophe sans-soucis!»[3].

---

[1] Вот так штука! (*нем.*).

[2] *Примечание великого князя Константина Николаевича*: Видя этого вполне счастливого и бодрого старика (ему 65 лет).

[3] «Философ без забот» (*фр.*).

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действительный тайный советник (1874), гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны (1867); в 1871–1874 гг. — государственный контролер, в 1874–1880 и 1884–1893 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, с октября 1880 г. по май 1881 г. — министр финансов; шурин Н.А. Милютина 114, 132, 187, 198, 235, 239, 240, 242, 247, 253, 258, 279, 282, 283, 303, 307, 309–313, 316, 319–323, 325–330, 336, 339, 343

Абаза Вера Агеевна (1828–1903), сестра А.А. Абазы, свояченица Н.А. Милютина 177

Абдул-Гамид II (1842–1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г. 28, 30, 59, 61, 63, 65, 69, 70, 101, 107, 210, 214, 230–233, 240, 241

Абдурахман-хан (1830–1901), эмир Афганистана с 1880 г. 91, 124, 126, 149, 195, 212, 215

Абеддин-паша (1838–?), турецкий государственный деятель, в 1880 г. министр иностранных дел 229

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); с 1855 г. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, в 1867–1881 гг. — министр Императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов; член Государственного и Военного советов; личный друг императора Александра II 30, 56, 57, 59–61, 67, 73, 82, 90, 96, 104, 139, 144, 155–158, 182, 209, 220, 224, 225, 227, 277, 336–339, 384

Адлерберг Николай Владимирович (1819–1892), граф, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1857); с 1866 по 1881 г. — генерал-губернатор Великого княжества Финляндского и командующий войсками Финляндского военного округа; с 1881 г. — член Государственного совета; брат А.В. Адлерберга 301, 336, 342

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), поэт, публицист, общественный деятель, славянофил; редактор газет «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868), «Русь» (1880–1885); председатель Общества любителей российской словесности (1872–1874) и Московского славянского комитета (1875–1878) 283, 296, 370

Алеко-паша (Александр Богоров или Вогоридес) (1825–1910), турецкий государственный деятель; в 1876–1877 гг. — турецкий посланник в Вене, в 1879–1884 гг. — генерал-губернатор Восточной Румелии 46, 65, 322

Александр (1857–1893), принц Баттенбергский, с 1879 по 1886 г. — князь Болгарии 56, 59–61, 69, 70, 72, 91, 92, 108, 115, 122–124, 148–154, 157, 159, 160, 162, 163, 169, 172–177, 203, 206, 207, 234, 257, 258, 286, 288, 291, 322

Александр (Александр Людвиг Георг Фридрих Эмиль) Гессенский (1823–1888), принц Дармштадтский, брат императрицы Марии Александровны, отец Александра Баттенбергского, фельдмаршал-лейтенант австрийской армии 56, 124, 152, 153, 157, 172, 173, 203, 204

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. 192, 355, 357, 370, 377, 381, 384

Александр II (1818–1881), российский император с 1855 г. 21, 22, 25–32, 34–40, 42, 44–47, 49–54, 56, 57, 59–63, 65–69, 71–83, 85–107, 109–112, 115–124, 126, 128–131, 133, 138, 139, 142, 144–184, 186–204, 206–212, 215–217, 219–228, 232–235, 237, 240–242, 244–246, 252–258, 260–262, 264, 265, 267, 268, 270–276, 278, 279, 282–287, 289, 293–295, 298, 307, 320, 323, 337–340, 342, 347, 350–365, 367, 369, 373, 376, 382, 387, 394

Александр Александрович (1845–1894), великий князь цесаревич, второй сын императора Александра II, с 1865 г. — наследник престола, с марта 1881 г. — российский император Александр III 21, 23, 30, 34, 51, 68, 111, 115, 117, 120, 124, 133, 137–139, 145, 148, 149, 155, 156, 158, 165, 166, 168, 181, 183, 186, 202, 216, 221, 223, 233–235, 237, 238, 244, 257, 264, 270, 272–282, 284–286, 288–293, 295, 296, 298, 299, 301–316, 318–337, 340–343, 348–350, 363, 365, 367, 368, 374, 376, 377, 382, 383

Александра Иосифовна (Александра Фредерика Генриетта Паулина Марианна Елизавета) (1830–1912), урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, великая княгиня, с 1848 г. жена великого князя Константина Николаевича 54, 56, 59, 67, 190, 201

Александра Петровна (в монашестве — Анастасия) (1838–1900), великая княгиня, дочь принца П.Г. Ольденбургского, с 1856 г. жена великого князя Николая Николаевича (Старшего) 190

Александра Фёдоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина) (1798–1860), дочь короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III, с 1817 г. жена императора Николая I, с 1825 г. российская императрица 210, 277, 383

Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II; генерал-адъютант (1880), адмирал (1888); с 1873 по 1881 г. — командир Гвардейского экипажа; в 1877–1878 гг. — начальник всех морских команд на Дунае; в 1881–1905 гг. — главный начальник флота и морского ведомства с правами генерал-адмирала; член Государственного совета 73, 139, 141, 144, 172, 182, 183, 201, 211, 275, 373

Альбедиль Эмиль-Генрих-Людвиг, фон (1824–1897), прусский генерал, генерал-адъютант германского императора Вильгельма I, шеф Военного кабинета 82

Альбединский Пётр Павлович (1826–1883), генерал-адъютант (1866), генерал от кавалерии (1878); в 1865–1866 гг. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1866–1870 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1874–1880 гг. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, в 1880–1883 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; член Государственного совета 78, 168, 191, 194, 197, 221, 251, 258, 330, 332, 376, 388, 391

Альберт Фридрих Август (1828–1885), король саксонский с 1873 г. 143

Альберт Эдуард (1841–1910), принц Уэльский, старший сын королевы Великобритании Виктории I, с 1901 г. король Великобритании Эдуард VII 287, 288, 291

Альфонс XII (1857–1885), король Испании с 1874 г. 129

Альфред Эрнест Альберт (1844–1900), принц Великобританский, герцог Эдинбургский, второй сын королевы Великобритании Виктории I, с 1874 г. муж великой княгини Марии Александровны; адмирал британского военно-морского флота, командовал Средиземноморской эскадрой; с 1893 г. герцог Саксен-Кобург-Готский 163, 206, 207, 220, 275, 277

Аминов Адольф Иванович (1806–1884), граф, генерал-адъютант (1873), генерал от инфантерии (1878); с 1868 г. со-

стоял в распоряжении Финляндского сената 141
Анаргиро Хризула (Anargyro Chrysula), фрейлина греческой королевы Ольги (Ольги Константиновны) 201
Анастасия Михайловна (1860–1922), великая княжна, дочь великого князя Михаила Николаевича, с 1879 г. жена Фридриха Франца, наследного принца Мекленбург-Шверинского 23, 181, 182, 277
Андраши Дьюла (Старший) (1823–1890), граф; участник венгерской революции 1848–1849 гг.; с 1861 г. — член и вице-президент венгерского сейма, в 1867–1871 гг. — министр-президент и министр обороны Венгерского королевства, в 1871–1879 гг. — министр иностранных дел Австро-Венгрии 31, 39, 48, 55, 76, 97, 103, 104, 170, 179, 187, 252
Андрей Владимирович (1879–1956), великий князь, сын великого князя Владимира Александровича 69
Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица с 1730 г. 358
Анненков Михаил Николаевич (1835–1899), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1863 г. — флигель-адъютант, помощник генерал-полицмейстера Варшавы; с 1867 г. — член и управляющий делами Главного военно-тюремного комитета; с 1869 г. — заведующий передвижением войск по железным дорогам и водным путям; с 1875 г. — заведующий передвижением войск по железным дорогам; в 1876–1884 гг. — член и управляющий делами Комиссии для исследования железнодорожного дела в России; в 1877–1884 гг. — член временного исполнительного комитета по передвижению войск; с 1884 г. — член Совета министра путей сообщения; в 1886–1887 гг. заведовал строительством Самаркандского участка Закаспийской железной дороги; в 1891–1892 гг. — глава временного Особого управления общественными работами, предпринятыми правительством для помощи населению, пострадавшему от неурожая; член Военного совета 265, 340
Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900), генерал от инфантерии; в 1877 г. помощник заведующего гражданской администрацией в Болгарии, в 1879–1885 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа 185
Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799), генерал от артиллерии (1807); в 1808–1810 гг. — министр военно-сухопутных сил, с 1810 г. — председатель Департамента военных дел Государственного совета, в 1817–1826 гг. — главный начальник военных поселений 358
Арапетов Иван Павлович (1811–1887), тайный советник; в 1835 г. поступил на службу во 2-е отделение Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1855–1856 гг. — директор канцелярии Министерства уделов; в 1859–1860 гг. — член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу; затем продолжал службу по Министерству императорского двора и уделов 322, 368
Арапов Иван Андреевич (1849–1913), генерал-лейтенант; в 1860–1870-е гг. — адъютант военного министра; с 1905 г. в отставке 344
Арнульф (Леопольд Максимилиан Иосиф Мария Арнульф фон Виттельсбах) (1852–1907), принц Баварский 28, 206, 207, 286, 288

Бажанов Василий Борисович (1800–1883), протопресвитер; член Святейшего Синода, духовник императорской семьи 37, 270
Баранов Николай Михайлович (1837–1901), флигель-адъютант, капитан 1-го ранга (1877), генерал-лейтенант (1897); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1880–1881 гг. — ковенский губернатор, в марте-августе 1881 г. — петербургский градоначаль-

ник, в 1881–1882 гг. — архангельский, в 1882–1897 гг. — нижегородский губернатор; сенатор (1897) 137, 138, 148, 181, 182, 285, 289, 290, 292, 293, 296, 298, 300, 309

Баранов Эдуард Трофимович (1811–1884), граф, генерал-адъютант (1855), генерал от инфантерии (1869); в 1855–1862 гг. — начальник штаба Гвардейского и Гренадерского корпуса, в 1866–1867 гг. — рижский, в 1867–1868 гг. — виленский генерал-губернатор, в 1871–1874 гг. временно управлял Министерством императорского двора и уделов, в 1881–1884 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета; председатель Совета управления Главного общества российских железных дорог 144, 198, 199, 220, 280, 282

Баранцов Александр Алексеевич (1810–1882), граф (1881), генерал от артиллерии (1868), генерал-адъютант (1855); с 1863 г. начальник Главного артиллерийского управления; в 1869–1874 гг. — член Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии при Военном совете; член Государственного совета 31, 71, 172, 173, 185, 245, 261–263, 309, 326, 331, 333, 344, 368, 388

Барроу (Burrow), британский генерал, начальник британского отряда в Афганистане 215

Барятинская Елизавета Дмитриевна (1835–1899), княгиня, урожденная княжна Джамбакур Орбелиани, в первом браке Давыдова, жена А.И. Барятинского 34, 209

Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал (1859), генерал-адъютант (1853); в 1853–1855 гг. — начальник Главного штаба войск на Кавказе; в 1856–1862 гг. — кавказский наместник, в 1856 г. — командующий Отдельным Кавказским корпусом, в 1857 г. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1857–1862 гг. — главнокомандующий Кавказской армией; член Государственного совета 34, 35, 355, 356, 387

Баумгартен Александр Карлович (1815–1883), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1858–1862 гг. — начальник Николаевской академии Генерального штаба, в 1872–1883 гг. — председатель Главного военно-госпитального комитета, член Военного совета и Военно-ученого комитета 343

Бекер-паша (Baker) (1825–?), британский генерал, в 1873 г. поступил на службу в турецкую армию, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в ноябре 1879 г. — представитель турецкого султана по проведению реформ в Малой Азии, с 1883 по 1884 г. — главный начальник турецких войск в Судане 107

Беклемишев Нил Петрович (1829–1891), полковник, командир 9-го пехотного Староингерманландского полка 394

Берг Фёдор Фёдорович, фон (1794–1874), граф, генерал-фельдмаршал (1866); в 1854–1861 гг. — финляндский генерал-губернатор и командующий войсками в Финляндии, с 1863 г. — наместник Царства Польского, с 1864 г. — командующий войсками Варшавского военного округа; член Государственного совета 97

Берх Александр Маврикиевич (1830–1909), генерал-инженер; с 1856 г. руководил строительством форта «Константин» и ряда батарей в Кронштадте, с 1866 г. — строительством укреплений г. Николаев, с 1876 г. — г. Очаков 149

Бехтольсгейм (Bechtolsheim), барон, в 1880 г. — австрийский военный атташе в Петербурге 224

Биконсфильд, граф, см. *Дизраэли*

Бисмарк фон Шенгаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь, немецкий государственный деятель; в 1859–1862 гг. — прусский посланник в Петербурге, с 1862 г. — министр-

президент и министр иностранных дел, в 1871–1890 гг. — первый рейхсканцлер Германской империи 39, 73, 76, 77, 80, 85–98, 102–104, 106, 113, 114, 117, 118, 120, 122–126, 139, 140, 142–145, 147, 149, 150, 153, 154, 169, 170, 178–181, 186–188, 200, 207, 215, 229, 232, 233, 235, 245, 246, 251, 252, 254, 260, 262, 266, 268, 269, 273, 295, 323, 335, 354, 369, 374

Бистром Родриг Григорьевич (1810–1886), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1851–1859 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, в 1860–1867 гг. — командир 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1868–1874 гг. — помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1886 г. — председатель Комиссии по устройству казарм при Военном совете; член Военного совета 52

Блейхредер (Bleichroeder) Герсон (1822–1893), глава банкирского дома Блейхредер в Берлине, личный банкир Бисмарка 73

Бобровский Павел Осипович (1832–1905), генерал-майор, сенатор (1897); военный историк и юрист; в 1875–1896 гг. — начальник Военно-юридический академии 389

Богданович Модест Иванович (1805–1882), генерал-лейтенант (1863); военный историк и писатель; с 1838 г. — адъюнкт-профессор, с 1843 г. — профессор по кафедре военной истории и стратегии Николаевской академии Генерального штаба, с 1863 г. состоял в распоряжении военного министра как официальный военный историограф; с 1881 г. — член Военного совета 163

Боголюбов Андрей Андреевич (1842–1909), полковник (1875), флигель-адъютант (1879), впоследствии генерал от инфантерии (1908); в 1876 г. командирован в Главную квартиру черногорского князя Николая I, при котором состоял в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; делопроизводитель Комиссии по перевооружению армии и по вооружению крепостей; с 1898 по 1901 г. — начальник Закаспийской области и командующий войсками; с 1901 г. — командир 5-го армейского корпуса; в 1902 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа по управлению Варшавским укрепленным районом; с 1908 г. в отставке 25, 100, 344

Богуславский Александр Петрович (1824–1893), генерал от инфантерии; в 1860–1864 гг. — и. д. командующего Башкирским казачьим войском, в 1865–1867 гг. — помощник начальника штаба Кавказского военного округа, в 1871–1879 гг. — начальник Главного управления иррегулярных войск; в 1879–1882 гг. — начальник Главного управления казачьих войск; член Военного совета 54

Божидар Петрович Негош, родственник черногорского князя Николая I Петровича Негоша, претендент на болгарский престол в 1879 г. 325, 344, 345

Божо-Петрович, черногорский комиссар 108

Борель, владелец первоклассного ресторана в Петербурге 23

Боткин Сергей Петрович (1832–1889), врач-терапевт, тайный советник; с 1872 г. — академик Петербургской медико-хирургической академии, с 1870 г. — почетный лейб-медик; с 1875 г. — лейб-медик; с 1878 г. — председатель Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова 25, 34, 89, 120, 228

Ботман Егор Иванович (?–1889), придворный художник, с 1853 г. академик портретной живописи Императорской Академии художеств 261

Брандт (Brandt), германский посол в Пекине 219

Братиану (Братиано) Йон (Старший) (1821–1891), румынский политический деятель; в 1876–1888 гг. — пред-

седатель Совета министров Румынии; с 1875 г. — лидер Национально-либеральной партии 30

Бреверн де ла Гарди Александр Иванович, фон (1814–1890), граф, генерал от кавалерии (1869), генерал-адъютант (1856); в 1855–1857 гг. — командир 1-й бригады гвардейской кирасирской дивизии, в 1861–1864 гг. — начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1864–1865 гг. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1865–1869 гг. — командующий войсками Харьковского, в 1879–1888 гг. — Московского военных округов; член Государственного совета 53, 55

Брок Николай Петрович (1839–1919), генерал от инфантерии; с 1862 г. — адъютант при военном министре, с 1869 г. — чиновник особых поручений при военном министре, с 1875 г. — командир лейб-гвардии Московского полка, в 1877–1880 гг. — командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1884–1897 гг. — начальник Варшавского жандармского округа 344

Будберг Андрей Фёдорович (1817–1881), барон, действительный тайный советник (1867); в 1856–1858 гг. — посланник в Австрии; в 1858–1862 гг. — посол в Пруссии, Мекленбург-Шверине и Мекленбург-Стрелице, в 1862–1868 гг. — посол во Франции, в 1879 г. — член Верховного уголовного суда для рассмотрения дела о покушении А.К. Соловьёва на императора Александра II; член Государственного совета 265

Булгакова, см. *Перовская* С.К.

Бунге Николай Христианович (1823–1895), ученый-экономист; академик Петербургской Академии наук (1890); действительный тайный советник (1885); в 1859–1862, 1871–1875, 1878–1880 гг. — ректор Киевского университета Св. Владимира, с июля 1880 г. — товарищ министра финансов, с мая 1881 г. — управляющий Министерством финансов, в 1882–1886 гг. — министр финансов; с 1887 г. — председатель Комитета министров и член Государственного совета 253, 254, 322, 325, 327, 329

Бурмов Тодор (1834–1906), болгарский политический деятель и публицист, в 1879 г. — министр-президент Болгарии, в 1883 г. — министр финансов 60

Бух Николай Константинович (1853–?), член организации «Народная воля» 143

Буш (Busch) Юлий Герман Мориц (1821–1899), немецкий публицист 85, 86

Бютцов Евгений Карлович (1837–1904), русский дипломат; с 1871 г. — поверенный в делах России в Японии и первый русский консул в Иокогаме, в 1873–1883 гг. — посланник в Китае, в 1884–1889 гг. — в Греции, в 1889–1897 гг. — в Иране 38, 70, 73, 91, 209, 222, 223, 232, 234, 236, 242, 243, 245

Ваддингтон Вильям Генри (1826–1894), французский государственный деятель, в 1879 г. — министр иностранных дел и министр-президент, в 1883–1893 гг. — французский посол в Лондоне 131, 179

Валуев Пётр Александрович (1815–1890), граф (1880), действительный тайный советник (1866); в 1861–1868 гг. — министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. — министр государственных имуществ; в 1879–1881 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 21, 35, 37, 39, 44, 45, 50, 52, 69, 112, 118, 126, 127, 130, 139, 155–158, 165, 192, 274, 275, 277, 279, 281, 282, 307, 309, 310, 315, 340, 341, 381–383

Вальбер (Valbeft G.) — см. *Шербюлье* В.

Ванновский Пётр Семёнович (1822–1904), генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); в 1868–1871 гг. — начальник 12-й пехотной дивизии, в 1871–1876 гг. — начальник

33-й пехотной дивизии, в 1876 г. — командующий 12-м армейским корпусом, участник русско-турецкой воины 1877–1878 гг., с мая 1881 г. — управляющий Военным министерством, в 1882–1897 гг. — военный министр, в 1901–1902 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 332–334, 341–344, 376, 377, 381, 388

Веймар Орест Эдуардович (1843–1885), врач, общественный деятель, доктор медицины, надворный советник; в 1877–1878 гг. заведовал военно-полевым госпиталем императрицы Марии Фёдоровны, в 1879 г. арестован по обвинению в причастности к террористическому акту А.К. Соловьёва, в 1880 г. приговорен к 10 годам каторги 198

Веймарн (Людерс-Веймарн) Платон Александрович (1834–1893), генерал-лейтенант, чиновник для особых поручений при военном министре 344

Величко Филадельф Кириллович (1833–1898), генерал от инфантерии; с 1866 г. — начальник 1-го отделения Главного штаба, в 1875–1880 гг. — управляющий делами Комитета для подготовки данных по мобилизации войск; с 1881 г. — помощник начальника Главного штаба; член Военного совета 187

Вердер (Werder) Бернхард Франц (1823–1907), генерал от инфантерии прусской службы; в 1869–1886 гг. — военный атташе германского посольства в Петербурге; с 1886 г. — губернатор Берлина; в 1892–1895 гг. — посол в Петербурге 83, 224, 225

Верещагин Василий Васильевич (1842–1904), художник-баталист 179, 180

Виллье (Виллие) Яков Васильевич (1768–1854), баронет (1814), действительный тайный советник (1841), доктор медицины; с 1799 г. — лейб-хирург; с 1814 г. — лейб-медик; с 1806 г. главный инспектор медицинской части русской армии; с 1808 по 1838 г. президент Медико-хирургической академии в Петербурге; в 1812–1836 гг. — директор Медицинского департамента Военного министерства; в 1844–1853 гг. — управляющий Придворной медицинской частью Министерства императорского двора; почетный член Петербургской Академии наук 179

Вильгельм I (1797–1888), король прусский с 1861 г., император германский с 1871 г.; дядя императора Александра II 42, 67, 68, 76–78, 80–89, 93, 96, 97, 103–106, 115, 120, 175, 176, 200, 222, 232, 252, 262, 286, 323, 374

Вильгельм, наследный принц Германский, эрцгерцог, см. *Фридрих-Вильгельм*

Вильгельм Людвиг Август (1829–1897), принц Баденский, генерал от инфантерии прусской службы, с 1863 г. муж княжны Марии Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской 277

Виталис, полковник, начальник полиции и жандармерии Восточной Румелии 64, 69

Витгенштейн Фердинанд Карлович, светлейший князь, с 1857 г. на русской военной службе 314

Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, третий сын императора Александра II; генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872); в 1874–1880 гг. — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — командир 12-го армейского корпуса, с 1881 г. — командующий, с 1884 по 1905 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, с 1876 г. — президент Академии художеств, член Государственного совета 24, 30, 112, 117, 139, 182, 193, 217, 221, 222, 264, 273, 277, 280, 282, 284–286, 288, 290, 295, 302, 303, 309, 311, 313, 314, 316–318, 320–322, 344, 350, 363, 388, 391, 393

Власов, ростовщик 69

Вогоридес, см. *Алеко-паша*
Вонлярлярский Николай Михайлович (1846–1906), полковник, с 1875 по 1883 г. — адъютант военного министра 344
Воронцов Семён Михайлович (1823–1882), светлейший князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант (1856); в 1863–1867 гг. — городской голова Одессы; в 1877–1878 г. — командир 10-го армейского корпуса 204, 349, 370, 372, 382
Воронцова Мария Васильевна (1819–1895), светлейшая княгиня, урожденная княжна Трубецкая, жена князя С.М. Воронцова 66, 67, 91, 241, 349
Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875); с 1861 г. — адъютант великого князя Александра Александровича, в 1867–1872 гг. — командир лейб-гвардии Гусарского Е.В. полка, с 1874 г. — начальник штаба Гвардейского корпуса, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник кавалерии Рущукского отряда, в 1881–1897 гг. — главноуправляющий государственным коннозаводством и министр Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. — кавказский наместник и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа; член Государственного совета 296, 306, 309
Врангель Александр Евстафьевич (1804–1881), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Военного совета 265
Вячеслав Константинович (1862–1879), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича 33

Гагарин Николай Владимирович (?–1886), князь, генерал-лейтенант; во 2-й половине 1850-х гг. — адъютант начальника Главного штаба Кавказской армии, затем чиновник для особых поручений при военном министре 344
Гаймерле Генрих Карл (1828–1881), барон, австрийский дипломат; в 1879–1881 гг. — министр императорского двора и иностранных дел Австро-Венгрии 179, 187, 229, 230, 233, 252, 262, 288, 292, 335
Гальяр (Gaillard), полковник, затем генерал французской армии, французский военный агент в России 207
Гамбургер (Амбургер) Андрей Фёдорович (1821–1899), тайный советник, статс-секретарь; чиновник для особых поручений при министре иностранных дел; в 1870–1879 гг. — директор Департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, в 1879–1896 гг. — посол в Швейцарии; с 1871 г. — вице-президент Русского исторического общества 295
Гамлей, генерал, представитель Великобритании в делимитационной комиссии на азиатской границе Турции 190
Ган Александр Фёдорович (1809–1895), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1861–1865 гг. — начальник штаба Киевского военного округа, в 1867–1875 гг. — командующий войсками Московского военного округа, с 1875 г. — начальник 17-й пехотной дивизии; в 1877–1878 г. — командир 13-го армейского корпуса; с 1880 г. — директор Николаевской Чесменской богадельни; член Военного совета и Александровского комитета о раненых 23, 349
Ганецкий Иван Степанович (1810–1887), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1878); в 1856–1863 гг. — командир лейб-гвардии Финляндского полка; в 1863 г. — командующий 16-й пехотной дивизии; участвовал в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг.; в 1863–1876 гг. — начальник 3-й пехотной дивизии; с 1876 г. — член Александровского комитета о раненых; в 1877–1879 гг. — командующий Гренадерским корпусом; с 1879 г. — член Воен-

ного совета; с 1881 г. — комендант Петербургской крепости 53, 55
Ганзен, гипнотезер 252
Гартингтон, см. *Девоншир* С.К.
Гартман Лев Николаевич (1850–1908), революционер-народник 109, 163, 167, 176, 180
Гау (Howe), британский генерал, служивший в Афганистане 129
Гейден Логгин Логгинович (1806–1901), граф, адмирал (1861), генерал-адъютант (1849); с 1895 г. — член Государственного совета и вице-председатель Александровского комитета о раненых 164
Гейден Николай Фёдорович (1856–1918), граф, генерал-лейтенант (1906); в 1878–1886 адъютант военного министра; сын графа Ф.Л. Гейдена 344
Гейден Фёдор Логгинович (1821–1900), граф, генерал от инфантерии (1870), генерал-адъютант (1862); с 1856 г. — начальник штаба Гренадерского корпуса; с 1861 г. — дежурный генерал Главного штаба, в 1866–1881 гг. — начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета, в 1881–1897 гг. — финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа; член Государственного совета 25, 38, 54, 159, 160, 163, 166–168, 222, 301, 324, 326, 331, 341–344, 375
Гельфман Геся Мироновна (1852–1882), член организации «Народная воля» 274, 299, 304
Георг I (1845–1913), сын короля Дании Христиана IX, с 1867 г. муж великой княгини Ольги Константиновны, греческий король с 1863 г. 59, 222, 223
Гершельман, семья 184, 190, 201
Гершельман Дмитрий Фёдорович (1881–?), внук Д.А. Милютина 269, 292, 371
Гершельман Константин Иванович (1825–1898), генерал-адъютант (1876), генерал от инфантерии (1895); с 1864 г. — помощник начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1876–1880 гг. — командир 24-й пехотной дивизии; член Главного комитета по устройству и образованию войск; отец Ф.К. Гершельмана 184
Гершельман Фёдор Константинович (1853–1918), генерал от кавалерии (1911); военный писатель; в 1877 г. причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб 14-го армейского корпуса; в 1879–1880 гг. — помощник старшего адъютанта штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; с 1880 г. — штаб-офицер Генерального штаба при Главном штабе; с 1881 г. — начальник Оренбургского казачьего юнкерского училища; в 1885–1891 гг. — начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища; с 1891 г. командир 38-го драгунского Владимирского полка; с 1893 г. — начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска; в 1898–1901 гг. — кутаисский военный губернатор; с 1901 г. — начальник штаба Варшавского военного округа; в 1905–1912 гг. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; член Военного совета; с 1916 член Верховного военно-уголовного суда; с 1917 в отставке; муж Е.Д. Милютиной 184, 190, 198, 201, 371
Гика Ион (1817–1897), князь, румынский политический деятель 244
Гильденштуббе Александр Иванович (1800–1884), генерал от инфантерии (1863), генерал-адъютант (1859); с 1855 г. — начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1862 г. — командир отдельного гренадерского корпуса, с 1864 г. — командир 3-го резервного корпуса и командующий войсками Московского военного округа; член Государственного совета 52, 55
Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник (1878), статс-секретарь (1879), сенатор (1875); с 1875 г. — товарищ министра иностранных дел и управляю-

щий Азиатским департаментом; с 1882 г. — министр иностранных дел; член Государственного совета 21–23, 25, 26, 28–31, 35, 37–40, 42, 45, 46, 53, 54, 56, 57, 59, 61, 65, 70, 71, 73–77, 80, 82, 86–93, 96–98, 102, 104–108, 112, 113, 115, 117, 119, 120, 123, 124, 126, 131, 133, 137–142, 144–150, 153, 154, 157, 158, 160, 163, 166, 167, 169, 170, 172–175, 177, 179, 180, 182, 184–186, 188, 190, 193, 200, 204, 207, 209, 211–213, 215–218, 221–223, 225–228, 230, 232, 233, 235, 236, 238, 240, 242, 243, 245, 246, 251, 252, 254–256, 258, 260, 264, 265, 268, 269, 273, 278, 285–288, 291, 292, 295, 296, 298, 303, 306, 309, 316, 323, 325, 334, 335, 340, 342, 368, 369, 374

Гирш Мориц (1831–1896), барон, венский банкир 234, 291

Гладстон Вильям Юарт (1809–1898), член парламента Великобритании, лидер Либеральной партии; в 1852–1855, 1859–1866 гг. — министр финансов; в 1868–1874, 1880–1885, 1892–1894 гг. — премьер-министр 181, 212, 213, 233–234, 240

Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810–1895), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856–1866 гг. начальник штаба инспектора стрелковых батальонов; в 1867–1869 гг. — командующий войсками Казанского военного округа; с 1872 г. — член Военного совета 28, 37, 50, 100

Глуховский Александр Иванович (1838–1912), генерал-лейтенант (1890); с 1866 г. — офицер Генерального штаба при штабе Оренбургского военного округа, с 1879 по 1883 г. возглавлял экспедицию по исследованию Узбоя (старого русла р. Амударья) 25

Гогенлоэ (Хоэнлоэ) (Hohenlohe) Хлодвиг Карл (1819–1901), князь Шилльвигсфюрст, германский, дипломат; в 1878 г. — уполномоченный Германии на Берлинском конгрессе, в 1874–1885 гг. — германский посол в Париже, в 1894–1900 гг. — рейхсканцлер Германской империи и прусский министр-президент 233

Голицын Григорий Сергеевич (1838–1907), князь, генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1897), сенатор (1885); с 1872 г. — командир лейб-гвардии Финляндского полка, в 1876–1880 гг. — военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска, в 1880 г. — временно исполняющий должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского военного округа, в 1897–1904 гг. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе, командующий войсками Кавказского военного округа и наказной атаман Кавказского казачьего войска; член Государственного совета 28, 37

Голицын-Головкин Евгений Юрьевич (1845–1888), князь, капитан-лейтенант; в 1878–1881 гг. — старший офицер на клипере «Разбойник» 379, 384, 388

Головачёв Дмитрий Захарович (1822–1886), вице-адмирал; с 1881 г. — командир Гвардейского морского экипажа 373

Головин Евгений Александрович (1782–1858), генерал от инфантерии (1839); участник Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления Польского восстания 1830–1831 гг.; с 1830 г. — оренбургский военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса, с 1831 г. — командир 26-й пехотной дивизии, с 1834 г. — главный директор и председатель правления Комитета внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского, в 1838–1842 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Армении и Кавказской области, в 1845–1848 гг. —

лифляндский, эстлядский и курляндский генерал-губернатор; член Государственного совета 392
Головнин Александр Васильевич (1821–1886), действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1859); с 1850 г. — личный секретарь великого князя Константина Николаевича; в 1852–1854 гг. — старший чиновник особых поручений при начальнике Главного морского штаба; в 1861 г. — управляющий Министерством народного просвещения; в 1862–1866 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 130, 131, 247, 343, 344, 347, 348, 368, 376, 377, 381, 383–385, 387–392, 394
Голубцов Сергей Платонович (1815–1888), тайный советник; в 1866–1880 гг. — попечитель Одесского учебного округа, в 1880 г. — попечитель Киевского учебного округа 193
Гольмстен Адольф Христианович (1848–1920), профессор гражданского права и судопроизводства в Петербургском университете, Военно-юридической академии и Императорском Училище правоведения 146
Горбуновы 240, 347, 363
Горлов Александр Павлович (1830–1905), генерал-лейтенант; с 1873 г. — российский военный агент в Лондоне, с 1882 г. — инспектор местных арсеналов, изобретатель военного оружия; с 1886 г. в отставке 23
Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь (1871), канцлер иностранных дел (1867); в 1856–1882 гг. — министр иностранных дел; член Государственного совета 21–23, 26, 28–32, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 46, 48, 50, 59, 69, 76, 77, 82, 85, 88, 90, 93–95, 97, 98, 102, 104, 106, 112, 115, 117, 119–124, 126, 131, 133, 138–140, 142, 143, 145, 147, 149, 150, 153, 155, 157, 158, 160, 163, 167, 169, 173, 199, 200, 210, 336
Горчаков Михаил Александрович (1839–1897), светлейший князь, дипломат; тайный советник (1879); в 1872–1878 гг. — посланник в Берне и в Гессен-Дармштадте, Гессен-Касселе и Нассау, в 1878–1879 гг. — посланник в Дрездене, в 1879–1896 гг. — посланник в Мадриде; сын князя А.М. Горчакова 123, 200
Градовский Александр Дмитриевич (1841–1889), историк права, публицист, общественный и политический деятель; тайный советник; с 1868 г. — профессор Петербургского университета по кафедре государственного права 57, 58
Греви (Grewy) Франсуа Поль Жюль (1807–1891), французский государственный деятель, с 1879 по 1887 г. — президент Французской республики 29
Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант (1867), генерал от инфантерии (1874), сенатор (1866); с 1866 г. — товарищ министра финансов и председатель Коммерческого и Мануфактурного советов; в 1872 г. временно управлял Министерством государственных имуществ; с 1874 г. — государственный контролер; в 1878–1880 гг. — министр финансов; член Государственного совета 23, 38, 40, 44, 114, 115, 132, 146, 148, 166–169, 181–183, 187, 188, 197, 198, 209, 235, 240
Гренвиль Джордж Левесон Гоуэр (1815–1891), граф, британский политический деятель, с 1880 по 1885 г. — министр иностранных дел Великобритании 181, 195, 231
Гриневицкий Игнатий Иоахимович (ок. 1856 — 1881), член «Народной воли», 1 марта 1881 г. убил бомбой императора Александра II, при этом был смертельно ранен 272
Грюзон, немецкий заводчик 149, 163, 208
Грязнова Мария Васильевна (1858–?), член организаций «Земля и воля» и «Народная воля» 143
Гуан-сюй (1871–1908), китайский император с 1875 г. 216, 230
Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельд-

маршал (1894), генерал-адъютант (1877); с 1869 г. — командир лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, с 1875 г. — командующий 2-й гвардейской кавалерийской дивизией; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий войсками гвардии, в 1879–1880 гг. — помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа и временный петербургский генерал-губернатор; в 1882–1883 гг. — командующий войсками Одесского военного округа и временный одесский генерал-губернатор; в 1883–1894 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, член Государственного совета 25, 52, 53, 60, 110, 115, 144, 156, 157, 160, 168

Гурчин Витольд Викентьевич (1831–1887), генерал-лейтенант; с 1861 г. — офицер Генерального штаба в Кавказском военном округе, в 1870–1874 гг. — командир Дагестанского полка, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1881–1882 гг. — командир Кавказской стрелковой бригады, с 1885 г. командовал местными войсками Кавказского военного округа 25, 148

Гусейн-хан, великий визирь в Персии в 1877–1881 гг., чрезвычайный посол в Петербурге с 1881 г. 320

Давыдов Александр Петрович (1838–1885), действительный статский советник, камергер, с 1879 г. — генеральный консул в Софии 31, 92, 122–124, 148–150, 154

Дадиан (Дадиани) Георгий Левanович, светлейший князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант 177

Дадиан-Мингрельский Николай Давидович (1847–1889), князь генерал-майор, флигель-адъютант; в 1853–1857 гг. — наследник мингрельского престола при регентстве матери — княгини Екатерины Дадиан; в 1868 г. отказался от прав владетельного князя Мингрелии 187

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), публицист, философ, естествоиспытатель, идеолог панславизма 377

Данило-Александр (1871–1939), князь, сын Николая I Петровича Негоша, наследник черногорского престола 345

Девоншир Спенсер Кэвендиш (1833–1908), английский политический деятель, в 1880 г. — министр по делам Индии, в 1882 г. — военный министр 181

Дековиль (Decauville) Поль (1846–1922), французский промышленник 197

Дельсаль Алексей Петрович, генерал-майор, в 1881 г. — заведующий управлением Зимнего дворца 338

Делянов Иван Давидович (1818–1897), граф, действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1867), сенатор (1865); в 1858–1861 и 1862–1866 гг. — попечитель Петербургского учебного округа, в 1861 г. — директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, в 1861–1882 гг. — директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, в 1866–1874 гг. — товарищ министра народного просвещения, в 1882–1897 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 253, 254, 256, 293

Демидов Павел Павлович, князь Сан-Донато (1839–1885), егермейстер двора Е. И. В., предприниматель, меценат; в 1881 г. один из организаторов «Священной дружины» 383

Демьяненков Николай Афанасьевич (1830–1907), генерал от артиллерии; в 1867–1878 гг. — инспектор классов и профессор Михайловского артиллерийского училища, в 1881–1898 гг. — начальник Михайловского артиллерийского училища и академии, с

1889 г. — член распорядительной комиссии по перевооружению армии, с 1890 г. — председатель Комиссии по вооружению крепостей; член Военного совета 263
Деньер 261
Дерби Эдуард Генри Стэнли (1826–1893), граф, английский государственный деятель; с 1848 по 1869 г. — член Палаты общин, в 1852 г. — товарищ министра иностранных дел, в 1858 г. — министр по делам Индии, в 1866 г. — товарищ министра иностранных дел, с 1868 по 1878 г. — министр иностранных дел Великобритании, член Палаты лордов, в 1882 г. — министр колоний 181
Дервиш-паша Ибрагим (1817–?), турецкий генерал, дипломат, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказском театре военных действий 241
Дефферин (Differin) Фредерик (1826–?), британский дипломат, с 1879 по 1881 г. — посол в Петербурге, с 1881 г. — в Константинополе 34, 35, 37–39, 42, 45, 47–49, 54, 59, 74, 76, 78, 120, 121, 126, 129, 138, 140, 181, 188, 190, 193, 195, 209, 212, 218, 220, 223, 224, 260, 304
Дефферин, леди, жена британского посла лорда Ф. Дефферина 38
Джевецкий Степан Карлович (1843–1938), инженер, изобретатель в области авиации и судостроения 137, 149
Дизраэли Бенджамин, лорд Биконсфильд (1804–1881), граф, английский государственный деятель; с 1848 г. — один из лидеров тори, в 1852, 1858–1859, 1866–1868 гг. — канцлер казначейства, в 1868, 1874–1880 гг. — премьер-министр Великобритании 29, 39, 121, 167, 169, 224, 232
Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь, флигель-адъютант (1880); сын великого князя Константина Николаевича 67
Доброславин Алексей Петрович (1842–1889), врач, с 1871 г. — профессор по кафедре гигиены Петербургской медико-хирургической академии 131
Долгорукая Екатерина Михайловна (1846–1922), княжна, светлейшая княгиня Юрьевская, с 1880 г. в морганатическом браке с императором Александром II 220, 224–227, 233, 235, 241, 244, 270, 275, 337–340, 347
Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, генерал-адъютант (1855), генерал от кавалерии (1867); в 1856–1891 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 52, 71, 110
Долгоруков Николай Сергеевич (1840–1913), князь, флигель-адъютант, генерал-адъютант (1896), генерал от инфантерии (1906); с 1876 г. — полковник лейб-гвардии Преображенского полка; с 1879 по 1886 г. — состоял при германском императоре, с 1886 по 1889 г. — русский посланник в Персии 101
Домонтович Константин Иванович (1820–1891), сенатор, тайный советник; с 1842 г. — чиновник Министерства государственных имуществ, с 1859 г. — помощник статс-секретаря, в 1865–1874 гг. — директор Департамента окладных сборов Министерства финансов 344
Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1869); с 1869 по 1878 г. — киевский генерал-губернатор; в 1877–1878 гг. — командующий 13-го армейского корпуса; с апреля 1878 г. — императорский комиссар в Болгарии, с февраля 1879 г. — командующий русским оккупационным корпусом в Болгарии; с февраля 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, с января 1881 г. — временный одесский генерал-губернатор, с 1882 по 1890 г. — главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий

войсками Кавказского военного округа 23, 26, 27, 32, 33, 47, 48, 54, 56, 59, 72, 74, 91, 92, 98, 123, 126, 149, 154, 158, 160, 257, 370, 372, 379
Дондуковы-Корсаковы 108
Дост Мухаммед хан (Дост-Магомет) (1790 или 1793 — 1863), эмир Афганистана с 1834 г. 124, 215
Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881), русский писатель 265
Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891); в 1863–1869 гг. — профессор Николаевской академии Генерального штаба, в 1864–1867 гг. одновременно — начальник штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1869–1873 гг. — начальник штаба Киевского военного округа, в 1873–1877 гг. — командир 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба, в 1889–1903 гг. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1898–1903 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; с 1903 г. — член Государственного совета 70, 78, 344, 389
Дрентельн Александр Романович (1820–1888), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867); с 1872 г. — командующий войсками Киевского военного округа, в 1878–1880 гг. — шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник военных сообщений армии, действовавшей на балканском театре военных действий, в 1880 г. — временный одесский генерал-губернато и командующий войсками Одесского военного округа, с 1881 г. — киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; член Государственного совета 25, 42–44, 50, 52, 110, 127, 144, 153, 155–158, 160, 166, 168, 173, 191, 194, 197, 257, 333, 376, 388
Дюфор (Dufaure) Жюль Арман Станислав (1798–1881), французский политический деятель; в 1877–1879 гг. — председатель Совета министров 131

Евреинов, полковник, военный историк 163
Евреинов Николай Петрович, штабс-капитан, адъютант Д.А. Милютина 344
Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, с 1851 г. жена герцога Георга Августа Эрнеста Карла Людвига (Георга Георгиевича) Мекленбург-Стрелицкого 112, 271
Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица с 1741 г. 358

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), деятель «Народной воли», организатор убийства императора Александра II 274, 299, 300, 307
Жомини Александр Генрихович (1814–1888), барон, действительный тайный советник, статс-секретарь; в 1856–1888 гг. — старший советник Министерства иностранных дел, в 1875 г. в течение 7 месяцев управлял Министерством иностранных дел; в 1879–1880 гг. — товарищ министра иностранных дел 38, 59, 90, 112, 113, 119, 120, 126, 140, 147, 166–168, 174, 175, 183, 184, 188, 222, 232, 234, 236, 242, 268, 269, 292, 295

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфеньевич (1808–1881), экономист, статистик, писатель, действительный тайный советник (1877); в 1856–1859 гг. — директор Департамента земледелия Министерства государственных имуществ, в 1859–1860 гг. — член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, с 1859 г. — член Совета министра госу-

дарственных имуществ, председатель Ученого комитета того же министерства, в 1863–1867 гг. — статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета, управляющий делами Департамента государственной экономии Государственного совета, с 1875 г. — член Департамента государственной экономии Государственного совета 296, 394, 395

Здекауер Николай Фёдорович (1815–1897), действительный тайный советник, лейб-медик (1860); с 1863 г. — заслуженный профессор и почетный член Петербургской медико-хирургической академии, в 1884–1889 гг. — председатель Медицинского совета Министерства внутренних дел 25

Зелёный (Зеленой) Александр Алексеевич (1819–1880), генерал от инфантерии (1869), генерал-адъютант (1863); в 1856–1862 гг. товарищ министра, в 1862–1872 гг. министр государственных имуществ; член Государственного совета 56, 98, 177

Зиат-Бей, домашний секретарь турецкого султана Абдул-Гамида II 63

Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917), действительный тайный советник (1895); в 1876–1883 гг. — посланник России в Персии, с 1883 г. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1891 г. — посланник в Стокгольме, в 1897–1909 гг. — посланник в Константинополе; с 1909 г. — член Государственного совета 25, 71, 140

Зуров Александр Елпидифорович (1837–1902), генерал от кавалерии; в 1878–1880 гг. — петербургский градоначальник 144, 156, 197

Зыков Сергей Павлович (1830–1917), генерал-майор, военный писатель; в 1865–1868 гг. — редактор газеты «Русский инвалид», с 1878 г. — начальник штаба морской и береговой обороны Кронштадта, с 1875 г. — редактор журнала «Досуг и дело», в 1894–1897 и 1904–1907 гг. — редактор журнала «Русская старина»; член Военно-ученого комитета Главного штаба 344

Иванова (Борейша) Софья Андреевна (1856–1927), член Исполнительного комитета организации «Народная воля» 143

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906), граф, генерал от кавалерии (1898), генерал-адъютант (1904); в 1873–1881 гг. — командир Кавалергардского полка, в 1874–1881 гг. — член Главного комитета по устройству и образованию войск, в 1881–1884 гг. — начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1885 г. — генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками Иркутского военного округа (с 1887 г. — иркутский генерал-губернатор), в 1889–1897 гг. — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор; с 1896 г. — член Государственного совета 257

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф (1877), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1882); в 1861–1864 гг. — директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции, в 1867–1877 гг. — посол в Турции, в 1879–1880 гг. — временный (на период ярмарки) нижегородский генерал-губернатор, в марте–мае 1881 г. — министр государственных имуществ, с мая 1881 г. по май 1882 г. — министр внутренних дел; член Государственного совета 71, 72, 128, 130, 185, 191, 192, 289, 290, 297, 302, 309, 311, 312, 319, 321, 323–325, 330, 367, 381, 392

Игнатьев Павел Николаевич (1797–1879), граф (1877), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1846); в 1872–1879 гг. — председатель Комитета министров и Кавказского комитета; член Государственного со-

вета; отец А.П. и Н.П. Игнатьевых 115, 119, 129, 130, 139

Измаил-паша (1830–1895), правитель Египта в 1863–1879 гг., хедив с 1867 г. 68–70

Имеретинский (Багратион-Имеретинский) Александр Константинович (1837–1900), светлейший князь (1865), генерал от инфантерии (1891), генерал-адъютант (1878); с 1873 по 1875 г. — начальник штаба Варшавского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник 2-й пехотной дивизии, затем начальник штаба действующей армии, с 1879 по 1881 г. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, в 1880 г. — член Верховной распорядительной комиссии, с 1881 по 1891 г. — начальник Главного военно-судного управления и главный военный прокурор, с 1897 г. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; с 1892 г. — член Государственного совета 53, 55, 257, 265, 376, 377, 382

Ионин Александр Семёнович (1837–1900), путешественник, дипломат; до 1869 г. — консул в Янине, с 1878 г. — министр-резидент в Черногории; в 1883 г. временно управлял генеральным консульством в Софии, с 1883 по 1892 г. — чрезвычайный посол и полномочный министр в Бразилии, с 1897 по 1900 г. — посланник в Швейцарии 66, 241

Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1865); в 1859–1863 гг. — попечитель Московского учебного округа, в 1863–1881 гг. — начальник Главного управления военно-учебных заведений; с 1881 г. — член Государственного совета 40, 195, 253, 254, 256, 331, 333

Исидор (в миру — Никольский Яков Сергеевич) (1799–1892), митрополит Новгородский, Петербургский и Финляндский с 1860 г.; член Святейшего Синода 30, 139

Каваньяри (Cavagnari) Пьер Луи Наполеон (1841–1879), британский офицер, исполнявший дипломатические поручения в Пенджабе и Афганистане 88

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), юрист, философ, публицист; профессор Московского (1844–1848) и Петербургского (1857–1861) университетов, с 1882 г. — президент Вольного экономического общества 141, 235

Кадри-паша, турецкий государственный деятель 229

Казнаков Николай Геннадиевич (1824–1885), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант (1867); с 1864 по 1866 г. — киевский губернатор, с 1875 по 1881 г. — генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Западно-Сибирского военного округа; член Государственного совета 38, 52, 54, 55, 149

Каллай (Kallay) Вениамин (1839–1903), австро-венгерский дипломат 214

Кальноки Густав (1832–1898), граф, австро-венгерский дипломат; с 1874 г. — посланник в Копенгагене, с 1880 г. — посол в Петербурге, с 1881 г. — министр иностранных дел и председатель общеимперского Совета министров 74, 76, 185, 218, 224, 259

Кампо-Саградо, де, маркиз, испанский посланник в России с 1881 г. 327

Каравелов Петко (1843–1903), болгарский политический деятель либерального направления; в период 1879–1884 гг. несколько раз занимал пост премьер-министра и министра финансов 108, 113, 234

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), член революционного кружка Н.А. Ишутина, совершивший 4 апреля 1866 г. покушение на жизнь императора Александра II; казнен 356, 360

Караконосов, член болгарской депутации, в июне 1879 г. посетившей Петербург 60
Карл Александр Август Иоганн (1818–1900), великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский 203, 252, 254
Карл-Людвиг (1833–1896), эрцгерцог австрийский, с 1889 г. наследник австрийского престола 288
Карышев, инженер путей сообщения 103, 105
Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель и редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887) и журнала «Русский вестник» (1856–1887) 318, 321, 374
Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929), барон, инженер-генерал, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, почетный член Петербургской Академии наук, исследователь Средней Азии; с 1869 г. — старший адъютант штаба войск Семиреченской области, с 1870 г. состоял для особых поручений при штабе Туркестанского военного округа, в 1872–1874 гг. — старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, с 1875 г. — начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии, с 1880 г. — командир 1-й кавалерийской бригады 14-й кавалерийской дивизии, в 1882–1883 гг. — военный министр в болгарском правительстве, в 1883–1892 гг. командовал сначала кавалерийской бригадой, затем корпусом, с 1900 г. — командир 2-го Сибирского армейского корпуса, в 1904 г. — командующий войсками Одесского военного округа, в 1904–1905 гг. командовал 3-й и 2-й Маньчжурскими армиями, в 1905–1909 гг. — войсками Одесского военного округа; член Русского географического общества 38
Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882), инженер-генерал (1875), генерал-адъютант (1864); с 1861 г. — директор канцелярии Военного министерства, в 1865–1866 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1867–1882 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 22, 23, 32, 70–72, 91, 92, 106, 124, 149, 231, 261, 273, 331, 333
Кауфман Максим Константинович (1853–?), флигель-адъютант, подпоручик 273
Кауфман Михаил Петрович, фон (1821–1902), инженер-генерал (1878), генерал-адъютант (1869); с 1860 г. — начальник Николаевской инженерной академии и училища, с 1862 г. — член Особого комитета о преобразовании военно-учебных заведений, Комитета об изменении численности войск, Комитета для составления военно-судебного устава, Комитета по устройству и образованию войск, в 1866–1879 гг. — главный интендант Военного министерства и начальник Главного интендантского управления, в 1879–1882 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части и начальник Главного инженерного управления; с 1882 г. — член Государственного совета; с 1883 по 1898 г. — председатель Главного управления Российского общества Красного Креста 72, 326
Кевенгюллер (Khevenhuller), граф, австрийский дипломатический агент в Болгарии, в 1880–1881 гг. — генеральный консул в Софии 258
Кёне (von Koehne) Борис Васильевич, фон (1817–1886), барон, археолог, нумизмат и знаток геральдики 190, 191
Кесяков Константин, полковник 63, 64, 322
Кибальчич Николай Иванович (1853–1881), член организации «Народная воля» 299
Киселёв Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, генерал от инфантерии (1834), генерал-адъютант (1823); в

1837–1856 гг. — министр государственных имуществ, в 1856–1862 гг. — посол во Франции, с 1862 г. — в отставке; член Государственного совета; дядя Д.А. Милютина 395

Кистер Карл Карлович (1820–1893), барон, тайный советник, статс-секретарь; в 1859–1881 гг. — управляющий контролем, в 1864–1881 гг. — управляющий кассой Министерства императорского двора, в 1875–1881 гг. фактически возглавлял дирекцию Императорских театров 336

Киттары Модест Яковлевич (1825–1880), химик-технолог; тайный советник; профессор Московского университета; с 1879 г. — председатель Ученого комитета интендантского ведомства 184

Клейнмихель, графиня 371

Клем Василий Карлович, генерал-лейтенант, автор акварели эпизодов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 163

Климент (в миру — Друмев Василий) (1838–1901), митрополит Тырновский; болгарский общественный деятель и писатель 60, 61

Клюпфель Владислав Филиппович (1796–1885), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Александровского комитета о раненых 164

Ковалевский Михаил Евграфович (1829–1884), действительный тайный советник (1883), сенатор (1870); с 1878 г. — первоприсутствующий Уголовного кассационного департамента Сената, в 1880–1881 гг. провел ревизии Уфимской, Казанской, Оренбургской губерний, а также управления оренбургского генерал-губернаторства; с 1881 г. — член Государственного совета 381, 382

Козакевич Пётр Васильевич (1814–1887), генерал-адъютант, адмирал; в 1871–1884 гг. — командир Кронштадтского порта и военный губернатор 373

Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907), полковник Генерального штаба, с 1871 г. в отставке; с 1871 г. — редактор газеты «Русский мир»; в 1875 г. отправился добровольцем в Сербию, в 1876 г. — начальник штаба сербской Тимоко-Моравской армии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1879–1882 гг. — редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости», с 1882 г. — издатель газеты «Свет», в 1886–1891 гг. — журнала «Звезда» 385

Комаровский Алексей Евграфович (?–1895), граф, член Московского славянского комитета 141

Константин Константинович (1858–1915), великий князь, второй сын великого князя Константина Николаевича; генерал от инфантерии; поэт, переводчик, драматург (писал под псевдонимом «К.Р»); в период русско-турецкой войны 1877–1878 г. участвовал в действиях против турецкого флота на Дунае, с 1880 по 1882 г. — командир роты Гвардейского экипажа, с 1883 по 1891 г. — командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку, с 1891 по 1900 г. — командир лейб-гвардии Преображенского полка, с 1900 г. — главный начальник военно-учебных заведений, с 1910 г. — генерал-инспектор военно-учебных заведений; с 1889 г. — президент Петербургской Академии наук 66, 68

Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, генерал-адъютант; с февраля 1855 г. по званию генерал-адмирала на правах министра управлял флотом и Морским министерством; с 1860 г. — председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862–1863 гг. — наместник Царства Польского и главнокомандующий войсками в Царстве Польском, в 1865–1881 гг. — председатель Государственного совета 23, 26, 65–68, 113, 114, 118, 119, 127, 131, 132, 138, 159, 165, 170, 181–183, 186, 201, 209, 244, 245,

274, 280, 282, 284, 289–291, 293–296, 302, 306, 310, 316, 330, 347–349, 370–374, 377, 379, 383, 384, 394

Корнилов Владимир Алексеевич (1805–1854), адмирал; в 1824–1826 гг. — офицер флотского Гвардейского экипажа, участник Наваринского сражения 1827 г., в 1830–1832 гг. — капитан тендера «Лебедь», в 1834–1835 гг. — брига «Фемистокл», в 1836–1838 гг. — корвета «Орест», в 1838–1841 гг. — начальник штаба эскадры адмирала М.П. Лазарева и капитан линейного корабля «Двенадцать Апостолов», в 1846 г. командирован в Великобританию для заказа и постройки пароходфрегата «Владимир», с 1849 г. — начальник штаба Черноморского флота, в 1854 г. — начальник штаба всех войск, находящихся в Севастополе 379

Короткевич Николай Андреевич (1853–?), член организации «Черный передел» 147

Костанда Апостол Спиридонович (1817–1898), генерал-адъютант, генерал от артиллерии; с 1872 г. — начальник артиллерии Варшавского, с 1879 г. — Петербургского военных округов, в 1880 г. — помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа; член Государственного совет 168, 171

Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884), граф (1874), генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант; в 1856–1859 гг. — начальник штаба 1-й армии, в 1862–1874 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, в 1874–1880 гг. — варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа; в октябре–ноябре 1881 г. — председатель Особой комиссии для обсуждения вопросов, касающихся устройства центрального и высшего местного строевого управления в России; член Государственного совета 80, 164, 168, 191, 192, 196, 376, 379, 384, 385, 388, 390

Кочубей Пётр Аркадьевич (1825–?), председатель Императорского русского технического общества 195

Кояндер Александр Иванович, надворный советник; в 1878 г. — секретарь русского посольства в Китае, в 1880 г. — консул в Пекине 209, 218, 255

Красовский Николай Иванович, генерал-майор, в 1880–1881 гг. — командующий Восточно-Сибирской стрелковой бригадой 197

Кремер Оскар Карлович (1829–1904), генерал-адъютант (1886), адмирал (1896); в 1879 г. — начальник морского отряда у берегов Греции; с 1896 г. — член Государственного совета 220, 241

Крукс (Crookes) Уильям (1832–1919), английский естествоиспытатель 195

Крыжановский Николай Андреевич (1818–1888), генерал-адъютант, генерал от артиллерии; с 1857 г. — директор Михайловского артиллерийского училища; в 1860 г. — начальник штаба 1-й армии в Царстве Польском; с 1861 гг. — варшавский генерал-губернатор и заведующий Особой канцелярией наместника Царства Польского, в 1865–1881 гг. — оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа; член Военного совета; с 1881 г. в отставке 28, 37, 54, 382

Крылов Иван Андреевич (1768–1844), русский баснописец 38

Крылова (Розанова) Мария Константиновна (1842–1916), член организаций «Земля и воля», «Черный передел» 147

Кудрявский Христиан Емельянович (1814–?), тайный советник, с 1879 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Мадриде 123

Кумани Алексей Михайлович (1835–?), статский советник; в 1876–1880 гг. — генеральный консул в Париже, в 1880–1881 гг. — в Болгарии, в 1882–1883 гг. — в Кадиксе, в 1883–

1886 гг. — в Марселе, в 1886–1891 гг. — посланник в Китае 124, 174–176, 234, 287

Куммерау Макс Эммануилович, подполковник Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1879 г. — военный агент в Константинополе и член комиссии по разграничению Восточной Румелии 177, 186, 210

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902); участник экспедиций в Среднюю Азию и русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1878 г. — заведующий Азиатской частью Главного штаба Военного министерства, в 1879 г. — командир Туркестанской стрелковой бригады, в 1890–1898 гг. — начальник Закаспийской области, в 1898–1904 гг. — военный министр, в феврале–октябре 1904 г. — командующий Маньчжурской армией, в январе 1904 г. — марте 1905 г. — главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке, во время 1-й мировой войны — командующий Гренадерским корпусом (сентябрь–декабрь 1915 г.), 5-й армией (декабрь 1915 г. — февраль 1916 г.), главнокомандующий армиями Северного фронта (февраль–июль 1916 г.), в 1916–1917 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 25, 38, 70, 264

Кутайсов Павел Ипполитович (1839–1911), граф, генерал от инфантерии, сенатор; с 1873 по 1880 г. — нижегородский губернатор, в 1882 г. — начальник жандармерии Варшавского военного округа 72, 128

Лаврентьев Александр Иванович (1830–1894), генерал-майор, военный писатель, редактор «Военного сборника» 344

Лазарев Иван Давидович (1820–1879), генерал-лейтенант (1866), генерал-адъютант (1877); участник штурма Карса в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1879 г. — начальник Ахалтекинского экспедиционного отряда; умер в начале похода 80

Лазарев Михаил Петрович (1788–1851), адмирал, знаменитый русский мореплаватель 379

Лангенау (Langenau), барон, австрийский генерал от кавалерии; в 1871–1879 гг. — австрийский посол в России 31, 74, 141

Лалаев Матвей Степанович (1828–1912), генерал от артиллерии, военный педагог и писатель, историк военно-учебных заведений 163

Ландсберг Карл, прапорщик лейб-гвардии саперного батальона 69

Лауэр (Lauer) Густав, фон (1807–1889), лейб-медик германского императора Вильгельма I 82

Лаярд (Layard) Остен Генри (1817–1894), британский государственный деятель, историк и археолог; с 1854 г. — член Палаты общин, в 1861–1866 гг. — товарищ министра иностранных дел, в 1877–1881 гг. — британский посол в Константинополе 101–103, 107, 186

Лейхтенбергский Юрий Максимилианович, см. *Романовский* Ю.М.

Лендорф (Lehndorf) Генрих, фон, граф, генерал-адъютант свиты германского императора Вильгельма I 82

Леонтий (в миру — Лебединский Иван Алексеевич) (1822–1893), с 1850 г. — ректор Петербургской духовной семинарии, с 1860 г. — епископ Ревельский и викарий Петербургской метрополии, с 1863 г. — епископ Подольский, с 1873 г. — архиепископ Подольский, с 1874 г. — архиепископ Херсонский; с 1875 г. — архиепископ Варшавский и Холмский, с 1891 г. — митрополит Московский 80

Леруа-Больё (Leroy-Beaulieu) Анатоль (1842–1912), французский публицист,

историк, автор нескольких трудов о России 353, 354, 356–358, 362, 363, 365, 367

Лесовский Степан Степанович (1817–1884), адмирал (1881), генерал-адъютант (1869); гидрограф-исследователь; в 1863–1864 гг. — командир эскадры у Атлантического побережья Америки, с 1864 по 1866 г. — командир группы кораблей в Средиземном море, с 1866 г. — главный командир Кронштадского порта и военный губернатор Кронштадта, с 1871 по 1876 г. — помощник управляющего Морским министерством, с 1876 г. — управляющий Морским министерством, с 1880 г. — главный начальник русских морских сил на Тихом океане, в 1882–1884 гг. — председатель Комиссии по переработке Морского устава; член Государственного совета 138, 182, 183, 209, 232

Лефло (Le-Flo) Адольф Шарль Эммануил (1804–1887), французский генерал, с 1871 по 1879 г. — французский посол в России 29, 35

Ливен Андрей Александрович (1839–1913), светлейший князь, действительный тайный советник (1913), камер-юнкер (1862), статс-секретарь (1874–1882, 1913), сенатор (1876); с 1872 г. — товарищ министра государственных имуществ, с декабря 1879 г. по март 1881 г. — управляющий Министерством государственных имуществ; член Государственного совета 130, 253, 283, 297

Ливен Вильгельм Карлович (1800–1880), барон, генерал-адъютант (1845), генерал от инфантерии (1859); с 1845 г. — генерал-квартирмейстер Главного штаба Е. И. В., в 1861–1864 гг. — лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, в 1871–1880 гг. — обер-егермейстер императорского двора; член Государственного совета 150, 151, 154, 333

Литвинов Николай Павлович (1833–1891), генерал-адъютант, генерал-лейтенант; в 1881–1885 гг. — комендант Императорской Главной квартиры 182, 298

Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, действительный тайный советник (1879), статс-секретарь (1870), сенатор (1867), камергер; в 1867–1878 гг. — товарищ министра внутренних дел, в 1878–1879 гг. — посол в Константинополе, в 1879–1882 гг. — в Лондоне, с 1882 г. — посол в Вене, с 1895 г. — министр иностранных дел 21, 27, 30, 61–63, 65, 90, 101, 103, 107, 108, 113, 126, 131, 133, 134, 153, 175, 183, 195, 208, 295

Лобко Павел Львович (1838–1905), генерал от инфантерии (1900); с 1867 г. — адъюнкт-профессор, с 1870 г. — профессор, с 1883 г. — заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации; с 1868 г. — делопроизводитель канцелярии Военного министерства, с 1877 г. состоял при военном министре во время поездки Е. И. В. на театр военных действий, с 1881 г. — помощник, с 1884 по 1898 г. — начальник канцелярии военного министра, с 1881 г. — управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба; с 1898 г. — член Государственного совета 344, 391

Ломакин Николай Павлович (1830–?), генерал-майор, участник Хивинского похода, старший помощник начальника Северного Дагестана 80, 91, 95, 101, 259

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф (1878), генерал от кавалерии (1875), генерал-адъютант (1865); с 1855 г. — начальник Карской области, в 1859–1863 гг. — военный начальник Южного Дагестана, дербентский градоначальник, в 1863–1875 гг. — начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, в 1876–1879 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса,

участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с апреля 1879 г. по февраль 1880 г. — временный харьковский генерал-губернатор, в 1880–1881 гг. — председатель Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел; член Государственного совета 25, 28, 52, 53, 68, 148, 157–161, 164–166, 168, 189, 190, 192, 194, 198, 199, 203, 211, 212, 215, 216, 220, 224, 225, 235, 238, 242, 253, 254, 256, 265, 274–277, 279–282, 285, 289, 290, 292, 293, 305, 307, 309–321, 323–325, 327–329, 334, 336, 340, 343, 350, 354, 356–358, 361, 363, 365

Лофтус Август (1817–1904), лорд, британский государственный деятель, дипломат; с 1858 г. — посланник в Вене, затем в Берлине; с 1871 по 1879 г. — посол в России, с 1879 по 1885 г. — губернатор Нового Южного Уэльса 29

Лубкин (1857–1880), наборщик в типографии «Народной воли» 143, 144

Луиза Вильгельмина Фредерика Шарлота (1817–1898), урожденная принцесса Гессен-Кассельская, датская королева, с 1842 г. жена короля Христиана IX, мать императрицы Марии Фёдоровны 374

Людвиг (1854–1921), сын принца Александра Гессенского, брат Александра Баттенбергского 152, 172

Лярский, см. *Вонлярлярский* Н.М.

Майдель Егор Иванович (1817–1881), барон, генерал от инфантерии (1871), генерал-адъютант (1876); с 1850 г. — командир Кабардинского егерского полка, в 1851 г. — 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, в 1855 г. — Кавказской резервной гренадерской бригады; с 1855 г. последовательно командовал 2-й гвардейской резервной пехотной дивизией, резервной дивизией Отдельного гренадерского корпуса, 5-й, 32-й и 35-й пехотными дивизиями; с 1876 г. — комендант Петербургской (Петропавловской) крепости 295, 298

Мальком-хан, персидский посланник в Великобритании в 1873 г. 195

Маков Лев Савич (1830–1883), действительный тайный советник (1880), статс-секретарь (1878); с 1865 г. — правитель Особенной канцелярии министра внутренних дел, с 1876 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1878–1879 гг. — управляющий Министерством внутренних дел, в 1879–1880 гг. — министр внутренних дел, в 1880–1881 гг. — министр почт и телеграфов и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий; член Государственного совета 24, 25, 28, 34, 44, 50, 115, 127, 144, 155–158, 191–194, 279, 282–284, 290, 291

Макушина Елизавета Петровна, старшая камер-юнгфера императрицы Марии Александровны 202

Мальцев Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, промышленник, владелец ряда крупных заводов 197

Мансуров Борис Павлович (1826–1910), сенатор; член Государственного совета 372

Мантейфель Эдвин Ганс Карл (1809–1885), граф, генерал-фельдмаршал; с 1848 г. — флигель-алъютант короля Пруссии, в 1865 г. — губернатор Шлезвига, во время австро-прусской войны 1866 г. — руководитель военных операций в Германии, во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. — начальник 1-го армейского корпуса, 1-й германской и Южной армий, затем командовал оставленной во Франции оккупационной армией, в 1876–1878 гг. выполнял дипломатические поручения при русском дворе 77–80, 82, 83, 86–88

Мария Александровна (1824–1880), урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, с 1855 г. российская императрица, жена императора Александра II 21, 22, 34, 51, 54, 56, 60, 62, 65–67, 73–75, 89, 93, 95, 120, 124, 139, 141,

143, 144, 146, 152, 155, 197, 198, 201–203, 206, 207, 210, 215, 225, 226, 265
Мария Александровна (1853–1920), великая княгиня, дочь императора Александра II, с 1874 г. жена принца Альфреда Эдинбургского, с 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская 99, 144, 172, 211, 220, 275, 277, 309
Мария Каролина Августа (1850–1922), великая герцогиня Мекленбург-Шверинская с 1868 г. 21, 23, 24
Мария Павловна (1854–1920), великая княгиня, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская, с 1874 г. жена великого князя Владимира Александровича 64–67, 139, 182, 320
Мария Фёдоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847–1928), дочь датского короля Христиана IX, с 1866 г. жена наследника престола великого князя Александра Александровича, с 1881 г. российская императрица 68, 111, 120, 223, 235, 244, 274, 275, 277, 286, 291, 293, 301, 304, 307, 308, 319, 320, 342, 343
Мария Христина (1858–1929), жена испанского короля Альфонса XII с 1879 г., регентша Испании в 1885–1902 гг. 129
Мартенс Фёдор Фёдорович (1845–1909), тайный советник, дипломат, юрист, публицист; в 1873–1905 гг. — профессор международного права Петербургского университета; с 1873 г. — чиновник особых поручений при государственном канцлере А.М. Горчакове; с 1881 г. — непременный член Совета министра иностранных дел 209
Мартынов Пётр Михайлович, гвардии капитан, в 1881 г. — адъютант военного министра 344
Махмуд-Недим-паша (1810–1883), турецкий государственный деятель, в 1879–1883 гг. — министр внутренних дел 101
Мельников Александр Александрович (1827–?), сенатор; с 1875 г. — вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел; в 1883–1886 гг. — посол в Персии 38, 166, 184, 222, 236, 340
Мельниковы 110
Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), химик, в 1865–1890 гг. — профессор Петербургского университета 131
Меншиков Владимир Александрович (1815–1893), светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1853–1855 гг. — управляющий делами Императорской Главной квартиры, с 1856 по 1857 г. — член Комитета по улучшению ружей, с 1857 по 1872 г. — член Государственного коннозаводства; с 1872 г. — член Военно-госпитального комитета 164
Меншуткин Николай Александрович (1842–1907), химик, общественный деятель; с 1869 г. — экстраординарный, с 1876 г. — ординарный профессор Петербургского университета 131
Мехмет-Али-паша (1827–1878), генерал турецкой армии, в 1875–1876 гг. — командующий отдельным корпусом в Боснии, в период войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий турецкой армией в Болгарии 108
Мещеринов Григорий Васильевич (1827–1901), генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1868); с 1855 г. — начальник штаба 5-го армейского корпуса, в 1863–1865 гг. — руководитель Главного управления Генерального штаба в должности вице-директора, с 1866 г. — помощник начальника Главного штаба, с 1881 по 1882 г. — генерал-губернатор Западной Сибири, командующий войсками Западно-Сибирского военного округа и наказной атаман Сибирского казачьего войска, с 1882 г. — командующий войсками Казанского военного округа 70, 187, 222
Милена (1847–1923), княгиня, дочь воеводы Петра Вукотича, с 1860 г. жена черногорского князя Николая I Петровича Негоша 344, 345

Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), сын Д.А. Милютина; генерал-лейтенант; участник Хивинской экспедиции 1873 г., в 1877 г. командирован в распоряжение главнокомандующего, состоял при Донской казачьей бригаде, затем при 2-й бригаде 2-й Донской казачьей дивизии, в 1880–1885 гг. — командир Крымского дивизиона, с 1887 г. — исполняющий должность коменданта Императорской Главной квартиры, в 1888–1890 гг. — харьковский вице-губернатор, в 1892–1902 гг. — курский губернатор 73, 108, 112, 145, 164, 228, 237, 241, 270, 346, 347, 349, 363, 369

Милютин Алексей Михайлович (1780–1846), отец Д.А. Милютина 367

Милютин Борис Алексеевич (1830–1886), брат Д.А. Милютина; действительный статский советник, юрист; с 1859 г. — чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, с 1874 по 1882 г. — товарищ главного военного прокурора, сотрудник статс-секретаря В.Д. Философова по военно-судебной реформе 370

Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), брат Д.А. Милютина; тайный советник (1860), сенатор (1861); с 1852 г. — директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1859–1860 гг. — член и один из руководителей Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864–1866 гг. — статс-секретарь по делам Царства Польского, с 1866 по 1867 г. — главный начальник Собственной Е. И. В. канцелярии по делам Царства Польского; член Государственного совета 28, 146, 192, 361, 362, 395

Милютина Елена Дмитриевна (1857–1882), в замужестве Гершельман, младшая дочь Д.А. Милютина 184, 198, 201, 209, 217, 269–270, 274, 340, 371

Милютина Елизавета Дмитриевна (1794–1838), урожденная Киселёва, мать Д.А. Милютина 367

Милютина Елизавета Дмитриевна (1844–1938), в замужестве Шаховская, дочь Д.А. Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны 21, 35, 68, 155, 206, 273, 309, 336, 342–344, 346, 385

Милютина Мария Алексеевна, см. *Мордвинова* М.А.

Милютина Мария Дмитриевна (1854–1882), дочь Д.А. Милютина 227, 240

Милютина Надежда Дмитриевна (1850–1913), в замужестве Долгорукова, дочь Д.А. Милютина 64, 108, 120, 227, 240, 384, 388

Милютина Наталья Михайловна (1820–1912), урожденная Понсэ, жена Д.А. Милютина 60, 65–67, 108, 120, 140, 206, 227, 344–346, 349, 369

Милютина Ольга Дмитриевна (1848–1926), дочь Д.А. Милютина 108, 221, 227

Минаев Иван Павлович (1840–1890), востоковед, основатель русской индологической школы; с 1873 г. — профессор Петербургского университета 118

Минквиц Александр Фёдорович (1816–1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1873 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа, с 1877 г. — командующий войсками Харьковского военного округа; с 1878 г. — член Военного совета 53, 55

Минков Тодор, в период 1876–1877 гг. состоял при князе В.А. Черкасском 150

Мирский Леон Филиппович (1859–1919), член организации «Земля и воля», покушавшийся в 1879 г. на шефа жандармов А.Р. Дрентельна 110

Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878); в 1862–1881 гг. — наместник на Кавказе, в 1862–1865 гг. — главнокомандующий Кавказской армией, в 1865–1881 гг. —

главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, в 1881–1905 гг. — председатель Государственного совета; с 1892 г. — председатель Александровского комитета о раненых 23, 25, 26, 31, 50, 80, 160, 162, 163, 166–169, 171–174, 185–187, 197, 206, 207, 258, 259, 261–265, 271, 273, 280, 282, 284, 293, 294, 303–308, 310, 315, 324–326, 329, 340, 350, 382, 383, 388

Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881), член организации «Народная воля» 198, 274, 299, 304

Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880), член организации «Народная воля», стрелявший в 1880 г. в М.Т. Лорис-Меликова 165

Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800–1891), граф, фельдмаршал германской армии; с 1855 г. — адъютант прусского кронпринца Фридриха-Вильгельма, с 1858 по 1888 г. — начальник Генерального штаба 97, 145, 384

Мордвинов Семён Александрович (1825–1900), тайный советник, сенатор; зять Д.А. Милютина 345, 377

Мордвинова Александра Семёновна (1866 – не ранее 1903), в замужестве Салова, дочь С.А. Мордвинова, племянница Д.А. Милютина 346, 377

Мордвинова Мария Алексеевна (1822–1883), урожденная Милютина, в первом браке Авдулина, сестра Д.А. Милютина 345, 346

Муравьёв (с 1865 г. Муравьёв-Виленский) Михаил Николаевич (1796–1866), граф (1865), генерал от инфантерии (1856), сенатор (1842); в 1851–1861 гг. — министр государственных имуществ, в 1863–1865 гг. — генерал-губернатор Северо-Западного края, в 1866 г. — председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова; член Государственного совета 156

Муравьёв Николай Валерьянович (1850–1908), действительный тайный советник (1901); с марта 1881 г. исполнял обязанности прокурора при Особом присутствии Сената по делу об убийстве императора Александра II, в 1882–1884 гг. — прокурор Петербургской судебной палаты, в 1894–1905 гг. — министр юстиции 302

Муравьёв-Амурский Николай Николаевич (1809–1881), граф (1858), генерал от инфантерии (1858), генерал-адъютант (1857); в 1847–1861 гг. — иркутский и енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири и командующий войсками в Восточной Сибири, с 1861 г. в отставке; член Государственного совета 392

Мухортова Александра Николаевна, жена З.Н. Мухортова 112

Мухтар-паша, сын султана Абдул-Азиза, генерал турецкой армии, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий турецкими войсками на кавказском театре военных действий 108

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), действительный тайный советник (1876), статс-секретарь (1866), гофмейстер (1862), сенатор (1864); в 1867–1871 гг. — управляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам Царства Польского, в 1878–1885 гг. — министр юстиции; член Государственного совета 37, 44, 52, 149, 153, 157, 158, 273, 276, 277, 279, 282, 283, 293, 311, 313, 316, 319, 321, 381, 382

Намык-паша, чрезвычайный посол Турции в Петербурге в 1879 г. 62, 63, 65

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873), император Франции в 1852–1870 гг. 117, 323

Нахимов Павел Степанович (1803–1855), адмирал, герой обороны Севастополя 1854–1855 гг. 379

Нейперг Эрвин (1813–1897), граф, генерал австро-венгерской службы 78

Неклюдов Пётр Васильевич, камер-юнкер 65

Нелидов Александр Иванович (1835–1910), действительный статский со-

ветник; в 1874–1877 гг. — советник посольства в Константинополе, в 1877–1878 гг. — директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии, с 1879 г. — посланник в Дрездене, с 1883 г. — посол в Константинополе, с 1897 г. — в Риме, с 1903 г. — в Париже 62, 125, 134, 143

Нигра Константин (1827–1907), граф, итальянский политический деятель; с 1859 г. — посол во Франции, с 1876 г. — в России, с 1882 г. — в Великобритании, с 1885 по 1890 г. — в Австрии, с 1890 г. — сенатор 187, 286

Николаи Александр Павлович (1821–1899), барон, действительный тайный советник (1873), статс-секретарь (1863), сенатор (1863); с 1861 г. — товарищ министра народного просвещения, с 1863 г. — начальник Главного управления наместника на Кавказе, с 1875 г. — член Государственного совета, с 1881 по 1882 г. — министр народного просвещения, с 1884 по 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета 297, 305, 307, 309, 311, 313, 315, 319

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. 151, 164, 235, 358, 359, 367, 373, 388

Николай Александрович (1843–1865), великий князь, старший сын императора Александра II, с 1855 г. — наследник-цесаревич 90, 393

Николай Александрович (1868–1918), великий князь, старший сын императора Александра III, с 1881 г. — наследник-цесаревич, с 1894 по 1917 г. — император Николай II 120, 244, 274, 291

Николай Константинович (1850–1894), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича, флигель-адъютант (1867); участник Хивинской экспедиции 1873 г., в 1874 г. в результате громкого скандала, связанного с совершенным им похищением драгоценных камней, был выслан в Оренбург, в 1881 г. переведен в Ташкент под надзор туркестанского генерал-губернатора 170, 171

Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича 186

Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878), генерал-адъютант (1856); с 1856 г. — генерал-инспектор по инженерной части и начальник 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1859 г. — командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса, в 1862–1864 гг. — командир отдельного гвардейского корпуса, в 1864–1880 гг. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — главнокомандующий русской армии, действовавшей на балканском театре военных действий; с 1888 г. — председатель Особой комиссии по составлению проекта положения о полевом управлении войск, член Государственного совета 45, 163, 168, 171–174, 210, 211, 215–217, 221, 244, 245, 261, 278, 280, 282, 350, 391

Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), генерал от кавалерии; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — офицер для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией, с 1878 г. — командир эскадрона, затем дивизиона, с 1884 г. — командир лейб-гвардии Гусарского полка, в 1890 г. — командир 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1895 г. — генерал-инспектор кавалерии; с 1905 по 1908 г. — председатель Совета государственной обороны, с 1905 по 1914 г. — главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1914–1915 гг. — верховный главнокомандующий русской армией, с 1915 г. — наместник на

Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом 278
Николай I Петрович Негош (1841–1921), князь Черногорский с 1860 г., король Черногории с 1910 г. по 1919 г. 226, 229, 241, 325, 345
Николай Фридрих Петер (1827–1900), великий герцог Ольденбургский с 1853 г. 327
Новиков Евгений Петрович (1826–1903), действительный тайный советник (1879); с 1859 г. — советник миссии в Константинополе, с 1865 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции, с 1870 г. — в Австро-Венгрии, с 1879 по 1882 г. — в Турции; с 1882 г. — член Государственного совета 98, 110, 113, 126, 147, 185
Новосильский Фёдор Михайлович (?–1892), генерал-адъютант, адмирал; член Государственного совета 99

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, статс-секретарь, сенатор; в 1853–1862 гг. — директор Комиссариатского департамента Морского министерства, в 1862–1865 гг. — председатель Комиссии для устройства цензуры, в 1866–1870 гг. — директор Таможенного департамента Министерства финансов, в 1870–1872 гг. — товарищ министра государственных имуществ; член Государственного совета 265
Оболенский Михаил Александрович (1821–1886), князь, тайный советник, сенатор; в 1877 г. — русский комиссар при румынском правительстве 173
Оболешев Алексей Дмитриевич (1854–1881), член организации «Народная воля» 198
Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии (1887), генерал-адъютант (1878); с 1867 г. — главноуправляющий Военно-ученым комитетом Военного министерства; в июле-октябре 1877 г. состоял в распоряжении главнокомандующего Кавказской армией, участвовал в планировании военных действий при Аладже и Карсе; в 1881–1897 гг. — начальник Главного штаба, председатель Военно-ученого комитета, с 1897 г. в отставке; с 1893 г. — член Государственного совета 38, 59, 63, 65, 70, 147, 160, 166–168, 178, 203, 215, 251, 329, 340, 341, 344, 368, 375–379, 387, 389, 390
Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), граф, генерал-майор, флигель-адъютант 346
Олсуфьева Анна Михайловна (1835–1899), графиня, урожденная Обольянинова, жена флигель-адъютанта А.В. Олсуфьева, фрейлина 346
Олсуфьевы, см. *Олсуфьев* А.В., *Олсуфьева* А.М.
Ольга Константиновна (1851–1926), великая княгиня, старшая дочь великого князя Константина Николаевича; с 1867 г. королева греческая, жена короля Георга I 55, 56, 67, 68, 201, 222, 223
Ольга Фёдоровна (1838–1891), великая княгиня, урожденная принцесса Баденская, жена великого князя Михаила Николаевича 340
Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1925), принцесса, урожденная княжна Романовская, герцогиня Лейхтенбергская, с 1868 г. жена принца Александра Петровича Ольденбургского 117
Ольденбургский Пётр Георгиевич (Константин Фридрих Пётр) (1812–1881), принц, сын Георга Ольденбургского и великой княгини Екатерины Павловны, генерал от инфантерии (1841), сенатор; в 1841–1859 гг. — президент Вольного экономического общества, в 1842–1881 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, в 1845–1873 гг. — председатель Главного совета женских учебных заведений, в 1860–1881 гг. — главноуправляющий IV отделением Собственной Е. И. В.

канцелярии 115–117, 119, 128, 156, 193, 242, 248, 320, 322, 323, 326, 327

Ону Михаил Константинович (1835–1901), действительный статский советник, в 1878–1880 гг. — первый драгоман русского посольства в Константинополе 108

Оом Фёдор Адольфович (1826–1808), секретарь императрицы Марии Фёдоровны 343

Опочинин Алексей Петрович (1807–1885), генерал от инфантерии 45

Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1861), дипломат; в 1859–1869 гг. — посланник в Брюсселе, в 1869–1870 гг. — в Вене, в 1871–1884 гг. — в Париже, с 1884 г. — в Берлине 77, 93, 113, 167, 180, 181, 295, 302

Островский Михаил Николаевич (1827–1901), действительный тайный советник (1883), сенатор (1872), статс-секретарь (1874); с 1871 г. — товарищ государственного контролера, с 1878 г. — член Государственного совета, в 1881–1893 гг. — министр государственных имуществ; в 1893–1899 гг. — директор Департамента законов Государственного совета 323, 327, 330, 381

Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший (шестой) сын императора Александра II, флигель-адъютант (1880), с 1890 по 1896 г. — командир лейб-гвардии Конного полка; с 1896 по 1898 г. — командир 1-й гвардейской кавалерийской дивизии; с 1898 по 1902 г. — командир Гвардейского корпуса 141, 144, 211, 278

Павлов Платон Петрович (1834–1904), генерал от инфантерии; с 1863 по 1865 г. — правитель канцелярии начальника Терской области, с 1865 по 1868 г. — помощник начальника Кавказского горского управления, в 1866 г. — исполняющий должность начальника Сухумского отдела, с 1868 г. — помощник начальника штаба Кавказского военного округа, с 1870 г. — начальник Кавказского горского управления, с 1872 г. — помощник начальника Терской области, с 1875 г. — начальник штаба Кавказского военного округа, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальник штаба Кавказской армии, в 1881 г. командирован в распоряжение командующего войсками Закаспийской области М.Д. Скобелева, с 1883 г. — командир 6-го армейского корпуса, с 1889 г. — командир 7-го армейского корпуса, с 1891 г. — помощник командующего войсками Варшавского военного округа; с 1894 г. — член Военного совета 303, 306, 307, 315, 385

Паллавичини (Pallavicini), итальянский военный агент в России в 1880–1881 гг. 187, 379

Панютин Степан Фёдорович (1822–1885), тайный советник (1868), статс-секретарь (1878); в 1863–1868 гг. — виленский губернатор, с 1878 г. — товарищ председателя Русского общества Красного Креста, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — председатель эвакуационной комиссии 192

Паренсов Пётр Дмитриевич (1843–1914), генерал от инфантерии; в 1877–1878 гг. — начальник штаба Кавказской казачьей дивизии, затем начальник штаба Рущукского отряда; с 1879 по 1880 г. — болгарский военный министр, с 1881 г. — начальник штаба 2-го армейского корпуса, с 1885 г. — варшавский комендант, затем начальник штаба Варшавского военного округа, с 1890 г. — начальник 6-й кавалерийской дивизии, с 1898 по 1902 г. — комендант Варшавской крепости, с 1902 г. назначен в распоряжение военного министра, с 1906 г. — комендант Петергофа; с 1914 г. в отставке 91, 122, 148, 149, 152, 162, 169, 173, 174, 177

Перетц Егор Абрамович (1833–1899), действительный тайный советник

(1883), статс-секретарь (1872); с 1871 г. — статс-секретарь Департамента законов Государственного совета, в 1878–1883 гг. — государственный секретарь; член Государственного совета 131, 244, 245, 302

Перовская Софья Константиновна (1818–1902), графиня, урожденная Булгакова, жена Б.А. Перовского, фрейлина 393

Перовская Софья Львовна (1853–1881), член Исполнительного комитета организации «Народная воля», один из организаторов убийства императора Александра II 109, 299, 300, 303

Перовский Борис Алексеевич (1815–1881), граф, генерал-адъютант (1862), генерал от кавалерии (1878); с 1865 г. — попечитель при великом князе Александре Александровиче; член Государственного совета; брат В.А. и Л.А. Перовских 392, 393

Перовский Василий Алексеевич (1795–1857), граф, генерал-адъютант (1833), генерал от кавалерии (1843); в 1833–1857 гг. — оренбургский военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса; член Государственного совета; брат Б.А. и Л.А. Перовских 392

Перовский Лев Алексеевич (1792–1856), граф, генерал от инфантерии (1854), генерал-адъютант (1856), сенатор; с 1841 г. — министр внутренних дел, с 1852 г. — министр уделов и управляющий Кабинетом Е. И. В.; брат Б.А. и В.А. Перовских 392

Перот 64

Пётр I Великий (1672–1725), царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 360, 364

Пётр Вукотич, воевода, отец черногорской княгини Милены 325

Пётр Николаевич (1864–1931), великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (Старшего) 278

Петрусевич Николай Григорьевич (1839–1880), генерал-майор (1880); с 1870 г. служил в Средней Азии; в 1879 г. — начальник военного отдела Закаспийской области 248

Пещуров Алексей Алексеевич (1834–1891), вице-адмирал (1882); с июня 1880 г. по январь 1882 г. — управляющий Морским министерством, в 1882–1890 гг. — главный командир Черноморского флота и портов и военный губернатор г. Николаев, с 1886 г. — также главный командир Балтийского флота и портов; с 1890 г. — член Государственного совета 138, 209, 222, 383

Пещуров Михаил Алексеевич (1823–1894), тайный советник (1874); с 1868 г. — заведующий эмеритальной кассой морского ведомства; с 1892 г. — член Государственного совета 373

Пиллар фон Пильхау Анна Карловна (1832–1885), баронесса, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны 384

Пиллар фон Пильхау Нина Карловна, баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны 146, 347, 390

Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881), русский писатель 265

Платон (в миру — Городецкий Николай Иванович) (1803–1891), архиепископ Херсонский и Одесский, с 1882 г. — митрополит Киевский и Галицкий; член Святейшего Синода 382

Плюцинский Александр Фёдорович (1844–1900), генерал-лейтенант, военный инженер, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военный писатель 45

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), действительный тайный советник (1883), статс-секретарь (1894), сенатор (1868); юрист и литератор; с 1860 г. — профессор Московского университета; с 1865 г. — член Консультации при Министерстве юстиции, в 1880–1905 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода и член Комитета министров; член Государственного совета 138, 149, 159, 181, 190, 191, 253, 254, 256, 274, 283–285, 289,

290, 293, 295, 302, 309–311, 313, 314, 316–319, 321, 324, 330
Подтягин, камердинер императора Александра II 275
Покровский Пётр Евдокимович (1802–1888), протоиерей, духовный писатель, с 1871 г. — главный священник армии и флота 124
Ползиков, поручик, адъютант принца Александра Баттенбергского 257
Половцов Александр Александрович (1832–1909), действительный тайный советник (1885), статс-секретарь (1883), сенатор; с 1867 г. — обер-прокурор 1-го департамента Сената, в 1880 г. провел ревизию Киевской и Черниговской губерний с 1883 по 1892 г. — государственный секретарь; с 1892 г. — член Государственного совета 257
Понсэ Анна Евгеньевна (1857–?), дочь Е.М. Понсе, племянница Д.А. Милютина 227, 240, 346
Понсэ Евгений Михайлович, брат жены Д.А. Милютина 240
Понсэ Фредерика Михайловна, невестка Д.А. Милютина 369, 371
Попов Андрей Александрович (1821–1898), полный адмирал (1891), генерал-адъютант (1871); военно-морской деятель, кораблестроитель; с 1876 г. — член Адмиралтейств-совета; с 1880 г. — председатель Кораблестроительного отделения Морского технического комитета 101, 183
Посьет Константин Николаевич (1819–1899), адмирал (1882), генерал-адъютант (1866); в 1858–1871 гг. — воспитатель великого князя Алексея Александровича, в 1861–1863 гг. — командовал отрядом яхт, с 1869 г. — член Комитета морских учебных заведений, в 1870 г. — руководитель экспедиции к острову Новая Земля, в 1874–1888 гг. — министр путей сообщения; член Государственного совета 23, 39, 164, 198, 199, 203, 253, 283
Прахова Эмилия Львовна, урожденная Лестель, жена архитектора А.П. Прахова, внебрачная дочь сестры Д.А. Милютина — М.А. Мордвиновой 112
Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), генерал-майор (1886); путешественник, исследователь Центральной Азии 257, 258, 260
Притвиц Карл Карлович (1797–1881), барон, генерал от кавалерии, генерал-адъютант 164
Прокудии-Горский Михаил Николаевич, камергер 106
Прянишников Ипполит Петрович (1847–?), первый баритон Императорской русской оперы в Петербурге 45, 180, 349
Прянишниковы 349, 363
Пушкин Александ Сергеевич (1799–1837) 141
Пфейфер Николай Владимирович, генерал-майор, в 1881 г. — помощник начальника штаба Варшавского военного округа 251
Пьянков Иннокентий (1856–?), член организации «Черный передел» 147

Радецкий Фёдор Фёдорович (1820–1890), генерал от инфантерии (1877), генерал-адъютант (1878); с 1855 г. — начальник штаба командующего войсками в Прикаспийском крае, с 1859 г. — командир Дагестанского пехотного полка, с 1861 г. — начальник штаба войск Терской области, с 1865 г. последовательно командовал 38-й, 21-й и 9-й дивизиями, в 1877–1878 гг. — командир 8-го армейского корпуса, с 1881 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа, в 1888–1889 гг. — командующий войсками Киевского военного округа; с 1889 г. — член Государственного совета 391
Радзивилл Антоний (1833–1904), князь, генерал-адъютант германского императора Вильгельма I 82
Радовиц (von Radowitz) Иозеф Мария (1839–1912), германский дипломат 143, 144

Разгонов Николай Осипович, генерал, помощник начальника окружного штаба Туркестанского военного округа 22
Ралль Василий Фёдорович, генерал-лейтенант, член Военного совета 55
Рамберг, австрийский генерал 187
Раулинсон (Rawlinson) Генри (1810–1895), британский офицер, известный ориенталист, служивший с 1860 г. в Персии и выполнявший дипломатические поручения британского правительства 174, 175
Резвый Орест Павлович (1811–1904), генерал, с 1878 г. — управляющий кодификационным отделом при Военном совете, заведующий эмеритальной кассой военно-сухопутного ведомства 23
Рёйсс Генрих VII (1825–1906), принц, германский дипломат; с 1867 по 1876 г. — германский посол в России, с 1877 по 1878 г. — в Турции, с 1878 по 1894 г. — в Австрии 252, 254, 260, 262
Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890), граф (1890), действительный тайный советник (1870), статс-секретарь (1858); в 1862–1878 гг. — министр финансов, в 1881–1886 гг. — председатель Комитета министров; член Государственного совета 240, 316, 381, 383
Рерберг Пётр Фёдорович (1835–1912), генерал-лейтенант, начальник Кавказской гренадерской дивизии 264
Реуф-паша, турецкий генерал, в 1878 г. — военный и морской министр, с 1881 г. — посол в Петербурге 320
Ржевусский Адам Адамович (1801–1888), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Александровского комитета о раненых 164
Рибера, маркиз, испанский посол 286, 327
Ридезель (Riedesell), прусский офицер при Александре Баттенберге 169
Риза-паша, турецкий государственный деятель 232
Римский-Корсаков, адъютант великого князя Константина Николаевича 374
Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642), кардинал, французский государственный деятель 354, 358
Робертс (Roberts) Фредерик (1832–1914), британский генерал, в 1878–1880 гг. — начальник британского отряда в Афганистане 129
Роборовский Всеволод Иванович (1856–1910), подпоручик (1881); востоковед, путешественник, участник 3-й и 4-й экспедиций Н.М. Пржевальского в Центральную Азию 260
Розенбах Николай Оттонович, фон (1836–1901), генерал от инфантерии (1895), генерал-адъютант (1880); с января 1881 г. по 1884 г. — начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа 257
Розов Николай Игнатьевич (1820–1886), доктор медицины, с 1876 по 1884 г. — управляющий Медицинским департаментом Министерства внутренних дел 25
Романовский Юрий (Георгий) Максимилианович (1852–1912), герцог Лейхтенбергский, сын великой княгини Марии Николаевны и Максимилиана Евгения Иосифа Наполеона, герцога Лейхтенбергского 198
Рооп Христофор Христофорович (1831–1918), генерал-лейтенант (1871), впоследствии генерал от инфантерии (1885); в октябре–ноябре 1881 г. — член Особой комиссии для обсуждения вопросов, касающихся устройства центрального и высшего местного строевого управления в России; с 1890 г. — член Государственного совета 389, 391
Россель Одо (1829–1884), лорд, британский посол в Берлине с 1871 по 1884 г. 215
Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897), граф, полковник, впоследствии генерал-лейтенант (1891); в 1877–1882 гг. состоял при великом князе Николае Константиновиче 170

Рылеев Александр Михайлович (1830–1907), генерал-майор, генерал-адъютант; с 1864 по 1881 г. — комендант Императорской Главной квартиры 220, 224, 225, 298
Рысаков, член «Народной воли», один из убийц императора Александра II 272, 293, 299

Сабуров Андрей Александрович (1837–1916), действительный тайный советник (1898), статс-секретарь (1880), сенатор; в 1875–1880 гг. — попечитель Дерптского учебного округа, в 1880–1881 гг. — министр народного просвещения; член Государственного совета 189–191, 237, 238, 252–254, 256, 265, 266, 283, 293, 297, 302
Сабуров Пётр Александрович (1835–1918), действительный тайный советник (1901), сенатор (1884); с 1870 по 1879 г. — русский посол в Греции, с 1879 по 1884 г. — в Германии; член Государственного совета 62, 76, 77, 87–91, 93–100, 102–104, 106, 113, 114, 117, 119, 120, 122–124, 126, 139, 140, 142–147, 149, 150, 153, 154, 158, 160, 169, 170, 178–181, 187, 188, 190, 207, 215, 229, 232, 233, 245–247, 251, 252, 254, 260, 262, 268, 269, 273, 288, 292, 295, 335
Саид-паша Мехмед (1835–?), турецкий государственный деятель, в 1879–1880 гг. — председатель кабинета министров 229
Сакимуцу Янагивара, японский посол в России с 1880 г. 219, 221
Салтыков Александр Михайлович (1828–?), флигель-адъютант (1869), генерал-майор (1871), впоследствии генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1861 г. — производитель дел Военно-походной канцелярии 66
Салтыков (Щедрин) Михаил Евграфович (1826–1889), русский писатель 296, 374, 383, 392
Самарин Пётр Фёдорович (1830–1901) 177, 235
Свечин Александр Алексеевич (1823–?), генерал-лейтенант, генерал-адъютант, командир 10-го армейского корпуса 55, 225
Свечин Николай Иванович (1816–?), товарищ юности Д.А. Милютина 77
Свинкин Иван Осипович (1820–1889), адмирал, в 1878–1880 гг. — командир Бакинского порта 166
Свистунов Александр Павлович (1830–?), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; в 1867–1875 гг. — начальник штаба Кавказского военного округа, с 1875 по 1883 г. — начальник Терской области; адъютант великого князя Михаила Николаевича 193
Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1824–1899), князь, генерал от инфантерии (1873), генерал-адъютант (1864); с 1857 г. — командир Кабардинского полка, с 1858 г. — начальник Кумыкского округа, в 1861–1863 гг. — начальник Терской области, с 1863 по 1867 г. — кутаисский генерал-губернатор, в 1867–1875 г. — помощник главнокомандующего Кавказской армией, в 1875–1880 гг. — помощник кавказского наместника, в 1881–1882 г. — командующий войсками Харьковского военного округа и временный харьковский генерал-губернатор; с 1880 г. — член Государственного совета 166, 187, 257
Святополк-Мирский Николай Иванович (1833–1898), князь, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1874); с 1856 г. — адъютант командующего Отдельным Кавказским корпусом, с 1858 г. — командир 20-го стрелкового батальона, в 1861–1865 гг. — командир Тенгинского пехотного полка, в 1867–1874 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, с 1873 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии; с 1876 г. — начальник 9-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1881 г. —

наказной атаман войска Донского; член Государственного совета 314
Северцов Николай Алексеевич (1827–1885), зоолог, путешественник 131
Сеид Мухамед Рахим хан (1845–1910), хивинский хан с 1861 г. 170
Сеймур (Seymour) Фредерик-Бошая, лорд Олчестер (1825–1895), британский адмирал 229
Семека Владимир Саввич (1816–1897), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1856 г. — начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 1861 г. — командир 6-й пехотной дивизии, в 1870–1879 гг. — командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета 87, 88
Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; с 1872 г. на действительной военной службе; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сопровождал отца в действующую армию; в 1891–1905 гг. — московский генерал-губернатор; член Государственного совета 67, 144, 149, 193, 211, 220, 278, 309
Сеславин, воспитанник 3-й петербургской гимназии 141
Скворцов Николай Николаевич (1827–1895), генерал-лейтенант, в 1879 г. — окружной интендант Петербургского военного округа 72, 326
Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1878); участник Хивинского похода 1873 г. и подавления Кокандского восстания 1873–1876 гг., с 1876 г. — военный губернатор Ферганской области; в 1877–1878 гг. — состоял при штабе главнокомандующего, затем начальник штаба Сводной казачьей дивизией, командир Кавказской казачьей бригады во время второго штурма Плевны (июль 1877 г.); командир левого фланга русских войск во время третьего штурма Плевны (август 1877 г.); командир 16-й пехотной дивизии во время зимнего перехода через Балканы и сражения при Шипке-Шейново (февраль 1878 г.); в 1878–1880 гг. — командир корпуса, в 1880–1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения 142, 148, 160, 166, 167, 170, 211, 212, 248, 255, 259–261, 264, 265, 273, 340, 385, 386, 391
Скобелева Ольга Николаевна (1823–1880), урожденная Полтавцева, мать М.Д. Скобелева, в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — начальница болгарского отдела Русского общества Красного Креста 211
Соболев Леонид Николаевич (1844–1913), полковник Генерального штаба (1874), впоследствии генерал от инфантерии (1903); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., помощник князя В.А. Черкасского по управлению Болгарией, с ноября 1877 г. — правитель канцелярии заведующего гражданскими делами при главнокомандующем действующей армии, в 1882–1883 гг. — министр-президент и министр внутренних дел Болгарии 222, 340
Соловьёв Александр Константинович (1846–1879), член организации «Народная воля» 52, 53, 56, 68
Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ 303
Солсбери (Салисбюри) Роберт Сесиль (1830–1903), лорд, британский государственный деятель; с 1866 г. — министр по делам Индии, с 1868 г. — член Палаты лордов, с 1874 г. — министр по делам Индии, в 1876–1878 гг. — английский уполномоченный в Константинополе, в 1878–1880 гг. — министр иностранных дел Великобритании, в 1885, 1886–1892 и 1895–1902 гг. — премьер-министр; депутат Палаты общин от Консервативной партии 37, 39, 100

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), граф (1902), статс-секретарь (1864), действительный тайный советник (1878); в 1867–1878 гг. — государственный секретарь, в 1878–1889 гг. — государственный контролер, с 1889 г. — председатель Департамента законов Государственного совета, с 1893 г. — председатель Департамента экономии Государственного совета и Комитета финансов, в 1905–1906 гг. — председатель Государственного совета 28, 100, 112, 132, 187, 197, 198, 247, 258, 283, 381, 383

Софиано Леонид Петрович (1820–1908), генерал от артиллерии (1887), генерал-адъютант (1878); участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1878 г. — начальник артиллерии Кавказского военного округа, с 1881 г. — товарищ генерал-фельдцейхмейстера; член Государственного совета 391

Старицкий Егор Павлович (1825–1899), действительный тайный советник (1881), сенатор (1867); член Государственного совета 197, 258, 307, 315

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911), либеральный публицист, редактор журнала «Вестник Европы» 394

Стоилов Константин (1862–1901), болгарский политический деятель, в 1879 г. — секретарь князя Болгарского, позднее занимал различные министерские посты 60, 61, 173

Столетов Николай Григорьевич (1833–1912), генерал-майор (1875), впоследствии генерал от инфантерии (1898); в 1863–1866 гг. — начальник Закатальского военного округа, в 1867 г. — правитель канцелярии «военно-народного управления» Туркестанской области, в 1869 г. — начальник Красноводского отряда, в 1872–1877 гг. — последовательно командир 112-го пехотного Уральского полка и 1-й бригады 17-й пехотной дивизии, начальник Болгарского ополчения (с апреля 1877 г.), в 1878–1881 гг. служил в Главном штабе, в 1881–1886 гг. — командир 1-й стрелковой бригады, с 1886 г. — начальник 18-й пехотной дивизии, с 1893 г. — командир 15-го, с 1894 г. — 15-го армейского корпусов; с 1899 г. — член Военного совета 174, 175

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899), генерал от артиллерии (1883), генерал-адъютант (1878), обер-камергер (1897); с 1857 по 1862 г. — наказной атаман Уральского казачьего войска, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., комендант крепости Никополь, с января 1878 г. — г. Плевно, с августа 1878 г. по 1879 г. — генерал-губернатор Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, с 1879 г. — командир 9-го армейского корпуса, с 1886 по 1889 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1892 г. заведовал придворной частью в Москве 37, 45, 47, 63, 65, 73, 171–174

Стрельбицкий Иван Афанасьевич (1828–1900), генерал-лейтенант, картограф 163

Строганов Григорий Александрович (1824–1878), граф, шталмейстер, с 1853 г. муж великой княгини Марии Николаевны 32

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, член Государственного совета 164, 280–285

Струве Аманд Егорович (1835–1898), генерал-лейтенант (1896), военный инженер, предприниматель, основатель (1863) крупнейшего в России предприятия транспортного машиностроения (с 1872 г. — Акционерное общество Коломенского машиностроительного завода); с 1868 г. служил в Главном инженерном управлении Военного министерства, в 1885–1892 гг. в отставке 100, 103, 105–107, 234, 291

Струве Густав Егорович (1833–?) инженер, генерал-майор, заводчик, владелец Коломенского машиностроительного завода 106, 107
Стуарт (Стюарт) Дмитрий Фёдорович (1838–1902), барон, тайный советник; с 1876 г. — русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте, с 1879 г. — директор Государственного и Петербургского главного архива Министерства иностранных дел 30
Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Италийский, граф Рымникский, генерал от инфантерии (1859), генерал-адъютант (1846); в 1856–1860 гг. — рижский, в 1861–1866 гг. — петербургский генерал-губернатор, с 1866 г. — генерал-инспектор всей пехоты; член Государственного совета; внук полководца А.В. Суворова 164
Сумарокова-Эльстон Елена Сергеевна (1829–1901), графиня, урожденная Сумарокова, жена генерал-адъютанта графа Ф.Н. Сумарокова-Эльстона 349

Танеев Сергей Александрович (1821–1889), действительный тайный советник (1877), статс-секретарь (1862); с 1879 г. — член Государственного совета 297, 323
Тевфик-паша Мехмед (1852–1892), сын хедива Измаила-паши, египетский хедив с 1879 г. 70
Теплов, инженер 195
Тергукасов Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант; в 1877–1878 гг. начальник Эриванского отряда армии, действовавшей на кавказском театре военных действий; с 1879 г. — командующий войсками Закаспийской области; в 1881 г. — 2-го Кавказского армейского корпуса 80, 92, 95
Тесленко-Приходько Пётр Васильевич, революционер, арестованный в январе 1880 г. при захвате типографии «Черного передела» 147
Тизенгаузен Екатерина Фёдоровна (1803–1888), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны 241, 347, 349, 371, 377, 384, 390
Тимашев Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1859); с 1856 г. — начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1863–1866 гг. — и. д. казанского генерал-губернатора, в 1867–1868 гг. — министр почт и телеграфов, в 1868–1877 гг. — министр внутренних дел; член Государственного совета 182, 315, 316
Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), ученый, ботаник-физиолог 131
Тимлер, подполковник, товарищ военного министра Болгарии 151, 174
Тихменев Михаил Павлович (1834–1890) генерал-майор (1873); в 1878–1880 гг. — начальник штаба военного губернатора Приморской области, с 1880 по 1881 г. — военный губернатор и командующий войсками Приморской области Восточной Сибири 197
Титов Владимир Павлович (1807–1891), действительный тайный советник (1864); с 1865 г. — член Государственного совета, в 1882–1883 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета 341
Токвиль (Tocqueville) Алексис (1805–1859), французский историк и политический деятель 369
Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, действительный тайный советник (1872), гофмейстер (1861), сенатор (1861); в 1865–1880 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода, в 1866–1880 гг. — министр народного просвещения, с мая 1882 г. — министр внутренних дел; с 1882 г. — президент Петербургской Академии наук 36, 37,

40, 44, 127, 189, 190, 191, 193, 256, 266, 355, 356
Томсон (Thomson), британский посланник в Персии в 1879–1880 г. 140
Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), граф (1879), инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855); с 1859 г. — директор Инженерного департамента Военного министерства, в 1863–1877 гг. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части (фактический глава военно-инженерного ведомства), в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. руководил осадой Плевны; в апреле 1878 г. — январе 1879 г. — главнокомандующий действующей армией, с 1880 г. — виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа; член Государственного совета 26, 27, 32, 46–48, 53, 62, 68, 72, 87, 88, 99, 100, 107, 149, 173, 191–194, 197, 391
Трепов Фёдор Фёдорович (1809–1889), генерал от кавалерии (1878), генерал-адъютант (1867); в 1860–1861 г. — варшавский обер-полицмейстер, в 1863–1866 гг. — генерал-полицмейстер Царства Польского, в 1866–1873 гг. — петербургский обер-полицмейстер, в 1873–1878 гг. — петербургский градоначальник 25, 155, 296, 298
Тресков (von Tresckow), фон (1808–1885), генерал-адъютант германского императора Вильгельма I 187
Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892), московский купец, общественный деятель, меценат, коллекционер, основатель Третьяковской галереи; в 1876 г. исполнял обязанности старшины московского купечества, с 1877 по 1881 г. — московский городской голова 110
Тригони Михаил Николаевич (1850–1917), член организации «Народная воля» 274
Трубецкой Александр Васильевич (1813–1889), князь, генерал-майор, в 1868 г. — генеральный консул в портах Средиземного моря 50
Трубецкой Николай Николаевич (1837–?), князь, генерал-майор, с 1878 г. состоял для поручений при военном министре 344
Тугенгольд, полковник 177, 179
Туманов, князь, офицер Крымского дивизиона 349
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель 177, 185
Тухолка Лев Фёдорович (1841–1899), тайный советник, сенатор; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1880 г. — управляющий канцелярией харьковского генерал-губернатора 142
Тыкма-Сардар, туркменский военачальник в крепости Геок-Тепе 343
Тьер Лун-Адольф (1797–1877), французский политический деятель, с 1871 по 1873 г. — президент Французской республики 117, 323
Тэн (Taine) Ипполит (1828–1893), французский историк 369

Убри Павел Петрович (1818–1896), граф, действительный тайный советник (1875), камергер (1859); с 1858 г. — советник посольства в Париже, в 1863–1879 гг. — посол в Берлине, с 1879 по 1882 г. — посол в Австро-Венгрии; с 1882 г. — член Государственного совета 77, 88, 98, 103, 106, 113, 117, 140, 170, 214, 229, 230, 243, 246, 247
Увалиев, адъютант князя Болгарского Александра 159
Узатис И.И. (1852–1880), поручик саперного батальона, участник серботурецкой 1876 г. и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн, после Берлинского конгресса служил в войсках Восточной Румелии 211, 212
Унтербергер Павел Фридрихович (1842–1921), инженер-генерал (1906); в 1877–1878 гг. — председатель Иркутской временной военно-тюремной комиссии, с 1878 г. — заведую-

щий инженерной частью Восточно-Сибирского военного округа, в 1881 г. — исправляющий должность начальника инженеров округа, с 1888 по 1897 г. — военный губернатор 185

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, действительный тайный советник (1872), статс-секретарь (1862), камергер; с 1864 г. — товарищ обер-прокурора Св. Синода, с 1865 г. — государственный секретарь, в 1867–1881 гг. — главноуправляющий II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, с 1872 г. — председатель Департамента законов Государственного совета 144, 277, 279, 282–284, 309, 381, 382

Утин Евгений Исакович (1843–1894), либеральный публицист и адвокат 291

Уэйд (Wade) Томас, британский посланник в Китае с 1871 г. 209, 219

Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883), военный историк, писатель, публицист, генерал-майор; сотрудничал в газете «Московские ведомости», журналах «Весть», «Русский вестник» и «Русский мир» 110, 163

Фёдоров Александр Владимирович (1838–?), генерал-майор; в 1869–1875 гг. — командир Варшавского жандармского дивизиона, в 1875–1878 гг. — командир Петербургского жандармского дивизиона, в 1878–1880 гг. — помощник петербургского градоначальника А.Е. Зурова, в 1880–1881 гг. — петербургский градоначальник 285

Фельдман Фёдор Александрович (1835–1902), флигель-адъютант; с 1876 по 1881 г. — военный агент в Вене, с 1896 по 1900 г. — директор Императорского Александровского лицея 122, 244

Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894), действительный тайный советник (1881), статс-секретарь (1867); с 1861 по 1881 г. — главный военный прокурор и главный начальник военно-судного ведомства; член Государственного совета 52

Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г. 96, 97, 170, 221, 252, 262

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), барон, флигель-адъютант (1871), генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900), шталмейстер (1891); с 1875 по 1883 г. — командир лейб-гвардии Конного полка, с 1881 г. — командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1893 г. — помощник министра императорского двора и уделов, с 1898 по 1917 г. — министр императорского двора и уделов; член Государственного совета 47, 182, 296

Фредерикс Лев Александрович (1839–1914), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1863 по 1876 г. — адъютант военного министра Д.А. Милютина, с 1876 по 1899 г. — военный агент в Париже 120, 122

Фрейсинэ (Freycinet) Шарль Луи Солье, де (1828–1923), французский политический деятель, с 1879 по 1880 г. — председатель Совета министров и министр иностранных дел 167

Фридрих II (1712–1786), король прусский с 1740 г. 364

Фридрих-Вильгельм (1831–1888), кронпринц прусский, сын Вильгельма I, с 9 марта по 15 мая 1888 г. император германский Фридрих III 97, 203, 204, 206, 275, 286–288

Фридрих-Вильгельм III (1770–1840), король прусский с 1797 г. 81

Фридрих Вильгельм Николай (1827–?), брат великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II 24

Фридрих-Франц II (1823–1883), великий герцог Мекленбург-Шверинский с 1842 г. 21, 23, 24, 26

Фридрих-Франц III (1851–1897), великий герцог Мекленбург-Шверинский с 1883 г., муж великой княгини Анастасии Михайловны с 1879 г. 23, 181, 182, 277
Фукс Эдуард Яковлевич (1834–1909), сенатор, председатель суда над народовольцами 299

Халтурин Степан Николаевич (1856–1882), рабочий, революционер 155, 157
Хвощинский, капитан 344
Хитрово Михаил Александрович (1837–?), действительный статский советник; в 1879–1880 гг. — генеральный консул в Салониках 66
Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), славянофил, публицист 370
Хорошхин, полковник, военный историк 163
Христиан IX (1818–1906), датский король с 1863 г. 374
Христиан Фридрих Вильгельм (1843–1912), наследный принц датский 287

Цертелев Алексей Николаевич (1848–1883), князь; второй секретарь русского посольства в Константинополе, с мая 1876 г. — управляющий консульствами в Адрианополе и Филлипополе, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поступил на военную службу, ординарец М.Д. Скобелева, затем И.В. Гурко 63, 92, 214
Цзен (Tseng), маркиз, китайский посол в России с 1880 г. 216, 218, 219, 221, 223, 230, 232, 234, 236, 242, 243, 245, 246, 254, 264, 269
Цукерман Лазарь Иоселевич (1851–?), член организации «Народная воля» 143

Челищева Елизавета Алексеевна, урожденная Зеленая, сестра А.А. Зеленого 56
Черевин Пётр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант (1882), генерал-адъютант (1882); с 1876 по 1880 г. — командир Собственного Е. И. В. конвоя, с 1880 по 1883 г. — товарищ министра внутренних дел 198, 212, 265
Черепанов П.П., знакомый по Крыму семьи Д.А. Милютина 363
Черкасов Борис Иванович (1829–1901), генерал-контролер Дунайской армии в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 28
Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-лейтенант (1882); в 1864–1865 гг. — командир особого Западного отряда в Средней Азии, в 1865–1866 гг. — военный губернатор Туркестанской области, в 1859 г. командирован на Кавказ, в 1866–1867, 1875–1877, 1880–1881, 1886–1890 гг. — в отставке, с 1867 г. — в Генеральном штабе, в 1875–1876 гг. — редактор-издатель журнала «Русский мир», в 1876 г. — командующий Главной сербской армией, в 1882–1884 гг. — туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа; член Военного совета 32, 385
Чертков Григорий Иванович (1828–1884), генерал-лейтенант (1871), генерал-адъютант (1870); в 1874–1877 гг. — помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск, в 1877–1878 гг. — командир 2-й пехотной дивизии 391
Чертков Михаил Иванович (1829–1905), генерал от кавалерии (1883), генерал-адъютант (1869); в 1861 г. — воронежский военный губернатор, с 1864 по 1866 г. — волынский военный губернатор, в 1868–1873 гг. — наказной атаман Донского казачьего войска, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при Е. И. В. на театре военных действий, в 1879–1881 гг. — киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа, с 1901 по

1905 г. — варшавский генерал-губернатор; с 1881 г. — член Государственного совета 168, 257
Чирьев Сергей Иванович (1850–?), физиолог, в 1880 г. — профессор Николаевского военного госпиталя в Петербурге 179
Чун-Хоу, китайский посол в России с 1879 г. 92, 209, 219, 223

Шакир-паша, турецкий генерал, с 1879 г. по 1881 г. — посол Турции в России 22, 74, 76, 118, 271
Шанзи (Chanzy) Антуан Эжен Альфред (1823–1883), французский генерал, с 1879 по 1881 г. — французский посол в России 29, 34, 42, 45, 74, 76, 78, 131, 160, 167, 176, 206, 207, 218, 223, 224
Шахер (Schacher), французский промышленник 187
Шаховская Александра Павловна (1823–1903), княгиня, мать С.В. Шаховского 346
Шаховской Владимир Львович (1813–1881), князь, отец С.В. Шаховского 346
Шаховской Иван Фёдорович, князь, генерал-адъютант, начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с 1881 г. — начальник штаба Варшавского военного округа 80, 251
Шаховской Сергей Владимирович (1852–1894), князь, муж дочери Д.А. Милютина Елизаветы; с 1881 г. — черниговский, с 1885 г. — эстляндский губернатор 273, 342–344, 385
Швейниц Ганс-Лотарь (1822–1901), прусский генерал, с 1871 по 1876 г. — германский посол в Австрии, с 1876 по 1893 г. — в России 23, 74, 76, 143, 178, 218, 286
Шепелев Александр Александрович (1841–1887), флигель-адъютант, полковник Генерального штаба; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., губернатор Филиппополя, делегат России на международной конференции по устройству Восточной Румелии 65, 91, 92, 108, 113, 122–124, 148–151, 154, 173–175, 291, 329
Шербюлье (Cherbuliez) Виктор (1829–1899), французский писатель 367
Шернваль-Валлен Эмилий Карлович (1806–1890), барон, тайный советник; с 1854 г. — чиновник особых поручений при финляндском генерал-губернаторе, с 1857 г. — товарищ министра-статс-секретаря Великого княжества Финляндского, с 1875 по 1881 г. — министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского 141, 267, 268, 301
Шильдер Николай Карлович (1842–1902), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1879 по 1885 г. — директор гатчинского Николаевского сиротского института, с 1886 г. — директор Николаевского инженерного училища, с 1899 г. — директор Императорской Публичной библиотеки; историк, автор ряда трудов по истории России 163
Шипов, флигель-адъютант 257
Шир-Али-хан (1825–1879), сын Дост-Мохаммеда, эмир афганский с 1869 г. 22, 32, 175, 215
Шмидт Адольф, чиновник Оттоманского банка и директор финансового комитета международной европейской комиссии в Восточной Румелии 37
Шпейер Алексей Николаевич (1854–?), действительный статский советник, с 1878 по 1884 г. — консул в Цетинье 241
Штаден Николай Евстафьевнч (1815–1892), генерал-лейтенант, позднее генерал от артиллерии; участник русско-турецкой вины 1877–1878 гг.; с 1878 по 1880 г. — начальник артиллерии Одесского военного округа 174
Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), граф, генерал-адъютант; с 1867 по 1874 г. — начальник штаба гвардии и войск Петербургского военного округа, участник русско-турецкой войны

1877–1878 гг., с 1885 по 1894 г. — посол в Берлине 45, 53, 55, 168, 391
Шувалов Пётр Андреевич (1827–1889), граф, генерал от кавалерии (1872), генерал-адъютант (1866); в 1857–1860 гг. — петербургский обер-полицмейстер, с 1860 г. — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, в 1864–1866 гг. — рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1866–1874 гг. — шеф Корпуса жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1874–1879 гг. — посол в Лондоне; член Государственного совета 22, 28, 29, 38–42, 44–48, 54, 55, 62, 77, 101, 120–122, 124, 287, 289, 290, 330, 354–356, 358, 360–362

Эккардт (Eckardt) Юлиус (1836–?), немецкий писатель 367
Эклон Фёдор Леонтьевич, прапорщик, участник 3-й экспедиции И.М. Пржевальского в Центральную Азию 260
Эрдман Густав Фёдорович, контр-адмирал, в 1878–1880 гг. — военный губернатор Приморской области Восточной Сибири и командующий Сибирской флотилией и портами Восточного океана 185
Эрнрот Казимир Петрович, русский генерал, с 1880 по 1881 г. — военный министр Болгарии, в 1881 г. — министр-президент 173–177, 207, 257, 258, 286–288, 322, 335
Эюб-хан, сын афганского эмира Шир-Али-хана, наместник Герата с 1879 по 1880 г. 215

Юрьевская, княгиня, см. *Долгорукая* Е.М.

Яблочков Павел Николаевич (1847–1894), инженер, изобретатель и ученый 195
Якимович Александр Алексеевич (1829–1903), генерал-лейтенант; с 1868 г. — помощник начальника, в 1881–1884 гг. — начальник канцелярии Военного министерства, член Военного совета 391
Якобсон Александр Арнольдович, статский советник, с 1878 по 1880 г. — консул в Яссах 30
Якуб-хан (1849–?), сын Шир-Али-хана, эмир Афганистана с 1879 г. 88

Anargyro Chrysula, см. *Анаргиро* Х.

Baker, см. *Бекер-паша*
Bechtolsheim, см. *Бехтольсгейм*
Bleichroeder, см. *Блейхредер* Г.
Brandt, см. *Брандт*
Burrow, см. *Барроу*
Busch, см. *Буш* Ю.Г.М.

Cavagnari, см. *Каваньяри* П.Л.Н.
Chanzy, см. *Шанзи* А.Э.А.
Cherbuliez, см. *Шербюлье* В.
Crookes, см. *Крукс* У.

Decauville, см. *Дековиль* П.
Differin, см. *Дефферин* Ф.
Dufaure, см. *Дюфор* Ж.А.С.

Eckardt, см. *Эккардт* Ю.

Freycinet, см. *Фрейсинэ* Ш.Л.С., де

Gaillard, см. *Гальяр*
Grewy, см. *Греви* Ф.П.Ж.

Howe, см. Гау

Kallay, см. *Каллай* В.
Khevenhuller, см. *Кевенгюллер*
Koehne, von, см. *Кёне* Б.В.

Lauer, см. *Лауэр* Г.
Lehndorf, см. *Лендорф* Г.
Leroy-Beaulieu, см. *Леруа-Больё* А.

Pallavicini, см. *Паллавичини*

Radowitz, von, см. *Радовиц* И.М.
Rawlinson, см. *Раулинсон* Г.

Riedesell, см. *Ридезель*
Roberts, см. *Робертс* Ф.

Schacher, см. *Шахер*

Taine, см. *Тэн* И.

Thomson, см. *Томсон*
Tocqueville, см. *Токвиль* А.
Tresckow, von, см. *Тресков*
Tseng, см. *Цзен*

Wade, см. *Уэйд* Т.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия 23, 42, 46, 48, 59, 61, 70, 73, 74, 78, 84, 85, 94, 96, 104, 114, 120, 122, 142, 147, 150, 158, 160, 168, 170, 178, 185, 187, 213, 214, 220, 226, 227, 229, 230–234, 236, 241, 260, 262, 268, 288, 295, 322, 335, 368, 369
Австро-Венгрия 96, 214, 221, 229, 234, 251, 295, 368, 369
Азия 76, 159, 167, 168, 174, 259; см. также *Малая Азия*, *Средняя Азия*
Албания 189, 193
Александрия (дворцово-парковый ансамбль в Петергофе) 348
Александрово, ж-д. станция (Петербургско-Варшавская железная дорога) 80, 81, 82, 89, 93, 104
Александровск 225
Александрополь, г. 23
Алжир 64
Алупка 91, 370, 382, 390
Алушта 347
Америка 236
Амударья, р. 23, 106, 107, 124, 170, 183
Амурский край 392
Англия (Великобритания) 22, 34, 35, 37, 38, 41, 42, 46–49, 59, 61, 69, 70, 73, 76, 84, 85, 88, 101, 102, 107, 114, 120, 121, 133, 137, 140, 145, 150, 160, 164, 167, 169, 175, 176, 181–183, 186, 188, 195, 207, 210, 212, 125, 220, 226, 230–232, 234, 236, 240, 241, 262, 266, 269, 304, 369
Араб-Табия, укрепление под Карсом 30, 32, 163, 184, 185
Аральское море 106, 107,
Астраханская губерния 25, 52
Афганистан (Авганистан) 22, 88, 91, 96, 118, 122, 124, 129, 175, 183, 195, 215, 224 260
Афины, г. 62, 76, 125, 134
Африка, см. *Южная Африка*
Ахульго, крепость 393
Ашхабад, г. 261

Бадахшан 149
Баден-Баден (Баден) 90, 97, 112
Балканский полуостров 38, 48, 61, 83–85, 114, 188, 193, 195, 214, 229, 262, 269
Балканы, горы 42, 46, 47, 48, 49, 59, 60, 231
Балтийское море 120
Батум (Батуми), г. 23
Безика, бухта 101
Берлин, г. 26, 28, 30, 31, 60, 65, 66, 67, 77, 88, 91, 97,102–104, 106, 113, 120, 123, 139, 143, 150, 154, 169, 178, 180, 181, 187, 190, 207, 229, 230–233, 245, 251, 252, 255, 260, 268, 269, 276, 288, 295, 361, 362
Берн 295
Бессарабия 84, 120, 240
Беурме, аул в Туркмении 95
Биарриц, г. 222
Болгария 21, 25, 27, 31, 32, 37, 40, 47, 48, 54–56, 59, 62, 63, 63, 72, 73, 83, 91, 92, 100, 105, 106, 110, 113, 123, 149–151, 153, 162, 172, 173, 175, 176, 184, 207, 211, 229, 234, 257, 260, 322, 322, 329, 335; см. также *Восточная Болгария*, *Северная Болгария*
Болгария Южная, см. *Восточная Румелия*
Большая Нева, р. 43
Босния 84, 335
Босфор, пролив 26, 41, 96, 102, 107, 119, 126, 233, 262
Брест-Литовск (Брест), г. 86
Бриндизи 70
Бургас, г. 42, 45, 46, 73
Бухара, г. 92
Бухарест, г. 28, 30, 103, 177

Варна, г. 59,70, 72
Варцин 102, 103, 122, 126
Варшава, г. 60, 65, 75, 77–79, 81, 82, 86, 191–194, 197, 332
Великобритания, см. *Англия*
Вена, г. 26, 28, 30, 31, 48, 55, 59, 65, 94, 96, 98, 103, 104, 110, 113, 122, 140, 142, 154, 170, 187, 212, 214, 229, 231, 243, 246, 260, 291, 322, 329, 304, 369
Ветлянская, станица 34
Вильна, ныне г. Вильнюс (Литва) 78, 191–195, 197
Висла, р. 251
Владивосток, г. 182, 186
Владикавказ, г. 23
Внутренняя Азия, см. *Средняя Азия*
Волга, р. 21, 24, 25, 28, 30, 52, 379
Восточная Болгария 259
Восточная Румелия (Румелия, Южная Болгария) 27, 37–42, 45–49, 54, 55, 59, 63, 65, 69, 72, 73, 83, 92, 94, 98, 207, 212, 228
Восточная Сибирь 177, 185, 392

Галиция 78
Гапсаль 221, 223, 350
Гатчина 68, 137, 144, 296, 301, 303, 304, 306, 308, 310, 311, 316, 318–323, 325, 327, 330, 336, 337, 341, 343, 348, 390
Гаштейн 82, 170
Геок-Тепе, укр. 91, 248, 255, 258–260, 273
Герат, г. 131, 140, 195, 215
Германия 60, 61, 69, 70, 73, 74, 82–85, 87, 88, 90, 93–97, 102, 104, 106, 117, 119–122, 125, 126, 141–143, 145, 147, 150, 158, 168–170, 178, 179, 181, 187, 188, 204–206, 212, 214, 220, 225, 230, 231, 233, 234, 236, 241, 247, 252, 288, 295, 368
Герцеговина 335
Гиндукуш 22, 183
Греция 89, 208, 213, 229, 232, 235, 266
Гродно, г. 78, 122, 181, 187
Гусинья 108, 114, 118, 142
Гутуевский, о. 50

Данциг, ныне г. Гдыня (Польша) 374
Дарданеллы, пролив 26, 41, 96, 102, 119, 233
Джульфа 23
Динабург, ныне г. Даугавпилс (Латвия) 78
Добруджа 25, 30, 76, 105
Доз-Олун 160
Дон, р. 382
Дрезден, г. 125
Дубно 265
Дульцинья 226, 229, 231–233, 236, 241, 242
Дунай, р. 28, 70, 83, 100, 103, 105, 106, 229

Европа 26–28, 31, 32, 48, 57, 69, 74, 84, 85, 95, 100, 101, 103, 117, 132, 179, 180, 183, 186, 188, 196, 206, 208, 210, 212–214, 223, 228–233, 235, 236, 241, 242, 247, 257, 260, 268, 278, 281, 282, 319, 321, 369, 370
Европейская Турция 27
Египет 41, 70

Закаспийская степь 145, 260
Закаспийский край 25, 26, 93, 95, 148, 159, 160, 162, 166–169, 248, 259, 262, 264, 336, 340, 383
Залив Ольги 182
Западная Сибирь 38, 52, 55, 177
Западный край 383

Илийская область (Илийский край) 38, 221, 236, 246
Иркутск, г. 179, 185
Ирландия 122
Италия 45, 70, 75, 143, 212, 214, 230, 231, 241, 379
Ихтиман 42

Кабул, г. 22, 88, 96, 120, 129, 174, 175, 212, 215
Кавказ 22, 23, 80, 95, 101, 148, 193, 207, 221, 305–307, 310, 315, 316, 321, 324, 326, 328, 329, 370, 379, 392, 393
Казань, г. 192
Кандагар 215
Канн, г. 95, 120, 139, 141, 143, 393
Капская область (Капская колония) 260, 266
Караурган 78, 190
Карс, г. 23
Карыз 92
Кейданы, г. 195
Кёльн, г. 143
Киев, г. 193, 257, 265

Кизил-Арват (Кизыл-Арват) 160, 167
Киссинген, г. 76
Китай 38, 70, 92, 157, 173, 182, 185, 186, 209, 218, 219, 223, 231, 236, 238, 242, 245, 255, 257, 264, 269
Кобург, г. 220
Ковно, ныне г. Каунас (Литва) 122, 181, 187
Коломна, г. 106
Колпино 224
Константинополь (Царьград), г. 25, 26, 28–30, 41, 47, 59, 61–65, 69, 70, 90, 91, 98, 100, 101, 103, 107, 108, 110, 113, 147, 177, 186, 189, 210, 228, 230, 266, 269, 304
Кореис (Кореиз) 347, 349, 371
Кострома, г. 21, 35
Краков, г. 221, 251
Красноводск, г. 160, 167
Красное Село (Красное) 74, 75, 209, 210, 217
Кронштадт, г. 49–50, 159, 208
Крым 34, 47, 54, 67, 69, 73–75, 78, 80, 89, 109, 120, 123, 221, 228, 270, 310, 330. 339, 343, 344, 376, 379
Кульджа 38, 70, 73, 246
Кундуз 149

Ливадия 35, 54, 55–57, 59, 60, 61, 63–67, 87–93, 85, 101, 103, 105, 108, 109, 150, 183, 201, 220, 224–228, 231–237, 239, 240, 241, 252, 256, 262, 339, 347, 383,
Лиман 390
Лисино, с. Царскосельского у. Петербургской губ. 160
Лондон, г. 38, 39, 42, 47, 48, 59, 62, 65, 78, 100, 101, 113, 120, 122, 131, 133, 153, 175, 183, 211, 276, 287, 295
Лотарингия 145, 150

Мадрид, г. 123, 200
Македония 23, 67, 229
Малая Азия 85, 101, 107, 184
Манчестер, г. 100
Марсель, г. 50
Массандра 227, 372
Мелитополь 108
Мелитопольский у. 108
Мерв, г. 131, 140,
Мойка, р. 152,
Москва, г. 52, 53, 68, 109, 110, 149, 163, 225, 265, 346, 372, 395
Мраморное море 41, 107
Музартский горный перевал 221, 231
Мшатка, имение в Таврической губ. 377

Нева, р. 43, 100, 194, 277, 320
Нижний Новгород (Нижний), г. 71, 128, 192, 394
Ниш, г. 291
Новобазарский санджак 61, 335
Новочеркасск, г. 382

Одесса, г. 52, 53, 61, 62, 72, 87, 88, 100, 149, 173, 191–194, 197, 240, 257, 370, 372
Озерки, с. Петербургского у. и губ. 68
Омск, г. 149, 179
Оренбург, г. 106,
Оренбургская губерния 381
Осовец 122, 181, 187
Оттоманская империя, см. *Турция*

Павловск 120, 209
Парголово, с. Петербургского у. и губ. 68
Париж, г. 120, 122, 124, 180, 212, 231, 276, 287, 295, 302, 392
Пекин, г. 38, 91, 157,173
Перемышль, г. 251
Персия 88, 140, 195, 216, 219, 223, 230, 232, 246, 255, 269, 340,
Петербург, см. *Санкт-Петербург*
Петергоф 374
Петровск 23
Пирот 291
Плава 108, 142
Плевна (Плевен), г. 116, 180, 242
Поволжье 192
Подгорица, г. 25–27, 29
Польша, см. *Царство Польское*
Порта, см. *Турция*
Прага, г. 142
Прибалтийский край 205, 206, 383
Приморская область 182, 185–188, 197, 208
Пруссия 76, 93, 104, 142, 178, 384
Прут, р. 28

Рига 382
Рим, г. 98

Родопские горы 45, 48
Ропша 217, 218
Россия (Российская империя) 22, 27–29, 32, 38, 46, 57, 61, 69, 70, 76, 80, 82–85, 87, 93–96, 100, 101, 103, 104, 107, 114, 118–122, 124–126, 142, 143, 147, 150, 157, 162, 163, 169, 170, 178–180, 182, 187, 190, 192, 195, 204–206, 208–210, 212–214, 221–223, 226, 229, 231–233, 239, 240, 251, 262, 270, 281–284, 287, 290, 294, 304, 306, 315, 319, 321, 326, 329, 349, 358, 360–362, 364, 365–367, 370, 376, 384, 394
Румелия, см. *Восточная Румелия*
Румыния 28, 73, 83, 105, 173, 177, 178, 184, 187, 235, 244
Рущук 291

Саксония 142
Салоники, г. 269
Санкт-Петербург, г. 22, 29, 31, 34, 35, 39, 44, 50, 52–55, 59, 61, 63–69, 72, 77–79, 86, 96, 97, 99, 100, 102, 107, 108, 110, 111, 113, 117, 120, 122, 123, 133, 139, 141, 143, 144, 147, 149, 154, 155, 157, 158, 161, 164, 169, 173, 178, 181, 185, 197, 198, 201, 207–209, 217, 220, 221, 223, 224, 227, 230, 232, 234, 236, 240–242, 258, 262, 265, 286, 300, 304–306, 309, 310, 318–321, 326, 336, 343, 345–349, 363, 368, 369, 376, 377, 379, 382, 383, 385, 392, 393, 394–395
Севастополь, г. 68, 91, 99, 225, 226, 240, 379, 382
Северная Болгария 49
Сербия 72, 84, 214, 229
Сибирь, см. *Восточная Сибирь*, *Западная Сибирь*
Силистрия (Силистра), г. 25, 30, 32, 100, 103, 105, 184
Симеис (Симеиз) 55, 60, 61, 64–67, 88–92, 101, 105, 106, 108, 226, 227, 233, 237, 240, 241, 346, 347, 349, 353, 368–371, 374, 377, 383, 388
Симферополь, г. 59, 108, 109, 225, 241, 346, 363, 369
Сирия 101, 213
Систово, г. 234
Сливно, г. 37, 63, 65
Слуцк, г. 165
Смирна, г. 231, 233
София, г. 31, 32, 72, 92, 100, 108, 122, 124, 149, 287, 288, 291, 344
Спуж, г. 25, 26, 29
Средняя Азия 96, 107, 133, 134, 257
Старая Сербия 84
Сырдарья, р. 106, 107

Ташкент, г. 32, 50, 106, 107, 124, 126, 149
Ташкисен 128, 129
Тверь, г. 170
Тегеран, г. 25, 71, 92, 140, 141, 157
Текес, р. 221, 223, 231
Текинский оазис 25, 260, 261
Тифлис, ныне г. Тбилиси (Грузия) 23, 95, 141, 197, 297, 393
Тихий океан 182, 208, 209
Туркестанский край (Туркестан) 37, 50, 91, 177
Турция (Порта, Оттоманская империя) 26, 27, 37, 41, 45–47, 49, 55. 59, 61, 63, 65, 69, 83–85, 92, 96, 101, 107, 108, 177, 188, 189, 193, 196, 208, 210, 212–214, 218, 220, 228–233, 236, 240, 241, 266, 268; см. также *Европейская Турция*
Тырново (Велико-Тырново), г. 32, 33, 47, 54, 72, 234
Тянь-Шань, горный хребет 38

Уфимская губерния 381

Филиппополь, ныне г. Пловдив (Болгария) 32, 59, 65, 211
Финляндия 267, 268, 301, 324
Франция 34, 41, 69, 70, 75, 85, 90, 120, 131, 143, 147, 150, 178, 179, 180, 187, 213–215, 220, 223, 227, 229–231, 236, 241, 295, 369
Фридрихсруэ (Фридрихсру), имение близ г. Гамбург (Германия) 229

Харьков, г. 52, 53, 158, 225, 257
Хаскиой, г. 63
Херсонес 88

Царское Село (Царское) 68, 69, 71–78, 111, 117, 197, 198, 200, 201, 207–209, 211–213, 218–221, 223, 344
Царство Польское (Польша) 69, 142, 143, 191, 192, 340, 341

Царьград, см. *Константинополь*
Цетинье, г. 229, 241

Чат, укр. 80, 160
Черногория 66, 69, 72, 75, 76, 83, 113, 213, 214, 226, 229, 345
Чёрное море 41, 101, 114, 119, 126, 150, 233, 262
Чикишляр, с. и укр. Красноводского у. Закаспийской обл. 95, 138, 141
Чирпан 63
Чугуев 225

Швейцария 34, 287, 295
Шипка 180
Штутгарт, г. 211

Эгейское море 84, 214
Эльзас 145, 150
Эпир, историческая область 189
Эривань, г. 23

Югенгейм 73, 93, 95
Южная Африка 260

Ялта, г. 56, 59, 62, 65, 68, 88, 91, 98, 108, 177, 233, 347, 379
Ямполь 37

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Граф М.Т. Лорис-Меликов
Великий князь Вячеслав Константинович
А.Р. Дрентельн
Б.Г. Глинка-Маврин
А.К. Соловьев
А.Д. Градовский
Князь А.Б. Лобанов-Ростовский
Великая княгиня Мария Павловна
М. П. фон Кауфман
Э. фон Мантейфель
Император Вильгельм I
П.А. Сабуров
Князь О. фон Бисмарк
Князь А.М. Горчаков
Н.К. Гирс
Принц П.Г. Ольденбургский
Граф П.А. Шувалов
А.И. Нелидов
П.А. Валуев
Барон В.К. Ливен
Князь Александр Баттенбергский
Принц Александр Гессенский
Граф Д.А. Толстой
П.П. Альбединский
Лорд Гренвиль
К.Н. Посьет
Императрица Мария Александровна
Германский кронпринц Фридрих-Вильгельм в окружении своей семьи
В. Гладстон

Великий князь Николай Николаевич
Светлейшая княгиня Е.М. Юрьевская
Александр II
Ливадийский дворец
А.А. Сабуров
А.А. Абаза
Е.А. Перетц
Н.В. Исаков
М.Д. Скобелев
А.А. Баранцов
М.Н. Анненков
Император Александр II в гробу
К.П. Победоносцев
Л.С. Маков
Н.М. Баранов
А.М. Рылеев
А.И. Желябов
С.Л. Перовская
Великий князь Михаил Николаевич
Вид на Гатчинский дворец
Домовая церковь Гатчинского дворца
Великий князь Владимир Александрович
Граф Н.П. Игнатьев
Император Александр III в кругу семьи
П.С. Ванновский
Граф А.В. Адлерберг
Письменный стол Д.А. Милютина в Симеизе
Дворец в Ореанде после пожара
Великий князь Константин Николаевич
Н.Н. Обручев
Архиепископ Платон (Городецкий)
Граф Б.А. Перовский
А.П. Заблоцкий-Десятовский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Захарова
Предисловие
5
От редактора
17

1879-й год
19

1880-й год
135

1881-й год
249

КОММЕНТАРИИ
397

ПРИЛОЖЕНИЯ
489

Приложение I
Д.А. Милютин. Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве. 1879 г.
491

Приложение II
Переписка, относящаяся к переговорам относительно союза Германии с Австрией: [Из книги: Bismark: Some secret pages of his history, by D-r Morits Busch. Vol. III. London, 1898. C. 257–289]
505

Приложение III
Д.А. Милютин. По поводу упреков германского правительства в том, что Россия действует неприязненно. Ливадия. Ноябрь 1879 г.
528

Приложение IV
Д.А. Милютин. Мысль о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи. 5 октября 1880 г.
532

Приложение V
Записка А.А. Сабурова — Д.А. Милютина. 21 октября 1880 г.
536
Приложение VI
Д.А. Милютин. Мысли, набросанные на случай нового совещания (конспект речи). Апрель 1881 г.
540
Приложение VII
Из письма великого князя Константина Николаевича к А.В. Головнину. 3 сентября 1881 г.
545

УКАЗАТЕЛИ
547
Указатель имен
549
Указатель географических названий
590
Список иллюстраций
595
Список сокращений
597

Дмитрий Алексеевич
Милютин

ДНЕВНИК
1879–1881

Редактор *А. А. Комзолова*
Корректоры *А. А. Берсенева, Л. С. Новоселова-Чурсина*
Художественное оформление *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *В. Г. Верхозин*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.12.2009
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 37,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 1025

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14